

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

4 (42)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2013

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*, д.и.н. *А. А. Масленников*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулешкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2013
© Магнитогорский государственный университет, 2013
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2013

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2013

И. Е. Суриков

«ГЕЛЛЕСПОНТ БУРНОТЕЧНЫЙ»

(Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории)*

В данной статье речь идет прежде всего об истории Геллеспонта, о его «вписанности» в рамки исторических событий и процессов античности. Особенно интересны вопросы, связанные с контролем над проливом. Кто и когда такой контроль осуществлял, или пытался осуществить, или боролся за него; какими методами это делали, какими целями и мотивами руководствовались — такого рода проблемы будут вкратце рассмотрены ниже.

Ключевые слова: Геллеспонт, Эгеида, проливы, торговые пути, колонизация, войны, Афины

Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал...
А. С. Пушкин

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит...
М. Ю. Лермонтов

Ниже — дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,
Голубая бездна — Геллеспонт.
И. А. Бунин

Как видно уже из вышеприведенных эпиграфов (их число при желании легко можно было бы увеличить), Геллеспонт — нередкий «гость» даже и в русской классической литературе. Причем упоминают о проливе в том числе и те ее пред-

Суриков Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: isurikov@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 08-01-00080a «Великие проливы древней ойкумены: историко-географический, религиозно-мифологический, политико-экономический аспекты».

ставители, которые никогда его не видели (в отличие от Бунина, Пушкин и Лермонтов не бывали в этих местах).

Подозреваем, что дело здесь прежде всего в чарующе красивом названии интересующего нас пролива — Ἑλλάσποντος, «море Геллы». Миф о Гелле, Фриксе и златорунном баране относится к числу весьма архаичных. Очевидно, нет причин сомневаться в том, что данная этимология, в античности считавшаяся единственной и никем не оспаривавшаяся, соответствует действительности. Так считали, например, Я. Фриск и П. Шантрен — авторы лучших этимологических словарей древнегреческого языка¹. В более старой литературе, правда, можно встретить мнение о том, что перед нами *etymologia vulgaris*, а на самом деле нужно искать каких-то иных объяснений происхождению топонима. Например, авторы статьи о Геллеспонте в энциклопедии Паули–Виссова предлагают вспомнить о глаголе ἄλλομαι «скакать», «прыгать», в некоторых (поздних) контекстах «течь»²; из того же исходит словарь греческих имен собственных Папе–Бензелера, где Ἑλλάσποντος переводится как «струящееся, скачущее море»³. Однако подобные альтернативные гипотезы представляются чрезмерно гиперкритическими, а главное — избыточными ввиду наличия вполне правдоподобной основной этимологии, в которой нет ничего такого, что позволяло бы заподозрить ее неподлинность.

Итак, Геллеспонт. Вначале — несколько слов самого общего характера. Пролив, о котором здесь пойдет речь, является одним из интегральных элементов системы Черноморских проливов и во всем разделял историческую судьбу этой зоны. Геллеспонт (ныне Дарданеллы) в силу совокупности ряда природных и антропогенных факторов играл колоссальное геостратегическое значение на самых разных этапах человеческой истории, в том числе и в эпоху античности⁴. Осознаваясь как естественная граница между Европой и Азией, он неоднократно служил местом для переправы крупных воинских континентов как с востока на запад (поход Ксеркса в 480 г. до н.э.), так и с запада на восток (начало экспедиции Александра Македонского в 334 г. до н.э.). В то же время Геллеспонт всегда служил и важной контактной зоной для обитавших в его регионе этносов, а также входил в состав важнейшего торгового пути, соединявшего Средиземноморье с бассейном Понта Евксинского⁵. Вполне естественно, что этот пролив оказался как бы окружен ореолом мифов и преданий, занял весьма важное место в греческой легендарной традиции — от глубокой древности (упоминавшийся миф о Гелле и Фриксе) до относительно позднего времени (известная легенда о Геро и Леандре).

Уже в III–II тыс. до н.э. территории, прилегающие к Геллеспонту, стали ареалом значительной цивилизационной активности, в связи с чем прежде всего следует вспомнить о Трое и борьбе микенских греков за овладение ею (Троянская война). Регион Геллеспонта хорошо отражен уже в древнейшем античном нарративе — гомеровских поэмах; это связано с тем, что даже в период «Темных веков» этот регион оставался одним из островков культурного континуитета (поздняя Троя, возможно, Скеписис). Новый и очень мощный импульс развитию зоны Гелле-

¹ Frisk 1960, 500; Chantraine 1970, 341.

² Büchner, Oberhammer 1913, 182.

³ Pape 1911, 352.

⁴ Miltner 1935; Данов 1942/1943.

⁵ Condurachi 1960.

спонта придало колониционное движение архаической эпохи, в ходе которого на побережье пролива возник целый ряд новых греческих полисов. Большую активность при выведении этих апоекий проявили Милет, Лесбос; но особенно важно, что именно район Геллеспонта (Сигей, Элеунт) стал первым местом проявления экспансионистских притязаний крепнущего Афинского государства (уже с конца VII в. до н.э.). Весьма своеобразным потестарным образованием стала тирания афинского рода Филаидов на Херсонесе Фракийском в VI в. до н.э. В классическую эпоху, в ходе греко-персидских войн, зона Геллеспонта была окончательно осознана как сфера интересов и влияния Афин и заняла важное место в системе Афинской архэ. Это было обусловлено прежде всего стремлением афинского полиса удерживать контроль над «хлебным путем» из Причерноморья (учреждение коллегии геллеспонтотфилаков). Геллеспонт стал местом нескольких важных сражений Пелопоннесской войны, в том числе фатальной для афинян битвы при Эгоспотамах (405 г. до н.э.). В IV в. до н.э. пролив и прилегающие территории стали предметом интенсивной борьбы между несколькими «центрами силы», принадлежавшими как к греческому, так и варварскому миру. Эта тенденция продолжилась и упрочилась в эпоху эллинизма, что подчеркивает и подтверждает большое значение Геллеспонта в античной греческой истории. Вся перечисленная проблематика будет с той или иной степенью подробности освещена ниже, по ходу статьи.

* * *

Как упоминалось выше, Геллеспонт фигурирует уже в «Илиаде», причем многократно, что и не удивительно: ведь действие первой древнегреческой поэмы разворачивается близ его берегов (и это само по себе показательно для оценки роли пролива в истории античного греческого мира).

Упоминания Геллеспонта в «Илиаде» часто сопровождаются набором определенных эпитетов и в совокупности с ними порождают устойчивые формулы, употреблением которых, как известно, вообще отличается эпический стиль. Одну из таких формул в переводе Гнедича мы вынесли в заголовок данной работы — «Геллеспонт бурнотечный» (греч. ἀγάρροος, буквально «чрезмерно сильно текущий», от ἄγαν и ῥέω; см. Ном. II. II. 845; XII. 30). Среди других подобных эпитетов — πλατύς «широкий» (Ном. II. VII. 86; XVII. 432), ἀπέιρων «бесконечный» (Ном. II. XXIV. 545), ἰχθυόεις «обильный рыбой» (Ном. II. IX. 360).

Таким образом, уже у Гомера намечаются и подчеркиваются некоторые базовые характеристики пролива, представлявшиеся, видимо, наиболее важными. И если такие характеристики, как «бурнотечный» и «обильный рыбой», вполне ясны, то определение достаточно узкого Геллеспонта как «широкого» и «бесконечного» может вызвать некоторое удивление. Но дело в том, что уже в «Илиаде» прослеживается тенденция, получающая дальнейшее развитие в нарративных памятниках последующих эпох, — параллельно пользоваться понятием «Геллеспонт» в узком и широком смысле. В первом случае понимался собственно пролив, на современных картах обозначаемый как Дарданеллы, во втором же — не только он сам, но также акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида — полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский).

Ясно, что в тех случаях, когда Геллеспонт характеризуется Гомером как «бурнотечный», имеется в виду Дарданелльский пролив, а когда речь идет о «широком» и «бесконечном» Геллеспонте — перед нами расширительное употребление топонима⁶. Это последнее, наряду с узко-конкретным, продолжает существовать довольно долго, во всяком случае, встречается еще в классическую эпоху. Вполне типично, например, следующее словоупотребление Геродота (VI. 33): «А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий». Легко заметить, что здесь в Геллеспонт оказываются включенными вся Пропонтида и по крайней мере южная часть Боспора. Аналогично в перечне «тиранов геллеспонтийцев» (Herod. IV. 138), в число которых включены Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия. Здесь, как видим, названы в числе прочих правители городов на Пропонтиде и Боспоре (но парадоксальным образом в списке отсутствует Мильтиад из Херсонеса, который появляется в качестве «полководца и тирана херсонесцев, что на Геллеспонте», в том же эпизоде, но в ином контексте — Herod. IV. 137). Однако у того же Геродота в другом месте (V. 122) мы парадоксальным образом встречаем и иное понимание топонима: в ходе подавления Ионийского восстания Гимей, один из персидских военачальников, «оставил Пропонтиду, повел свое войско в Геллеспонт и захватил все эолийские города в Илионской области». Здесь Геллеспонт и Пропонтида четко отделяются друг от друга.

Можно вспомнить еще и о том, что в Афинской архэ V в. до н.э. границы Геллеспонтского податного округа были определены исходя именно из максимально широкой трактовки понятия «Геллеспонт». В округ включались не только полисы на берегах пролива как такового, но и, например, с одной стороны, остров Тенедос на северо-востоке Эгейды, с другой — Кизик, Византий и др. В этих своих пределах Геллеспонт оказывается по сути тождественен зоне Черноморских проливов в целом.

Но особенно показательным следующее рассуждение Страбона (VII. fr. 57): «Относительно названия “Геллеспонт” нет общего согласия, но по этому поводу высказано несколько мнений. Действительно, одни называют Геллеспонтом всю Пропонтиду, другие же — только часть Пропонтиды по эту сторону Перинфа. Третьи прибавляют еще к Геллеспонту часть Внешнего моря, обращенную к Меланскому заливу и к открытым водам Эгейского моря; при этом одни из них применяют одно деление, другие — другое: так, одни прибавляют сюда еще пространство от Сигея до Лампсака и Кизика или же Парий и Приап; а один писатель добавляет даже пространство от Сигрия на острове Лесбосе. Наконец, некоторые без колебаний считают Геллеспонтом даже всё пространство открытого моря до Миртойского моря... Таким образом, они хотят всё Эгейское море до Фермейского залива и Фессалийского и Македонского морей называть Геллеспонтом». Как видим, относительно разногласий здесь всё сказано исчерпывающим образом.

⁶ Не убеждает альтернативное объяснение, предлагаемое Афинеем (II. 41b), согласно которому Геллеспонт в «Илиаде» назван широким потому, что «ключевые воды Гомер отличает от широких».

Но мы в дальнейшем изложении, разумеется, будем рассматривать только Геллеспонт в узком смысле слова, то есть Дарданеллы. Прежде всего приведем некоторые важнейшие физико-географические данные.

Пролив, отделяющий Европу от Азии, ориентирован, так сказать, диагонально по отношению к сетке меридианов и параллелей. На юго-западе он выходит в Эгейское море, на северо-востоке — в Мраморное море (Пропонтиду).

Длина пролива — около 65 км. Его обычная ширина — 5–6 км, но местами встречаются теснины, в которых пролив суживается до полутора-двух километров. Античные авторы единодушно считали, что самое узкое место Геллеспонта лежит между Сестом и Абидосом, однако по современным данным это не так. Как выяснено, еще уже пролив у местечка Чанак-Келеси, несколько южнее. Там его ширина всего лишь 1220 м, в то время как у Сеста и Абидоса — 1950 м. Максимальная глубина Геллеспонта — 104 м, она находится в его юго-западной части, как раз в самом узком месте (что вполне закономерно); средняя же глубина составляет 46 м.

По геологическим данным, Геллеспонт вместе со всей системой Черноморских проливов возник в результате прорыва ранее существовавшей сухопутной перемычки водами Черного моря, уровень которого повысился из-за обилия пресной воды, приносимой питающими его великими европейскими реками⁷. Этот последний процесс, естественно, продолжается и по сей день, и определяемый им черноморский гидрологический режим оказывает непосредственное влияние на некоторые специфические особенности черноморских проливов, в том числе и Геллеспонта. Так, вода в нем менее соленая и более прохладная, нежели в Эгеиде (Athen. VII. 317f).

Но главным следствием разницы в уровне Черного и Средиземного морей является, естественно, наличие в Геллеспонте довольно сильного течения⁸, направленного с северо-востока на юго-запад (средняя скорость 2,8 км/ч, но в теснинах увеличивается до 8 км/ч и более). На протяжении античной эпохи это течение являлось серьезной помехой для плавания по направлению к Пропонтиде, да и просто для переправы через пролив. Страбон (XIII. 591) рассказывает: «...Переправиться из Сеста легче, проплыв небольшое расстояние к башне Геро, и оттуда, пустив суда свободно, переправляться, так как течение помогает переправе. Напротив, те, кто совершает переправу из Абидоса, должны сначала плыть 8 стадиев в противоположном направлении к башне против Сеста, а затем переправляться вкось, держась не совсем против течения». Прием, хорошо известный каждому, кому доводилось переправляться через быстрые реки. В целом мы бы взяли на себя смелость констатировать, что, хотя Геллеспонт, безусловно, является морским проливом, но всё же имеет и некоторые характеристики, сближающие его с реками (имеем в виду короткие полноводные реки, соединяющие крупные водные

⁷ Данное мнение высказывалось уже в античности, причем, что интересно, перипатетиком Стратоном Лампсакским, уроженцем геллеспонтского региона, вне сомнения, хорошо знавшим свою «малую родину»: «Стратон высказывает мнение, что Евксинский Понт прежде не имел выхода у Византия, но реки, впадающие в Понт, прорвали и открыли проход и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт» (Strab. I. 49). Точка зрения Стратона была поддержана и таким авторитетом, как Эратосфен. Из этого, разумеется, ни в коей мере не следует заключать, что прорыв произошел на памяти греков. В IV тыс. до н.э. пролив уже существовал.

⁸ Graham 1982, 118.

бассейны, — такие, как, например, Нева). Представляется возможным даже пользоваться при описании Геллеспонта такими категориями, как «исток» и «устье».

Заметим здесь кстати, что, по сообщению Стефана Византийского (s.v. Βορυσθένης), Геллеспонт в древности («до Геллы») назывался Борисфеном. Если это не какая-нибудь путаница, то данный пассаж отражает представление, согласно которому Черноморские проливы являются продолжением Днепра после того, как он проходит через Понт Евксинский.

Как можно заключить из вышеприведенного пассажа Страбона, основное течение в Геллеспonte держалось ближе к его азиатскому берегу. Наряду с этим основным течением отмечается также наличие встречного течения из Эгейского моря, которое, впрочем, гораздо слабее. Лишь весьма редко, в порядке исключения, в осеннюю пору, когда поступление речной воды в Черное море минимально, основное течение может ослабевать до такой степени, что встречное становится преобладающим.

Роза ветров в регионе следующая: в целом в течение года наиболее часты северо-восточные ветры. Зимой могут превалировать северные, что, кстати, приводит к падению уровня воды в проливе на 37 см. Напротив, в случаях, когда долго дуют ветры с юга и юго-запада, вода поднимается.

Что касается берегов Геллеспонта, то с европейской стороны на него на всем его протяжении выходит узкий и длинный полуостров Херсонес Фракийский, соединенный с материком перешейком. Разумеется, с этого берега в пролив не впадает сколько-нибудь крупных рек; даже самая значительная и известная из них — Эгоспотамы — представляет собой скорее ручей. С азиатской же стороны Геллеспонт омывает побережье Трояды. Рек здесь тоже мало; в их числе выделяется прославленный еще Гомером Скамандр, впадающий в море близ устья Геллеспонта. В целом прибрежные регионы пролива описываются как довольно плодородные.

Говоря о природных условиях Геллеспонта, нельзя не отметить его рыбные богатства, которые неоднократно засвидетельствованы источниками (например: Athen. I. 9d, 27e; IV. 157b; VII. 319b). Существовала даже вполне прозрачная по смыслу поговорка «везти рыбу в Геллеспонт» (ἰχθὺν εἰς Ἑλλήσποντον, Arr. prov. III. 32). В целом водная фауна пролива из-за охарактеризованной выше специфики гидрологического режима имела отличия от животного мира Эгеиды и Средиземноморья, в некоторых отношениях — в сторону большей скудости. Так, Теофраст (fr. 173 Wimmer, ap. Athen. VII. 317f) пишет, что «на Геллеспonte осьминоги не водятся, ибо море это холодное и малосоленое, а осьминоги не переносят ни того, ни другого». С другой стороны, тот же Афиней (III. 105a, d) указывает, что на Геллеспonte водятся омары. Отмечается также и специфика флоры в регионе, обусловленная, вне сомнения, климатическими условиями. Ср.: «Гегесандр Дельфийский пишет, что на Геллеспonte ни трюфель не водится, ни горбыль, ни даже тимьян. Потому-то Навсиклид и сказал, что не найдешь там ни весны, ни товарища» (Athen. II. 62d).

К сожалению, для Геллеспонта мы не имеем такого источника, каким для соседнего Боспора Фракийского является труд Дионисия Византийского, где местность описывается с максимальной детальностью, вплоть до микропонимов. В античности, правда, имелось и аналогичное сочинение, специально посвящен-

ное Геллеспонт, но оно утрачено. Имеем в виду трактат «Описание Геллеспонта» (Περίοδος Ἑλλησποντιακή) Менекрата Элейского (ссылка: Strab. XII. 550–551), который обозначен как ученик Ксенократа и, стало быть, жил в IV в. до н.э.

А теперь приведем некоторые наиболее важные сохранившиеся античные нарративные свидетельства о Геллеспонте, в которых даются сведения общего характера.

Herod. IV. 85: «Пропонтида же (шириной 500 стадиев, а длиной 1400) впадает в Геллеспонт; ширина его в самом узком месте 7, а длина 400 стадиев. Впадает Геллеспонт в открытое море, называемое Эгейским».

Thuc. VIII. 106. 1: «Афиняне захватили лишь небольшое количество кораблей противника, так как при узости Геллеспонта у врагов всегда была возможность найти где-нибудь поблизости убежище для своих кораблей».

Xen. Hell. IV. 8. 5: «...Сест, расположенный как раз против Абидоса и отстоящий от него не более чем на восемь стадиев».

Demosth. XIX. 180: «...Никто не мог бы указать двух более важных для нашего государства мест на свете, чем Пилы на суше и чем Геллеспонт на море».

Polyb. XVI. 29: «Долго распространяться об удобствах местоположения городов Абидоса и Сеста я нахожу излишним, так как все сколько-нибудь значительные историки писали о них; до того эти удобства и выгоды замечательны. Зато напомнить читателям главные черты местоположения этих городов и через то остановить внимание на них, по-моему, не бесполезно... Впрочем, для оценки особенностей поименованных выше городов важен не столько самый вид местностей, ими занимаемых, сколько ниже следующие сопоставления и сравнения, именно: если из того моря, которое одни называют Океаном, другие Атлантическим, нельзя проникнуть в наше море иначе, как через ворота у Геракловых Столбов, то из нашего моря нельзя пройти в Пропонтиду и в Понт иначе, как не вошедши в пролив между Сестом и Абидосом. При образовании двух проливов судьба как будто наблюдала известное соотношение, сделав путь у Геракловых Столбов во много раз шире Геллеспонтского, так: первый имеет ширины шестьдесят стадиев, а второй у Абидоса два стадия (очевидная и грубая ошибка! — *И.С.*) потому, можно подумать, что наружное море во много раз больше нашего. Однако проход у Абидоса удобнее того, что у Геракловых Столбов, ибо имеет поселения по обеим сторонам, благодаря чему образует подобие ворот для взаимных сношений между берегами; то мост перекидывают через него, если предпочитают перейти посуху с одного материка на другой, то по нему непрерывно снуют суда... Что касается города абидян, то его с двух сторон замыкают мысы Европы и он имеет гавань, в которой могут укрыться от всякого ветра стоящие на якоре корабли. Пристать же к городу где-либо в другом месте помимо гавани невозможно, ибо в проливе господствует сильное стремительное течение».

Strab. II. 124: «Вдоль Херсонеса лежит пролив шириной в 7 стадиев, около Сеста и Абидоса; через него Эгейское море и Геллеспонт вытекают на север в другое море, которое называется Пропонтидой».

Strab. XIII. 591: «Абидос... лежит в устье Пропонтиды и Геллеспонта на одинаковом расстоянии от Лампсака и от Илиона, приблизительно в 170 стадиях. Здесь находится 7-стадиевый пролив, отделяющий Азию от Европы, через который Ксеркс построил мост. Оконечность Европы, образующая узкий пролив

около места перемычки, называется по ее форме Херсонесом. Место перемычки находится против Абидоса».

Эта довольно разнородная сводка (в ней очевидным образом выделяется своей особенно информативностью свидетельство Полибия) никоим образом не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей, и цель ее — скорее иллюстративная, чем аргументативная. О подробностях и нюансах речь пойдет далее, а пока составим главные акценты, обозначим наиболее принципиальные факторы, определявшие историческую роль Геллеспонта.

Выше уже отмечалось, что эта местность (как и регион Черноморских проливов в целом) являла собой важную контактную зону. При этом подчеркнем два, так сказать, измерения «феномена» Геллеспонта. С одной стороны, он путь; с другой — граница, препятствие.

Путем пролив был для тех народов и обществ, в среде которых было в достаточной мере развито мореплавание. Приходится говорить именно об определенном уровне его развития, ибо наличие довольно быстрого течения не позволяло двигаться по Геллеспонту в северо-восточном направлении совсем уж примитивным плавсредствам. Впрочем, в литературе указывается, что Геллеспонт все-таки легче было преодолевать, чем Боспор Фракийский: при том, что объем воды, поступающий, через оба пролива, одинаков, Геллеспонт примерно вдвое шире⁹. Поскольку у греков начиная с архаической эпохи мореходство и кораблестроение бурно развивались, геллеспонтское течение рано перестало быть для них серьезной помехой, непроходимым барьером для проникновения в Понт, а тем более — в Пропонтиду¹⁰.

Препятствием же Геллеспонт оказывался для народов и обществ, которые в большей степени являлись сухопутными. Из одного из вышеприведенных пассажей Страбона видно, что даже одиночные переправы через пролив были сопряжены с определенными трудностями. Что уж говорить о тех случаях, когда через него приходилось переводить большие массы людей! Мероприятие Ксеркса по постройке моста через Геллеспонт¹¹ во время его похода на Элладу в 480 г. до н.э. поразило впечатление современников (ср. Herod. VII. 33–36 — рассказ одновременно информативный и эмоциональный) именно потому, что на их глазах совершалось нечто действительно невиданное. Еще несколько веков спустя Ликофрон писал о Ксерксе:

Но не уступит мать Эпиметеева¹²,
 На место всех гиганта одного пошлет,
 Персея поросль: он пройдет и по морю,
 Как по пути сухому, и по тверди он
 На веслах поплывет...

(Lycophr. Alex. 1412 sqq.)

Здесь в метафорической форме говорится о двух деяниях персидского царя — постройке моста через Геллеспонт и прорытии канала через Афонский перешеек.

⁹ Carpenter 1948, 5.

¹⁰ Graham 1982, 118.

¹¹ См. об этой акции наиболее подробно: Hammond, Roseman 1996.

¹² Азия. Речь идет об извечной борьбе Азии и Европы.

Переpravляться через пролив из Европы в Азию было, согласно тому же Страбону, легче, чем из Азии в Европу. Опять же, что относится к отдельным лицам, то должно быть применимо и к массовым передвижениям. Поэтому закономерно, что в античной истории известны случаи успешного переселения целых этнических групп (фракийских племен, галатов) через Геллеспонт (или, во всяком случае, через Черноморские проливы), причем именно в азиатском направлении. Переселения же такого рода в противоположную сторону вроде бы не припоминаются.

Здесь необходимо сказать о вещи, которая, возможно, покажется банальностью, но тем не менее должна быть упомянута. Как известно, само выделение Европы и Азии в качестве двух разных частей света не имеет абсолютно никакого географического основания (они ни в каком отношении не являют собой отдельных материков), а исключительно основание культурно-историческое. Есть, в сущности, только одно место, где это представление могло зародиться, то есть такое место, из которого Европа и Азия могут восприниматься как два отделенных друг от друга массива суши. И это именно регион Балканского и Малоазийского полуостровов, которые как бы разрезает цепочка водных бассейнов разной ширины: Эгеида, Геллеспонт, Пропонтида, Боспор, Понт. В свете сказанного вполне естественно, что понятие о Европе и Азии впервые зародилось у античных эллинов; а зона Черноморских проливов в рамках данной комплексной мифологемы, живущей и поныне, воспринималась, как точка, в которой две части света, два мира ближе всего сходятся с другом, почти соединяются, но все-таки не сливаются.

В сравнении с двумя вышеуказанными факторами — Геллеспонт как путь и Геллеспонт как граница — все остальные имевшие место факторы (характер земель на побережьях пролива, рыбные богатства и т.д.) должны считаться имеющими заведомо второстепенный, дополнительный характер.

* * *

Поскольку в данной статье речь пойдет прежде всего об истории Геллеспонта, о его «вписанности» в рамки исторических событий и процессов античности, то нас в наибольшей степени будут интересовать вопросы, связанные с контролем над проливом. Кто и когда такой контроль осуществлял, или пытался осуществить, или боролся за него; какими методами это делали, какими целями и мотивами руководствовались — такого рода проблемы будут вкратце рассмотрены ниже.

Согласно археологическим данным, район Геллеспонта был населен уже в IV тыс. до н.э.¹³ А в следующем тысячелетии там уже возникают крупные центры ранних эгейских культур бронзового века, среди которых следует упомянуть, например, поселение на так называемом «холме Протесиляя» близ Элеунта на Херсонесе Фракийском, но в первую очередь, конечно же, Трою.

Поразительная долговечность этого древнего города¹⁴, неоднократно в течение III–II тыс. до н.э. разрушавшегося, но вновь и вновь возрождавшегося на том же самом месте, на наш взгляд, стоит в прямой связи с его географическим по-

¹³ Mansel 1966, 1011.

¹⁴ В связи с местом Трои в системе эгейских культур бронзового века см. краткую, но яркую и емкую характеристику: Андреев 1995, 104–105.

ложением в преддверии Геллеспонта, у самого начала этого морского пути. Равным образом, в связи с этим географическим положением и проистекающими из него выгодами следует трактовать и крупнейший вооруженный конфликт в Эгее — Троянскую войну. Если античная традиция приписывала этому столкновению чисто мифологические причины (похищение Елены, желание Зевса уменьшить количество людей и т.п.), в действительности, конечно же, необходимо учитывать прежде всего вышеназванный геостратегический фактор: контроль над входом в пролив.

Разумеется, в связи с Троей, Троянской войной и всей этой проблематикой в мировой науке неоднократно высказывались в той или иной мере скептические или даже нигилистические точки зрения. Достаточно припомнить о нашумевшем выступлении такого выдающегося антиковеда, как М. Финли, пафосом которого было отрицание историчности Троянской войны¹⁵. Однако в любом случае невозможно отрицать сам факт неоднократных разрушений на троянском городище, который со всей очевидностью указывает, что регион уже в рассматриваемую эпоху являлся предметом самого пристального интереса со стороны различных сил, иначе не было бы и конфликтов.

Если же говорить о более мягких формах скептицизма, то, например, Р. Карпентер утверждал, что в III–II тыс. до н.э. плавание по Геллеспонту было еще невозможно; именно потому и процветала Троя, находившаяся не непосредственно на побережье, а несколько в глубине материка, что из-за недоступности морского пути купцам приходилось пользоваться сухопутным¹⁶.

По этому поводу можно сказать следующее. Крупные поселения бронзового века вообще крайне редко возникали непосредственно на побережье. Жители стремились к большей безопасности от нападений, которые часто приходили с моря, и поэтому обосновывались, как правило, в некотором отдалении от берега, избирая в качестве места обитания какой-нибудь холм, служивший естественной цитаделью. Сама же Троя — яркий пример именно такой модели.

Вряд ли стоит отрицать возможность проникновения из Эгейского моря в Черное через проливы уже во II тыс. до н.э.¹⁷ Ведь есть же, несомненно, некое историческое ядро в древнем мифе о плавании аргонавтов в Колхиду. Разумеется, в ту далекую эпоху подобные плавания осуществлялись редко, были сопряжены со значительными трудностями и даже опасностями, тоже отразившимися в мифе. Однако препятствия преодолевались.

Обратим внимание еще и на то, что миф об аргонавтах — сложное, комплексное построение (как все наиболее важные греческие мифы), в котором каждый элемент имеет определенное структурное значение. В частности, представляется неслучайной следующая деталь: когда золоторунный баран нес Фрикса и Геллу в Колхиду, девушка упала именно в пролив, получивший ее имя. Аргонавты шли за золотым руном по пути Фрикса, и место, где утонула Гелла, должно было служить для них ориентиром, подтверждением того, что они избрали верный маршрут.

Подчеркнем: собственно, о Гелле миф не сообщает вообще ничего, кроме факта ее гибели. Ее мифологический образ, таким образом, не имеет самостоятельно-

¹⁵ Finley 1964.

¹⁶ Carpenter 1948, 6. Poleмику с рядом положений статьи Карпентера см.: Labaree 1957.

¹⁷ Roebuck 1959, 116.

го значения и получает смысл только в общем контексте цикла мифов о золотом руне и аргонавтах. Из этого, как нам представляется, можно сделать достаточно надежный вывод, что существование топонима Геллеспонт — «море Геллы» — с необходимостью предполагает данный цикл мифов, уже сложившийся на тот момент, а, соответственно, знакомство греков с некоторыми понтийскими областями. Топоним же, как отмечалось выше, фигурирует уже у Гомера, то есть с самого начала античной нарративной традиции. Поскольку трудно предположить, что освоение плавания по проливу произошло в «Темные века» (менее подходящий период для подобных предприятий трудно представить), то остается только относить это событие к микенской эпохе.

Можно ли сказать со всей определенностью, что на протяжении бронзового века Геллеспонт контролировался Троей и хозяева города, кем бы они ни были, тем самым становились хозяевами пролива? Пожалуй, такое суждение будет слишком категоричным, и для него в нашем распоряжении недостаточно позитивных данных (учитывая общую довольно скудную информированность ученых о рассматриваемом времени). И всё же, повторим, вряд ли есть какое-то более убедительное объяснение конфликтов вокруг Трои (в том числе той же Троянской войны), чем борьба за обладание этим путем.

Впрочем, ахейцы, разрушив Трою, все-таки и сами не смогли закрепиться в регионе. Причиной тому было, безусловно, вскоре происшедшее крушение их цивилизации (сложный вопрос о причинах этого крушения здесь, понятно, рассматриваться не будет).

В гомеровском эпосе ситуация в регионе обрисована следующим образом:

Но фракиян предводил Акамас и воинственный Пирос
Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.

(Hom. II. II. 844–845)

В этих строках отразилась уже новая этнополитическая обстановка, характерная не для микенской эпохи, а для времени после Троянской войны. Известно, что в это время происходит массовое переселение с Северных Балкан в Малую Азию ряда народов фракийской группы — фригийцев, мисийцев, вифинов¹⁸. Переход осуществлялся, разумеется, через Черноморские проливы, следовательно, в том числе и через Геллеспонт. Точнее, говорить, конечно, нужно не о едином переходе, а о периоде миграций, в ходе которого существенно изменялась этническая карта Анатолийского полуострова. В частности, область по малоазийскому берегу интересующего нас пролива стала с тех пор называться Малой, или Геллеспонтской Фригией (чтобы отличать от Великой Фригии).

В результате фракийские племена теперь расселялись по обоим побережьям Геллеспонта¹⁹, и, следовательно, именно они держали теперь пролив под своим контролем (насколько можно вообще говорить о реальном контроле применительно к тем смутным временам).

Относительно самой Трои был недавно сделан важный вывод. Если ранее считалось, что после разрушения троянского поселения бронзового века (Троя VIIb2) и вплоть до появления эолийской колонии (Троя VIII) в VIII в. до н.э. место

¹⁸ Немировский 1998; 1999; Габелко 2005, 55 слл.

¹⁹ Akurgal 1956, 16.

несколько веков пустовало, то теперь, как подчеркивает Дж.Н. Колдстрим²⁰, «от этого взгляда приходится отказаться». Какая-то жизнь, пусть и не слишком интенсивная, в Трое теплилась всё это время.

Другим поселением, продолжавшим на протяжении «Темных веков» существовать в Троеде, судя по всему, был Скепис. Согласно античной традиции, основан он был троянцами после разрушения их города. Упоминаются в связи с этим имена Энея, его сына Аскания, а в некоторых ветвях традиции — также сына Гектора Скамандрия (Астианакта), который в этом варианте мифа, в отличие от основного, не был умерщвлен ахейцами при взятии Трои.

Не следует отвергать эти свидетельства как поздние и неаутентичные. Они прекрасно коррелируют с пассажем максимально ранним — из Гомера, у которого встречается следующее пророчество:

Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться.

(Hom. II. XX. 307–308)

Перед нами типичное *vaticinium post eventum*, уместное лишь в том случае, если во времена складывания «Илиады» в Троеде действительно властвовала (или, по крайней мере, занимала влиятельное положение) династия, возводившая свое происхождение к Энею. Последний, согласно более распространенной легенде, осел в Лации. Но, по справедливому замечанию А.А. Немировского, «на выживании и великих дальнейших свершениях Энея настаивает вся античная традиция, независимо от локализации этих свершений и представлений о дальнейшей судьбе Трои»²¹.

Скепис часто считают эолийским поселением, возникшим в VIII в. до н.э. Однако нет серьезных причин датировать его основание столь поздним временем, игнорируя данные письменных источников. Археология здесь мало чем может помочь, поскольку остатки поселения были уничтожены турками около 1800 г. Впрочем, Скепис, строго говоря, не геллеспонтский город — он лежит несколько в глубине материка.

Как бы то ни было, всё сказанное в известной мере относится к области предположений. Более или менее ясная картина ситуации в регионе Геллеспонта начинает вырисовываться в VIII–VII вв. до н.э., то есть в период великого колониционного движения греков.

Приведем меткое замечание Э. Грэйема²²: в силу ряда факторов (близость к Балканской Греции, климатические условия) регион Черноморских проливов был, казалось бы, территорией, почти идеально подходящей для колонизации. Тем не менее реальное освоение эллинами этих земель шло достаточно медленно и далеко не столь «взрывообразно», как, например, колонизация Южной Италии и Сицилии, а позднее — побережий Боспора Киммерийского. Грэйем видит в этом подтверждение принципа, согласно которому маршруты греческого колониционного движения определялись в большей степени политическими, а не географическими факторами.

²⁰ Coldstream 2003, 381.

²¹ Немировский 1999, 62, прим. 6.

²² Graham 1982, 118.

Приведем вначале сводку обстоятельств основания важнейших городов на Геллеспонте (в алфавитном порядке)²³, чтобы затем, сопоставляя эти данные, можно было сделать наблюдения о характере процесса.

Рис. 1. Геллеспонт с примыкающей частью Эгейского моря

Абидос: «был основан милетянами с разрешения лидийского царя Гигеса, ибо эта местность и вся Троада были ему подвластны» (Strab. XIII. 590). Таким образом, метрополия города указана *expressis verbis*, равным образом дана и достаточно точная датировка: Гигес стал царем Лидии в первой половине 660-х гг. до н.э., а погиб около 645–643 гг. до н.э.²⁴ Причем резоннее относить рассматриваемое событие ко второй половине его правления, нежели к первой, ибо вряд ли Гигес овладел Троадой моментально после своего прихода к власти. Таким образом, датирование основания Абидоса серединой VII в. до н.э. видимо, будет наиболее взвешенным. Интересно, что Абидос тем не менее упоминается у Гомера (II. II. 836 — вместе с Сестом; II. XVII. 584), и данный факт — лишнее свидетельство о том, насколько всё не просто с хронологией гомеровского эпоса, насколько легко встретить в нем интерполяции, сделанные позже VIII в. до н.э. — времени, когда, как традиционно считается, поэмы в основном обрели свой облик²⁵.

²³ Сводка базируется в основном на следующих исследованиях: Roebuck 1959, 109 ff.; Bérard 1960, 95 ss.; Graham 1982, 119 f., 160 ff.; Ehrhardt 1983, 32 ff.; Isaac 1986, 159 ff.; Tsvetkova 2000.

²⁴ Грантовский 1998, 157–158.

²⁵ Впрочем, не столь давно была высказана точка зрения, согласно которой «Илиада» написана в Афинах в эпоху Солона (Sauge 2000). Подобная идея, высказанная в столь категоричной форме, безусловно, являет собой досадную крайность. Тем не менее хорошо известно, что в Афинах и при Солоне, и при Писистрате велась работа над гомеровским эпосом, подразумевавшая в том числе и

Алопеконнес: «эолийский град» (Ps.-Scymn. 706). По выкладкам Б. Айзека²⁶, был основан эолийцами с Лесбоса и из Кимы до середины VI в. до н.э. Город, строго говоря, нельзя считать вполне геллеспонтским, так как он лежит на западном берегу Херсонеса Фракийского. Однако ввиду большой узости этого полуострова на нем, в общем-то, не было поселений, которые находились бы вне всякой связи с проливом. Демосфен утверждает (XXIII. 166), что «Алопеконнес... был всегда нашим (афинским — *И.С.*) владением». Но он, говоря «всегда», имеет в виду, условно, период, начинающийся с тех пор, как Херсонесом овладел Мильтиад.

Кардия: основана Милетом и Клазоменами, позже имело место повторное основание афинянами, в период правления Мильтиада на Херсонесе Фракийском (Ps.-Scymn. 699–702). Что же касается первого основания (а здесь нас интересует именно оно), нигде в источниках не обозначено его время, и датировать событие более точно, чем периодом Великой греческой колонизации, не представляется возможным. В связи с географическим положением Кардии (расположенной не на самом Геллеспонте, но неподалеку от него, на узком перешейке) см. то, что было сказано выше в связи с Алопеконнесом. О важном стратегическом положении города на Херсонесе Фракийском ср. также: Demosth. XXIII. 181–182.

Колоны: колония милетян (Strab. XIII. 589). Время основания неизвестно. Колоны и соседний Пес находились между Лампсаком и Парием.

Лампсак: основан фокейцами, как авторитетно свидетельствует ряд источников, в том числе уроженец города, один из первых античных историков Харон Лампсакский (FGrHist. 262. F7). В качестве даты основания в литературе фигурирует 654 г. до н.э.²⁷ Об обстоятельствах основания известно мало достоверного; нам представляется возможным, что они были такими же, как у Абидоса или, во всяком случае, схожими. Правда, согласно легенде об основании Лампсака²⁸, город будто бы был назван в честь туземной правительницы Лампсаки²⁹, которая помогла колонистам-фокейцам обосноваться на новом месте. Однако перед нами достаточно спорный с точки зрения исторической достоверности эпизод; позволительно считать эту легенду образчиком ложной народной этимологии. Возможно, впрочем, что название города — догреческое, и, следовательно, до появления эллинов здесь существовало местное поселение. Страбон (XIII. 589) приводит о Лампсаке еще некоторые данные, но они в сравнении со свидетельствами, восходящими к Харону, не создают впечатления достоверных: якобы город ранее именовался Питиуссой, а жители его — родом из Милета.

Лимны: «милетская колония» (Ps.-Scymn. 705). Время основания неизвестно. В связи с географическим положением города см. то, что сказано было выше об Алопеконнесе.

Мадит: основан лесбосцами (Ps.-Scymn. 709–710, упомянут вместе с более значительным Сестом). До появления греческой колонии, скорее всего существовала интерполяция. Об афинском же интересе к региону Геллеспонта, зафиксированном уже с конца VII в. до н.э., см. ниже.

²⁶ Isaac 1986, 291.

²⁷ Bérard 1986, 99; Graham 1982, 162.

²⁸ По поводу легенд об основаниях греческих городов см. специальное исследование: Schmid 1947. См. также работу, в которой оспаривается популярный тезис, согласно которому в архаической Греции имелся такой литературный жанр, как легенды об основаниях городов: Dougherty 1994.

²⁹ На это делается чрезмерный, на наш взгляд, акцент в работе: Malkin 1985.

вал как фракийское поселение. Во всяком случае название города явно негреческое и, скорее всего, коррелирует с названием фракийского племени мадуатенов (Liv. XXXVIII. 40. 7). Вообще многое из того, что будет ниже сказано о Сесте, относится и к Мадиту, в том числе и соображения относительно времени основания.

Парий: согласно Страбону (XIII. 588), «был основан милетянами, эрифрейцами и паросцами». Таким образом, перед нами случай совместной колонизационной акции; можно полагать, что ведущая роль при этом принадлежала милетянам³⁰. Название город тем не менее получил в честь другой из своих метрополий — Пароса. Парий — самый северный геллеспонтский полис (он находился на азиатском берегу пролива в том месте, где тот уже начинает расширяться в Пропонтиду), тем не менее является, согласно традиции, едва ли не наиболее ранней греческой колонией здесь: его основание относят к 709 г. до н.э.³¹

Пес (о положении города см. то, что было сказано в связи с Колонами): по словам Страбона (XIII. 589), город был колонией милетян. Однако, поскольку именно в этом месте у географа содержится ошибочная милетская атрибуция греческой колонии в Лампсаке, то, соответственно, неизвестно, можно ли ему доверять и относительно Песа. Во всяком случае, этот городок упоминается уже у Гомера (II. V. 612; возможно, также II. II. 828 — Апес), что, кстати, является единственным косвенным указанием (причем расплывчатым) на время появления поселения.

Сест: основан лесбосцами (Ps.-Scymn. 709–710). Точная датировка основания отсутствует; Б. Айзек осторожно относит его ко времени до середины VI в. до н.э.³² Думаем, что можно говорить и о несколько более ранней эпохе (VII в. до н.э.) и приурочивать возникновение греческого города здесь примерно к тому же времени, что и появление Абидоса на противоположном берегу. Вероятно, на месте Сеста ранее находилось фракийское поселение с тем же названием. Сест упоминается уже Гомером (II. II. 836), но см. по этому поводу то, что было сказано выше в связи с Абидосом.

Сигей: основан эолийцами (лесбосцами?) не позднее VII в. до н.э. В конце этого столетия становится главным объектом афинских притязаний на Геллеспонте; туда высылается из Афин колонизационная экспедиция во главе с олимпийником Фриноном. На этом хорошо известном факте, равно как и на борьбе за город, которая развернулась между митиленянами и афинянами и завершилась победой последних, мы пока не останавливаемся.

Элеунт: основан афинянами (Ps.-Scymn. 707–708). В качестве ойкиста у Псевдо-Скимна назван некий Форбоон. Такого имени не существует, и, по согласному мнению исследователей, следует говорить об искажении переписчиками имени Фринона — того самого, который основал Сигей. Таким образом, этот лидер экспедиции обосновался также и на противоположном берегу пролива. Иными словами, основание Элеунта следует относить к концу VII в. до н.э. Приведем важное свидетельство Страбона (VII. fr. 51): «Далее, в заливе, Элеунт, где находится святилище Протесилая, а против него в 40 стадиях — Сигей, мыс Троады». Таким образом, создание Фриноном своих двух баз именно в Сигее и Элеунте не случайно — эти пункты находились как раз напротив друг друга.

³⁰ К вопросу о метрополиях Пария см.: Forrest 1957, 170.

³¹ Graham 1982, 162.

³² Isaac 1986, 291.

Не говорим здесь о некоторых небольших городках Херсонеса Фракийского (например, таких, как Крифота, Пактия и др.), основанных Мильтиадом в VI в. до н.э., поскольку о том этапе освоения побережий Геллеспонта и контроля над проливом, который можно назвать афинским, речь специально пойдет ниже. А пока обобщим приведенные данные.

Сразу бросается в глаза сосуществование в рассматриваемом регионе апойкий, выведенных эолийскими и ионийскими центрами. Иногда говорят в связи с этим о двух «волнах» колонизации Геллеспонта — эолийской и ионийской, из которых первая предшествовала, а вторая следовала за ней. В целом какое-то зерно истины в этом есть, однако вряд ли стоит формулировать данный взгляд в чрезмерно категоричной форме, поскольку и ионийские колонии начинают появляться на Геллеспонте весьма рано, в VIII в. до н.э. (Парий), и эолийские поселения продолжают основываться до достаточно позднего времени, как минимум до VII в. до н.э. Иными словами, «волны», во всяком случае, накладываются друг на друга.

Можно ли уловить какую-то систему в географическом расположении эолийских и ионийских колоний в регионе? Пожалуй, можно³³. На обоих берегах Геллеспонта эолийцы обосновываются южнее, а ионийцы — севернее. На азиатском побережье выходцы из эолийских полисов осваивают Троаду (напомним, что и греческая Троя, возникшая в VIII в. до н.э., была эолийской), что вполне естественно, поскольку эта область фактически примыкала к Эолиде в собственном смысле слова. Но севернее Сигея, в Геллеспонтской Фригии, встречаем исключительно ионийские поселения (Абидос, Колоны, Пес, Парий), в основном милетские (за исключением фокейского Лампсака). Аналогичная картина и на Херсонесе Фракийском: Мадит, Сест, Алопеконнес — эолийские колонии (преимущественно лесбосские), а расположенные севернее Лимны и Кардия — ионийские (милетские). Афинский Элеунт на крайнем юге полуострова как бы вклинивается чуждым элементом в эту довольно стройную систему, становясь, по сути, предвестником нового этапа в истории Херсонеса, протекавшего «под знаком Афин».

Разумеется, мы можем только гадать, каким образом эолийцы и ионийцы распределяли между собой геллеспонтские территории. Можно ли говорить о каком-то рациональном факторе, о договоренностях по разделу «сфер интересов»? Или же всё происходило стихийно: милетяне и их сородичи просто приходили туда, где еще не обосновались эолийцы? Во всяком случае, система распределения колоний все-таки побуждает говорить скорее о кооперации, чем о соперничестве.

При этом есть все основания с достаточной долей уверенности констатировать существенное различие в характере эолийской и ионийской колонизации Геллеспонта. Эолийцев, насколько можно судить, земли на берегах пролива интересовали сами по себе, то есть их колонизация имела вполне аграрный характер. Ионийская же колонизация здесь, как и в других местах, была феноменом более сложным, комплексным и многогранным. В ней изначально, насколько можно судить, присутствовал мотив освоения морского пути в Понт.

Разумеется, никак нельзя утверждать, что этот мотив был единственным. Иначе не появились бы милетские поселения в Кардии и Лимнах, которые выходят не на геллеспонтский, а на противоположный берег Херсонеса Фракийского.

³³ См. интересные наметки: Mures 1929, 657 ff.; Graham 1982, 118 ff.

Но тем не менее всё же вряд ли можно трактовать появление ионийских колоний на Геллеспонте вне всякой связи с понтийским маршрутом. О его важности для Милета уже в начальный период Великой греческой колонизации свидетельствует тот факт, что Кизик в Пропонтиде (а в нее плыли, естественно, через Геллеспонт) впервые был основан милетянами весьма рано — в середине VIII в. до н.э. Более того, традиция, относящая к тому же столетию возникновение Синопы в Южном Понте (тоже милетской апойкии), признается ныне достоверной³⁴.

Как бы то ни было, если Геллеспонт уже в архаическую эпоху использовался эллинами в качестве морского пути (в чем, как видим, нет оснований сомневаться), это предполагает их попытки установить более или менее эффективный контроль над проливом с целью обеспечения безопасности плавания. Некоторые факты должны быть интерпретированы именно в этом смысле. Имеем в виду прежде всего основание Сеста и Абидоса напротив друг друга, причем в одной из самых узких теснин Геллеспонта. Мы не знаем в точности, какой из двух центров появился раньше и какой хронологический промежуток разделяет их колонизацию. Отметим только, что метрополии этих колоний разные — соответственно Лесбос и Милет, — но выше мы высказали мысль о возможной согласованности, скоординированности их действий.

Следующий пассаж Страбона (XII. 565) очерчивает — впрочем, довольно схематично — историю потестарных отношений на азиатском берегу Геллеспонта: «...В разные времена эти племена находились под властью разных правителей, причем одни властители объединяли их, другие же дробили на части. Действительно, после взятия Трои над ними господствовали фригийцы и мисийцы; позднее — лидийцы, после них эолийцы и ионийцы, потом персы и македоняне и наконец римляне».

Итак, здесь говорится о первоначальном преобладании фракийских племен, о чем у нас шла речь выше, потом — об эолийско-ионийском освоении региона, которое рассматривалось только что. В промежутке Страбон помещает период лидийского контроля. В связи с этим последним необходимо сказать следующее.

Как упоминалось выше, Абидос — один из ключевых пунктов на Геллеспонте — был основан милетянами с позволения Гигеса, первого лидийского царя из династии Мермнадов³⁵. Иными словами, регион тогда принадлежал Лидии³⁶; однако, надо полагать, в тот раз он попал в ее состав ненадолго. Напомним о вторжении киммерийцев, под натиском которых едва устояло само Лидийское царство, сильно уменьшившись в размерах. Повторное обладание азиатским берегом Геллеспонта было обретено, вероятно, уже в царствование Алиатта. В любом случае, такое обладание еще не означало для Лидии контроля над проливом, поскольку это государство не имело флота (Herod. I. 27).

Правда, последний лидийский владыка Крез, возможно, вынашивал планы сделать подвластным себе и европейский берег Геллеспонта, сделать своим форпостом там Херсонес Фракийский: оказав покровительство тогдашнему правителю полуострова Мильтиаду Старшему, он фактически обрел в нем вассала³⁷. Но

³⁴ Drews 1976; Иванчик 2001.

³⁵ О контексте события ср.: Graham 1971, 41; Суриков 2006а, 65.

³⁶ Roebuck 1959, 51.

³⁷ Суриков 2006а, 65–66.

это происходило уже в контексте «афинского» периода борьбы за Геллеспонт, к которому мы уже очень скоро обратимся. А пока отметим, что процитированное чуть выше место из Страбона содержит в себе, как выясняется, некоторую неточность. Нельзя говорить об отдельных лидийском и эолийско-ионийском периодах истории пригеллеспонтского региона. Присутствие там лидийцев и эллинов в действительности хронологически накладывается друг на друга. Превалирующей оказывается то одна, то другая сторона: при Гигесе и начиная с Алиатта этой превалирующей стороной являются лидийцы, в промежуточный же период, в «обстановке киммерийского хаоса», — очевидно, греки.

* * *

Повторим, что именно район Геллеспонта стал первым местом проявления экспансионистских притязаний крепнущего Афинского государства (уже с конца VII в. до н.э.). Самая ранняя в истории колонизационная экспедиция афинян³⁸ была направлена в северо-восточный «угол» Эгейского моря, в то место, где начинаются Черноморские проливы. Афинская колония была основана в Сигее — в Троаде, у входа в Геллеспонт. И интерес Афин к этому региону, обладавшему в античности (как и позже) огромным стратегическим значением, уже сам по себе знаменателен.

Древнейший автор, пишущий о колонии афинян в Сигее, — Геродот. Он сообщает (V. 94–95): «...Митиленцы и афиняне из городов Ахиллея³⁹ и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право на нее, указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелаю отомстить за похищение Елены. Во время этих войн в битвах случилось много замечательных происшествий. Между прочим, после одной стычки, в которой победили афиняне, поэт Алкей спасся бегством, но его оружие попало в руки афинян, и они повесили его в храме Афины в Сигее. Алкей же воспел это событие в песне и послал ее на Митилену, чтобы сообщить о несчастье своему другу Меланиппу. Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником. А примирил он их вот на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами».

Геродот на протяжении своего труда еще несколько раз упоминает о Сигее и афинском поселении в нем (IV. 38; V. 65; V. 91)⁴⁰ — в различных контекстах, чаще всего в связи с повторной колонизацией этого места Писистратидами. Местами «отец истории» выражается не вполне ясно, что может вести к хронологическим затруднениям в вопросе о конкретном времени захвата Сигея афинянами. Однако не следует забывать о ссылке Геродота на Алкея. Более аутентичный источник

³⁸ Самая ранняя, о которой нам известно, — оговаривает В. Эренберг (Ehrenberg 1965, 222). Но по соображениям общего контекста вряд ли можно предполагать какие-то более ранние афинские колонизационные экспедиции, не отразившиеся в источниках.

³⁹ Создается впечатление, что, говоря о «городе» (πόλιος) Ахиллея, Геродот не вполне точен. Речь, судя по всему, идет о святилище Ахилла, находившемся близ Сигея (Strab. XIII. 596; 600); при нем существовало лишь маленькое поселение.

⁴⁰ В одном месте (IV. 38) Геродот эксплицитно называет город «троянским Сигеем» (Σιγείου τοῦ Τρωϊκοῦ).

просто трудно представить: лесбосский поэт сам участвовал в афино-митиленских войнах за Сигей. Стало быть, к его времени афиняне уже обосновались в названном городе. А это указывает на конец VII в. до н.э. как на время колониционной экспедиции. О том же свидетельствует и сообщение о посредничестве коринфского тирана Периандра.

Информация, предоставляемая более поздними авторами, подкрепляет этот вывод. Страбон в своей «Географии» подробно описывает Троаду, останавливаясь в том числе и на Сигее. Он говорит (XIII. 599–600): «...Передают, что митиленец Археанакт возвел из камней, взятых оттуда (с развалин древней Трои — *И.С.*), стену вокруг Сигея. Этот город захватили афиняне, которые послали туда Фринона, победителя на Олимпийских играх, хотя лесбийцы добивались обладания почти всей Троадой. Действительно, большинство поселений в Троаде основано лесбийцами (некоторые из них существуют и теперь, другие же исчезли). Питтак Митиленский, один из так называемых Семи Мудрецов, отплыл с кораблями против стратега Фринона и некоторое время воевал с ним, плохо справляясь с делом и терпя неудачи. В то время и поэт Алкей, как он сам говорит, в одной схватке попал в тяжелое положение, так что ему пришлось, бросив оружие, бежать... (далее следует цитата из Алкея — *И.С.*) Позднее, когда Фрион вызвал его на единоборство, Питтак, взяв рыбацкую сеть, напал на противника; он накинул на него сеть и убил, заколов трезубцем и кинжалом. Но так как война продолжалась, то обе стороны выбрали посредником Периандра, который и положил ей конец. По словам Деметрия (Скепсийского — *И.С.*), сообщение Тимея о том, что Периандр воздвиг укрепление Ахиллея против афинян из камней Илиона, чтобы помочь войску Питтака, неверно. В действительности это место, как он говорит, было укреплено митиленцами против Сигея, но не этими камнями и даже не Периандром. Да и как же можно было выбрать посредником лицо, принимавшее участие в войне?»

Этот интереснейший рассказ во всех деталях совпадает со свидетельством Геродота (у Страбона мы также встречаем и Алкея, и Периандра), а, кроме того, вносит ряд новых немаловажных нюансов, подтверждающих датировку афинской экспедиции в Сигей концом VII в. до н.э. Выясняется, что митиленским командующим был знаменитый Питтак — современник и «заклятый друг» Алкея. Названо и имя главы афинских колонистов. Это — Фрион, видный борец-панкратиаст, одержавший победу на Олимпийских играх 636 г. до н.э.⁴¹ Он, несомненно, принадлежал к высшей аристократии Афин.

О событиях, связанных с Питтаком и Фриноном, а также в целом с разбираемой здесь войной между Афинами и Митиленой, упоминает также Диоген Лаэртский (I. 74), повествуя о жизни митиленского мудреца: «...Когда афиняне воевали с митиленянами за область Ахиллеитиду, то Питтак начальствовал над митиленянами, а Фрион, олимпийский победитель-панкратиаст, — над афинянами; Питтак вызвался с ним на поединок и, спрятавши под щитом своим сеть, набросил ее на Фринона, убил его и тем отстоял спорную землю. Однако и после этого (говорит Аполлодор) афиняне с митиленянами тягались за ту землю, а решал тяжбу Периандр, который и отдал ее афинянам». Тот же эпизод с Питтаком и Фриноном сохранен еще в некоторых источниках (например: Polyae. I. 25), но

⁴¹ Moretti 1957, 66; Суриков 2000а, 35.

без каких-либо новых деталей. Неожиданно информативным оказывается свидетельство такого позднего памятника, как византийский лексикон X в. «Суда» (s.v. Πιττακός): в нем приводится даже довольно точная датировка: «Питтак... в 42-ю олимпиаду (612/611 — 609/608 гг. до н.э. — И.С.) убил Меланхра, тирана Митилены, а также сразил в поединке Фринона, полководца (στρατηγόν) афинян, который вел войну из-за Сигея. Питтак набросил на него сеть». Интересно, что это единственное конкретное событие, подробно пересказанное автором словаря в биографии такого крупного исторического деятеля, как Питтак; очевидно, единоборство с Фриноном всегда считалось одним из самых славных его деяний⁴². Что же касается датировки, то мы, конечно, не можем быть уверены, что источник, отделенный от описываемого факта временным промежутком более чем в полтора тысячелетия, дает ее абсолютно точно. Тем не менее в свете вышеизложенного хронологического контекста афино-митиленских дел в Сигее эта датировка не вызывает абсолютно никаких возражений: мы остаемся в рамках конца VII в. до н.э.

Нам представляется несомненным, что в связи с той же экспедицией Фринона следует рассматривать одно несколько испорченное в рукописной традиции место из перипла Псевдо-Скимна (707–708), где при описании Херсонеса Фракийского говорится буквально следующее:

ἔξῃς Ἐλαιοῦς, Ἀττικὴν ἀποικίαν
ἔχουσα, Φορβωῶν ἢ συνοικίσαι δοκεῖ.

Указание на то, что апойкия в Элеунте была афинской (аттической), вполне однозначно. А вот вопрос об основателе этой апойкии более темен. Личное имя Φορβωῶν, упомянутое здесь, не существует и явно представляет собой продукт какого-то искажения переписчиками. Небезосновательно было предложено считать, что изначально в тексте стояло Φρύων⁴³. Тогда перевод цитируемого текста будет следующим:

Вот Элеунт; афинская колония
Здесь есть, и, говорят, Фрион — ойкист ее⁴⁴.

Напомним, Элеунт по отношению к Сигею находится на противоположном, европейском берегу Геллеспонта, в южной части полуострова Херсонес Фракийский. Страбон (VII. fr. 51; XIII. 596) специально отмечает, что Элеунт (Элеусса) и Сигей расположены напротив друг друга, и расстояние между ними — всего лишь 40 стадиев⁴⁵.

Основание Фриноном двух афинских поселений, как бы фланкировавших вход в Геллеспонт, со стратегической точки зрения выглядит вполне закономерным; это, кстати, заставляет задуматься о целях всего мероприятия, к чему мы скоро перейдем, но предварительно коснемся еще двух обстоятельств. Во-первых, обратим внимание на то, что интерес афинян к Херсонесу Фракийскому, как выясняется, возникает не около середины VI в. до н.э., как обычно считают⁴⁶, а значи-

⁴² Диоген Лаэртский (I. 75) отмечает, что именно после этого события Питтак стал пользоваться в Митилеке большим почетом и получил власть.

⁴³ Graham 1964, 33; Jeffery 1978, 89; Isaac 1986, 161.

⁴⁴ В переводе намеренно употребляем термин «ойкист», дабы адекватно отразить наличие в греческом тексте однокоренного глагола συνοικίζω.

⁴⁵ О местоположении Элеунта см.: Meritt, Wade-Gery, McGregor 1939, 484.

⁴⁶ См., например: Heskell 1997, 14–15. Неточность, которую допустила Дж. Хескелл, уже отмечалась нами в рецензии на ее книгу (Суриков 2000б, 223, прим. 4).

тельно раньше, уже к концу VII в. до н.э. И эта заинтересованность тесно связана с афинской активностью в Троаде.

Второй вопрос, который хотелось бы затронуть, — статус колонизационной экспедиции Фринона и, соответственно, статус основанных им поселений. Нам представляется, что неправомерно видеть здесь акцию, подготовленную и предпринятую афинским полисом. Несравненно вероятнее, что это была личная, независимая инициатива Фринона. Правда, у Страбона и в «Суде» Фринон обозначен как *στρατηγός*. Но если мы будем переводить это слово как «стратег» (в смысле должностного лица полиса), то допустим грубый анахронизм⁴⁷. Коллегия стратегов была учреждена в Афинах лишь в ходе клисфеновских реформ, в конце VI в. до н.э., то есть целое столетие спустя после изучаемых здесь событий. В действительности в указанных источниках слово *στρατηγός* употреблено, конечно, не в терминологическом смысле, а в широком и нейтральном значении «полководец».

Фринон, отправляясь с группой колонистов в Троаду, действовал на свой страх и риск. Перед нами типичнейший случай модели колонизационного мероприятия, порожденного внутривосточными причинами, межаристократической борьбой за власть и престиж. Фринон был олимпийщиком и уже поэтому, не приходится сомневаться, человеком со значительными политическими амбициями⁴⁸. Насколько можно судить, он активно включился в борьбу за власть. Что касается этой борьбы, то следует отметить: к сожалению, источники не сохранили сведений о каких-либо конкретных событиях внутренней афинской истории на хронологическом промежутке между законодательством Драконта (621 г. до н.э.) и законодательством Солона (594 г. до н.э.), то есть как раз на интересующем нас здесь периоде. Однако общая характеристика ситуации в данный период, даваемая античными авторами (Arist. Ath. pol. 5. 1–2; Plut. Sol. 12–13), выглядит вполне однозначной: это было время острого междоусобного конфликта.

Одним из участников этого конфликта, безусловно, был и Фринон, но ему не сопутствовала удача. Он желал занять позицию, соответствовавшую его рангу олимпийского победителя, но не преуспел в этом на родине⁴⁹. Вот тогда-то и возглавил колонизационную экспедицию. Являясь ее вождем, Фринон должен был стать ойкисом новоосновываемого города; после смерти (и даже, возможно, еще при жизни) ему должны были оказываться героические почести. Подобный статус

⁴⁷ Что, собственно, и делает Г. А. Стратановский в переводе Страбона.

⁴⁸ О политических амбициях олимпийщиков см.: Зельин 1962; Bengtson 1974, 190–207. Отметим, что как раз в это время другой афинский олимпийщик, согражданин и современник Фринона — знаменитый Килон, — пытался совершить в родном полисе государственный переворот и стать тираном.

⁴⁹ Surikov 2004, 191–192. В другом месте (Суриков 2006б, 193–194) мы предлагаем относить именно к Фринону-олимпийщику архаический остракон с именем Фринона. Публикацию этого граффито см.: Lang 1976, 20. Лэнг датирует памятник VI в. до н.э., но основания для такой датировки довольно шатки; остракон не с меньшим основанием может принадлежать к концу предшествующего столетия. В свете этой находки соблазнительно предположить, что Фринон был изгнан из Афин остракизмом (в архаическом афинской полисе этот институт уже существовал в той или иной форме, см. Суриков 2006б, 182 слл.) и именно поэтому должен был отправиться в колонизационную экспедицию — не по своей воле, а вынужденно. Но мы ни в малейшей мере не стали бы настаивать на этой гипотезе, поскольку прекрасно понимаем, что аргументов в ее пользу недостаточно. Ясно одно: появление имени Фринона на остраконе свидетельствует о том, что он был активным участником политической борьбы, влиятельным лицом в государстве.

был во всех отношениях не менее престижен, чем тираническая власть, но при этом, конечно, гораздо более безопасен для афинского полиса⁵⁰.

Как бы то ни было, на новом месте Фрион нашел свою гибель. Мы видели из источников, что афинская активность в Троаде вызвала ожесточенное сопротивление лесбосцев, рассматривавших этот регион как сферу своих интересов. Остался в памяти потомков поединок двух вождей — Питтака и Фриона, с помощью которого стороны пытались решить исход войны. Кстати, обратим внимание на сам этот чрезвычайно интересный факт единоборства между командующими — прямо-таки в «гомеровском стиле». Он показывает, насколько эпическим по своему духу было еще в то время мировоззрение аристократии.

Однако убийство Питтаком Фриона не привело к завершению афино-митиленского конфликта из-за Сигея. В конце концов, чтобы прекратить затянувшиеся военные действия, пришлось прибегнуть к услугам авторитетного внешнего посредника — коринфского тирана Периандра⁵¹. Последний решил вопрос о Сигее в пользу афинян, и, видимо, при жизни этого могущественного правителя принятое им решение соблюдалось. Но после свержения коринфской тирании митиленяне на каком-то этапе (точную дату установить не представляется возможным⁵²) вновь вырвали спорный город из рук своих противников. Афинянам удалось в очередной раз овладеть Сигеем уже при Писистрате, как считается, около 530 г. до н.э.⁵³ К своему сигейскому владению тиран относился с большим вниманием, оно, судя по всему было у него на особом положении: наместником туда Писистрат послал одного из своих младших сыновей — Гегесистрата (Herod. V. 94). Впоследствии, когда Гиппий, преемник Писистрата у власти в Афинах, был в 510 г. до н.э. свергнут и изгнан из полиса, он нашел себе убежище именно в Сигее (Herod. V. 65; V. 91)⁵⁴.

⁵⁰ Исходя из того, что сигейская экспедиция была личной инициативой Фриона, Грэйэм считает, что колония в Сигее была основана как апокия, а не клерухия, как политически независимое от Афин поселение (Graham 1964, 33), и мы склонны согласиться с ним в этом вопросе.

⁵¹ Об этом посредничестве в отечественной литературе существует работа: Ковалев 2003. Но к ней у нас немало недоуменных вопросов. Многие тезисы автора так и остались для нас загадкой. П. В. Ковалев видит проблему следующим образом: почему афиняне избрали в качестве посредника тирана Периандра, ведь в Афинах как раз незадолго до того была предотвращена попытка установления тирании Килона? Мы здесь, откровенно говоря, вообще не видим никакой проблемы. Во-первых, кандидатура посредника, несомненно, не выдвигалась в одностороннем порядке афинянами, а согласовывалась обеими сторонами. Во-вторых, в эпоху, о которой идет речь, ни в Афинах, ни в других полисах в аристократических кругах, находившихся у власти, не наблюдалось принципиального неприятия тирании как таковой (см. Суриков 2005, 165–166). Выбирая посредника, меньше всего думали о том, представляет ли он «идейно чуждую» форму правления. Очевидно, Периандр в силу своего высокого внешнеполитического авторитета в наибольшей степени устраивал как афинян, так и митиленян. Ведь главным, что требовалось от третьей стороны в межгосударственных спорах, были именно авторитет и сила, чтобы потом сторона, не в пользу которой было вынесено решение, не вздумала отказаться его выполнять. Не говорим уже о том, что в работе П. В. Ковалева, например, совершенно превратно переведен отрывок из Псевдо-Скимна об афинской колонии в Элеунте и т.п.

⁵² В. П. Яйленко считает, что это произошло около 590 г. до н.э. (Яйленко 1982, 136), но мы сомневаемся, что есть основания давать столь точную датировку.

⁵³ Graham 1964, 32; ср. Bérard 1960, 100 — ок. 533 г. до н.э.

⁵⁴ Есть версия, что Гиппий в Сигее даже чеканил монету по афинскому образцу, но со своим именем. См. Raven 1968, 52. Однако являющийся основанием для этой гипотезы уникальный обол с совой в качестве типа, колосом в качестве символа и легендой НΠΠ вместо традиционной ΑΘΕ

При Писистратидах удержание Сигея явно было компонентом целостной и широкой внешнеполитической линии, направленной на контроль над Северной Эгеидой и Черноморскими проливами. Что можно сказать в данной связи о первой афинской колонизации Сигея в конце VII в. до н.э.? Э. Грэйм указывает⁵⁵, что на нее нельзя экстраполировать тот же контекст. В ту эпоху, когда Фринон отправился в Троаду, афиняне еще и помышлять не могли о том, чтобы наложить свою руку на проливы. У них просто не было для этого достаточно сил: в конце VII в. до н.э. этих сил не хватало даже на то, чтобы отвоевать у Мегар Саламин, лежащий буквально по соседству. Что уж говорить о более далеко идущих замыслах!

Суждение исследователя представляется справедливым, если вести речь об афинском полисе в целом. Однако не забудем, что колонизация Сигея была частной инициативой Фринона, которого в тот момент больше волновали не общеафинские дела, а свое собственное положение. В свете того, что он обосновался у входа в Геллеспонт на обоих берегах — не только в Сигее, но и в Элеунте, — ответ на вопрос может быть только один: контроль над проливами просто не мог не входить в его планы.

Мы возвращаемся к проблеме целей первой сигейской экспедиции. Рассматривая эту проблему, необходимо помнить еще и о том, что колонисты были направлены не в какой-либо удаленный и слабо заселенный регион. Скорее напротив: Троада и в целом берега Геллеспонта к тому времени были уже густо усеяны греческими колониями, в большинстве лесбосскими, поскольку выходцы с крупнейшего эолийского острова проявляли особую активность в освоении этих территорий⁵⁶. В результате афинянам приходилось готовиться к тому, что, пытаясь обосноваться в Сигее, они отнюдь не будут дружески приняты, а натолкнутся на ожесточенное сопротивление, как и получилось: лесбосцы всеми силами пытались изгнать незваных гостей.

Коль скоро Фринон, несмотря на все это, все-таки избрал полем своей деятельности Троаду, значит, у него были на то весомые причины; Сигей был зачем-то нужен афинскому олимпионнику и прибывшим с ним колонистам. Зачем? Поднимем прежде всего вопрос о возможности действия экономических факторов. Необходимость оттока «лишнего» населения из Аттики можно исключить сразу же: от стенохории Афины архаической эпохи, мягко говоря, не страдали. Торговые интересы? Неизбежно вырисовывается вариант с получением понтийского хлеба, для чего проливы, безусловно, были насущно нужны. Но конец VII в. до н.э. — слишком ранняя эпоха для того, чтобы относить к ней попытки афинян установить торговлю зерном с Понтом⁵⁷. Не исключаем, что Афины столкнулись с проблемой недостатка собственного хлеба уже достаточно рано, ко времени Солона⁵⁸. Но в любом случае Фринон, навсегда покинув родину, вряд ли думал о необходимости снабжения ее тем или иным продуктом.

может быть интерпретирован и иначе. Этот вопрос в целом связан с рядом сложнейших проблем ранней афинской чеканки, которые мы не можем здесь специально рассматривать.

⁵⁵ Graham 1964, 32–33.

⁵⁶ Cook 1962, 50.

⁵⁷ В другом месте (Суриков 1999, 102 слл.) мы пытаемся показать, что понтийский рынок зерна стал играть для Афин значительную роль лишь в V в. до н.э.

⁵⁸ Ельницкий 1969, 89; Суриков 2005, 129.

Выскажем идею, которая, возможно, покажется неожиданной и даже «еретической», но, как представляется автору этих строк, хорошо укладывается в общий контекст архаической эпохи. По нашему мнению, Фринон, осев на обоих берегах Геллеспонта, намеревался попросту заниматься разбоем: грабить минующие пролив корабли и таким образом обогащаться. В каком-то смысле этот мотив, пожалуй, тоже можно назвать «экономическим», но в целом под экономикой мы привыкли понимать что-то иное, а не грабеж — экспроприацию ценностей путем внеэкономического, чисто силового нажима.

Говоря о побуждениях, которые могли руководить Фриноном, стоит отметить еще один момент чисто ментального порядка. Трояда для любого грека, особенно для аристократа, являлась местностью совершенно особого рода: совершенно неотъемлемыми от нее были ассоциации с Троянской войной, с мифологическими героями, с гомеровским эпосом. Достаточно перечитать большую главу Страбона, посвященную этому региону, чтобы увидеть, какой ореол легенд его окутывал, какой интенсивный и разнообразный мифополитический дискурс развертывался вокруг Трояды. Так было всегда — не только во времена Страбона, но и во времена Геродота (выше цитировались почерпнутые из его труда аргументы афинян и лесбосцев в споре за Трояду, связанные с мифами о Троянской войне), и раньше. И, между прочим, Сигей занимал на «ментальной карте»⁵⁹ Трояды весьма значимое место. Ведь именно на его территории, согласно преданию, находилась знаменитая «Корабельная стоянка», то есть лагерь ахейцев, осаждавших Трою.

Хотя Афины, казалось бы, находились неблизко от северо-запада Малой Азии, в афинском полисе архаической эпохи, особенно в кругу аристократии сюжеты, связанные с Троянской войной, тоже были весьма актуальны. Дело в том, что эпическая традиция получила в Афинах VII–VI вв. до н.э. особенное развитие. Афины сыграли значительную роль в складывании гомеровского эпоса; некоторые специалисты считают даже, что эта роль была определяющей⁶⁰. При Солоне и Писистрате осуществлялась письменная фиксация канонического текста «Илиады» и «Одиссеи»⁶¹, причем, естественно, не с чисто антикварными, а с насущно-политическими целями.

Фринон же был человеком, мыслившим вполне эпическими категориями. Достаточно вспомнить в данной связи его поединок с Питтаком, упоминавшийся выше. Допускаем поэтому, что он отправился совершать свои славные подвиги именно в Трояду, помимо прочих причин, из стремления подражать эпическим героям, да и в целом привлеченный «святостью места»⁶².

Мы так подробно остановились на афинской колонизации Сигея, поскольку, во-первых, это было хронологически первое проявление колонизационной активности афинян, во-вторых, данный эпизод архаической греческой истории ставил немалое количество интересных проблем, которые необходимо было попытаться

⁵⁹ О понятии «ментальной карты» см. Подосинов 2006.

⁶⁰ См., например: Cook 1995; Saugé 2000.

⁶¹ Лосев 1996, 84–90.

⁶² Можно привести параллель из истории средневековой Европы. Такое грандиозное явление, как крестовые походы, имело, безусловно, свои политические и социально-экономические причины, детально изученные в историографии. Но тот факт, что пыл крестоносцев направлялся именно на Палестину, несомненно, объяснялся особенной святостью этого региона в глазах европейских христиан, колоссальным количеством христианских легенд, которыми был овеян этот регион.

решить. Другие мероприятия Афин по выведению колоний в регионе Геллеспонта будут рассмотрены уже более кратко, но с тех же методологических позиций.

Важнейшим колонизационным мероприятием афинян середины VI в. до н.э. было основание Мильтиадам Старшим колонии на полуострове Херсонес Фракийский⁶³ — вскоре после 560 г. до н.э., как мы считаем⁶⁴, хотя точные датировки здесь вряд ли возможны. Выходя на проблематику Херсонеса Фракийского, мы затрагиваем целый клубок сложных и нерешенных вопросов⁶⁵, подавляющее большинство которых подробно рассматривать здесь нет никакого резона. В частности, оставляем открытым вопрос о том, была ли создана на Херсонесе клерухия или апойкия. Нам представляется, что структура поселения (точнее, целой группы поселений) на полуострове была неоднородной; среди его жителей были и колонисты из Афин, и выходцы из иных эллинских полисов, и представители местного негреческого населения. Все они афинскими клерухами быть, безусловно, не могли. И все же несомненно, что какая-то часть поселенцев, прибывших из Афин, сохраняла афинское гражданство. В частности, последний тиран Херсонеса — Мильтиад Младший, — в 493 г. до н.э. изгнанный оттуда персами, прибыл в Афины и тут же начал активную политическую деятельность, неоднократно занимал высшие полисные должности и т.п. Ему не потребовалось никакой специальной натурализации. Иными словами, он как был, так и оставался гражданином Афин. Одним словом, мы допускаем, что на Херсонесе проживали как афинские апойки, так и афинские клерухи, но по какому принципу проводилось разграничение между ними — тут ответ вообще вряд ли возможен.

Попытаемся решить проблему мотивов афинской колонизации Херсонеса. Здесь больше всего помогает самое раннее и аутентичное, а также и самое информативное свидетельство о событии, принадлежащее Геродоту (VI. 34–39)⁶⁶. «Отец истории» излагает факты в такой последовательности. Племя долонков, обитавшее на Херсонесе Фракийском, призвало к себе правителем афинянина Мильтиада Старшего, ссылаясь на оракул, полученный в Дельфах. Столь любезное предложение вполне соответствовало и пожеланиям самого Мильтиада, который «тяготился владычеством Писистрата», незадолго до того ставшего тираном в Афинах. Мильтиад, со своей стороны, обратился с запросом к Дельфийскому оракулу, получил «добро» и, как пишет Геродот, «отправился в путь вместе со всеми афинянами, желавшими принять участие в походе».

Таким образом, перед нами вновь типичный пример колонизационной акции, порожденной внутривнутриполитической борьбой. Мильтиад в результате этой борьбы

⁶³ Такой достаточно поздний автор, как Диоген Лаэртский (I. 47), пишет, что еще Солон убедил афинян захватить Херсонес Фракийский. Здесь содержится явная неточность: в солоновские времена Афины еще не владели, во всяком случае, всем полуостровом. Однако выше отмечалось, что первая афинская колония на Херсонесе — Элеунт — была основана в конце VII в. до н.э., скорее всего, Фриноном. Очевидно, в указанном месте у Диогена отразилась в искаженном виде традиция именно об этом мероприятии.

⁶⁴ Суриков 2005, 298.

⁶⁵ Подробнее см.: Graham 1964, 32 ff., 194 ff.; Isaac 1986, 159 ff.; Касаткина 1986; 2001. Работа, в которой вопрос об этом колонизационном мероприятии рассмотрен наиболее подробно: Hammond 1956.

⁶⁶ Иначе изложены факты у Корнелия Непота (Milt. 1), но в жизнеописании Мильтиада, принадлежащем перу этого римского биографа, как и в других его сочинениях, много путаницы. В частности, Непот безнадежно смешал друг с другом двух Мильтиадов — Старшего и Младшего.

оказался на родине в положении, которое его не удовлетворяло, и «рад был покинуть Афины», как эксплицитно пишет «отец истории». С ним направилась группа других недовольных ситуацией афинян, что позволило организовать полноценную колонизационную экспедицию. Что это были за люди, не сообщается, но не приходится сомневаться в том, что речь идет о членах политической группировки Мильгиада, приверженцах рода Филаидов, к которому принадлежал афинский ойкист Херсонеса. Таким образом, перед нами, как и в случае с Фриноном, не государственное мероприятие, а частная инициатива знатного аристократа, влиятельной личности⁶⁷.

Сделаем, пожалуй, лишь одну необходимую оговорку. Может быть, не стоит некритично принимать на веру указание Геродота на то, что Мильгиад Старший уехал из Афин, движимый неприязнью к Писистрату. Это указание взято историком из традиции, восходящей к Филаидам, — традиции, которая вполне могла искажать факты. В V в. до н.э. афинские аристократические семьи делали всё, чтобы «откреститься» от ставших одиозными тиранов Писистратидов⁶⁸, а за столетие до того они — едва ли не без исключения — были замешаны в сотрудничестве с Писистратом или его сыновьями⁶⁹. Не были исключением и Филаиды. Нам представляется маловероятным, чтобы Мильгиадом Старшим двигала исключительно вражда к тирании, тем более что он отправился на Херсонес не с какой иной целью, как с той, чтобы самому стать тираном⁷⁰. Скорее Мильгиад был удручен общей внутривосточной нестабильностью, характерной для афинского полиса середины VI в. до н.э., когда власть несколько раз переходила из рук в руки.

Во всяком случае, Писистрату экспедиция Мильгиада на Херсонес Фракийский была только выгодна⁷¹. Более того, поколение спустя, около 520 г. до н.э., племянник Мильгиада Старшего — Мильгиад Младший (будущий марафонский победитель) — отправился на Херсонес перенимать власть как прямой эмиссар Гиппия и Гиппарха. Геродот (VI. 39) пишет: «...Писистратиды отправили на Херсонес с триерой захватить верховную власть Мильгиада, сына Кимона (т.е. Мильгиада Младшего — *И.С.*)». Но в то время шел уже совершенно новый этап в истории афинской колонизации, начало которого тесно связано с деятельностью Писистрата. Выше шла речь о том, что этот тиран вновь заполучил у митиленян ранее потерянный Сигей на восточном берегу Геллеспонта. А на западном берегу пролива продолжала функционировать крупная колония на Херсонесе Фракийском; Писистратиды прилагали усилия к ее удержанию.

В целом основным регионом интересов афинского полиса в период тирании была Северная Эгеида и зона Черноморских проливов. Таким образом, в данном отношении наблюдалась преемственность с предшествующей эпохой. Наличие экономического фактора в колонизационной деятельности Афин со времен Писистрата нельзя не признавать. Но, на наш взгляд, конечной целью являлась все-таки политическая: Писистрат и его сыновья старались укреплять собственное

⁶⁷ Graham 1964, 33.

⁶⁸ Как убедительно показано в ценной работе: Lavelle 1993.

⁶⁹ Суриков 2000, 152–153.

⁷⁰ Предположение о том, что Мильгиад принадлежал к группировке диакриев, возглавляемой Писистратом, см.: Суриков 2005, 298–299.

⁷¹ Ср. Касаткина 2001, 57–58.

могущество и престиж в греческом мире, а это в тот момент означало укрепление могущества и престижа Афин.

Последним в афинской истории колониционным мероприятием «архаического» типа (и также имеющим отношение к Геллеспонту и зоне Черноморских проливов в целом) стал захват Мильтиадом Младшим острова Лемноса. Об этом событии повествует ряд античных авторов (Herod. VI. 140; Nep. Milt. 2; Diod. X. 19. 6; Zenob. III. 85), и между их рассказами наблюдается расхождение, причем наиболее близкая к истине версия, судя по всему, содержится у Геродота. Сообщается, что Мильтиад изгнал с Лемноса ранее населявших его пеласгов⁷² и основал на острове поселение афинян. При этом специально подчеркивается та деталь, что он прибыл к Лемносу с Херсонеса Фракийского. Данная деталь играет важную структурообразующую роль во всем эпизоде и, соответственно, должна быть аутентичной. Из сказанного следует, что Мильтиад овладел Лемносом в тот период, когда он жил на Херсонесе. В другом месте⁷³ мы высказали предположение, что это могло произойти в период вынужденного бегства Мильтиада с полуострова: после неудачного похода Дария I на Скифию (около 513 г. до н.э.) перешедшие в наступление скифы вторглись на Херсонес, а Мильтиад ушел в изгнание. Вот тогда-то, как нам представляется, он и перебрался на Лемнос: недалеко расположенный остров мог послужить хорошим плацдармом для возвращения, а если вернуться так и не удалось бы, можно было там и остаться. Опять типичный пример «аристократической колонизации»: в сущности, неважно, где править, лишь бы править!⁷⁴

Не исключаем, впрочем, что Мильтиад захватил Лемнос еще раньше инцидента со скифами, то есть в самые первые годы своей тирании на Херсонесе Фракийском. Во всяком случае, нам представляется маловероятным высказанное Б. Айзеком⁷⁵ мнение, что это произошло в период Ионийского восстания.

Очевидно, примерно тогда же, когда и Лемнос, Мильтиадом Младшим был подчинен близлежащий остров Имброс. Он уже находился в его руках к тому моменту, когда тиран Херсонеса в 493 г. до н.э. под персидским натиском вынужден был бежать в Афины. Геродот (VI. 41) сообщает, что вначале Мильтиад укрылся именно на Имбросе, а уже оттуда прибыл в Аттику.

Впоследствии и Лемнос, и Имброс всегда находились в числе важнейших, ключевых внешних владений афинян. Их колонизация хорошо вписывается в программу афинского закрепления в Северной Эгеиде и на подступах к Черноморским проливам. Помимо всего прочего, эти острова могли служить удобными промежуточными стоянками при плавании от Аттики к Геллеспонту. В связи со сказанным уместен вопрос: не действовал ли и в данном случае Мильтиад как эмиссар Писистратидов? Дать однозначный и категоричный ответ на вопрос не

⁷² Непот, видимо, ошибочно называет жителей Лемноса карийцами, а Диодор — тирренами. В любом случае ясно, что речь идет о какой-то реликтовой группе догреческого населения Эгеиды, как видим, сохранявшегося на некоторых отдаленных островах вплоть до рубежа архаической и классической эпох.

⁷³ Суриков 2005, 305–306.

⁷⁴ В связи со сказанным имеет смысл напомнить, что еще в 489 г. до н.э., на закате своей жизни, Мильтиад, лишившийся Херсонеса уже навсегда, пытался захватить еще один остров — Парос (Herod. VI. 133–135; Nep. Milt. 7). Вне сомнения, теперь он хотел обосноваться там. См. Vanotti 1991, 22.

⁷⁵ Isaac 1986, 175.

представляется возможным — хотя бы уже потому, что мы не знаем точно, были ли Лемнос и Имброс захвачены до свержения Гиппия в 510 г. до н.э. или позже. Однако в принципе, как нам представляется, такая возможность есть, и она не столь уж незначительна. В источниках, правда, ничего не сообщается о причастности Писистратидов к покорению Лемноса и Имброса, но это вполне объяснимо: впоследствии Филаиды, как уже отмечалось выше, тщательно «затушевывали» большинство таких моментов истории своего рода, которые демонстрировали его связь с тиранами.

* * *

Уже несколько раз по ходу изложения у нас появлялись персы, и действительно, теперь самое время перейти к периоду «персидской интерлюдии» в истории Геллеспонта, начавшейся с тех пор, когда Кир, покорив Лидию около 546 г. до н.э., овладел вначале азиатским берегом пролива. Дарий I около 514 г. до н.э., в ходе скифской экспедиции закрепившись во Фракии⁷⁶, поставил, таким образом, под свой контроль и европейское, херсонесское побережье Геллеспонта. Полисы региона вошли в состав Ахеменидской державы, а их тираны оказались вассалами «Великого царя».

Относительно этих вассальных тиранов почти всегда остается нерешенным серьезный вопрос: были ли они приведены к власти персами или же стали правителями своих полисов ранее, самостоятельно, а персы просто их поддерживали? Вопрос этот достаточно принципиален, а между тем он лишь в редких случаях может быть решен. Так, в Сигее тирания Писистратидов утвердилась, очевидно, вне какой-либо связи с персидским завоеванием Малой Азии; но впоследствии, естественно, сигейские представители династии (в том числе Гиппий, прибывший в город после своего изгнания из Афин в 510 г. до н.э.) подчинялись ахеменидским властям. То же самое следует сказать и о Мильтиаде Младшем, правившем на Херсонесе Фракийском как до вхождения полуострова в состав Персии (Мильтиад тогда опирался на дружественные отношения с фракийским царем Олором и с лидийским Крезом), так и после одного вхождения.

Геродот в пассаже, цитированном в начале нашей работы, называет в числе участников скифского похода Дария следующих геллеспонтских тиранов: Дафниса из Абидоса, Гиппокла из Лампсака, Герофанта из Пария. Из них о Дафнисе и Герофанте мы практически ничего не знаем, кроме имен. О Гиппокле известно несколько больше⁷⁷. Он находился в чрезвычайно близких отношениях с афинскими Писистратидами. Гиппий, сын Писистрата, даже выдал свою дочь Архедикку замуж за сына Гиппокла — Эантида (Thuc. VI. 59. 3). После изгнания из Афин Гиппий даже некоторое время жил в Лампсаке (Thuc. VI. 59. 4), где снискал себе безупречную репутацию, если судить по приводимой здесь же у Фукидида эпиграмме. Как бы то ни было, даже о Гиппокле мы не можем судить, пришел ли он к власти волей персов или сам ее захватил⁷⁸.

⁷⁶ Castritius 1972; Hammond 1980.

⁷⁷ Ср.: Молчанов, Суриков 1999, 122–123.

⁷⁸ Берве 1997, 112.

Пользовались ли персы как-либо своим контролем над Геллеспонтom? Не похоже, что в норме это было так. Сразу припоминается известный эпизод, пересказанный Геродотом (VII. 147) и имевший место в то время, когда Ксеркс в 480 г. до н.э. начал свой поход на Элладу и переправлял войско из Азии в Европу через Геллеспонт у Абидоса⁷⁹.

«В Абидосе царь увидел, как проходили через Геллеспонт корабли с грузом зерна из Понта на Эгину и в Пелопоннес. Приближенные царя, заметив, что это вражеские корабли, хотели их захватить и смотрели на царя, ожидая его повеления. На вопрос Ксеркса, куда плывут эти корабли, приближенные отвечали: “К твоим врагам, владыка, с грузом хлеба”. Тогда Ксеркс сказал им: “Разве и мы не плывем туда же, куда и они, и не везем с собой хлеб и остальное продовольствие? Какой же вред от того, что эти люди доставляют нам хлеб?”»

Итак, царь запретил своим подчиненным заниматься грабежом и мародерством по отношению к греческим купцам. Причем этим царем, обратим внимание, был Ксеркс, который вообще-то у Геродота отнюдь не предстает образцом справедливости и милосердия. Напротив, он изображен как один из самых сумасбродных и деспотичных персидских монархов. И тем не менее этот владыка пощадил эллинских морских торговцев. По всей вероятности, он следовал норме, неписаному закону: даже во время вооруженного конфликта мирных чужеземцев обижать не следовало.

Не менее характерно, кстати, и само поведение этих купцов. Идет война «не на жизнь, а на смерть», через Геллеспонт переправляется огромное персидское войско, а они в это самое время плывут по тому же Геллеспонту у всех на виду, как ни в чем не бывало. А ведь могли бы выждать время, перестоять опасность в какой-нибудь укромной гавани. Но нет, видимо, именно опасности-то для себя они и не видели и ничего не боялись.

Но, может быть, они просто еще не знали о начале похода Ксеркса и, что называется, случайно попали «на рожон»? Не похоже. Среди купцов все новости распространяются быстро, а персидский царь собирал свою армию и готовился к вторжению так долго, что только глухой мог бы об этом не услышать. А кроме того, известно, что даже в заведомой ситуации военных действий — не только что начавшихся, а давно уже идущих — греческие хлебные торговцы всё равно продолжали плавать в Черное море и обратно на своих кораблях.

Известно в том числе и из Геродота. Вот очередной эпизод: идет Ионийское восстание. Милетский авантюрист Гистией, желая «половить рыбу в мутной воде», отправляется на Лесбос и снаряжает там восемь триер. Они «отплыли с Гистиеем в Византий. Потом они заняли крепкую позицию и стали захватывать все идущие из Понта грузовые корабли, кроме кораблей тех городов, которые изъяснили готовность подчиниться Гистиею» (Herod. VI. 5)⁸⁰.

Византий, правда, расположен на Боспоре, но сейчас дело не в этом; обратим внимание на главное. Ионийцы восстали против персов, те уже начали против них карательную операцию. В Эгейском море действует мощный ахеменидский флот, а на побережьях — крупная армия. Купцы же, несмотря ни на что, плавают себе

⁷⁹ К характеристике эпизода см.: Суриков 2009, 255 слл.

⁸⁰ Roebuck 1959, 134.

и плавают, чувствуя себя в безопасности. И в конце концов опасность приходит к ним отнюдь не от «восточных варваров», а от своего же собрата, грека.

Итак, в период ахеменидского владычества транзитная морская торговля через Геллеспонт продолжала осуществляться по большей части без особых помех (за исключением описанного выше случая). Персидские власти, судя по всему, и не думали препятствовать этой деятельности, не вели в интересующем нас регионе какой-либо экономической политики. Необходимо еще учитывать следующее: из-за того, что значительная часть источников, имеющихся по истории державы Ахеменидов, греческого происхождения, мы сталкиваемся в них с некоторой абберацией, преувеличением роли «греческого вектора» в персидских делах. В сущности, чем был тот же Геллеспонт для персов? Неким проливом в отдаленных сатрапиях, представляющим мало какой интерес...

Совсем другое дело — сами эллины и особенно афиняне. Последними именно в период греко-персидских войн зона Геллеспонта была окончательно осознана как важная сфера интересов. Весьма показателен тот факт, что сразу после битвы при Микале, завершившей первый, оборонительный период войн (500–479 г. до н.э.) и знаменовавшей переход стратегической инициативы к грекам, следующим местом, куда отправился союзный греческий флот во главе с Леотихидом и Ксантиппом, стал именно Геллеспонт (Herod. IX. 106). Их интересовал прежде всего мост Ксеркса (Herod. IX. 114), но по прибытии было обнаружено, что он уже разобран. Тогда между Леотихидом и Ксантиппом возникло разногласие, и дело кончилось тем, что «пелопоннесцы отплыли домой, афиняне же переправились из Абидоса на Херсонес и приступили к осаде Сеста» (ibid).

Осада была довольно длительной, но в конце концов завершилась успехом, — скорее всего, уже весной 478 г. до н.э. (Herod. IX. 117 sqq.; Thuc. I. 89. 2). Таким образом, Сест стал первым пунктом на Геллеспонте, где афинянам удалось закрепиться в ходе изгнания персов из Эгеиды. Правда, есть мнение, что ненадолго, — якобы первое освобождение города оказалось кратковременным и персы вскоре вновь овладели им, так что в 471 г. до н.э. его пришлось вторично брать Кимону⁸¹. Но в традиции о таком развитии событий нет ни слова; почему же мы должны домысливать факты?

Здесь явно вкралось какое-то недоразумение, и идет оно от свидетельства Иона Хиосского (FGrHist. 392. F13)⁸², приводимого со ссылкой на рассказ самого Кимона: «Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они не оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавши-

⁸¹ Например: Vadian 1993, 100, 211. Менее категорично: Isaac 1986, 176–177.

⁸² Оно отразилось впоследствии у Плутарха (Cim. 9) и Полиена (I. 34. 2).

еся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны».

Сам по себе этот колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место: он вряд ли мог быть выдуман (выдумать такое просто невозможно), тем более что источником сведений о нем является воспоминание автора-современника, а в конечном счете — сообщение самого главного участника событий, Кимона⁸³. Но правильно ли во временном и территориальном отношении он приурочен традицией? Некоторые детали заставляют в этом усомниться. Обратим внимание на то, что в рассказе речь идет о Сесте и Византии, где были захвачены персы, которых делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти два пункта находятся довольно далеко друг от друга, так что они не могли стать объектом одной операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи. Важнее другое: откуда в Византии в 471 г. до н.э. вообще взялись персы? Город на тот момент был уже под властью греков, управлял им опальный спартанский регент Павсаний. У Персии Византий был отвоеван в 478 г. до н.э., и Кимон даже участвовал в этой кампании (в качестве одного из афинских стратегов), однако верховное командование тогда осуществлял и, следовательно, добычей распоряжался отнюдь не он, а тот же Павсаний.

Остается допустить некий *lapsus memoriae* у Иона: хиосский рапсод сам факт со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. Мы предполагаем, что в действительности речь должна идти о ситуации после битвы при Евримедонте; подробно же аргументируем этот тезис в другой работе, которая на момент написания этих строк еще не опубликована⁸⁴.

Итак, Сест стал афинским форпостом на Херсонесе Таврическом; целиком же этот полуостров был отвоеван у персов только несколько лет спустя. Сделал это Кимон (Plut. Cim. 14), а датируется событие, вероятно, 466 г. до н.э.⁸⁵ Новый поход на полуостров связан с именем Перикла и датируется, по мнению Б. Айзека, 447 г. до н.э.⁸⁶ В ходе этой экспедиции «Перикл не только привез с собою тысячу афинских колонистов (ἐποίκους)⁸⁷, но также провел поперек перешейка укрепления и заграждения от моря до моря и тем поставил препятствие набегам фракийцев, живших во множестве около Херсонеса...» (Plut. Pericl. 19). Справедливости ради следует отметить, что первым возвел стену на Херсонесском перешейке еще Мильтиад Старший в VI в. до н.э. (Herod. VI. 36–37), а Перикл, видимо, лишь обновил это оборонительное сооружение (если оно вообще не приписано ему по ошибке или из апологетических мотивов).

Во всяком случае, необходимо учитывать: утверждаясь на Геллеспонте, афиняне постоянно вынуждены были считаться с тем, что зона их контроля ограни-

⁸³ Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила широкий резонанс в греческом мире. Так, под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н.э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными (Xen. Ages. I. 28; Plut. Ages. 9).

⁸⁴ Суриков (в печати).

⁸⁵ Isaac 1986, 177.

⁸⁶ Isaac 1986, 178.

⁸⁷ В другом месте (Pericl. 11) Плутарх уточняет статус этих колонистов, называя их клерухами.

чивается узкой полоской земли по берегам самого пролива, а уже совсем рядом начинаются территории, подконтрольные «варварам»: на европейской стороне — фракийцам, на азиатской — персам (поблизости лежала их сатрапия Геллеспонтская Фригия).

Далеко не во всех случаях известно, в каком именно году тот или иной греческий полис освобождался от власти персов. Ясно только, что это происходило темпами не очень быстрыми и, во всяком случае, неравномерными. Так если Абидос был освобожден, судя по всему, сразу же после Сеста (уже с 477 г. до н.э. он является членом Делосского союза), то с находившимся неподалеку Лампсаком ситуация была принципиально иной. Этот город еще в 460-е гг. до н.э. был подконтролен Ахеменидам; как известно, он входил в число тех, которые Артаксеркс I дал на «кормление» перешедшему на его сторону Фемистоклу.

Когда Лампсак перестал быть персидским — судить трудно. Вероятно, данный вопрос (применительно к этому полису, а также к ряду других) и можно было бы попытаться решить, но для этого пришлось бы углубляться в сложную и дискуссионную проблему датировки Каллиева мира, а этого мы здесь не можем себе позволить. Ясно одно: не позднее 449 г. до н.э. все города по берегам Геллеспонта входили в состав Афинской архэ и платили форос. Как упоминалось выше, был создан податной округ⁸⁸, который так и назывался — Геллеспонтским, но включал в себя всю зону Черноморских проливов⁸⁹.

В период Пентеконтаэтии и Пелопоннесской войны регион Геллеспонта занимал важное место в системе Афинской архэ. Это, несомненно, было связано со стремлением Афин удерживать контроль над «хлебным путем» из Причерноморья. Значение понтийского зерна для афинского полиса возрастало в течение V в. до н.э.⁹⁰; как нам представляется, своего рода переломным моментом стала экспедиция Перикла в Понт Евксинский, которую принято датировать временем около 437–435 гг. до н.э.⁹¹

Уже в первый период Пелопоннесской войны афиняне по понятным причинам ужесточают свой контроль над Геллеспонтсом⁹². К этому времени относится известие о коллегии геллеспонтфилаков. Оно сохранилось в эпиграфическом памятнике из Афин, содержащем ряд постановлений народного собрания, относящихся к Мефоне — одному из небольших полисов, входивших в Афинскую архэ. Псефисмы были приняты в 430–423 гг. до н.э. и затем записаны на одной общей стеле.

Насколько известно, геллеспонтфилаки упоминаются только в этой надписи⁹³. Поскольку с данной магистратурой связано немало загадок, то в интересах приведения наиболее полного исторического контекста нам представляется уместным процитировать этот памятник IG. I³. 61 (= IG. I². 57. = Syll.³ 75. = Tod 61 = ML. 65) целиком, выделив курсивом наиболее принципиальное для нас место.

«О мефонянах из Пиерии.

Фенипп, сын Фриниха, был секретарем.

⁸⁸ В 443 г. до н.э.: Макарова 2009, 13.

⁸⁹ Meritt, Wade-Gery, McGregor 1939, 484.

⁹⁰ Garnsey 1989, 105, 273.

⁹¹ Об экспедиции Перикла в контексте «хлебной проблемы» для Афин см.: Суриков 1999.

⁹² Garnsey 1989, 132.

⁹³ Rubel 2001, 39.

Совет и народ постановили, в пританию Эрехтеиды. Скопас был секретарем, Тимонид был эпислатом, Диопиф внес предложение. Народ должен немедленно решить посредством голосования относительно мефонян: угодно ли народу тотчас установить для них форос, или же им достаточно платить то, что они платили богине из фороса, установленного на прошлых Панафинеях, а в остальном быть свободными от подати⁹⁴. Что же касается долгов, которые, как записано, есть у мефонян перед государственной казной афинян: если мефоняне будут верны афинянам так, как сейчас, и еще более, афиняне позволяют отложить этот платеж, и если будет издано какое-нибудь общее постановление относительно задолженностей, значащихся на таблицах, оно не будет касаться мефонян, если только о них не будет издано отдельное постановление. Отправить к Пердикке трех послов в возрасте старше пятидесяти лет, и заявить Пердикке, что признано справедливым разрешить мефонянам пользоваться морем и не позволять их в этом ограничивать; разрешить им прибывать в страну с торговыми целями, как и прежде, не совершая несправедливостей и не подвергаясь таковым; не проводить войско через страну мефонян против их желания; если же обе стороны придут к согласию, пусть об этом договорятся послы, если же не придут — пусть обе стороны отправят на Дионисии посольство, имеющее полномочия, к Совету и народу по вопросам, в которых у них разногласие. Также заявить Пердикке, что, если воины, что в Потидее, его одобряют, афиняне будут иметь о нем хорошее мнение. Народ проголосовал за то, чтобы мефонянам платить то, что они платили богине из фороса, установленного на прошлых Панафинеях, а в остальном быть свободными от подати.

Совет и народ постановили, в пританию Гиппофонтиды. Мегаклид был секретарем, Нико[...] был эпислатом, Клеоним внес предложение. *Разрешить мефонянам вывозить из Византии хлеба до [...] тысяч медимнов ежегодно. Пусть геллеспонтфилаки и сами не препятствуют им вывозить хлеб, и другим не позволяют препятствовать, иначе будут оштрафованы на десять тысяч драхм каждый. Записавшись у геллеспонтфилаков, мефоняне могут вывозить до указанного количества; и корабль, на котором они вывозят, пусть будет свободен от пошлин.* Какое бы общее постановление о союзниках ни издали афиняне, о военной ли помощи, или предписывая городам что-либо иное, касающееся или их самих, или городов, — то, что они постановят конкретно о городе мефонян, к ним относится, остальное же — нет, но пусть они блюдут то, что им предписано. Относительно же несправедливостей со стороны Пердикки, о которых они говорят, пусть решат афиняне, что считать благом для мефонян, после того, как предстанут перед народом послы, вернувшиеся от Пердикки, — те, которые отправились с Плитием, и те, которые с Леогором. Об остальных же городах принять решение после того, как наступит вторая притания после заседания на верфях, сразу созвав народное собрание. И постоянно проводить там заседания, пока дело не будет окончено, а ничего другого не выносить на обсуждение, кроме того, о чем попросят стратеги.

Совет и народ постановили, в пританию Кекропиды. [...] был секретарем, Гиероклид был эпислатом, [...] внес предложение. Так как оценщики предписали городам, которые платят афинянам форос...

⁹⁴ Устанавливается крупная податная льгота для мефонян: вместо всей причитающейся с них суммы фороса они могут платить лишь ἀπαρχαί, составлявшие одну шестидесятую долю фороса.

Лакуна

Совет и народ постановили, в пританию Акамантиды. Фенипп был секретарем».

Как видим, надпись сохранилась далеко не полностью. К тому же она все-таки посвящена мифонянам, а не геллеспонтфилакам, последние же упоминаются в ней лишь мимоходом: составителями постановления явно предполагается, что всем без каких-либо разъяснений понятно, о чем идет речь. Поскольку мы ныне — ввиду скудного и отрывочного характера источниковой базы — такого знания уже не имеем, то о многих нюансах, связанных с этой коллегией, можно только гадать. Так, по мнению Й. Элера, функцией геллеспонтфилаков было наблюдение за вывозом зерна из Византия; ни число членов коллегии, ни способ их назначения неизвестны⁹⁵. Аналогично пишет П. Гарнси: мы не знаем, когда была введена магистратура геллеспонтфилаков (во всяком случае, они не упоминаются в документах ранее Пелопоннесской войны, и это может что-то означать, но может быть и чистой случайностью), не знаем также, в чем заключались их функции в мирное время (надпись относится к периоду Пелопоннесской войны, что могло вести к изменению, например, расширению полномочий коллегии). Гарнси считает, что, возможно, регулярной прерогативой геллеспонтфилаков было взимание таможенных пошлин с зерна и всех других товаров, двигавшихся через Геллеспонт⁹⁶.

Во всяком случае, функции геллеспонтфилаков в военное время, как они вырисовываются из приведенной выше надписи, выглядят следующим образом: магистраты следят за тем, чтобы союзные с Афинами полисы не вывозили из Византия зерна свыше разрешенного им количества. В данном случае такое количество указывается для Мифоны; к сожалению, число сохранилось не полностью, ясно только, что речь идет о тысячах медимнов. При вывозе, как видим, нужно было зарегистрироваться у геллеспонтфилаков, — а они, несомненно, при этом проводили проверку, не превышен ли вывозящими лимит.

Судя по всему, коллегия располагала значительными полномочиями и реальными механизмами для их осуществления; в псефисме специально оговаривается (и запрещается) возможность, что геллеспонтфилаки будут препятствовать вывозу хлеба даже в пределах дозволенного. Очевидно, члены коллегии (сидевшей воистину на «хлебном местечке»!) позволяли себе злоупотребления, — скорее всего, ссылаясь на разные формальности и проволочки, не пропускали транспорты с хлебом, вымогая таким образом взятки; отсюда — предписанный в постановлении достаточно высокий штраф за подобные нарушения.

Не очень ясно, кто имеется в виду под «другими», которые, по версии надписи, тоже могут препятствовать вывозу сотрудниками хлеба и которым геллеспонтфилаки не должны позволять это делать. Какие-то иные афинские магистраты из числа работавших за пределами Афин? Власти полисов на Геллеспонте, которые могли испытывать желание вмешиваться в процесс и тем самым получать для себя какие-то выгоды? Или, наконец, командиры афинских военных контингентов в регионе? Ведь шла война. Пожалуй, последний вариант представляется нам

⁹⁵ Oehler 1913, 181.

⁹⁶ Garnsey 1989, 122–133.

наиболее вероятным. Такие командиры, опираясь на подчиненную им вооруженную силу, вполне могли поддаваться соблазну каким-либо образом поживиться.

Мы вообще считаем довольно значительной возможностью того, что коллегия геллеспонтофилаков была создана только с началом Пелопоннесской войны. Обратим, кстати, внимание на само ее характерное название, буквально означающее «стражи Геллеспонта». На наш взгляд, уже этот факт говорит о многом, а именно о том, что основной функцией данных магистратов именно и была охрана Геллеспонта — в самом широком смысле, обеспечение его безопасности как зоны афинских интересов. Имеется в виду прежде всего, конечно, охрана от возможного проникновения вражеских судов. О чем-либо подобном, правда, не упоминается в вышеприведенной надписи, но это и вполне естественно, поскольку надпись посвящена совсем другим сюжетам и никто не стал бы в нее включать материал, иррелевантный для ее целей.

А контроль над вывозом хлеба, очевидно, являлся побочным элементом этой основной функции. Ведь понятие безопасности включает в себя, помимо прочего, также и экономическую безопасность. Вне сомнения, афиняне озабочивались тем, чтобы понтийское зерно по возможности не попадало в руки государств, входивших во вражеский блок (например, косвенным путем, через полисы, являвшиеся членами Афинской архэ). Отсюда — пресловутый «учет и контроль».

Заметим, наконец, что местом пребывания геллеспонтофилаков, судя по надписи, похоже, был Византий. Иными словами, мы опять имеем дело с Геллеспонтом в широком смысле слова (включая Пропонтиду и Боспор). Нас же все-таки интересует Геллеспонт-Дарданеллы. К нему мы и возвращаемся.

* * *

Геллеспонт сыграл особо большую роль в древнегреческой истории на последнем этапе Пелопоннесской войны. По сути дела, именно в этом регионе решалась судьба затянувшегося вооруженного конфликта между Афинской архэ и Пелопоннесском союзом. Причем решалась непросто, «чаши весов» постоянно колебались.

Если после поражения сицилийской армады, отпадения многих союзников Афин, создания спартанского флота казалось, что дни «города Паллады» сочтены, то именно на Геллеспонте, паче чаяния, пришло спасение. Именно туда направил свой основной удар вновь перешедший на сторону родного полиса Алкивиад; в дополнение к нему в геллеспонтский регион афинянами были направлены и другие лучшие полководческие силы — Фрасибул, Ферамен, Фрасилл⁹⁷. В результате уже в 410 г. до н.э. афинский флот одержал долгожданную, первую после длительной полосы неудач победу над спартанским при Абидосе. И затем весь период до 407 г. до н.э. был для Афин сплошной чередой успехов.

Того же никак нельзя сказать о другой кампании на Геллеспонте, относящейся к 405 г. до н.э. и завершившейся злополучным для афинян делом при Эгоспотамах. Это сражение неоднократно анализировалось в исследовательской литературе⁹⁸; поэтому не будем подробно говорить о нем, напомним лишь некоторые детали.

⁹⁷ Andrewes 1953.

⁹⁸ Например: Ehrhart 1970; Strauss 1983; 1987.

Стоянка спартанского флота располагалась на азиатском берегу Геллеспонта, в только что взятом им Лампсаке, стоянка афинского — на европейском (т.е. на Херсонесе Фракийском), буквально напротив; «Геллеспонт имеет в этом месте около пятнадцати стадиев ширины» (Хен. Нелл. II. 1. 22). Афиняне неоднократно пытались выманить противника на сражение, совершая у него на глазах маневры в водах пролива. Однако спартанский наварх Лисандр не поддавался на провокации и сохранял демонстративное бездействие, но при этом зорко наблюдал за действиями врагов: видимостью пассивности он хотел добиться, чтобы те «расслабились», утратили бдительность.

В этой обстановке к командовавшим афинским войском стратегам (Тидею, Менандру и др.) прибыл Алкивиад, который, после того, как его подвергли опале, проживал в этом регионе. Он предложил им свою помощь и дал несколько в высшей степени полезных советов, указав, в частности, на то, что место, выбранное ими для дислокации флота, исключительно неудачно и уязвимо: «афинская стоянка находится на пустынном морском берегу, вдали от городского поселения, и... за припасами им приходится отправляться за пятнадцать стадиев от кораблей в Сест, тогда как вражеский флот стоит в гавани, у самого города, и снабжен всем необходимым» (Хен. Нелл. II. 1. 25). Именно в Сест он и предлагал афинянам перебазироваться; однако стратеги, опасаясь нового возрастания влияния Алкивиادا (а, может быть, и подозревая подвох с его стороны), попросту прогнали его и не приняли во внимание ни один из его советов⁹⁹.

Несколько дней спустя спартанский наварх Лисандр, хитростью застигнув афинян врасплох, наголову разгромил их. Из двухсот афинских кораблей удалось спастись лишь восьми. Спартанцы захватили около 3000 пленных (в том числе почти полную коллегию стратегов); все они были казнены по приказанию Лисандра. Теперь у Спарты, всецело господствовавшей в Эгеиде, впервые появилась возможность осадить Афины не только с суши, но и с моря, полностью блокировать их и отрезать доступ продовольствия. П. Гарнси справедливо замечает: после овладения Лисандром Геллеспонтном Афины обречены¹⁰⁰, исход Пелопоннесской войны окончательно предрешен.

* * *

После этого конфликта, разумеется, пролив контролировался именно Спартой. В 388 г. до н.э., в ходе Коринфской войны, она сделала этот свой контроль

⁹⁹ Рассказ об этом событии Ксенофонта, его современника, наиболее краток и нейтрален; очевидно, именно это сообщение следует признать достоверно и точно отражающим события. Более поздние авторы добавляют следующую деталь: по словам Плутарха (Alc. 37), Алкивиад говорил, что «он в ближайшие дни заставил бы лакедемонян принять бой вопреки собственному желанию, в противном же случае они лишились бы своих судов... Стоит ему только собрать побольше фракийских копейщиков и всадников и, ударив с суши, посеять смятение в лагере спартанцев». Похоже — у Непота (Alc. 8): «он (Алкивиад — И.С.) ручается, что если они захотят, то он принудит Лисандра или вступить в сражение, или просить мира... Он же, Алкивиад, легко может уговорить фракийского князя Севта прогнать Лисандра с берега, после чего тому придется либо сразиться на море, либо кончить войну». В цитированных свидетельствах явно отразились преувеличенные представления о возможностях Алкивиادا. Каким образом его фракийцы могли бы напасть на силы Лисандра, стоявшие на противоположном берегу Геллеспонта?

¹⁰⁰ Garnsey 1989, 133.

особенно прочным, укрепившись в Абидосе и Сесте и закрыв движение судов по Геллеспонту (Xen. Hell. V. 1. 28)¹⁰¹.

Однако надолго спартанцам не удалось удержать свое владение регионом. В целом на протяжении большей части IV в. до н.э. пролив и прилегающие территории стали предметом интенсивной борьбы между несколькими «центрами силы», принадлежавшими как к греческому, так и «варварскому» миру. Жаждавшие реванша Афины; набирающие силу македонские Аргеады; фракийский царь Котис I и его непокорный вассал Мильтокит; Фивы, достигшие своего наибольшего могущества; персидские сатрапы западных областей Малой Азии (как сохранявшие лояльность царю, так и сепаратистски настроенные и, как следствие, постоянно воевавшие друг с другом), а также подвластные им греческие правители, зачастую выходившие из-под контроля своих сюзеренов... Интересы всех этих участников военно-политической игры переплелись в северо-восточном углу Эгеиды.

Один из эпизодов борьбы, о которой здесь идет речь, а именно пришедшийся на 460-е гг. до н.э., подробно рассмотрен в монографии Дж. Хескел¹⁰², прежде всего в связи с историей Херсонеса Фракийского в этот период. Там клубок противоречий был особенно сложен; запутанность ситуации в регионе усугублялась ее тесной связью с «Великим восстанием сатрапов», хронология которого сама по себе не является достаточно выясненной.

По условиям Анталкидова мира города Херсонеса считались автономными. Но в 368 г. до н.э. Филиск, посланник сатрапа Геллеспонтской Фригии Ариобарзана, передал афинянам обещание Артаксеркса II признать их права на Херсонес. В 367 г. до н.э. в Сузы было направлено афинское посольство; одновременно туда прибыли посольства из Спарты и Фив (последнее — во главе с самим Пелопидом). Фиванцам удалось добиться в ходе переговоров выгодных для них условий мира. Но уже в следующем году на новом конгрессе в Сузах договор был пересмотрен и все не удовлетворявшие афинян статьи устранены; персидский царь официально соглашался на возвращение Афинам Херсонеса (а также Амфиполя). Командующим в войне за Херсонес был назначен Тимофей, но в пункт своего назначения он прибыл не скоро. Поддерживавший его Ариобарзан вскоре открыто восстал против царя. Тимофею пришлось отвлечься вначале на осаду Самоса, занявшую почти год, а затем на амфипольскую кампанию, длившуюся еще несколько лет.

В 363 г. до н.э. свои претензии на Херсонес заявил Котис I. Посланный им полководец Мильтокит, несмотря на сопротивление афинян, осадил и взял ряд важных городов полуострова (Сест, Крифоту), но вскоре поднял мятеж против Котиса. Оба фракийца просили Афины о поддержке; афиняне, находясь в некотором замешательстве, помогали то тому, то другому. В одном из морских сражений Ификрат, являвшийся в то время советником Котиса, сражался против афинских же стратегов, поддерживавших Мильтокита (Demosth. XXIII. 130). После поражения Мильтокита херсонесские города оказались в руках его союзника Ариобарзана. Котис в альянсе с лояльным Артаксерксу лидийским сатрапом Автофрадатом повел наступление на них. Прибывший наконец к Геллеспонту Тимофей поддержал Ариобарзана, завладел Сестом, Крифотой, Элеунтом. Однако в 360 г. до н.э.

¹⁰¹ Garnsey 1989, 134. О спартанских операциях в Геллеспонте в период Коринфской войны см. также: Graefe 1935.

¹⁰² Heskell 1997.

почти весь Херсонес вновь оказался под контролем Котиса. На его службе в это время находился скандально знаменитый «кондотьер» Харидем, в предшествующие годы активно участвовавший в междоусобных войнах малоазийских сатрапов. После гибели Котиса (сентябрь 360 г. до н.э.) этому предводителю наемников удалось отстоять Херсонес от афинян.

Дж. Хескел приходит к выводу, что важнейшей причиной конечной неудачи афинян как на херсонесском фронте стало появление у них конкурентов в этом регионе, вмешательство в события целого ряда других «игроков». Роль некоторых участников конфликта (например, отдельных персидских сатрапов) и по сей день не может быть адекватно оценена. Войны в Северной Эгеиде в рассматриваемый период вообще отличались именно этой многосторонностью, что заставило афинян выработать ряд новых политических приемов: лавирование между соперниками, использование противоречий в их среде, стремление реализовать любую возможность для достижения желаемой цели, заключить союз с каждым, кто хотя бы пообещает помощь в этом деле, независимо от истинных мотивов и степени надежности такого потенциального союзника.

В 357 г. до н.э. Керсobleпт, сын Котиса, уступил-таки Херсонес Афинам (за исключением Кардии, оставшейся независимой). Вскоре туда были посланы афинские клерухи. Но уже грозно поднимался тот противник, которому и предстояло в конечном счете одержать здесь верх. Имеем в виду, разумеется, Филиппа II Македонского.

Правда, по условиям Филократова мира 346 г. до н.э. за афинянами сохранялось владение Херсонесом, кроме Кардии. Но с этой последней Филипп заключил союз и с вожделием поглядывал на весь полуостров. Афиняне ощущая опасность, в 343 г. до н.э. укрепили свою клерухию на Херсонесе, выслав новый отряд поселенцев во главе с Диопифом. Последний повел себя весьма энергично, не боясь вступать в конфликты с македонянами из-за пограничных территорий. Филипп письмом пожаловался в Афины на Диопифа, обвиняя того в самоуправстве и нарушении мирного договора. Сторонники так называемой «промакедонской группировки» выступали за отозвание лидера херсонесских клерухов, Демосфен же, естественно, поддерживал его и в 341 г. до н.э. произнес по этому вопросу в экклесии дошедшую до нас речь «О делах в Херсонесе» (Demosth. VIII). Ему удалось отстоять свою точку зрения.

Однако события развивались с возрастающей скоростью и вели к полному изменению геополитической ситуации в регионе. В 340 г. до н.э. Филипп II захватил-таки Херсонес, а два года спустя его владение полуостровом стало официально признанным: мир, заключенный македонским царем с Афинами после битвы при Херонее, был, как известно, в целом весьма щадящим, и афиняне удержали за собой почти все подвластные им территории за пределами Аттики, но вот от Херсонеса им пришлось отказаться навсегда.

Контроль Македонии над Геллеспонтом был прочным. Именно здесь начался Великий Восточный поход Александра: основное греко-македонское войско переправлялось через пролив в районе Сеста и Абидоса, а сам молодой царь плыл в более широком месте — от Элеунта к Илиону. «Он сам правил при переезде адмиральским кораблем и, доплыв до середины Геллеспонта, заколол быка

в жертву Посейдону и nereидам и совершил возлияние в море из золотой чаши» (Arr. Anab. I. 11. 6).

На судьбе Геллеспонта в эллинистическое время мы остановимся лишь пунктирно — как из-за ограничений, связанных с объемом работы, так и из-за нашей меньшей компетентности в истории этой эпохи. В целом несомненно, что пролив в период эллинизма несколько утратил значение по сравнению с предшествующими столетиями, однако он по-прежнему оставался «яблоком раздора». Морской битвой именно в Геллеспонте завершилась Ламийская война 323–322 гг. до н.э.¹⁰³

После смерти Александра по разделу областей его державы между диадохами регион Геллеспонта достался Лисимаху; в 309 г. до н.э. он основал на Херсонесе Фракийском город, назвав его в свою честь Лисимахией¹⁰⁴. В 278 г. до н.э. полуостров захватили галаты, и отсюда переправлялись через Геллеспонт в Малую Азию. В дальнейшем регион занимал определенное место в борьбе крупнейших эллинистических государств и неоднократно переходил из рук в руки. С 262 г. до н.э. он принадлежал Селевкидам, с 247 г. до н.э. — египетским Птолемаям, с 202 г. до н.э. — македонским Антигонидам. Последние, впрочем, владели им недолго, и после поражения во Второй Македонской войне с римлянами Филипп V вынужден был отказаться от контроля над этим регионом¹⁰⁵.

Через Геллеспонт переправился из Малой Азии в Грецию Антиох III, начиная войну против римлян¹⁰⁶, а затем через Геллеспонт же перешли в противоположном направлении римские войска. В 190 г. до н.э. побережья пролива достались Пергамскому царству и так и оставались в его составе вплоть до вхождения этого государства в состав Римской республики в 133 г. до н.э.

Геллеспонт сыграл определенную роль в Первой Митридатовой войне. Митридат VI в период своих высших успехов, в 88 г. до н.э., отчасти контролировал пролив. В геллеспонтском регионе, в Дардане, был подписан и мирный договор Суллы с Митридатом, завершивший этот вооруженный конфликт. Впоследствии неоднократно через Геллеспонт переправлялись римские контингенты, с той или иной целью, во время различных внешних и гражданских войн.

С 12 г. до н.э. Херсонес Фракийский юридически являлся собственностью Августа; Веспасиан включил его в состав провинции Европа. В целом в период Империи Геллеспонт играл роль пути из Европы в Азию уже в меньшей степени, чем Боспор с лежащим на нем Византием¹⁰⁷. На этом мы и завершаем свое изложение, — хотя, разумеется, Геллеспонт и Черноморские проливы в целом занимали важное место в мировой истории и в последующие эпохи, вплоть до относительно недавнего времени (в том числе и в связи с нашей страной)¹⁰⁸.

¹⁰³ Garnsey 1989, 151.

¹⁰⁴ См. Robert 1955, 268; Jordanov 2000.

¹⁰⁵ См. о событиях этих лет: Журавлев 1988.

¹⁰⁶ Sayar 1998, 74.

¹⁰⁷ Mabsel 1966, 1012.

¹⁰⁸ См., например, фундаментальную коллективную монографию: Россия и Черноморские проливы 1999.

- Андреев Ю. В.* 1995: Эгейский мир в преддверии цивилизации // ВДИ. 1, 100–115.
- Берве Г.* 1997: Тираны Греции. Ростов-на-Дону.
- Габелко О. Л.* 2005: История Вифинского царства. СПб.
- Грантовский Э. А.* 1998: Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.
- Данов Х. М.* 1942/1943: Борьба на старите гърци за Черно море и протоците // Годишник на университета Св. Климент Охридски (София). 39, 3–17.
- Ельницкий Л. А.* 1969: Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства // ВДИ. 3, 88–105.
- Журавлев Ю. Е.* 1988: Борьба за торговый путь в Черное море на рубеже III–II вв. до н.э. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и Средние века / В. Н. Королев (ред.). Ростов-на-Дону, 39–43.
- Зельин К. К.* 1962: Олимпионики и тираны // ВДИ. 4, 21–29.
- Иванчик А. И.* 2001: Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ. 1, 139–153.
- Касаткина Н. А.* 1986: Афинское поселение в Херсонесе Фракийском (VI в. до н.э.) // Из истории античного общества / В. М. Строгоцкий (ред.). Горький, 39–50.
- Касаткина Н. А.* 2001: Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора С. И. Архангельского: Материалы международной конференции / Е. А. Молев (ред.). Ч. 1. Нижний Новгород, 56–65.
- Ковалев П. В.* 2003: Позиция Периандра Коринфского в территориальном споре за Сигей // Исседон. 2, 54–64.
- Лосев А. Ф.* 1996: Гомер. М.
- Макарова О. М.* 2009: Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара.
- Молчанов А. А., Суриков И. Е.* 1999: Писистратиды — потомки отказавших в гостеприимстве // Закон и обычай гостеприимства в античном мире / Е. С. Голубцова (ред.). М., 122–130.
- Нежинский Л. Н., Игнатъев А. В.* (ред.) 1999: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.
- Немировский А. А.* 1998: Античная традиция о переселении балканских фригийцев в Азию и данные археологии // Античность: политика и культура / О. Л. Габелко (ред.). Казань, 3–12.
- Немировский А. А.* 1999: Троя после Троянской войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 5, 60–74.
- Подосинов А. В.* 2006: Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе / Е. А. Мельникова (ред.). М., 153–159.
- Суриков И. Е.* 1999: Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 2, 98–114.
- Суриков И. Е.* 2000а: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.
- Суриков И. Е.* 2000б: [Рецензия]: Heskell J. The North Aegean Wars, 371–360 B. C. Stuttgart, 1997 // ВДИ. 1, 222–226.
- Суриков И. Е.* 2005: Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.

- Суриков И. Е. 2006а: Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колониционная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары / Л. П. Маринович (ред.). М., 47–72.
- Суриков И. Е. 2006б: Остракизм в Афинах. М.
- Суриков И. Е. 2009: Геродот. М.
- Суриков И. Е. (в печати): О возможном историко-географическом контексте сюжета обшечного изображения на «вазе Евримедонта» (Малоизвестный эпизод Греко-персидских войн) // Аристей (в печати).
- Яйленко В. П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М.
- Akurgal E. 1956: Recherches faites à Cyzique et à Ergili (au sujet de la date de l'expansion ionienne) // *Anatolia*. 1, 15–24.
- Andrewes A. 1953: The Generals in the Hellespont, 410–407 B.C. // *JHS*. 73, 2–9.
- Badian E. 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore.
- Bengtson H. 1974: Kleine Schriften zur alten Geschichte. München.
- Bérard J. 1960: L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P.
- Bürchner L., Oberhammer E. 1913: Hellespontos // *RE*. 8, 182–193.
- Carpenter R. 1948: The Greek Penetration of the Black Sea // *AJA*. 52, 1, 1–10.
- Castritius H. 1972: Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // *Chiron*. 2, 1–15.
- Chantraine P. 1970: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 2. P.
- Coldstream J. N. 2003: Geometric Greece: 900–700 BC. 2 ed. L. ; New York.
- Condurachi E. 1960: Les statères de Cyzique et les routes commerciales du Hellespont au Danube // *Eirene*. 1, 61–67.
- Cook E. F. 1995: The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins. Ithaca.
- Cook J. M. 1962: The Greeks in Ionia and the East. L.
- Dougherty C. 1994: Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion // *JHS*. 114, 35–46.
- Drews R. 1976: The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // *JHS*. 96, 18–31.
- Ehrenberg V. 1965: Polis und Imperium: Beiträge zur alten Geschichte. Zürich; Stuttgart.
- Ehrhardt N. 1983: Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt a/M.
- Ehrhart C. 1970: Xenophon and Diodorus on Aegospotami // *Phoenix*. 24, 225–228.
- Finley M. I. 1964: The Trojan War // *JHS*. 84, 1–9.
- Forrest W. G. 1957: Colonisation and the Rise of Delphi // *Historia*. 6, 2, 160–175.
- Frisk H. J. 1960: Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg.
- Garnsey P. 1989: Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge.
- Graefe F. 1935: Die Operationen des Antialkidas im Hellespont // *Klio*. 28, 262–270.
- Graham A. J. 1964: Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.
- Graham A. J. 1971: Patterns in Early Greek Colonisation // *JHS*. 91, 35–47.
- Graham A. J. 1982: The Colonial Expansion of Greece // *CAH²*. Vol. 3, Pt. 3, 83–162.
- Hammond N. G. L. 1956: The Philaids and the Chersonese // *Classical Quarterly*. 6, 3/4, 113–129.
- Hammond N. G. L. 1980: The Extent of Persian Occupation in Thrace // *Chiron*. 10, 53–69.
- Hammond N. G. L., Roseman L. J. 1996: The Construction of Xerxes' Bridge over the Hellespont // *JHS*. 116, 88–107.
- Heskel J. 1997: The North Aegean Wars, 371–360 B. C. Stuttgart.

- Isaac B.* 1986: The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden.
- Jeffery L. H.* 1978: Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B. C. L.
- Jordanov K.* 2000: La politique de Lysimaque en Thrace, en Asie Mineure occidentale et en Macédoine (294–281 av. J.-C.) // *Thracia*. 13, 187–217.
- Labaree B. W.* 1957: How the Greeks Sailed into the Black Sea // *AJA*. 61, 1, 29–33.
- Lang M.* 1976: Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. Vol. 21). Princeton.
- Lavelle B. M.* 1993: The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560–510 B. C. Stuttgart.
- Malkin I.* 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum*. 63, 117–119.
- Mansel A. M.* 1966: Hellespontos // *Der Kleine Pauly*. Lief. 12, 1010–1012.
- Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.* 1939: The Athenian Tribute Lists. Vol. 1. Cambridge.
- Miltner F.* 1935: Die Meerengefrage in der griechischen Geschichte // *Klio*. 28, 1/2, 1–15.
- Moretti L.* 1957: Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. R.
- Myres J. L.* 1929: The Colonial Expansion of Greece // *CAH*. Vol. 3, 631–686.
- Oehler J.* 1913: Ἑλλησποντοφύλακες // *RE*. 8, 181.
- Pape W.* 1911: Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G. E. Benseler. Ht. 1. Braunschweig.
- Raven E. J. P.* 1968: Problems of the Earliest Owls of Athens // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson / C. M. Kraay, G. K. Jenkins (eds)*. Oxford, 40–58.
- Robert L.* 1955: *Hellenica*. Vol. 10. P.
- Roebuck C.* 1959: *Ionian Trade and Colonization*. New York.
- Rubel A.* 1939: *Hellespontophylakes* — Zöllner am Bosphoros? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG I³ 61) // *Klio*. 83, 1, 39–51.
- Sauge A.* 2000: “L’Iliade”, poème athénien de l’époque de Solon. Bern.
- Sayar M. H.* 1998: Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung: Geschichte, Testimonien, griechische und Lateinische Inschriften. Wien.
- Schmid P. B.* 1947: Studien zu griechischen Ktisissagen. Diss. Freiburg.
- Strauss B. S.* 1983: Aegospotami Reexamined // *AJPh*. 104, 24–35.
- Strauss B. S.* 1987: A Note on the Topography and Tactics of the Battle of Aegospotami // *AJPh*. 108, 741–745.
- Surikov I. E.* 2004: Athenian Nobles and the Olympic Games // *Mésogaios*. 24, 185–208.
- Tsvetkova J.* 2000: Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit // *Thracia*. 13, 431–462.
- Vanotti G.* 1991: L’immagine di Milziade nell’elaborazione propagandistica del V e del IV secolo A.C. // *Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano)*. 17, 15–31.

HELLESPONT PELAGUS (THE STRAIT BETWEEN THE AEGEAN AND PROPONTIS AND ITS ROLE IN ANCIENT HISTORY)

I. Ye. Surikov (Moscow)

The paper deals with the history of Hellespont and its role in ancient historical events and processes. Of special interest are the questions of control over the strait, which are considered from the viewpoint of who and when exercised or tried to exercise or to seek after such control. Of interest are also methods, goals, and motives of the control, which are tackled in the paper.

Key words: Hellespont, the Aegean, straits, trade routes, colonization, wars, Athens

© 2013

В. А. Квашнин

EDICTUM CONSULARIBUS 210 Г. ДО Н.Э.: ЛИТУРГИЯ, «ЗАЕМ» ИЛИ КОНФИСКАЦИЯ?

В статье рассматриваются события 210 г. до н.э., связанные с эдиктом консулов М. Клавдия Марцелла и М. Валерия Левина. Подробный анализ сведений Ливия позволяет обнаружить упоминание о займе, к которому прибегают римские власти в поисках средств, необходимых для финансирования флота. Автор указывает на наличие в событиях 210 г. параллелей с греческими литургиями.

Ключевые слова: Древний Рим, эдикт, рабы, заем, литургии, финансовый кризис

В истории Ганнибаловой войны одной из самых малоизученных её страниц является политика римских властей, направленная на решение целого комплекса проблем (прежде всего финансовых), порождённых затяжным противостоянием с Карфагеном. Следует признать, что правовые акты, издававшиеся римским магистратами того времени, в очень незначительной степени привлекли внимание исследователей, занимавшихся этим периодом. Между тем они не только показывают всю сложность проблем, возникших в связи с вторжением Ганнибала, но и позволяют увидеть некоторые черты, характерные для жизни римского общества. Одно из самых ярких описаний как состояния римских финансов, так и методов их пополнения относится к 210 г. до н.э.¹, когда в очередной раз возникла проблема нехватки гребцов на римском флоте. Из-за отсутствия денег в казне консулы М. Клавдий Марцелл и М. Валерий Левин издали эдикт, практически полностью повторявший консульский эдикт 214 г.². По-видимому, ставшая привычной проблема подталкивала М. Клавдия Марцелла (консула и одного из «авторов» эдикта 214 г.) к уже опробованному пути её решения. Однако действия консулов вызвали взрыв негодования у населения, грозивший перерасти в открытый мятеж³. На пер-

Квашнин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: kvashninv195@mail.ru

¹ Далее все даты — до н.э.

² Liv.XXVI.35.1–3: *Scripto deinde exercitu de remigum supplemento agi coeptum; in quam rem cum neque hominum satis nec ex qua pararentur stipendiumque acciperent pecuniae quicquam ea tempestate in publico esset, edixerunt consules ut privatim ex censu ordinibusque, sicut antea, remiges darent cum stipendio cibariisque dierum triginta* (Когда войско было набрано, занялись пополнением состава гребцов. Не хватало людей, платить было нечем: казна в ту пору была пуста. Консулы издали эдикт: пусть частные лица соответственно своему состоянию и званию выставят гребцов, как это бывало и раньше, выдав им жалованье и довольствие на тридцать дней). Здесь и далее пер. С. А. Иванова.

³ Liv.XXVI.35.4–8: *Ad id edictum tantus fremitus hominum, tanta indignatio fuit ut magis dux quam materia seditioni deesset: secundum Siculos Campanosque plebem Romanam perdendam lacerandamque sibi consules sumpsisse. Per tot annos tributo exhaustos nihil reliqui praeter terram nudam ac vastam habere. Se ut dent quod non habeant nulla ui nullo imperio cogi posse. Bona sua venderent; in corpora quae reliqua essent saevirent; ne unde redimantur quidem quicquam superesse. Haec non in occulto, sed propalam in foro atque oculis ipsorum consulum ingens turba circumfusi fremebant; nec eos sedare consules nunc castigando, nunc consolando poterant* (Указ этот встретили таким ропотом, таким негодованием, что для мятежа не доставало только вождя. Твердили, что консулы, разорив сначала сицилийцев и кампанцев, взяли теперь и за римский простой народ: плебеи истощены многолетней податью — у

вый взгляд, сообщение Ливия говорит о том, что поводом к возмущению стала попытка властей обложить новой податью население, и без того обремененное необходимостью выплаты трибута. По условиям консульского эдикта в зависимости от имущественного и сословного ценза граждане должны были снарядить определенное число гребцов для флота из числа принадлежавших им рабов. При этом консулы, по-видимому, использовали раскладку 214 г., основывающуюся на данных ценза 220 г., поскольку ценз 214/213 г. не был завершен. Очевидно, что война привела к уменьшению благосостояния значительной части римских фамилий, в связи с чем использование данных еще довоенного ценза ложилось дополнительным грузом на финансы фамилии⁴. Вместе с тем текст Ливия позволяет предположить, что возмущение римских граждан было главным образом связано с необходимостью передать государству сельских рабов, трудившихся в частных хозяйствах⁵. Вместе с тем, вопреки сообщению Ливия об исчезновении рабов, находившихся в частных руках, расчеты Н. Розенштейна показывают, что в 210 г. их должно было остаться достаточно много⁶. Даже учитывая естественную смертность и обстоятельства войны, трудно объяснить исчезновение такого количества рабов, что помимо прочего должно было стать очень серьезной проблемой для римской экономики.

Это противоречие можно решить, предположив, что владельцы рабов не желали отдавать их, ссылаясь на отсутствие рабов в своем хозяйстве. Связанный с войной отток рабочей силы из сельского хозяйства усиливал значение рабского труда, необходимого как для существования самих крестьянских семей, так и для содержания армии (ее снабжения и выплаты трибута). Следует учитывать наличие еще одного обстоятельства, повлиявшее на нежелание римских налогоплательщиков отдавать рабов, но при этом продемонстрировавших готовность предоставить государству необходимые ему деньги на определенных условиях. Вызванный падением Сиракуз в 212 г. приток денежных средств в Рим усилил девальвацию римской валюты, сопровождавшуюся введением серебряного денария и секстантарного асса⁷. В результате, для римлян, оставшихся в тылу, раб как источник труда был более привлекателен, чем постоянно обесценивающиеся деньги, которые к тому же в основном уходили на налоги⁸.

После того как значительная часть граждан открыто выразила свое недовольство новой попыткой властей забрать часть рабов на флот, консулы в течение трех

них нет ничего, кроме голой земли... Никакой силой, никакой властью нельзя их принудить дать то, чего у них нет. Пусть продают их имущество, пусть терзают тело — последнее их достояние, выкупиться им будет не на что. Все это говорилось не тайком, а открыто, на форуме, в лицо консулам, которых окружала огромная взволнованная толпа; они не могли успокоить ее ни бранью, ни уговорами).

⁴ В связи с этим можно предположить наличие связи между волнениями, охватившими римскую общину в 210 г. и проведением полноценного ценза, завершившегося люстром, в 209/208 гг.

⁵ Liv. XXVI.35.5: Tecta hostes incendisse, servos agri cultores rem publicam abduxisse, nunc ad militiam parvo aere emendo, nunc remiges imperando; si quid cui argenti aerisue fuerit, stipendio remigum et tributis annuis ablatum (Постройки сожгли враги; рабов-пахарей свело государство: то покупало их за гроши для военной службы, то забирало в гребцы. Если у кого что-то еще и было, все ушло на жалованье гребцам и на ежегодные подати). Ср.: Тоунбее 1965, 520.

⁶ Rosenstein 2008, 24–25.

⁷ Crawford 1985, 52–62. Ср.: Rich 1983, 310–311.

⁸ Rosenstein 2008, 25–26.

дней проводили консультации с сенатом, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Обсуждение в сенате, однако, закончилось тем, что консулам было рекомендовано любыми путями снабдить флот гребцами за счет частных средств, что явно указывает на критическое состояние эрария (Liv. XXVI.35.1–10). В результате М. Валерий Левин (именно он фигурирует в описании Ливия) идет на весьма необычный шаг, обратившись к сенаторам с предложением передать все имеющиеся у них средства в казну. Его содержание Ливий передает следующим образом: «Мы, сенаторы, завтра же отдадим в казну все наше золото, серебро и медные деньги: пусть каждый оставит лишь по кольцу самому себе, жене и детям, да булле сыну⁹, да еще жене или дочери по унции золота¹⁰; те, кто занимал курульные должности пусть оставят себе серебряные конский убор¹¹ и фунт серебра на солонку и блюдо для приношения богам; остальные сенаторы оставят себе только по фунту серебра да медных денег по пяти тысяч ассов на каждого отца семейства. Все прочее золото, серебро и медные деньги отнесем сейчас же триумвирам, ведающим казной, не дожидаясь сенатского постановления»¹². Как далее сообщает Ливий, вслед за сенаторами, вдохновившись поданным ими примером, стали сдавать имеющееся у них золото, серебро и медь плебеи¹³. Дальнейшая судьба этих средств неизвестна, поскольку Ливий о них ничего не сообщает. В связи с этим весьма правдоподобным выглядит предположение Н. Розенштейна о том, что на эти деньги были куплены рабы вне Рима или наняты гребцы из числа свободных лиц¹⁴.

Хотя Ливий всячески подчеркивает добровольность и внезапность этого прорыва со стороны римского народа, как четкий порядок происходящего, имеющий признаки социальной стратификации (сенаторы — всадники — плебс), так и дальнейшие события заставляют предположить, что перемещение денег из фамильной казны в государственную все же происходило на определенных условиях. В ином случае трудно объяснить, почему в 204 г. М. Валерий Левин, инициатор этой акции, поднял вопрос о возвращении денег, взятых у частных лиц

⁹ Булла — амулет, обычно в виде полого шарика, который носили на груди свободнорожденные дети.

¹⁰ Около 27 гр.

¹¹ Имеются в виду фалеры — особые бляхи на сбруе лошади.

¹² Liv. XXVI.36.5–8: Si quid iniungere inferiori velis, id prius in te ac tuos si ipse iuris statueris, facilius omnes obediens habeas; nec impensa gravis est, cum <ex> ea plus quam pro virili parte sibi quemque capere principum vident. Itaque <si> classes habere atque ornare volumus populum Romanum, privatos sine recusatione remiges dare, nobismet ipsis primum imperemus. Aurum, argentum <aes> signatum omne senatores crastino die in publicum conferamus, ita ut anulos sibi quisque et coniugi et liberis, et filio bullam et quibus uxor filiaeve sunt singulas uncias pondo auri relinquunt: argenti qui curuli sella sederunt equi ornamenta et libras pondo, ut salinum patellamque deorum causa habere possint: ceteri senatores libram argenti tantum: aeris signati quina milia in singulos patres familiae relinquamus: ceterum omne aurum argentum aes signatum ad triumviros mensarios extemplo deferamus nullo ante senatus consulto facto.

¹³ Liv. XXVI.36.11–12: Senatu inde misso pro se quisque aurum argentum et aes in publicum conferunt, tanto certamine iniecto ut prima aut inter primos nomina sua uellent in publicis tabulis esse ut nec triumviri accipiundo nec scribae referendo sufficerent. hunc consensum senatus equester ordo est secutus, equestris ordinis plebs (Сенаторы разошлись; все наперебой стали отдавать в казну золото, серебро, медь, каждый хотел видеть свое имя в официальных списках если не первым, то из первых: триумвиры не успевали принимать, а писцы записывать взносы. Сенаторы были единодушны; за ними последовали всадники, за всадниками простой народ).

¹⁴ Rosenstein 2008, 25.

в год его консульства¹⁵. Сенатом было принято решение о выплате этих денег тремя частями, с окончательным погашением долга в 200 г., хотя формально он не был погашен и к 196 г. О том, что это был именно заем недвусмысленно говорится при описании событий 200 г.: «Многие частные граждане обратились в сенат, напоминая, что на этот именно год приходится третья выплата в погашение займа, который они в свое время в консульство Марка Валерия и Марка Клавдия предоставили государству, консулы же отказали им, объявив, что платить не из чего — казны едва достанет на снаряжение судов и войск, необходимых для новой войны»¹⁶. По крайней мере, в трех эпизодах Ливия содержится терминология¹⁷, указывающая на то, что в 210 г. между государством и гражданами возникли отношения, юридически описываемые как заем¹⁸. В литературе обращалось внимание на то, что в описании событий 210 г. Ливием нет и намека на то, что это был заем, хотя несколькими годами позже он вполне определенно говорит о возвращении государством денег, взятых в долг¹⁹. Вряд ли в данном случае можно говорить об особенностях источников, которыми пользовался римский автор. Скорее следует предположить, что Ливий сознательно сделал акцент на безвозмездном характере передачи гражданами в казну своих средств, что хорошо вписывалось в его концепцию общественного согласия в Риме в годы Ганнибаловой войны, но прямо противоречило тому материалу, который он использовал при описании событий более позднего времени. Это позволяет объяснить некоторые неувязки и противоречия разбираемого эпизода. Так, обращает на себя внимание, что все сдаваемое в казну тщательно фиксировалось, несмотря на добровольный и, казалось бы, безвозмездный характер пожертвования со стороны римских граждан. Ливий упоминает о существовании неких официальных списков (*publicis tabulis*), в которые заносились граждане, сдававшие в казну деньги.

Как справедливо полагает Тао Тан, формально, с точки зрения права, речь не может идти о займе, поскольку у Ливия отсутствуют описание как юридических

¹⁵ Liv. XXIX.16.1–3: *Altera item res prope aequae longo neglecta silentio relata a M. Valerio Laevino est qui privatis conlatas pecunias se ac M. Claudio consulibus reddi tandem aequum esse dixit; nec mirari quemquam debere in publica obligata fide suam praecipuam curam esse; nam praeterquam quod aliquid proprie ad consulem eius anni quo conlatae pecuniae essent pertineret, etiam se auctorem ita conferendi fuisse inopi aenario nec plebe ad tributum sufficiente* (О другом деле, тоже давно забытом и умалчиваемом, напомнил Марк Валерий Левин: следует наконец вернуть деньги, собранные частными лицами в консульство его и Марка Клавдия; нечего удивляться, если он особенно озабочен этим государственным долгом: не говоря о том, что дело касается его лично как консула того года, когда происходил сбор, но он и посоветовал его произвести, так как казна была пуста и простой народ был не в силах платить налог).

¹⁶ Liv. XXXI.13.2–3: *Expiatis omnibus religionibus nam etiam Locris sacrilegium pervestigatum ab Q. Minucio erat pecuniaque ex bonis noxiorum in thesauros reposita cum consules in provincias proficisci vellent, privati frequentes, quibus ex pecunia quam M. Valerio M. Claudio consulibus mutuam dederant tertia pensio debebatur eo anno, adierunt senatum, quia consules, cum ad novum bellum quod magna classe magnisque exercitibus gerendum esset vix aenarium sufficeret, negaverant esse unde iis in praesentia solueretur.*

¹⁷ Liv. XXIX.16.1–3; XXXI.13.2–3; XXX.42.2.

¹⁸ Тао Тан указывает на присутствие в тексте Ливия термина «conlatae», производного от *conferre* (Тао Тан 2007, 25–26). В свое время А.Г. Гемп обратил внимание на целую группу терминов, используемых Ливием при описании событий 210 г. («pecuniae conlatae», «mutuum dare», «aes alienum»), истолковав их как обозначение денег, переданных римскими гражданами государству в долг (Гемп 1958, 80).

¹⁹ Тао Тан 2007, 25–26.

деталей соглашения, так и условий возврата заимствованных средств. Однако фактически, подчеркивает исследователь, это был именно заем, хотя и непривычным образом оформленный, поскольку он основывался на отношениях, архаичных для современного права. В условиях античного общества заем не оформлялся в виде государственных облигаций или иных ценных бумаг, что предполагало наличие соответствующей документации и правового оформления. Он был основан на неформальном соглашении населения и публичной власти, скрепленном в большей степени религиозными и идеологическими средствами (XXIX.16.1)²⁰. Таким образом, заем 210 г. был основан на неписаной и неформальной основе, отражавшей специфику античного римского общества²¹. В то же время можно заподозрить, что существовал сенатконсулт, в котором излагались конкретные детали передачи сенаторами средств в казну²². Передаваемые Ливием обстоятельства «займа» 210 г. показывают наличие сложной формулы, по условиям которой отдельно сдавали средства сенаторы, а уже после них всадники и плебс. При этом передаваемая им речь М. Валерия Левина была адресована только сенаторам. В этой связи можно предположить, что основные положения этой речи отражают содержание сенатконсульта 210 г., о котором вскользь упоминает Ливий. В таком случае сенаторское сословие было обложено податью литургического типа, и, скорее всего, переданные средства не были возвращены сенаторам, в отличие от всадников и плебса, которые вносили деньги под условием их возврата²³. Именно поэтому все, что было внесено ими в казну, тщательно фиксировалось писцами в специальных списках, на основании которых впоследствии и производился возврат денег. По мнению М. Кроуфорда, «заем» 210 г. является одним из редких случаев, когда римское государство сумело эффективно мобилизовать ресурсы богатых граждан²⁴. В этой связи в литературе неоднократно высказывались сомнения в добровольном характере «займа» 210 г.²⁵

Следует отметить, что еще Т. Моммзен видел в налогах военного времени что-то вроде принудительного чрезвычайного займа, который использовался во время войны и возвращался из военной добычи²⁶. Мысль о том, что в период Ганнибаловой войны римские власти прибегали к литургиям, используя греческий опыт, неоднократно высказывалась исследователями²⁷. Как отмечает П. Маршетти, использование помимо трибута таких чрезвычайных мер как займы и нало-

²⁰ В этой связи М. Валерий Левин явно не случайно упоминает о *publica fides* (Liv. XXIX.16.1).

²¹ Tao Tan 2007, 24–26.

²² См.: Liv. XXVI.36.8: ...*ceterum omne aurum argentum aes signatum ad triumuiros mensarios extemplo deferamus nullo ante senatus consulto facto*.

²³ Как полагает А. Тойнби, меры, предпринятые римскими властями в 210 г., затронули только сенаторов (Toynbee 1965, 520).

²⁴ Crawford 1985, 60–62.

²⁵ Nicolet 1966, 42; Nicolet 1976в, 34; Matchetti 1978, 347.

²⁶ Mommsen 1887, 227–228, 1124. Anm. 1.

²⁷ Nicolet 1976а, 75–76, 206. Ср.: Levi 1969, 241; Marchetti 1977, 122; Harris 2008, 513. Обращает на себя внимание определенное сходство действий римского сената с греческим обычаем *эпидосиса* (*ἐπίδοσις*), предполагавшего добровольное принятие на себя гражданами определенных расходов, будь то денежные пожертвования, поставки в натуральной форме или выполнение литургических повинностей (например, триерархии). Источники указывают на то, что государство в случае необходимости само призывало граждан к *эпидосису*, что подтверждается и эпиграфическим материалом (Бондарь 2009, 166).

гообложение литургического типа для наиболее богатых граждан было в первую очередь вызвано тем, что простые граждане, составлявшие основную массу налогоплательщиков, были просто раздавлены налогами, тогда как более зажиточные граждане несли значительно меньшую нагрузку. Он объясняет это тем, что трибут был пропорционален цензу и, соответственно, его ставка не была прогрессивной²⁸. Такого же мнения придерживается А. Липпольд, согласно которому тяжелое финансовое положение казны не означало аналогичную ситуацию во всех римских семействах, особенно знатных. В качестве примера он указывает на то, что самые тяжелые годы войны дают пример богатых игр различного рода, которые организовывались частными лицами. То, что консулы 210 г. апеллировали к сенаторам, уже является указанием на то, что в их наличии были определенные средства²⁹. Сообщение Ливия создает впечатление, что в 210 г. финансовые ресурсы знатных семейств были опустошены до предела. Однако в условиях постоянной девальвации римской «валюты» принесенная ими жертва выглядит не так впечатляюще. Как справедливо отметил Н. Розенштейн, главное богатство того времени составляли земля и рабы, с которыми не пожелали расставаться не только знатные, но и рядовые налогоплательщики³⁰.

«Заем» 210 г., возможно, оформленный как сенат-консулт (если вообще ему требовалось какое-то формально-юридическое закрепление, являющееся необходимым в глазах современного человека), обнаруживает сходство с законами, принятыми в Риме в 218–215 гг., сразу по нескольким позициям. Подобно *lex Claudia*, он был направлен на сенаторов, с другой стороны, так же, как *lex Oppia*, вводил ограничения размера имущества римских матрон. При сравнении положений закона Оппия с условиями «займа» 210 г. можно заметить следующую особенность: если в 215 г. женщинам запрещалось иметь более 0,5 унции золота, то в 210 г. это была уже 1 унция. На данное обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи, стремившиеся доказать отсутствие в законе Оппия запрета на владение золотом. Однако, скорее всего, речь идет о разных категориях лиц. Если в 215 г. ограничениям подверглись женщины, оказавшиеся в результате массовых военных потерь лицами «своего права» (*sui iuris*)³¹, то в 210 г. это могли быть римлянки, остававшиеся под властью домовладыки (*alieni iuris*)³². Между принятием *lex Oppia* и событиями 210 г., безусловно, существует прямая связь, на чем справедливо настаивает большинство исследователей. По сути, они являются звеньями одной политики, проводившейся высшими римскими магистратами в

²⁸ Marchetti 1977, 122. Иного мнения придерживается Э. Габба, согласно которому именно богатые граждане в годы войны были вынуждены нести на себе все более возрастающую тяжесть военных расходов. По его оценке, первый цензовый класс (80 из 193 центурий) платил более 40% трибута (Gabba 1977, 131). П. Маршетти, однако, отмечает в этой связи, что трибут, даже будучи раскинут на более многочисленных налогоплательщиков из числа плебеев, все равно был слишком обременителен для них (Marchetti 1977, 125).

²⁹ Lippold 1963, 98.

³⁰ Rosenstein 2008, 25.

³¹ Как отмечает С. Поумрой, одним из последствий Ганнибаловой войны стало то, что женщины массово наследовали имущество своих погибших родственников по мужской линии (Pomeroy 1975, 177–178. N.15).

³² Pepe 1984, 48ff.

начальный период Ганнибаловой войны с целью выхода из острейшего финансового и военного кризиса³³.

В свое время Л. Пеппе обратил внимание на переключку двух источников, относящихся к периоду Римской республики³⁴. Первым является приведенная Аппианом речь римской матроны Гортензии эпохи второго триумvirата, в которой содержится следующее свидетельство: «Наши матери, правда, всего один раз, вопреки нашему полу, собрали налог: это когда грозила опасность всему вашему господству и даже самому городу, когда нам угрожали карфагеняне. Но и тогда женщины вносили налог добровольно и притом не с земель, имений или домов, без чего не могла существовать свободная гражданка, но только из своих собственных украшений, к тому же не подвергавшихся оценке, не под угрозой указчиков или доносчиков, не по принуждению или насилью, а вносили столько, сколько сами пожелали»³⁵. Второй источник — это передаваемая Ливием речь плебейского трибуна Луция Валерия при осуждении вопроса об отмене закона Оппия в 195 г., в которой говорится: «Все мы по примеру сенаторов отдавали государству сколько у кого было золота и серебра; вдовы и сироты несли свои деньги в казну; был установлен предел хранимому дома — будь то вещи из золота или серебра, будь то чеканная монета, серебряная или медная»³⁶. Приведенные источники показывают, что «заем» 210 г. (так же как, вероятно, и *lex Oppia*) основывался на определенном имущественном минимуме, которым позволялось владеть домовладке. Одновременно события 210 г. указывают на то, что дело не ограничивалось установлением имущественного минимума — за ним следовало изъятие имущества, выходящего за его пределы. Возможно, что и в 215 г. происходило нечто подобное. Цензоры, при содействии которых принимались законы эпохи Ганнибаловой войны, обладали информацией об имущественном положении каждой римской фамилии. Другое дело, что особенности античного государства, оформленного как гражданская община, не позволяли напрямую изымать необходимые для войны средства у населения, заставляя публичную власть искать механизмы для организации «принудительно-добровольного» внесения гражданами этих средств в казну. Одним из таких механизмов, видимо, и являлись законы о роскоши того времени, с одной стороны, и широкомасштабное применение политики «кредита», опробованной сенатом в годы войны, — с другой. В своей совокупности они не только способствовали изъятию части средств, принадлежащих частным лицам, но создавали ограничения для владения определенным имуществом, подготавливая возможность для дальнейшего изъятия той его части, которая выходила за создаваемые законом пределы. В этом смысле в законах начального периода

³³ Pomeroy 1975, 171f; Baltrusch 1989, 58–59; Williamson 2005, 26.

³⁴ Peppe 1984, 48.

³⁵ App.B.C.IV.33: «Τί δὲ ἐσφέρωμεν αἱ μήτε ἀρχῆς μήτε τιμῆς μήτε στρατηγίας μήτε τῆς πολιτείας ὅλως, τῆς ὑμῖν ἐς τοσοῦτον ἤδη κακοῦ περιμαχίτου, μετέχουσαι; ὅτι φατὲ πόλεμον εἶναι; καὶ τότε οὐ γεγόνασι πόλεμοι; καὶ τότε γυναῖκες συνεισήνεγκαν; ἄς ἡ μὲν φύσις ἀπολύει παρὰ ἅπασιν ἀνθρώποις, αἱ δὲ μητέρες ἡμῶν ὑπὲρ τὴν φύσιν ἐσήνεγκάν ποτε ἅπαξ, ὅτε ἐκινδυνεύετε περὶ τῆ ἀρχῆς πάση καὶ περὶ αὐτῆ τῆ πόλει, Καρχηδονίων ἐνοχλούντων. καὶ τότε δὲ ἐσήνεγκαν ἐκοῦσαι, καὶ οὐκ ἀπὸ γῆς ἢ χωρίων ἢ προικῶς ἢ οἰκῶν, ὧν χωρὶς ἀβίωτόν ἐστιν ἐλευθέραις, ἀλλὰ ἀπὸ μόνων τῶν οἴκοι κόσμων, οὐδὲ τούτων τιμωμένων οὐδὲ ὑπὸ μηνυταῖς ἢ κατηγοροῖς οὐδὲ πρὸς ἀνάγκην ἢ βίαν, ἀλλ' ὅσον ἐβούλοντο αὐταί.

³⁶ Liv.XXXIV.6.14: Aurum et argentum omne ab senatoribus eius rei initio orto in publicum conferebamur; uiduae et pupilli pecunias suas in aerarium deferebant; cautum erat quo ne plus auri et argenti facti, quo ne plus signati argenti et aeris domi haberemus.

Ганнибаловой войны, консульских эдиктах и сенатконсультах проглядывают следы одной юридической «техники».

Отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, следует признать, что события 210 г. нельзя свести к заему, конфискации или литургии в чистом виде. Скорее, в действиях консулов и сената можно обнаружить признаки и того, и другого, и третьего. В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что в годы Ганнибаловой войны римские власти начинают активно использовать греческий опыт финансирования войны, адаптируя его к новой ситуации³⁷. В то же время сообщение Полибия, относящееся ко времени Первой Пунической войны, заставляет думать, что приобщение римской элиты к опыту греческих «учителей» произошло ещё раньше (Polyb. I.59.7–8). При этом бросается в глаза ярко выраженный ограничительно-конфискационный характер законодательства 218–210 гг., переложившего значительную часть бремени финансовых проблем на наиболее состоятельную и знатную часть римского общества — сенаторское сословие. Это, казалось бы, плохо сочетается с тем, что такая политика проводилась группой родовитых римских сенаторов³⁸. Представляется, однако, что противоречие это кажущееся, поскольку деятельность этой группы политиков отразила определенные сдвиги в общественной психологии римской *civitas*. При рассмотрении первых законов о роскоши часто упускается характерная для античного гражданского общества ориентация не на простое равенство, а на равенство пропорциональное, когда слагаемые богатства и почестей определяли сумму обязанностей перед обществом тем большую, чем выше был социальный ранг гражданина³⁹. Идущее из эпохи архаики уважение к родовитости трансформировалось в условиях гражданского общества в полисную идеологию, возлагавшую на обладателей богатства и общественного престижа несение главной тяжести проблем, встававших перед коллективом⁴⁰. В этом смысле *edictum consularibus* 210 г. и последовавшее за ним некое «соглашение» между властями и верхушкой гражданского коллектива — это еще и показатель того, что римское общество конца III в. уже прочно осознало свое новое качество. Наряду с утверждением социальной структуры гражданского коллектива, в обществе закрепляется соответствующая ей идеология, определявшая весь строй квирицкого мышления, в том числе и в области правосознания⁴¹.

³⁷ Toynbee 1965, 520; Nicolet 1976a, 75–76, 206; Crawford 1985, 60–61; Williamson 2005, 28; Naco del Hoyo 2011, 380.

³⁸ Помимо прочего исследуемое законодательство показывает активное участие представителей сенатской аристократии. Прежде всего это относится к М. Клавдию Марцеллу, который был связан как с изданием консульского эдикта 214 г., так и займом 210 г. С другой стороны, с Клавдиями явно связан внесший *lex Claudia* плебейский трибун Кв. Клавдий. В общем-то при желании можно найти связь между законотворческой активностью плебейских собраний и трибунов в годы войны и плебейским происхождением Клавдиев. Однако, события 214–210 гг. указывают на участие в них таких представителей патрицианской знати, как Кв. Фабий Маким и М. Валерий Левин.

³⁹ Nicolet 1976a, 71–74, 82–84, 126–220.

⁴⁰ Hölkeskamp 1993, 38.

⁴¹ Ср.: Ляпустин 1997, 234–243. Размышляя о корнях греческих литургий, Л. Д. Бондарь справедливо указывает на их генетическую связь с социорегулятивными институтами архаического периода. В частности она обращает внимание на обычай «потлача», имевшего распространение у самых разных народов, в том числе и средиземноморских, который предполагал добровольную передачу своего имущества для коллективных нужд. Очевидно, что греческие литургии, как и римские законы о роскоши, опирались на архаические по своей природе установки, которые были пере-

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарь Л. Д.* 2009: Афинские литургии V–IV вв до н.э. СПб.
- Гемп А. Г.* 1958: Прямой налог в Римской республике // Сборник трудов Архангельского педагогического института. Вып. 2, 66–80.
- Кнабе Г. С.* 1985: Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура Древнего Рима. Т. 2, М., 108–166.
- Лянустин Б. С.* 1997: Фамилия и римская civitas в III в. до н.э.: пути развития // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференции Российской Ассоциации Антиковедов 1996 и 1997 гг. М., 234–243.
- Baltrusch E.* 1989: Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München.
- Crawford M.* 1985: Coinage and Money under the Roman Republic. Italy and the Mediterranean Economy. Berkeley; Los Angeles.
- Crawford M. H.* 1964: War and Finance // JRS. 54, 29–32.
- Gabba E.* 1977: Esercito e fiscalità a Roma in età repubblicana // Armées et fiscalité dans le monde antique. P. 19–25.
- Harris W.* 2008: The Late Republic // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (ed.). Cambridge, 511–539.
- Hölkeskamp K.-J.* 1993: Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas // Historia. XLII/1, 12–39.
- Levi M. A.* 1969: L'ellenismo e l'ascesa di Roma. Torino.
- Lippold A.* 1963: Consules: Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr. Bonn.
- Marchetti P.* 1977: A propos du tributum romain: impôt de quotité ou de repartition? // Armées et fiscalité dans le monde antique. P. 107–133.
- Marchetti P.* 1978: Histoire économique et monétaire de la deuxième guerre punique. Paris.
- Mommsen Th.* 1887: Römisches Staatsrecht. Bd. III. Leipzig.
- Ñaco del Hoyo T.* 2011: Roman Economy, Finance and Politics in the Second Punic War // A Companion to The Punic Wars / D. Hoyos (ed.). Oxford, 376–392.
- Nicolet C.* 1966: L'ordre équestre à l'époque Républicaine (321–43 av. J.C.). T. 1. P.
- Nicolet C.* 1976 A: Le métier de citoyen dans la république romaine. P.
- Nicolet C.* 1976 B: Tributum: Recherches sur la fiscalité directe sous la république romaine. Bonn.
- Peppe L.* 1984: Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in età repubblicana. Milano.
- Pomeroy S. B.* 1975: Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity. New York.
- Rich J.* 1983: The Supposed Roman Manpower Shortage of the Later Second Century B. C. // Historia. 32/3, 305–316.
- Rosenstein N.* 2008: Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 98, 1–26.
- Tao Tan.* 2007: Financing an Empire: Banks, Bourses and Capital Markets of the Roman Republic. Diss. New York.
- Toynbee A. J.* 1965: Hannibal's Legacy. Vol. II: Rome and Her Neighbours after Hannibal's Exit. London; New York; Toronto.
- Williamson C.* 2005: The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor.

осмыслены в условиях гражданской общины, в связи с чем их дальнейшее развитие подчинялось логике развития полисного организма (Бондарь 2009, 167–169).

EDICTUM CONSULARIBUS OF 210 BC: LITURGY, "LOAN"
OR CONFISCATION?*V. A. Kvashnin*

The article considers the events of 210 BC connected with the edict of consuls M. Claudius Marcellus and M. Valerius Levin. Detailed analysis of the data given by Livius revealed reference to loans Roman authorities resorted to in search of funds necessary for financing the fleet. The author makes a parallel between the events of 210 BC and Greek liturgies.

Key words: Ancient Rome, edict, slaves, loan, liturgy, financial crisis

© 2013

В. В. Дементьева

ДЕЛОССКАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ О ПРОКВЕСТУРЕ ЛУКУЛЛА:
ЛУЦИЙ ИЛИ МАРК?*

Объектом изучения в статье является текст латинской надписи, найденной на острове Делос в конце XIX в., с именем Lucullus и указанием на проквестуру этого человека. Автор анализирует семь публикаций данной надписи (и ее фотографию) и приходит к выводу, что устойчивый стереотип отождествления упомянутого в ней человека с Луцием Лицинием Лукуллом может быть поставлен под сомнение. Praepositi и populi в эпитафическом памятнике не сохранились, а в период после возвращения римлянами Делоса под власть Афин (после опустошения его Митридатом в 88 г. до н.э. и взятия Суллой Афин), к которому он относится, в ранге проквестора действовал не только Луций Лициний Лукулл, но и его младший брат Марк Терренций Варрон Лукулл. В статье приводятся возможные аргументы и контраргументы в отношении каждого из братьев как персоны изучаемой надписи, и делается вывод, что реальных доказательств в пользу кого-либо из них в данный момент не обнаруживается.

Ключевые слова: Луций Лициний Лукулл, Марк Терренций Варрон Лукулл, делосская надпись, проквестор

Плебейский род Лициниев, оставивший заметный след в римской истории, дал плеяду блестящих имен — слава не обошла все ветви рода, включая Лукуллов. На первую половину I в. до н.э. пришлось жизнь и служение отечеству двух братьев Лукуллов — Луция (консула 74 г. до н.э.) и Марка (консула 73 г. до н.э.),

Дементьева Вера Викторовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. E-mail: vv_dementieva@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий» в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ (темплан ЯрГУ им. П. Г. Демидова, ЗН-1094, шифр проекта: 6.7589.2013).

сыновей пропретора 102 г. на Сицилии Луция Лициния Лукулла. Особенно известным был старший, Луций¹, причем популярность его имела многие грани, — в ней переплетались не только успехи на военном поприще, отличия в прохождении *cursus honorum*, но и его богатство, любовь к роскоши, знаменитые гурманство и хлебосољство, сделавшие его имя нарицательным. Марк был в тени старшего брата, «не так славен и жил проще»². Он был усыновлен М. Терренцием Варроном, получил его родовое имя и прозвище, но когномен *Lucullus* остался тоже. Биографии их в целом хорошо известны, перечислять многочисленные заслуги каждого из них здесь нет необходимости. Оба брата умерли в середине 50-х гг., Марк заботился о больном Луции, пережив его ненамного (*Plut. Luc. XLIII*). От деятельности братьев на важнейших управленческих постах сведений в источниках сохранилось немало, как в различных нарративах, так и в эпиграфических памятниках. Один из последних и является в данном случае объектом нашего изучения.

Теофил Омолль, экспедиция Французской археологической школы под руководством которого на острове Делос (он возглавлял ее в конце 70-х — конце 80-х гг. XIX в.) обнаружила, в числе многих других, надпись с именем Лукулла и указанием на его проквестуру, опубликовал ее в 1879 г. в следующем виде³:

<p>a</p> <p>I</p> <p>GRAEC</p>	<p>b</p> <p>LVCVLLVM · PRO · Q</p> <p>NIENSIS · ET · ITALICEI · ET</p> <p>I · IN · INSULA · NEGOTIANTVR</p>
---	---

Как видим, надпись дошла в двух фрагментах (а и b). Выполнена она была базе статуи, материал — белый мрамор, размеры надписи — фрагмент а: 0,12 на 0,19 фрагмент b: 0,205 на 0,42 м (или 0,48 — по данным публикации 1937 г., см. сноску 9). Ширина фрагментов в совокупности 0,7 м. Фрагменты были найдены в разных местах, на запад и на север от храма Аполлона.

Т. Омолль предложил такую реконструкцию текста надписи:

L. Licinium L(uci) f(ilium) Lu]cullum pro q(uaestore)
plebs Athe]niensis et Italicei et
Graece[i que]i in insula negotiantur.

Дадим перевод предложенной Т. Омоллем реконструкции текста:

«{Статую} Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора {посвящает} плебс афинский и италийский, и греческий, который ведет торговлю на острове».

Примечание: в квадратных скобках латинского текста реконструируемые буквы, в круглых — восстановление принятых в надписях сокращений. Т. Омолль не открывал в начале строк квадратные скобки, он ставил только закрывающую квадратную скобку в тех местах, где заканчивался стертый текст (или не полностью сохранившиеся буквы). В фигурных скобках перевода мы указываем подразумеваемые слова.

¹ Работы о нем см.: Смыков 1999, 47–62.

² Любкер 2001, 280.

³ Homolle 1879, 147.

Можно, конечно, придать переводу следующий вид: «Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора {почитает} плебс афинский, и италийский, и греческий, который ведет торговлю на острове». Но, поскольку торговцы, которые вели свои дела на о. Делос, почтили Лукулла именно посвящением его статуи богам (статуи устанавливались перед храмом), то нам представляется предпочтительным первый вариант перевода. Скульптурное изображение человека, которому оказывались почести в такой форме, расположенное перед храмом, означало, судя по всему, что посвятителю просили у богов заступничества за этого человека, особого покровительства ему.

Через 10 лет после Т. Омолля эта надпись была опубликована в моммзенском «Корпусе латинских надписей» в следующем виде (CIL III.1. 7237)⁴:

l. licinium l. f. } LVCVLLVM · PRO · Q
p[ro]pulus *athe* { NIENSIS · ET · ITALICEI · ET
 GRAECE[i] *que* { · INSVLA · NEGOTIANTVR

[L. Licinium L(uci) f(ilium)] Lucullum pro q(uaestore) p[ro]pulus Athe]niensis et Italicei et Graece[i] que]i (in) insula negotiantur. У Моммзена только то, что на картинке.

Перевод:

«{Статую} Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, проквестора, {посвящает} народ афинский и италийский, и греческий, который ведет торговлю на острове.»

Реконструкция Теодора Моммзена несколько отличается от реконструкции Т. Омолля, а именно слово, начинавшееся, по всей видимости, с «P», было восстановлено не как *plebs*, а как *populus*. Предлог *in* (или, строго говоря, две буквы предшествующего текста) в нее включен не был.

Вскоре после Т. Моммзена Германн Дессау, следуя его реконструкции, воспроизвел текст надписи без расшифровки сокращений (ILS 865):

[L. Licinium L. f.] Lucullum pro q. p[ro]pulus Athe]niensis et Italicei et Graece[i] que]i insula negotiantur⁵.

В 1918 г. Эрнст Ломматч, продолжая издание *Corpus Inscriptionum Latinarum*, снова опубликовал реконструкцию этого текста, снабдив ее на сей раз фотографией крупного фрагмента надписи (фрагмент b), который на этом снимке выглядит следующим образом (CIL I².714)⁶:

Как видим, буквы *IN* перед *INSVLA* Э. Ломматчем были отражены, и снимок их наличие подтверждает, в остальном он следовал за Т. Моммзеном.

Затем текст этой надписи в межвоенное время публиковался еще дважды, — в начале 20-х гг. XX в. Ф. Дюррбахом⁷ и в конце 30-х гг. того же столетия Пьером Русселем⁸.

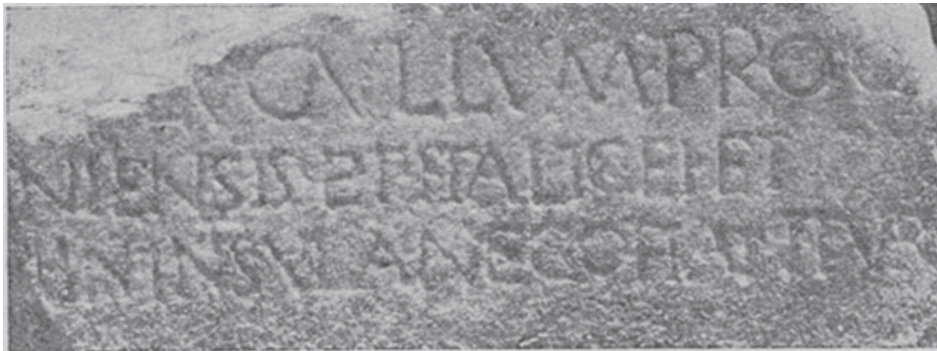
⁴ CIL (1873), 1303.

⁵ ILS, 194.

⁶ CIL (1918), 530.

⁷ CID, 243.

⁸ ID, 71 (№1620).

l. Licinium l. f. LVCVLLVM · PRO · Q
Populus athe NIENSIS · ET · ITALICEI · ET a. 666/88—674/80
 GRAECE*i que* IN · INSVLA · NEGOTIANTVR

Ф. Дюррбах воспроизвел восстановленное Т. Моммзенем слово во второй строке как *populus*, но сохранил две первые буквы когномена внутри квадратных скобок, как это было у Т. Омолля, а также вернул предлог *in* на место, потерянный было Моммзенем:

[L. Licinium L(uci) f(ilium) Lu]cullum pro q(uaestore) p[olulus Athe]niensis et Italicei et Graece[i que]i in insula negotiantur.

П. Руссель в своей публикации придерживался реконструкции Моммзена-Ломатча, не воспроизводил полностью сокращенные в надписи слова, сделав исключение для q(uaestore):

b

[L. Licinium. L. f.] Lucullum. pro. q(uaestore).
 P[opulus. Athe]niensis. et. Italicei. et
 a Graece[i. que]i. in. insula. negotiantur.

Атилио Деграсси в своем известном издании республиканских инскрипций 1963 г. взял именно этот вариант реконструкции данной надписи⁹.

Анализируя имеющиеся публикации интересующей нас надписи, приходим к выводу, что сохранность ее не дает оснований усомниться в статусе *pro quaestore* упомянутого в ней Лукулла в тот момент, когда его статую посвятили божеству. Нет особых оснований и сомневаться в прочтении когномена, — речь, конечно, идет о Лукулле, — хотя сохранность двух первых букв когномена не полная (L сохранилась несколько хуже, чем V), но предложить что-то иное практически нельзя.

⁹ Degrassi 1963, 211 (№362).

Начиная с Т. Омолля, исследователи были убеждены в том, что личное и родовое имя человека, о котором идет речь в данной делосской латинской надписи, Луций Лициний Лукулл. Все семь публикаций, как убеждает обращение к ним, сохраняли в реконструкции именно это имя, у издателей надписи, не вызывавшее, видимо, никаких сомнений. Проквестура Л. Лициния Лукулла хорошо известна, нахождение его в ранге низшего промагистрата запечатлено как в эпиграфических памятниках (см., например: IGRP 4.701; CIL. I². P. 1305; SIG³ 745; CIL I². P. 196; ILS. 60, а также другие публикации¹⁰), так и в нарративной традиции (Cic. Acad. Luc. II. 6–8; 11.1, 4 и др.)

Однако, как видим, личного и родового имени не сохранилось, поэтому *praenomen* и *nomen*, в принципе, могли быть в этой надписи и другими. Это тем более нельзя исключить, если учесть, что в 83 г. до н.э. в качестве проквестора действовал младший брат Луция Лукулла — Марк (Plut. Luc. XXXVII. 1), служивший тогда военным командиром под началом Суллы, и, судя по всему, получивший полномочия *legatus pro quaestore*¹¹. Марк после усыновления М. Терренцием Варроном получил полное имя Марк Терренций Варрон Лукулл. В 83 г. до н.э. он выполнял обязанности квестора при Сулле, находясь в тот момент в роли военачальника (Plut. Sulla. XXVII.7: ἔτι δὲ Μάρκος Λεύκολλος, εἰς τῶν ὑπὸ Σύλλα στρατηγούντων; см. также: App. B. C. I. 92). Это последнее обстоятельство, а также то, как Плутарх сообщает о привлечении Марка к суду Гаем Меммием (и о получении известия об этом старшим братом Марка Л. Лицинием Лукуллом): “Ὁ δὲ Λεύκολλος ἀναβὰς εἰς Ῥώμην, πρῶτον μὲν κατέλαβε τὸν ἀδελφὸν Μάρκον ὑπὸ Γαΐου Μερμίου κατηγορούμενον ἐφ’ οἷς ἔπραξε ταμειῶν Σῶλλα προστάξαντος (Plut. Luc. XXXVII.1), — убеждает нас в том, что Марк не был избранным квестором, он находился в статусе *legatus pro quaestore*. Плутарх, как видно из приведенной цитаты, употреблял для обозначения его должностной власти в сфере административно-финансовых обязанностей причастие от глагола *ταμειῶ*, которым на греческом языке передавалось исполнение квесторских функций, но не называл М. Лукулла собственно квестором (через существительное). Поэтому мы соглашаемся с Бернхардом Шлойсснером, причислившим его, вслед за автором статьи в энциклопедии Паули-Виссова, к числу легатов *pro quaestore*¹². В свое время Томас Роберт Броутон не знал, как определить должностную позицию М. Лукулла, и считал, что он был либо легатом либо квестором¹³, — исследования о легации и промагистратуре еще не были к началу 50-х гг. XX в. проведены.

Проквестуру Марка, как мы отметили, следует отнести к 83 г. до н.э., — не исключена возможность и последующего ее продления, но сведений в источниках об этом у нас нет. Проквестура Луция длилась долго, но год ее начала исследователями датируется по разному, — это связано с различными датировками его квестуры (88 или 87 г. до н.э.), за которой и последовали продление полномочий и получение статуса проквестора. Квестором Л. Лукулл назван в его элогии (CIL I². P. 196, ILS. 60 и др.)¹⁴, а также в греческой надписи о почитание его общи-

¹⁰ Ramsay 1883, 297–298; Clerc 1886, 399.

¹¹ См. Дементьева 2012, 132–133; Schlußner 1978, 114.

¹² Schlußner 1978, 230.

¹³ Broughton 1986, 65.

¹⁴ См. также: Sandys 1969, 102.

ной энианов¹⁵, но ни по элoгию, ни по этой надписи его квестура не может получить точную хронологическую привязку. Датировали квестуру Л. Лукулла 88 г. до н.э.¹⁶ Германн Дессау¹⁷, Уильям Митчелл Рамсей¹⁸, Мишель Арманд Клерк¹⁹, той же датировки придерживался Фридрих Зобек в своей диссертации²⁰, а затем и Ф. Дюррбах²¹. Т. Моммзен датировал «или-или»: 666 либо 667 г. от основания Рима (т.е. 88 либо 87 г. до н.э.)²², так же поступал в этом отношении и Эрнст Ломматч²³. Томас Роберт Броутон в своем фундаментальном справочнике относил ее к 87 г.²⁴

Ф. Дюррбах отнес квестуру Лукулла к 88 г. до н.э. на том основании, что одна надпись (SIG3 743. P. 423) называет его квестором (относится к фессалийской территории Греции), а другая надпись, с острова Родос (SIG3 745. P. 424–425), — проквестором. Однако, точно датировать первую из этих надписей возможности все же не представляется. В нарративной традиции противоречие заложено в словах псевдо-Аврелия Виктора о том, что Лукулл «...будучи квестором, устроил роскошные зрелища народу. Затем через Мурену он передал консулу Сулле флот Митридата...» (Aurel. Vict. Vir. Ill. 74.1–2. Пер. В. В. Соколова). Следовательно, во время консулата Суллы он был квестором, а консулат Суллы относится в 88 г. до н.э., но события, в которых Лукулл разбил флот Митридата, относятся к 87 г. до н.э. Следующие 6 или 7 лет, до 80 г. до н.э. включительно, он был проквестором, а в 79 г. до н.э. стал курульным эдилом, причем вместе со своим братом Марком. Близким по времени станет для них и достижение претуры: Луций займет ее в 78 или в 77 г. до н.э.²⁵, а Марк — в 76 г. до н.э.

Итак, в диапазоне проквестуры Луция Лукулла (87–80 гг. до н.э.) хронологически входит и проквестура Марка Терренция Варрона Лукулла (83 г. до н.э.), следовательно, временной промежуток общий, установить по косвенным данным большую хронологическую близость данной промагистратуры кого-то из них к составлению интересующей нас делосской надписи нереально. Очевидно, что надпись составлена после событий разграбления Делоса Митридатом (88 г. до н.э.), когда римляне вернули его Афинам²⁶, но сохранили интерес к торговле на нем; с финансово-торговыми целями и приплывали на него, как нам представляется, проквесторы. Однако после 88 г. до н.э. в роли проквестора мог оказаться на Делосе и тот, и другой Лукулл.

Аргументом в пользу какого-либо из братьев как персонажа надписи могла

¹⁵ [τὸ κοινὸν τῶν Αἰνιάων [ἢ Λεύκι] οὐν Λικίνιον Λευκίου [υἱὸν] Λεύκολλον ταμίαν εὐεργ[έτην]. (Община энианов Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, квестора, благодетеля {почитает}) (SIG3 № 743).

¹⁶ Sobeck 1909, 29.

¹⁷ ILS, 19, 194 (№865).

¹⁸ Ramsay 1883, 298.

¹⁹ Clerc 1886, 399.

²⁰ Sobeck 1909, 29.

²¹ CID, 243–244 (№ 154).

²² CIL (1873), 1303.

²³ CIL (1918), 530.

²⁴ Broughton 1986, 47.

²⁵ Расхождение в датировке претуры Лукулла: Броутон — 78 г. до н.э. (Broughton 1986, 86), Сандис — 77 г. до н.э. (Sandys 1969, 102.)

²⁶ Моммзен 1949, 222.

бы служить близость его географического нахождения к региону во время проквестуры, если бы можно было таковую доказать. Мы знаем, что Л. Лициний Лукулл во время своей проквестуры бывал в Египте (Cic. Acad. IV. 11; Plut. Luc. II; App. Mith. 33), на Родосе (SIG³ 745. P. 424–425; Plut. Luc. II), во Фригии (IGRP. 701. T. 4. P. 251), в малоазийской Фиатире (CIL. I. P. 1305), на в Митилене на Лесбосе (Plut. Luc. IV), на Кипре (Plut. Luc. III), а также на Крите (Plut. Luc. II), в Кирене (Plut. Luc. II) — география его передвижений в годы проквестуры обширна. Его сферой компетенции обычно признается провинция Азия. Определить локализацию Марка Лукулла, *legatus pro quaestore*, в 83 г. мы можем только по местонахождению проконсула Суллы, чьим легатом М. Лукулл являлся. Сулла с весны 84 г. до начала мая 83 г. до н.э. (высадки в Брундизии) находился в Греции, а затем уже на территории Италии, где Марк отличился в войне с марианцами (Vell. II. 28. 1; Plut. Sull. XXVII.7–8; App. B. C. I. 92; Oros. V. 20.8). Но до первых чисел мая Марк Лукулл должен был находиться в Греции, что делает вполне реальным и его присутствие какое-то время на Делосе. Фактически анализ имеющихся «географических сведений» означает, что «территориального» предпочтения Луцию Лицинию перед Марком Терренцием в отношении Делоса во время их проквестур мы отдать не можем.

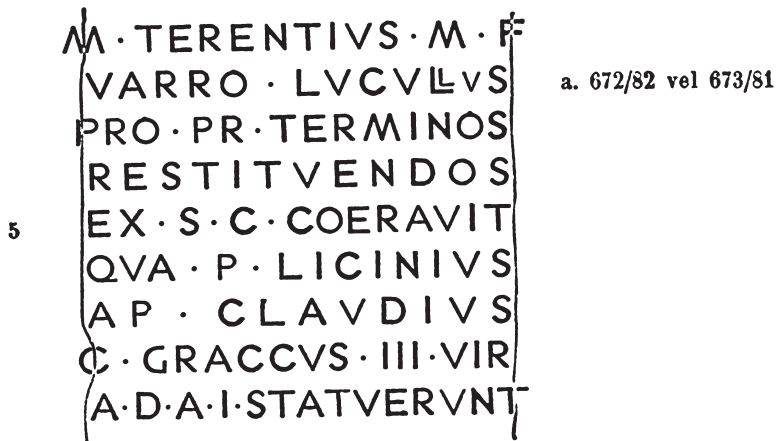
«Техническим» аргументом в пользу Луция — как человека, имя которого занесено в эту надпись — могло бы служить то обстоятельство, что написание *Tergentius Varro* требовало бы больше места, чем имеется в лакуне, но реально ведь величина лакуны неизвестна, т.к. текст собран из двух фрагментов. К тому же *Varro* могли при начертании имени на базе статуи и опустить, а также сократить и родовое имя. Например, в надписи, относящейся уже к консулату М. Терренция Варрона Лукулла 73 г. до н.э., его *nomen* дан в сокращении, и первые две буквы его начертаны лигатурой (CIL. I².896. P. 566):

**PHILODAM·DOSSE
A·D·X·K·NOV
CPECT
M·TEREN·C·CAS**

а. 681/73

Тому, что когномен Лукулл сохранялся при написании полного имени Марка — имеются эпиграфические свидетельства, например, надпись 82 или 81 г. до н.э., фиксирующая его пропретур — опять-таки, до претуры (CIL. I².719. P. 531):

Отрезок времени нахождения в должности проквестора больше у Луция (семь лет) против, видимо, одного года (или даже несколько больше, но отнюдь не столь долгий срок, как у Луция) не может служить аргументом в пользу старшего брата. Разумеется, с именем Луция и обозначением его проквестором больше должно было дойти надписей в силу длительности его проквестуры, чем с именем Марка, но конкретная надпись о промагистратских полномочиях человека могла дойти вне зависимости от того, как долго он был наделен ими, и быть единственным эпиграфическим памятником, содержащим упоминание о его проквестуре.

Почему же многочисленные публикаторы не задались вопросом о том, кто из братьев Лукуллов имелся в виду в тексте делосской надписи, полагая Луция единственным претендентом для идентификации с реальной личностью? Во-первых, потому, что исследователи не усматривали проквесторские полномочия Марка. Во-вторых, сложился определенный шаблон восприятия, который только укреплялся с каждой последующей публикацией надписи. Свежий же взгляд на данную надпись — не с «луколлоцентричной» позиции, а в ракурсе изучения промагистратуры как таковой — заставляет нас поставить вопрос «Луций или Марк?», поскольку *praenomen* и *nomen* не сохранились, и оставить в данный момент этот вопрос по существу без ответа, так как основательных аргументов в пользу того или другого пока не обнаруживается. Но главное, как известно, вопрос поставить, особенно в тех случаях, где стереотип и инерция восприятия его традиционно не предполагают.

ЛИТЕРАТУРА

- Дементьева В. В.* 2012: Легаты-проквесторы в Римской республике конца III–I вв. до н.э // *Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Доклады Междун. интернет-конф., проведенной Научно-образовательным Центром антиковедения ЯрГУ в 2011/12 г.* Ярославль, 128–141.
- Любкер Ф.* 2001: Реальный словарь классических древностей. Т. 2. М.
- Моммзен Т.* 1949: История Рима. Т. 5. М.
- Смыков Е. В.* 1999: Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // *Античный мир и археология.* 10, 47–62.
- Broughton T. R. S.* 1986: *The Magistrates of the Roman Republic.* Vol. II. Allanta; Georgia.
- Clerc M. A.* 1886: *Inscriptions de Thyatire et des environs* // *Bulletin de correspondance hellénique.* Vol. 10. 10, 398–423.
- Degrassi A.* 1963: *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae.* Fasc. 1, 2. Firenze.
- Homolle Th.* 1879: *Inscriptions de Délos relatives à des personnages romains* // *Bulletin de correspondance hellénique.* Vol. 3. 3, 146–162.
- Ramsay W. M.* 1883: *Unedited Inscriptions of Asia Minor* // *Bulletin de correspondance hellénique.* Vol. 7. 7, 297–328.

Sandys J.E. 1969: Latin Epigraphy. An introduction to the study of Latin Inscriptions. Groningen.

Schleußner B. 1978: Die Legaten der römischen Republik. Decem legati und ständige Hilfsgesandte. München.

Sobeck F. 1909: Die Quästoren der Römischen Republik. Trebnitz.

СОКРАЩЕНИЯ

CIL (1873) — Corpus Inscriptionum Latinarum. Inscriptiones Asiae, provinciarum Europae Graecarum, Illyrici Latinae. Vol. III. / Th. Mommsen (ed). Supplementum. Inscriptionum Orientis et Illyrici Latinarum supplementum / Th. Mommsen., O. Hirschfeld, A. Domaszewski (edc.). Berolini, 1873.

CIL (1893) — Corpus Inscriptionum Latinarum. Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Vol. I². Pars I. Fasti consulares ad a. u. c. DCCLXVI. Elogia clarorum virorum. Fasti anni Iuliani / Th. Mommsen, W. Henzen, Chr. Huelsen (edc.). Berolini, 1893.

CIL (1918) — Corpus Inscriptionum Latinarum. Inscriptiones Latinae antiquissimae. Cura E. Lommatzsch Vol. I². Pars II. Fasc. I. Berolini, 1918.

CID — Choix d'inscriptions de Délos. Avec traduction et commentaire par F. Dürrbach. Textes historiques. Fasc. II. Paris, 1923.

ID — Inscriptions de Délos / Publ. by P. Roussel and M. Launey. Vol. 2. P. 1937.

ILD — Inscriptiones Latinae Selectae / H. Dessau (ed.). Berlin, 1892.

DELOSSIAN LATIN INSCRIPTION CONCERNING LUCULLUS'
PROQUESTURE: LUCIUS OR MARCUS?

V. V. Dementyeva

The article considers a Latin inscription with the name of Lucullus and the evidence of his proquesture, which was found on Delos in the late 19th century, and presents the analysis of seven publications of the inscription together with its photograph. The author concludes that a common stereotype of identifying the person as Lucius Licinius Lucullus are open to question. Praenomina and nomen of the epigraphic monument are lost. But after Delos was reverted under the authority of Athens after it was devastated by Mithradatis in 88 BC and Athens was captured by Sulla, both Lucius Licinius Lucullus and his younger brother Marcus Terentius Varro Lucullus were proquestors. The article gives pros and cons concerning each of the brothers as a prototype of the inscription under study and concludes that nowadays there is no clear proof concerning any brother.

Key words: Lucius Licinius Lucullus, Marcus Terentius Varro Lucullus, Delossian inscription, proquestor

© 2013

М. Н. Сайко

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН О РИМСКИХ БАНКИРАХ И БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЯХ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В статье рассматривается деятельность древнеримских банкиров и основные банковские операции, проводимые этими банкирами. По информации, почерпнутой в философских работах, речах и письмах Марка Туллия Цицерона, были определены две категории лиц, занимающихся банковскими операциями: представители плебса и всадники. Проанализированы основные операции этих банкиров: сохранение денег за плату и привлечение средств в виде процентных взносов, операции с текущими счетами, перевод денег и жиорасчеты, проведение аукционов.

Ключевые слова: Цицерон, банкиры, всадники, аргентарии, центезима

Литературное наследие Цицерона содержит богатейшую информацию о жизни в Риме и его провинциях в I веке до н. э. Не обошел он своим вниманием и такой важнейший общественный феномен, как кредитные отношения. Цицерон упоминал о кредите и банках в своих речах, вынужден был решать долговые споры, исполняя обязанности проконсула Киликии и, как довольно богатый человек, сам был и заемщиком, и кредитором и в своей переписке часто упоминал тех банкиров, с которыми вел свои дела. Анализ и систематизация этой информации существенно пополнят наши знания об уровне развития кредитных отношений в Древнем Риме и будут способствовать более глубокому пониманию социально-экономического устройства этого общества.

Среди огромного количества исторических исследований, в которых в большей или меньшей степени затрагивается тема кредитных отношений в интерпретации М. Т. Цицерона, охарактеризуем несколько наиболее важных работ, которые можно объединить в две группы.

К первой группе отнесем публикации, посвященные изучению эпохи Цицерона или его творчества. Среди них отметим в первую очередь фундаментальное исследование С. Л. Утченко¹. Описывая жизнь и творчество Марка Туллия, С. Утченко привел сведения о предпринимательской деятельности политических союзников или оппонентов Цицерона: Марка Красса, Марка Юния Брута, Гнея Помпея — а в связи с участием Цицерона в судебных процессах подробно описал ростовщические операции наместника Сицилии Гая Верреса², а также известного спекулянта Гая Рабирия Постума³. Отметим также книгу Г. Буассье. В ней можно найти сведения о частной жизни Цицерона, в частности, о его денежных делах⁴.

Особое место среди этой группы работ занимают монографии В. Кролла «Культура эпохи Цицерона. Политика и хозяйство»⁵ и В. Фаулера «Социальная

Сайко Михаил Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной службы, истории и политологии Буковинского государственного финансово-экономического университета (Черновцы). E-mail: mihail.saiko@mail.ru.

¹ Утченко 1986.

² Утченко 1986, 126–128.

³ Утченко 1986, 146–147.

⁴ Буассье 1880, 69–106.

⁵ Kroll 1933.

жизнь в Риме в эпоху Цицерона»⁶. Каждый из этих авторов посвятил кредитному делу в античном Риме по одной главе в своих исследованиях: В. Кролл — главу «Частное денежное дело»⁷, В. Фаулер — главу «Деловые люди и их методы»⁸. Они подробно описали деятельность откупщиков налогов, менял-аргентариев, рассказали о некоторых финансовых аферах, а Фаулер к тому же упомянул о кредитных операциях друга Марка Туллия — Тита Помпония Аттика и даже рассказал о долгах самого Цицерона. Оба автора придерживались циклической теории и находили в Древнем Риме эпохи поздней республики существенные черты капиталистической эволюции. В. Фаулер даже выстроил схему капиталистического развития Рима после Второй Пунической войны. Понятно, что в рамках нашего исследования мы не ставили задачу анализа концепции римского капитализма, но все же заметим, что она является удобным инструментом для изучения предпринимательства в античном Риме. Наиболее последовательно эта концепция изложена в работе Г. Сальвиоли «Капитализм в античном мире»⁹. В подтверждение своей теории Г. Сальвиоли привел немало интересных упоминаний о кредитных отношениях в античном Риме.

Авторы вышеназванных работ основное внимание уделяли событиям, вызвавшим наибольший общественный резонанс: злоупотреблениям Верреса и публиканов, ростовщическим операциям Брута и Помпея, разного рода финансовым аферам. Будничная деятельность банкиров, негромкие банковские операции, которые, собственно, являются основной темой нашей статьи, попадали в поле зрения этих исследователей значительно реже.

Ко второй группе отнесем исследования, темой которых является кредит и кредитные отношения в античном Риме. Среди работ этой группы отметим монографию Ж. Андре о банковском деле в Древнем Риме¹⁰, работу В. Краута о римских банкирах¹¹, капитальное исследование К. Смирнова¹², статьи Л. Миттейса¹³ и К. Вербовена¹⁴, а также главу «Цены, ссудный процент и денежное дело» в труде И. Марквардта¹⁵. Авторы указанных работ проанализировали деятельность римских банкиров, охарактеризовали основные банковские операции, которые они совершали, активно используя при этом информацию, которую оставил потомкам Марк Туллий Цицерон. Однако в этих исследованиях наследие Цицерона не систематизировано, потому что авторы и не ставили перед собой такой задачи.

Из этого беглого историографического анализа следует основная задача нашей работы: проанализировать основные упоминания о кредитных отношениях в Риме, которые встречаются в философских работах, речах и письмах Цицерона и на этой основе дать по возможности цельный рассказ о банкирах и банковских операциях в Риме I в. до н. э.

⁶ Fowler 1909.

⁷ Kroll 1933, 88–120.

⁸ Fowler 1909, 60–96.

⁹ Сальвиоли 1922.

¹⁰ Andreu 1999.

¹¹ Kraut 1826.

¹² Смирнов 1909.

¹³ Mitteis 1898.

¹⁴ Verboven 2001; 2008.

¹⁵ Marquardt 1884, 53–69.

При датировке мы не будем применять уточнение «до н.э.», потому что все описанные события происходили до Рождества Христова. Тексты речей, писем и философских работ Цицерона представлены в переводе А. Горенштейна, Ф. Петровского или на латыни. Латинские тексты взяты на сайте «Латинская библиотека»¹⁶.

Сначала определим основной круг лиц, которые, по мнению Цицерона, занимались кредитным делом. Цицерон упоминает в этой связи представителей всех сословий римского общества: сенаторов (*ordo senatorius*), всадников (*ordo equester*), других свободнорожденных граждан Рима, вольноотпущенников, а также провинциалов.

С последствиями кредитной деятельности представителей сенаторского сословия Марку Туллию пришлось столкнуться во время пребывания на посту проконсула Киликии (51–50 гг.). Именно из его писем стало известно о займах Марка Юния Брута жителям города Саламин на Кипре (*Cic. ad Att. V. 21. 11; VI. 1. 6; VI. 2. 8*) и царю Каппадокии Ариобарзану (*Cic. ad Att. VI. 3. 5*), а также о кредите, предоставленном этому царю Гнеем Помпеем (*Cic. ad Att. VI. 1. 3; VI. 3. 5*). Но в нашей статье мы не будем подробно рассматривать кредитную деятельность сенаторов, потому что, кроме ростовщических займов, они не предоставляли никаких других банковских услуг. Несомненно, что они могли иметь долю в банковском бизнесе своих вольноотпущенников или клиентов, но банкирами их назвать нельзя.

В контексте темы нашей статьи значительно больший интерес вызывает кредитная деятельность всадников, тем более что большинство исследователей признают основным занятием всадников в эпоху республики предпринимательство. Как особый класс дельцов определяли всадников Т. Моммзен¹⁷, Г. Сальвиоли¹⁸, С. Утченко¹⁹ и другие историки, изучавшие социально-экономический строй Рима в эпоху поздней республики. А. Немировский, например, отмечал, что «в эпоху поздней республики происходит окончательное оформление торгово-ростовщической группы в сословие всадников»²⁰. Большинство из вышеназванных авторов признавали спекулятивный характер предпринимательской деятельности всадников и отмечали как одно из важнейших направлений обогащения представителей этого состояния финансово-кредитные операции.

Как наиболее активную часть всадников исследователи обычно выделяли так называемых «публиканов», то есть тех лиц, которые принимали подряды на выполнение казенных заказов (*publicani, ordo publicanorum*, от «*publicum*» — общественный). Одним из основных направлений деятельности публиканов был откуп налогов, а члены откупных товариществ (*societates vectigalium publicorum*) кроме сбора налогов занимались и ростовщической деятельностью, предоставляя займы провинциалам под огромные проценты. Однако откупщики, равно как и представители сенаторской аристократии, кроме ростовщических кредитов, не представляли других банковских услуг, и банкирами их назвать нельзя²¹.

¹⁶ The Latin library, //http://www.thelatinlibrary.com/cic. html.

¹⁷ Моммзен 2005, 117-118.

¹⁸ Сальвиоли 1922.

¹⁹ Утченко 1986, 65.

²⁰ Немировский 1953, 134.

²¹ Больше о кредитных операциях откупщиков см.: Ростовцев 1899; Кннер 1896.

Но кроме откупщиков, в письмах Цицерона упоминаются также и всадники, которые активно занимались банковским делом, не входя в откупные компании. В источниках их называли «предпринимателями» («negotiatores») или «ростовщиками» («feneratores»). Эти названия слишком общие: термин «negotiatores» употреблялся как родовое название, обозначающее как людей, занимавшихся кредитно-ростовщическими операциями, так и торговцев и промышленников, а понятие «feneratores» включало всякого ростовщика, независимо от его общественного положения²². Цицерон в рекомендательных письмах представлял некоторых из них — «мой близкий друг» («mihi familiaris») (Cic. ad fam. XIII. 56, 1), некоторых — «римский всадник» («equite Romano») (Cic. ad fam. XIII. 45), часто вообще никак не называл (Cic. ad fam. XIII. 47). В литературе их определяют термином «банкиры»²³. Именно так в дальнейшем мы их и будем именовать.

Среди представителей этой категории у Цицерона было немало не только хороших знакомых, но и многолетних искренних друзей. В первую очередь следует назвать Тита Помпония Аттика, ближайшего друга, родственника и личного банкира Цицерона. В своих многочисленных письмах Аттику Цицерон часто консультировался с ним в финансовых делах (Cic. ad Att. VI. 8. 5; VII. 18. 4; XVI. 2. 2), прибегал к его банковским услугам (см. ниже). В свою очередь Марк Туллий помогал Аттику, пользуясь своим общественным положением. Так, когда у Аттика возникли проблемы с возвращением кредита жителями города Сикион и тот вынужден был в 61 г. сам направиться в этот город (Cic. ad Att. I, 13, 1), Марк Туллий обратился к наместнику Македонии Гаю Антонию Гибриде с просьбой помочь Аттику взыскать этот долг (Cic. ad fam. V. 5. 3). Упомянутый Гибрида был коллегой по консульству Цицерона, причем Марк Туллий помог ему получить Македонию в проконсульство, так что Цицерон имел все основания полагать, что Гай Антоний прислушается к его просьбе.

Довольно часто в письмах встречается и имя другого банкира — Луция Эгнация. Известны рекомендательные письма Цицерона относительно Эгнация от 51 года пропретору Вифинии и Понта Луцию Силию Нерве (Cic. ad fam. XIII. 47) и Сексту Апулею в провинцию Азия в 58 году. В последнем письме Цицерон назвал Эгнация римским всадником и своим другом (L. Egnatio... equite Romano... familiarissime utor) (Cic. ad fam. XIII. 45). Упоминания об Эгнации можно встретить и в письмах Аттику (Cic. ad Att. X, 15. 4; XI. 2. 3; XI. 3. 3; VII. 18. 4).

Хорошим знакомым Цицерона был и банкир из города Путеолы Марк Клувий. По завещанию Клувий сделал Цицерона одним из своих наследников, и в нескольких письмах Марк Туллий касается темы принятия этого наследства (Cic. ad Att. XIII. 37. 4; XIII. 45. 3; XIII. 46. 3). Известны рекомендательные письма Цицерона, адресованные пропретору Азии Квинту Минуцию Ферму, в которых он просил посодействовать Клувию в получении долга и процентов на него с жителей карийских городов Миласа, Алабанда, Гераклея, Баргилия (Cic. ad fam. XIII. 56. 2) и Кавн (Cic. ad fam. XIII. 56. 3). Города должны были, по мнению Марка Туллия, «либо заплатить деньги, либо удовлетворить претензии Клувия за счет городских доходов» («aut pecuniam solvat aut fructibus suis satisfaciunt») (Cic. ad fam. XIII. 56. 2).

²² Fowler 1909, 80; Verboven 2008.

²³ Буассье 1880, 112; Andreu 1999, 30-50.

Частенько встречается имя еще одного путеоланского банкира — Гая Вестория (С. Vestorio) (Cic. ad Att. VI. 2. 3; X. 5. 2; XIII. 12. 4). В 56 г. Цицерон упоминает его в связи с тем, что получил от этого банкира кредит (Cic. ad Att. IV. 6. 4), а в 45 г. Марк Туллий доверил Весторию принимать от его имени свою часть наследства вышеупомянутого Клувия (Cic. ad Att. XIII. 37. 4; XIII. 45. 3; XIII. 46. 3; XIV. 9. 1). Еще один путеоланец, Веттиен, в 40-х годах несколько раз выполнял финансовые поручения Марка Туллия (Cic. ad Att. X. 5. 3; X. 11. 5; X. 13. 5; X. 15. 4; XII. 3. 2; XV. 13. 3; XV. 13. 5).

Банкир Тит Пинний упомянут в письме пропретору Вифинии Публию Силию Нерве в конце 51 г. Цицерон уведомил Нерву, что Тит Пинний был его другом, и в своем завещании провозгласил Цицерона опекуном собственного сына и вторым наследником (то есть таким, который получает право на наследство в случае смерти первого) (T. Pinnio familiarissime me... qui me quum tutorem, tum etiam secundum heredem instituerit). Цицерон просил Нерву посодействовать в том, чтобы жители города Никея, занявшие у Пинния 8 млн. сестерций, вернули этот довольно значительный долг его сыну (eius filio... pecuniam Nicaeenses grandem debent, ad sestertium octogies) (Cic. ad fam. XIII. 61). Своим наследником сделал Цицерона и банкир Маний Курий, проживавший в городе Патры, в провинции Ахайя (Cic. ad fam. VII. 28. 1; XVI. 4. 2).

Имя известного в Риме банкира Фуфидия встречается в связи с тем, что Цицерон купил у него имение для брата Квинта. В сентябре 54 г. Марк Туллий писал об этом Квинту (Cic. ad Q. fr. III. 1. 3). Известно, что Фуфидий завещал Цицерону часть своих владений (Cic. ad Att. XI, 14, 3) и, уже после его смерти, в 47 году Атик, по просьбе Марка Туллия проводил аукцион по продаже части его наследства (Cic. ad Att. XI, 15, 4). О каком-то Фуфидии, тоже ростовщике, писал в одной из своих сатир Гораций. Этот Фуфидий якобы «выколачивал с должников по 5% на месяц» (60% годовых) (Fufidius... quinas hic cariti mercedes exsecat...) (Hor. Sat. I. 2. 13-14). Но у Горация, скорее всего, речь идет о родственнике нашего Фуфидия, ведь литературоведы датируют написание «Сатир» началом 30-х гг.

В письме пропретору Вифинии Нерве в феврале 51 г. Цицерон рекомендовал ему банкира Марка Ления (M. Laenio) (Cic. ad fam. XIII. 63. 1). Этот Марк Лений был другом Аттика и представлял его финансовые интересы в Киликии во время проконсульства Цицерона (Cic. ad Att. V. 21. 10; VI. 1. 6; VI. 3. 5).

У банкира Квинта Селиция Цицерон хотел купить виллу в Неаполе (Cic. ad Fam. IX. 16. 10). В другом письме Цицерон упоминает Селиция в связи с его кредитными операциями (Cic. ad Fam. I. 5. 3). В нескольких письмах встречаются имена банкиров Квинта Миндия (Cic. ad fam. V. 20. 2; XIII. 28a. 2), Публия Валерия (Cic. ad fam. XIV. 2. 2; ad Att. V. 20. 3-4; V. 21. 14), Писона (Cic. ad Att. XIII. 2. 2, 1; XIII. 11. 2; XIII. 12. 4) и Целия (Cic. ad Att. VII. 3. 11; XII. 5. 2; XII. 6. 1). Несколько раз упомянуты Оппии из южноитальянского города Велии (Cic. ad Att. V. 1. 2; VII. 3. 4; VII. 22. 2; VIII. 7. 3; X. 4. 12)²⁴, а имя банкира Консидия встречается лишь однажды — в письме Аттику от 1 января 61 г. (Cic. ad Att. I. 12. 1).

Об этом Квинте Консидии упомянул Валерий Максим, который похвалил его за то, что во время хаоса, наступившего вследствие заговора Катилины, он приостановил взимание долгов, которых накопилось 15 миллионов сестерций (Val.

²⁴ Больше об Оппиях см.: Verboven 2001.

Мах. IV. 8. 3). Интерпретируя этот отрывок, Жан Андре, исходя из того, что Консидий обладал сенаторским цензом (свыше 1 млн. сестерций), сделал вывод, что Консидий, как и большинство других банкиров, упомянутых в переписке Цицерона, были сенаторами, а не всадниками (всаднический ценз, как известно, составлял 400 тыс. сестерций)²⁵. Действительно, упомянутые Цицероном банкиры были людьми небедными, часто даже очень богатыми. Однако Андре не учел, что для того, чтобы стать сенатором, кроме соответствующего ценза, необходимо было, во-первых, иметь сенаторами не менее двух поколений предков, во-вторых, даже сыновья сенаторов числились всадниками и оставались ими пожизненно, пока не добивались места в курии²⁶. Для того чтобы стать сенаторами, они должны были пройти несколько ступеней служебной карьеры и достигнуть, по меньшей мере, квестуры. Всадники, обладавшие сенаторским цензом, получали почетные титулы, но оставались в сословии всадников, и поэтому Квинт Консидий, равно как и другие банкиры, был все же всадником, а не сенатором.

Кроме всадников, банкирами можно назвать и большую группу представителей «нового плебса». Эт, в первую очередь, владельцы меняльных контор, которых в Риме называли на греческий манер «трапезитами», или, по-латыни, аргентариями («*argentarii*» — от лат. «серебро» или *argenti distractores* — «меняла»)²⁷. Кроме размена монет они выполняли и основные банковские операции. Среди них были как свободнорожденные жители Рима, так и вольноотпущенники.

Местом пребывания аргентариев в Риме издавна был старый форум. В одном из писем Цицерон писал о деньгах, полученных на форуме («*aere... circumforaneo*») (Cic. ad Att. II. 1. 11). На форуме было несколько мест, связанных с деятельностью аргентариев. В первую очередь это меняльные лавки («*tabernae argentariae*»)²⁸. На южной стороне форума располагались так называемые «старые таберны» («*tabernae veteres*»)²⁹. На северной стороне форума стояли «новые таберны» («*tabernae novae*»), восстановленные после пожара 210 г. (Cic. de orat. II. 66. 266).

Главной деталью таберны аргентариев был стол («*mensa*»), на котором меняла считал монеты, поэтому и сами кредитные учреждения часто называли «*mensa*», а самих банкиров — «менсариями» («*mensarii*»)³⁰. В литературе есть немало упоминаний о государственных кредитных учреждениях («*mensa publica*»). В речи «В защиту Флакка» Цицерон также вспомнил о таком учреждении (Cic. pro Flacco. XIX. 44).

Кроме таберн, Цицерон вспомнил и об еще одном примечательном месте на старом форуме, связанном с деятельностью менял. Речь идет о так называемом «священном колодце» — специально огороженном месте, куда некогда попала молния. Такой колодец на старом форуме называли «Путеал Либона» («*Puteal Libonis*»), в честь городского претора 80-го г. Луция Скрибония Либона, который его построил (или перестроил). Этот Путеал находился возле восточного входа на форум, рядом с храмом Кастора (*aedes Castoris*), в котором менялы сберегали

²⁵ Andreu 1999, 11.

²⁶ Балахванцев 1992, 47.

²⁷ Kraut 1826, 4

²⁸ Marquardt 1884, 65; Kraut 1826, 34-41; Fowler 1909, 80.

²⁹ Смирнов 1909, 9.

³⁰ Kraut 1826, 3.

деньги (Juv. Sat. V. 14. 260). Между оградой храма и ПUTEАЛОМ функционировала денежная биржа, на которой римские предприниматели могли найти кредит, рассчитаться по предыдущим ссудам, получить справку о платежеспособности заемщика и т. д. В речи «За Сестия» Цицерон вспомнил о ростовщиках, столпившихся возле ПUTEАЛА («puteali et faeneratorum gregibus») (Cic. pro Sest. VIII. 18).

Еще одним местом скопления деловых людей, о котором вспомнил Марк Туллий, был так называемый «средний Янус» («Janus medius»). Во втором томе трактата «Об обязанностях» Цицерон иронически высказался о дельцах, пребывающих у «среднего Януса», заметив, что «...о происхождении, о зарабатывании, о размещении денег (равно как и о распоряжении оными) достойные мужи, пребывающие у «среднего Януса», расскажут лучше, чем любой философ...» (...de genere, de quaerenda, de collocanda pecunia, (vellem etiam de utenda), commodius a quibusdam optimis viris ad Ianum medium sedentibus quam ab ullis philosophis...) (Cic. de off. II. XXIV. 87). В шестой филиппике Цицерон еще раз вспомнил о «среднем Янусе», намекнув на финансовые спекуляции брата Марка Антония — Луция Антония («L. Antonio a Iano medio patrono») (Cic. Phil. VI. V. 15).

Вопрос о месте расположении «Janus medius» пока еще однозначно не решен. По мнению Ж. Андре, «Janus medius» находился сразу за фасадом базилики Эмилия³¹. С Ж. Андре солидарен и К. Вербовен, который локализует этот объект на северной стороне форума неподалеку от базилики Эмилия³². Действительно, на плане Рима, составленном Г. Дройзенем, позади эмилиевой базилики обозначено сооружение, носящее название «четырёхликий Янус» («Janus quadrifrons») ³³. Если принять эту точку зрения, придется признать, что на римском форуме функционировали две денежные биржи: одна располагалась в юго-восточной части форума, между храмом Кастора и ПUTEАЛОМ, другая — в его северо-западной части, рядом с базиликой Эмилия.

Однако Г. Иордан локализовал «Janus medius» в восточной части форума, рядом с ПUTEАЛОМ и храмом Кастора³⁴. По его мнению, «Janus medius» представлял собой обыкновенную арку, сооруженную у входа на форум и не имевшую никакого отношения ни к храму Януса, ни непосредственно к почитанию этого бога. Римляне называли «янусом» любую арку, потому что главный храм Януса, также расположенный на форуме, представлял собою фактически две арки, соединенные стенами³⁵. Схожую точку зрения высказал И. Марквардт, утверждавший, что «Janus medius» представлял собой одну из трех арок, сооруженных у восточного входа на форум. Две другие — «Janus summus» и «Janus imus» — стояли неподалеку³⁶. Согласившись с мнением Иордана и Марквардта, приходим к выводу, что на римском форуме функционировала одна-единственная биржа, располагавшаяся на восточной его стороне, между оградой храма Кастора, ПUTEАЛОМ ЛИБОНА и «средним Янусом». Решить, какая точка зрения ближе к истине, в рамках данного исследования невозможно. Для нас было важно зафиксировать сообщение Цицерона, что и было сделано.

³¹ Andreu 1999, 16.

³² Verboven 2008, 8.

³³ Droysen 1886, 11.

³⁴ Jordan 1885, 215.

³⁵ Jordan 1885, 215.

³⁶ Marquardt 1884, 65.

Важную роль в кредитном деле играли также нуммуларии (лат. «nummularius» от «nummus» — «монета») — это менялы, которые занимались проверкой и разменом монеты (probatio nummorum). В трактате «Об обязанностях» Цицерон вскользь упомянул о преторском эдикте Марка Мария Гратидиана (85 г.), в соответствии с которым все денежные выплаты должны были осуществляться в присутствии нуммулариев (Cic. de off. III. 20. 80). Это делалось главным образом для того, чтобы не допустить обмана при определении качества и ценности монет и гарантировать договорившимся сторонам законность сделки. Со временем нуммуларии начали выполнять те же банковские операции, что и аргентарии³⁷.

Банковские учреждения действовали, разумеется, не только в Риме, но и в других городах республики. Цицерон вспомнил о меняльных лавках в Регии («argentariam Regi») (Cic. in Verr. II. V. LXIV. 165), Сиракузах (argentariam ... Syracusis) (Cic. de off. III. 14. 58), а также в африканском городе Лепта («argentariam Lepti») (Cic. in Verr. II. V. LIX. 155). Названные города ничем особенным не выделялись среди прочих, и поэтому мы с полным основанием можем предположить, что подобные учреждения функционировали едва ли не в каждом городе республики. Менялами в провинциальных городах могли быть как граждане Рима, так и провинциалы.

Таким образом, Цицерон определил две категории банкиров: первую представляли всадники, проводившие банковские операции как в Риме, так и в провинциях; вторую — аргентарии, менсарии и нуммуларии, рекрутировавшиеся из выходцев из непривилегированных слоев населения и провинциалов. Они стояли за меняльными столами на форумах и рынках Рима и других городов империи. Нам осталось проанализировать основные операции, которые выполняли представители обеих этих категорий.

Римские банкиры проводили как активные, так и пассивные операции. Начнем с депозитного дела. Римскому праву был известен договор хранения (depositum). Деньги обычно помещали в отдельный мешок, который опечатывался печатями депонента и депозитария (так же, как клиент нынешнего банка абонирует банковский сейф). Понятно, что депозитарий не имел права использовать задепонированную сумму для собственных операций. Услуги по сохранению денег, как правило, оплачивались депонентом³⁸.

Из писем Цицерона известно о своеобразной форме депонирования денег — депозитах в храме. Деньги помещал в храм заемщик, несогласный с условиями кредитора, и пока деньги лежали в храме, проценты на сумму долга не начислялись. Так, в 51 г. деньги в храм поместила община города Кавн в Карии до разрешения конфликта с упомянутым выше Марком Клувием (Cic. ad fam. XIII. 56. 3). Точно так же хотели поступить в 50 г. жители Саламина на Крите в ходе конфликта с Брутом, однако Цицерон уговорил их этого не делать (Cic. ad Att. V. 21. 14; VI. 1. 7).

По депозитам у банкиров известно, что Цицерон держал деньги у Аттика (Cic. ad Att. XV. 15. 1), Луция Эгнация («resunia apud Egnatium est») (Cic. ad Att. XI. 3. 3) и других банкиров. Никаких дополнительных данных относительно характера этих взносов Цицерон не привел, но судя по тому, что эти деньги активно

³⁷ Marquardt 1884, 66–67.

³⁸ Муромцев 1883, 303.

использовались, это не был договор хранения. Скорее всего, это были процентные взносы. Правовой основой таких процентных вкладов был договор «*depositum irregulare*» — договор хранения незапечатанных денег. Депозитарий должен вернуть не те же самые монеты, а такую же сумму денег (Dig. XVI. III. 26. 1; XIX. II. 31). Задепонированные деньги временно переходили в собственность депозитария, который за разрешение за пользование деньгами платил депоненту проценты³⁹.

Пользуясь как собственными, так и привлеченными средствами, римские банкиры предоставляли деньги под процент⁴⁰. Цицерон вспомнил о займах у Аттика (Cic. ad Att. V. 15. 2), упомянутых выше Оппиев (Cic. ad Att. VIII. 7. 3), Луция Эгнация (Cic. ad Att. X. 15. 4), Писона (Cic. ad Att. XIII. 11. 2), Целия (Cic. ad Att. VII. 3. 11), Вестория (Cic. ad Att. IV. 6. 4), Публия Валерия (Cic. ad fam. XIV. 2. 2), Веттиена (Cic. ad Att. X. 11. 5) и т. д. Выше упоминалось о займах, которые представил карийским городам Марк Клувий (Cic. ad fam. XIII. 56. 2), Атик — эпирскому городу Сикион (Cic. ad Att. I. 13. 1; I. 19. 9), Эгнаций — малоазийским городам (Cic. ad fam. XIII. 45), Марк Лений — вифинцам (Cic. ad fam. XIII. 63. 1) и т. д. Наконец, стоит вспомнить о 15 миллионах вышеупомянутого Квинта Консия, которые были предоставлены заемщикам под процент⁴¹.

Уровень процентной ставки в различных соглашениях был разным и зависел не только от экономических, но и от политических факторов. Законный максимум процентной ставки был введен римским сенатом в 88 году по прямому указанию Суллы. Он составлял 1% с капитала в месяц, или 12% годовых, и носил название «сотая» (*centesimae* — центезима) (Cic. ad Att. V. 21. 11; VI. 1. 5; VI. 2. 7; VI. 3. 5). Фактически же в самом Риме вследствие наплыва капиталов легко можно было взять ссуду под меньший процент. Сам Цицерон не хотел брать кредит под 12%, и в письме Аттику от 1 января 61 г. сообщил, что ищет новых кредиторов, потому что дядя Аттика, Цецилий, не соглашается на процент меньше центезимы («*Caecilio... minore centesimis nummum movere non possunt*») (Cic. ad Att. I. 12. 1). В письме Публию Сестию от 10 декабря 62 г. речь идет уже о 6% («половина» — «*semmissibus*») (Cic. ad fam. V. 6. 2). В середине I в. в Риме можно было занять деньги и под 4%. В письме брату, написанном в июле 54 г., Цицерон отмечал, что в связи с выборами процентная ставка поднялась с 4% (*usurae trientes*) до 8% (*usurae besses*) (Cic. ad Q. fr. II. 14. 4). То же и в письме Аттику: «Процент из 4% превратился в квинтильские иды в 8%» («*faenus ex triente Idibus Quintilibus factum erat bessibus*») (Cic. ad Att. IV. 15. 7). Марк Туллий назвал и причину повышения процентной ставки — массовый подкуп избирателей в трибах (Cic. ad Att. IV. 19) и центуриях (Cic. ad Q. fr. II. 14. 4).

В провинциях же вследствие оттока капиталов процентная ставка была значительно выше, чем в Риме, и достигала в близкой Сицилии 24% (*binae centesimae*) (Cic. in Verg. II. III. 165), а в других провинциях 48% (*quaternae centesimae*) годовых. К тому же, в соответствии с законом Габиния 67 г., провинциалам было запрещено брать деньги в самом Риме. Так, в письме Аттику за 50 г. Цицерон отметил, что саламиняне взяли заем вопреки Габиниеву закону (*...pecuniam Salaminii*

³⁹ Виндшейд 1875, 311–313.

⁴⁰ Kraut 1826, 24.

⁴¹ Andreu 1999, 11.

contra legem Gabiniam sumpserant) (Cic. ad Att. VI. 2. 7). Поэтому немало римских граждан, пользуясь таким положением денежного рынка, получали деньги в Риме на весьма умеренных условиях, а затем предоставляли займы в провинции под огромные проценты. Об одном таком дельце — Публии Ситтии — узнаем из речи Цицерона в защиту Суллы. Ситтий должен был значительные средства римским кредиторам, но еще более значительные средства ему были должны заемщики в Мавритании (Cic. pro Sulla. XX. 58). Собственно, и большинство банкиров-всадников кредитовали преимущественно провинциалов.

Древнему Риму было известно и начисление сложных процентов. Если у заемщика не хватало денег, чтобы рассчитаться с кредитором, он мог взять у него новый заем для погашения старого долга. В этом случае в основной капитал займа включалась прежняя сумма с начисленными процентами. Эта операция носила название «*versura*»⁴². В письмах Цицерона есть несколько упоминаний о такого займах: относительно себя самого (Cic. ad Att. V. 1. 2; V. 15. 2; XV. 20. 4; XVI. 2. 2), своего брата Квинта (Cic. ad Att. VII. 18. 4; X. 15. 4), жителей города Саламин на Кипре (Cic. ad Att. V. 21. 12).

Из писем Цицерона знаем и о прямом начисления сложных процентов («*anatocismus*»)⁴³. В своем эдикте, провозглашенном во время пребывания на посту проконсула Киликии, Цицерон установил для провинции обычную плату за кредит в размере центезимы «с ежегодным анатоцизмом» («*cum anatocismo anniversario*»), то есть позволил начисление сложных процентов. Невыплаченные суммы процентов ежегодно должны были добавляться к основному капиталу, и дальше проценты взимались уже из полученной суммы (Cic. ad Att. V. 21. 11). В оправдание Марка Туллия скажем, что в описанном случае кредиторы требовали 48% годовых, а Цицерон отстаивал центезиму с анатоцизмом в интересах заемщиков. О взыскании центезимы с «ежегодным перерасчетом процента» («*in singulos annos faenore*») упомянуто также в письмах к Аттику от 24 февраля (Cic. ad Att. VI. 1. 5), 26 июня 50 года (Cic. ad Att. VI. 3. 5).

Проценты по займу уплачивались, как правило, ежемесячно. Так, царь Каппадокии вносил Помпею по 33 аттических таланта каждые 30 дней («*tricesimo quoque die talenta Attica XXXIII*») (Cic. ad Att. VI. 1. 3).

Сроком выплаты процентов и основного капитала займа считались календы (первое число каждого месяца) или иды (середина месяца). Известно, что в марте, мае, июле и октябре иды выпадали на 15-е число, а в остальные месяцы — на 13-е. Цицерон упоминает о платеже в секстильские календы («*Kal. Sext.*») (Cic. ad Att. XVI. 2. 1), февральские («*Idibus Febr.*») (Cic. ad Att. I, 7, 3) и ноябрьские иды («*Idus Novembn.*») (Cic. ad Att. X. 5. 3).

Осуществление банковских операций в Риме было бы невозможным без наличия специальных бухгалтерских книг. Вообще-то домовые книги в Риме вел каждый глава семьи («*pater familias*»). Об общем распространение таких книг Цицерон высказался в речи «За Фонтея» («*...nummus in Gallia nullus sine civium Romanorum tabulis commovetur...*») (Cic. pro Font. 11). Правда, в упомянутом отрывке речь шла о Галлии, но не возникает сомнений, что это замечание касается всей республики.

⁴² Marquardt 1884, 63.

⁴³ Marquardt 1884, 63.

Среди бухгалтерских книг в первую очередь отметим «дневник» («*adversaria*»), в который записывались ежедневные прибыли и расходы. Этот дневник выполнялся на дощечке, покрытой воском (*adversaria quam tabulae*) (Cic. *pro Rosc. Com.* 6). Дневник служил для черновых и временных записей, и раз в месяц сведения из него переносились в основную бухгалтерскую книгу, а предыдущие записи стирались (Cic. *pro Rosc. Com.* 7). Эта основная книга называлась «книга доходов и расходов». Она могла выполняться на восковых дощечках и тогда именовалась «*tabulae accerti et expensi*» (Cic. *de orat.* 47. 158; in *Verr.* II. II. 186; *pro Rosc. Com.* 2) или просто «*tabulae*» (Cic. *pro Cluent.* XXX. 82; *pro Font.* 12; *pro Rosc. com.* 13). Надписи, как и в предыдущем документе, писали стилем. Сама доска была разделена на две части: над одной надписывалось «*accerti*», над другой была надпись «*expensi*» («доходы» и «расходы»). Часто книга доходов и расходов выполнялась в виде книги («кодекса») из листков папируса или пергамента, скрепленных в корешке и помещенных в обложку или переплет, и в этом случае называлась «*codex accerti et expensi*» (Cic. *pro Rosc. Com.* 4; 5).

Если *adversaria* не носила характер официального документа, то последняя книга использовалась как судебное доказательство (Cic. *pro Rosc. Com.* 6). Об использовании счетных книг в судебном следствии Цицерон упомянул также и в речах «В защиту Скавра» (Cic. *pro Scaur.* 18) и «В защиту Флакка» (Cic. *pro Flacco.* IX. 20). С помощью книг доходов и расходов заключались письменные (литеральные) контракты (*contractus litteralis*). При предоставлении займа банкир заносил одолженную сумму на имя заемщика в графу «расходы», и одновременно заемщик отмечал получение оговоренной суммы в своей книге в графе «прибыль». Записи сверялись и уточнялись, приобретая форму обоюдной сделки (Cic. *ad Att.* VII. 3. 7). При погашении долга проводилась обратная операция⁴⁴.

Такого рода контракты заключали между собой исключительно *cives romani*, а в отношениях, участниками которых были peregrini, договор займа оформлялся с помощью расписок «синграфы» (*syngrapha*) и «хирографум» (*chirographum*). В письмах Цицерона встречаем только синграфу. Эта расписка выполнялась в двух экземплярах, излагалась в третьем лице (такой-то взял у такого-то такую-то сумму) и составлялась в присутствии свидетелей, которые подписывали документ вслед за кредитором и должником и скрепляли его своими печатями. Так, с помощью синграфы был оформлен контракт между Брутом и саламинянами (Cic. *ad Att.* VI. 2. 7; V. 21. 12), между Публием Ситтием и Птолемеом Авлетом (Cic. *ad fam.* VII. 17. 1; VIII. 4. 5), долг самого Цицерона (Cic. *ad Att.* XII. 51. 3) и т. д. При погашении долга кредитор давал заемщику расписку о том, что долг выплачен и у него нет претензий к заемщику («*satis dare amplius abs te non peti*»). Этот текст привел неутомимый Цицерон в письме Аттику, датированном февралем 67 г. (Cic. *ad Att.* I. 8. 1).

Римские банкиры проводили операции с текущими счетами клиента. В письмах Цицерона описана так называемая делегация (*delegatio*), т.е. перевод долгового обязательства с одного должника на другого (Cic. *ad Att.* XII. 3. 2). Пассивная делегация — кредитор по просьбе должника соглашался принять исполнение от третьего лица. Так, в письме Аттику от 3 февраля 49 г. Марк Туллий просил разрешения перевести брату Квинту его долг Аттику на Эгнация (*debet ab Egnatio*

⁴⁴ Муромцев 1883, 211.

solvate), поскольку на текущий счет последнего должны были внести деньги многочисленные должники Квинта (Cic. ad Att. VII. 18. 4). Упоминание о пассивной делегации находим и в других письмах Цицерона (Cic. ad Att. XIII. 3, 1; ad fam. V. 20. 3). Эта операция проводилась путем жирорасчетов, т.е. перевода денег с текущего счета одного клиента на счет другого. Для этого банкир переписывал суммы в своей бухгалтерской книге из таблицы одного клиента на таблицу другого.

Активная делегация — должник по желанию кредитора обещал исполнение третьему лицу. В этом случае кредитор (делегант) давал указание своему должнику выдать определенную сумму другому лицу (делегатарю). Так, в письме Аттику от 12 августа 45 г. Цицерон сообщил, что делегировал долги своих клиентов на брата Квинта (Cic. ad Att. XIII. 46. 4), а в письме Аттику от 14 апреля 49 г. просил его поручить Оппиям уплатить деньги жене Теренции (Cic. ad Att. X. 4. 12).

Специфическим видом активной делегации, которую осуществляли римские банкиры, был договор «*гесертум аргентарии*», в соответствии с которым банкир принимал обязательства перед своим клиентом выплатить его долг третьему лицу⁴⁵. Указанный долг (собственно, любая определенная сумма денег) мог быть выплачен не только в месте жительства клиента банковской конторы, но и в любом другом месте, и это давало возможность осуществлять перевод денег, трассируя нужные суммы на любой город страны. Так, в письме от 13 июня 44 г. Цицерон поручил Аттику рассчитаться с его долгом с городской общиной города Арпина и вернуть деньги эдилу города Луцию Фадию («*nummos Arpinatium, si L. Fadius aedilis petet, vel omnis reddito*») (Cic. ad Att. XV. 15. 1). В другом письме Цицерон благодарил Аттика за то, что тот погасил его небольшой долг, взятый в Путеолах («*de gaudusculo Puteolano*») (Cic. ad Att. VI. 8. 5).

Перевести деньги можно было и с помощью специального «обменного письма» («*permutatio rescipia*»). Так, в марте 45 г., провожая своего сына Марка на обучение в Афины, Цицерон консультировался с Аттиком относительно того, как лучше поступить с деньгами на содержание сына: дать ему наличные или перевести деньги в Афины («*Athenis permutarine*») (Cic. ad Att. XII. 24. 1). Решение было принято в пользу перевода денег, и в следующем письме Цицерон просил Аттика обменять для сына нужную сумму денег (*nummorum quantum opus erit ut permutetur tu videbis*) (Cic. ad Att. XII. 27. 2). На ежегодные расходы на все время учебы Цицерону сыну назначили довольно значительную сумму в 100 тысяч сестерциев⁴⁶, поэтому аналогичную просьбу («*permutetur Athenas*») встречаем в письме от 13 июня 44 г. (Cic. ad Att. XV. 15. 4). А в письме от 2 августа 45 г. речь снова идет об активной делегации: должник Аттика Ксенон должен был свой долг выплатить молодому Цицерону в Афинах (Cic. ad Att. XIII. 37. 1). Можно встретить упоминания о переводе денег с помощью «обменного письма» самому Марку Тулию от Аттика (Cic. ad Att. V. 15. 2; XI. 1. 2), от Теренции через Аттика (Cic. ad Att. XI. 24. 3), о переводе денег самим Цицероном брату Квинту (Cic. ad Q. fr. I. 3. 7) и т.п.

На первый взгляд, это «обменное письмо» сильно напоминает хорошо известный нам переводной вексель или тратту — приказ кредитора (трассанта) заемщику (трассату) о выплате определенной суммы предъявителю (ремитенту). Однако,

⁴⁵ Смирнов 1909, 3.

⁴⁶ Буассье 1880, 91.

поскольку отсутствовали такие важные элементы переводного векселя, как акцепт и протест векселя, а римские банкиры не совершали учетных операций, упомянутое «обменное письмо» не могло выступать в качестве самостоятельного платежного инструмента. Поэтому мы можем называть указанный документ векселем лишь условно, учитывая вышеприведенные оговорки. К. М. Смирнов употребляет термин «аккредитив»⁴⁷, В. Фаулер определяет этот документ и как «аккредитив» («letter of credit»), и как «вексель» («bill of exchange»)⁴⁸.

Заинтересованный читатель может сам определить экономическую сущность «обменного письма», проанализировав те финансовые операции, которые мы приводим ниже. Первая из них описана Цицероном в письме от 27 июля 51 г. Марк Туллий вступал в должность проконсула Киликии, для чего должен был приехать в ее столицу Тарс и принять дела от бывшего наместника — Аппия Клавдия Пульхра. Но он написал, что задержится в Лаодикии, чтобы получить деньги посредством официального векселя («publica permutatione») (Cic. ad fam. III. 5. 4). Речь идет о деньгах, которые выделялись из эрария на содержание проконсула и его аппарата. Однако из самой провинции в Рим поступали средства в виде налогов. Чтобы лишний раз не перевозить деньги, официальным лицам выдавали указанный документ, по которому они получали необходимые для осуществления своих функций средства на месте, в конторе соответствующей компании публиканов. Другая операция описана в письме Аттику, написанном в начале января 48 г. Цицерон просил Аттика перевести деньги («pecuniae permutatione») из Азии в Рим (Cic. ad Att. XI. 1. 2). Речь идет о 2200000 сестерций, которые Цицерон, будучи проконсулом Киликии, вложил в компанию публиканов «Asiani» с центром в городе Эфес («Ephesi apud publicanos deposuisse, id fuisse HS. XXII») (Cic. ad fam. V. 20. 9). Финансовые трудности, с которыми Цицерон встретился в Риме, побудили его отозвать свой вклад.

Очень современная, по нашему мнению, финансовая операция изложена в письме от 11 июля 44 г.: Цицерон просил Аттика оплачивать его счета, ничего от него не ожидая («nihil a me exspectes»), т. е. не дожидаясь новых поступлений. Мотивировал он свою просьбу тем, что многочисленные его должники, которые должны внести деньги на счет Марка Туллия у Аттика, весьма ненадежны и могут просрочить выплаты (Cic. ad Att. XVI. 2. 2). Мы не можем интерпретировать этот отрывок никак иначе, как просьбу Цицерона открыть для него кредитную линию и осуществлять выплаты овердрафт.

Очень важной функцией банкиров было аукционное дело⁴⁹. Аукцион проводился при продаже ипотечного залога несостоятельных должников, а также при распределении имущества умершего. Привлечение банкиров к аукционному делу было вызвано несколькими причинами. Во-первых, проведение аукционов требовало от аукциониста специальных знаний, умения работать со специальными бухгалтерскими книгами («tabulae auctionariae»). К тому же правила римских аукционов предусматривали, что покупатель на аукционе мог оплатить покупку как наличными, так и в кредит. Продавец же должен был получить деньги сразу после

⁴⁷ Смирнов 1909, 120.

⁴⁸ Fowler 1909, 82.

⁴⁹ Marquardt 1884, 66.

продажи вещи⁵⁰. Ясно, что необходимый для проведения такого аукциона оборотный капитал мог иметь в своем распоряжении лишь банкир.

Из писем Цицерона знаем, что он, став одним из наследников вышеупомянутого Клувия, решил поручить продажу имущества последнего банкиру из Путоол Весторию (Cic. ad Att. XIII. 45. 3). Из другого письма известно, что Весторий согласился проводить этот аукцион (Cic. ad Att. XIII. 37. 4). Тот же Весторий принимал участие в продаже доли Цицерона в имуществе некоего Бринния («de Brinniana auctione assere a Vestorio litteras») (Cic. ad Att. XIII. 12. 4; XIII. 50. 2). Выше уже упоминалось письмо от 14 мая 47 года, в котором Цицерон просил Атика посодействовать проведению аукциона по наследству Фуфидия (Cic. ad Att. XI. 15. 4). О проведении аукционов Марк Туллий упоминал также в своих речах (Cic. in Catil. II. 8. 18), письме к Теренции (Cic. ad fam XIV. 2. 2) и т. д.

Банкиры привлекались к кредитным соглашениям в качестве поручителей (Cic. ad Att. V. 1. 2), выступали в роли маклеров, заключая по поручению клиента торговые соглашения (Cic. pro Saec. 16), осуществляли покупки как недвижимого (Cic. ad Att. X. 5. 3), так и движимого имущества⁵¹. Так Цицерон менял серебряную утварь на деньги у Писона (Cic. ad Att. XIII. 2. 2. 1), покупал золото у Целия (Cic. ad Att. XII. 6. 1) и т. д.

Цитирование высказываний Марка Туллия, касающихся нашей темы, можно было бы продолжить, однако, как говорил известный персонаж, «нельзя объять необъятное», и поэтому приходится подводить итоги.

Отметим главные моменты, вытекающие из нашего исследования. Цицерон описал две категории банкиров: первая из них представлена всадниками, профессионально занимающимися банковскими операциями, вторая — профессиональными менялами: аргентариями, менсариями и нуммулариями.

Представители обеих категорий выполняли разнообразные банковские операции, значительная часть которых осуществляется и современными банками. Римские банкиры хранили деньги клиентов и принимали от них вклады под процент. Среди активных операций отметим предоставления процентных займов и операции с текущими счетами клиентов. Римские банкиры могли открыть кредитную линию и осуществлять выплаты овердрафт, проводили жирорасчеты и перевод денег в любой город республики, выступали в качестве поручителей, торговых маклеров и проводили аукционы.

Как показало наше исследование, литературное и эпистолярное наследие Цицерона — это настоящая энциклопедия банковского дела в Риме I в. до н.э. Поэтому, учитывая системообразующую роль кредита и банковского дела в формировании определенного типа общества, анализ информации о банкирах и их операциях, осуществленный в нашей статье, будет способствовать более четкому пониманию особенностей социально-экономического устройства Древнего Рима эпохи поздней республики.

ЛИТЕРАТУРА

Балахванцев А. С. 1992: О наследственности сенаторского звания в эпоху Юлиев-Клавдиев // Межвузовский научный сборник научных статей «Античность Европы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1287684495>.

⁵⁰ Смирнов 1909, 47.

⁵¹ Mitteis 1898, 204.

- М. Буассье Г. 1880: Цицерон и его друзья. Очерк римского общества из времен Цезаря. М.
- Виндшейд Б. 1875: Об обязательствах по римскому праву. СПб.
- Моммзен Т. 2005: История Рима. Т. II. Кн. 4: От битвы при Пидне до смерти Суллы. М.
- Муромцев С. 1883: Гражданское право древнего Рима. М.
- Немировский А. И. 1953: Всадническое сословие в политической борьбе 90-80-х годов до н. э. // Ученые записки. Вып. I., 125–159.
- Ростовцев М. И. 1899: История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб.
- Сальвиоли Г. 1922: Капитализм в античном мире: этюд по истории хозяйственного быта. Екатеринослав; Харьков.
- Смирнов К. М. 1909: Банки и банкирский депозит в Риме. Одесса.
- Утченко С. Л. 1986: Цицерон и его время. М.
- Andreu J. 1999: Banking and business in the Roman world. Cambridge.
- Droysen G. 1886: Allgemeiner historischer Handatlas. Bielefeld und Leipzig. [Online resource]. — Access mode: <http://ancientrome.ru/map/rome/rome005.htm>
- Fowler W. 1909: Social life at Rome in the Age of Cicero. London.
- Jordan H. 1885: Topographie der Stadt Rom im Alterthum. Erster Band. Zweite Abtheilung. Berlin.
- Knier F. 1896: Societas Publicanorum. Erstes Band. Jena.
- Kraut W. 1826: De argentariis et nummulariis commentatio. Gottingae.
- Kroll W. 1933: Die kultur der ciceronische Zeit. Politik und Wirtschaft. Leipzig.
- Marquardt J. 1884: Römische Staatsverwaltung. Zweiter Band. Leipzig.
- Mitteis L. 1898: Trapezitika. // ZSSR/RA. Bd. 32, 198-260.
- Verboven K. 2001: A note on the Oppii from Velia and Cicero's divorce. [Online resource]. — Access mode: <http://www.academia.edu/1258238/2001>
- Verboven K. 2008: Faeneratores, negotiatores and financial intermediation in the Roman world (late Republic and early Empire). [Online resource]. — Access mode: <http://www.academia.edu/1624003/2008>

MARCUS TULLIUS CICERO ON BANKERS AND BANKING TRANSACTIONS IN ANCIENT ROME

M. N. Sayko

The article considers ancient Roman bankers and their principal banking transactions. Information obtained from Marcus Tullius Cicero's philosophic works, speeches, and letters made it possible to determine two main categories of persons dealing with banking. These were representatives of plebs and eqites. Principal banking transactions analyzed by the author comprise keeping one's money which was subject to payment and attraction of assets in the form of interest payments, transactions with current accounts, money transfer and giro, holding auctions.

Key words: Cicero, bankers, eqites, argentarii, centesimae

© 2013

А. Р. Панов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТИГРАНА МЛАДШЕГО С РИМЛЯНАМИ В ХОДЕ ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ ПОМПЕЯ

В статье анализируются взаимоотношения Тиграна Младшего — сына царя Великой Армении Тиграна II — с римлянами во время восточной кампании Помпея. Речь идет о событиях 66 г. до н.э., когда Тигран Младший поднял восстание против своего отца и затем решил присоединиться к римлянам, ведшим войну с Тиграном II. Поскольку Тигран II примирился с Помпеем, то надежды Тиграна Младшего на назначение его армянским царем не оправдались, и он получил лишь Софену. Как полагает автор, Помпею, не сумевшему примирить отца с сыном, пришлось делать выбор, кто из них мог лучше служить римским интересам на Востоке, и более приемлемой фигурой оказался Тигран II. Не пожелавший умерить свои амбиции Тигран Младший стал представлять для римлян потенциальную угрозу, что предопределило его быстрое превращение из союзника в пленника Помпея.

Ключевые слова: Тигран Младший, Тигран II, Помпей, Армянское царство

Тигран Младший, сын царя Великой Армении Тиграна II, не мог избежать участия во вспыхнувшей римско-армянской войне, причем он не только стал активным участником происходивших событий, но и, подобно некоторым отпрыскам другого противника Рима — понтийского правителя Митридата VI Евпатора, ради личных политических интересов вступил в конфликт с отцом, что одновременно означало сближение с римской стороной.

Вступление Тиграна Младшего в прямой контакт с римлянами относится к осени 66 г. до н.э. Еще до этого Тигран Младший восстал против своего отца. Насколько известно, кратковременное его пребывание в фаворе у Тиграна II объяснялось проявленной им верностью к родителю, в то время как его старшие братья вступили на путь измены гораздо раньше (App. Mithr. 104; Val. Max. IX. 11). После их смерти Тигран Младший стал ближайшим наследником престола¹, но таким положением он довольствовался недолго и, воспользовавшись тем, что Тигран II организовал поход в Каппадокию, решил занять трон самостоятельно. Среди тех, кто ему в этом помогал, были некоторые представители армянской знати, вынужденные затем разделить судьбу своего предводителя (Dio Cass. XXXVI. 51. 1). Кроме того, Дион Кассий называет в качестве подстрекателя выступления Тиграна Младшего его деда по материнской линии — Митридата VI², что привело

Панов Александр Ростиславович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: panov_alexandr@mail.ru

¹ Предположение, что Тигран Младший стал соправителем отца (Gutschmid 1888, 83), не получило поддержки и кажется маловероятным.

² Манандян 1943, 174; Талах 2013, 166; Matyszak 2008, 153. Правда, не все исследователи склонны доверять данному сообщению римского историка: Б. Мак-Гинг, к примеру, считает маловероятным, чтобы Митридат стал рисковать утратить поддержку Тиграна-отца, вступив в интриги с Тиграном-сыном (McGing 1986, 164). С другой стороны, М.-Л. Шомон допускает сговор Тиграна Младшего не только со своим дедом Митридатом, но и с матерью — Клеопатрой, для которой интересы отца оказались важнее сохранения верности мужу (Chaumont 2001–2002, 227).

к недовольству Тиграна II и расколу сложившегося понтийско-армянского союза (Dio Cass. XXXVI. 50. 1).

Однако попытка захвата власти оказалась неудачной (App. Mithr. 104; Dio Cass. XXXVI. 50. 1). Потерпев поражение, Тигран Младший бежал к парфянскому царю Фраату III, на дочери которого он женился. Фраат согласился помочь зятю в ведении военных действий в Армении, тем более что к этому его подталкивал и римский полководец Помпей, стремившийся подключить Парфию к борьбе с противниками Рима: Тиграном II и понтийским царем Митридатом VI. Поход, начало которого было вполне успешно, завершился поражением Тиграна Младшего: когда стало понятно, что осада Арташаты затянется, Фраат вернулся домой, оставив часть войск своему союзнику, но армянский царь сумел одержать верх над сыном (Dio Cass. XXXVI. 51. 1–2).

Повторные разгром и бегство должны были поставить царевича перед выбором, к кому обратиться за помощью для возобновления борьбы за власть. От возвращения в Парфию Тигран Младший отказался, хотя связей со своим тестем не утратил. Позиция парфянского царя в конфликте Рима с правителями Понта и Великой Армении изначально была уклончивой, и, видимо, парфяне старались добиться своих целей больше дипломатическими³, чем военными средствами. Центральной проблемой в армяно-парфянских взаимоотношениях были территориальные споры, разрешение которых для парфян с началом римско-армянской войны стало возможным в нескольких вариантах. После своих первых военных неудач Тигран II отправил послов к парфянскому царю с предложением территориального вознаграждения в обмен на военную помощь (Memn. LVIII. 2), но Лукулл принял контрмеры, предлагая парфянам либо заключить союз, либо не вмешиваться в борьбу (App. Mithr. 87; Dio Cass. XXXVI. 3. 1). Таким образом, парфяне могли либо вступить в антиримскую коалицию и получить в качестве платы спорные земли от Тиграна II, либо присоединиться к Лукуллу, который тоже мог вознаградить своих союзников⁴. Однако, как сообщает Аппиан, «парфянский царь тайно заключил союз с обоими и не спешил прийти на помощь ни тому, ни другому» (App. Mithr. 104).

Приезд в Парфию Тиграна Младшего еще более расширил парфянские возможности: царевич вполне мог пообещать отказ от тех или иных земель в случае успешного установления его власти в Армении при поддержке парфян. В то же время Помпей установил дружбу с Фраатом и побуждал последнего вторгнуться в Армению (Dio Cass. XXXVI. 45. 3). В данном случае, как видно, побуждения Тиграна Младшего и Помпея в отношении парфянского царя были схожи: он воспринимался ими как орудие борьбы против Тиграна II. Не случайно, что Дион Кассий в одном и том же месте пишет о прибытии армянского царевича в Парфию и повторно упоминает о соглашении Помпея с Фраатом⁵, причем, как и в предыдущем пассаже, указывает, что Фраат «был побужден (ἀνέλεσε)» вторгнуться-

³ Keaveney 1981, 206.

⁴ Bulin 1983, 81.

⁵ М.-Л. Шомон пишет, что Тигран Младший не был чужд заключению договора Фраата с Помпеем (Chaumont 2001–2002, 228), но такая оценка представляется не вполне верной: судя по Диону Кассию, римско-парфянское соглашение было достигнуто еще до прибытия в Парфию царевича, так что он скорее способствовал выполнению условий данного договора, чем принимал участие в его заключении.

ся в Армению (Dio Cass. XXXVI. 51. 1). Конечно, бегство Тиграна Младшего в Парфию вряд ли являлось для Фраата решающим аргументом в пользу принятия решения о ведении войны против армянского царя, но то, что это стало одним из побудительных мотивов — отрицать вряд ли возможно. Тем самым можно отметить невольное совпадение интересов Помпея и Тиграна Младшего, которое произошло в период пребывания последнего в Парфии и в ходе нападения на Армению. Объединяющей основой стала борьба против общего противника, каковым для них обоих стал Тигран II. Вместе с тем, нельзя не отметить, что даже в этот момент, когда, казалось бы, все подталкивало Фраата к участию в уничтожении Тиграна II, парфянский царь продолжал уклоняться от решительных действий: Дион Кассий обозначает Фраата как «περσικοποῦντα (всесторонне рассматривающего, тщательно обдумывающего)» свои действия ввиду соглашения с Помпеем. Не исключено также, что затягивание осады Арташаты Фраат использовал лишь в качестве повода, чтобы поскорее свернуть военную кампанию, к организации которой его подталкивали внешние силы.

Помимо того что Тиграну Младшему сложно было рассчитывать на повторное оказание парфянской военной помощи, он должен был учитывать, что с вступлением Помпея на территорию Армении вопрос о возможности получения им царской власти стал зависеть от исхода войны Рима с понтийским и армянским царями. Противоборство Рима с Митридатом Евпатором и Тиграном II вошло в решающую фазу с прибытием Помпея, и Тиграну Младшему необходимо было выступить на той стороне, победа которой казалась наиболее вероятной. Поскольку теперь сами римляне, а не парфяне брали на себя тяжесть войны с Тиграном II, то обращение к парфянскому правителю в перспективе едва ли было целесообразно: даже в случае продолжения парфяно-римского сотрудничества (в реальности этого не произошло, и парфяне не участвовали в походе Помпея в Армению), решить судьбу Армянского царства должны были римляне, и претенденту на трон нужно было налаживать отношения именно с ними.

В какой-то мере опосредованные отношения с римлянами у Тиграна Младшего уже сложились — благодаря тому, что он совместно с Фраатом III выполнил пожелания Помпея по вторжению в Армению, и объективно эти действия соответствовали римским интересам. Парфянский царь стал для Тиграна Младшего чем-то вроде связующего звена с римлянами, и фраза Аппиана, что царевич бежал к Помпею, «сговорившись с Фраатом, который сочувствовал ему» (App. Mithr. 104), вполне может соответствовать истине: подобный совет Фраата своему зятю выглядел вполне разумно.

Дион Кассий, говоря о раздумьях Тиграна Младшего после поражения от отца, указывает, что сначала он хотел направиться к Митридату, но осознав, что тот побежден и скорее сам нуждается в помощи, пошел к римлянам (Dio Cass. XXXVI. 51. 3). Отчасти это подтверждает версию, что Тигран Младший, готовясь к выступлению против своего отца, был связан с Митридатом, но, учитывая бедственное положение понтийского царя и то, что царевич уже принял участие в военных мероприятиях, инициированных римлянами, едва ли выбор являлся сложным. Большие выгоды обещало сотрудничество с Помпеем, от которого можно было ожидать вознаграждения в виде армянского трона.

Как свидетельствует Плутарх, Тигран Младший встретил римского военачальника около Аракса, и античный биограф даже отмечает, что Помпей вторгся в Армению по приглашению молодого Тиграна (Plut. Pomp. 33). Конечно, решение о походе на Армению было принято римлянином самостоятельно, но приведенная информация может трактоваться как вступление Тиграном Младшим в контакт с Помпеем еще до их очной встречи: вероятно, сын армянского царя заранее извещал римлян о своем желании им услужить и ждал в условленном месте.

Бесспорно, Помпею наличие в его лагере армянского царевича давало очевидные выгоды, хотя, разумеется, победа римлян над Тиграном II и без этого была вне сомнений. С одной стороны — Тигран Младший выступал в роли проводника римской армии и своим присутствием мог обеспечить лояльность по отношению к римлянам определенной части армянской знати. С другой, Помпей, имея под рукой представителя царской династии, был способен организовать его признание, и для Тиграна II это должно было стать дополнительным аргументом в пользу признания римского превосходства ради спасения собственной власти. Судя по всему, Тигран Младший рассчитывал именно на царскую диадему⁶, и потому примирение римлян с его отцом не входило в его планы. Дион Кассий прямо пишет о том, что сын мешал Тиграну II договориться с римлянами на приемлемых условиях (Dio Cass. XXXVI. 52. 1).

Помпей, впрочем, предпочел сделать ставку на старшего Тиграна. Как известно, армянский царь полностью капитулировал, явившись в римский лагерь лично и сложив знаки царского достоинства к ногам Помпея (Plut. Pomp. 33; App. Mithr. 104; Dio Cass. XXXVI. 52.1–4; Vell. XXXVII. 4–5; Eutrop. VI. 13). Помпей выступил примирителем отца с сыном, став третьей стороной в их споре. По его решению Тигран II сохранил за собой Великую Армению, но лишился завоеванных земель; сыну же была предоставлена Софена и, возможно, Гордиена⁷ (Dio Cass. XXXVI. 53. 2; Plut. Pomp. 33; App. Mithr. 105). Весьма красноречива реакция обоих Тигранов, описываемая Плутархом: отец был весьма обрадован и даже пообещал вознаграждение всем римским воинам, тогда как сын был раздосадован на Помпея⁸ (Plut. Pomp. 33).

⁶ А. Г. Бокщанин полагает, что Помпей первоначально обещал поддержать Тиграна Младшего (Бокщанин 1966, 40). Возможно, такой вопрос действительно обсуждался, но вряд ли Помпей брал на себя какие-либо определенные обязательства перед своим новым союзником.

⁷ О Гордиене упоминает лишь Аппиан, причем доверие к его сообщению ослабляется сделанной им ошибочной идентификацией Софены и Гордиены с Малой Армений (App. Mithr. 105); к тому же, Дион Кассий подчеркивает, что Тигран Младший получил «только одну (μόνην)» Софену. Поэтому более обоснованной кажется позиция тех исследователей, которые полагают, что владения Тиграна Младшего ограничивались Софеной (Манандян 1943, 196; Sherwin-White 1992, 253; Смыков 2001, 125; Chaumont 2001–2002, 231); хотя информация Аппиана отвергается далеко не всеми (Geyer 1936, 979; Frankfort 1963, 185; Christ 2004, 74).

⁸ Причем существует предположение, что Софена была ему передана отцом еще ранее, до востания (Astourian 1911, 42; Манандян 1943, 196). В одной из своих недавних работ С. Д. Литовченко обратился к данной проблеме и предложил еще более смелую гипотезу о возможности передачи Тиграном II своему сыну не только Софены, но и Гордиены (Литовченко 2011, 38). При имеющемся состоянии источников в пользу данной гипотезы возможны только косвенные аргументы: кроме поведения охраны софенских замков, усомнившейся в добровольности приказа Тиграна Младшего о выдаче средств (причем, как будет сказано ниже, этот пассаж Диона Кассия может быть рассмотрен под критическим углом зрения), и «истеричной» реакции царевича на решения Помпея, можно указать на то, что Тигран II вполне мог доверить своему сыну наведение порядка на территориях, насе-

Решение Помпея должно было восприниматься Тиграном Младшим как крушение своих надежд на получение Армении, и вполне понятно, что теперь в качестве обидчика он воспринимал римского полководца. Имеющиеся источники единодушны в том, что последующее поведение Тиграна Младшего по отношению к Помпею стало демонстративно оскорбительным, хотя конкретные поводы для взятия новоиспеченного царя под стражу указываются по-разному. Плутарх ссылается лишь на отказ от приглашения к столу Помпея и сделанное Тиграном заявление, что он может найти другого покровителя-римлянина (Plut. Pomp. 33). Аппиан упоминает о том, что армяне, оставившие Тиграна II, когда тот направился к Помпею, убеждали Тиграна Младшего напасть на отца (App. Mithr. 105). Наиболее полные сведения содержатся в работе Диона Кассия: он не только пишет о нанесенной Помпею обиде путем отказа от приглашения (Dio Cass. XXXVI. 53. 1), но говорит о финансовой стороне дела. Выплаты, наложенные на Тиграна II, должны были коснуться царских хранилищ, находившихся на территории Софены, с чем Тигран Младший был не согласен до такой степени, что даже начал готовиться к побегу; стражники хранилищ не подчинились приказу Помпея о выдаче денег и проигнорировали распоряжение Тиграна Младшего на том основании, что оно сделано по принуждению, после чего правитель Софены был помещен в оковы⁹ (Dio Cass. XXXVI. 53. 3).

ление которых перешло на сторону римлян. Речь идет о том, что и софенцы, и гордиенцы в свое время вступили в соглашение с Лукуллом (Plut., Luc., 29), и очевидно, что после восстановления своей власти Тигран II должен был предпринять жесткие меры против изменников - значимость подобных действий вполне соответствовала рангу предполагаемого наследника. С другой стороны, кажется странным отсутствие в источниках каких-либо указаний на то, что Тигран Младший использовал имеющиеся в его руках ресурсы в ходе выступления против отца, что было бы вполне естественно.

⁹ Практически во всех работах, где идет речь о Тигране Младшем, излагается этот «хрестоматийный» эпизод. А. Н. Шервин-Уайт, к примеру, также упоминает о нем, полагая, что тем самым Тигран Младший утратил свою полезность для Помпея (Sherwin-White 1983, 195). Однако можно высказать определенные сомнения в правильности интерпретации сведений Диона Кассия. Во-первых, Софена, располагавшаяся к юго-западу от Великой Армении, находилась достаточно далеко от Арташата, близ которой осенью 66 г. до н.э. происходило общение Помпея с обоими Тигранами, и оттуда римский военачальник направился в северную сторону (о маршруте Помпея на Кавказ см.: Манандян 1939, 74–75). Дион Кассий говорит о том, что сначала в софенские крепости были направлены римские посланники с требованием передать деньги Тиграну II, и только после этого туда был отправлен Тигран Младший. С учетом скоротечности излагаемых римским историком событий и упоминаемых им подозрений римлян в отношении Тиграна Младшего кажется несколько странным, что Помпей так быстро отпустил от себя столь ненадежного «союзника» — безусловно, в ходе данной поездки Тигран Младший, пусть и находившийся в почетном заключении, мог бежать или обратиться против римлян своих подданных, особенно в случае, если он управлял Софеной ранее и имел там авторитет. Однако приказания Тиграна Младшего стражникам не возымели никакого действия, и любопытно, что Дион Кассий не сообщает, чем закончилась данная история для софенцев. Поэтому нельзя исключать возможность того, что охрана замков действовала по своей воле, ссылаясь на Тиграна Младшего лишь для оправдания своего неповиновения, да и сама эта поездка могла произойти позднее, уже после кавказского похода, когда Помпей занимался ликвидацией оставшихся очагов сопротивления (среди них были даже крепости Митридата Евпатора — Dio Cass. XXXVII. 7. 5). Во-вторых, обращает на себя внимание практически полная идентичность разбираемого случая с поведением Марка Антония в отношении армянского царя Артавазда II, о чем также повествует Дион Кассий (XLIX. 39. 5–6). Оба эти эпизода в деталях совпадают: Антоний стал возить своего пленника по крепостям, где хранились сокровища, в надежде захватить их без какой-либо борьбы, и для Артавазда все это закончилось, как и для Тиграна Младшего, наложением оков. Можно допустить, что детали пленения Артавазда в изложении Диона Кассия наложились на

Безусловно, после того как Помпей примирился с Тиграном II, его отношения с младшим Тиграном резко испортились и основа для продолжения сотрудничества исчезла¹⁰. Оставлять Тиграна Младшего, открыто выражавшего свое недовольство решениями Помпея, было опасно: в конструкции, создаваемой римлянами, тот стал явно дестабилизирующим фактором¹¹. Помпей отнесся к побежденному Тиграну II довольно мягко, сохранив его власть. Установить в Армении прямое римское управление путем превращения в провинцию было непросто, так как страна была удалена от старых провинций, не имела выхода к морю, так что связи с ней были затруднены, и проримские симпатии среди местного населения вряд ли могли получить значительное распространение. Для римлян более удобно было использовать зависимого Тиграна II, который проявил полную покорность римской воле¹² и, лишившись части своих владений, стал неопасен.

Кроме этого, в преддверие продолжения военной кампании Помпей должен был осознавать, что как союзник старший Тигран был намного надежнее своего сына. С одной стороны, римлянам предстояло завершить войну с Митридатом, что являлось для Помпея главной целью — именно преследование понтийского царя стало поводом для кавказского похода. Армения оставалась в тылу, и обеспечение здесь порядка было жизненно важно для успеха военного мероприятия. И если Тигран II полностью порвал со своим тестем, то от Тиграна Младшего можно было ожидать двойной игры: упомянутые ранее подозрения в сговоре его с Митридатом и раздумья о том, к кому направиться после поражения в Армении, показывают, что Тигран Младший, выступив против отца, был готов ориентироваться на деда. Поэтому в случае какой-либо победы Митридата Евпатора удара в спину римлянам со стороны Тиграна Младшего нельзя было исключить. С другой стороны, внимания требовали отношения Рима и Армении с Парфянским царством. В ходе войны Рима с Тиграном II парфяне выступили в качестве римских союзников, что было закреплено соглашениями (сначала с Лукуллом, а затем с Помпеем), однако сложившаяся в римско-парфянских взаимоотношениях картину обе стороны, очевидно, воспринимали по-разному. Парфяне считали, что их союз с римлянами является по сути своим равноправным, тогда как в римском понимании «союзники» занимали подчиненное положение. Наглядной иллюстрацией такой разнотипной оценки положения вещей являются контакты Помпея с Фраатом уже после капитуляции Тиграна II. Плутарх сообщает, что «Фраат прислал к Помпею послов, требуя выдачи молодого Тиграна как своего зятя и предлагая считать границей обеих держав Евфрат» (Plut. Pomp. 33). Характерно, что парфянский царь обозначен здесь как «требующий (ἀπαιτῶν)» и что речь идет об его рассказ о Тигране Младшем, поскольку в обоих случаях речь идет о представителях армянского царского дома.

¹⁰ Р. Сигер полагает, что уже после поражения и бегства Митридата отношение Помпея к Тиграну Младшему и Фраату стало меняться, но он не стал это выражать открыто до тех пор, пока в его руках не оказалась Армения (Seager 2002, 55).

¹¹ П. Гринхолл в качестве одного из обстоятельств, вызвавших антипатию Помпея к Тиграну Младшему, называет нежелание последнего примириться с Тиграном Старшим, что не понравилось Помпею, которому было чуждо отсутствие сыновней почтительности (Greenhalgh 1980, 119). Однако вряд ли поведение Помпея можно объяснить подобными эмоциональными оценками — скорее все же в его действиях присутствовал здравый расчет.

¹² Как справедливо отмечает Т. Рейнак, Рим не мог пожелать более верного клиента для охраны своей новой восточной границы, чем деморализованный и униженный Тигран II (Reinach 1890, 392).

установлении границы между парфянской и римской державами — то есть Фраат пытается говорить с римлянами на равных. Оба этих притязания Помпеем, разумеется, были отклонены — было заявлено, что «Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости» (Plut. Pomp. 33).

В последующем римский полководец проявлял гораздо большее благоволение к побежденному Тиграну II, чем к «союзнику» Фраату III: в армяно-парфянских конфликтах римляне стали играть роль арбитров, от которых зависело решение пограничных споров, и Помпей отказался даже величать парфянского правителя царем царей (Dio Cass. XXXVII. 5–6, 3; Plut. Pomp. 38–39; App. Mithr. 106). Столь очевидным умалением достоинства Фраата Помпей ставил его в ряд с другими монархами, уже признавшими римское влияние, демонстрируя, что договор Рима и Парфии — это не соглашение равноправных и равновеликих государств¹³. Для римлян, верных своей политике «divide et impera», фигура Тиграна II на армянском троне была более предпочтительна, чем Тиграна Младшего. С учетом достаточно тесных связей Тиграна Младшего с Фраатом назначение первого армянским правителем грозило бы в будущем превращении Армении в союзника Парфии и усилением Парфянской державы¹⁴, что явно было не в римских интересах.

Указанные обстоятельства предопределили выбор Помпея в пользу старшего Тиграна, но даже в качестве софенского царя недовольный своим положением и склонный к авантюристическим действиям Тигран Младший мог представлять опасность. В желании во что бы то ни стало занять место отца он был способен на организацию новых выступлений. Те представители армянской знати, которые разочаровались в Тигране II и оказались в оппозиции, видимо, были готовы поддержать его сына¹⁵, и уже на том основании, что власть армянского царя была признана Римом, подобное выступление скорее всего приняло бы антиримскую форму. Кроме того, Тигран Младший продолжал поддерживать контакты с парфянами, и если бы ему удалось подтолкнуть их к новому вторжению в Армению, то это произошло бы явно вопреки воле римлян. То, что Фраат пытался помочь своему зятю, доказывает уже упомянутое сообщение Плутарха; Аппиан же добавляет, что Тигран Младший «возбуждал парфян против Помпея (Παρθηναίους ἐρεθίζων ἐπὶ Πομπηίων)» (App. Mithr. 105). Причем из построения фразы возможно лишь понять, что речь идет о времени уже после того, как Тигран Младший был заключен, так что эти тайные переговоры могли проходить значительное время спустя после отбытия Помпея из Армении¹⁶.

Интересную подробность приводит Дион Кассий — рассказывая о вторжении парфян в армянские земли в 64 г. до н.э., римский историк уверяет, что с Фраатом находился сын Тиграна II (Dio Cass. XXXVII. 6. 4). Хотя Тигран Младший никоим образом не мог принимать личное участие в военных действиях, поскольку давно находился в оковах, свидетельство Диона Кассия может оказаться частично

¹³ Смыков 2001, 127.

¹⁴ Frankfort 1963, 185–186.

¹⁵ Gregoratti 2011.

¹⁶ Как полагает Н.К. Дибвойз, посольство Фраата к Помпею было отправлено в 65 г. до н.э., после вторжения А. Габиния за Евфрат (Debevoise 1969, 73–74).

правдивым, если предположить, что пленник продолжал поддерживать контакты с парфянами, которых он натравливал на своего отца и стоявших за ним римлян¹⁷.

Таким образом, несдержанное поведение Тиграна Младшего ясно показало Помпею, что тот превращается в потенциального противника, и оно же обеспечило римлян необходимыми основаниями, чтобы принять превентивные меры и заключить софенского царя под стражу¹⁸. Из стиля повествования наших источников складывается впечатление, что царствование Тиграна Младшего исчислялось считанными днями¹⁹ — в любом случае его арест произошел еще до начала кавказского похода Помпея и оставления им Армении, что датируется концом осени 66 г. до н.э.

Направляясь на Кавказ для преследования Митридата, Помпей взял пленника с собой, так что тот невольно стал участником кавказского похода римлян²⁰. Поскольку кампания была начата очень поздно, то римлянам пришлось встать на зимовку, причем их силы были раздроблены устройством трех лагерей; в одном из них под началом Метелла Целера находился Тигран Младший. Албаны, сначала вступившие с Помпеем в переговоры и обещавшие пропустить римское войско через их страну, организовали нападение на римские лагеря (Plut. Pomp. 34). По словам Диона Кассия, албанский правитель Оройз «хотел оказать услугу Тиграну Младшему, который был его другом (τῷ Τυράνῃ τῷ νεωτέρῳ φίλῳ οἱ ὄντι χαρίσασθαι βουληθείς)» (Dio Cass. XXXVI. 54. 1) и потому даже сам лично напал на лагерь Целера. Хотя желание помочь другу все же являлось не единственным мотивом для Оройса, поскольку далее Дион Кассий добавляет, что больше им двигал страх перед римским вторжением в Албанию, знаменательно, что в данном эпизоде Тигран Младший вновь стал для римлян источником проблем. Не приходится сомневаться, что если у него имелись какие-либо возможности контактировать с албанами, то он приложил свою руку к организации этого нападения²¹. Атака албанов, впрочем, была отбита, так что положение Тиграна Младшего не изменилось.

В последующем, вплоть до возвращения Помпея с Востока и проведения им триумфа, какие-либо упоминания о Тигране Младшем в имеющихся источниках отсутствуют. Видимо, пленник находился при Помпее, когда тот покинул при-

¹⁷ По мнению А. Кивни, занятие парфянами именно Гордиены вполне можно толковать как цену, которую Тигран Младший был готов заплатить Фраату за оказание помощи (Keaveney 1981, 207).

¹⁸ Т. Рейнак и Я. А. Манандян называют арест Тиграна Младшего «нарушением международного права» (Reinach 1890, 393; Манандян 1943, 198), но такая формулировка, конечно, звучит слишком модернистски. Для Помпея, действовавшего с позиции силы, не могло существовать каких-либо ограничений, накладываемых юридическими или моральными нормами: его официальные полномочия были весьма объемны, и, по словам Аппиана, он «мог воевать и заключать мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами» (App. Mithr. 97). Отношения его с Тиграном Младшим явно не были определены каким-либо фиксированным соглашением, поэтому с римской точки зрения Помпей только использовал свои властные возможности — если он назначил своего временного союзника царем, то в его же власти было и сместить того, тем более что поводы для этого имелись.

¹⁹ Как полагает Р. Сигер, Помпей изначально рассматривал передачу Тиграну Софену как временную меру и ожидал, что найдет предлог для изменения своего решения, что вскоре и произошло (Seager 2002, 56).

²⁰ Подробнее о походе см.: Дреер 1994.

²¹ Т. Рейнак предполагает подстрекательство со стороны Тиграна Младшего (Reinach 1890, 394).

черноморские территории и направился в Сирию, где в 63 г. до н.э. римлянами было получено известие о смерти Митридата Евпатора, что означало завершение восточной кампании. Одновременно Помпей продолжал оказывать покровительство Тиграну II, передав ему оспариваемые парфянами территории — Гордиену и часть Месопотамии. Сделать Тиграна Младшего полностью неопасным для римлян могла только его полная изоляция от возможных друзей и заступников, и очевидно, что чем больше он отдалялся от знакомых ему мест, тем сложнее ему было организовать собственное освобождение. Условия его заключения также должны были меняться в сторону ужесточения — если поначалу оно имело почетный вид (Dio Cass. XXXVI. 53. 2), то очень быстро пленник оказался в оковах (Dio Cass. XXXVI. 53. 4; Plut. Pomp. 33). Лишенный какой-либо внешней поддержки, Тигран Младший мало на что был способен, чем и объясняется молчание о нем в источниках после случая с нападением албанов.

В целом, обозревая факты, можно отметить, что сближение Тиграна Младшего с римлянами было кратковременным и обе стороны имели предельно прагматичный настрой. Для Помпея армянский царевич был удобным орудием борьбы против его отца, а Тигран Младший, в свою очередь, ценой своих услуг римлянам считал Армянское царство; объединяющей основой для Помпея и Тиграна Младшего стала вражда по отношению к Тиграну Великому, и в сложившемся альянсе римский полководец, безусловно, играл руководящую роль. Однако поскольку какого-либо сопротивления римлянам армянский царь не оказал, добровольно признав свое поражение и продемонстрировав свою полную покорность воле Помпея, Тиграну Младшему было предложено довольствоваться малым. В условиях, когда обиженный римскими установлениями Тигран Младший явно взял курс на продолжение борьбы за армянский трон, что шло вразрез с планами Помпея и даже могло вылиться в антиримское движение с привлечением соседних правителей, римский военачальник был вынужден пойти на решительные меры. Поскольку примирение отца с сыном было едва ли возможно и только один из них, получавший римскую поддержку, мог служить интересам Рима, то выбор стал бескомпромиссным и, вполне естественно, он пал на старшего Тиграна, который, как полагал Помпей, извлек опыт из своих прежних ошибок и в будущем ради собственного блага должен был следовать в фарватере римской политики. Менее предсказуемый и потому менее надежный Тигран Младший в данном случае стал представлять потенциальную угрозу интересам Рима, что и определило резкую смену отношения к нему — из союзника он превратился в пленника. Таким образом, Тигран Младший стал жертвой собственных амбиций и непонимания того, что отныне Великая Армения прочно вошла в сферу интересов римлян, пренебрегать волей которых было рискованно.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин А. Г.* 1966: Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. 2. М.
- Дреер М.* 1994: Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ. 1, 20–32.
- Литовченко С. Д.* 2011: Царство Софена в восточной политике Помпея // Древности. Харьковский историко-археологический сборник, 34–40.

- Манандян Я. А.* 1939: Круговой путь Помпея в Закавказье // ВДИ. 4, 70–82.
- Манандян Я. А.* 1943: Тигран Второй и Рим. Ереван.
- Смыков Е. В.* 2001: Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань, 118–129.
- Талах Н. Е.* 2013: Рожденный под знаком кометы: Митридат Эвпатор Дионис. Киев.
- Astourian P.* 1911: Die politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom von 190 v. Chr. bis 428 n. Chr. Ein Abriss der Armenischen Geschichte in dieser Periode. Venedig.
- Bulin R. K.* 1983: Untersuchungen zur Politik und Krieg Führung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt am Mein; Bern.
- Chaumont M.-L.* 2001–2002: Tigrane le Jeune, fils de Tigrane le Grand: Révolte contre son père et captivité à Rome // Revue des Études Arméniennes. 28, 225–247.
- Christ K.* 2004: Pompeius: Der Feldherr Roms. Eine Biographie. München.
- Debevoise N. C.* 1969: A Political History of Parthia. Chicago; L.
- Frankfort T.* 1963: Le Sophène et Rome // Latomus. T. 22.2, 181–190.
- Geyer F.* 1936: Tigranes // RE. VI. A. I, 969–979.
- Greenhalgh P.* 1980: Pompey: the Roman Alexander. L.
- Gregoratti L.* 2012: Between Rome and Ctesiphon: the Problem of Ruling Armenia // Армения - Иран: История. Культура. Современные перспективы развития. М.
- Gutschmid A.* 1888: Geschichte Irans. Tübingen.
- Keaveney A.* 1981: Roman Treaties with Parthia circa 95 — circa 64 B.C. // American Journal of Philology. Vol. 102. 2, 195–212.
- Matyszak P.* 2008: Mithridates the Great: Rome's Indomitable Enemy. Barnsley.
- McGing B. C.* 1986: The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden.
- Reinach T.* 1890: Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris.
- Seager R.* 2002: Pompey the Great: a Political Biography. Oxford.
- Sherwin-White A. N.* 1983: Roman Foreign Policy in the East 168 B. C. to A. D. I. Oklahoma.
- Sherwin-White A. N.* 1992: Lucullus, Pompey and the East // CAH. IX, 229–273.

TIGRANES YOUNGER AND THE ROMANS INTERRELATIONS DURING THE EASTERN CAMPAIGN OF POMPEY

A. R. Panov

The paper presents the analysis of interrelations of Tigranes Younger, the son of Tigranes II, King of Great Armenia, and the Romans during the eastern campaign of Pompey. It deals with the events of 66 BC when Tigranes Younger rebelled against his father and then decided to join the Romans who were at war with Tigranes II. Tigranes II's reconciliation with Pompey ruined Tigranes Younger's prospects of becoming the King of Armenia. He got only the Kingdom of Sophene. The author believes that Pompey, who failed to reconcile father and son, had to decide which of them served Roman interests in the East better. Tigranes II happened to be more suitable. Tigranes Younger did not want to give up his ambitions and become a threat to the Romans, which finally brought about his quick transition from Pompey's ally to his captive.

Key words: Tigranes Younger, Tigranes II, Pompey, Armenian Kingdom

Причерноморье

© 2013

Г. П. Гарбузов, А. А. Завойкин, А. А. Масленников, С. Л. Смекалов

СЕЛЬСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО И АЗИАТСКОГО БОСПОРА В ЭПОХУ СПАРТОКИДОВ (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)*

В публикации отражены основные проблемы, стоящие при исследовании сельской территории Боспорского царства в III в. до н.э. — I в. н.э. в сравнения Европейского и Азиатского Боспора. Рассматривается современное состояние источниковедческой базы, проводится сопоставление обеих частей государства в свете природных особенностей и в историко-этническом контексте. Представлены основные задачи, которые необходимо разрешить при изучении каждой из частей государства, с учетом имеющихся на данный момент археологических данных, а также охарактеризованы методы решения возникающих задач.

Ключевые слова: археология, Боспор, античность, эллинизм, хора, Спартокиды, Керченский полуостров, Тамань

Начиная работу по проекту «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора¹ в период эллинизма: общее и особенное», нам хотелось бы уточнить основную цель предстоящего исследования и корректно сформулировать конкретные задачи, решение которых позволяет надеяться на раскрытие заявленной темы.

Хронологические рамки. Почему «период эллинизма»? Потому, что III–II вв. до н.э., пожалуй, одна из самых тёмных страниц боспорской истории, а в отношении ситуации на хоре — и того темнее. Как авторы определяют «период эллинизма» применительно к Боспору? Почему во избежание «кривотолков» и бесконечных споров не остановиться на названии данной статьи, оговорив, что имеются в виду лишь правители указанного времени, а не самые ранние из этой династии? Вопрос о местном эллинизме весьма спорный. Не касаясь даже кратко

Гарбузов Геннадий Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии ЮИЦ РАН. E-mail: g_garbuz@mail.ru

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН. E-mail: bospor@inbox.ru

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

Смекалов Сергей Львович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ТулГПУ им. Л.Н.Толстого. E-mail: slsmek@mail.ru

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ 13-06-00081-а.

¹ Под «Азиатским Боспором» в проекте подразумевается только Таманский полуостров.

всех его «историографических оттенков», укажем только, что всю разногласицу мнений можно, вероятно, свести к трём основным идеям периодизации: согласно первой выделяются «протоэллинистический» этап (вторая четверть IV — первая треть III вв. до н.э.) и собственно «эллинизм» (примерно со второй трети III и по конец II вв. до н.э.), второй — эллинистический период (соответствует «эллинизму» предыдущей схемы) и эпоха Митридата, при этом характеристика предшествовавшего «эллинизму» столетия не ясна, третьей — «предэллинистический» (?) и эллинистический (эпоха Митридата и его ближайших преемников) периоды, а затем (до конца античности?) «постэллинизм» восточно-провинциального типа.

Поставленный вопрос не такой праздный, как может показаться. От его решения напрямую зависят представления о том, под каким углом зрения необходимо рассматривать структуру землевладения и землепользования в рамках сформировавшейся при Спартокидах державы. Разумеется, здесь не место останавливаться на проблеме соотношения полисных земель и сельскохозяйственных территорий, находившихся в собственности (или под властью) сначала «архонтов», а позднее «царей» из династии Спартокидов и собственно «царских землях», затрагивая и так называемое «верховное право» правителей на всю территорию их державы, а не только «царский домен». Отметим только, что представления исследователей на эту проблему расходятся радикально². Собственные взгляды по этой проблеме мы изложим в другой работе³. Они будут особенно важны для нашего исследования уже на стадии исторической интерпретации материалов анализа археологических памятников. Найдёт ли наша концепция подтверждение в этих материалах или, напротив, будет ими опровергнута, покажет время.

В любом случае, совершенно очевидно, что хронологические рамки данного исследования: а) не должны быть слишком узкими, иначе не удастся проследить динамику процессов возможной «перестройки» на хоре; б) они должны быть исторически определёнными, событийно выделенными; в) рассматриваемый период должен включать в себя уже ставшие очевидными т.н. переходные этапы, это важно как с методической, так и с познавательно-исторической точек зрения.

Современное состояние источников. Речь, главным образом, идёт об археологическом материале, поскольку в письменных источниках эпоха боспорского эллинизма практически не затрагивается. И здесь следует отметить значительный прогресс последних десятилетий, условно от 1975 и, затем, 1992 гг., т.е. от времени выхода в свет основополагающей монографии И. Т. Кругликовой⁴ и завершения в основном работ на Таманском полуострове Я. М. Паромова депонированием в ИНИОН РАН его «Археологической карты Таманского полуострова»⁵, причём как количественный (рост числа выявленных памятников), так и качественный (степень их исследованности, масштабы раскопок и публикаций). Важным этапом в новых исследованиях в Восточном Крыму стали монографии одного из авторов настоящей статьи⁶. Вместе с тем уже довольно давно стало

² Чтобы читатель мог составить себе представление о существовании проблемы, отсылаем его к рецензии Е. И. Соломатиной (Соломатина 2013), в которой имеются и указания на соответствующую тему литературу.

³ Тезисно представлены в материалах конференции «Боспорский феномен» (Завойкин 2013).

⁴ Кругликова 1975.

⁵ Паромов 1992.

⁶ Масленников 1998; 2010; 2012.

очевидным, что исходное состояние источниковой базы по рассматриваемой проблеме в Восточном Крыму и на Таманском полуострове в силу ряда объективных и субъективных причин существенно различается и изучены памятники этих двух регионов весьма неравномерно и с использованием различных методик⁷.

Задача картографирования и учёта археологических объектов на предполагаемых пространствах боспорской хоры ставилась отечественными исследователями уже довольно давно. И сделано в этом отношении было немало. Но создать и тем более опубликовать хотя бы подобие некоего общепоспорского свода известных памятников, в сущности, так и не удалось. Не следует забывать и о том, что вещеведческая хронология не стоит на месте, как, впрочем, и профессионализм исследователей. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев прежняя характеристика наших источников (в первую очередь датировка поселений по раскопанному или поднятому с поверхности археологическому материалу) почти не подлежит уточнению просто в силу невозможности ознакомления с ним⁸. Кроме того, проблема точной полевой координатной привязки памятников решена лишь относительно недавно, в связи с чем местоположение многих ранее открытых разведками памятников достоверно не известно. К этому стоит добавить, что важные для сравнительного анализа античных поселений пространственные характеристики (площадь, форма, структура) в большинстве случаев оцениваются авторами разведок слишком приблизительно (немногие поселения из числа выявленных разведками имеют обоснованные границы). Вот почему представляется, что на первом этапе нашей работы необходимо составить современную, единую информационную базу источников (и осмыслить их состояние), на которые можно полагаться при характеристике отдельных памятников региона (поселений, могильников, оборонительных сооружений, святилищ), а также при анализе их территориального распределения. При этом для предполагаемого сравнения данных по двум частям Боспорского государства, разделенным Киммерийским Боспором (совр. Керченским проливом), — а это, в сущности, «квинтэссенция» всей темы, — принципиально важно, чтобы исходные материалы были описаны «одним языком», по универсальной схеме. Иными словами, находки и памятники должны быть по возможности описаны и проанализированы по единой методике, максимально приближенной к новейшим разработкам и достижениям в областях, тематически и методически близких нашим изысканиям.

Природный фактор. Свойства окружающей среды, наряду с историко-этническими обстоятельствами (см. ниже), были, скорее всего, решающими не только в плане поставленной проблемы (общее и особенное в структуре сельской территории «двух» Боспоров), но и в отношении границ анализируемой области, поскольку вопрос о пределах боспорской территории (а сельскохозяйственные угодья — сельская округа, хора и собственно подвластные, юридически принадлежащие кому-то или чему-то пространства — не совсем одно и то же) решался не только военно-дипломатическим и экономическим путем, но и, если можно

⁷ Частным вопросам методики полевых исследований памятников сельской территории Таманского полуострова и Восточного Крыма посвящены статьи авторов, к которым мы и отсылаем читателя: Гарбузов, Завойкин 2009; Гарбузов 2010; Масленников 2011; Завойкин 2011.

⁸ За исключением опубликованных материалов, введенных в научный оборот в последние годы: Масленников 2010; 2012; Соловьев, Шепко 2004; 2006; Зинько 2007 и др.

так сказать, естественным образом, т.е. природные факторы устанавливали географические пределы для античного способа ведения сельского хозяйства. Собственно, повторяя известную мысль М. И. Ростовцева, античный мир, точнее его экономика, вообще могли существовать и распространяться в зоне совершенно определенных природно-климатических условий, обеспечивавших функционирование — разумеется, с некоторыми оговорками и уточнениями — знаменитой сельскохозяйственной «триады»: пшеница, виноград, оливки⁹. И рассматриваемый регион в этом отношении не исключение.

Стоит отметить, что природному фактору в той или иной степени и в соответствии с имевшейся информацией всегда уделялось внимание¹⁰. В недавнее время данное направление, помимо частных, вернее конкретных изысканий (статьи, посвященные палеогеографии, палеогидрологии, палеосейсмологии, палеозоологии и палеоботанике), получило развитие в представлении об историко-географическом и природно-хозяйственном районировании (зонировании) территории античного Боспора¹¹. Однако следует обратить внимание, что в районировании Боспора чаще всего происходит формальное противопоставление его европейской и азиатской частей как *a priori* совершенно разных природных сущностей. Вовсе не исключая, что такой взгляд на вещи во многом справедлив, все-таки хотелось бы сохранить объективность — у обеих областей Боспора много общих черт, и скорее следовало бы рассматривать природу Боспора как сочетание множества своеобразных микрорегиональных ландшафтов (иногда сильно отличающихся друг от друга даже в пределах одной части Боспора), объединенных принадлежностью к уникальному «боспорскому» природно-климатическому типу.

Действительно, с точки зрения геоморфологии два соседних полуострова, порожденные сходными геологическими процессами, весьма близки друг другу и вместе с тем достаточно резко отличаются как от примыкающих к ним горных областей Кавказа и Крыма, так и от соседних равнин Степного Крыма и Прикубанья¹². В пределах полуостровов сформировано несколько различных по возрасту и геологическому строению классов рельефа, при этом признаки некоторых классов рельефа выделяются сразу на обеих сторонах пролива¹³, именно в этой связи многие ландшафты Керченского полуострова на самом деле вполне узнаваемы, принимая во внимание рельеф местности, в ландшафтах Азиатского Боспора¹⁴. Признание определенного сходства рельефа разных частей Керченско-Таманской

⁹ См. о «средиземноморской триаде» (Garnsey 1999, 13–15) как об основе традиционного античного режима питания и сельскохозяйственного производства с важными уточнениями: эта триада не везде в античном мире могла существовать «буквально»: и сам набор основных продуктов/культур мог быть шире очерченного (хлебные зерновые культуры были представлены разными видами злаков, и, кроме того, они дополнялись бобовыми растениями — чечевицей, горохом и др.). В таком гибком понимании традиционного античного набора возделываемых культур ареал природно-климатических условий, в которых он мог реализоваться, значительно расширяется.

¹⁰ Кругликова 1975; Блаватский 1976; Щеглов 1978; Шелов-Коведяев 1985.

¹¹ Болгов 1996; Масленников 1998; Гаврилов 2004; Зинько 2007; Гарбузов 2009; Завойкин, Гарбузов 2010.

¹² См. наиболее подробно (Благоволин 1962), здесь же особо подчеркивается «тектоническое и историко-геологическое единство Керченского и Таманского полуостровов» (с. 41).

¹³ Благоволин 1962, рис. 10; Гарбузов 2013, рис. 1.

¹⁴ Например, в ландшафтах западной и юго-западной частей Таманского полуострова или выходя за его пределы но оставаясь на Азиатском Боспоре, — в ландшафтах холмистых равнин на левобережье Старой Кубани.

области не мешает, тем не менее, выделять и с одной, и с другой стороны пролива большое количество микрорегионов разной степени обобщенности со своеобразным ландшафтом¹⁵.

С почвенно-климатической точки зрения (по современных данным¹⁶) положение сходное: существует заметно отличающийся от климата окружающих регионов условный усредненный климат Керченско-Таманской области¹⁷, с определенными закономерностями в распределении климатических параметров¹⁸ в котором выделяется много подрайонов с оригинальными характеристиками, — например, прибрежные области характеризуются более мягкой зимой, прохладной весной и теплой осенью при ощутимо большей относительной влажности воздуха, чем в центральной части полуостровов (документировано для Керченского полуострова, но можно предположить по аналогии, что сходные соотношения выполняются и для приморских и центральных частей Тамани). Климатическому зонированию и геологическим особенностям региона отвечает почвенный покров, представленный в основном характерными для сухих степей темно-каштановыми почвами и специфическими южными (каштановыми) слабогумусированными черноземами, часто в комплексах с солонцами и солончаками и с признаками солонцеватости (более обычно для Керченского полуострова)¹⁹. Подобно рельефу и климату, по-

¹⁵ О связи таких ландшафтных микрорегионов с освоением территории см. например: Зинько 2007, 29 сл.; Шелов-Коведяев 1985, 33; Завойкин, Гарбузов 2010, 209 сл., рис. 3–6.

¹⁶ В качестве первого приближения можно рассматривать общее и специфическое в природе Европейского и Азиатского Боспора, так же как и проводить районирование территории, на примере современного состояния климата и почв, предполагая, что те неоднородности, которые есть в современных данных, по крайней мере, на качественном уровне присутствовали и в античное время. Конечно, такой упрощенный подход при оценке возможностей сельского хозяйства разных частей античного Боспора годится только для осторожных высказываний типа «лучше — хуже» или «больше — меньше», точности и достоверности здесь едва ли можно достичь без знания соответствующих античности почвенно-климатических условий и их периодической изменчивости (сюда следует добавить и необходимость учета воздействия на природу античной хозяйственной деятельности). К сожалению, несмотря на большое количество упомянутых выше изысканий, определенности в реконструкции этих факторов все еще мало.

¹⁷ Обоим полуостровам соответствует район засушливых или даже очень засушливых степей с климатом, переходным от умеренно континентального к средиземноморской разновидности сухих субтропиков, с жарким летом и мягкой (Керченский полуостров) или умеренно мягкой (северо-восток Таманского полуострова) зимой, см. подробно климатические характеристики: Логвинов, Барабаш 1982; Ведь 2000; Гарбузов 2013.

¹⁸ Среднее многолетнее количество осадков уменьшается при движении с северо-востока Таманского полуострова на запад, достигая минимума в прибрежных (азовской и черноморской) зонах Керченского полуострова, ср. например количество осадков на метеостанциях, с востока на запад: Темрюк 460 мм, Тамань 436 мм, Керчь порт 432 мм, Мысовое 351 мм, по данным (Аксенов 1962, табл. 71). Второй заметный тренд — общее смягчение зимы (увеличение средней температуры января, уменьшение числа дней со снежным покровом и др.) в направлении с севера на юг, от азовского побережья к черноморскому.

¹⁹ См. кратко о почвах Азиатского Боспора (Гарбузов 2009; 2013), почвы Керченского полуострова подробно описаны: Клепинин 1935; Дзенс-Литовская 1970; Половицкий, Гусев 1987; Драган 2004. В соответствии с уменьшением количества осадков почвы региона постепенно меняются от выщелоченных черноземов южных на востоке Таманского полуострова к карбонатным южным черноземам в его центральной и западной частях и в части Керченского полуострова, прилегающей к проливу, и еще далее к западу к темно-каштановым почвам. Большую роль играет характер почвообразующих пород — в основном суглинистых на Таманском полуострове и зачастую третичных засоленных на Керченском полуострове, что объясняет солонцеватость местных черноземов и большие площади солонцов и солончаков.

чвенный покров Боспора вполне оригинален и в то же время довольно мозаичен, соответствуя тому множеству геоморфологических и климатических микрорегионов и подрайонов, о которых только что говорилось выше.

Разнообразие частных форм рельефа, вариации климата, мозаичность почвенного покрова, сложность конфигурации (особенно у Таманского полуострова) и расположение между двух морей создают довольно пеструю картину боспорских ландшафтов, которую дополняет еще одно важное или даже важнейшее обстоятельство — «встроенность» Таманского полуострова в дельту Кубани. Заросшие тростником топкие низменности, многочисленные лиманы и речные рукава, окружающие холмистые засушливые степи Таманского полуострова, в наибольшей степени отличают азиатскую сторону Боспора от европейской с точки зрения субъективного восприятия. Помимо формирования четкой замкнутости территории (это касается собственно Таманского полуострова, без земель Азиатского Боспора на левобережье Старой Кубани), дельта Кубани при любом варианте ее палеогеографической реконструкции представляла собой ценный ресурс, сильно влиявший на структуру местной поселенческой системы и развитие античного сельского хозяйства.

Поднятая в связи с дельтой Кубани тема значимых отличий между «Европой» и «Азией» может быть продолжена. По современным данным, просматривается определенный дисбаланс между аграрным (земледельческим) потенциалом двух частей Боспорского государства: природное плодородие типичных почв Таманского полуострова по-видимому выше, чем у большей части почв Керченского полуострова, и это при более благоприятных условиях ведения хозяйства²⁰. К этому стоит добавить немаловажную, с точки зрения влияния на региональную археологию, деталь — ландшафты Керченского полуострова можно в целом назвать каменистыми, с большим количеством открытых скальных выходов, в то время как геологически более молодые ландшафты собственно Таманского полуострова почти совершенно лишены следов камня и сплошь сглажены мощным слоем глины и суглинков.

Историко-этнический контекст. В античную эпоху он складывался здесь из нескольких существенных моментов. Крымский полуостров всегда был, по образному выражению, «этнолингвистическим мешком». Северный же Кавказ — скорее «перекрестком». Хотя и Таманский полуостров, и Восточный Крым были контактными зонами между Кавказом и Крымом в целом. Правда, не всегда

²⁰ По современному агропочвенному районированию и бонитировке почв на Керченском полуострове основная масса земель относится к низшим (малопригодные и потенциально пригодные) категориям по пригодности к земледелию (Драган 2004, табл. 12, рис. 24; Смекалов 2011, рис. 1), хотя не стоит забывать, что Керченский полуостров значительно обширнее Таманского, отсюда и соотношение фондов лучших земель смотрится не так катастрофично — максимальный фонд качественных черноземов на Тамани оценивается в 58,4 тыс. га (Гарбузов 2009, 125), в то время как суммарный фонд лучших для Керченского полуострова земель (пригодных и ограниченно пригодных) около 26 тыс. га (Смекалов 2011, 176). Вопрос, конечно, еще и в сравнительном плодородии этих фондов — в европейском фонде доля почв с высоким бонитетом (категория пригодных) довольно мала. Нельзя игнорировать и огромный массив керченских почв площадью 130 тыс. га (Смекалов 2011, 176), записанных в категорию малопригодных. Для почв из этой категории, по крайней мере, для почв возвышенных мест (солонцеватых черноземов) юго-западной равнины отмечено, что при своевременной хорошей обработке они дают хорошие урожаи (Клепинин 1935, 90) (согласно Страбону (VII, 4), вся область между Феодосией и Пантикапеем была плодородна (хлебородна)).

одинаково интенсивно действующими. Случались периоды «застоя», когда разного рода причины препятствовали взаимодействию культур.

Особенности социально-экономического развития (хозяйственные уклады и этнические традиции) и исторические судьбы автохтонного населения в античную эпоху в двух регионах существенно различались. Иными словами, боспорские греки имели здесь (и по соседству) дело с разными этносами, одни из них по преимуществу были скотоводами, другие — земледельцами (при этом всякие соответствующие атрибуты относительны, так как никогда не было ни «чистых» земледельцев или скотоводов, ни абсолютно оседлых «этносов», для нас важно то общепринятое обстоятельство, что упомянутое слово «по преимуществу» имеет явно выраженный территориальный «оттенок»). Здесь трудно говорить об особенностях социальной организации, истории и культуры этих этносов, о которых мы всё ещё можем судить весьма и весьма поверхностно. И всё это при том, что сопредельная ситуация (в дальнем пограничье) тоже не была бесконечно стабильной. Периодически на обширных пространствах Великой евразийской степи менялись населяющие её народы. Следовательно, то постепенно, то почти катастрофически быстро менялась и обстановка у границ Боспора, что отражалось на состоянии его сельских территорий. Здесь нам далеко не всё известно. Ясно лишь одно: как «правила поведения» с соседями, так и формы организации и размеры самой сельской территории по обоим берегам пролива не могли изначально быть совсем одинаковыми и оставаться неизменными. И это несмотря на то, что «исходный багаж» греческих переселенцев и последующие «импульсы» были, в сущности, сходными в силу того, что исходили из единого цивилизационного центра, античного Средиземноморья.

Итак, общая и региональная специфика организации сельской территории Боспорского государства во многом определялась, с одной стороны, общими и региональными природными условиями и динамикой их перемен (как короткопериодическими (вековыми) изменениями, так и «глобальными» тенденциями), с другой, — столь же существенными (порой решающими) этноисторическими факторами, включая и собственно античные традиции и инновации в самом общем смысле этих слов. Суть же всех различий и перемен в организации хоры двух основных²¹ районов Боспора сводится к адаптации к наличествующим условиям или новым вызовам природы и человека. Всякое политическое, в том числе правовое оформление этого процесса — дело вторичное, производное. Задача археологии — искать и исследовать следы материального воплощения, реализации этой адаптации и этих перемен. И разумеется — их максимально адекватная интерпретация, с учетом того, что археологи имеют дело не с самими историческими событиями (их прямым описанием), а с их близкими или относительно отдаленными последствиями. Здесь мы вплотную подходим ко второй основной составляющей данной темы.

Методика исследования и основные проблемы. На Керченском полуострове (в особенности в Приазовье) ряд поселений и могильников

²¹ За рамками нашего исследования остаются сельская округа Феодосии и территории на материке — «анклав» на Нижнем Дону, равнины левобережье Старой Кубани с расположенными там округами Горгиппии и Семибратнего городища (Лабриса) и области, простирающиеся еще далее к востоку и юго-востоку.

интересующего нас периода на протяжении длительного времени подвергался систематическим раскопкам и был получен обширный датирующий материал (в том числе, в немалой степени уже опубликованный²²), позволяющий дифференцированно подходить к изучению разных этапов истории данного региона. На Таманском полуострове, вопреки устоявшемуся мнению, также велись раскопки на довольно значительном числе античных сельских поселений (по нашим подсчетам их более 40)²³, но материалы раскопок, к сожалению, известны не в полной мере²⁴. Вследствие чего мы имеем весьма слабое представление о характере застройки, быте, материальной культуре и хронологии местных эллинистических поселений. Вместе с тем, в обоих случаях территории исследованы неравномерно (рис. 1). Учитывая типологическую неоднородность поселений изучаемого времени в Восточном Крыму²⁵, серьезную проблему составляет решение вопроса о том, насколько имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют (и позволяют ли вообще) выводы об эволюции (или резких сменах) типов поселений в одном регионе интерполировать на другой?

²² См. подробно: Масленников 1998; 2010; 2012. Почти во всех случаях речь идёт о нескольких сотнях или даже тысячах квадратных метров на каждом памятнике, причём некоторые из них раскопаны практически полностью. Прежде всего это поселенческие структуры разного типа и могильники, относящиеся условно к первому хронологическому этапу наших изысканий (IV–III вв. до н.э.). Но следует особо отметить, что и почти совершенно неизученный до недавнего времени период III–II вв. до н.э. также теперь представлен весьма основательно. Достаточно сказать, что только на нескольких «базовых» объектах Крымского Приазовья раскопанная площадь составляет примерно от 500 до 2900 кв. м. (Золотое Восточное, Полянка, Крутой берег, Казантип-восточный 2, мыс Зюк). Слои соответствующего времени надёжно зафиксированы ещё на целом ряде поселений этого же микрорегиона. При этом весьма показательна почти полная археологическая лакуна в отношении местных некрополей и могильников. Напомним, что к числу объектов этого же времени на так называемой ближней хоре относится хорошо известный усадебный комплекс, раскопанный В. Ф. Гайдукевичем близ Мирмекия, и частично исследованный впоследствии там же грунтовой некрополь, а равно и некоторые объекты на предполагаемой хоре Нимфея и, вероятно, Пантикапея, Тиритаки, Китея, Киммерика и Акры.

²³ Многие из них были лишь затронуты раскопками, исследованные участки поселений, учитывая значительные площади памятников, скорее следует считать «шурфами». Однако в некоторых случаях нельзя не назвать эти работы систематическими и масштабными, к таким относятся, например, раскопки В. Г. Житникова на поселении Волна 1 (площадь продолжающихся раскопок достигла 6 га) и Н. И. Сударева на поселении Волна 4 (площадь раскопок около 2.3 га). При этом около 2000 кв.м раскопанной площади на сельском поселении Волна 1 заняты сплошной регулярной застройкой зданиями на каменных фундаментах (в хронологическом плане постройки относятся к концу V — III вв. до н.э., устное сообщение В. Г. Житникова).

²⁴ Лишь весьма незначительная часть материалов, открытых раскопками (в основном — в ходе спасательных работ последнего десятилетия, но не только), была опубликована. Но все же нельзя сказать, что в этом отношении (если вывести «за скобки» публикации данных по раскопкам в крымском Приазовье и ряда памятников, опубликованных еще И. Т. Кругликовой) ситуация на Керченском полуострове радикально отличается в лучшую сторону.

²⁵ Уровень исследованности сельских поселений Восточного Крыма позволил поставить и отчасти решить задачу их типологизации (Кругликова 1975, 145 сл.; Масленников 1998, 26 сл.; и др.). Разумеется, здесь неизбежны уточнения. Ясно одно: для IV — начала III в. до н.э. это усадьбы античного типа на пригородной и дальней хоре, в том числе т.н. усадебные комплексы и сезонно-производственные постройки, а также многочисленные поселения-селища, вероятнее всего, связанные с иными этнокультурными и хозяйственными традициями. Для последующего времени, как будто бы характерны только укрепленные прибрежные городища и немногочисленные пригородные усадьбы.

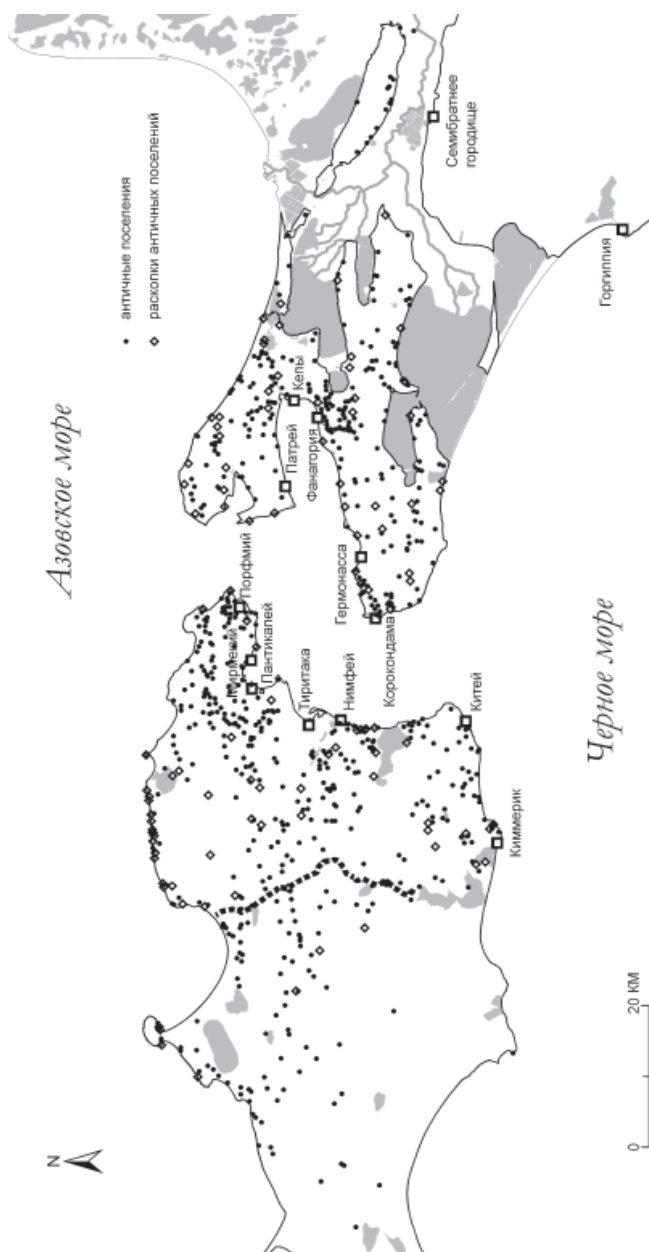

Рис. 1. Схема расположения известных античных поселений на Керченском и Таманском полуостровах (отдельно выделены памятники, на которых проводились раскопки)²⁶.

²⁶ Схема не претендует на полноту и может быть дополнена и исправлена. Для Керченского полуострова использована база данных, подготовленная С. Л. Смекаловым (462 памятника разного ранга и статуса, из них как минимум 61 памятник раскапывался, местоположение объектов дано как по спутниковым измерениям координат, так и по публикациям). Для Таманского полуострова отмечено 298 памятников (из них не менее 46 памятников раскапывалось), основной массив составляют данные из работ Я. М. Паромова (221 поселение античного времени), к нему добавлены результаты разведок Ю. В. Горлова (российско-французский археологический проект ТРАП) (25 памятников), полевых исследований Фанагорийской (16 памятников) и Восточно-Боспорской экспедиций ИАРАН (29 памятников), и учтен ряд поселений, выявленных разведками Е. Я. Рогова и И. В. Волкова.

Если обратиться к европейской части Боспора, то следует прежде всего воздать должное работам И. Т. Кругликовой. Именно ей мы обязаны первому надёжно зафиксированному археологическому свидетельству серьёзнейших перемен, имевших место на пространствах сельских территорий античных государств Северного Причерноморья. Впоследствии аналогичные и, что важно, практически синхронные качественные изменения были зафиксированы в Юго-Западном Крыму и на памятниках Ольвийской хоры²⁷. Сама И. Т. Кругликова, видимо, несколько колебалась в определении точной хронологии этих событий (начало или середина III в. до н.э., в пределах первой его половины) поскольку в её распоряжении был главным образом массовый подъёмный материал с многочисленных селищ полуострова. Раскопки немногих из них велись эпизодически, а прочие объекты этого времени остались вне поля зрения исследовательницы. Наши возможности в этом отношении существенно расширились в первую очередь благодаря уже упомянутым масштабным и долговременным раскопкам в Крымском Приазовье. В их результате был получен обильный археологический материал, чрезвычайно ценный в качестве хроноиндикаторов. Это и так называемые «индивидуальные» артефакты (терракоты, монеты, граффити, расписная керамика), и, что особенно важно, массовые находки (амфорная тара и керамические клейма и проч.). В настоящее время первая категория отработана²⁸, анализ амфор фактически завершен (подготовлен к печати) и его результаты могут быть использованы. Амфорные клейма — а их коллекция составляет несколько тысяч экземпляров — находится в процессе обработки. Именно клейма (разумеется, при корреляции с данными по самой керамической таре) должны составить основу общих хронологических построений.

Сопоставляя археологическую изученность Керченского и Таманского полуостровов, обратим внимание на вполне заметные отличительные черты изученности последнего. Во-первых, наличие систематически, по единой методике составленной археологической карты сельских памятников, при создании которой широко использованы данные аэрофотосъемки²⁹; взятая за основу, эта карта периодически пополняется и уточняется другими исследователями, и, несмотря на целый ряд неточностей и явную неполноту, до сих пор может рассматриваться как хорошая отправная точка для анализа систем расселения. Для Восточного Крыма аналогичной базовой карты нет. Во-вторых, на основе указанной карты (с уточнениями и дополнениями её материалами новейших разведок и раскопок) уже была выработана и апробирована модель анализа территориального освоения сельского пространства городскими центрами Азиатского Боспора с VI по IV — начало III вв. до н.э.³⁰ Для нас сейчас, конечно, наиболее значимы полученные в ходе этого исследования выводы для заключительного периода (IV — начало III вв.; см. рис. 2)³¹, поскольку они представляют собой исходную платформу, отталкиваясь от которой, позволительно будет в дальнейшем анализировать в том же аспекте распределение сельских поселений на Таманском полуострове в следующем

²⁷ Щеглов 1978; Крыжицкий и др. 1989.

²⁸ Масленников 2012.

²⁹ Паромов 1992; 1994.

³⁰ Завойкин, Гарбузов 2010; Гарбузов, Завойкин 2010; 2011; 2012.

³¹ Гарбузов, Завойкин 2012.

временном интервале. Для Восточного Крыма эту работу только еще предстоит проделать, что невозможно без формирования подробной археологической карты (базы данных) для всех известных античных сельских поселений полуострова. Для правильного сопоставительного анализ двух территорий в одном методическом ключе, необходимо добавить к археологическим данным ряд важных природных показателей, о важности учета которых говорилось выше.

Наряду с планомерным анализом опубликованных и архивных материалов, позволяющим (в целом ряде случаев не вполне удовлетворительно) решать вопросы хронологии памятников, предполагается в рамках проекта провести дополнительные полевые исследования на некоторых из них. Речь идет, в частности, о детальном обследовании (сплошные археологические разведки) античных поселенческих систем с фиксацией археологического материала с помощью спутниковых навигационных систем. Как показал опыт таких работ на Таманском полуострове³², со сравнительно небольшими временными и трудовыми затратами этот метод позволят получить значимые результаты, в ряде случаев применимые в качестве парадигмы для других памятников, степень исследованности которых не соответствует уровню стоящих задач.

Стоит обратить внимание на тот факт, что именно такого рода исследования сельских памятников позволили в свое время впервые поставить вопрос о переменах в характере освоения сельской территории (хора Фанагории) в эллинистический период по сравнению с предшествующим временем³³.

Поскольку очевидно, что наряду с детальным изучением материалов поселений и их некрополей, частично или полностью раскопанных, основу для сравнительного анализа составят находки, полученные в ходе разведок, очень остро встает проблема их корректной хронологической атрибуции. И если для IV — начала III вв. до н.э. была уже предложена методика, позволяющая (хотя бы и с рядом оговорок) отделить памятники соответствующего периода от более поздних³⁴, то разработка хроноиндикаторов для последующего отрезка времени (с учетом сохранности керамики в подъемных сборах и особенностей типологии амфор³⁵ эллинистического периода) представляет собой сложную (возможно даже пока неразрешимую) задачу, но в любом случае от этого принципиально зависит оценка ситуации на двух противоположных берегах пролива, первым шагом которой должен быть ответ на вопрос, какие поселения не *переживают* рубежа первой — второй третей III в. до н.э., а какие только *появляются* в этом и последующих полутора столетиях.

* * *

Уже неоднократно отмечалось, что специфика в развитии двух частей Боспорского государства, интегрированных в эллинистический период в единое политическое пространство, в немалой степени восходит ко времени полисной автономии (VI–V вв. до н.э.), для которого надежно фиксируются различия

³² Гарбузов, Завойкин 2009; Гарбузов 2010.

³³ Гарбузов, Завойкин 2009, 161 — 166, рис. 8, 10.

³⁴ См.: Гарбузов, Завойкин 2012, 116 — 118.

³⁵ Амфорный материал составляет большинство среди профильных частей в сборах керамики.

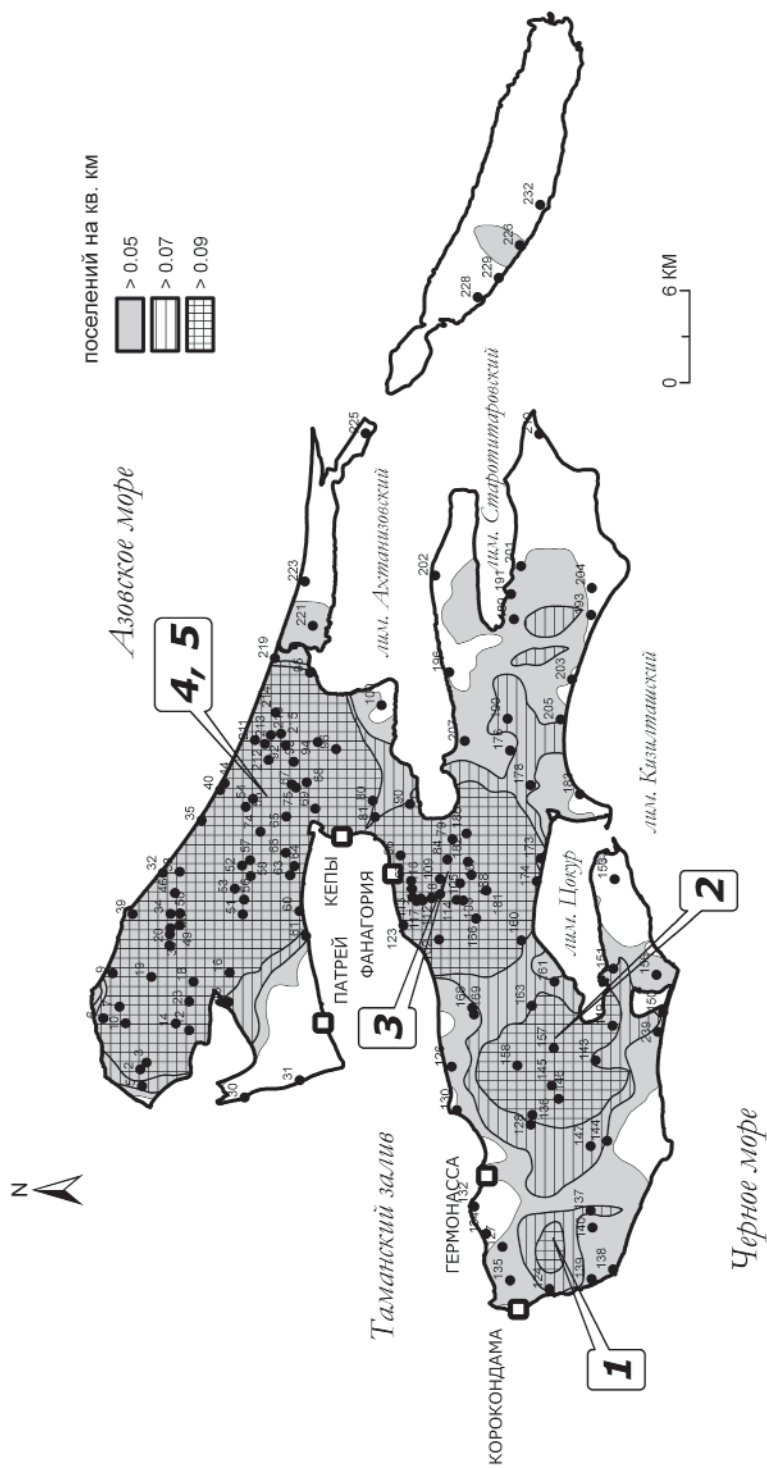

Рис. 2. Области высокой концентрации сельских поселений на Таманском полуострове в IV — начале III в. до н. э.: 1 — область Гермонассы — Корокондамы; 2 — Западно-Цокурлиманская; 3 — Фанагорийская; 4, 5 — Фонагорийская, согласно (Гарбузов, Забойкин 2012, 118 сл, рис. 1а).

в темпах и характере освоения сельских округ (хоры) отдельных полисов³⁶. Ситуация в этом отношении принципиально меняется после того, как боспорские полисы оказались под монархической властью тиранов Пантикапея. Особенно это касается периода эллинизма. Однако на структурном уровне эти процессы не были описаны и проанализированы. Предварительно лишь формулируется резкое отличие в историческом развитии сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора: кризис и упадок, смена типов поселений, начиная с рубежа первой и второй третей III в. до н.э. (о чем уже упоминалось), с одной стороны, и максимальный расцвет в III–II вв. до н.э. — с другой³⁷. В то же время, появились некоторые данные, побудившие поставить вопрос: так ли уж безусловно можно говорить о расцвете сельской территории азиатского Боспора и не является ли эта оценка следствием слишком широкой датировки Я. М. Паромовым имевшихся в его распоряжении материалов?

При анализе развития системы расселения Я. М. Паромов учитывал число (и в меньшей степени размеры) памятников, не принимая в расчет количество датирующего материала на каждом из них. Поскольку в малых по объему сборах подъемного материала³⁸ вероятность встретить фрагмент амфоры определенного типа (периода) может быть весьма низкой (она зависит от частоты встречаемости этого типа в керамическом комплексе конкретного памятника, но даже у «популярных» типов могут быть пропуски в сборах, если сборы очень малы, например, 2–3 фрагмента), то достоверность оценки присутствия-отсутствия жизни на поселении в какой-то период сильно зависит от представительности анализируемых сборов. Можно предположить, что оценка хронологии поселения по одному датированному фрагменту менее надежна (учитывая возможную ошибку в датировках амфор), чем по 2, 3 и т.д. фрагментам. В этой связи подсчет числа поселений при разных вариантах «надежности» может служить определенным тестом для хронологических схем. Подобное тестирование мы провели по описаниям сборов керамики, приведенным в депонированном издании археологической карты Я. М. Паромова. В целом из приведенных на рис. 3 диаграмм видно, что выделение периода расцвета (IV — первая четверть I в. до н.э.) в численности поселений вполне обосновано, причем этот период устойчиво сохраняется при ужесточении требований к выборкам (помимо перехода к атрибуции памятника только по 5 и более датированным фрагментам, в расчетах рассматривался вариант, когда из выборки удалялись фрагменты, датированные в описании слишком неопределенно — общими словами типа «неопределенные центры эллинистического времени» и пр.). Однако уже на этом уровне анализа можно заметить, что после III в. до н.э. обозначается этап заметной деградации системы в следующем столетии и её «обрушение» в I в. до н.э.

³⁶ Завойкин, Масленников 2006; Завойкин, Гарбузов 2010; Гарбузов, Завойкин 2010; 2011.

³⁷ Паромов 1994, 9–12: согласно расчетам автора, в третий период (III — конец первой четверти I в. до н.э.) число поселений достигает 203, против 185 в предыдущий период.

³⁸ Объем сборов в рассматриваемом источнике почти всегда мал. По нашим оценкам данных из (Паромов 1992) (без учета фрагментов, которые отнесены вне какого-либо обоснования к эллинистическому, римскому времени или к средневековью, а таких фрагментов иногда более половины от всех датированных), эти сборы содержали менее 5 определенно датированных профильных фрагментов амфор почти на 24% памятников, на 42% памятников таких фрагментов было менее 10. Столь малые выборки на самом деле довольно обычны при разведках небольших сельских поселений Таманского полуострова.

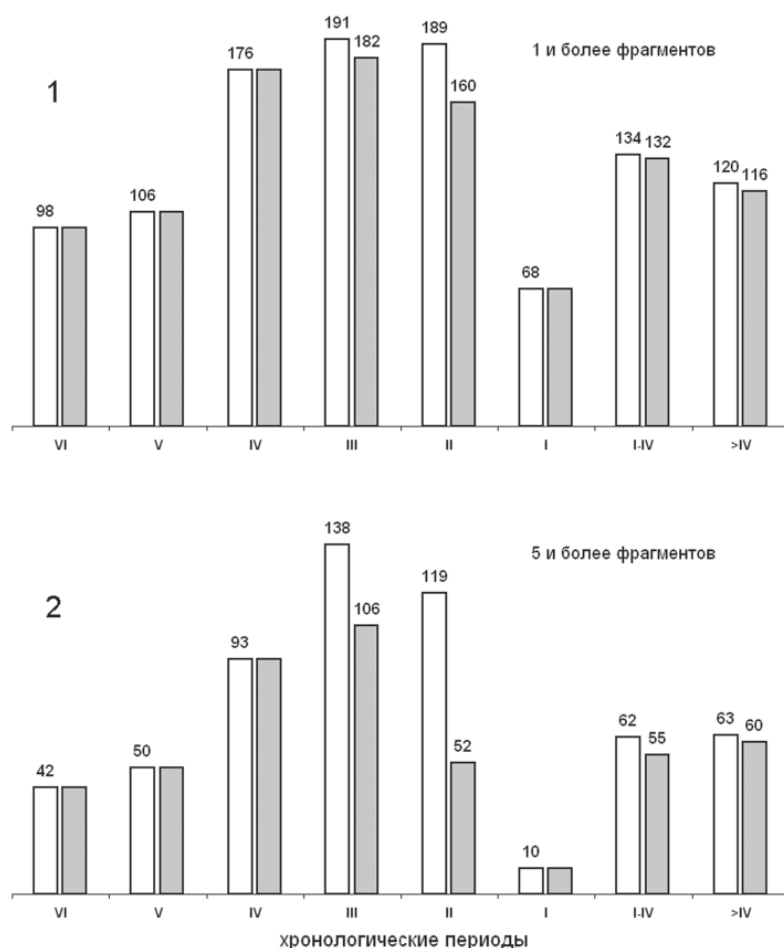

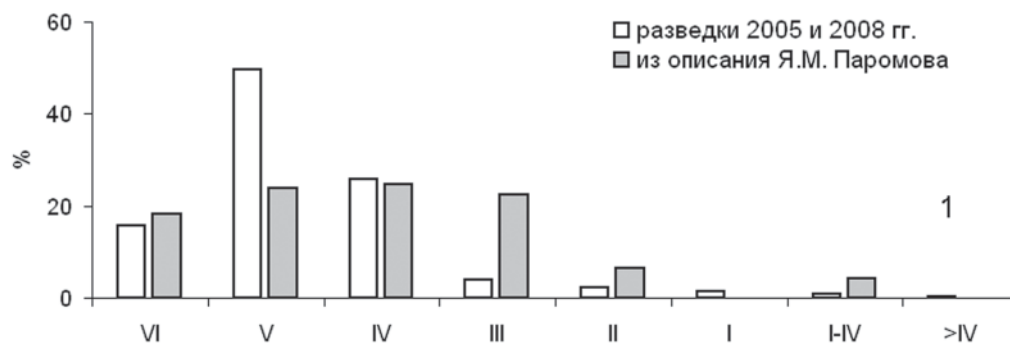
Рис. 3. Распределение числа поселений на Таманском полуострове по хронологическим периодам (VI в. до н.э. — позже IV в. н.э.) при разных уровнях «надежности» датирования: 1 — с учетом единичных фрагментов; 2 — на основе учета не менее 5 фрагментов (расчет по данным и датировкам Я. М. Паромова). Правые столбцы соответствуют расчету без фрагментов, датированных в описании слишком неопределенно.

Более наглядное представление о состоянии сельских поселений и поселенческой системы в целом дает анализ количества импорта (амфор) в тот или иной период времени. Для примера приведем распределение датированной керамики по хронологическим периодам для поселений Солёный 3 и Виноградный 4 по данным наших разведок 2005, 2008 и 2011 гг., в сравнении с соответствующими распределениями, рассчитанными по описанию Я. М. Паромова (рис. 4). По данным наших разведок диаграмма демонстрирует резкое снижение «уровня потребления/жизнедеятельности»³⁹ на этих очень крупных сель-

³⁹ О значении термина см. Гарбузов, Завойкин 2009, 159, 161.

ских поселениях в III–II вв. до н.э. по сравнению с V–IV вв. Соответственно о расцвете сельской округи в III–II вв. до н.э. говорить здесь не приходится, при этом бросается в глаза контраст с теми данными, на основании которых, собственно, этот расцвет выявлялся. Решение вопроса о том, какие результаты достовернее, определяется сравнением объемов проанализированных выборок подъемного материала — для поселения Солёный 3 «наша» часть диаграммы построена по выборке объемом 621 экз.⁴⁰, для поселения Виноградный 4 объем датированной выборки составил 2189 экз., у Я.М. Паромова в описании этих памятников упоминается о 77 определенно датированных фрагментах для поселения Солёный 3, и о 26 таких фрагментах для поселения Виноградный 4.

Солёный 3 (90). Доли нагрузок датированной керамики.

Виноградный 4 (163). Доли нагрузок датированной керамики.

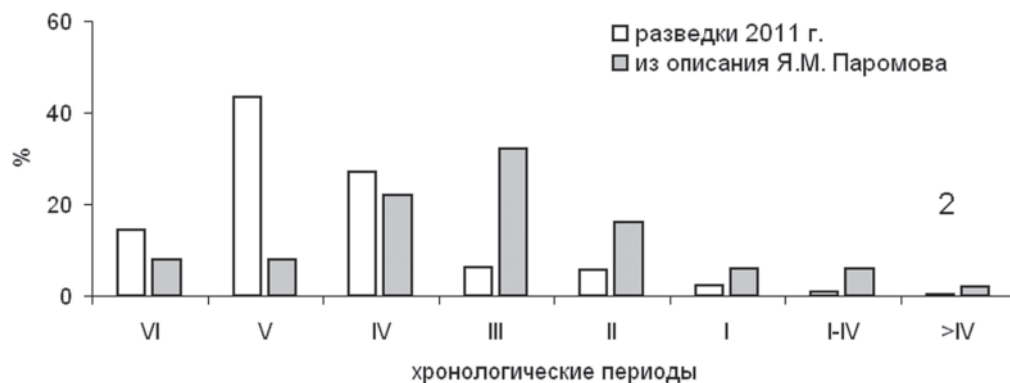

Рис. 4. Распределение датированной керамики по хронологическим периодам (VI в. до н.э. — позже IV в. н.э.) для сельских поселений Солёный 3 (1) и Виноградный 4 (2), построенное по данным разведок Фанагорийской экспедиции ИА РАН 2005–2011 гг. и по описанию находок на памятниках, сделанному Я. М. Паромовым.

⁴⁰ Учтены сборы в пределах тех границ поселения, которые предложены Я. М. Паромовым. Разведки показали, что поселение имеет сложную структуру и состоит из многих областей разной площади с высокой концентрацией керамики (Гарбузов, Завойкин 2009, рис. 5; Гарбузов 2010, рис. 2).

Ровно ту же тенденцию, т.е. заметное снижение импорта в III в. до н.э., выявил количественный анализ амфорных находок на некоторых сельских поселениях Азиатского Боспора (Береговой 4, Волна 4, Красноармейский 1), представленный в диссертации Е. В. Кузнецовой⁴¹. Более подробно об этом мы будем говорить в другом месте⁴². Здесь достаточно отметить подтвержденную многими фактами спорность вывода о том, что сельская территория Азиатского Боспора при поздних Спартокидах переживает наивысший подъем.

Если эти предварительные наблюдения подтвердятся, тем самым будет снят парадокс, согласно которому в рамках единого государства предполагается диаметрально противоположные тенденции развития двух его регионов, что объяснить крайне затруднительно. В то же время для того, чтобы выявить реальную их специфику, необходимо, чтобы критерии, характеризующие развитие сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова были сопоставимы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов А. А.* 1962: Гидрометеорологический справочник Азовского моря. Л.
- Блаватский В. Д.* 1976: Природа и античное общество. М.
- Благоволин Н. С.* 1962: Геоморфология Керченско-Таманской области. М.
- Болгов Н. Н.* 1996: Закат античного Боспора. Белгород.
- Ведь И. П.* (ред.) 2000: Климатический атлас Крыма. Симферополь.
- Гаврилов А. В.* 2004: Округа античной Феодосии. Симферополь.
- Гарбузов Г. П.* 2009: Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. 13, 123–140.
- Гарбузов Г. П.* 2010: Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанатории // ПИФК. 1, 444–457.
- Гарбузов Г. П.* 2013: К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. 17, 111–132.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* 2009: Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // ДБ. 13, 141–175.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* 2010: О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине — второй половине V в. до н.э. // ДБ. 14, 105–129.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* 2011: Освоение греками земель Таманского полуострова в последней четверти VI — первой половине V в. до н. э. // АМА. 15, 194–222.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* 2012: Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV — начало III в. до н. э.) // ДБ. 16, 114–149.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* 2014: Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // (в печати).
- Дзенс-Литовская Н. Н.* 1970: Почвы и растительность Степного Крыма. Л.
- Драган Н. А.* 2004: Почвенные ресурсы Крыма. Симферополь.
- Завойкин А. А.* 2011: О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н.э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., Киев, 18–39.
- Завойкин А. А.* 2013: «Царская хора» и ранние Спартокиды // Боспорский феномен. СПб. (в печати).

⁴¹ Кузнецова 2013, 251, рис. 9.

⁴² Гарбузов, Завойкин, 2014 (в печати).

- Завойкин А. А., Гарбузов Г. П.* 2010: О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14, 184–219.
- Завойкин А. А., Масленников А. А.* 2006: Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // БЧ. VII, 110–128.
- Зинько В. Н.* 2007: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н. э.). БИ. XV. Симферополь; Керчь.
- Клепинин Н. Н.* 1935: Почвы Крыма. Симферополь.
- Кругликова И. Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешико В. М.* 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кузнецова Е. В.* 2013: Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI–III вв. до н. э. (по данным керамической тары): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Логвинов К. Т., Барабаш М. Б.* (ред.) 1982: Климат и опасные гидрометеорологические явления Крыма. Л.
- Масленников А. А.* 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Масленников А. А.* 2010: Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников // ДБ. Suppl. III. М.
- Масленников А. А.* 2011: Сельские поселения Восточного Крыма как исторический источник (Методика исследования и информативные возможности) // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., Киев, 185–205.
- Масленников А. А.* (ред.) 2012: Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал // ДБ. Suppl. III. М.
- Паромов Я. М.* 1992: Археологическая карта Таманского полуострова // Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.
- Паромов Я. М.* 1994: Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Половицкий И. Я., Гусев П. Г.* 1987: Почвы Крыма и повышение их плодородия. Симферополь.
- Смекалов С. Л.* 2011: Еще раз к вопросу о производстве зерна и численности населения Европейского Боспора // БФ, 174–178.
- Соловьев С. Л., Шенко Л. Г.* 2004: Археологические памятники сельской округи Акры. СПб.
- Соловьев С. Л., Шенко Л. Г.* 2006: Археологические памятники сельской округи Акры: поселение Заветное 5. СПб.
- Соломатина Е. И.* 2013: рец.: Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., «Триумф-принт», 2010 (Древности Боспора. Suppl. III) // ВДИ. 1, 218–222.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 5–187.
- Щеглов А. Н.* 1978: Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Garnsey P.* 1999: Food and Society in Classical Antiquity. Cambridge.

EUROPEAN AND ASIAN BOSPORUS RURAL TERRITORY UNDER
THE SPARTOCIDS (SUBJECT INTRODUCTION)

G. P. Garbuzov, A. A. Zavoykin., A. A. Maslennikov, S. L. Smekalov

The paper reflects principal problems concerning the comparative study of European and Asian Bosphorus rural territory in the 3rd century BC — the 1st century AD. It also considers the state of present-day data base, compares two parts of the country in the light of natural, historical, and ethnic peculiarities, and presents problem solving issues for each part of the country with regard to the available archaeological data. It also characterizes problem-solving techniques.

Key words: archaeology, the Bosphorus, antiquity, Hellenism, Spartocids, Kerch Peninsula, Taman

© 2013

А. А. Масленников

СЕЛЬСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ЭПОХУ
ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА (СТАТИСТИКА И ТОПОГРАФИЯ)*

В статье приведён обзор и краткая характеристика (хронология, топография) сельских поселений Европейского Боспора (Керченский п-ов) в «позднеэллинистическую» эпоху (середина III — рубеж II–I вв. до н. э.). Для городской (ближней) и дальней (государственной) хор одинаково характерно резкое сокращение числа памятников, что подтверждается и новейшими исследованиями. Среди поселений дальней хоры выделяются две группы: «эфемерные» (главным образом селища предшествовавшего времени), жизнь на которых, по-видимому, в очень ограниченных масштабах продолжалась ещё несколько десятилетий спустя после неких катастрофических перемен около рубежа первой и второй трети III в. до н.э. И действительно новые поселения типа городищ и укрепленных усадеб, появившиеся преимущественно в Приазовье. Последние — различаются в зависимости от некоторых особенностей своей топографии, прежде всего наличия естественных укреплений. Среди этих городищ особый интерес в плане хронологии, стратиграфии и планировки представляю т.н. эталонные поселения, просуществовавшие не позже рубежа II–I вв. до н.э.

Ключевые слова: сельская территория Европейского Боспора, хронология и топография поселений, раскопки, разведки, исторические интерпретации

Обозначив данную тему, должно сделать, как нам кажется, несколько оговорок. Во-первых, «сельская территория», «хора» или же «сельская округа»? Всякому, даже если он не антиковед, известна многозначность термина «хора». Наверное, для большей ясности или, что точнее, как бы в целях предосторожности следует оставить его применительно к городским земельным угодьям, неугодым и

Масленников Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

*Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное» (Грант РФФИ № 13 06 00081).

прочим владениям. Но на Боспоре, как известно, в разное время были ещё и земли с иным статусом: царские, государственные (правильнее было бы писать это не через запятую, а через тире), храмовые, а может быть, и какие-то иные. И всё это будет «сельская территория». Границы того, другого, третьего и т.д. в точности нам неведомы; есть только более или менее вероятные предположения. К тому же эти земельные пространства наверняка не оставались неизменными как по своему статусу, так и по площади. Ещё более осторожный термин, применимый скорее к городским центрам, — «сельская округа». Он подразумевает как бы некий ареал экономического, прежде всего торгового, а также в известной мере и культурного влияния того или иного полиса. (Полис без хоры — нонсенс; город без своей сельской территории допустим. Но то и другое, как известно, вовсе не одно и то же.) Эти же «обстоятельства» или «условия», вероятно, имеют право на существование и в более общем, «высоком» смысле, т.е. как соседние с тем или иным государственным образованием территории с иноэтничным населением, находящимся ниже по уровню социальной организации, не позволяющей ему соответствующим образом чётко ограничить (и защитить) сферу своих хозяйственных интересов. Однако «сельской округой», в данном случае всего Боспора, назвать такие сопредельные пространства «язык не поворачивается». Это — сфера влияния.

Во-вторых, о временных рамках. Говоря об «эпохе эллинизма», мы имеем в виду, естественно, тот период, который, при всей неоднозначности мнений относительно характера и специфики эллинизма на Боспоре, в общеисторическом плане ограничивается концом IV — концом второй трети I в. до н.э. С учётом же некоторых известных (и не очень) местных исторических реалий, точнее — коллизий, уместно будет сузить его до конца первой трети III — рубежа II–I вв. до н.э. или, что не менее вероятно, конца I в. до н.э. Но, повторяем, это, так сказать, в рамках «контекста».

В-третьих, проблема хронологических реперов. Совершенно очевидно, что выделение археологических объектов соответствующей датировки опирается, прежде всего, на степень разработанности типологии и хронологии некоторых наиболее существенных в данном отношении категорий массового материала и их синхронизацию. Таковыми в данном случае, по всеобщему признанию, являются амфорная тара, амфорные клейма, некоторые виды столовой посуды, т.н. мегарские чашки и отчасти монеты. Каждый полевик-антиковед знает, что для любого достаточно длительного периода местной истории, несмотря на ряд локальных и временных особенностей, характерен совершенно определённый набор центров амфорного производства и примерный объём импорта каждого из них. Так, во второй половине III–II вв. до н.э. среди находок практически исчезает (или сильно видоизменяется ?) керамическая тара из Гераклеи, Менды, Хиоса, Пепарета, Херсонеса, Фасоса и некоторых других менее представительных в данном регионе центров. Зато доминируют Родос, «поздняя» Синопа, т.н. Колхида, отчасти Книд и какие-то неизвестные центры. (Разработок, посвящённых амфорной таре именно рассматриваемого периода, в целом немного. Среди отечественных — назовём в первую очередь работы С.Ю. Внукова и С.Ю. Монахова, хотя они касаются по большей части или самого начала этого этапа, или несколько более позднего периода.) Но всё это становится очевидным, как, впрочем, и морфологические изменения в формах тары «прежних» центров (например, Синопы),

только на уровне массового материала. Относительно немногочисленные находки обломков амфор, тем более их непрофилированных частей (стенок), не позволяют уверенно говорить о соответствующих переменах и, следовательно, иных датировках. (Не только стенки, но ручки да и венчики (но не ножки!) синопских амфор IV и II вв. до н.э., как правило, неотличимы. Почти то же самое можно сказать и о других центрах, которые выделяются скорее по характеру глин. К тому же в это время имела место известная стандартизация амфорной тары.) Вот почему разведочная «подъёмка», особенно если она не массовая и не попала в руки «узких» специалистов, всегда несет определённый «оттенок» недостоверности. (Если среди амфорных фрагментов нет клеймённых, то, теоретически, нет и стопроцентной уверенности, что мы имеем дело действительно с объектами IV начала III вв. до н.э., а не второй половиной последнего, что в данном случае весьма и весьма существенно.) В этой связи нельзя не оговориться относительно итогов изысканий наших выдающихся предшественников. Именно оговориться, ибо они жили в иное время и ставили перед собой иные задачи. Прежде всего это касается В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой. Известный «Список сельских поселений античного времени... в европейской части Боспора»¹, составленный ею в значительной степени на основании сведений В. В. Веселова, остаётся пока почти что единственным и самым полным их справочным каталогом. Всякий знакомый с ним знает, что все поселения там выделены в две основные хронологические группы с очень широкой датировкой («эллинистические» и «I–III вв. н. э.»). Отчасти конкретизации времени существования тех, что вошли в первую группу, помогают ссылки на находки амфорных клейм. Но лишь отчасти. Правда, Ирина Тимофеевна приводит и уточняющую таблицу распределения этих клейм по памятникам², исходя из принятых в то время разработок и датировок в области керамической эпиграфики. Напомним, что среди них нас интересует статистика, касающаяся клейм (и, естественно, памятников), относящихся ко времени позже первой трети III в. до н.э. Таковых, по И. Т. Кругликовой, 29 из 40. (Всего же к группе археологических объектов, существовавших, условно, с конца VI по начало III вв. до н.э., ею было отнесено 233 поселения из общего числа 274.) Иными словами, ряд поселений функционировал как бы и в переходную эпоху, т.е. около середины III в. до н.э. Но вся эта статистика и определения требуют уточнения и дополнения (что практически уже или невозможно, или предполагает новые осмотры, сборы подъёмного материала и раскопки) новыми находками, наблюдениями и современными датировками. Вместе с тем, при всех порой значительных разночтениях среди современных специалистов по разным категориям «хроноиндикатирующих» артефактов, в целом их «узкие» датировки позволяют «оперировать» отрезками времени до четверти века. Сказав это, мы в полной мере осознаём, что новые успехи на поприще соответствующих изысканий могут и даже наверняка скорректируют (на какое-то время) существующие датировки и оценки, а следовательно, наши представления и предположительные реконструкции. В особенности это касается амфорных клейм, как в сущности, основного такого «критерия». Но при этом совершенно очевидно, что выводы, сделанные на основании только наличия клейм соответствующей датировки, как бы «двойки». Иными словами, они (клейма) или

¹ Кругликова 1975, 256–277.

² Кругликова 1975, 224–227, табл. 3–4.

свидетельствуют о более протяжённой хронологии того или иного памятника. Или же наоборот, именно реальная история данного археологического объекта либо целой «серии» таковых (т.е. какие-то конкретные, точно датируемые исторические события) должна рассматриваться как хронологический рубеж бытования тех или иных групп самих амфорных клейм. (Именно так в ряде случаев и обстоит дело в регионе Средиземноморья.) Думается, в отношении рассматриваемой территории Боспора (и даже шире), по крайней мере до маловероятной случайной находки, некоей эпиграфической находки определённо предпочтителен первый вариант интерпретации таких находок. И здесь нельзя в очередной раз не отметить, что все мы прибываем в состоянии нетерпеливого ожидания итогов многолетних фундаментальных исследований признанного специалиста в области «малой» керамической эпиграфики Н. Ф. Федосеева. Разумеется, благодаря гениям наука шагает вперёд семимильными шагами. Но ведь и мы, недостойные, делаем всё, что в наших силах, чтобы она тащилась в том же направлении...

В-четвёртых, говоря об археологических памятниках сельской территории Европейского Боспора в указанное время, мы почти исключительно имеем в виду поселенческие структуры. Необъяснимый пока парадокс состоит в том, что ни одного т.н. сельского некрополя нам здесь неизвестно, несмотря на достаточно долговременные и широкие полевые исследования и даже периодически (слава Богу, не постоянно!) возникающий «нездоровый интерес» неспециалистов. Немногочисленные и «неполные» исключения: недавние раскопки А. В. Гавриловым могильника II — середины I вв. до н.э. городища Куру-Баш, т.с., на географическом пограничье Керченского п-ова и остального Крыма³ и несколько погребений, вероятно, рубежа этих же веков, обнаруженных уже довольно давно в грунтовых некрополях близ сёл Кыз-Аул (Черноморское побережье), Ново-Отрадное, Золотое, в урочищах «Стоячий камень» и Старожилово (Крымское Приазовье) (Гайдукевич 1959; Арсеньева 1970; Корпусова 1983; раскопки ВКАЭ⁴).

Наконец, даже в отношении наиболее «чистых» в плане стратиграфии и хронологии памятников (а таких, что называется, эталонных — немного) приходится констатировать наличие неких «переходных периодов». То-есть более или менее многочисленных, относительно ранних или, что много реже, поздних находок. В основном же мы имеем дело с той или иной степени «презентабельными» куль-

³ Гаврилов, Труфанов 2012, 33–34.

⁴ Здесь и далее автор сознательно избегаем ссылок на свои работы и публикации. Во-первых, это как бы не совсем прилично. Уже вышедшие статьи и монографии живут «своей жизнью», и степень их затребованности (цитирования) не должна зависеть от самолюбия автора. Во-вторых, этот самый показатель считаю очередной бюрократической глупостью. В частности ещё и потому, что в античной истории и археологии признанные авторитеты, на которых постоянно ссылаются, в большинстве своём уже давно или относительно недавно «сошли в мир иной» и им, что называется, от этого «индекса цитирования» ни слаще, ни горче... Естественно, уважение и внимание к работам коллег — вещь совершенно обязательная. Правда и здесь есть своя сложность. В наше время выходит так много различных периодических, тематических, всеобщих, региональных, мемориальных и т.п. книг и сборников, что уследить точно за тем, кто именно и о чём первый сказал (точнее — написал), становится всё сложнее. Супергениальные идеи и выводы в общем-то редки. И творцы их общеизвестны. Во избежание соответствующих недоразумений полагаю во всех прочих случаях осторожнее писать: «Разделяю точку зрения о том, что ...» или «присоединяюсь к мнению такому...». Другое дело — публикации новых материалов. У них совершенно естественно и заслужено должен быть «хозяин», всяческим затратам и трудам которого они и обязаны своим появлением. Впрочем, всё это моё частное мнение.

турными напластованиями, строительными остатками и археологическим материалом соответствующего периода на достаточно долговременных и стратиграфически сложных (многослойных) поселенческих объектах. Причём по большей части сохранность этих «культурносодержащих горизонтов» оставляет желать лучшего. Поэтому немногие «счастливые» исключения, о которых будет сказано ниже, особенно показательны и важны как в отношении общей и частной хронологии, так и в плане общеисторических реконструкций.

Особо следует отметить фактор исследованности всей рассматриваемой территории в целом и касательно собственно поселений «эллинистической» эпохи в частности. В первом случае до относительно недавнего времени здесь, т.е. на Керченском п-ове, в силу разных причин реально существовали «белые пятна». Пример тому — район Караларского побережья на севере и часть Причерноморского побережья к востоку от мыса Чауда на юге, где на протяжении нескольких десятилетий находились закрытые для посещения зоны. Естественно, что то могло быть пропущено и в глубинной части Восточного Крыма. Но в общем, открытие на полуострове сколь-либо значительных памятников типа больших укрепленных городищ маловероятно. Иное дело объекты вроде селищ, стоянок, сторожевых башен и т.п. Тут, как показывает недавний опыт местных и западнокрымских разведок, вполне возможны уточнения и дополнения. Если же судить о масштабах и тщательности разведок и раскопок собственно памятников археологии и, так сказать, объективности нашей конкретной информации, то должно отметить следующее обстоятельство. Строго говоря, до полной исследованности всякого объекта (что само по себе, хотя всегда желаемо, но далеко не всегда осуществимо, а с точки зрения общей методики археологических работ вообще неверно) любые выводы нельзя признать окончательными. Тем более это касается данных, полученных только за счёт сбора и картографирования (в том числе с помощью GPS-координат и т.п.) подъёмного материала, как бы полно и обосновано они ни выглядели и как бы горячо и искренне ни отстаивались в среде археологов-антиковедов (Г. П. Гарбузов, Т. Н. Смекалова, А. В. Батасова). Даже шурфовка немногим повышает степень этой самой достоверности. Попутно берусь утверждать, что применительно к античным памятникам, тем более достаточно сложным и многослойным, раскоп, равный по площади традиционному квадрату (5x5 м) в сущности является не более чем шурфом. А, напомним, для большинства поселений полуострова, условно говоря, V–III вв. до н. э., да и немалого числа более поздних — информации, полученной иным способом, у нас просто нет. Между тем, давно отмечено, что исследование именно этой группы памятников (т.е. селищ) приносит действительно презентабельные и надёжные в плане хронологии результаты только в случае раскопок больших площадей. Отсюда неизбежны всякого рода сомнения, и прежде всего в области абсолютной хронологии. И тем не менее, соответствующая статистика, топография и исторические выводы в настоящее время выглядят более обосновано, нежели несколько десятилетий назад. Как уже писалось, этим мы обязаны успехам на поприще «вещеведческой» хронологии и полевой археологии. Ибо, помимо планомерных и многолетних раскопок новых, т.н. базовых памятников III–I вв. до н. э., соответствующие слои выявлены и на уже известных поселениях, где прежде наличие таковых не предполагалось. Всё только что сказанное позволяет, как нам кажется, достаточно объективно су-

дить о количественной и пространственной характеристике интересующих нас археологических объектов.

Наконец, последний «момент» (в-пятых) включает в себя проблему западных границ боспорских владений именно в рассматриваемое время. Не останавливаясь на этом вопросе сколь-либо подробно, отметим лишь, что таковая могла вовсе не быть постоянной и тем более особым образом оформленной, завися, как и во все периоды истории античного Боспора, от целого ряда внешних и внутренних факторов. Не исключено, что она то сжималась до территории собственно Керченского полуострова и даже его части, то расширялась чуть ли не до глубинных районов всего Крыма. Но всё же, хотя и условно, наиболее оптимальными представляются внешние рубежи государства этого времени в относительно близких западных и северо-западных окрестностях Феодосии. Этими пространствами мы и ограничимся в дальнейшем изложении.

Итак, перейдём к общему обзору памятников III–II вв. до н. э. (а подчас и тех, что условно датируются немного позднее) (рис. 1), начиная именно отсюда, т.е. так называемой округи этого известного городского центра. Впрочем, выделение её из состава всего Восточного Крыма если и оправдано, то, скорее, в административном плане. В природно-геологическом отношении это не вполне так. Холмистая степная равнина, расчленённая руслами пересыхающих речек, стекающих в общем направлении на север в равной мере характерна и для большей части собственно Керченского полуострова, и для северных, северо-западных районов феодосийской округи. Лишь на западе и юго-западе (предгорья и начало главной Крымской горной гряды) её рельеф, геолого-морфологические, почвенные и иные характеристики совершенно другие. Благодаря многолетним разведкам и раскопкам, главным образом, проведённым А. В. Гавриловым (из основных публикаций укажем годы: 2004, 2011), археологическая карта данного района на сегодняшний день если и не абсолютно полная, то достаточно насыщенная. И вот какова общая картина в интересующем нас плане. Из 85–87 учтённых на начало 2000-х годов поселений большая часть (около 70) существовала в период либо с начала V в. до н. э. (т.н. стойбища, стоянки), либо (в основном) со второй четверти следующего века и примерно по конец первой трети III в. до н. э. На весь последующий античный период приходится время жизнедеятельности всего 16 поселений. Из них к собственно «позднеэллинистическому» времени (или целиком, или отдельными периодами — слоями) относится и того меньше: 9 (Фронтное 2, Береговое 1, Куру-Баш, Биюк-Янышар, Сары-Кая, Карасан-Оба, Алан-Тепе 1, Мачук, Яман-Таш. Топографически почти все они находятся на склонах Внешней гряды восточной части Крымских гор и во внутренней части этого горного региона. Исключения: Береговое 1 на побережье Феодосийского залива и Фронтное 2 в центре Акмонайского перешейка, на Парпачском гребне. В эти же хронологические рамки можно «вставить» селища: Сурб-Хач 1, Кар-Даг 1, Скала и недавно открытое святилище Туар-Алан. Информация о последних любезно предоставлена А. В. Гавриловым). То есть, и это для нас особенно ценно, указанный рубеж III в. до н. э. на какой-то срок пережило примерно каждое 10 из прежде существовавших поселений. (Эти памятники, по мнению А. В. Гаврилова, возникли в самом конце IV — начале III вв. до н. э., т.е. когда появились первые признаки некой угрозы и в степной зоне стало опасно жить. И как бы параллельный процесс:

ассимиляция тавров снизила их агрессивность. Они стали «лояльно» относиться к сельским поселениям в предгорьях и горах, что позволило начать вовлечение этого региона — кстати, с очень неплохим и «новым» экономическим потенциалом — в сферу торгово-хозяйственных интересов Боспора). В какой мере этот показатель отражает истинную ситуацию, и насколько он типичен для всего полуострова, пока не вполне ясно. Другой вопрос, и тут мы как бы забегаем вперёд, что это была за «жизнь»?

Для данной территории (как, впрочем, и остальной части Восточного Крыма) совершенно определённо можно говорить о том, что местоположение, локальная топография и общая характеристика новых населённых пунктов в указанное время (примерно со второй трети — середины III в. до н. э.) резко изменились. Теперь это относительно небольшие по площади (компактные) укреплённые городища (со своего рода «посадами» или без оных), располагавшиеся на приметных и удобных для обороны и обзора возвышенных местах, в предгорьях или (что много реже) на побережье вблизи Феодосии. Именно эти памятники продолжают существовать и в «римскую» эпоху. Жизнь в немногих прежних степных селищах окончательно замирает к концу II—I вв. до н. э. Эту впечатляющую картину перемен конкретизирует статистика находок амфорных клейм и монет. Так, из 1540 клейм с 49 памятников феодосийской округи только 45 датируются автором соответствующей публикации⁵ временем от конца 80-х — начала 50-х годов III в. до н. э. (условно говоря — второй четверти этого века) до второй четверти I в. до н. э. Это в целом составляет не более 3 процентов общего числа клейм. (Укажем, что весьма велико количество вообще неопределённых, точнее, не поддающихся уверенной датировке клейм.) При этом почти половина из них относится именно ко второй четверти III в. Остальные, в количестве от 6 до 1, приходятся на прочие четверти этого и следующего столетий. (Максимальное, если так можно говорить о столь минимальной статистике, — на третью четверть III и вторую-третью четверти II вв. до н. э.) В основной своей массе они происходят именно с вышеупомянутых «новых» памятников предгорий. Но некоторое число «ранних» — из раскопок и подьёмки на «степных» селищах предшествовавшей эпохи. Как нетрудно догадаться, это в подавляющем большинстве клейма на ручках родосских и синопских амфор.

Итак, согласно А. В. Гаврилову, угасание жизни на последних поселениях в степной зоне округи Феодосии можно отнести к середине или к самому началу третьей четверти III в. до н. э. На эту дату, кстати, указывают и монеты поздней чеканки Феодосии, точнее — их первые выпуски. Вообще же эта чеканка, по мнению специалистов (В. А. Анохин, Н. А. Фролова, В. А. Сидоренко) продолжалась довольно долго, до конца III — начала II вв. до н. э. С таким периодом эмиссии и хождения этих монет можно было бы согласиться, если бы соответствующие находки повсеместно сопровождались синхронным амфорным материалом (т. е. второй половины III—II вв. до н. э.) Но, по информации А. В. Гаврилова, на поселениях степной зоны региона, где встречены эти монеты, такой «поздней» амфорной тары нет. Зато эту «картину» подтверждают синопские амфорные клейма. На указанных поселениях, относящихся ко времени после середины III в. до н. э.,

⁵ Гаврилов 2011.

их нет, а вот в предгорьях они появляются именно с данного времени⁶. Косвенно подтверждают такую дату и херсонесские клейма, которые исчезают на степных поселениях в первой четверти III в. до н. э. (см. там же.). На поселениях этой зоны феодосийской округи вообще не встречено и т.н. мегарских чаш, входящих в массовый обиход с конца третьей четверти III в. до н. э. (аттическое производство) и даже немного позднее (прочие центры изготовления). (Информация Д. В. Журавлёва.)

Естественно, ко всем этим подсчётам и оценкам надо относиться осторожно и с оговорками. Прежде всего, касательно степени исследованности (раскопанности) поселений. А она, в общем, невелика. (Из упомянутого их числа небольшие раскопки (60–100 кв. м) велись на двух-трёх, а более солидные площади: 350, 500 и 820 кв. м были вскрыты всего на трёх памятниках, причём лишь один, Биюк-Янышар, относится к числу «поздних».) Наконец, вновь и вновь приходится констатировать, что общий уровень нашей осведомлённости в вопросах клеймоведения застыл в ожидании уже давным-давно обещанного исторического прорыва. А пока, как это отмечает сам Николай Фёдорович Федосеев, в упомянутом Своде А. В. Гаврилова есть недочёты и неточности, в том числе и хронологического плана. (Впрочем, это уже скорее — споры между самими клеймоведами и клеймофилами.) Ну что же, будем ждать и надеяться.

Сводка монетных находок с феодосийской округи по-своему не менее показательна. Из 261 учтённых на 2004 г. боспорских (главным образом) монет 51 датируется второй четвертью III в. до н. э.; 7 и 11 — соответственно третьей и последней его четвертями. 1, 3 и 12 — второй и последующими четвертями следующего века и 12, 9, 4 и 4 — такими же отрезками I в. до н. э. В подавляющем большинстве эти монеты происходят с памятников предгорий, где, кстати, монеты более раннего чекана (V и первых трех четвертей IV вв. до н. э.) почти не фиксируются⁷. Таким образом, картина жизнедеятельности феодосийской округи демонстрирует совершенно определённую динамику перемен, пик которой приходится где-то на конец первой трети III в. до н. э. При этом городища позднеэллинистического времени по большей части продолжают функционировать и в последующие века, переживая, по мнению А. В. Гаврилова, некие потрясения и перестройки около 180 г. до н. э., а также на протяжении I в. до н. э. и около середины III в. н. э.⁸

Следуя далее к востоку уже по территории собственно Керченского полуострова, мы прежде всего охарактеризуем прибрежные, Причерноморские районы, до недавнего времени, как уже писалось, мало или вовсе не обследованные. Это окрестности мыса Чауда и пространства к востоку от него, вплоть до Узунларского озера. Недавние и неоднократные разведки пока не выявили здесь следов каких-либо поселений интересующего нас времени, хотя несколько более ранние, а также поздние (с рубежа эр по раннее средневековье) обломки амфор и монеты встречаются. (Даже на месте остатков предполагаемого городка Казека нет находок III–II вв. до н. э., что, впрочем, ввиду крайне плохой его сохранности и практически полной неисследованности, может оказаться случайностью.) Вопрос о степени освоения данной территории в античности, в том числе датировке следов кадастрового и иного «межевания», остаётся открытым. Какие-то не очень

⁶ Гаврилов 2011, кат.

⁷ Гаврилов 2004, 189–205.

⁸ Гаврилов 2004, 27–41.

«презентабельные» селища или усадебки, скорее всего, схожие с теми, что в своё время были открыты в степной части п-ова В. В. Веселовым и И. Т. Кругликовой, второй половины IV — начала следующего века тут всё же наличествовали⁹.

Окрестности горы Опук с жалкими развалинами легендарного Киммерика (если только основная его часть в настоящее время не на дне моря) и мощной цитаделью на её вершине в той или иной мере обследовались на протяжении двух последних веков неоднократно. Обратимся к обобщениям полутора — двухдесятилетней давности, оставив «за скобками» соответствующие слои и находки на только что упомянутых объектах. В т.н. округе Киммерика, точнее г. Опук (примерно 7–10 км «в окружности»), известно около 20 предположительных поселений. За небольшим исключением это, видимо, типичные селища или деревни из нескольких небольших, несложных по планировке «домов-усадеб» IV — начала III вв. до н. э., а в редких случаях появившиеся ещё в конце VI или в V в. до н. э. Среди них только на трёх (Кыз-Аульский маяк 1, Киркояшское восточное, Киркояшское северо-восточное), согласно информации В. К. Голенко¹⁰, присутствовал незначительный материал (амфорные обломки, в том числе синопское клеймо 261 г. до н. э.) середины — второй половины III и даже II вв. до н. э. Есть несколько поселений с находками I в. до — I в. н. э. или первых веков н. э., а также раннесредневековые. Но собственно памятники только рассматриваемого времени не выделяются.

Прибрежные пространства к востоку: от Кыз-Аульского маяка до мыса Такиль и далее к северу — условно принято считать хорой городов Китея и Акры. Ещё В. Ф. Гайдукевич и М. М. Кубланов отмечали здесь несколько пунктов — поселений, в том числе эллинистического времени. О наличии таковых сообщали В. А. Хршановский, Е. А. и Н. В. Молевы, долгие годы работавшие в этом районе. Последние по времени изыскания: разведки и раскопки — проводили здесь А. В. Куликов, А. Л. Ермолин, С. Л. Соловьёв. Впрочем, первые — не носили всеобщего и методичного характера, вторые — касались либо некрополей, либо части данной территории (к северу и северо-западу от т.н. Акры). В сущности, за единичным исключением (см. ниже), ни одно из здешних поселений не раскапывалось. Тем не менее, новые материалы позволяют несколько конкретизировать интересующую нас информацию. Эти поселения (усадебки или деревни «горожан») располагались, как правило, на удалении до нескольких км от побережья, примерно через каждые 2–3 км, в основном на пологих возвышенностях, в визуальной видимости друг от друга и «своих» полисов. Почти все они интенсивно распаиваются не одно десятилетие. Разведками ещё 50-х годов прошлого века в районе восточнее и северо-восточнее Кыз-Аульского маяка было выявлено три селища с находками III–II вв. до н. э.,¹¹ но обоснования эти датировок фактически нет. Соответствующие керамические находки, за исключением одного пункта в микрорайоне близ Акры, нам доподлинно неизвестны. Зато монетные — опубликованы и постоянно пополняются. Согласно А. В. Куликову¹², они происходят с

⁹ Гаврилов, Голенко, Ермолин, Столяренко 2006, 144–155; Гаврилов 2010, 88–104, а также разведки автора.

¹⁰ Голенко 2007, 195–205.

¹¹ Кубланов 1961, 93.

¹² Куликов 2003, 152–159.

семи поселений и исчисляются двумя с половиной сотнями. Почти всё это пантикпейский чекан с конца V по середину III вв. до н. э. и одна монета времени Асандра. Большинство датируется второй половиной IV — началом следующего века. Раскопки С. Л. Соловьёва на поселении Заветное 5¹³ дополнили это собрание, но не изменили общей «картины». Зато благодаря им был не только получен весьма значительный массовый материал, прежде всего, разнообразная керамика, но и впервые в этой части полуострова обнаружены строительные остатки (в том числе и достаточно хорошо сохранившиеся) жилого, хозяйственно-производственного и сакрального назначения. Общую характеристику по крайней мере этого населённого пункта, несомненно, можно считать античной. Датировка памятника в основном — начало IV — первая четверть III вв. до н. э. Немало более ранних находок, но практически отсутствуют более поздние. Недавние разведки западнее и северо-западнее данного пункта (фактически в северных и юго-западных окрестностях Тобечикского озера)¹⁴ выявили ещё нескольких поселений-селищ всё того же IV–III вв. до н. э., а также отдельные объекты и находки I в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки не проводились, датировки же по подъёмному материалу, как это обычно и бывает, достаточно широкие. Но явно «позднеэллинистических» находок не встречено вовсе.

Далее к северу и северо-западу прибрежной зоны пролива мы попадаем на территорию Нимфейской хоры, в настоящее время весьма хорошо обследованную¹⁵. По подсчётам В. Н. Зинько, на хоре этого города известно около полусотни сельских поселений конца VI — начала III вв. до н. э., причём большинство их приходится относиться ко второй — третьей четвертям IV в. до н. э. Многие доживают до конца первой трети следующего века. Вблизи некоторых из них зафиксированы и отчасти раскопаны грунтовые и курганные могильники. Среди поселений периода расцвета, вероятно, были изолированные усадьбы или их «конгломерации», укрепления на границе хоры и т. н. варварские селища. Для нас в данном случае важно, что в последующий период их число сокращается самым существенным образом: почти на порядок. По данным В. Н. Зинько¹⁶, «следы жизни» второй половины III–II вв. до н. э. выявлены всего на шести поселениях, в том числе четырёх на т. н. ближней хоре (Героевка I, Эльтиген, Огоньки, Чурубашское). Значительные раскопки (на площади около 1400 кв. м) велись на первом из них¹⁷ и дали материал конца III — первой половины следующего века. Поселение Огоньки, пожалуй, самое многообещающее по своему размеру и мощности культурных напластований, также содержало слои интересующего нас периода¹⁸, но строительных остатков на небольшом раскопе (150 кв. м) выявлено не было. Ещё более ограниченные раскопки на поселении Чурубашское обнаружили слои III–II вв. до н. э.¹⁹ В отличие от предыдущего, этот объект, вероятно, являлся чем-то вроде деревни, состоявшей из отдельно стоявших небольших «усадеб».

¹³ Соловьёв, Шепко 2004; Шепко, Соловьёв, Папуцы-Владыко, Ахмадеева 2011, 368–370; Шепко, Соловьёв 2012, 469–476.

¹⁴ Шевченко 2009, 468–470; Ермолин 2010, 155–160.

¹⁵ Scholl, Zin'ko 1999; Зинько 2007.

¹⁶ Зинько 2007, 167–178.

¹⁷ Горончаровский 1991, 23–24; 1996, 31–32.

¹⁸ Кирилин 2008, 249–311.

¹⁹ Кругликова 1975, 130–131.

Новейшими изысканиями на предполагаемой хоре соседнего с Нимфеем (на севере) боспорского города Тиритаки²⁰ открыто пока весьма ограниченное (менее десятка) число сельских поселений, среди которых нет ни одного рассматриваемого времени. Далее следует хора боспорской столицы. Однако в силу ряда причин именно она до сих пор наименее обследована. Впрочем, благодаря главным образом достаточно старым разведочным работам²¹, здесь известны отдельные местонахождения III–II вв. до н. э., или даже археологические объекты с хорошо выраженными слоями этого времени, — например, довольно значительное городище на высоком холме в 0,8 км западнее сопки, на которой некогда стоял Куль-Обинский курган. Недавние его посещения также подтвердили наличие здесь материала (фрагменты «мегарских» чашек, обломки родосских амфор) III–I вв. до н. э. Сведения о прочих пунктах или находках (см. В. В. Веселов, И. Т. Кругликова) требуют проверки. В любом случае, их существенно меньше, нежели датирующихся IV–III вв. до н. э. Есть довольно старая информация об отдельных находках «искомого» времени в районе мыса Ак-Бурун²², не подтверждённая, впрочем, новейшими осмотрами²³. Зато «попутно» упомянем несомненно относившееся к интересующей нас эпохе (III в. до — I в. н. э.) поселение близ Второго Змеиного кургана на Юз-Обинской гряде²⁴. Очень яркий и большой памятник — городище или укреплённая усадьба на Темир-Горе, — вероятно, также относился к хоре Пантикапея, но, за исключением старинных изысканий А. Е. Люценко²⁵, этот памятник никогда не раскапывался; его планировка, хронология и стратиграфия в точности неизвестны, хотя наличие слоёв и находок интересующего нас времени там очевидны. Это подтверждают и неоднократные посещения Темир-Горы автором данной статьи. А вот на «усадьбе» по соседству (Партизаны I) также довольно давно был исследован винодельческий комплекс III–II вв. до н. э., рядом с которым находился известный античный колодец и, не исключено, святилище Асклепия²⁶. Правда, само это поселение появилось, согласно В. Ф. Гайдукевичу, ещё в IV в. до н. э.

Мирмекийская хора, если она и существовала, на современном уровне нашей информированности почти не выделяется. Единственным памятником, возможно, связанным с нею, а возможно, относящимся к хоре Пантикапея, остаётся т.н. загородная усадьба, раскопанная ещё В. Ф. Гайдукевичем²⁷. Мнения о времени её появления, эволюции планировки и даже характере (одна или три постройки-усадьбы) разноречивы. Полагают, что она (или они) появилась в конце IV — начале III вв. до н. э.²⁸, во второй трети либо около середины III в. до н. э.²⁹ А это, естественно, совсем не одно и то же в интересующем нас контексте. В любом случае, функционирование этого жилищно-хозяйственного комплекса во второй половине III — первой половине II вв. до н. э. несомненно.

²⁰ Зинько, Бейлин, Зинько 2009, 106–108; Зинько 2011, 116–117.

²¹ Семёнов, Кунин 1962, 257–262; Веселов 2005.

²² Семёнов, Кунин 1962, 259–260; Шестаков 1999, 109–111.

²³ Котин 2012, 57.

²⁴ Федосеев 1999, 71–73.

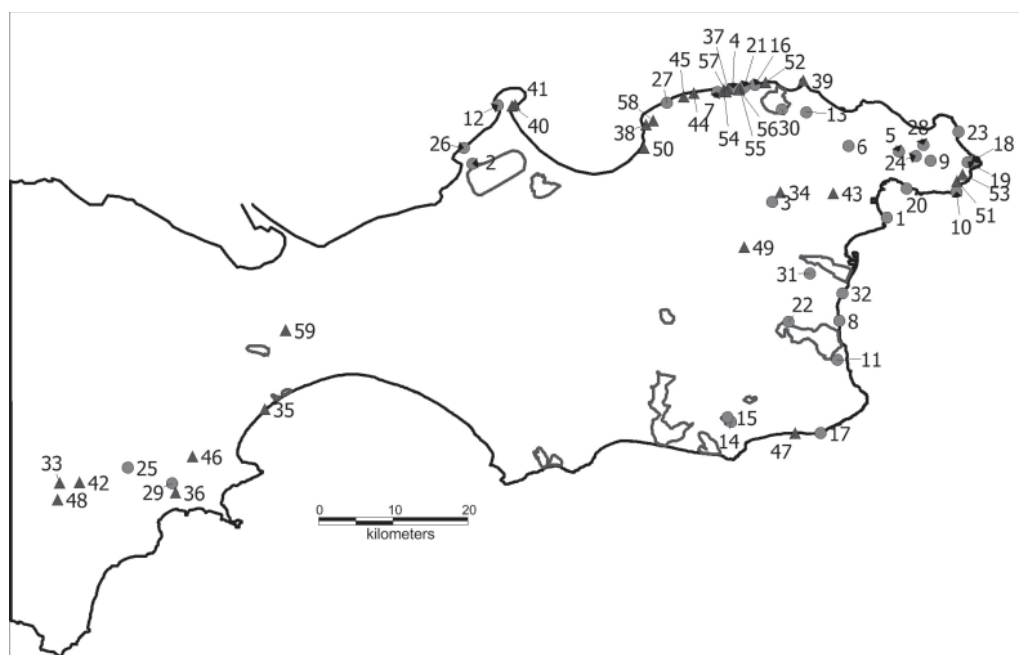
²⁵ Гайдукевич 1941, 45–60.

²⁶ Гайдукевич 1958, 369–372.

²⁷ Гайдукевич 1981, 55–75.

²⁸ Зинько 1999, 133–142.

²⁹ Федосеев 2009, 451–453.

● Памятники III–II вв. до н. э. 1 — Ак-Бурун; 2 — Акташское; 3 — Андреевка Южная; 4 — Бакланья скала; 5 — Бондаренково–Восточное I. Поселение.; 6 — Войково I; 7 — Генеральское Западное, юго-западный склон; 8 — Героевка I; 9 — Глазовка; 10 — Ени-Кале; 11 — Заветное V; 12 — Казантип, Мысовое II; 13 — Кезы; 14 — Киркояшское восточное; 15 — Киркояшское северо-восточное; 16 — Крутой берег; 17 — Кызаульский маяк; 18 — Маяк I; 19 — Маяк II; 20 — Мирмекий усадьба; 21 — Мыс безымянный; 22 — Огоньки-1; 23 — Осовины I; 24 — Партизаны I; 25 — Сары Кая; 26 — Семеновка I; 27 — Сююрташ; 28 — Темир-гора; 29 — Узун Сырт (вершина); 30 — Чокракский мыс; 31 — Чурбаш-9; 32 — Эльтиген-Музей.

▲ Памятники II–I вв. до н. э. 33 — Алан Тепе I; 34 — Андреевка Северная; 35 — Береговое I; 36 — Биюк-Янышар; 37 — Генеральское Восточное; 38 — Золотое Берег; 39 — Зюк Мыс; 40 — Казантип Восточный I; 41 — Казантип Восточный II; 42 — Карасан Оба; 43 — Куль-Оба; 44 — Куль-Тепе Восточное; 45 — Куль-Тепе Западное; 46 — Куру Баш; 47 — Кызаульский некрополь; 48 — Мачук; 49 — Михайловка; 50 — Ново-Отрадное I; 51 — Парфений; 52 — Полянка; 53 — Порфмий; 54 — Салачик; 55 — Сиреневая бухта городище; 56 — Сиреневая бухта. Святилище; 57 — Старожилово; 58 — Стоячий камень; 59 — Фронтное II.

Обращаясь далее к северо-восточной, самой «припроливной» части полуострова, приходится вновь констатировать, что помимо так называемых Порфмия и Парфения, иных античных поселений здесь подвергнуто раскопкам, в том числе и в последние десятилетия, практически не было. Впрочем, — оставив упомянутые временно как бы за скобками, — отметим, что разведки тут проводились неоднократно. Они в чём-то уточнили или дополнили материалы и результаты, полученные в своё время К. Э. Гриневичем, В. В. Веселовым и И. Т. Кругликовой, а недавно сотрудниками Керченского музея³⁰. В общей сложности в этом районе

³⁰ Ермолин, Федосеев 2011, 210–218; Бейлин, Бейлина, Куликов 2009, 28-31; Столяренко 2013, 444–449.

(условно от т.н. Змеиного мыса в нескольких километрах к северу от Мирмекия и до т.н. Широкой бухты уже за поворотом — крайней восточной оконечности полуострова) в настоящее время известно несколько более 20 античных памятников. Но именно эта территория, и в особенности её прибрежная часть, наиболее интенсивно застраивалась и осваивалась в хозяйственном отношении на протяжении последнего столетия. Кроме того, часть памятников была уничтожена во время строительства паромной переправы и в годы Великой Отечественной войны. Так что судить доподлинно об их характере, назначении и даже датировках очень сложно, если не почти невозможно. Тем не менее, известно о находках соответствующего времени в районе мыса Фонарь (в створе Еникальского маяка, Порт-Мион по Н. Ф. Федосееву)³¹, а также небольшие (32 кв. м) раскопки А. Е. Кислого³². Невдалеке выявлено ещё несколько (7 по В. В. Веселову и И. Т. Кругликовой) поселений или, точнее, местонахождений, в том числе два — с материалом III–II вв. до н. э. (Подмаячное или Маяк I и Маяк II), а также две линии рвов, вероятно, античного происхождения. Зафиксированы находки этого периода на территории крепости Ени-Кале, у посёлка Опасное³³ и вблизи городища Порфмий³⁴. В последнем случае возможно уточнение: конец III–II вв. до н. э. (В Сводах В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой в этой части полуострова указано много объектов «эллинистического» периода, но, как уже отмечалось, с широкой датировкой.) Большого сказать о них, к сожалению, пока нечего. Что же касается «традиционного» Порфмия (городища у села Жуковка), то и тут мнения современных исследователей не совпадают (В. В. Веселов, Е. Г. Кастанаян, М. Ю. Вахтина, с одной

³¹ Гриневиц 1927, 47–52; Федосеев 1999, 64–68; Ермолин, Федосеев 2011, 214–216.

³² Кислый 2005, 224.

³³ Веселов 1959, 229–242.

³⁴ Вахтина 2002, 94–98.

стороны, и А. Л. Ермолин, Н. Ф. Федосеев — с другой). Так или иначе, но для нас существенно, что многолетние раскопки свидетельствуют о существовании тут именно укрепленного поселения с конца первой трети (есть мнение и относительно третьей четверти) III по середине (?) I вв. до н. э. Ситуация с предполагаемым Парфением представляется к настоящему времени ещё более сложной. В небольшой степени, как ни странно, благодаря возобновившимся, вернее, начавшимся планомерным раскопкам здесь Керченского музея. В целом же повторим, степень сохранности и изученности большинства упомянутых здешних объектов такова, что мы, скорее всего, вообще никогда не сможем определиться, с чем именно мы имеем дело в этой части полуострова (усадебь, укрепления, городки, торгово-транспортные пункты на переправе и т. п.).

Следующий прибрежный (уже Приазовский) район — это ближайшие и отдалённые окрестности сёл Осовины и Юркино. Здесь также известны отдельные пункты, вернее, местонахождения артефактов интересующего нас времени³⁵. Прежде всего это довольно большое, к сожалению, слабо изученное (раскопки В. Н. Корпусовой и В. Н. Зинько в 1989–1993 гг. и разведки 2009 г.³⁶) поселение Осовины I (в 0,4 км к западу, юго-западу от мыса Бакланий или Борзовка-Варзовка). С северной стороны мыса располагается заметный зольный холм, а в 0,35 км к юго-востоку и к западу от упомянутого села — античный грунтовой и курганный некрополи. Остальные здешние памятники относятся по большей части предположительно к IV — началу III вв. до н. э. или «римскому» и раннесредневековому времени. Приблизительно то же можно сказать и о пунктах в окрестностях сёл Бондаренково, Войково и Глазовка (не менее 15), но только о трёх (Бондаренково-восточное I, Глазовка I, Войково I — на холме около автохозяйства)³⁷ можно с уверенностью говорить о находках именно III–II вв. до н. э.

Далее вдоль Азовского побережья отметим раскопанное Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА РАН (далее — ВКАЭ) на значительной площади (около 3000 кв. м) многослойное и долговременное (конец VI в. до н. э. — начало VI в. н. э.) городище на мысе Зюк (Зенонов Херсонес Клавдия Птолемея), определённо обитаемое в рассматриваемое время. Каков точно был его статус (крохотный городок или просто укрепленный населенный пункт-гавань), с уверенностью сказать трудно. Общая площадь памятника — несколько менее 1 га. Весь ли он был обжит в данное время — не вполне ясно, но, скорее всего, на этот вопрос надо отвечать утвердительно. Более того, городок был укреплен стенами с бастиянами, построенными где-то около середины первой половины III в. до н. э. Частично раскопаны мощёная улица с остатками домов-помещений по обе её стороны и небольшая площадь. Большой зольный холм в северо-западной части поселения от основания в значительной своей части сформирован мусорными отложениями III–I вв. до н. э. Это подтверждают и датировки весьма многочисленных находок: амфорных клейм, фрагментов терракот, монет, обломков «мегарских» чаш. Удобное во всех отношениях местоположение мыса и городища, несомненно, способствовало его долгой истории.

³⁵ Веселов 1959, 238–242; 2005; Кругликова 1975, 257–258.

³⁶ Зинько 1994, 123–126; Бейлин, Бейлина, Куликов 2009, 28–32.

³⁷ Веселов 1959, 234–240; 2005; Кругликова 1975, 257–259; Бейлин, Бейлина, Куликов 2009, 28–31.

Сложнее определиться с двумя следующими пунктами. Строго говоря, они располагаются не на побережье, но и не слишком от него удалены (2,5–4 км). Первый — городище Кёзы (Кёзы Северное) был открыт или, по крайней мере, известен уже более полувека³⁸. Остатки поселения, вернее его возвышенной части, «акрополя», находятся на довольно высоком скалистом холме — мысу к востоку от глубокой и узкой ложины-балки с двумя колодцами. Размеры памятника вряд ли действительно превышали 1 га, но площадь распространения подъёмного материала достигала 12 га. К востоку, западу и югу выявлены разновременные некрополи, сильно разрушенные современными грабителями. Само городище никогда не раскапывалось. Его первооткрыватели писали о находках первых веков н.э., что нашло отражение и в Своде И. Т. Кругликовой. А. Л. Ермолин упоминает подъёмный материал III в. до — VI в. н. э.

Напротив, другое поселение (Чокракский мыс) исследовано ВКАЭ весьма полно на площади около 1900 кв. м. Это была солидная усадьба, появившаяся на месте некоего небольшого раннего поселения ещё во второй четверти IV в. до н. э. и просуществовавшая по крайней мере до конца первой трети следующего века. На рубеже II–I вв. до н. э. усадьба существенно перестраивается, а затем гибнет в сильном пожаре около середины последней четверти I в. до н. э. Чем и как была заполнена почти полутравековая лакуна в её хронологии и бытовании — не вполне ясно, но находок соответствующего времени здесь очень мало (три пантикапейские монеты II в. до н. э., две — конца этого же века и всего один фрагмент красноглиняной «мегарской» чашки).

Зато следующее поселение, Полянка — предоставляет их во множестве. Собственно раскапываемое городище (общая площадь памятника не менее 0,6–0,65 га, исследованная — около 3000 кв. м) относится к I в. до н. э. и располагается в укромной прибрежной долинке (своего рода котловине), практически со всех сторон окружённой скалистыми холмами. Со стороны сопредельного степного пространства это поселения практически незаметно, а с моря — труднодоступно. Мощные (до 6 м) зольно-мусорные напластования, подстилающие почти всё занимаемое им пространство, содержат находки явно предшествовавшего времени и косвенно свидетельствуют о некогда существовавшем рядом (на прибрежном холме к востоку) весьма значительном поселении, почти полностью уничтоженном вследствие какой-то локальной природной катастрофы. Так или иначе, но среди многочисленных находок именно из этих слоёв отметим более 300 амфорных клейм (в основном середины — второй половины III–II вв. до н. э.), около 30 боспорских монет в основном того же времени, многие десятки фрагментов разнообразных «мегарских» чаш и обилие соответствующих керамических обломков, включая прежде всего амфорную тару и столовую посуду. Встречаются и отдельные находки конца IV — начала III веков.

Следующий пункт побережья, несомненно относящийся к рассматриваемой группе «эталонных», — городище Крутой берег, исследования которого ведутся ВКАЭ с большими перерывами с 1984 г. по настоящее время. Из общей площади памятника, примерно 0,5 га, раскопано около 2100 кв. м. Открыты кварталы застройки и протяжённый участок оборонительной стены по крайней мере двух-

³⁸ Семёнов, Кунин 1962, 261; Ермолин 2002, 82–87.

трёх строительных периодов, хозяйственные ямы, вымостки, водостоки. В основном эти строительные остатки и культурные напластования относятся ко второй трети III–II вв. до н.э., но, так же как и на предшествовавшем объекте, здесь встречаются артефакты более ранней датировки (конца IV и рубежа IV–III вв. до н.э.). Верхняя хронологическая граница требует уточнения, но то, что она не поднимается выше рубежа II–I вв. до н.э., представляется очевидным. Среди находок отметим заметную коллекцию (236 экз.) амфорных клейм (Родос, Синопа), 34 боспорские монеты, 30 фрагментов терракотовых статуэток. Встречены, правда немногочисленные, что показательно, обломки «мегарских» чашек и довольно качественной чернолаковой посуды. Некрополь, как и вблизи «Полянки», не обнаружен. Местоположение поселения говорит само за себя: на небольшом, в настоящее время неярко выраженном в плане топографии скалистом мысу, круто обрывающемся в море, но практически совершенно не «выделенном» по отношению к сопредельному пространству суши. В большой (по местным понятиям) бухте, непосредственно к западу от городища имеется и, видимо, имелся в древности колодец или колодцы с питьевой водой. Было и где причалить небольшим судам. Очень даже вероятно, что какая-то часть памятника разрушена береговой абразией.

Через несколько километров к западу, на небольшом скалистом мысу располагалось ещё одно, почти полностью раскопанное (на площади всего около 200 кв. м) совсем небольшое поселение (мыс Безымянный). Оборонительная стена, слишком солидная для такого крохотного населённого (сторожевого?) пункта, быть может, свидетельствует, что его изначальные размеры были куда более внушительными, но, как и в случае с ранней Полянкой, он почти полностью разрушен. Хронология памятника (вернее, того, что от него осталось), исходя из многочисленных датирующих находок, — середина III–II вв. до н.э.³⁹ Вопрос о наличии слоя интересующего нас времени на следующем к западу довольно большом, очень сильно потревоженном поздними перекопами и береговой абразией поселении — городище первых веков н.э. Сиреневая бухта остаётся открытым. Шансы на положительный ответ весьма велики, ибо рядом с ним раскопано святилище с находками второй половины III в. до н.э. и более поздними. Топография этого памятника почти идентична «Крутому берегу». Площадь — около 0,5–0,7 га, но раскопанная не превышает 150 кв. м.

Большой усадебный комплекс эпохи первого расцвета Боспорского государства «Бакланья скала», раскопанный ВКАЭ практически полностью (на площади около 2000 кв. м), находится всего в 1,5 км западнее только что упомянутого городища. Материалы этих изысканий изданы или готовятся к печати. Напомним, хронология памятника — последняя четверть IV в. до н.э. — первая треть следующего столетия. Но небезынтересно, что несколько амфорных клейм отсюда, по мнению Н. Ф. Федосеева, датируются третьей четвертью III в. до н.э.⁴⁰ Местоположение, т.е., топография и этого поселения очень схожа с двумя вышерассмотренными. Иными словами, они расположены на довольно крутом берегу, вблизи (всегда к востоку) больших бухт с искусственными источниками пресной воды, а

³⁹ Ковальчук, Масленников 2011, 216–227.

⁴⁰ Федосеев 2004, 371.

со стороны суши не защищены какими-либо естественными (как в данном случае и искусственными) преградами.

Совсем по-иному выглядит большое поселение, занимающее высокий и достаточно большой по площади, отделённый низиной, оврагом и искусственным ровом продолговатый скалистый холм в восточной части обширной и живописной Генеральской бухты (Генеральское восточное). Его площадь только в пределах этой «цитадели» (а есть ещё и «предградье») не менее 1,2 га. Раскопано же всего около 450 кв. м. Это хорошо укреплённое городище демонстрирует черты, присущие целому ряду поселенческим памятникам первых веков н. э., вплоть до позднеантичного времени. Тут были сделаны единичные находки III–II вв. до н. э. (монета, вероятно, II в. до н. э., синопское клеймо не ранее второй половины III в. до н. э., несколько обломков буро- и краснолаковых чаш с растительным орнаментом в технике жидкой глины). А главное, невдалеке ВКАЭ полностью раскопано ставшее уже хрестоматийным сельское святилище, на котором материалы именно этого времени (наряду с более поздними, начиная с I в. до н. э.) представлены весьма полно и ярко.

Далее к западу собственно поселений рассматриваемого периода мы не встречаем на протяжении почти 10 км. Правда, надо оговориться, что в относительной близости от только что упомянутого городища и святилища, но в западной части Генеральской бухты имеется ещё один небольшой (0,15 га), но неплохо исследованный (на площади около 650 кв. м) археологический объект: поселение Салачик. Здесь выявлены строительные остатки, слои и соответствующие находки (в том числе амфорные клейма Синопы и Родоса, обломки «мегарских» чашек, одна монета середины III в. до н. э., вторая — второй половины III–II в. до н. э.). (Вообще, этот памятник в плане топографии и хронологии можно считать как бы мысом Зюк в миниатюре.) Попутно напомним, что примерно в 350 м к югу, юго-западу от него в 1992–1993 гг. был раскопан грунтовой и курганный некрополь, скорее всего, принадлежавший этому населённому пункту. Среди полусотни грунтовых и плитовых могил разного времени было и несколько явно «позднеэллинистических», а также многочисленные находки обломков синхронной им посуды, использованной в тризнах. (Упомянем две медные пантикапейские монеты конца II — начала I в. до н. э., большое число фрагментов различных, в том числе сероглиняных (местных, поздних) «мегарских» чашек, 5 родосских амфорных клейм, обломки лягиноса с рельефным орнаментом и другой керамики.)

Следует также упомянуть, что среди монет, а главное, амфорных клейм, происходящих с самого презентабельного и исследованного из памятников предшествовавшей эпохи — усадебного комплекса Генеральское западное и т.н. Юго-западный склон, есть единичные экземпляры второй половины III и даже начала II в. до н. э.

Античные археологические объекты в районе урочища «Ущелье ведьм» или бывшей деревни Куль-Тепе представлены двумя основными памятниками: соответственно городищем Куль-Тепе западное и поселением (группа усадеб, культовый центр?) Куль-Тепе восточное. На первом ВКАЭ вела небольшие (до 100 кв. м) раскопки в 1991 г. При почти абсолютном доминировании находок первых веков н. э. и позднеантичного времени встречено синопское амфорное клеймо второй

половины III в. до н. э. (Оба памятника были известны И. Т. Кругликовой, но в её «Своде», видимо, ошибка с их описанием и локализацией.)

Самым крупным по площади (около 2 га) и примечательным во всех отношениях, в том числе и для рассматриваемой эпохи, поселением Приазовской зоны является городище Золотое восточное (Сююрташ). Расположенное на относительно плоской вершине большого скалистого прибрежного холма с почти повсеместно крутыми склонами и обрывами и укрепленное тем самым как бы самой природой, оно было окружено мощными стенами с бастиями, сложенными в основании из громадных каменных блоков. Памятник исследовался с перерывами в 1955, 1987, 1989–92 и 2010–2013 гг. на общей площади до 3150 кв. м. Все культурные напластования и строительные остатки относятся к интересующему нас времени, но верхняя и нижняя хронологические границы, как и в остальных случаях с «эталонными» объектами, требуют уточнения. Впрочем, до начала I в. до н. э. городище, по всей видимости, не доживает. За все годы раскопок собрана богатая коллекция разнообразных находок, включая амфорные клейма (более 400), около двух десятков монет, столько же терракотовых статуэток, десятки обломков «мегарских» чашек, фрагменты чернолаковой посуды и отдельные предметы эпохи средней и ранней бронзы.

Невдалеке, на вершине самой высокой в окрестностях скалистой сопки всё того же урочища (Сююрташ), выявлены и частично раскопаны (на площади около 125 кв. м) остатки синхронных городищу построек, включая участок древней дороги - подъёма, стены укреплений, каких-то помещений и грот-святилище.

Довольно большое (по разным подсчётам от 1 до 4 га?) также прибрежное поселение-городище Золотое I или Золотой берег, занимающее относительно невысокий, в настоящее время не сильно вдающийся в море скалистый мыс на северной окраине одноименной деревни, известно с начала 50-х годов прошлого века. Небольшие раскопки на нём велись в 1953, 1973 и 1990 гг. Вскрытая площадь составила немногим более 350 кв. м. Главным образом здесь представлены находки, слои и строения первых веков н. э., но найдена ручка синопской амфоры с клеймом середины III в. до н. э., пантикапейская монета того же времени и обломки «мегарских» чаш второй половины III–II в. до н. э.⁴¹ В грунтовом некрополе, напомним, были выявлены и отдельные захоронения II–I вв. до н. э. Очевидно, как и большинство других прибрежных укрепленных поселений Приазовья, это появилось именно в интересующую нас эпоху.

Зато относительно соседнего с ним на юго-западе, практически полностью раскопанного (общая площадь раскопа составила 875 кв. м) памятника у села Ново-Отрадное можно судить не только о ранней хронологии, но и отчасти о характере застройки именно этого периода⁴². Поселение располагалось на относительно невысоком небольшом холме близ устья степной речки. Самый ранний слой, включая остатки двух стен, вымостки и несколько хозяйственно-зерновых ям, относится к концу III в. до н. э. или началу следующего века (I СП). Датировка большей части соответствующих находок (прежде всего около 30 амфорных клейм) не даёт оснований говорить о том, что эта небольшая и, скорее всего, неукрепленная усадьба просуществовала дольше рубежа II–I вв. до н. э.

⁴¹ Кругликова 1956, 245; Корпусова 1983, 10–13; Винокуров 1994, 154–168.

⁴² Кругликова 1998, 143–185.

Далее, до самого мыса Казантип, сколь-либо примечательных памятников античного времени в прибрежной зоне не выявлено, что по-своему достойно внимания в плане соотношения природной среды и предпочтительных мест обитания. Зато на этом мысу их довольно много. Самые крупные и исследованные располагались в его юго-западной и юго-восточной частях, в окружении ландшафта, практически аналогичного Караларскому побережью. Первое со времён В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой известно под названием Афанасьевки, или, по современной терминологии, Казантип восточный I, занимает значительную (прибрежную) часть естественного «театра», сразу к востоку от соответствующего основания мыса. Площадь памятника около 0,5 га, из которых в 1954 и 1990 гг. было раскопано немногим более 250 кв. м. Материалов интересующего нас периода при этом обнаружено не было, но в раскопах зольных холмов (двух из четырёх) зафиксированы обломки «мегарских» чашек. Это позволило И. Т. Кругликовой предположить, что данное поселение возникло в конце III в. до н. э. или немного позднее⁴³. Более показательно в этом плане соседнее к востоку, северо-востоку поселение Казантип восточный II (вероятно, Казантип II по И. Т. Кругликовой). Расположение его ещё более примечательно: на достаточно крутом склоне, спускавшемся к югу, юго-востоку в сторону небольшой бухты. Общую площадь определить трудно ввиду отсутствия сколь-либо выраженных внешних признаков — границ поселения. А вот раскопано тут (1992, 1996–1997 гг.) (вблизи бухты) было около 640 кв. м. Выяснилось, что поселение имело компактную террасную застройку и просуществовало довольно долго: видимо, с конца IV в. до н. э. по третью четверть III в. н. э.⁴⁴ Помимо немногочисленных амфорных обломков, иных ранних находок в нашем распоряжении нет. Собственно остатки построек и слои первого и второго (из 4-х) строительного-хронологического периодов датируются только концом III — первой половиной II вв. до н. э. и второй половиной этого и I вв. до н. э. Вообще материал с поселения небогат. В основном это лепная керамика и амфорный бой. Из 22 амфорных клейм 21 принадлежит родосской таре с датами от 189 до 86 гг. до н. э. (по большей части 189–146 гг.). В дальнейшем, несмотря на достаточно заметные перестройки, общее планировочное решение памятника, судя по раскопанному участку, оставалось почти неизменным. В некотором отношении данный археологический объект если и не может считаться «эталонным» для рассматриваемого времени, то всё же по-своему уникален.

Столь же определённо наличие «эллинистических» слоёв и находок и на третьем из крупных местных поселений, Казантипе западном (Мысовое II по терминологии И. Т. Кругликовой). Раскопки его велись в 1962 и 1980 и 1989–1990, 1998–1999 гг. на общей площади около 1000 кв. м (из примерно 1 га). Расцвет этого населённого пункта, по-видимому, относившегося к типу усадебных комплексов, приходится на IV — начало III в. до н. э. Но есть находки (пантикапейская медная монета, синопские амфорные клейма середины и последней четверти III в. до н. э., обломки нескольких «мегарских» чашек), безусловно относящиеся к рассматриваемому периоду, хотя слои и строительные остатки, связанные с ним, уверенно не выделяются. И. Т. Кругликова полагала, что население этого пункта в силу каких-то причин предпочло переместиться на восточную часть основания мыса,

⁴³ Кругликова 1975, 107.

⁴⁴ Ковальчук 2013, 186–201.

обосновавшись в вышеописанных поселениях.⁴⁵ Последним пунктом нашего обзора побережья Меотиды является практически целиком раскопанное в 1953–1954 и 1957–1962 гг. на площади более 3600 кв. м Семёновское городище.⁴⁶ Воистину этот памятник остаётся эталонным для «римского» периода местной истории и археологии. Но появился он как некое поселение (усадебка?) также в III в. до н. э. Как и в ряде других случаев, самой ранней находкой являлась пантикапейская монета конца IV в. до н. э. Амфорные же клейма (главным образом родосские) по тогдашним датировкам отнесены в основном к последней четверти III — первой половине II в. до н. э. Не противоречат такой датировке первого периода истории поселения и прочие «ранние» керамические находки (обломки «мегарских» чаш, косских, родосских, синопских амфор, «поздней» чернолаковой посуды). Строительные остатки (стены, ямы, вымостки) немногочисленны и малопрезентабельны. Судить об общей планировке памятника по ним не приходится. Да и уцелели они, как и слой, не повсеместно, а в основном на склонах главного холма.⁴⁷ Так или иначе, но стремление первооснователей поселения к уединению (со стороны «степи» оно не видно), а вернее скрытности, укромности и хотя бы минимальной естественной защищённости здесь как бы налицо. Впрочем, это обстоятельство, точнее топографическую особенность местоположения, мы уже могли наблюдать неоднократно на целом ряде вышеприведённых примеров (Полянка, Куль-Тепе, Казантип восточный I и II, отчасти Крутой берег и Золотое-берег).

Теперь обратимся к соответствующим памятникам в глубинке, т.е. в относительно удалённой от того или иного побережья территории полуострова. Напомним, они уже в предшествовавшую эпоху довольно отчётливо делятся как бы на две группы: усадебные комплексы разного размера и планировки и т.н. неукреплённые деревни (селища). Первые (и не без основания) соотносятся с античными строительно-бытовыми традициями и с в основном соответствующим по этносу и культуре населением (условно — дальняя хора городов или «царских» владений). Обитателями вторых, скорее являлись некие варвары с не очень ясным социально-правовым статусом.

«Усадебки», а их известно и раскопано очень немного, обычно привязываются к земельным владениям того или иного полиса. Чаще всего это Пантикапей либо Нимфей. Но, как нам кажется, это вовсе не обязательно. Мы имеем в виду поселения близ сёл Андреевка (Андреевка Южная) и Михайловка. Первое располагалось на невысоком пологом холме в просторной долине, было неукреплённым, но, не исключено, имело ограду. Общая площадь памятника 3 га. Исходя из принятой в её время датировки поздних групп синопских клейм, И. Т. Кругликова определяла его верхнюю хронологическую границу III в. до н. э. или первой половиной следующего века⁴⁸, отмечая при этом отсутствие монет позднее начала III в. до н. э. и обломков родосских и книдских амфор. В конце IV в. до н. э. вместо нескольких обособленных домохозяйств (деревня?) строится весьма солидная по площади многофункциональная усадебка, просуществовавшая, вероятно, весь III в. до н. э. и, может быть, даже до начала II вв. до н. э.⁴⁹ Впрочем, она же осторожно конста-

⁴⁵ Кругликова 1975, 77.

⁴⁶ Кругликова 1970, 4–81.

⁴⁷ Кругликова 1970, 4–81.

⁴⁸ Кругликова 2001, 182–226.

⁴⁹ Кругликова 2001, 187.

тирует, что поздние синопские клейма происходят в основном уже из слоя, перекрывавшего разрушенное основное здание усадьбы. Иными словами, датировка исследовательницей времени её полноценного функционирования ограничена «сверху» первой половиной, серединой III в. до н.э.⁵⁰ Что конкретно представляло собой это поселение в интересующий нас период, осталось неизвестным. Не исключено, усадьба вновь распалась на отдельные «скромные» во всех отношениях домохозяйства. Довольно поздняя и достаточно мощная (до 0,9 м шириной) стена ограды, быть может, была попыткой как-то укрепить посёлок в тревожное время.

По соседству (в нескольких километрах к северу) располагалось ещё одно поселение, топонимически привязанное всё к тому же населённому пункту (Андреевка Северная). Но топография его уже была совершенно иной. Городище (а это, несомненно, было укреплённое поселение) занимало вершину скалистого холма и было известно ещё П. Дюбрюксу. Относительно небольшая площадь, раскопанная за четыре полевых сезона (около 280 кв. м при общей площади памятника около 0,9 га), в немалой степени объяснялась трудоёмкостью работ вследствие наличия мощных завалов камней. (Это обстоятельство вообще чрезвычайно характерно для большинства местных археологических объектов первых веков н. э.) Общее планировочное решение осталось невыясненным, но, скорее всего, городище в период своего расцвета (первые века н. э.) было плотно застроено кварталами относительно небольших однотипных домов-помещений, занимавших невысокие террасы холма внутри крепостных стен. Возникновение же его И. Т. Кругликова относила к «периоду позднего эллинизма» (т.е. II в. до н. э.), после прекращения жизни на только что описанной выше усадьбе⁵¹. Этому самому раннему слою (II–I вв. до н. э.) принадлежали лишь остатки некоего помещения с многоуровневым полом и зерновая яма.⁵² Все они были перекрыты постройками рубежа эр и первых веков н. э.

Немногом больше можно сказать о синхронных слоях и постройках на другом городище «глубинки» — Михайловском (в 19 км западнее Керчи). Оно исследовалось на протяжении 1963–1975, 1977–1984 гг. на достаточно большой площади (около 2000 кв. м) в районе т.н. центрального холма. В итоге почти полностью было раскопано солидное прямоугольное здание усадьбы с мощными внешними стенами, которое, по-видимому, несколько раз перестраивалось, относясь уже к первым векам н. э. Однако, к большому сожалению, из очень невнятного и до обидного краткого описания в единственной посвящённой собственно этому памятнику обобщающей публикации⁵³ составить представление о том, что же собой представляли слои, находки и постройки каждого из выделенных автором раскопок пяти периодов, невозможно. Ясно лишь, что какие-то строения на этом месте существовали в V–III и II–I вв. до н. э. Среди находок тут и в соседнем могильнике упомянуты шесть пантикапейских монет рубежа IV–III — конца II в. до н. э.⁵⁴ И Б. Г. Петерс, и В. Н. Зинько относят остатки этот объекта и следы размежёвки в его окрестностях к дальней хоре Нимфея .

⁵⁰ Кругликова 2001, 192.

⁵¹ Кругликова 2000, 79.

⁵² Кругликова 2000, 80.

⁵³ Петерс 1978, 117–127.

⁵⁴ Петерс 1978, 122.

Самое большое (8–12 га) из античных городищ в глубине полуострова — близ села Белинское, судя по редким находкам (фрагменты амфор от первой половины V (?) до III–II вв. до н.э. среди которых около десятка амфорных клейм, два из которых датируются второй половиной IV в. до н.э., несколько — началом III в. до н.э., по одному — родосское и синопское — II в. до н.э. остальные — II–III вв. н.э.; однако вовсе не встречено обломков «мегарских» чашек — информация нач. экспедиции В. Г. Зубарева и Н. Ф. Федосеева) возникло на месте одного из многочисленных селищ, на высоком берегу излучины степной речки. (Невдалеке, к востоку от т.н. Узунларского вала, находилось одно из таких селищ.) По-видимому, тоже самое можно сказать и о другом крупном городище в урочище Артезиан. Но явные элементы прямоугольной разбивки на местности выявленных тут строительных остатков (хотя и плохой сохранности, но изначально весьма основательных) наряду с соответствующими находками свидетельствуют, что здесь вполне могла существовать и поселение усадебного типа. Среди артефактов: обломки кровельной черепицы и различной амфорной тары, единичные пантикапейские монеты, фрагменты терракот и чернолаковых сосудов. А также нескольких десятков (66 по данным на 2013 г. — информация Н. Ф. Федосеева) синопских и гераклейских клейм. Большинство их датируется второй половиной IV в. до н.э., несколько — началом следующего века, одно — ещё V в. до н.э. и одно II в. н.э. Но клейм и иных находок второй половины III — начала I в. до н.э. нет вовсе⁵⁵. То же самое демонстрируют и раскопки некрополей этих двух поселений.

Достоверной информацией о соответствующих находках на других крупных более поздних глубинных античных памятниках (Илурат, Тасуновское городище, городище Туркмен, Фронтное I, Савроматий) мы не располагаем.

Теперь обратимся ещё раз к анализу хронологии т.н. селищ, не касаясь специально сложной проблемы о причинах их исчезновения, как и вообще перемен на хоре Боспора около рубежа первой и второй третей III в. до н.э.

Безусловной заслугой И. Т. Кругликовой было не только открытие подлинного многообразия памятников сельской территории античного Боспора, но и определение основных закономерностей, вернее этапов её развития. В сущности, все последующие десятилетия идёт накопление нового материала и уточнение основных положений этой «схемы». Не исключение и наши, также достаточно долговременные исследования в Восточном Крыму. Один из главных предложенных ею выводов, как известно, заключается в том, что расцвет сельских поселений IV–III вв. до н.э. сменяется глубоким кризисом, а точнее перестройкой сельского хозяйства Боспора и, соответственно, самым существенным сокращением численности сельских населённых пунктов. Приводимые ею при этом цифры впечатляют и в принципе сохраняют, несмотря на изменившуюся конкретику, всё то же соотношение⁵⁶. Второе, как бы вытекающее из этого заключение состоит в том, что на смену неукреплённым деревням и усадьбам дальней и ближней (городской) хоры приблизительно со второй трети — середины (возможно, немного позднее) III в. до н.э. приходят укреплённые усадьбы (добавим: не сразу и, скорее, некие форты-крепости, а не центры частных земельных владений) и городища,

⁵⁵ Винокуров 1998, 32, а также информация Н. Ф. Федосеева, за которую автор выражает ему искреннюю благодарность.

⁵⁶ Кругликова 1975, 95, 103.

располагавшиеся в удобных для обороны местах (возвышенностях и мысах) преимущественно в прибрежных (уточним — Приазовских) районах полуострова (см. рис 1–2). В своём большинстве эти памятники, несколько или существенно видоизменившись, продолжают существовать вплоть до т.н. готских походов третьей четверти III в. н.э. Это в-третьих. На ряде из них жизнь «теплится» ещё некоторое время и, наконец, замирает вовсе в эпоху гуннского нашествия. Такова общая схема по И. Т. Кругликовой, впоследствии дополненная и даже отчасти пересмотренная в отношении прежде всего заключительного этапа существования античного Боспора и его хоры. Что же касается интересующего нас периода, то характер источников, степень их изученности (раскопанности) и уровень развития вещеведческой хронологии уже тогда заставляли в ряде случаев отказываться от слишком категоричных утверждений и «жестких» временных рамок. Неслучайно сама Ирина Тимофеевна порой как бы сомневалась в определении точного рубежа ранне- и позднеэллинистических эпох в истории боспорской хоры, датируя его то концом первой трети, то серединой, то концом III и даже началом II в. до н.э.⁵⁷ И, как мы видели выше, для этого были известные основания, ещё более очевидные на материалах прежних и относительно недавних раскопок т. н. селищ и в особенности «эталонных» поселений — городищ уже именно рассматриваемой эпохи. Но обо всём по порядку.

Как известно, неукреплённые сельские поселения предшествовавшего периода, условно говоря, на территории дальней боспорской хоры в подавляющем своём большинстве никогда не подвергались не только раскопкам, но и сколь-либо систематическим разведкам или, лучше сказать, наблюдению. Выявленные однажды, они, как правило, уже не посещались исследователями, и соответствующие сборы, наблюдения и оценки практически не пересматривались. (В своём большинстве такие контрольные «пересмотры» просто невозможны по причине отсутствия хранения соответствующих материалов разведок.) Изначально мы уже отмечали этот в некотором роде субъективный недостаток. Добавим, что в силу своего расположения почти все эти памятники в то или иное время и с разной степенью интенсивности подвергались и подвергаются распашке. Впрочем, не будь оной, они вообще в массе своей вовсе не были бы открыты. Но важно другое. Некая естественная закономерность заключается в том, что именно раскопанные памятники этой группы, как правило, демонстрируют большую широту хронологического диапазона, вернее, как бы отступление от исторической схемы. Причём как в ту, так и в другую сторону. В «ту» выражается в том, что у нас появляется всё больше оснований говорить о том, что нижняя дата для целой группы (но, скорее всего, не всех) из них отодвигается с IV в предшествующий век, во всяком случае, до его второй четверти. При этом встаёт и вопрос как о предположительной интерпретации этих ранних селищ (временные или сезонные стойбища), так и о некотором этапе запустения перед последующим взрывообразным расцветом.

Вопрос об уточнении соответствующих датировок уже поднимался нами около двух десятилетий назад. В. Н. Зинько⁵⁸, также касавшийся этой проблематики, но ограниченный в целом нимфейскими материалами, изложил все точки зрения. Более детально и с уточнениями, главным образом, нижних хронологических

⁵⁷ Кругликова 1975, 61–64, 70–79, 95–98.

⁵⁸ Зинько 2007, 166–180.

границ вернулся к этому вопросу на материалах феодосийской округи А. В. Гаврилов⁵⁹. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Иными словами, что же раскопано? Из нескольких сотен поселений и местонахождений более или менее (т.е. на площади хотя бы 50–100 кв. м и больше) было исследовано всего с десятков памятников. Интересующая нас конкретика для района феодосийской округи была представлена в начале данного обзора. Для прочей территории Восточного Крыма она за последние десятилетия не изменилась. Тем не менее повторим эти сведения без указания года работ Восточно-Крымской (И. Т. Кругликова, А. А. Масленников), Акташской (Н. А. Гаврилюк, С. А. Бессонова) и других экспедиций: Марьевка — 525 кв. м; Марфовка западная — 530 кв. м; Слюсареве — 60 кв. м; Сазоновка — 875 кв. м; Айвазовское — 350 кв. м; Золотое-Рожок — 180 кв.м; Золотое плато — 760 кв. м; Кошара — 350 кв. м; Акташское — 500 кв. м; Новопокровка I — 820 кв. м и Новопокровка 3 — 150 кв. м; Журовки I — 75 кв. м и Ореховка 1 — 50 кв. м (самое северо-западное в степной зоне феодосийского региона). Т.е. на всём полуострове доля подвергнутых раскопками селищ в лучшем случае составляет около 3–5 процентов от общего их числа, которое, конечно, определяется приблизительно. Но порядок цифр, вернее их соотношение, близко к истине. Топография и характеристика строительных остатков на этих памятниках, равно как и обнаруженные там находки, в целом и в частности, публиковались уже неоднократно. Для нас, подчеркнём, важна их верхняя хронологическая граница. В своё время мы старались как можно детальнее рассмотреть этот вопрос, вернее соответствующий археологический материал, к чему и на этот раз отсылаем читателя, поскольку новых раскопок, за исключением уже неоднократно упомянутой феодосийской округи, проведено не было. Общий вывод таков: до тех пор, пока специалисты в области клеймоведения окончательно не определятся в своих построениях и датировках (а этого не наступит никогда, если только все спорящие не «склонятся», хотя бы на время, перед авторитетом самого достойного и гениального из них...), следует признать, что резкое сокращение импорта в амфорах наблюдается повсеместно в конце первой трети III в. до н.э. Однако на части (т.е. примерно на каждом третьем-четвёртом из подвергавшихся раскопкам или 15–20 из известных) перечисленных памятников были встречены единичные амфорные (синопские и родосские) клейма практически всех «четвертей» этого же и следующего веков (примерно 40–45 процентов из них — второй четверти III в.). Общая же доля клейм этого времени составляет для всей данной группы памятников ничтожный процент. Правда, для раскапывавшихся он равняется 3–5. С учётом только что сказанного, можно предположить, что по мере роста наших знаний (точнее, числа объектов — поселений и площадей, исследованных раскопками) первый показатель, естественно, будет возрастать. Но вряд ли в обозримом будущем нам придётся стать свидетелями этого.

Монетные находки из прежних раскопок И. Т. Кругликовой и наших ввиду своей немногочисленности (менее двух десятков) мало что добавляют к статистике, предложенной в начале данного повествования. Всё, что нам известно, — это единичные экземпляры пантикапейских медных монет второй — третьей четвертей III в. до н.э. К этому можно добавить «клад» из 8 медных монет середины — последней четверти того же века из погребения Акташского могильни-

⁵⁹ Гаврилов 2004, 27.

ка⁶⁰ и одна — I в. до н. э. из разрушенной гробницы могильника Стоячий камень. Вновь приходится констатировать, что на этих поселениях не зафиксированы находки «мегарских» чаш (что в плане относительной хронологии весьма показательно) и некоторых характерных именно для второй половины — конца III и II вв. до н. э. типов столовой посуды. Последнее, впрочем, не столь «явный» признак. Если, согласно статистическим правилам, «отбросить» случайные и минимальные величины, то приходится признать, что «угасание жизни» на этих памятниках было повсеместным, масштабным, но всё же не единовременно-«мгновенным», то есть не «абсолютным» процессом. Это было нечто вроде «обвала», после которого ещё некоторое время «сыпался грунт и отдельные камни». В принципе, это естественно: ведь даже после каких-то катастрофических природных явлений или вражеских нашествий, она (жизнь) ещё, как принято говорить, теплится, существует как бы по инерции. Однако влияние неких отрицательных факторов, по всей видимости, было вовсе не кратковременным и не «поверхностным». Во всяком случае, приспособляться к новым условиям и тем более возрождать в полном (прежнем) объёме жизнедеятельность на данной территории не стали. Перемена «места жительства» (наряду с прочими обстоятельствами) была массовой и достаточно быстрой. Это привело к появлению новых типов поселенческих структур, формированию иной системы расселения и обороны на ближней и дальней хоре европейского Боспора, доминанте других основных способов хозяйствования и, не исключено, культурно-этническому «симбиозу». (Всему этому есть археологические подтверждения, которых мы в данной работе касаться не будем.) А также к определенным хронологическим «наложениям» в тех случаях, когда новые населённые пункты появлялись на местах относительно недавно основанных, немногочисленных поселений иной типовой принадлежности. Последнее обстоятельство и, главным образом, максимально полная характеристика этих эталонных памятников III–II вв. до н. э. станет следующей задачей нашего исследования. Завершив же данную публикацию констатацией ещё раз того, что почти все «позднеэллинистические» поселения дальней хоры являлись городищами в принятом среди археологов смысле. Но в одних случаях их локальная топография, т.е. природные условия напрямую служили в качестве естественных укреплений, в других — они практически (кроме прибрежного расположения) никаких преимуществ в этом плане не предоставляли, а в-третьих как бы призваны были спрятать, укрыть эти населённые пункты от сопредельного пространства с его вероятными опасностями.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т. М. 1970: Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. 155, 82–149.

Батасова А. В. 2013: О новых подходах к изучению поселений хоры греческих городов // БЧ. XIV, 31–36.

Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. 2010: Разведки северо-восточной оконечности Керченского п-ова // АДВУ 2009 г. ИА НАНУ, 28–31.

Бейлин Д. В., Бейлина С. А., Куликов А. В. 2011: Разведки в северо-восточной части Керченского п-ова // АДВУ 2010 г. ИА НАНУ, 32–33.

⁶⁰ Куликов 2003, 222–234.

- Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А.* 2012: Разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // АДвУ 2011 г. ИА НАНУ, 12–16.
- Вахтина М. Ю.* 2002: Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. I, 94–98.
- Веселов В. В.* 1959: Археологические разведки в восточной части Керченского п-ова // СА. XXIX–XXX, 227–238.
- Веселов В. В.* 2005: Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг // ДБ. II, 264.
- Винокуров Н. И.* 1994: Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора // РА. 4, 154–170.
- Винокуров Н. И.* 1998: Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.
- Гаврилов А. В.* 2004: Округа античной Феодосии. Симферополь.
- Гаврилов А. В., Голенко В. К., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г.* 2006: Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. 10, 144–155.
- Гаврилов А. В.* 2010: Результаты обследования следов размежёвки в окрестностях мыса Чауда и оз. Качик на Керченском п-ове // ДБ. 14, 88–104.
- Гаврилов А. В.* 2011: Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Археологический альманах. Донецк.
- Гаврилов А. В.* 2012: Исследования античного поселения Новопокровка 3 // АДвУ 2011 г. ИА НАНУ, 32.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* 2012: Исследования могильника городища Куру-Баш // АДвУ 2011 г. ИА НАНУ, 33–34.
- Гайдукевич В. Ф.* 1941: Укрепленная villa-rustica на Темир-Горе // СА. VII, 45–60.
- Гайдукевич В. Ф.* 1958: Виноделие на Боспоре // МИА. 85, 352–457.
- Гайдукевич В. Ф.* 1959: Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 69, 154–238.
- Гайдукевич В. Ф.* 1981: Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города / А. Л. Якобсон (ред.). Т. II, 55–75.
- Голенко В. К.* 2007: Древний Киммерик и его округа. Симферополь.
- Горончаровский В. А.* 1991: Новые данные для изучения боспорской хоры в VI–II вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов. Одесса, 23–24.
- Горончаровский В. А.* 1996: Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов. Одесса, 31–32.
- Гриневич К. Э.* 1927: Археологические разведки в северо-восточной части Керченского п-ова // ИТОИАЭ. I, 47–52.
- Ермолин А. Л.* 2002: Расписной склеп некрополя поселения Кёзы — северное // Боспор Киммерийский Понт и варварский мир в период античности и раннего средневековья. Сборник материалов III боспорских чтений / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 82–87.
- Ермолин А. Л.* 2010: О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 14, 130–161.
- Ермолин А. Л., Федосеев Н. Ф.* 2011: Переправа — Порт-Мион — «традиционный Порфмий» // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 210–218.
- Зинько В. Н.* 1994: Охранные археологические исследования в Керчи 1993 г. Симферополь.
- Зинько В. Н.* 1999: Античное сельское поселение близ Мирмекия // АИБ. III, 133–142.
- Зинько В. Н.* 2007: Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н. э.) // Боспорские исследования / С. Д. Крыжицкий (ред.). Т. XV. Симферополь; Керчь.

- Зинько А. В.* 2011: Разведки на сельской территории Тиритаки // АДВУ 2010 г., ИА НАНУ, 116–117.
- Зинько В. Н., Бейлин Д. В., Зинько А. В.* 2009: Исследования боспорской охранно-археологической экспедиции в 2006–2007 гг. // АДВУ 2006–2007 гг., ИА НАНУ, 106–108.
- Кирилин Д. С.* 2008: Археологические раскопки Керченского историко-археологического музея в д. Огоньки в 1964–1965 гг. // Научный сборник Керченского заповедника / Н. Н. Симонова (ред.). Т. II. Керчь, 247–311.
- Кислый А. А.* 2005: Поселение Глейки II. Новые данные о «Боспорском феномене» // ДБ. 8, 222–234.
- Ковальчук А. В., Масленников А. А.* 2011: Поселение «Мыс Безымянный» в Крымском Приазовье // ДБ. 15, 216–227.
- Ковальчук А. В.* 2013: Поселение Казантип восточный II // ДБ. 17, 186–201.
- Корпусова В. Н.* 1983: Некрополь Золотое. Киев.
- Кругликова И. Т.* 1956: Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря // СА. XX, 231–246.
- Кругликова М. Т.* 1970: Раскопки поселения у дер. Семёновка // МИА. 155, 4–81.
- Кругликова И. Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
- Кругликова И. Т.* 1998: Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ. 1, 143–185.
- Кругликова И. Т.* 2000: Раскопки поселения Андреевка северная // ДБ. 3, 78–96.
- Кругликова И. Т.* 2001: Поселение Андреевка южная // ДБ. 4, 182–226.
- Котин М. А.* 2012: Разведки на мысу Ак-Бурун в Керчи // АДВУ 2011 г. ИА НАНУ, 57.
- Кубланов М. М.* 1961: Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. 83, 91–94.
- Куликов А. В.* 2003: Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник материалов IV боспорских чтений / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 152–159.
- Куликов А. В.* 2003: Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // БЧ. II, 152–159.
- Куликов А. В.* 2003: Монетные комплексы второй половины III в. до н. э. (К вопросу о времени завершения денежного кризиса на Боспоре // БИ. III, 222–234.
- Столяренко П. Г.* 2013: Поселение Капканы I в г. Керчь // БЧ. XIV, 444–449.
- Федосеев Н. Ф.* 1999: Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. III, 61–102.
- Федосеев Н. Ф.* 2009: Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // БЧ, 448–458.
- Шевченко Т. М.* 2009: Археологические разведки в районе озера Тобечик // АДВУ 2006–2007 г. ИА НАНУ, 468–470.
- Шепко Л. Г., Соловьёв С. Л., Папуцы-Владыко Е., Ахмадеева М. М.* 2011: Работы у с. Заветное Ленинского р-она АР Крым // АДВУ 2010 г. ИА НАНУ, 368–370.
- Шепко Л. Г., Соловьёв С. Л.* 2012: Структура сельского поселения Европейского Боспора (на примере поселения Заветное-5) // БЧ. 469–476.
- Шестаков С. А.* 1999: К вопросу о локализации боспорского города Гермисия // АИБ. III, 103–112.
- Scholl T., Zin`ko V.* 1999: Archaeological Map of Nymphaion (Crimea) Institute of archaeology Polish Academy of sciences. Warsaw.

EUROPEAN BOSPORUS RURAL TERRITORY DURING LATE HELLENISTIC PERIOD (STATISTICS AND TOPOGRAPHY)

A. A. Maslennikov

This is a chronological and topographic survey of European Bosphorus rural settlements (Kerch Peninsula) during late Hellenistic period (about the mid-3rd century BC — the turn of the 2nd — 1st centuries BC). Both close-by urban and remote state chora are characterized by a sharp reduction in the number of monuments, which is supported by new research. Remote settlements fall into two groups. The first group, mainly of the earlier times, comes under the heading of “ephemeral” ones that kept on functioning but on a very limited scale during several decades after some dramatic changes about the mid — 3rd century BC. The second group comprised actually new urban settlements and fortified homesteads, chiefly in Pryazovie. The latter are distinguished by some topographic features, first of all by natural fortifications. The so-called model settlements of the turn of the 2nd and 1st centuries BC are of special chronological, stratigraphic and layout interest.

Key words: European Bosphorus, rural territory, settlement chronology and topography, excavations, prospecting, historical interpretation

© 2013

Н. Ф. Федосеев

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ АПАТУРА, КЕП И СТРАТОКЛЕИ

Автор предлагает новую локализацию городища Апатуриона, который размещает на месте ныне локализуемых Кеп. Кепы автор предлагает искать на поселении, именуемом «Седьмой километр» или «Тамань 3». Стратоклея располагалась на месте посёлка Приморское (в 5 км к юго-западу от Фанагорийского городища). Здесь по карте Я. М. Паромова располагается памятник «Приморский 23». Такая локализация хорошо согласуется с данными Плиния, который упоминает Гермонассу, Кепы, Стратоклею, Фанагорию и «опустелый» Апатурион.

Ключевые слова: Апатур, Кепы, Стратоклея, Гермонасса, Фанагория, клейма, Ахтанизовский лиман, Корокондамитское озеро

Сегодня мы должны констатировать, что локализация ряда памятников Азиатского Боспора гипотетическая и доказательная база есть далеко не у всех привязок упомянутых античными авторами поселений. Бесспорным, пожалуй, можно назвать лишь Горгипию, остальные же названия правильнее было бы считать традиционно устоявшимся. Это в полной мере относится и к локализации городища Кепы и Апатура. Для первого известно, что он основан милитянами и находился «при въезде в Корокондамитиду» сразу после Фанагории (Strabo XI. II). В опубликованном недавно монументальном труде авторы обобщающей статьи о Кехах пишут, что данные Страбона весьма путаны и в пользу расположения Кеп

Федосеев Николай Федорович — кандидат исторических наук, заместитель директора Керченского историко-культурного заповедника. E-mail: bospor@bk.ru

на восточном берегу Таманского залива говорят находки материала первой половины VI в. до н. э.¹ Этим доказательства локализации исчерпываются.

Относительно святилища Афродиты Апатура — Апатуриона — литература более пространная. Ф. Дюбуа де Монперё² и Г. А. Кошеленко³ считали, что Апатур находился в районе древней Фанагории. М. И. Ростовцев предполагал, что Апатур находился в Тамани, в районе разрушенной турецкой крепости⁴. С ним согласен С. Р. Тохтасьев⁵, который предположил, что Апатура в настоящее время, может уже не существует. М. О. Поночевный⁶, В. Ф. Гайдукевич⁷ и вслед за ними Н. П. Розанова⁸ помещали Апатур в районе Цукурского лимана. Святилище Афродиты — Апатур И. Д. Марченко видит в раскопанном ею культовом комплексе⁹. В. П. Яйленко¹⁰ и И. Ю. Шауб полагают, что святилище Афродиты существовало в Кепях, само название которых связано с культом богини¹¹. Н. И. Сокольский отождествил Апатур с раскопанным им комплексом на Фанталовском полуострове¹². В. Д. Кузнецов считает, что Апатур находился к западу от Фанагории и связывает с ним поселение «Приморский 23»¹³.

Все исследователи опирались на сообщения античных авторов (Гекатея Милетского и Страбона), а также эпиграфические находки с упоминанием имени Афродиты. Нужно отметить, что таких находок было сделано множество и в разных центрах не только Азиатского Боспора, но и Пантикапея. Следовательно, эти артефакты фиксируют большое распространение этого культа, но не служат доказательством локализации Апатура.

В стороне от внимания исследователей осталась одна группа материалов, которая, на мой взгляд служит, определяющим в локализации Апатура — черепичные клейма. Черепичные клейма с именами Горгиппа помогли исследователям идентифицировать Горгиппию в месте их массовых находок — в Анапе.

Известны два типа черепичных клейм (с лунарной и ломаной сигмой) с именем АФРОДИТΗΣ на черепичных клеймах¹⁴. Все они, кроме одного, который был обнаружен в Фанагории, были найдены на месте раскопок поселения, именуемого Кепами (рис. 1). В первых публикациях в этих клеймах восстанавливали имя Афродисий. Правильную интерпретацию этим клеймам дала А. В. Ковальчук — черепица с этими клеймами предназначалась для храма Афродиты¹⁵. Учитывая, что здесь же были обнаружены мраморная скульптура знаменитой «Афродиты Таманской», мраморный лутерий с посвящением Афродите, постамент с посвящением

¹ Журавлев, Кузнецов 2010, 541.

² Montrégeux 1849.

³ Кошеленко 2010, 354–417.

⁴ Ростовцев 1914, 218.

⁵ Тохтасьев 1986, 141.

⁶ Поночевный 1891, 60.

⁷ Гайдукевич 1949, 197, 201.

⁸ Розанова 1951, 212.

⁹ Марченко 1977, 126.

¹⁰ Яйленко 1977, 221.

¹¹ Шауб 2007.

¹² Сокольский 1976, 78.

¹³ Кузнецов 2013, 323.

¹⁴ Федосеев 2011, 299.

¹⁵ Ковальчук 2007, 316.

дочери Спартока III за брата Перисада, многочисленная посуда предназначенная для посвящения, граффито жреца Мольпагора, которое свидетельствует, что в Кепях, уже начиная с архаического времени, существовал храм Афродиты¹⁶. Святилище Афродиты на западной поселенной просуществовало по крайней мере до эллинистического периода, более того, авторы раскопок говорят о существовании как минимум двух храмов Афродиты.

Еще одно интересное наблюдение на материалах некрополя, что жители этого поселения не были милетцами, о чем писал Псевдо-Скимн, сделали Н. И. Сударев¹⁷. Все это заставляет меня присоединиться к сомнениям, что городище у пос. Пескокарьер — не «небольшой городок Кепы». Обилие памятников связанных с Афродитой еще с VI в. до н.э. подталкивает к выводу, что это Апатур. Такой вывод никак не противоречит сообщениям, что Апатур находился на хоре Фанагории. Именно Фанагория дает большое количество находок, связанных с культом Афродиты¹⁸. Эта точка зрения соприкасается с теми, кто располагал Апатур в Фанагории.

Новая локализация Апатура требует поиска и нового расположения Кеп. По сведениям Страбона Кепы находились между Фанагорией и Гермонассой. Локализация этих центров представляется достоверной. Известно также, что Фанагория и Кепы находились на одном острове. Учитывая, что геоморфология Тамани со времен Страбона сильно изменилась, в локализации Кеп следует исходить не из современной карты, а реконструкции берегов античного периода. Представленная С.П. Лозовым и Е.В. Добровольской карта Тамани в античное время¹⁹ мне кажется нереальной. Такая идеалистическая картинка может существовать лишь на бумаге, в реальности же под действием течений нарисованные контуры могут измениться в самое короткое время. Гораздо ближе к реальности карта Я. М. Паромова²⁰, где Таманский лиман соединяется с Ахтанизовским протокой, а вторая протока существовала ближе к Тамани через озеро Яновского (см. рис. 2). Из Ахтанизовский лиман в древности соединялся с Меотидой. Дюбуа де Монпере писал о том, что в этом месте находилось ныне высохшее главное русло древней реки Антикита-Гипаниса, упоминаемого Страбоном. Более того, Дюбуа говорит, что «не более ста лет до него суда проезжали по этому пути»²¹. Директор отделения древностей Эрмитажа Ф. Жиль на месте проверил предположение Дюбуа. Осмотрев местность от озера, лежащего на северо-запад от Ахтанизовского лимана, он удостоверился, что до самой Шимарданской бухты степь пересекает весьма заметное и на простой глаз углубление. С высоты степи обращаясь к югу, он увидел в направлении от озера к бухте плоский пояс с темным оттенком, отделяющимся от зелени степи, а на всем протяжении пояса — огромное множество кустов осоки. Этот плоский пояс, по мнению Ф. Жили, был образован руслом прежнего рукава реки Кубани²².

¹⁶ Журавлев, Кузнецов 2010; библиографию см.: АНК, 1. 118.

¹⁷ Сорокина, Сударев 2000, 199–200.

¹⁸ См. последнюю надпись: Кузнецов 2006, 157.

¹⁹ Лозовой, Добровольская 2010, 133.

²⁰ Паромов 1992.

²¹ Montpéroux 1849, 79–80.

²² Герц 1898, 27.

Рис. 1. Клейма храма Афродиты.

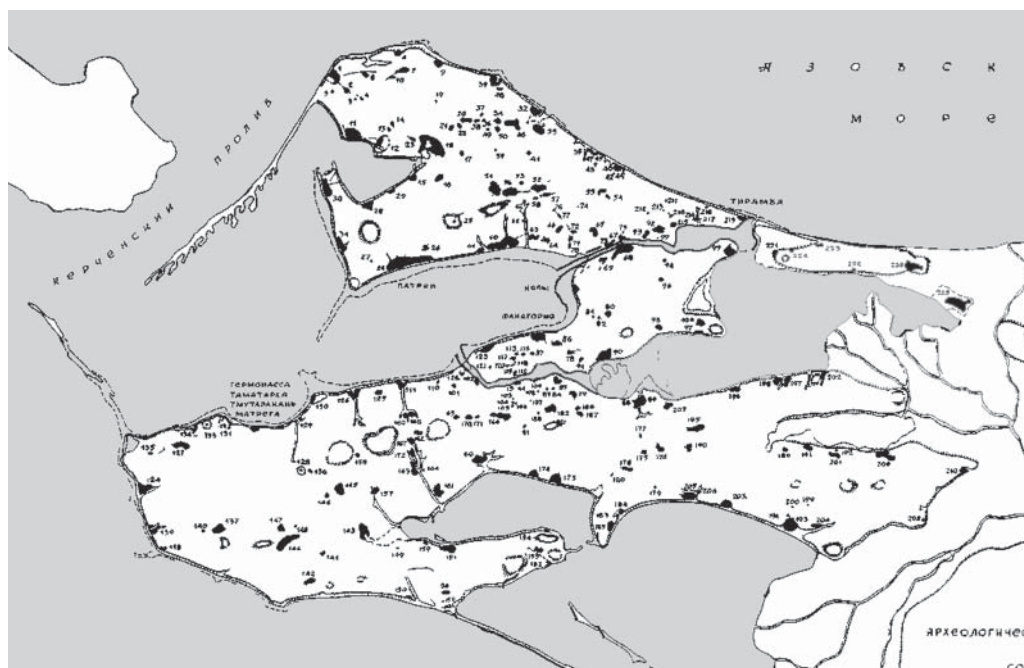

Рис. 2. Реконструкции берегов Таманского полуострова в античный период. (По Я. М. Паромову, 1992).

В. Г. Тизенгаузен к этим доказательствам прибавляет еще одно: «На всей вышеупомянутой полосе не встречается ни одного кургана, тогда как по обе ее стороны, т. е. на обоих берегах древнего русла, курганы воздвигались во множестве. Ясно, что протекавшая здесь некогда река не позволяла насыпать в этом месте курганы»²³.

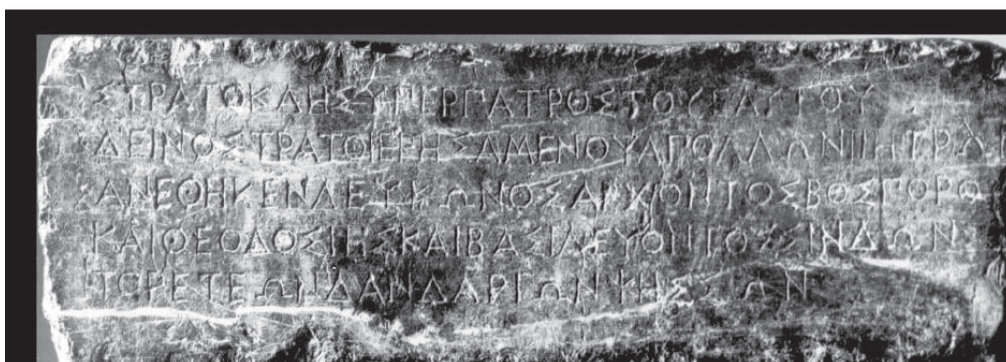
Таким образом, слова Страбона, что Фанагория находилась на острове, достоверны. Достоверным же следует признать, что Фанагория и Кепы находились с левой стороны для входа впадавшего в Корокондамитское озеро — сначала значительный город Фанагория, затем Кепы. Если путешественник двигался из Меотиды через первую протоку, то противоречия не возникает.

Так где находились Кепы? Все шансы для локализации Кеп существуют на поселении «Седьмой километр» или «Тамань 3»²⁴. В. Д. Блаватский считал, что «наиболее интенсивная жизнь на данном поселении была в конце VI–V и III–II вв. до н.э.». Размеры памятника 800 x 600 м, площадь около 23 га. Поселение разделено балкой на две части (западную — около 9 га, и восточную — 14 га). Фиксация среди подъемного материала боспорской черепицы свидетельствует о наличии на поселении богатых построек и отнесении его к городским структурам. Странным выглядит отнесение его Я. М. Паромовым к сельским поселениям²⁵. Датировка памятника по подъемному материалу VI в. до н.э. — III в. н.э., а также X–XI вв.

²³ Герц 1898, 27–28.

²⁴ Блаватский 1955, 58, 88; 1959, 46–47. Паромов 1992.

²⁵ Паромов 1992.

1

2

Рис. 3. 1 — Посвящение Стратокла (КБН, №6); 2 — Посвящение Горгиппа (КБН, №1015).

Плиний упоминает Гермонассу как первый город, лежащий при входе в Боспор, затем (интересна последовательность) Кепы, Стратоклея и Фанагория, почти опустелый Апатур (Plin. NH. VI. 6).

Эта последовательность служит еще одним доказательством в правильности локализации Кеп. По поводу Стратоклеи и ее локализации у исследователей нет ясности. Единственной работой, посвящённой этому, остаётся статья А. А. Сибирского, появившаяся ещё в 1878 г. Автор, исходя только из общеисторических построений, выдвинул по-своему привлекательную гипотезу, согласно которой, данный городок был основан афинянами при архонте-эпониме Стратокле в 425 г. до н. э. С данными событиями А. А. Сибирский связывал и появление одного из типов местной синдской серебряной монеты с изображением совы²⁶. Возможно, что Стратокл, упомянутый в пантикапейском посвящении (КБН, №6), подобно Горгиппу (КБН, №1015) (рис. 3), и был тем самым человеком, в честь кого и была названа Стратоклея.

Единственный, кто попытался локализовать Стратоклею, был А. А. Масленников²⁷, который пришел к выводу, что им могло быть поселение расположенное на месте посёлка Приморское (в 5 км к юго-западу от Фанагорийского городища). Здесь по карте Я. М. Паромова располагается памятник «Приморский 23» (рис. 4),

²⁶ Сибирский 1878, 121–129.

²⁷ Масленников 2004.

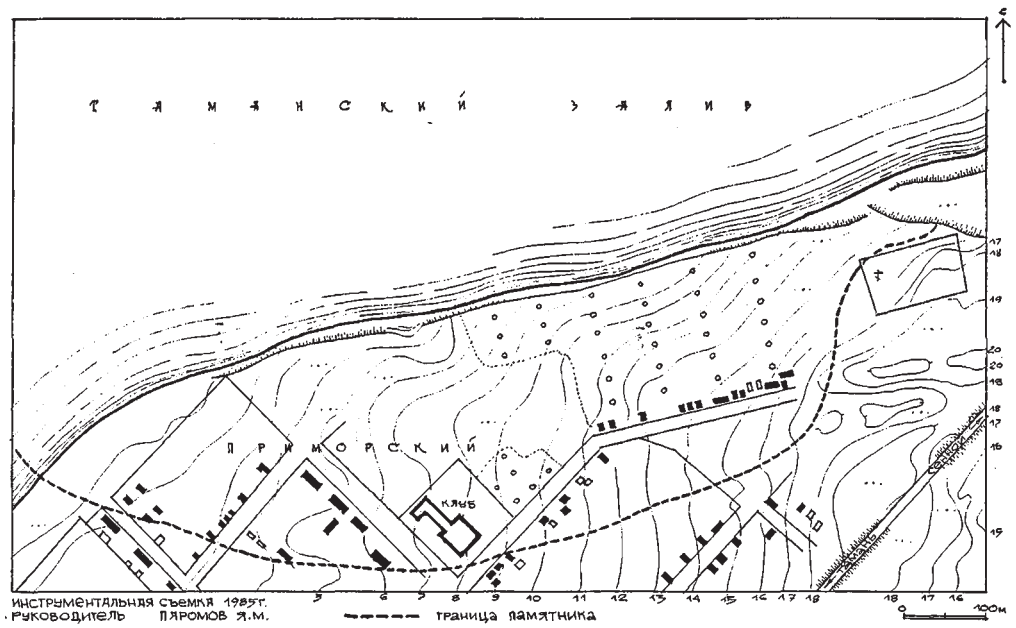

Рис. 4. Схема размещения памятника «Приморский 23». (По Я. М. Паромову, 1992).

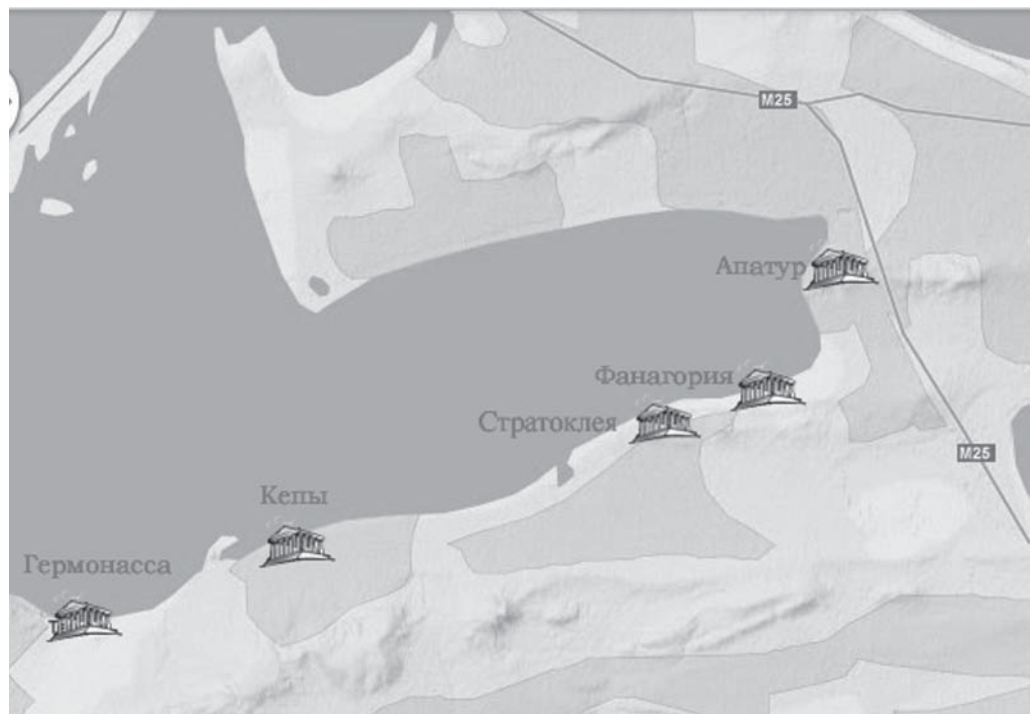

Рис. 5. Локализация памятников в Таманском заливе.

который обозначен на карте С. Ф. Войцеховского под № 22 как «следы античной культуры». Из данного поселения проходили древние дороги к Фанагории и к югу, в сторону поселения «Виноградный I». Размеры памятника 1200x300 м, площадь около 26 га. С этого места происходят замечательные находки: прежде всего, это боспорские монеты, в том числе и достаточно ранние и редкие. Среди них встречаются пантикапейские серебряные монеты VI–V вв. до н. э., кизикины и монеты «синдов»²⁸. Есть информация о других интересных предметах (фрагменты архитектурных деталей; надпись времени Митридата VI и Фарнака²⁹), а главное, о наличии в этом месте достаточно мощных и насыщенных культурных напластований.

Таким образом, локализация Стратоклеи на месте поселка Приморский хорошо согласуется с данными Плиния, который, повторюсь, упоминает Гермонассу, Кепы, Стратоклею, Фанагорию и «опустелый» Апатурион (рис. 5).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский В. Д.* 1955: Третий год работы в Синдике (1952 г.) // КСИИМК. 58, 88ю
Блаватский В. Д. 1959: Пятый год работ в Синдике (1954 г.) // КСИИМК. 74, 46–47.
Виноградов Ю. Г. 1991: Фанагорийские наемники // ВДИ. 4, 14–33.
Гайдукевич В. Ф. 1949: Боспорское царство. М.; Л.
Герц К. К. 1898: Археологическая топография Таманского полуострова // Собрание сочинений Т. 2. СПб.
Голенко К. В. 1977: Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 37–41.
Журавлев Д. В., Кузнецов В. Д. 2010: Кепы // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.
Ковальчук А. В. 2007: Черепица с именем Афродиты из Кеп // Боспорский феномен. СПб., 314–316.
Кошеленко Г. А. 2010: Религия и культы // Античное наследие Кубани. Т. 2. М.
Кузнецов В. Д. 2006: Новые надписи Фанагории // ВДИ. 1, 314–316.
Кузнецов В. Д. 2013: Апатур. Фанагория. Результаты археологических исследований. М.
Лозовой С. П., Добровольская Е. В. 2010: Природные условия региона // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.
Марченко И. Д. 1977: О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 121–126.
Масленников А. А. 2004: Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула.
Паромов Я. М. 1992: Археологическая карта Таманского полуострова. М.
Поночевный М. О. 1891: Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Ч. II. Екатеринодар.
Розанова Н. П. 1951: К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 2, 210–213.
Розов В. Н. 1983: Боспорские монеты VI–V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.) // СА. 2, 109–116.
Ростовцев М. И. 1914: Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. Санкт-Петербург.
Сибирский А. А. 1878: Воспорский город Стратоклея и новая монета синдов // Труды III Археологического съезда в Киеве в августе 1874 года. Киев, 121–129.
Сокольский Н. И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалика. М.

²⁸ Розов 1983, 109–116. Голенко 1977, 37–41.

²⁹ Виноградов 1991, 14–33.

Сорокина Н. П., Сударев Н. И. 2000: Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // STRATUM plus. 3, 193–204.

Тохтасьев С. Р. 1986: Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 2, 138–145.

Федосеев Н. Ф. 2011: Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК. 4, 277–308.

Шауб И. Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.

Яйленко В. П. 1977: Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 216–224.

Montpéroux, Du Bois de Fr. 1849: Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, Géorgie, Arménie et en Crimée i avec un atlas geographique, pittaresque, acheologique, geologique etc. V. Paris.

ON LOCATING APATURION, KEPOI, AND STRATOKLÉA

N. F. Fedoseyev

The author suggests new localization of the ancient settlement Apaturion that in his opinion was in situ of Kepoi. And one should look for Kepoi at the settlement ‘The Seventh Kilometer’ or ‘Taman 3’. Stratokléa was located on the territory of residential settlement Pimorskoye (5 km south-west of Phanagoria ancient settlement). There is a monument “Primorsky 23” here according to Ya. M. Paramonov’s map. Such localization correlates very accurately with the data of Pliny who mentioned Hermonassa, Kepoi, Stratokléa, Phanagoria, and deserted Apaturion.

Key words: Apaturion, Hermonassa, Kepoi, Stratokléa, Phanagoria, brands, Akhtanizovsky liman, Korokondamit lake

© 2013

В. Л. Строкин

ПЕРИКЛ И БОСПОРСКИЙ «ГОРДИЕВ УЗЕЛ»

Исходя из доминирующего в историографии мнения, что главной задачей Понтийской экспедиции Перикла являлось решение продовольственной проблемы в Аттике, а в афинских источниках IV в. до н.э. понятия «Понт» и «Боспор» синонимичны, автор предлагает такую трактовку сообщения Плутарха об этой экспедиции (Plut. Per. 20): «Прибыв на Боспор с крупным и блестяще снаряженным флотом, (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города... (На обратном пути) он оставил синопейцам 13 кораблей под начальством Ламаха и отряд воинов против тирана Тимесилея...». В соответствии с этим автор предлагает такой маршрут экспедиции Перикла: Афины–Боспор Киммерийский–Синопа–Афины. Предполагается также, что в ответ на эту военно-морскую акцию Афин, проведенную в 437 г., Спарток I совершил переворот в Пантикапее, а затем блокировал Керченский пролив в районе косы Тузла дамбой из затопленных судов.

Ключевые слова: Афины, Перикл, Боспор Киммерийский

Строкин Владимир Леонидович — независимый исследователь. E-mail: strokinroll@mail.ru

Несмотря на весьма основательную изученность чрезвычайно скудных аутентичных данных о предпринятой выдающимся лидером Афин V в. до н.э.¹ Периклом военно-морской экспедиции в Черное море — краткая информация о ней сохранилась лишь у Плутарха (Per. XX), — вернуться к этому сюжету побуждает последняя по времени выхода в свет большая аналитическая статья И. Е. Сурикова (1999); судя по отсутствию критических замечаний², она вполне адекватно отражает взгляды современных исследователей на цели, общий ход и итоги этого предприятия. Однако далеко не со всеми из высказанных историком соображений можно безоговорочно согласиться, о чем, собственно говоря, далее и пойдет речь.

Обзор статьи, пожалуй, имеет смысл начать с конца ее вводной части, и прежде всего обозначить главные пункты итогового заключения: перед экспедицией отнюдь не стояла задача по вовлечению в Архэ черноморских городов — она «была связана с решением хлебной проблемы», поэтому «ее основную цель следует искать на северном берегу Понта»³. Эти тезисы вряд ли нуждаются в комментариях, поскольку в наши дни обрели характер едва ли не общепризнанных фактов⁴, чего нельзя сказать, например, о следующем категорическом заключении: «...уж если Ольвия стала членом Афинского морского союза, то это могло произойти только в связи с понтийской экспедицией Перикла»⁵. При этом И. Е. Суриков ссылается на два ольвийских документа: декрет в честь синопского тирана Тимесилея, свергнутого по приказу Перикла (Plut. Per. XX), и фрагмент Афинского Монетно-метрологического декрета (IG. II. 1453). Не будучи специалистом в области палеографии, не берусь судить о правомерности отнесения этих памятников ко времени анализируемой экспедиции (437/6 гг.)⁶, и все же место для сомнений оставляет по-прежнему неразрешенная проблема датировки Афинского ММД⁷, а также ряд других моментов. Для прояснения ситуации с маршрутом движения флота Перикла представляется целесообразным заново рассмотреть весь комплекс имеющихся данных, тем или иным образом к причастных к этому сюжету: литературных, археологических, нумизматических, географических и природно-климатических. Пожалуй, здесь опять же имеет смысл начать с конца и в первую очередь сказать несколько слов о климатических особенностях черноморского региона.

Известно, что в древности зимней навигации практически не существовало — в Средиземноморье судоходный период длился примерно с середины марта до середины ноября (Veget. De re milit. IV. 39), а в Черном море — и того мень-

¹ Далее все даты указаны до н.э., кроме отдельно оговоренных случаев.

² Автору этих строк известно лишь краткое замечание М. Ф. Высокого: предложенный И. Е. Суриковым маршрут экспедиции — каботажный обход левой части Черного моря и возвращение в Афины морским путем (Суриков 1999, 111–112) — представляется исследователю «весьма убедительным, кроме одного: использования афинянами «короткого пути» из Торика в Амис и, соответственно, полного игнорирования основной части Восточного Причерноморья» (Высокий 2004, 412).

³ Суриков 1999, 104, 112.

⁴ Гайдукевич 1949, 52, 53; Карышковский 1959, 76; Виноградов 1989, 132; Кузнецов 2000, 107–109; Завойкин 2004а, 105.

⁵ Суриков 1999, 110.

⁶ Суриков 1999, 102. Однако, по мнению П. О. Карышковского, ольвийский фрагмент Монетно-метрологического декрета «по характеру букв относится к концу V в. до н.э... и, само собой разумеется, не старше конца 20-х гг.» (Карышковский 1959, 71).

⁷ См.: Стрелков 1999, 34, 35; Строкин 2009а, 153 сл.

ше⁸; достаточно вспомнить о печальной судьбе флотилии Ламаха, уничтоженной штормом у берегов Гераклеи в 424/3 г. (Thuc. IV. 75; Diod. XII. 72. 4; Just. XVI. 3, 9, 10). Отсюда следует, что при планировании экспедиции в Черное море Периклу приходилось считаться не только с его внушительными размерами, но и с суровым нравом, а значит, данный поход, будучи довольно жестко лимитированным во времени, мог задумываться лишь в виде некой локальной акции⁹. В пользу такого заключения может свидетельствовать также то, что «первый гражданин Афин» (со свойственным ему авторитарным стилем руководства — Plut. Per. XV–XVII), вряд ли мог позволить себе надолго покинуть пределы родины. Вот и в данном случае он явно стремился поскорее вернуться к домашним делам — ведь недаром же фактически уклонился от личного участия в синопской военной операции (Plut. Per. XX). Всё это ставит под серьезное сомнение саму возможность осуществления афинским флотом каботажного обхода левой части Черного моря (равно как и правой). Более того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что названная И. Е. Суриковым Ольвия вряд ли могла привлечь к себе внимание Перикла.

Отмечая катастрофический упадок аграрной хоры города в 470–460-х гг. (вследствие давления скифов¹⁰), В. Д. Кузнецов акцентирует внимание на том, что не только в этот период, но и в V в. вообще экспорт зерновых отсюда «не мог идти ни в какое сравнение с боспорским»¹¹. В справедливости этого тезиса, равно как и в том, что в обозреваемое время Ольвия являла собой своего рода «медвежий угол» убеждает также засилье меди в ее денежном обращении¹² и отсутствие поперечных морских путей в западной части Черного моря¹³. Приведенных сведений, пожалуй, вполне достаточно для уверенного исключения города из маршрута анализируемой экспедиции. Более того, имеются достаточно веские основания утверждать, что не только Ольвия, но и все прочие города западной части Черного моря были вовлечены в Архэ лишь после начала Пелопоннесской войны (когда афиняне уже не гнушались «тащить с миру по нитке»). Думать так заставляет как отсутствие их в хорошо сохранившихся списках фороса Афинского союза за 432/1 г.¹⁴, так и отсутствие в них монетных чеканок вплоть до самого

⁸ Шелов-Коведяев 1985, 43.

⁹ На чем справедливо заострил внимание Брашинский И. Б. (1958, 118).

¹⁰ Как раз во времена Перикла враждебные настроения скифов к Ольвии резко усилились (по-сле насильственной замены Скила Октамасадом — Herod. IV. 78–80).

¹¹ Кузнецов 2000, 108, прим. 3.

¹² Зограф 1951, 121 сл.; Карышковский 1988, 41 сл.; Анохин 1989, 11 сл. Что касается «эминаков», то, независимо от датировки этих редких серебряных монет — начиная примерно с 480 г. и вплоть до 400 г. (см.: Карышковский 1959, 96), — они, будучи «каплей в море» ольвийской меди, заведомо не могли играть сколько-нибудь заметной роли в денежном обращении города (Зограф 1951, 127). Более того, в «эминаках» невозможно усматривать даже неудачную попытку его оздоровления — это полностью исключается фактом выпуска монет лишь одного и притом крупного номинала (дидрахм) при отсутствии мелких фракций серебра. Все это заставляет видеть в «эминаках» некий экстраординарный выпуск, о природе которого можно лишь гадать. Для полноты картины следует упомянуть и о другой «капле» раннего ольвийского серебра: явно эпизодический выпуск двух мелких номиналов (обол и гемиобол) был предпринят около 403 г. (Карышковский 1959, 98) или около 410 г. (Анохин 1989, 104, № 24–25).

¹³ Такой вывод непосредственно вытекает из сообщения Геродота (IV. 86), на что резонно обратил внимание И. Е. Суриков (Суриков 1999, 106).

¹⁴ Как, впрочем, и городов Причерноморья вообще. Несколько забегая вперед, всё же хотелось бы заметить, что отсутствие ряда боспорских и южнопонтийских городов в трибунных списках,

конца V в.¹⁵; последнее является верным признаком неразвитости внешнеторговых связей, обусловленной низким экспортным потенциалом¹⁶. Экстраполируя эти сведения на вышеозначенную главную цель анализируемой экспедиции, мы приходим к необходимости исключить из ее маршрута не только район Нижнего Побужья, но и всё Западное Причерноморье, что в свете единственной из известных нам военных операций афинян в Понте — Синопской — диктует необходимость ограничить сферу их оперативных действий восточной частью черноморского бассейна. Далее следует заострить внимание на ярко выраженном оттенке второстепенности, свойственном этой акции, — Перикл возложил ее проведение на своего помощника Ламаха (Plut. Per. XX). Причем уже один этот факт красноречиво свидетельствует о наличии в восточной части Черного моря некоего иного района, оказавшегося в сфере особого внимания лидера Афин, — ведь Перикл счел необходимым лично повести туда крупную военно-морскую эскадру (в отличие от Синопы, где была задействована лишь небольшая флотилия Ламаха, насчитывавшая 13 кораблей, — Plut. Per. XX).

Отметив этот ключевой момент, уместно вернуться к вышеозначенной главной цели экспедиции и напомнить общеизвестное: в указанной части черноморского бассейна был лишь один регион, сумевший наладить массовое товарное производство зерновых, начиная примерно с последней четверти VI в., — боспорский¹⁷ — гористые малоазийское и кавказское побережья для этого совершенно непригодны. Неудивительно поэтому, что уже в архаическую эпоху на Боспоре возникает регулярное и, что не менее важно, полноценное денежное обращение, основанное на серебре собственного чекана¹⁸. Наряду с этим необходимо отметить еще один принципиально важный момент: в древности серебро (как, впрочем, и иные драгметаллы) в понтийском регионе не добывали¹⁹, что естественным образом ставит все без исключения причерноморские города примерно в равные «стартовые» условия. Это обстоятельство в совокупности со временем возникновения регулярной серебряной чеканки в том или ином из них приобретает значение важнейшего, если не сказать единственного в своем роде индикатора, позво-

составленных до 425/4 г. (Кондратюк 1983, 337), может объясняться дарованным им особым статусом — освобождение от налогового бремени закономерно вытекает из насущной необходимости в обеспечении лояльного отношения местного населения к афинянам, что служило надежным гарантом бесперебойного функционирования транспонтийского хлебного канала.

¹⁵ Лишь около 400 г. здесь первой начала чеканить серебряные монеты Аполлония (Коваленко, Десятчиков 2010а, 32, прим. 11.). Известно также, что в VI–V вв. на всей полосе черноморского побережья, начиная от только что упомянутой Аполлонии Понтийской и вплоть до Керкинитиды, ходили главным образом денежные суррогаты в виде литых бронзовых «стрелок» и «дельфинчиков»; последние, а также литые медные «ассы» концентрируются главным образом в районе Ольвии (Анохин 1989, 5 сл.).

¹⁶ В отличие от ряда боспорских городов, наладивших массовый экспорт зерновых, а также Синопы и Гераклеи — вина, города западной части Черного моря, похоже, так ничем и не отметились в экономической истории Причерноморья раннего времени.

¹⁷ См.: Завойкин 2004б, 61.

¹⁸ Боспорские монеты с «головой льва в фас», традиционно относимые к чеканке Пантикапея, в последнее время датируются концом 530 — началом 520-х гг. (Анохин 1986, 17; Терещенко 2004, 26) или же около 500 г. (Коваленко 2005, 361 сл.; Коваленко, Толстиков 2010б, 23 сл.). Признавая более реалистичной первую из названных датировок, полагаю, однако, что они принадлежат Аполлонии — Фанагории (Строкин 2007, 330 сл.).

¹⁹ Бертье-Делагард 1913, 95.

ляющего выносить достаточно ответственные суждения об уровне развития его экономики и внешнеторговых связей в то или иное время. При этом положение становится поистине незыблемым ввиду ошибочности традиционных взглядов на цели вышеупомянутого Афинского ММД²⁰.

Глядя с этих позиций на карту Причерноморья, можно констатировать безусловное лидерство по меньшей мере двух боспорских городов, выпускавших серебряные монеты с головой льва в фас (Аполлония) и в профиль (Гермонасса?)²¹ в сочетании с типично архаическим *quadratum incusum*. Около 490/85 гг. начинает бить серебро Синопа²² и, вероятно, около 480 г. — Пантикапей²³, а немногим менее полувека спустя — Нимфей²⁴; в последней четверти V в. появляются первые монеты Гераклеи (ок. 415 г.)²⁵, Феодосии²⁶ и синдов²⁷. Что касается «колхидок», то это анэпиграфное серебро неясного происхождения (Фасис? Колхидское царство?) выпускалось главным образом в IV в.²⁸, что свидетельствует об отсутствии в Колхиде регулярного денежного обращения в V в. и, соответственно, о предельно низком экспортном потенциале региона в обозреваемое время.

Прежде чем подытожить сказанное, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что имеющиеся в нашем распоряжении аутентичные данные (главным образом нумизматические) позволяют составить хотя и самое общее но, вместе с тем достаточно четкое представление об уровне экономического развития и внешнеторговом потенциале каждого из понтийских городов в интересующее нас время. Этим предоставляется редкая возможность для успешного применения метода исключения, что в конечном итоге позволяет с достаточно высокой степенью надежности определить главные пункты маршрута анализируемой экспедиции.

²⁰ Долгое время считалось, что декрет имел своей главной целью жесткую централизацию эмиссионной деятельности в Архе и предписывал тотальное закрытие монетных дворов союзников (см.: Стрелков 1999, 25 сл.), однако в действительности был направлен на метрологическую унификацию денежного обращения, а также системы мер и весов в Афинском союзе на базе аттического стандарта (Строкин 2009а, 154 сл.).

²¹ В пользу боспорского их происхождения свидетельствует целый ряд обстоятельств: во-первых, весьма значительное число учтенных экземпляров, найденных главным образом на Тамани (см.: Розов 2012, 303); во-вторых, типы оборотной стороны эволюционируют по той же схеме, что и заведомо боспорское серебро с головой льва в фас; и наконец, ввиду логично возникающего вопроса (в противном случае остающегося без вразумительных объяснений): почему на боспорский денежный рынок допускалось серебро лишь одного иноземного центра, к тому же, неизвестного? К сожалению, эта чеканка не дождалась до «эпиграфных времен», безвозвратно исчезнув где-то в 1-й четверти V в.

²² См.: Коваленко, Десятчиков 2010а, 32, прим. 11.

²³ Строкин 2007, 348, прим. 1.

²⁴ Около 438/7 гг. (Столба 1989, 49; Мельников 2001, 415; Терещенко 2004, 77) или же около 435 г. (Строкин 2009а, 160).

²⁵ См.: Сапрыкин 1986, 43; SNG 1993, pl. LVIII, № 1566 сл.

²⁶ Шелов 1956, 40. К концу V в. их относил А. Н. Зограф (1951, 169). Думается, что феодосийская чеканка началась около 413 г. (Строкин 2011, 45).

²⁷ Зограф 1951, 169; Шелов 1956, 45. Думается, что синдская чеканка началась около 412 г. (Строкин 2012, 395–397).

²⁸ Хотя «колхидки» датируются V–IV вв. до н.э. (SNG 2000, pl. XXIX, № 633–637), — однако важно заострить внимание на том, что монеты древнейшей группы (от тетрадрахмы до гемидрахмы) представлены либо уникальными, либо единичными экземплярами при фактическом отсутствии разменной мелочи — известен лишь один тетартеморий (Шамба 1982, 8–9). Тогда как основную массу «колхидок» составляют гемидрахмы 2-го типа, выпускавшиеся в конце IV — начале III вв. до н.э. (Шамба 1982, 8–9).

Итак, выбор у ее организаторов был крайне невелик — во всём Причерноморье имелись лишь два потенциально привлекательных места: Синопа и регион Боспора Киммерийского, а с учетом вышеозначенных интересов афинян — и во все одно, последнее. Если сюда же добавить весьма тонкое наблюдение П. О. Карышковского — опираясь на данное сообщение Плутарха (Per. XX), он пришел к выводу, что в V в. во всём понтийском регионе не было высокоразвитых туземных племен, вождей которых греки могли бы именовать царями, за исключением скифов и синдов²⁹, — то всё это, пожалуй, способно убедить в том, что главной целью анализируемой экспедиции являлся боспорский регион.

Причем избавиться от последних сомнений помогает следующее замечание В. Ф. Гайдукевича: «В снабжении Афин в IV в. до н.э. Боспор играл настолько важную роль в сравнении с прочими причерноморскими греческими колониями, что нередко афинские ораторы в своих речах употребляли термин Понт (Черное море) для обозначения Боспора»³⁰. Здесь важно учесть два обстоятельства: во-первых, совершенно аналогичная торгово-экономическая ситуация наблюдается в Причерноморье и столетием ранее³¹; во-вторых, при работе над биографией Перикла Плутарх, несомненно, пользовался ранними афинскими источниками, причем «круг предлагавшихся «кандидатур» ограничивается крупными историками IV в.»³², а значит, каждый из них наверняка оперировал находившейся тогда на слуху формулой: Понт = Боспор. Это дает достаточно веские основания полагать, что и в анализируемом отрывке (Plut. Per. XX. 1–2) эти понятия также синонимичны и, стало быть, его можно, а скорее даже нужно перефразировать следующим образом (за основу взят перевод П. О. Карышковского, авторские поправки здесь и далее даны курсивом).

«Прибыв на Боспор с крупным и блестяще снаряженным флотом, (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города, и отнесся к ним дружелюбно; живущим же вокруг варварским племенам, их царям и князьям (он) показал, как велико могущество (афинян), смело плывущих куда им вздумается и подчинивших себе всё море. (На обратном пути³³) он оставил синопейцам тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана Тимесилея...» При чем в пользу такой трактовки данного отрывка можно привести и другие соображения.

Поистине бесчисленные литературные аналогии, равно как и сама «логика вещей» позволяют ожидать прямого указания на главную цель экспедиции в самом

²⁹ Карышковский 1959, 73.

³⁰ Гайдукевич 1949, 67.

³¹ Кузнецов 2000, 108, 109; Tsetskhladze 2008, 51–58. Одним из первых к такому выводу пришел Э. Майер: «Отношения с боспорским регионом или, как кратко говорили, с “Понтом” имели для Афин большую важность: отсюда покрывалась главная часть их потребности в хлебе. Поэтому Афины утвердились также и здесь; возможно, это осуществил лично Перикл во время своей экспедиции в Понт» (Meuser 1901, 80).

³² Суриков 1999, 100. По мнению Ф. Рюля и И. Е. Сурикова, наиболее вероятным автором excursus о Понтийской экспедиции является Феопомп (Rühl 1868, 664 sq.; Суриков 1999, 100) — будучи уроженцем Хиоса, он долгое время жил и работал в Афинах.

³³ Такое дополнение естественным образом вытекает из контекста самого повествования (даже в традиционной его трактовке): переворот в Синопе был совершен небольшой флотилией Ламаха на обратном пути следования основных сил флота от главной и, само собой разумеется, конечной цели экспедиции (Суриков 1999, 112–113).

начале повествования (дабы сразу ввести читателей в курс дела); вряд ли правомерно видеть в этом качестве водоем (Черное море).

Если следовать буквальному переводу, то мы оказываемся перед необходимостью признать заведомо нереальное: в период одной навигации большая эскадра крупных парусно-весельных кораблей (триер) совершила каботажный обход всего Черного моря³⁴; при этом лидер Афин успел облагодетельствовать население, по меньшей мере, полусотни здешних городов — «Прибыв в Понт... (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города...» (Plut. Per. XX).

Если согласиться с предложенной трактовкой данного отрывка и сопоставить ее с главной целью анализируемой экспедиции, то возникает твердое убеждение в том, что перед нами — заведомо фрагментарное, донельзя выхолощенное и к тому же внутренне противоречивое повествование, имеющее лишь самую отдаленную связь с первоисточником. Создается впечатление, что Плутарх, толком не разобравшись в сути некогда происходивших событий, по-своему их переосмыслил. Этим, в свою очередь, подразумевается одно из двух: либо сам Плутарх неверно истолковал первоисточник, либо некритически воспользовался искаженной, прошедшей, так сказать, через третьи руки информацией³⁵. Причем в любом случае представляется вполне оправданным вынесение следующего заключения.

Плутарх, живший около 45–127 гг. н. э., будучи не историком, а биографом (Plut. Alex. 1), не имел достаточно четких представлений о государственном устройстве северо-восточного края ойкумены в весьма отдаленную от него классическую эпоху, а также о специфических особенностях бытовавшей тогда в Афинах геополитической терминологии — ведь недаром же описываемые им события, по выражению И. Б. Брашинского, «безвременны»³⁶. К тому же, как резонно заметил И. Е. Суриков, «Плутарха абсолютно не интересовала понтийская экспедиция как таковая... Для него важен был лишь его герой — в нашем случае Перикл, и соответственно биограф брал из своего источника только то, что ему было нужно для... топики»³⁷. А вот мнение К. К. Зельина, тщательно исследовавшего биографию другого великого афинянина — Солона: «Плутарх получал сведения в не менее тенденциозном (чем *Аристотель*) освещении и обработке позднейших авторов... В общем из всех глав... видно, что у Плутарха в руках был большой фактический материал..., но что объяснение фактов (или вернее того, что Плутарху представлялось фактами) привнесено позднейшими авторами и самим Плутархом, исходившими из современных им условий, а потому не имеет исторической ценности для эпохи Солон»³⁸.

Поскольку же нечто подобное можно сказать и об анализируемом отрывке,

³⁴ Что, как ни странно, допускают в частности В. А. Анохин (1999, 31) и М. Ф. Высокий (2004, 412–413). При этом не берется в расчет одно немаловажное обстоятельство: военный флот того времени не мог обходиться без ежедневных стоянок, что при отсутствии естественных гаваней во многих местах Черного моря (особенно в восточной его части) создавало весьма значительные трудности (Брашинский 1958, 118, прим. 29).

³⁵ В последнем случае получается, что этот «непритязательный», по мнению С. А. Жебелева (1953, 186), автор чисто механически перенес ее в свое сочинение.

³⁶ Брашинский 1958, 113.

³⁷ Суриков 1999, 99.

³⁸ Зельин 1964, 81.

то несложно заметить, что всё становится на свои места, а «Понтийский рассказ» предстает перед нами в совершенно ином и, как представляется, истинном свете, стоит только допустить, что Плутарх рассматривал информацию полутысячелетней давности о действиях Перикла на Боспоре и в Южном Причерноморье с точки зрения более близких к нему по времени исторических реалий. Будучи, несомненно, осведомленным о длительном существовании могучей Понтийской державы (со столицей в Синопе), по обыкновению именовавшейся «Понт» (куда при Митридате VI Евпаторе входил и Боспор), он (или его информатор) соответствующим образом переосмыслил и отредактировал первоисточник, где словом «Понт» обозначалось совсем другое государство — Боспорское. Ярким отражением этого недоразумения является разительный контраст между присутствующей в тексте синопской конкретикой и предельно лаконичным «резюме» о неких благодеяниях Перикла, оказанных неким другим городам. Иначе говоря, Плутарх, видимо, счел излишним подробно останавливаться на событиях, связанных с действиями Перикла в «удельных», как ему казалось, городах Понтийского царства, сделав основной упор на описании событий вокруг его столицы. Правда, такому пониманию анализируемого отрывка, на первый взгляд, препятствует следующее замечание И. Е. Сурикова³⁹: «Есть полная возможность разобраться, каково конкретное значение термина «Понт» в этом месте у Плутарха... «Eis de ton Ponton eispleusa» и т.д. . . . Итак, пассаж начинается: «Вплыв же в Понт». Из чего однозначно ясно... такая конструкция может быть применена только к водному бассейну... Вплыть можно в море, в реку, но нельзя вплыть в такое-то государство (если, конечно, не совершать насилия над языком)». Однако историк не учел еще один, кажется, вполне приемлемый вариант: можно вплыть, а вернее сказать, войти не только в море или реку, но и в территориальные воды того или иного приморского государства. Если же допустить, что Плутарх рассматривал Черное море в качестве внутреннего водоема Понтийского царства (каковым оно фактически являлось при Митридате VI Евпаторе), как всё тотчас становится на свои места, и со всей очевидностью выявляется досадное недоразумение, обусловленное тем, что одним и тем же термином «Понт», помимо Черного моря, в разные эпохи обозначались еще и два разных государства — Боспорское⁴⁰ и Понтийское. Возникшая на этой почве путаница достойна сожаления тем большего, что не дошедший до нас первоисточник, скорее всего, содержал конкретную информацию о действиях Перикла на Боспоре. Как бы то ни было, но вышеизложенные соображения не оставляют сомнений, пожалуй, лишь в одном: главной целью анализируемой экспедиции являлся боспорский регион. Если, наконец, учесть справедливое замечание И. Е. Сурикова, что «к моменту падения Тимесилея Перикл был уже в Афинах»⁴¹ (или на подходе к ним), где провел через народное собрание решение об отправке в Синопу шестисот колонистов (Plut. Per. XX), это позволяет наметить главные

³⁹ Изложенное приватно. Выражаю И. Е. Сурикову глубокую признательность за эти и другие пояснения, а также ценные замечания.

⁴⁰ Отсюда следует, что уже источник Плутарха содержал неверные сведения о геополитическом устройстве боспорского региона — как убедительно доказал А. А. Завойкин, «евразийская» держава Спартокидов возникла лишь в конце V в. (Завойкин 1995, 91–92; 2004а, 90–94), т.е. уже после смерти Перикла.

⁴¹ Суриков 1999, 105, 112.

пункты маршрута экспедиции: Афины / Пирей — Боспор Киммерийский — Синоп — Пирей / Афины.

Итак, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что, войдя в Черное море, афинский флот повернул на восток и, достигнув мыса Карамбис, пошел наикратчайшим морским путем к южной оконечности Крыма, мысу Бараний лоб⁴², и далее — вдоль юго-восточного побережья полуострова. Намеренно уклоняясь пока от рассуждений о возможных действиях Перикла на Боспоре, следует заострить внимание на том, что обратный путь наверняка был также меридианным, но, скорее всего, проходил по другому маршруту, названному Геродотом (IV. 86): Синдика — Фемискира (рис. 1)⁴³. Такой вывод диктуется тем, что в V в. основная масса боспорского хлеба шла из Тамани и Нижнего Прикубанья⁴⁴, а также тем, что, судя по всему, именно в обозреваемое время Амис был колонизирован афинянами и переименован в Пирей⁴⁵. Поскольку такое же имя носили «морские ворота» Афин, а названный Геродотом маршрут заканчивался близ Амиса, то всё это не оставляет сомнений в том, что именно Амис был главным портовым городом, принимавшим основную массу судов, шедших из боспорского региона⁴⁶. Этим, в свою очередь, подразумевается, что главным пунктом отправки, а возможно, и перевалки таманско-прикубанского хлеба была Синдика — по всем признакам, этот населенный пункт находился на Благовещенском останце у основания Бугазской косы (п. Благовещенская 4)⁴⁷.

Таким образом, общая схема движения торговых судов по транспонтийскому каналу в общих чертах повторяла маршрут экспедиции Перикла (а скорее наоборот⁴⁸): они шли на Боспор наикратчайшим морским путем (Карамбис — Бараний лоб), а возвращались в основном «Геродотовым». Само собой разумеется, что необходимость в обеспечении надежного контроля над обоими морскими путями

⁴² И. Е. Суриков считает такой маршрут небезопасным и мотивирует это тем, что «афинская талассократия еще не распространялась на Черное море» (Суриков 1999, 111). Однако ниже по тексту историк предлагает столь же «небезопасный» маршрут движения Периклового флота при возвращении на родину (113) — на тот момент малоазийское побережье также не было охвачено афинским влиянием. Наконец, здесь возникает противоречие и с сообщением Плутарха (Рег. XX), где прямо сказано, что Перикл продемонстрировал могущество афинян, «смело плывущих, куда им вздумается».

⁴³ И. Е. Суриков предположительно включил в маршрут экспедиции Торик (Суриков 1999, 109–110). Думается, однако, что этот небольшой городок, окруженный горным ландшафтом, заведомо не мог обладать сколько-нибудь существенным экспортным потенциалом, и поэтому вряд ли был способен привлечь к себе внимание Перикла.

⁴⁴ Кузнецов 2000, 110.

⁴⁵ «В настоящее время практически никто не сомневается в том, что упоминания ряда античных авторов (Strabo. XII. 547; Plut. Luc. 19, 7; App. Mithr. 83) о колонизации афинянами Амиса следует связывать именно с этой акцией» (Суриков 1999, 110). Причем уже сам факт отсутствия упоминания об этом событии в анализируемом отрывке (Plut. Рег. XX) вновь возвращает нас к только что высказанной «догадке» — данная информационная лакуна находит вразумительное объяснение, если допустить пожалуй, в том только случае, если Плутарх рассматривал Амис и прочие черноморские полисы в качестве «удельных» городов Понтийского царства.

⁴⁶ «... из Амиса легко было держать под контролем второй краткий морской путь на Синдику» (Суриков 1999, 106).

⁴⁷ Строкин 2008, 439. В данной статье неучтен еще один немаловажный момент, свидетельствующий в пользу такой локализации Геродотовой Синдики: двигаясь от Благовещенского 4 строго на юг, судно приходило в Фемискиру (рис. 1).

⁴⁸ Похоже, этот путь был найден греками задолго до Перикла (Суриков 1999, 106).

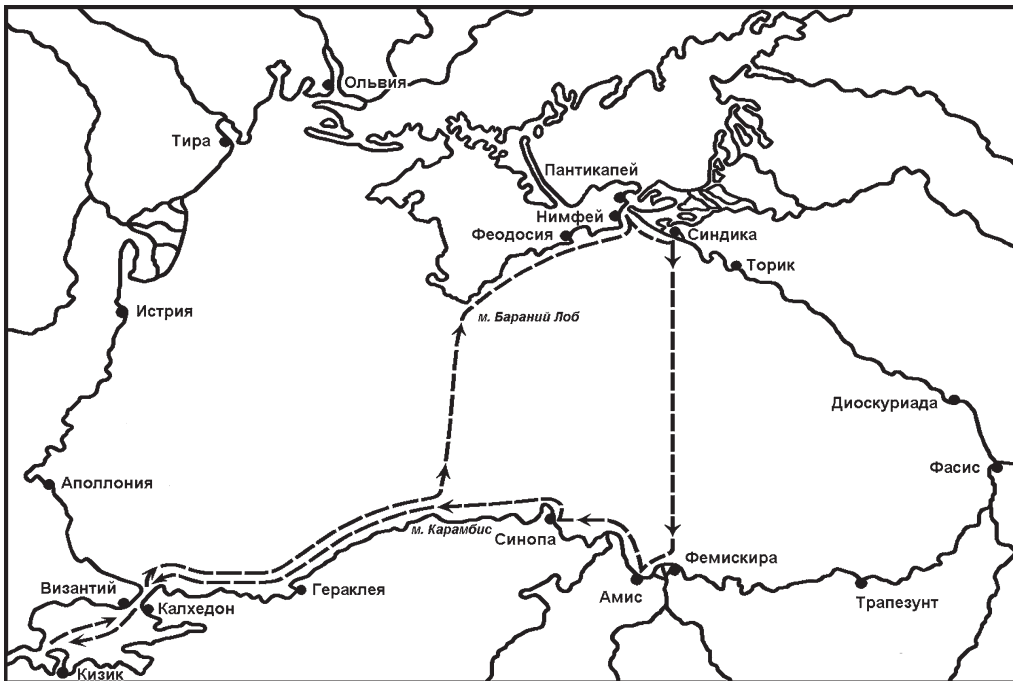

Рис. 1. Реконструкция маршрута экспедиции Перикла.

требовала основательно закрепиться не только в Синопе⁴⁹ и Амисе (которые, надо думать, именно в этих целях были колонизированы афинянами), но и в боспорском регионе⁵⁰. Поэтому, наряду с Нимфеем, пожалуй, следует назвать вышеупомянутую Синдику, а также, как минимум, Феодосию (см. ниже). Той же насущной потребностью в организации безопасных условий для движения транспортов с зерном на длинной полосе малоазийского побережья подразумевается едва ли не тотальное вовлечение Периклом в Архэ находившихся здесь городов, включая Гераклею⁵¹. Остается заметить, что на обратном пути лидер Афин имел возможность лично оценить сложившуюся в Синопе обстановку и передать Ламаху силы, необходимые для свержения тирании Тимесилея.

Теперь обратимся к предложенной И. Е. Суриковым реконструкции общего плана действий афинян в отношении Боспора. По мнению историка, Перикл отправился туда с тем, чтобы «во-первых, разведать, какого рода власть уста-

⁴⁹ Откуда было удобно держать под контролем мыс Карамбис (Суриков 1999, 105).

⁵⁰ По мнению Е. А. Молева, «...закрепив контроль за Геллеспонтом и Боспором Фракийским, Афины тем самым уже ставили в подчиненное положение все полисы Понта» (Молев 1997, 57). Думается, однако, что этого было явно недостаточно для гарантированного попадания боспорского хлеба в Афины — ведь дефицит продовольствия ощущался и в понтийском регионе. Об этом можно судить хотя бы по Херсонесу — типично аграрной колонии Гераклеи, — а также по словам Полибия (IV. 38. 5), что хлеб иногда привозится из припонтийских областей, а иногда туда ввозится. Наконец, о стремлении афинян установить контроль над главными торговыми путями в Черном море красноречиво свидетельствует сам факт отправки туда крупной эскадры, а также предпринятая ими колонизация ряда понтийских городов (как минимум, Синопы и Амиса).

⁵¹ Где в это время существовал олигархический режим (Сапрыкин 1986, 27 сл.).

новилась в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручиться по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору»⁵². Подводя итоги, И. Е. Суриков признает экспедицию успешной и полагает в частности, что «Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами»⁵³.

Данная концепция представляется несостоятельной, а первый пункт способен вызывать лишь недоумение. Даже как-то неловко оттого, что приходится разъяснять вещи, находящиеся на уровне прописных истин. Так вот, вся общечеловеческая практика однозначно свидетельствует о том, что крупные подразделения армии и военно-морского флота (как в данном случае) совершенно непригодны для использования в разведывательных целях, и во все времена создавались исключительно для ведения боевых действий. Тогда как шпионаж — удел тайной агентуры; ближайший пример дают посол Архибиад и кифаред Аристоник, направленные в Пантикапей родосским стратегом Мемноном (Polyaen. V. 44). И уж поистине ирреальной выглядит ситуация, при которой глава некоего государства вознамерился бы лично осуществлять какие бы то ни было функции своих подчиненных. Причем это заведомо исключено в отношении Перикла — как верно заметил сам же И. Е. Суриков, «афинский “олимпиец”, сознавая свой реальный вес в политической жизни родного полиса, никогда не разменивался на “мелочи”, предпочитая решать все проблемы, не относящиеся к числу особенно значительных, чужими руками»⁵⁴. Возвращаясь к существу данного вопроса, уместно обратить внимание на то, что, судя по довольно широко представленной на Боспоре аттической керамике VI — первой половины V вв., афинские купцы более или менее регулярно посещали эти места задолго до Перикла, и, само собой разумеется, в Афинах испокон веку были прекрасно осведомлены о здешнем состоянии дел.

Что касается демонстрации силы, то, по Плутарху (Per. XX), Перикл устроил ее перед местными «варварскими племенами» (а не перед Спартоком, как у И. Е. Сурикова). И это вполне закономерно, поскольку бряцать оружием перед пантикапейским режимом было бы совершенно излишне — на Боспоре и без того были прекрасно осведомлены о недюжинных силах Афинской державы (находившейся тогда как раз на пике своего могущества), причем та их наглядно продемонстрировала буквально накануне Периклова похода в Понт, наголову разгромив такого опаснейшего противника, как Самос, и силой принудив к покорности Византий, а также ряд городов Геллеспонта и Карию⁵⁵.

⁵² Суриков 1999, 107.

⁵³ Суриков 1999, 113. Аналогичное мнение высказали в частности Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков: «Отношения Перикла с Боспорскими правителями, вероятно, строились на дружественной основе. Вряд ли можно предполагать, что Перикл стремился к политическому подчинению северопричерноморских городов и включению их в Афинский морской союз. Для Афин, готовящихся к войне со Спартой, чрезвычайно важным было обеспечение экономического влияния в боспорских городах, главных поставщиках зерна» (Смекалова, Дюков 1999, 208).

⁵⁴ Суриков 1999, 101.

⁵⁵ Брашинский 1958, 113; Карышковский 1959, 79, прим. 122; Анохин 1999, 26–28.

Несложно заметить, что в активе анализируемой концепции остался последний тезис — об установлении афинского контроля «над какими-то пунктами на подступах к Боспору», — как, впрочем, и то, что он еще более контрастно оттеняет явную несоразмерность между этим «сухим остатком» и затраченными на экспедицию весьма значительными средствами — ведь почти на самый край греческой ойкумены была отправлена крупная и прекрасно снаряженная эскадра⁵⁶. Более того, даже если слепо принять на веру эти теоретические построения И. Е. Сурикова, то мы оказываемся перед совершенно парадоксальным «фактом»: Перикл считал необходимым лично повести «за три моря» армаду военных кораблей, в сущности, только для того, чтобы создать ряд опорных пунктов на подступах к Боспору и наладить дружественные отношения с Пантикапеем. Едва ли, однако же, можно всерьез погрешить против истины, если сказать, что с решением этих, вобщем-то, не столь уж сложных задач (включая декларируемую И. Е. Суриковым разведку) смог бы успешно справиться тот же Ламах — достаточно было наделить его полномочиями официального посла Афинского государства и придать силы, сопоставимые с теми, что были задействованы в Синопе. То есть пойти примерно тем же путем, который прошел другой выдающийся деятель античности: «Александр (*Великий*) отправил (*к скифскому царю*) кое-кого из своих друзей под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства состояла в том, чтобы познакомиться с природой Скифии и узнать, велико ли ее население, каковы его обычаи и с каким вооружением выходят скифы на войну» (Агг. Anab. 4. 1–2). Причем залогом успешной деятельности Ламаха на этом поприще может служить доверенное ему Периклом заведомо более сложное задание в Синопе (по свержению тирании Тимесилея), с которым тот блестяще справился. Кстати, в годы Пелопоннесской войны Ламах, будучи уже одним из самых выдающихся афинских стратегов, занимал важнейшие военные и, что характерно, дипломатические посты (Plut. Nic. 15; Alc. 18, 21; Aristoph. Ran. 1039; Thesm. 841; Acharn. 595 сл.; Thuc. VI. 8. 2). Таким образом, если следовать по пути, указанном И. Е. Суриковым, мы оказываемся в весьма затруднительном положении: приходится «уличить» Перикла в пустой растрате казенных средств в особо крупных размерах. Но уж кого-кого, а такого выдающегося и, разумеется, в высшей степени ответственного государственного деятеля просто невозможно заподозрить в столь неимоверном расточительстве (да и сограждане ему бы этого не позволили).

И без того шаткое, как видим, положение анализируемой концепции лишь усугубляется тем, что ее автор пребывал тогда в плену традиционных представлений — о существовании во времена Перикла единого Боспорского государства Спартокидов. Поскольку ошибочность этих воззрений теперь, похоже, признает и

⁵⁶ К сожалению, о размерах сил, привлеченных Периклом к операциям в Черном море, можно судить лишь по употребленному Плутархом весьма неопределенному термину *μεγάλοι*, т.е. большой, крупный. Хотя исследователями назывались самые разные цифры — от 50 (ATL III 1950, 116) до 215 военных кораблей (Брашинский 1958, 113, прим. 13), — но в любом случае ясно, что речь идет о мощной эскадре и, соответственно, о мероприятии весьма «дорогостоящем» (Завойкин 2004а, 105). Для сравнения: к военным операциям против Самоса (расположенного примерно в 6 раз ближе к Афинам, чем Боспор Киммерийский) Перикл привлек 150 своих кораблей и корабли с Хиоса и Лесбоса (25 — в первый год и 30 — во второй), а вся самосская кампания обошлась Афинам в огромную сумму: не менее 1200 талантов серебра (см.: Кондратюк 1983, 333, прим. 42), т.е. равную тогда размеру дани всех афинских союзников за два года (Thuc. II. 13. 3).

сам И. Е. Суриков⁵⁷, поэтому для верной оценки анализируемой ситуации следует исходить из того твердо установленного факта, что Периклу пришлось иметь дело на Боспоре не только, а точнее даже не столько с Пантикапеем, сколько с целым рядом больших и малых полисов. Судя же по тому, что основная масса зерновых экспортировалась тогда из таманско-прикубанского региона (см. выше), а здесь существовал лишь один эмиссионный центр, выпускавший монеты с легендой АПОЛ⁵⁸, можно с уверенностью говорить о том, что именно Аполлония — Фанагория⁵⁹ держала в своих руках главные ключи от боспорской хлебной торговли и, соответственно, Пантикапей мог интересовать Перикла, по большому счету, лишь постольку, поскольку из него было удобно держать под контролем судоходство в Керченском проливе и вход в Таманский залив.

В качестве последнего замечания в адрес анализируемой концепции хотелось бы указать на то, что фактически декларируемое И. Е. Суриковым проведение Периклом в Понте политики «двойных стандартов» в отношении здешних авторитарных режимов (Тимесилея в Синопе и Спартока в Пантикапее) противоречит другому его же утверждению: «Анализ внешней политики Перикла приводит к выводу, что *ceteris paribus* лидер афинского полиса придерживался аналогичного экспансионистского курса на всех направлениях»⁶⁰. Причем можно попытаться показать, что разбираемый случай не является здесь исключением, и Перикл вряд ли горел желанием сесть за «стол переговоров» с местными властями (включая пантикапейского тирана).

В первую очередь следует заострить внимание на том немаловажном моменте, что Перикл мог позволить себе надолго отлучаться из Афин лишь по делам первостепенной государственной важности. И уж коль скоро не решился доверить проведение похода в Понт кому бы то ни было, значит, на повестке дня стояло решение заведомо более сложных и ответственных задач, нежели тех, что обозначил И. Е. Суриков. Для прояснения их сути необходимо хотя бы в самых общих чертах обрисовать подоплеку анализируемой экспедиции, ее геополитический и экономический контексты — благо этот круг вопросов уже весьма основательно исследован⁶¹.

Общеизвестно, что продовольственная проблема в Аттике — стране с преимущественно горным ландшафтом⁶² — издревле была одной из самых актуальных, а в обозреваемое время являлась предметом особой озабоченности централь-

⁵⁷ Недавно историк пришел к выводу, что «предположение о фанагорийской атрибуции монет с легендой АПОЛ заставляет отнестись к себе с полной серьезностью» (Суриков 2012, 466). Причем уже сам факт существования монетной чеканки в том или ином боспорском городе в рассматриваемое время является верным признаком его независимости (Васильев 1992, 127; Завойкин 2004а, 96).

⁵⁸ Ориентировочно с конца второй четверти и вплоть до начала последней четверти V в. (Шелов 1956, 28), а на мой взгляд, примерно до 412 г. (Строкин 2007, 355–356).

⁵⁹ По мнению И. Е. Сурикова, «Аполлония Фанагория» (Суриков 2012, 466).

⁶⁰ Суриков 1999, 99.

⁶¹ Карышковский 1959, 76; Суриков 1999, 102–105.

⁶² Лишь максимум 25–30% территории Аттики (насчитывавшей примерно 2500 кв. км) было пригодно для использования в сельскохозяйственных целях. Причем основную массу посевных площадей занимал ячмень (который, как известно, был у греков главной пищей — Sarpaki 1992, 61). Так, в 329 г. его было собрано 360 тыс. медимнов и только 40 тыс. — пшеницы (Андреев В. Н. 1983, 253–254). Кстати сказать, хлеб из пшеничной муки был тогда доступен лишь людям весьма состоятельным (Rosivach 2000, 59).

ных властей и одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Перикла; отсюда и повышенный интерес афинян к регионам, располагавшим значительными хлебными ресурсами. С начала 450-х гг. они безуспешно пытались овладеть дельтой Нила; столь же тщетными оказались и предпринятые ими в следующем десятилетии попытки закрепиться на плодородных землях Южной Италии и Сицилии. Само собой разумеется, что после этих неудач афиняне обратились к третьему из существовавших тогда крупных поставщиков зерна — боспорскому региону. Здесь необходимо обозначить следующий немаловажный момент: готовясь к Понтийской экспедиции, Перикл имел возможность воочию убедиться в малоэффективности чисто дипломатической стратегии действий на данном направлении — уже в бытность его главой государства афиняне пытались закрепиться на великогреческом хлебном рынке главным образом посредством заключения двусторонних союзных договоров с рядом местных полисов, а также с племенем мессапиев, — что естественным образом подталкивало лидера Афин к избранию иных, очевидно, более решительных мер в отношении боспорских городов. Причем к действиям здесь с позиции силы в немалой степени способствовал и целый ряд других обстоятельств.

Даже самый беглый взгляд на геополитическую ситуацию в Средиземноморье и Причерноморье позволяет понять, что последнее являло собой единственный крупный регион восточной части греческой ойкумены, не входивший в сферу активного влияния главных военно-политических противников Афин — Персии и Спарты. Из приведенных И. Е. Суриковым сведений о Калиевом мире (449 г.) следует в частности то, что персидские суда не имели права заходить в Черное море, причем Ахемениды фактически не контролировали даже его малоазийское побережье⁶³. Что касается Спарты, то весьма показательно уже то, что это — одно из немногих крупных греческих государств, которое едва ли не полностью самоустранилось от участия в общеэллинском колонизационном движении⁶⁴, и уж, во всяком случае, в Причерноморье своих колоний не имело — неудивительно поэтому и отсутствие информации даже об эпизодических появлениях здесь спартанского флота. Таким образом, выясняется, что, решаясь ввести в Понт крупные силы, Перикл практически ничем не рисковал и мог действовать в любом его уголке сколь угодно жестко без боязни вызвать гнев и ответные меры со стороны означенных противников. Проще говоря, у афинян были полностью развязаны руки для самых решительных действий в понтийском регионе вообще и на Боспоре в частности. В соответствии с этим, высказанные в свое время И. Б. Брашинским соображения (во многом перекликающиеся с позицией И. Е. Сурикова⁶⁵), что-де

⁶³ Суриков 1999, 104–105.

⁶⁴ Ибо предпочло решать проблему переизбытка собственного населения главным образом за счет своих ближайших соседей — мессенцев (см.: Андреев Ю. В. 1983, 201).

⁶⁵ Который здесь также неукоснительно следует «духу и букве» данного сообщения Плутарха. А между тем, слова древнего автора о проявленном Периклом дружелюбии по отношению к понтийским городам вряд ли следует воспринимать столь прямолинейно и однозначно. Не исключено, что на деле они могут оказаться не только весьма далеки от истины, но и полной своей противоположностью, а именно: тщательно завуалированной формой агрессии. К примеру, в той же Синопе, наряду со сторонниками режима Тимесилея, наверняка существовали и его ярые противники, и уже по этой простой причине совершенный в городе по приказу Перикла военный переворот мог преподноситься той или иной стороной конфликта и как вопиющий акт внешней агрессии, и как благодеяние, совершенное по просьбе местных демократически настроенных сил. Кстати, подобная аберрация —

попытка «захватов в Северном Причерноморье являлась бы авантюрой, противоречащей трезвой и осмотрительной политике Перикла»⁶⁶, следует признать совершенно беспочвенными. Кстати, здесь есть и другой «глобальный» военно-политический аспект.

Существовавшая тогда весьма напряженная обстановка на Балканах то и дело грозила перерасти в грандиозный военный конфликт с мощным Пелопоннесским союзом (что, собственно, и произошло в 431 г.). Следовательно, уже сама атмосфера неумолимо надвигающейся большой войны выводила проблему обеспечения продовольственной безопасности Аттики в ранг первоочередных задач государства, требовавших немедленного разрешения. Поэтому принятое на этом фоне Периклом решение об отправке в Понт крупной военно-морской эскадры выглядит не только вполне оправданным, но и глубоко закономерным, а главное — с предельной ясностью обозначает значительный масштаб намеченных там действий, а также готовность афинян к применению силы ради достижения поставленных целей. Кстати, последний тезис хорошо согласуется с наблюдениями П. О. Карышковского, сделанными на основании тщательного изучения жизнеописания Перикла: Плутарх относил Понтийскую экспедицию к числу трех его наиболее выдающихся внешнеполитических акций, поставив в один ряд с военно-морскими походами вокруг Пелопоннеса (в 453 г.) и на Херсонес Фракийский (в 447 г.), причем обе последние акции сопровождалась ведением боевых действий (Plut. Per. XIX. 1–4). Кроме того, Плутарх (Per. XX. 3 — XXII. 1) отчетливо противопоставляет решительные действия Перикла во всех трех названных регионах и проявленную им сдержанность по отношению к Египту и Сицилии⁶⁷. Эти наблюдения не оставляют сомнений в том, что в Черном море лидер Афин действовал, во всяком случае, не менее решительно.

В свете сказанного приобретает зримые очертания и общий круг задач, стоявший перед экспедицией. Надлежало обеспечить широкий и притом стабильный доступ к хлебным богатствам боспорского региона, а также создать надежный транспортный канал для осуществления поставок продовольствия в Аттику; последнее, как уже говорилось, потребовало организации длинного ряда опорных пунктов на малоазийском побережье Черного моря, в черноморских проливах и на севере Эгеиды, что, как мы знаем, было успешно реализовано Периклом на

один из самых излюбленных пропагандистских приемов, свойственных в том числе и для проафинской литературной традиции (к которой, как известно, принадлежит Плутарх). Весьма показателен в этом плане эпизод с введением налогообложения при организации Архэ в 478 г. Согласно Фукидиду (I. 19), афиняне «заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать». Так вот, эту самую подать, фактически навязанную союзникам Аристидом, Плутарх преподносит уже как исключительно добровольные их пожертвования (Plut. Arist. XXIV).

⁶⁶ Брашинский 1958, 117. При этом исследователь ссылается на то, что Перикл был последовательным противником продолжения силовых действий в Египте и не одобрял попыток сограждан завладеть Сицилией (Plut. Per. XX. 3 — XXII. 1). Но такая «пацифистская» позиция лидера Афин вполне понятна и легко объясняется тем, что в первом случае афиняне вмешивались во внутренние дела могущественной Персидской державы (под юрисдикцию которой Египет перешел после заключения Каллиева мира), а во втором — провоцировали военный конфликт с мощным Пелопоннесским союзом.

⁶⁷ Карышковский 1959, 74–75.

практике⁶⁸. Что же касается боспорского региона, то стремление лидера Афин добиться здесь максимум возможного выглядит совершенно естественным и логичным. Само собой разумеется также то, что Перикл никоим образом не мог более мириться со свободным доступом на боспорский рынок всевозможных конкурентов (как из Эгеиды, так и из Причерноморья) — лишь монопольное обладание здешними хлебными ресурсами позволяло Афинам «разом убить двух зайцев»: окончательно снять собственную продовольственную проблему⁶⁹ и заполучить в свои руки один из мощнейших рычагов давления на союзников (в среде которых, как известно, уже тогда набирали силу центробежные тенденции) — возможность поощрять хлебными подачками одних и обрекать на существование впроголодь других. Взять хотя бы афинский декрет 426 г. (CIA. I. 40) о даровании Мефоне привилегий при вывозе зерна (надо думать, боспорского) из Византии, или же наложенные афинянами на Мегару в 432 г. жесткие внешнеторговые санкции, которые, по словам Аристофана (Рах. 483), довели ее жителей до голода (ср.: Thuc. I. 67. 3). Кстати, уже давно высказано небезосновательное мнение, что в Архе существовала монополия Афин на хлебную торговлю⁷⁰.

Всё это недвусмысленно свидетельствует о том, что именно боспорский регион, занимая ключевое положение в общей схеме тщательно обустроенного Периклом грандиозного боспоро-афинского транспортного канала, являлся объектом его самого пристального внимания — лидер Афин, конечно же, не мог не осознавать, что оттого, насколько прочными окажутся здесь позиции афинян, зависело само существование этой жизненно важной для них артерии. А между тем, как раз таким резким ослаблением этого ведущего звена и явился бы декларируемый И. Е. Суриковым переговорный процесс с местными властями — наглядное тому подтверждение дает как вышеупомянутый великогреческий печальный опыт, так и следующие соображения.

⁶⁸ Именно в обозреваемое время афиняне силой вернули в Архе Византии и ряд городов Геллеспонта (Thuc. I. 117. 3; IG. I. 943), а также основали Амфиполь и колонизировали Астак (см. Карышковский 1959, 80). «Заметим, что... (Понтийская) экспедиция была тесно связана со стратегическими планами Перикла; решаясь предоставить сельскую Аттику вражеским нашествиям, Перикл должен был обеспечить доставку хлеба в Афины... И если «длинные стены» надежно защищали город... то требовались гарантии и в том, что хлеб будет в достаточном количестве поступать в пирейскую гавань. Установление особых «геллеспонтфилаков» в проливах, соединяющих Эгейское море с Черным, и вменение им в обязанность пропускать хлеб только в Афины и лишь в отдельных случаях — на территорию некоторых союзных городов (ATL I, D-3 — D-6; II, p. 48–49; III, p. 133 sq.), наглядно показывает, откуда афиняне рассчитывали получать зерно... но если роль Понта была столь велика, то вовлечение некоторых припонтийских городов в состав Афинского союза было не прихотью Перикла, а одним из существенных звеньев афинской политики» тех лет (Карышковский 1959, 80, прим. 128).

⁶⁹ Разумеется, экспортный потенциал боспорского региона был далеко не безграничным, и потребности афинян в хлебе отчасти покрывались за счет его ввоза из целого ряда районов островной и материковой Греции (см.: Андреев 1983, 256–258). Вместе с тем, приведенные В. Д. Кузнецовым цифры (5000–30000 т.) ежегодно вывозившегося из боспорского региона зерна (Кузнецов 2000, 114–115) представляются несколько заниженными (особенно первая), поскольку за рамками данного исследования остался товарный хлеб, поставлявшийся меотскими племенами Прикубанья — о весьма значительных его объемах позволяет судить уже сам факт наличия греческого импорта V–III вв. на весьма многочисленных (около 200) меотских поселениях (Брашинский 1984, 183–184; Каменецкий 1999, 234; Малышев 2000, 104 сл.). Более того, существует небезосновательное мнение, что «закат боспорской хлебной торговли мог быть во многом связан с резким сокращением меотского зернового экспорта» (Улитин 2011, 286).

⁷⁰ См.: Кондратюк 1983, 358.

Наряду с объективной заинтересованностью афинян в неограниченном доступе к хлебным богатствам боспорского региона, нельзя недооценивать их естественное стремление в получении сельскохозяйственного сырья по предельно низким ценам⁷¹. Тогда как здешние полисы, напротив, были кровно заинтересованы в поддержании режима свободной торговли и конкуренции, поскольку это обеспечивало сохранение максимально высокого уровня цен на их товары. Излишне доказывать, что устранить эти антагонистические по своей сути противоречия афиняне могли лишь одним путем: насаждением своих порядков в самих боспорских городах. Причем именно таким сугубо экспансионистским намерениям афинян в отношении местных автономных центров как нельзя лучше соответствуют и предпринятые Периклом меры.

Во-первых, он считал необходимым отправить в регион крупные военно-морские силы, а главное принял на себя их командование — представляется совершенно очевидным, что, проникшись величайшей ответственностью за исход предстоящих на далеком Боспоре серьезных войсковых операций, Перикл не рискнул доверить их проведение кому бы то ни было (как и при подавлении опаснейшего самосского восстания).

Во-вторых, яркие примеры экспансионистских действий были продемонстрированы Периклом в Южном Причерноморье — в Синопе по его приказу был совершен военный переворот, а Амис был отобран у неизвестного ближе каппадокийского князька (Strabo XII. 3. 14), причем оба города подверглись колонизации, а последний был переименован в Пирей контингентом афинских переселенцев под предводительством Атенокла (там же).

Наконец, имеются достаточно веские основания полагать, что именно «амисскую» колонизационную модель афиняне применили в боспорском регионе. Представляется далеко неслучайным демонстрируемый монетами сразу двух восточно-крымских городов своего рода «парад легенд»: ΘΕΟΔΕΟΣ — ΘΕΟΔΟΣ и ΝΥΝ — ΣΑΜΜΑ. Хотя исследователи по-разному объясняют смену легенды на монетах Нимфея, однако наиболее взвешенным и реалистичным выглядит мнение И. Е. Сурикова, согласно которому город получил новое название при афинянах⁷². Причем, похоже, то же самое можно сказать и в отношении Феодосии⁷³. Иначе говоря, комплексный анализ источников позволяет склоняться к выводу, что за легендами ΘΕΟΔΕΟΣ и ΣΑΜΜΑ скрываются новые названия — Феодей и Саммас⁷⁴, — присвоенные афинскими колонистами соответственно Феодосии и Нимфею. Кстати, применительно к Нимфею этот вывод существенно укрепляется тем совершенно бесспорным фактом, что город тем или иным образом был вовлечен в Архэ⁷⁵; видимо, та же участь постигла и восточно-крымский Киммерик⁷⁶. Нако-

⁷¹ На последнем заострил внимание в частности П. О. Карышковский (1959, 81).

⁷² Суриков 2000, 7. Однако с той существенной поправкой, что Нимфеем именовался изначально (Строкин 2009б, 362–363).

⁷³ Строкин 2011, 48–50. Как известно, город располагал не только удобной гаванью (Demosth. Adv. Lept. XXXIII; Strabo. VII. 4. 4) и плодородными землями (Strabo VII. 4. 4), но и весьма обширной сельскохозяйственной хорой уже в V в. (Гаврилов 1998, 110 сл.).

⁷⁴ Обоснование такой трактовки обоих топонимов приводится в статье, готовящейся к публикации.

⁷⁵ Шелов-Коведяев 1985, 90 сл.

⁷⁶ См.: Шелов-Коведяев 1985, 91. Однако А. А. Завойкин склонен считать, что в списках фороса значится таманский Киммерик / Киммерида (Завойкин 1998, 143).

нец, представляется более чем вероятной колонизация афинянами единственного причерноморского города в обильной хлебом Синдике — думается, именно пред-Горгиппия была переименована ими в Стратоклею⁷⁷. Так или иначе, но в данной ситуации, по-существу, не остается места для серьезных сомнений в том, что и в отношении прочих боспорских городов Перикл намеревался действовать по той же хорошо отработанной схеме. К слову сказать, именно при Перикле практика выведения афинских колоний приобрела особенно широкий размах (Plut. Per. XI)⁷⁸.

Всё это ясно дает понять, что для успешной реализации своих грандиозных планов Периклу необходимо было задействовать едва ли не весь арсенал имевшихся тогда у Афин сил и средств, а применение мер преимущественно силового характера в отношении не вовлеченных на тот момент в Архэ полисов — Боспора Киммерийского и Южного Причерноморья — не только напрашивалось в тех сложнейших условиях, но и, как показало дальнейшее развитие событий, явилось шагом весьма дальновидным. Об исключительно высокой зависимости Афин от ввоза продовольствия из боспорского региона в годы Пелопоннесской войны позволяет судить уже тот факт, что скорый ее конец был во многом предreshен после того, как спартамцам удалось «нащупать» у противника эту ахиллесову пяту. Так, царь «Агис, наблюдая из Дикелеи⁷⁹ прибытие в Пирей множества судов с хлебом, заявил, что нет никакого проку в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать урожай, если только не удастся завладеть тем пунктом, через который к ним приходит хлеб по морю» (Xenoph. Hell. II. 1. 35). Понятно, что под этим «пунктом» скрываются именно черноморские проливы — ведь недаром же, начиная с 411 г. и до конца войны (404 г.), основной театр военных действий переместился именно в этот район. И стоило только Лисандру прочно овладеть северным морским путем (после произошедшей в 405 г. битвы при Эгоспотамах), как падение Афин не заставило себя долго ждать.

Наконец, сам уровень развития греческой цивилизации на Боспоре при Перикле был таков, что фактически провоцировал афинян к тому, чтобы сделать основной упор на жесткое силовое давление. В отличие от тех же великогреческих полисов, прошедших длительный путь развития, даже крупнейшие боспорские — Пантикапей и Аполлония — лишь незадолго до анализируемой экспедиции преодолели соответственно полуторавековой и вековой рубеж своего существования и по своему военному потенциалу не могли идти с ними ни в какое сравнение. В довершение ко всему они были значительно ослаблены пережитым во второй четверти V в. «смутным временем»⁸⁰ — о поистине катастрофических последствиях происходивших здесь событий можно судить хотя бы по тому факту, что в Пан-

⁷⁷ Строкин 2008, 437 сл.

⁷⁸ Говоря о колонизационных мероприятиях Перикла, Плутарх (Per. XI. 6) замечает, что он «руководствовался желанием... держать союзников под страхом и наблюдением, дабы предотвратить их попытки к восстанию поселением возле них афинских граждан». Ввиду представляющейся несомненной колонизационной деятельности афинян на Боспоре это замечание особенно ценно для нас тем, что фактически подтверждает агрессивный характер действий Перикла в регионе — ведь хорошо известно, что афинские колонии выводились на земли, конфискованные у их прежних владельцев — лиц, как правило, знатных, богатых и влиятельных (см.: Паршиков 1969, 8–19).

⁷⁹ Это местечко в центре Аттики спартанцы сделали своей главной опорной базой в годы так называемой Дикелейской войны (413–404 гг.) (Андреев 1983, 304).

⁸⁰ Завойкин 2004б, 61.

тикапее, вслед за масштабными разрушениями, происходит возврат к земляночному домостроительству; урбанистические черты город вновь обрел лишь около середины V в.⁸¹ Думается, что последнее обстоятельство было способно вселить в афинян полную уверенность в том, что даже крупнейшие боспорские города окажутся для них сравнительно легкой добычей.

Итак, как видим, все перечисленные факторы, действуя строго в одном направлении, неизбежно подводят нас к следующему итоговому заключению (делая его фактически безальтернативным). В сложившейся в обозреваемое время весьма тревожной обстановке на Балканах, усугублявшейся постоянно растущим напряжением в самом Афинском союзе, Периклу, по сути дела, ничего иного не оставалось, как идти на Боспоре ва-банк. И поэтому нет ни малейших сомнений в том, что лидер Афин был преисполнен решимости обрушить всю мощь ведомых им сил на любого из здешних потенциальных противников (что, собственно, и было продемонстрировано чуть позже в Синопе даже малой их толикой). Иначе говоря, занесенный над Боспором мощный военный кулак со всей определенностью обозначает твердые намерения Перикла прибрать к рукам главных экспортеров сельхозпродукции в регионе и, что не менее важно, перспективу ожидавшегося здесь жесткого вооруженного противостояния. Кстати, последнее обстоятельство высвечивает прелюбопытную деталь: в большинстве боспорских полисов у власти находились неугодные афинянам режимы (скорее всего, авторитарные), которые они намеревались свергать.

Здесь уместно привести мнение Е. А. Молева — оно тем ценнее, что исследователь весьма скептически относится к самой возможности пребывания афинского флота у северных берегов Черного моря (ибо исходит «от противного»): «Деятельность Перикла в Гераклее (*sic!*)⁸² и Синопе показывает, что он не ограничился бы столь скромными результатами, имея полную возможность получить большее — включить в состав союза все города Боспора Киммерийского, в том числе и государство Спартокидов»⁸³. В самом деле, как показал синопский эпизод, для установления афинского контроля над одним из крупнейших понтийских городов оказалось достаточно даже небольшой флотилии Ламаха (13 кораблей), а для усмирения мятежной Гераклеи в 424/3 г. была отправлена флотилия того же Ламаха, состоявшая из 10-и триер (Thuc. IV. 75; Diod. XII. 72. 4; Justin. XVI. 3). Причем едва ли можно ошибиться в том, что по своему военному потенциалу крупнейшие боспорские города (Пантикапей и Аполлония) вряд ли существенно превосходили Синопу и Гераклею Понтийскую.

⁸¹ Толстиков, Коваленко 2010б, 46–48.

⁸² Хотя исследователь здесь просто оговорился, но вряд ли серьезно погрешил против истины. Установление афинского контроля над этим крупным портовым городом во время Понтийской экспедиции Перикла более чем вероятно уже потому, что он являлся одним из важнейших транзитных пунктов афино-боспорской хлебной торговли (наряду с Амисом и Синопой). Лучшим тому подтверждением могут служить почетные декреты в честь Гераклида, хлеботорговца из кипрского Саламина, который в течение пяти лет продавал в Афинах пшеницу (надо думать, боспорскую) по низкой цене, за что получил проксению и был неоднократно увенчан золотым венком. Из наиболее ранней псефисмы (330/29 г.) следует, что его судно подверглось аресту в Гераклее Понтийской (где с него были сняты паруса), в связи с чем было решено отправить посла к Дионисию (гераклейскому тирану 337–305 гг.) с требованием «отдать паруса Гераклида и вообще не чинить обид плывущим в Афины» (см.: Максимова 1954, 55).

⁸³ Молев 1997, 56–57.

Сопоставление данного, пожалуй, совершенно бесспорного положения с фактом длительного существования тирании Спартокидов бок обок с анклавом афинской демократии (в Нимфее) вызывает закономерный вопрос. Что могло помешать Периклу в деле вовлечения в Архэ близлежащего Пантикапея по тому же «синопскому сценарию», т.е. посредством очищения города от тирании (притом, вероятно, установленной варваром⁸⁴), тем паче что для этого имелись едва ли не избыточные возможности? Правда, еще М. И. Ростовцев предположительно отнес на счет афинян совершенный здесь переворот Спартока⁸⁵. Но как резонно возразил А. А. Завойкин, «было бы понятно, если б они, как в Синопе, устранили тиранию; но не найдется примера, когда бы они одну тиранию заменили другой»⁸⁶. Причем отнюдь не в пользу этой идеи М. И. Ростовцева свидетельствует, в частности, нумизматический «изоляционизм» Пантикапея — как раз в «афинское» время (ок. 437–405 гг.) его монетная чеканка впервые демонстрирует приверженность верховному городскому культу (голова Аполлона и барана)⁸⁷, а главное — тогда же наблюдается предельно низкий уровень участия пантикапейского серебра в денежном обращении соседнего Нимфея⁸⁸. Все это позволяет отдать безусловный приоритет другому утверждению М. И. Ростовцева (на сей раз категорическому): «Нет и следов зависимости Пантикапея от Афин»⁸⁹.

Нелишне при этом обратить внимание на давно занимающий умы исследователей литературный феномен, которому трудно подобрать некое иное название, нежели информационная блокада Боспора в V в. Недоумение вызывает даже не столько чрезвычайная скудность сведений Геродота⁹⁰, сколько полное мол-

⁸⁴ Суриков 1999, 107. «Важно, что для самих древних Спартокиды были варварами... (Strabo. 3, 7, 8; Plut. De stoic. ger. 20, C–D; Adv. Stoic. 7). Попытка Блаватской... отвести это суждение, восходящее к стоику Хрисиппу, не к правителям из рода Левкона, а к подвластным ему династам племен была убедительно опровергнута Л. И. Грацианской...» (Шелов-Коведяев 1985, 85).

⁸⁵ Rostovtzeff 1932, 564. Любопытно, что эта давняя идея сравнительно недавно обрела как бы второе свое рождение (Анохин 1999, 33–36).

⁸⁶ Завойкин 2000, 258.

⁸⁷ Монеты типа «Аполлон — ПАНТ», по всем признакам, выпускались именно при Спартоке I (Мельников 2003, табл. I; Строкун 2007, 330 сл.), а вслед за ними — монеты с «головами Аполлона и барана» и с «головами льва и барана»; последние надежно датируются 4-ой четвертью V в. (Зограф 1951, 167; Шелов 1956, 21). Как известно, культ Аполлона не входил в число главных афинских культов, да, пожалуй, и не мог, поскольку ему присущи вполне определенные аристократические черты (Блаватская 1959, 64).

⁸⁸ Об этом наглядно свидетельствуют собранные О. Н. Мельниковым сведения (Мельников 2001, 415; 2003, 7): доля участия в денежном обращении Нимфея как своих монет (NYN, ΣΑΜΜΑ), так и таманских монет с легендой АПОΛ по меньшей мере вдвое превышает долю синхронных им пантикапейских. Причем не исключено, что и те могли попасть в город после поглощения его Боспором в конце V в. Исходя из того, что в «афинское время» монетный двор Пантикапея перерабатывал лаврийское серебро (Смекалова, Дюков 1999, 205), можно заключить, что город осуществлял торговые операции с афинянами либо опосредованно (к примеру, через Тамань), либо в неких приграничных с Нимфейским полисом пунктах. Что до весьма ощутимого присутствия в Нимфее таманского серебра, то в этом факте, пожалуй, можно усматривать результат активной посреднической деятельности местных купцов на Тамани.

⁸⁹ Ростовцев 1918, 66.

⁹⁰ Поскольку здесь может напрочь отсутствовать какая бы то ни было политическая подоплека. И всё же давно замечено, что «у Геродота проявляется определенная тенденция... если речь шла о таких предметах, о которых «отец истории» не имел желания сообщать несогласные с его установками подробности, он охотно прибегал к умолчанию. В этом его упрекал еще Плутарх — Plut. De Herod. Malign., IV» (Карышковский 1959, 83, прим. 147), а также Дион Хрисостом (Or. XXXVII. 7).

чание Фукидида. Впрочем, И. Е. Суриков, казалось бы, вполне резонно полагает, что, Фукидид «отнюдь не задавался целью описать все важнейшие события Пентеконтаэтии»⁹¹, а по мнению И. Б. Брашинского, не придавал особого значения Понтийской экспедиции Перикла⁹². Ну а как в таком случае быть с тем, что Фукидид, будучи современником Перикла, оставил весьма подробное описание его деятельности, а подчас уделял внимание даже таким малозначительным эпизодам, какими, к примеру, являются похождения небольшого отряда Ламаха под Гераклеей Понтийской (Thuc. IV. 75)? А ведь на этом фоне уже сам факт отсутствия литературной реакции на действия Перикла в Понте вообще и на Боспоре в частности поневоле заставляет прислушаться к мнению Т. В. Блаватской, которой такое молчание представляется далеко неслучайным и во многом обусловленным существованием «значительных разногласий между Боспором и Афинами»⁹³.

Что касается Плутарха, то он, как известно, «принципиально высказывался против того, чтобы сообщать читателям «бесполезные подробности»... «бесполезным» же было для Плутарха всё то, что не имело морально-дидактического характера»⁹⁴. А в качестве иллюстрации П. О. Карышковский задает риторический вопрос (тождественный выводу И. Е. Сурикова⁹⁵): «... что могло лучше охарактеризовать деятельность Перикла в глазах греческого читателя, как не сообщение об освобождении греческого города от тирана?»⁹⁶. Но в таком случае уместно задать и прямой вопрос: почему Плутарх ограничился только этим примером? Тем паче, что его нельзя назвать удачным, поскольку избавление Синопы от тирании следует скорее относить на счет Ламаха, а отсутствие других примеров невозможно списать на существование проафински настроенных режимов во всех прочих суммарно упомянутых городах. Причем ясности сюда, похоже, неспособна внести даже поправка на то, что Плутарх, по всей видимости, рассматривал черноморскую экспедицию в качестве военной кампании Афин против Понтийского царства — не исключено, что и первоисточник также не содержал никаких батальных сцен, кроме синопской. Как бы то ни было, но данное сообщение следует скорее понимать в том смысле, что нигде более афиняне не встретились

К слову сказать, вне «фигуры умолчания» остается без вразумительного объяснения, как минимум, то, что при описании скифского похода Дария I Гистаспа и самой Скифии Геродот уделил значительное внимание Колхиде и району р. Термодонт (хотя эти места не имели ни малейшего касательства к теме его сочинения), тогда как о смежном со Скифией боспорском регионе упомянул лишь вскользь и настолько невнятно, что создается впечатление, будто в его времена это был еще совершенно необжитый греками район, населенный исключительно скифами и синдами (Herod. IV. 28, 100). Это тем более странно, поскольку Геродот не мог не знать, что уже тогда боспорский конгломерат греческих городов был крупнейшим в Понте (Виноградов 2000, 98–99), а, по мнению Б. А. Рыбакова, «отец истории» лично прошел на судне вдоль Боспора на пути в меотийские Кремны, где «В последний раз мы ощущаем... “эффект присутствия” Геродота в описываемых им местах» (Рыбаков 1979, 45).

⁹¹ Суриков 1999, 100, 101.

⁹² Брашинский 1958, 111. Однако здесь же вынужден признать, что ее результаты «имели перво-степенное значение для Афинского государства», и подкрепляет данный тезис соображениями о привлечении Периклом к операциям в Черном море свыше двухсот военных кораблей (113, прим. 13).

⁹³ Блаватская 1959, 58.

⁹⁴ Карышковский 1959, 72.

⁹⁵ «...эпизод с Тимесилеем введен в повествование с несомненной целью оттенить антитиранические черты политики Перикла» (Суриков 1999, 99).

⁹⁶ Карышковский 1959, 74.

со сколько-нибудь серьезным сопротивлением⁹⁷. И если это действительно так, то, сопоставляя эту донельзя парадоксальную ситуацию с фактом существования при афинянах тирании Спартокидов, невольно закрадывается мысль: а не имеем ли мы здесь дело именно с тем редким случаем, когда «гора родила мышь»? Иначе говоря, результаты Понтийской экспедиции могли оказаться таковыми, что не шли ни в какое сравнение с теми огромными финансовыми издержками, которые понесли Афины на ее подготовку и проведение, не говоря уже о возлагавшихся на нее, надо полагать, больших ожиданиях. И очень может быть, что эпизодом с изгнанием Тимесилея не только начинается, но и, по большому счету, исчерпывается список сколько-нибудь значимых деяний Перикла в Понте, что, собственно, и вынудило Плутарха (а возможно, и его информатора) ограничиться лишь туманной апологетической риторикой. Если же согласиться с такой оценкой, то отсюда — один шаг к признанию того, что пришельцев из Аттики на Боспоре поджидало некое препятствие, оказавшееся для них не только непреодолимым, но совершенно неожиданным и обескураживающим. Для прояснения этой загадочной ситуации, пожалуй, имеет смысл обратиться к списку боспорских городов, входивших в состав I Афинского морского союза.

Итак, членство Нимфея установлено вполне надежно, причем едва ли не то же самое можно сказать и в отношении восточно-крымского Ким[мерика], а также Феодосии (см. выше). Если принять восстановление «Пат[унт]» (Патус / Баты) — поселение в Цемесской бухте (Новороссийск)⁹⁸ — и допустить, что в трибунных списках 425/4 г. фигурирует не боспорская Г[ермонасса], а южнопонтийская (неподалеку от Трапезунта)⁹⁹ или же Гермонакта (близ Тиры)¹⁰⁰, то перед нами предстает следующая и, надо сказать, весьма неожиданная картина: афинянам не удалось проникнуть в зону Керченского пролива (включая Таманский залив) и поэтому пришлось довольствоваться малым — обложить своими базами лишь черноморское побережье боспорского региона¹⁰¹. В самом деле, ведь если

⁹⁷ По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, Нимфей добровольно вошел в Архэ, поскольку имел «серьезные причины опасаться соседства одновременно скифов и Боспора» (Шелов-Коведяев 1985, 103), а вернее Пантикапея. Причем едва ли не то же самое можно сказать и в отношении Феодосии, окруженной теми же скифами и воинственными таврами.

⁹⁸ Блаватский 1954, 27; Молев 1997, 56, 71, прим. 29.

⁹⁹ См.: Суриков 2012, 465.

¹⁰⁰ См. Яйленко 1982, 274.

¹⁰¹ Если это действительно так, то существенно укрепляется предположение о тождестве предгоргии и Стратоклеи (см. выше). К слову сказать, доминирующее в историографии мнение о том, что, Синдская Гавань была предшественницей Горгии, вызывает серьезные возражения (Строкин 2008, 437 сл.), которые можно резюмировать так. Совершенно непонятно, почему сообщение одного позднего автора (Ps.-Агг. PPE 62–64, 74) в глазах исследователей перевешивает сообщения двух более ранних (Ps.-Scymn 886–889; Strabo XI. 2. 14), взятых из независимых источников? Кроме того, информация Анонима внутренне противоречива — он локализует Синдскую Гавань на одном острове с Фанагорией и Гермонассой, тогда как приводимые им цифровые данные указывают на район Анапы. Горгии же при этом не упоминается, что, в общем-то, не удивительно, так как во времена Пс.-Арриана (V в. н. э.) город уже давно лежал в руинах — он был окончательно разгромлен «сразу после 239 г.» (Алексеева 1997, 76). Отсюда следует, что в последнем случае Пс.-Арриан локализует Синдскую Гавань на пустом месте. Наконец, излишне доказывать, что город с таким красноречивым названием был основан на берегу естественного закрытого водоема, пригодного для стоянки судов. Тогда как в Анапе ничего похожего нет — главным бухтообразующим элементом ее гавани является мол новейшего времени. Хотя некие портовые сооружения наверняка существовали здесь и в древности — ближайший пример дает гавань Феодосии (кстати, значитель-

допустить обратное и согласиться с тем, что в списках фороса значится таманский Киммерий / Киммерида, локализуемый на выходе из пролива в Азовское море (Ps.-Skymn. 896–899; Strabo. XI. 2. 4), а также Патрей и Гермонасса, находившиеся в бассейне Таманского залива (Strabo. XI. 2. 8, 10; Ps.-Arr. PPE. 64), как тотчас встает вопрос: что могло помешать всемогущим афинянам прибрать к рукам Пантикапей и прочие города, расположенные в непосредственной близости от только что названных? Поскольку же он очевидным образом остается без вразумительных объяснений, то следует скорее думать, что Периклу (равно как и его ближайшим преемникам) не удалось ни развязать, ни разрубить боспорский «Гордиев узел»¹⁰². Причем при любых теоретически возможных вариантах трактовки этой загадочной ситуации с полной уверенностью можно говорить, пожалуй, лишь о том, что с прибытием к берегам Боспора военно-морской эскадры Афин здесь сформировался устойчивый баланс сил, просуществовавший до конца Пелопоннесской войны. В данных условиях, казалось бы, выдвигается на передний план версия В. Д. Блаватского, согласно которой в вооруженном противостоянии афинян со Спартокидами последние выступали в коалиции с местными номадами¹⁰³. Думается, однако, что этого было всё же недостаточно для достижения искомого баланса сил. Ведь если б афиняне, высадившись в гавани Пантикапея, сходу стали бы штурмовать акрополь, то местным властям пришлось бы всерьез рассчитывать, пожалуй, лишь на собственные силы — о применении знаменитой скифской конницы (считавшейся тогда непобедимой — Herod. IV. 46) в стесненных городских условиях не могло быть и речи. Поскольку же вышеупомянутый факт остается фактом, то в ситуации острого дефицита источников приходится лишь теряться в догадках и выдвигать более или менее вероятные гипотезы. Но коль скоро иного не дано, то рискну предложить свою.

Думается, что перед лицом смертельной опасности, нависшей над пантикапейской тиранией, Спарток мог поступить именно так, как действовали русские моряки при обороне Севастополя в сентябре 1854 г., столкнувшись с превосходяще широко распахнутая в море), где найдены остатки античного Г-образного мола (Колли 1909, 125 сл.), — но даже это не меняет сути дела: естественной гавани нет ни в самой Анапе, ни в ее ближайших окрестностях.

¹⁰² К такому же выводу приводят и результаты исследований некрополей боспорских городов. На основании присутствия в некрополе Нимфея последней трети V в. обряда кремации (ок. 19 % погребений), ближайшую аналогию которому дает Атика, В. А. Анохин заключает, что в город была выведена афинская клерухия (Анохин 1999, 32). Примечательно, что в курганном некрополе Феодосии конца V — первой четверти IV вв. кремированные погребения преобладают над всеми прочими (Тункина 2011, 197 сл.), притом, что они не зафиксированы на Тамани (Кастанаян 1959, 290, 293). Любопытно, что обряд кремации изредка встречается в хорошо исследованном некрополе Пантикапея (6 погребений) (там же, 260, 261), а также в некрополе пред-Горгиппии (Алексеева 1997, 21); правда, последний находится в черте Анапы и поэтому исследован крайне фрагментарно, а кремированные погребения Пантикапея находят ближайшие ритуальные аналогии на о. Фера (Кастанаян 1959, 274).

¹⁰³ Весьма симптоматичен и тот факт, что оба региональных союзника афинян — Нимфей и Феодосия, — чеканили при них серебро в заведомо неаттической монетной системе (эгинской или персидской — не суть важно), объявленной вне закона вышеупомянутым Афинским ММД. Такое положение вещей может объясняться, пожалуй, только тем, что крупнейшие боспорские полисы-эмитенты (Аполлония и Пантикапей) были неподконтрольны афинянам, отчего последние и сочли за благо сделать исключение для своих боспорских союзников, дабы не вносить метрологический хаос в давно сформировавшуюся здесь монолитную денежную среду (Строкин 2009а, 159).

¹⁰³ Блаватский 1954, 43–44.

дьящими силами англо-французского флота¹⁰⁴: направить находившиеся в гавани Пантикапея суда к северо-западной оконечности косы Тузла и, выстроив их в цепь поперек фарватера, затопить.

В принципиальной осуществимости такого способа блокады Керченского пролива несложно убедиться, если принять во внимание следующие обстоятельства. Названная коса является единственной аккумулятивной формой, расположенной поперек пролива, и вследствие интенсивного воздействия Черного моря постоянно «мигрирует» в северном направлении¹⁰⁵, а значит, в V в. находилась где-то между Тиритакой и Нимфеем (рис. 2). Если также учесть, что фанагорийская регрессия достигла своего максимума как раз в середине I тыс. до н.э. и уровень Черного моря был тогда на 5–6 м ниже современного¹⁰⁶, то отсюда следует, что во времена Перикла судоходный фарватер в районе косы Тузла был несоизмеримо уже нынешнего¹⁰⁷ и таким образом возможность осуществления указанного способа блокады пролива становится вполне реальной. Разумеется, неотъемлемым звеном этой гипотетической реконструкции является то, что прибытие афинского флота к берегам Боспора не явилось для Пантикапея полной неожиданностью.

Здесь уместно обозначить еще одно принципиально важное и, пожалуй, совершенно незыблемое положение: планы действий Перикла в Понте были широко известны, причем не только в Аттике, но и далеко за ее пределами, да и сам Перикл, похоже, был весьма далек от мысли хранить их в секрете — это делала практически невозможным сама природа демократического общества, а совершенно излишним — мощь ведомого им флота, способного смести любые преграды на своем пути. Причем в обстановке полного информационного вакуума, которым окружена смена власти в Пантикапее (Diod. XII. 31. 1), данное обстоятельство — и это следует подчеркнуть — работает только на одну из имеющихся версий: переворот Спартока явился непосредственной ответной реакцией на агрессивные действия афинян в регионе. Не подлежит сомнению, что вести о приближении к берегам Боспора крупной эскадры противника способны посеять панику во властной элите Пантикапея — ввергнуть в смятение одну ее часть и спровоцировать другую на самые решительные действия¹⁰⁸. Таким образом, создавшаяся здесь чрезвычайная ситуация неизбежно содействовала резкому обострению борьбы

¹⁰⁴ Тарле 1950, 135–137.

¹⁰⁵ Шелов-Коведяев 1985, 35.

¹⁰⁶ Шелов-Коведяев 1985, 29; Болиховская и др. 2002, 268.

¹⁰⁷ «На северо-запад от острова Тузла на 3,7 км тянется искусственная каменная гряда, которая суживает ширину судоходной части Керченского пролива до 750 м. Кроме этого, остров практически со всех сторон окружают песчаные отмели, поверхность которых находится на глубинах от 1,8 до 3,8 м» (Горлов 2008, 430). По сведениям карты Главного управления навигации и океанографии МОРФ № 35130 от 12.02.2000 г., глубина пролива в районе о. Тузла не превышает 5,9 м (кроме периодически углубляемого фарватера: 9,4 м при ширине 120 м). Таким образом, становится ясно, что в обозреваемое время подавляющая часть Керченского пролива в указанном месте представляла собой либо сушу, либо заведомо непроходимое мелководье (особенно для мощных килевых триер афинян). Весьма показательным в этом плане сообщение Полибия (IV. 39. 3; 40. 8): называя Боспор Киммерийский мелководным проливом, он добавляет, что плавание по нему и Меотиде крупных судов невозможно без лоцмана; о значительных трудностях плавания в этих местах сообщает также Аристотель (Meteor. I. 14. 29).

¹⁰⁸ Даже такой «закоренелый скептик», как И. Б. Брашинский, полагал, что «уже самый факт пребывания афинского флота в Понте Евксинском мог привести к серьезному политическому кризису на Боспоре» (Брашинский 1958, 120).

между различными политическими группировками, а главное — консолидации всех антиафинских сил, включая местных племенных вождей (ввиду проводимого Периклом курса на борьбу с туземцами — Plut. Per. XX), что в конечном итоге привело к свержению Археанактидов (по всей вероятности, склонных сдать город без боя¹⁰⁹). Все это позволяет решительно встать на сторону тех исследователей, которые датируют анализируемую экспедицию 437 г. и усматривают наличие прямой взаимосвязи между нею и переворотом Спартока¹¹⁰.

Рис. 2. Реконструкция района Керченского пролива в V в. до н. э.
Пунктиром обозначено вероятное местоположение косы Тузла.
x — место сооружения предполагаемой дамбы.

Подводя итоги, следует еще раз отметить главное. Думается, что предложенный поворот событий мог явиться именно тем решившим исход всего дела обстоятельством, которое вынудило Перикла отказаться от планов по силовому вовлечению в Архэ Пантикапея, Аполлонии и ряда других боспорских городов — проведение крупных сухопутных операций (в чем, как известно, афиняне не были

¹⁰⁹ «Видимо, столкнулись две партии: одна, ориентированная на афинян, другая — на местные племена. Победа второй привела к свержению Археанактидов и установлению власти Спартока» (Блаватский 1954, 44). Такой вывод представляется вполне закономерным ввиду того, что, с одной стороны, ряд историков склонны видеть в ярых противниках Спартокидов, укрывшихся в Феодосии (Isocr. XVII. 3; Ps.-Arag. PPE. 77), представителей династии Археанактидов (см.: Завойкин 2004б, 64), а с другой — Феодосия в это время, скорее всего, входила в орбиту влияния Афин (Шелов 1956, 41).

¹¹⁰ Ростовцев 1918, 67; Каллистов 1949, 218; Блаватский 1954, 43–44; Шелов-Коведяев 1985, 86; Масленников 1996, 67; Анохин 1999, 27–28.

сильны) вдали от родины и притом на обеих сторонах Керченского пролива сулило неясные перспективы и грозило затянуться на неопределенное время. Таким образом, данную военно-морскую акцию Афин нельзя признать в полной мере успешной. И хотя Периклу, вне всяких сомнений, удалось наладить надежный боспоро-афинский транспортный канал, однако другая и притом не менее важная задача, связанная с насущной необходимостью тотального вовлечения в Архэ боспорских полисов (дабы получать львиную долю производимых ими сельхозпродуктов в счет погашения общесоюзного налога, т.е. совершенно бесплатно) была решена далеко не в полной мере, поскольку нет ни малейших сомнений в том, что основную массу местного товарного хлеба афинянам приходилось закупать по рыночным ценам (во многом продиктованным его производителями и реэкспортерами).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* 1997: Античный город Горгиппия. М.
- Андреев В. Н.* 1983: Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н.э. // АГ. 1, 247–326.
- Андреев Ю. В.* 1983: Спарта как тип полиса // АГ. 1, 194–216.
- Анохин В. А.* 1986: Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А.* 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Анохин В. А.* 1999: История Боспора Киммерийского. Киев.
- Блаватская Т. В.* 1959: Очерки политической истории Боспора V–IV вв. до н.э. М.
- Блаватский В. Д.* 1954: Архаический Боспор // МИА. 33, 7–44.
- Болиховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фуаш Э.* 2002: Изменение ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. XII, 257–271.
- Брашинский И. Б.* 1958: Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 3, 110–120.
- Брашинский И. Б.* 1984: Торговля // АГСП, 174–186.
- Васильев А. Н.* 1992: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб, 111–128.
- Виноградов Ю. Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-географическое исследование. М.
- Виноградов Ю. А.* 2000: Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 3, 98–128.
- Высокий М. Ф.* 2004: Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. XIV, 399–424.
- Гаврилов О. В.* 1998: Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1, 110–123.
- Гайдукевич В. Ф.* 1949: Боспорское царство. М.; Л.
- Горлов Ю. В.* 2008: Географическая ситуация на Таманском полуострове во второй половине голоцена // ПИФК. XXI, 415–436.
- Жебелев С. А.* 1953: Афины, Нимфей и измена Гилона // СП. 34, 180–195.
- Завойкин А. А.* 1995: О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 6, 89–92.
- Завойкин А. А.* 1998: Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 3, 134–145.
- Завойкин А. А.* 2000: Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Международные отношения и дипломатия в античности. Казань, 249–268.
- Завойкин А. А.* 2004а: Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н.э. // ДБ. Suppl. I.

- Завойкин А. А.* 2004б: Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. XIV, 58–93.
- Зельин К. К.* 1964: Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.
- Зограф А. Н.* 1954: Античные монеты // МИА. 16. М.
- Каллистов Д. П.* 1949: Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
- Каменецкий И. С.* 1999: Греки и меоты // БФ, 234–239.
- Карышковский П. О.* 1959: Ольвия и Афинский союз // МАПП. III, 57–100.
- Карышковский П. О.* 1988: Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев.
- Кастанаян Е. Г.* 1959: Грунтовые некрополи боспорских городов // МИА. 69, 257–295.
- Колли Л.* 1909: Следы древней культуры на дне морском // ИТУАК. 43.
- Кондратьев М. В.* 1983: Архэ и афинская демократия // Античная Греция. 1, 327–365.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П.* 2010а: О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 3, 31–59.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П.* 2010б: О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 4, 23–50.
- Кузнецов В. Д.* 2000: Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1, 107–120.
- Максимова М. И.* 1954: Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. 33, 45–57.
- Мальшев А. А.* 2000: Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III вв. до н.э. // ДБ. 3, 104–130.
- Масленников А. А.* 1996: Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. III, 61–71.
- Мельников О. Н.* 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и измена Гилона // МАИЭТ. VIII, 410–427.
- Мельников О. Н.* 2003: Мельников О. Н. Боспорская государственность VI–начала IV вв. до н.э. по данным нумизматики // IV Боспорские чтения. Керчь, 174–183.
- Молев Е. А.* 1997: Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.
- Паршиков А. Е.* 1969: О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // ВДИ. 2, 5–31.
- Розов В. Н.* 2012: К находке монеты Фокеи в Восточном Крыму // ДБ. 16, 299–306.
- Ростовцев М. И.* 1918: Эллинство и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М. И.* 1925: Скифия и Боспор. Л.
- Рыбаков Б. А.* 1979: Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.
- Сапрыкин С. Ю.* 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* 1999: О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. // ДБ. 2, 203–212.
- Столба В. Ф.* 1989: Монеты Нимфея в системе боспорской чеканки второй пол. V в. до н.э. // Скифия и Боспор, 48–51.
- Стрелков А. В.* 1999: Афинский монетный декрет // НЭ. XVI, 25–47.
- Строкин В. Л.* 2008: «Синдская гавань и [одноименный] город» (Strabo. XI. 2. 14) // ПИФК. XXI, 437–458.
- Строкин В. Л.* 2009а: Монеты с легендой ΝΥΝ: хронология чеканки // ПИФК. 1, 151–168.
- Строкин В. Л.* 2009б: Нимфей — Самма(?) — Нимфей // ДБ. 13, 359–392.
- Строкин В. Л.* 2011: Афинский след в монетном деле Феодосии // ПИФК. 1, 37–52.
- Суриков И. Е.* 1999: Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 2, 98–113.
- Суриков И. Е.* 2000: По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // ВНК. VIII, 6–7.

- Суриков И. Е. 2001: Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 10, 90–97.
- Суриков И. Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16, 440–469.
- Тарле Е. В. 1950: Крымская война. Т. 2. М.; Л.
- Терещенко А. Е. 2004: Автономная чеканка Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.: дисс. канд.ист.наук. СПб.
- Тункина И. В. 2011: К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.) // БФ, 197–202.
- Улитин В. В. 2011: Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта // БФ. Население, языки, контакты, 282–287.
- Шамба С. М. 1982: О чем говорят монеты. Сухуми.
- Шелов Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985: История Боспора VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР, 5–187.
- Яйленко В. П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М.
- ATL I = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1939: The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge (USA).
- ATL II = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1949: The Athenian Tribute Lists. Vol. II. Princeton.
- ATL 3 = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1950: The Athenian Tribute Lists. Vol. III. Princeton.
- Rosivach V. J. 2000: Same Econome Aspects of the Fourth - Century Athenian Market in Grain // Chiron. Band 30. München.
- Rostovtzeff M. 1932: The Bosporan Kingdom. САH. VIII.
- Rühl F. 1868: Über die Quellen des Plutarchs für das Leben des Perikles. Neue Jahrbücher f. Phil. Lpz.
- Sarpaki A. 1992: The Palaeoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet ? // Agriculture in Ancient Greece. Acta instituti Atheniensis regni sueciae, series in 4. Stockholm.
- SNG. 1993: Sylloge numorum graecorum. Volume IX. Part 1. The Black sea. London.
- SNG. 2000: The William Stancomb collection of coins of the Black sea region. The British Academy. Vol. XI. Oxford.
- Tsetskhladze G. R. 2008: “Grain for Athens”. The view from the Black Sea // Feeding the ancient Greek city. MA, 47–62.

PERICLES AND THE BOSPORAN “GORDIAN KNOT”

V. L. Strokin

Proceeding from the dominant opinion that the chief goal of Pericles' Pontic expedition was the food problem in Attica, and the terms Pontus and Bosphorus were used as synonyms in Athenian sources of the 4th century BC, the author of the article puts forward the following interpretation of Plutarch account of the expedition (Plut. Per. 20). Commenting his passage the author proposes the following route of Pericles expedition: Athens–Cimmerian Bosphorus–Sinope–Thens. It is also suggested that Spartok I reacted to Athenian military action of the 437 BC with a coup in Panticapeum, and then he blocked Kerch strait near Tuzla with sunken ships. The hypothesis explains why Panticapeum and other towns in the vicinity of Kerch strait and Taman bay were not incorporated into the First Athens Sea Union.

Key words: Bosphorus Cimmerian, Athens, Pericles

Древний Восток

© 2013

М. Н. Каранаев

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ ФАРИСЕЕВ ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА ЯННАЯ

В статье говорится о причинах, вызвавших восстание фарисеев против правителя государства Хасмонеев Александра Янная (103–76 гг. до н.э.). Автор обращается к анализу различных существующих в историографии точек зрения и предлагает развитие гипотезы, предложенной Виктором Чериковером об экономических предпосылках к восстанию. Анализ военной и экономической политики, проводимой Александром Яннаем в частности и Хасмонеями в целом, позволяет сделать вывод том, что одной из первопричин к восстанию стал экстраординарный налог, который был вызван стремлением правителя Иудеи как можно скорее восстановить мощь своей армии, уничтоженной в войне с набатеями. Яннай планировал осуществить вербовку новых наемников, для чего ему и потребовались дополнительные финансовые средства. Именно эти меры могли вызвать недовольство как фарисеев, так и широких слоев населения Иудеи.

Ключевые слова: Иудея, Хасмонеи, Александр Яннай, Селевкиды, фарисеи, наемники, Иосиф Флавий, Виктор Чериковер

При изучении военной политики государства Хасмонеев особый интерес вызывает период правления Александра Янная (103–76 гг. до н.э.). В это время Иудея вела непрекращающиеся войны, и к концу царствования Яннаю удалось значительно увеличить территорию страны. Из всего множества военных конфликтов, прошедших за годы правления одного из активнейших иудейских правителей, наше внимание привлекло его противостояние с фарисеями в период конца 90-х — середины 80-х гг. I в. до н.э. (Jos. AJ. XIII. 13. 5–14. 2; VJ. IV. 3–6)¹.

В историографии преобладает оценка этих событий через призму идеологического конфликта между фарисеями и сторонниками Александра Янная; в нем

Каранаев Михаил Николаевич — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского федерального университета. E-mail: karanaevmk@mail.ru

¹ Несмотря на то, что источники подробно описывают события, связанные с началом восстания, а также содержат указания на его длительность, они не позволяют однозначно определить дату его начала. Большинство историков сходятся на 92/90–86/84 гг. до н.э. И. Шацман, к примеру, определяет хронологические рамки 92–86 гг., но при этом, анализируя историю противостояния набатейских правителей с Селевкидами, допускает возможность датировки восстания иудеев 89–83 гг. до н.э.: Shatzman 1991, 121.

могут быть прослежены также и некоторые социальные предпосылки². Несомненно, что восстание фарисеев, фактически вылившееся в полномасштабную гражданскую войну в Иудее, представляло собой сложное социально-политическое явление, затронувшее практически все население государства. И потому, говоря о его возможных предпосылках, разумеется, следует иметь в виду целый комплекс разнородных причин, которые и всколыхнули иудейское общество. Вполне вероятно, что все перечисленные точки зрения, отнюдь не исключают друг друга, могут оказаться близкими к истине. Однако они выдвигают на первый план долговременные факторы внутривосточного развития Иудеи, действующие на протяжении значительной части правления Янная и вряд ли помогают определить конкретный повод к началу конфликта.

Представляется, однако, что исследователи уделяют недостаточное внимание военному и экономическому аспектам событий. Первый из них затронут ведущими специалистами по этой проблематике А. Кашером³ и И. Шацманом⁴, которые, однако, не связывают с ним непосредственно начало восстания. Отдельного упоминания заслуживает работа В. Чериковера, считающего, что основной причиной восстания оказалось, прежде всего, тяжелое экономическое положение простых иудеев, которые, в отличие от еврейской аристократии, не получали никаких выгод от активной внешней политики, проводимой Иохананом Гирканом, Аристбулом I и Александром Яннаем. Наоборот, низшие слои населения несли на себе

² В работах, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, можно увидеть различные взгляды на причины, послужившие поводом для восстания против Александра Янная. Э. Шюрер считает, что причиной восстания послужило оскорбление иудейским правителем чувств верующих евреев (Schürer 1973, 222). М. Штерн видит в качестве таковой недовольство от узаконенного присутствия в стране и находящихся на царской службе иноверцев — чужеземных наемников, усугубленное переходом Храма под контроль светских правителей, совмещающих функции этнарха и первосвященника. К этому следует добавить общую усталость населения от большого количества затратных и кровопролитных войн, проводимых Александром Яннаем (Stern 1956, 9–12). Г. Алон полагает, что толчком к началу вооруженного восстания иудеев стало сокращение влияния или даже полное упразднение синедриона (Alon 1977a, 18–47). Л. Левин в качестве главной причины представляет усиление влияния саддукеев на правителя Хасмонеев (Levine 1980, 61–83). М. Геллер, анализируя текст Иосифа Флавия и талмудическую традицию, объясняет противостояние фарисеев с Яннаем ущербным, с их точки зрения, происхождением последнего: он якобы был рожден в плену и потому не мог быть законным первосвященником и правителем (Geller 1979, 202–211). С.М. Дубнов видит истоки данного конфликта в создаваемой фарисеями особой духовной культуре, направленной на преобладание религиозности, а не светскости, а также на ограничение внешнеполитической активности Хасмонеев (Дубнов 2006, 94–95, 122). И, наконец, значительная часть исследователей сводит причины восстания к общему упадку монархии Хасмонеев, а также деструктивному характеру всей деятельности Янная, узурпировавшего царский титул и чрезмерно усилившего присутствие эллинистических символов и традиции на территории Иудеи, что вступало в противоречие с религиозно-политическими нормами еврейского общества (Goldstein 2008, 338; Schwartz 1992, 44–56; Hengel 1986, 28–38). Ср. также Pastor 2005, 70–71.

³ А. Кашер провел основательное изучение военных действий между набатеями и иудеями, однако о восстании упоминает лишь вскользь, причем преимущественно в контексте противостояния Александра Янная с Деметрием III Эвкером и его сотрудничеством с иудеями. Kasher 1988, 93–97; Kasher 1991, 325–352.

⁴ И. Шацман в исследовании армии иудеев в Хасмонейский и Иродианский периоды сделал основной акцент на изучении фортификации и некоторых вопросов, связанных с организацией армии. Тема восстания фарисеев им также затронута лишь в контексте войны Александра Янная с набатеями, и каких-либо выводов относительно причин гражданской войны в Иудее он не делает. См. Shatzman 1991, 92, 118, 121, 125.

основную экономическую нагрузку в обеспечении войн Хасмонеев, что в итоге и стало главной причиной восстания против Александра Янная. Однако ученый не развивает свою гипотезу, ссылаясь на недостаточность источниковых данных — прежде всего, информации об экономическом положении широких слоев населения⁵. Между тем анализ ряда событий, предшествующих началу восстания, способен предоставить данные, служащие частичным подтверждением гипотезы В. Чериковера и позволяющие говорить о *военно-экономических факторах*, послуживших отправной точкой к восстанию иудеев с сектой фарисеев во главе против Александра Янная.

Флавий довольно подробно описывает накал страстей между фарисеями и Александром Яннаем, поддержанным саддукеями (Ал. XIII. 13. 5)⁶. Отголоски этого конфликта, по мнению В. Чериковера, можно увидеть даже в апокрифической литературе, к примеру, в Книге Еноха, где применительно к этому историческому периоду говорится о «богатых, неправильно наживших свои богатства, угнетающих бедных и преследующих праведников» (1 Енох 89–95)⁷.

Для определения социальной базы фарисеев обратимся к классику отечественной иудаики С.М. Дубнову. Он провел четкое разграничение между религиозными отличиями течений фарисеев и саддукеев и их социально-политическими программами⁸. Фарисеи представляли интересы консервативной и наиболее многочисленной части иудейского общества, стремящегося к внешнеполитической и религиозной независимости, но не испытывающей никакого интереса ко всему, что творится вне границ Иудеи. Так, они полностью поддерживали действия Хасмонеев, когда те боролись за независимость Иудеи от Селевкидов, но затем встали в оппозицию правителям после начала завоевательных походов Иоханана Гиркана⁹. Саддукеи, в свою очередь, были сторонниками экспансионизма и расширения эллинизации Иудеи, поэтому они полностью поддерживали завоевательные устремления Хасмонеев¹⁰. Таким образом, согласно С.М. Дубнову, сторонниками фарисеев были преимущественно городские низы и мелкие арендаторы¹¹. Впрочем, кроме упомянутых «низов» иудейского общества, поддержку фарисеям оказывали также торговцы, ростовщики, землевладельцы, чиновники и даже некоторая часть аристократии, недовольная появлением в своей среде «новых людей», возвысившихся в эпоху Хасмонеев¹². В любом случае, для наших последующих выводов очень важно понимание того, что именно идеологические сторонники фарисеев составляли основную долю налогооблагаемого населения Иудеи.

⁵ Чериковер 2010, 384–391.

⁶ Подробнее о взглядах Флавия на роль фарисеев в истории Иудеи, смещении акцентов от «Иудейской войны» к «Иудейским древностям», а также дискуссии на эту тему см. Williams 1993, 29–41.

⁷ Schams 1998, 90–98; Чериковер 2010, 385–387. Ср. также 1 Енох 89. 2 — богатые именуются «злыми» и «неверными»; 1 Енох 89.9,14 «идолопоклонники». Заметим, что этот фрагмент несколько неоднозначен: несмотря на то, что соотнесение этих фрагментов со временем Хасмонеев общепринято, обвинение саддукеев в идолопоклонстве вызывает некоторые сомнения (van der Kam 1984, 144; Stuckenbruck 2007, 212). Не исключено, что под «идолопоклонниками» могли подразумеваться греки на службе у Янная — в первую очередь, наемники и их командиры.

⁸ Дубнов 2006, 95.

⁹ Sievers 1990, 147–150; Kasher 1991, 347; Schwartz 1992, 44–57.

¹⁰ Семенченко 2005, 125–142.

¹¹ Дубнов 2006, 95, 110–114.

¹² Saldarini 2001, 3–11, 20–21, 28–75, 84–97.

Иосиф Флавий связывает зарождение восстания с событиями, прошедшим в праздник Кущей, в 92 или 90 г. до н.э.¹³, когда в ответ на неправильное исполнение богослужения городская чернь обкидала Александра Янная цитрусовыми и при этом поносила как самого правителя Иудеи, так и его родителей (AJ. XIII. 13. 5)¹⁴. В ответ на это, по словам Флавия, Яннаи отдал приказ перебить смутьянов, в результате чего погибло до шести тысяч человек: «Ἀλέξανδρος δὲ τῶν οἰκείων πρὸς αὐτὸν στασιασάντων, ἐπανεστή γὰρ αὐτῷ τὸ ἔθνος ἐορτῆς ἀγομένης καὶ ἐστῶτος αὐτοῦ ἐπὶ τοῦ βωμοῦ καὶ θύειν μέλλοντος κτηρίοις αὐτὸν ἔβαλλον, νόμου ὄντος παρὰ τοῖς Ἰουδαίοις ἐν τῇ σκηνοπηγίᾳ ἔχειν ἕκαστον θύρσους ἐκ φοινίκων καὶ κτηρίων, δεδηλώκαμεν δὲ καὶ ταῦτα ἐν ἄλλοις, προσεξελοιδόρησαν δ' αὐτὸν ὡς ἐξ αἰχμαλώτων γεγονότα καὶ τῆς τιμῆς καὶ τοῦ θύειν ἀνάξιον, ἐπὶ τούτοις ὀργισθεὶς κτείνει μὲν αὐτῶν περὶ ἑξακισχιλίου»¹⁵. Всего же за годы восстания было умерщвлено будто бы порядка пятидесяти тысяч человек (AJ. XIII. 13. 5; BJ. I. 4. 4). К подобным цифрам, разумеется, следует относиться очень осторожно. Иосиф Флавий, несмотря на заявленное им самим родство с Хасмонеями, очень предвзято относился к некоторым из правителей этого дома¹⁶ — в частности, именно к Александру Яннаю¹⁷. Достаточно обратить внимание на то, что к описаниям его поражений, творимым им зверствам и всяческим жестокостям Флавий подходит очень тщательно и с максимальными подробностями. В то же время информации о его достижениях и завоеваниях уделено лишь несколько строк — а это ни много ни мало приморские города и земли, а также территории Галаада и Моава, стратегически, экономически и исторически крайне важные для Иудеи (не говоря уже о прочих землях, которые Яннаи завоевал, но удержать не смог, в первую очередь из-за внутренних проблем) (AJ. XIII. 12. 1 — 15. 5; BJ. I. 4).

Однако вернемся к начальному периоду восстания. Как известно, после инцидента на праздник Кущей иудейский правитель отправился в поход на набатейского царя Оведу и был наголову разбит, причем потерял практически все свое войско¹⁸: «Συνάψας δὲ μάχην πρὸς Ὀβέδαν τὸν Ἀράβων βασιλέα καὶ πεσὼν εἰς ἐνέδραν ἐν χωρίοις τραχέσι καὶ δυσβάτοις ὑπὸ πλήθους καμήλων εἰς βαθεῖαν κατερράχθη φάραγγα κατὰ Γάδαρα κόμην τῆς ἰουδάνιδος καὶ μόλις αὐτὸς διασώζεται, φεύγων

¹³ Как мы уже упоминали выше, хронологию этих событий крайне сложно реконструировать по источнику, однако историографическая традиция соотносит эти события либо с 93/2, либо с 90/89 гг. до н.э. О дискуссии на эту тему см. Shatzman 1991, 117.

¹⁴ Главным для бунтующих было обвинение Янная в том, что он родился в плену, а также то, что личность его настоящего отца вызывает сомнения, и в соответствии с иудаистской традицией он не мог исполнять богослужения (ср. AJ. XIII. 10. 5–6). Однако эти обвинения носили явно надуманный характер. Geller 1979, 203, 209–210.

¹⁵ «Между тем на Александра восстали его подчиненные (так как народ был возбужден против него): когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами; дело в том, что, как нам пришлось уже упоминать в другом месте, у иудеев был обычай держать в руках в праздник Кущей ветки финиковых пальм и лимонных деревьев. Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения. Рассердившись на это, Александр велел перебить до шести тысяч человек» (здесь и далее перевод текста «Иудейских древностей» дан по переводу Г. Геккеля. Флавий 2003, 221–222).

¹⁶ Раджак 1993, 29, 42–43.

¹⁷ Goldstein 2008, 324.

¹⁸ Первоначально, в «Иудейской войне», Флавий именно масштаб этого поражения называл причиной, побудившей иудеев восстать против Янная (BJ. I. 4. 4).

δ' ἐκεῖθεν εἰς Ἱερουσόλυμα παραγίνεται. καὶ πρὸς τὴν κατοπραγίαν αὐτοῦ ἐπιθεμένου τοῦ ἔθνους πολεμήσας πρὸς αὐτὸ ἔτεσιν ἕξ ἀναιρεῖ τῶν Ἰουδαίων οὐκ ἔλαττον πέντε μυριάδας. παρακαλοῦντος δὲ παῦσαι τὴν πρὸς αὐτὸν δυσμένειαν ἔτι μᾶλλον ἐμίσειον αὐτὸν διὰ τὰ συμβεβηκότα. πυνθανομένου δ' αὐτοῦ τί βούλονται, πάντες γενέσθαι ἐβόησαν ἀποθανεῖν αὐτόν, καὶ πρὸς Δημήτριον τὸν Ἄκαϊρον ἔπεμψαν παρακαλοῦντες ἐπὶ συμμαχίαν»¹⁹.

После этого Яннай вернулся в Иерусалим, где вскоре против него началось масштабное восстание. Следующий пассаж источника посвящен сражению Янная против Деметрия III Эвкера, произошедшему спустя несколько лет (AJ. XIII. 13. 5; BJ. I. 4. 4)²⁰. Нельзя не отметить, что селевкидский царь Деметрий III был приглашен восставшими для борьбы со своим собственным царем — случай в истории Иудеи уникальный. При описании сражения с Селевкидами под Сикхемом, что очень для нас важно, Иосиф Флавий особое внимание уделяет информации о наемниках Янная, которые проявили особую верность и стойкость и все погибли в бою, не оставив своих позиций (AJ. XIII. 14, 1; BJ. I. 4,5): «Ὁ δὲ μετὰ στρατιᾶς ἐλθὼν καὶ παραλαβὼν τοὺς ἐπικαλεσαμένους περὶ Σίκιμα πόλιν ἐστρατοπέδευσεν. Ἀλέξανδρος δὲ μετὰ μισθοφόρων ἑξακισχιλίων καὶ διακοσίων Ἰουδαίων τε περὶ δισμυρίους οἱ ἐφρόνουν τὰ ἐκείνου παραλαβὼν ἀντεπῆει τῷ Δημητρίῳ: τούτῳ δ' ἦσαν ἵππεῖς μὲν τρισχίλιοι, πεζῶν δὲ τέσσαρες μυριάδες. πολλὰ μὲν οὖν ἑκατέροις ἐπράχθη, τοῦ μὲν ἀποστῆσαι τοὺς μισθοφόρους ὡς ὄντας Ἑλληνας πειρωμένου, τοῦ δὲ τοὺς σὺν Δημητρίῳ Ἰουδαίους. μηδετέρου δὲ πεῖσαι δυνηθέντος, ἀλλ' εἰς μάχην συμβαλόντων, νικᾷ Δημήτριος, καὶ ἀποθνήσκουσι μὲν οἱ Ἀλεξάνδρου μισθοφόροι πάντες πίστεως ἅμα καὶ ἀνδρείας ἐπίδειξις ποιησάμενοι, πολλοὶ δὲ καὶ τῶν Δημητρίου στρατιωτῶν»²¹.

Исходя из этих сведений, можно проследить закономерность между поражением от набатеев, в котором Яннай потерял почти все войско, и началом восстания. В принципе, здесь допустимо увидеть вполне закономерное стремление профарисейски настроенных кругов иудейского общества воспользоваться ослаблением позиций непопулярного правителя и ударить по нему именно тогда, когда его армия понесла большие потери. Но дело в том, что в источнике есть описание

¹⁹ «После этого он вступил в борьбу с арабским царем Обедом, но очутился в засаде в тесном и труднопроходимом месте. Множество верблюдов вогнало его в глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары, и он едва спасся оттуда бегством в Иерусалим. К довершению его несчастья народ тут восстал против него, и он вступил с ним в ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лет, в течение которых он перебил не менее пятидесяти тысяч иудеев. Несмотря на его увещания прекратить против него неприязненные действия, народ не унимался, но еще более стал его ненавидеть за все свои несчастья. Когда же он предложил им высказаться, чего им собственно нужно, все потребовали его смерти. Затем иудеи призвали к себе на выручку Деметрия Эвкера».

²⁰ А. Кашер, доводы которого нам кажутся вполне аргументированными, анализируя действия Деметрия III Эвкера и Антиоха XII против набатеев и Хасмонеев, а также последующую завоевательную политику Александра Янная, определяет датировку сражения 90 г. до н.э. Kasher 1988, 95–96.

²¹ «Деметрий действительно явился со своим войском, принял в него тех, которые призвали его, и расположился лагерем в окрестностях города Сикима (Сихема). Александр двинулся во главе 6200 наемников и около 20 000 приверженцев своих из иудеев навстречу Деметрию, в распоряжении которого находилось три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. Тогда с обеих сторон были пущены в ход всевозможные средства, чтобы склонить наемные войска Александра на сторону Деметрия указанием того, что они эллины, а от Деметрия отвратить иудеев. Но когда ни те, ни другие не поддались этим убеждениям и предпочли сразиться, победа осталась за Деметрием. Тут пали все наемники Александра, являя редкий пример верности и храбрости; впрочем, и Деметрий потерял многих из своих воинов».

куда более серьезного поражения иудейского царя до этого, в результате которого он, согласно источнику, потерял от тридцати до пятидесяти тысяч человек²². Однако никаких попыток к восстанию тогда не предпринималось. В связи с этим особенно важно отметить тот факт, что, во-первых, в списке потерь предшествующего периода ничего не говорится о наемниках, а во-вторых, ранее эти поражения происходили вдали от Иерусалима; набатейская же армия теперь представляла реальную угрозу для столицы Иудеи. Таким образом, события выстраиваются в следующую цепочку: инцидент в Иерусалиме, во время которого Яннай прибег к помощи наемников²³; его разгром набатейским правителем, обернувшийся большими потерями; и наконец — спустя несколько лет сражение с Деметрием III, где также фигурируют наемники (на содержание которых у Яннай, очевидно, уже имелись какие-то средства).

Трудно представить, чтобы Александр Яннай, которому после поражения от набатеев срочно нужны были средства для найма нового войска, положился исключительно на традиционные источники финансирования, вроде налоговых поступлений или других постоянных статей дохода. Как мы считаем, одним из важных поводов для начала восстания, ранее никем не акцентированным, послужило введение Александром Яннаем чрезвычайного военного налога, которым были обложены широкие массы населения Иудеи. Точно так же, видимо, поступил Иоханан Гиркан в 133 г. до н.э., став первым правителем из рода Хасмонеев, начавшим использовать наемные войска²⁴.

Остановимся специально на вопросе о денежной плате наемникам. Иосиф Флавий пишет, что Иоханан Гиркан вскрыл гробницу царя Давида и извлек оттуда 3000 талантов, которые и использовал для создания наемного войска (AJ. XIII. 8. 4; VJ. I. 2. 5). Порой эта информация воспринимается буквально, без каких-либо комментариев²⁵, хотя скептический настрой в данном отношении более оправдан²⁶. В данном вопросе мы полностью принимаем мнение В. Чериковера, считающего, что Иоханан Гиркан для создания наемного войска применил какие-то особые меры пополнения казны. Вероятнее всего, речь идет о введении чрезвычайного налога, позволившего ему в течение нескольких лет после разгрома иудейских войск Антиохом VII Сидетом создать новое боеспособное войско с костяком из наемных солдат²⁷.

Подобные меры, если они действительно были предприняты Яннаем, вполне закономерно вызвали сильнейшее возмущение народа, так как страна и до этого была ослаблена чередой поражений и потерь, которые необходимо было возместить с помощью далеко не бесконечных экономических ресурсов основных

²² Речь идет о поражении от Птолемея IX Лафира под Асофоном в 102 г. до н.э. (AJ. XIII. 12. 5).

²³ Несмотря на то, что в источнике не говорится напрямую о том, что он прибег к помощи наемников, мы полностью принимаем точку зрения М. Штерна, считавшего, что Яннай применял наемников во всех своих жестких карательных действиях, направленных против иудеев, благодаря чему он, собственно, и удостоился прозвища «фракид» (AJ. XIII. 14. 2) (Stern 1956; Штерн 1997, 187).

²⁴ См. о происхождении, специализации наемников и прочих связанных с ними проблемах: Каранаев 2011a, 82–92; 2011b, 61–80; 2011c, 104–116. Ср. Kasher 1991, 344–349.

²⁵ См. например: Дубнов 2006, 104.

²⁶ Kasher 1991, 348–349; Каранаев 2011b, 63, прим. 5.

²⁷ Чериковер 2010, 376.

иудейских налогоплательщиков — мелких арендаторов, составлявших основную социальную базу для фарисеев²⁸.

Срочное финансирование было на тот момент совершенно необходимо вследствие потери армии и наемников в войне с набатеями, и никаким иным образом, нежели дополнительными внутренними финансовыми заимствованиями, Яннай казну пополнить не мог.

При Хасмонеях Иудея практически превратилась в эллинистическую монархию и заимствовала многие характерные черты эллинистических государств, в частности бюрократический аппарат для упорядочивания налоговой системы. Иосиф Флавий, однако, довольно пренебрежительно относился к освещению вопросов экономического характера — в том числе и к налоговой системе Хасмонеев, которая на данный момент изучена очень слабо²⁹. Между тем, если бы нам удалось определить численность налогооблагаемого населения Иудеи периода 90-х гг. до н.э. и величину взимаемого налога, это позволило бы определить примерную сумму, которую Александр Яннай мог получить, собрав внеочередной налог, и сопоставить ее с суммой, необходимой для платы наемникам.

Что касается численности населения Иудеи, В. Чериковер считает, что очень сложно делать какие-либо выкладки даже по более позднему римскому периоду, полагаясь на сведения из Флавия и Филона Александрийского (В.И. II. 14, 3; III. 3. 2; VI. 9. 3. Philo. In Flacc. 6. 3), поскольку они явно завышены и не соотносятся с реальными возможностями сельского хозяйства страны прокормить несколько миллионов евреев, упомянутых в источниках³⁰. Кроме того, следует учитывать как ассимиляцию иудеев не евреями, так и, напротив, иудаизацию соседних этносов³¹. Несмотря на то, что достоверно установить численность иудеев, плативших налоги Александру Яннаю, на данный момент представляется затруднительным, мы можем ориентироваться на работу Г. Апергиса, оценивающего численность Палестины в описываемый нами период в полмиллиона человек³². Впрочем, учитывая многообразие форм налогов собираемых государством не только с конкретного человека, но и с общины (отдельного поселения), возможность определения точной суммы налога представляется совсем уже призрачной.

Налоговая система государства Хасмонеев изучена крайне недостаточно, прежде всего, в силу слабой освещенности этого вопроса в источниках³³. Однако

²⁸ Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XVIII. 1. 2), и в «Моей жизни» (2) заявляет, что фарисеи были представителями интересов народа и пользуются его поддержкой (Mason 2008, 15–16). О взглядах Флавия на роль фарисеев см. Раджак 1993, 40.

²⁹ Данный тезис вполне соотносится с исследованиями авторов, в той или иной степени затронувших эту проблему. Alon 1977b, 64; Safrai 2005, 197–198; Pastor 2005, 47–76.

³⁰ Чериковер 2010, 431–436. Подробнее о численности населения Иудеи, определяемой различными учеными, см. Чериковер 2010, 433, прим. 68. Разброс мнений очень велик: от трехсот тысяч до трех миллионов (!). Для сравнения, М. Броши считает, что пика населения в миллион человек Палестина достигла лишь в 600 г. н.э. (Broshi 1979, 7). О населении Сирии-Палестины в персидский период см. Scheidel 2008, 310–315.

³¹ Достаточно вспомнить обращение Идумеи в иудаизм Иохананом Гирканом I (AJ. XIII. 9. 1).

³² Aperghis 2004, 50. Впрочем, его методика определения численности населения Палестины исходя из средней плотности населения на гектар и без учета особенностей местности вызывает сомнение; см. Ма 2007, 182–188.

³³ В отношении специфики налоговой системы постхасмонейского периода ситуацию также нельзя назвать определенной. Благодаря Цицерону (Pro Flacco. 28; 66), Диону Кассию (LXVI. 4–7) и Светонию (Domit. 12. 2) у нас есть сведения о храмовом налоге на иудеев в диаспоре и самой Иудее.

если считать наиболее вероятной преемственность бюрократической традиции Хасмонеев от государства Селевкидов, то мы можем с достаточной степенью уверенности отождествить налоговую практику Хасмонеев с селевкидской. Мы не будем подробно описывать селевкидскую налоговую систему, благо она хорошо изучена и позволяет ответить на важные для нас вопросы³⁴. Главным образом нас интересует примерная налоговая нагрузка на Иудею для соотнесения ее с суммой возможного экстраординарного налога.

Во второй книге Маккавеев мы имеем упоминание о сумме налогов, которые первосвященник Ясон обещал Антиоху IV собрать в Иудее. Речь идет о 360 талантов серебром прямого налога (φόρος³⁵) и 230 талантов дополнительных налогов (2 Макк. 4; 8–9). Величину фороса мы можем соотнести с размерами платежей, которые Ионатан Хасмонея обещал Деметрию II от Иерусалима и окрестностей — 300 талантов (1 Макк. 11; 28)³⁶. В дальнейшем Антиох VII требовал от Симона Хасмонея 500 талантов за все территории, завоеванные иудеями (1 Макк. 15; 31) — не считая Иерусалима и его окрестностей, которые Селевкидами от налогов были освобождены (1 Макк. 11; 33–37). Впоследствии эта же сумма фигурировала в договоре Антиоха VII с Иохананом Гирканом как дань с тех же территорий (А.И. XIII. 8. 3). Несмотря на то, что речь идет о множестве различных видов налогов³⁷, а также с учетом увеличения территории Иудеи к концу 90-х гг. до н.э. за счет присоединенных Иохананом Гирканом I и Аристокбулом I Идумеи, Самарии и Галилеи, мы можем примерно представить себе масштаб налоговых сборов с Иудеи.

Теперь перед нами стоит задача определения суммы, необходимой для найма новых наемников Александром Яннаем. Наиболее подробно вопрос о разновидностях платы наемникам, на наш взгляд исследован в работе Л. П. Маринович³⁸, и несмотря на то, что изученный ею период хронологически несколько отстоит от затронутого нами, исследование не теряет своей актуальности, т.к. размеры оплаты труда наемников в эллинистическую эпоху практически не изменяются. Так, средний заработок одного наемника равнялся одной драхме в день, а командиров

Согласно античным авторам, после покорения Иерусалима этот налог заменил налог для Иерусалимского Храма на храм Зевса Капитолийского. Однако, если верить Флавию, этот налог (по крайней мере, первоначально) был идентичен тому, что платился ранее, т.е. равнялся двум драхам в год с человека (В.И. VII. 6. 6). Несмотря на кажущийся небольшой размер этой суммы, данный пример хорошо характеризует, во-первых, пролонгацию налоговой традиции, а во-вторых, то, что налоговая нагрузка на иудеев была весьма разносторонней.

³⁴ Бикерман 1985, 101–123; Aperghis 2004, 148; Chandezon 2004, 131–148; Capdetrey 2007, 408–412.

³⁵ Подробнее о значении термина, а также об историографической дискуссии посвященной проблеме определения понятия «форос» (phoros) и соотнесения его с «синтаксис» (syntaxis) см. Холод 2013, 256–265.

³⁶ В предшествующей переписке Ионатана с Деметрием I речь идет о нескольких видах налогов для разных категорий населения Иудеи и их частичной отмене, однако каких-либо конкретных цифр автор первой книги Маккавеев не называет (1 Макк. 10, 20–45). В целом же, господствует мнение, что подобные налоговые уступки были следствием чрезвычайно большого числа различных налогов на иудеев, и их отмена на данном этапе не наносила Селевкидам значительных финансовых потерь (Aperghis 2004, 50; Bringmann 1983, 116; 2005, 105).

³⁷ Бикерман 1985, 101–114; Capdetrey 2007, 397–428.

³⁸ Маринович 1975, 151–157; ср. Roy 1967, 287–323.

и всадников — двум драхмам³⁹. Благодаря описанию битвы с Деметрием под Сикхемом нам известно число наемников, которые были наняты Яннаем после начала восстания. Однако данные нашего автора разнятся; в «Иудейской войне» Иосиф Флавий пишет о 1000 всадниках и 8000 наемной пехоты (ВJ. I. 4. 5), то в отношении этого же эпизода в «Иудейских древностях», написанных позднее и с опорой на большее число источников, он говорит уже 6200 наемниках (без упоминания об их специализации) (AJ. XIII. 14. 1)⁴⁰. Таким образом, посчитав, мы получаем следующие цифры. По «Иудейской войне» получается, что Яннаю требовалось примерно 1,7 таланта в день (2000 драхм кавалеристам и 8000 пешим наемникам, плюс округление в большую сторону за счет некоторой суммы командирам, число которых неизвестно). В итоге выходит, что Александру Яннаю нуждался дополнительно примерно в 600 талантов для платы наемникам за один год⁴¹. По такому же принципу, если следовать «Иудейским древностям» и исходить из того, что среди 6200 наемников были одни пехотинцы (это представляется логичным, если принять во внимание информацию Флавия о том, что все они погибли, не пытаясь спастись бегством) Яннаю требовалось около 370 талантов. На наш взгляд, данные «Иудейских древностей» представляются более достоверными, и именно от них мы и предлагаем отталкиваться, предполагая, что сумма необходимая Яннаю равнялась примерно 370 талантам.

Разумеется, вышеприведенная цифра достаточно условна, однако сразу же бросается в глаза ее сходство с величиной прямого налога с Иерусалима и окрестностей (территории Иудеи до начала Хасмонейских завоеваний) в 360 талантов (2 Макк. 4; 8–9).

Видно, что необходимые 370 талантов были значительной суммой для далеко не самого богатого региона⁴². Практика экстраординарных сборов была достаточно распространенной у Селевкидов, и, на наш взгляд, вполне логичным представляется ее применение и Александром Яннаем⁴³.

Анализируя возможные источники денежных поступлений, наиболее логичным и вероятным представляются несколько способов быстрого пополнения казны. Первый — деньги Храма. Но, несмотря на кажущуюся его простоту, этот вариант не согласуется с полным молчанием источника. Необходимо учитывать, что все события, связанные с Храмом, тщательно фиксировались в иудейской традиции, и какие-либо попытки так или иначе покуситься на его сокровища обязательно нашли бы отражение в источнике как событие крайней важности. Это легко прослеживается в отношении всей истории Иудеи (в период от начала восстания

³⁹ Launey 1950, 26–36; Aperghis 2004, 205, 241; Chanotis 2005, 119; Климов 2010, 218.

⁴⁰ См. примечание 21.

⁴¹ Логика расчетов оплаты на один год продиктована тем, что наиболее распространенной была практика заключения договора найма солдат именно на такой срок (Griffith 1935, 282–283). См. также анализ текста договора между наемниками и Эвменом I в Пергаме, в котором как раз идет речь о найме на один год, который, правда, согласно договору считался за десять месяцев. (Климов 2010, 208–211). В нашем случае, в силу отсутствия точных данных в источнике, определяя продолжительность года, мы исходили из срока в 354 дня по лунно-солнечному календарю как наиболее распространенному в державе Селевкидов (Бикерман 1975, 25; 1985, 133–134, 147, прим. 196, 190–191. Евреи также использовали лунно-солнечную календарную систему (Ермолаев 1980, 44–47).

⁴² Уровень экономического развития внутренних областей Иудеи был крайне низок, прежде всего, в силу небольшого числа плодородных земель. Sheidel 2008, 414.

⁴³ Бикерман 1985, 113–114; Aperghis 2004, 171–172.

Маккавеев до завоевания Иудеи Римом: AJ. XII. 5. 4–5; 7. 6; 9. 1–3; 6–7; 10. 5; XIII. 2. 1; XIV. 4. 2–4; 7. 1; VJ. I. 1. 1; 7. 4–6; 8. 8; 1 Макк. 1. 20–52; 9. 54–56; 16. 20; 2 Макк. 1. 15–18; 3. 4–40; 4. 32; 5. 21). Впрочем, Александр Янная, будучи первосвященником, и так имел доступ к храмовым ресурсам, но источники не позволяют сделать однозначные выводы о том, насколько активно он ими пользовался. В любом случае, если бы подобное имело место (тем более в сколько-нибудь значительных масштабах), то оно обязательно должно было остаться в исторической памяти иудеев, и представляется сомнительным, чтобы Флавий, столь подробно описавший все просчеты и злодеяния Янная, никак об этом не упомянул.

Второй способ — военные трофеи. Упоминания о трофеях Янная действительно присутствуют в источниках, но в позитивном ключе лишь применительно к концу правления Александра. После череды успешных кампаний он захватил ряд земель и городов к востоку и северу от Иудеи, и в том числе город Есса, где, согласно Флавию, хранились большие богатства местного правителя Зенона (AJ. XIII. 15. 3–4). Примечательно, что Янная уже захватывал некоторую часть этих богатств, причем в период, предшествующий восстанию, но практически сразу их потерял, после того как сын Зенона разграбил обоз иудеев, уничтожив при этом многочисленную охрану (AJ. XIII. 13. 3). Несмотря на некоторые успехи Александра Янная, сложно предположить, чтобы правитель Иудеи располагал сколько-нибудь значимыми финансовыми резервами после поражения от набатеев. Необходимо учитывать поражения иудеев в предшествующий восстанию период, потери, в том числе и в живой силе (AJ. XIII. 12. 4–5 — пятьдесят тысяч; 13. 3 — десять тысяч), которые необходимо было восполнить, а также расходы на огромную армию, отправившуюся на набатеев (AJ. XIII. 13. 5).

Третий способ решения финансовых проблем — чрезвычайный налог либо некий дополнительный сбор. Несмотря на то, что мы считаем его наиболее вероятным, остается только догадываться, как именно и в какой форме он взимался. Однако, учитывая то, что деньги Яннаю требовались срочно, причем сумма была далеко не запредельная, особенно если брать в расчет то, что территория государства Хасмонеев после начала Маккавейского восстания увеличилась более чем в несколько раз, включив в себя, в том числе и богатые приморские города, мы можем предположить следующее.

В государстве Селевкидов достаточно распространенной была практика конфискаций и штрафов, к примеру, за «оскорбление величества»⁴⁴. В нашем случае подобный вариант представляется вполне правдоподобным, особенно если вспомнить о том, что эпизод с забрасыванием Яннаю цитрусами на праздник Кущей и нанесенном ему фарисеями оскорблении произошел до его поражения от набатеев. Говорить же о начале масштабного мятежа можно лишь спустя некоторое время после этой неудачи (AJ. XIII. 13. 5). Также обратим внимание на то, что ядром мятежа и ареной основных боевых действий между восставшими и Яннаем была территория внутренней Иудеи, т.к. источник ничего не сообщает нам о попытках отложения недавно присоединенных земель, равно как и не упоминает о них в качестве арены боевых действий (AJ. XIII. 14. 2). Соответственно, вполне логичным нам кажется версия, что основная финансовая нагрузка легла

⁴⁴ Бикерман 1985, 112. Ср. Polyb. V. 54. 9; Diod. XXXIII. 4; AJ. XII. 3. 4; 2 Макк. 3.11.

именно на Иерусалим и его окрестности. Во-первых, в связи с чисто географическим удобством быстрого сбора денег, во-вторых, жители именно этой территории провинились перед Яннаем, и в-третьих, размер необходимой суммы в 370 талантов полностью соотносится с налоговыми поступлениями, а соответственно и финансовыми возможностями указанной местности (2 Макк. 4; 8–9).

Оценивая возможность репрессивных мер экономического характера, принятых Яннаем против фарисеев и их сторонников, нельзя не вспомнить схожий эпизод, произошедший спустя восемьдесят лет с шестью тысячами фарисеев, не присягнувшими Ироду и Октавиану Августу, за что представители секты первоначально были наказаны внушительным штрафом, а впоследствии часть фарисеев была казнена (А.И. XVII. 2. 4). Таким образом, можно сделать допущение, что и в нашем случае Яннаем, нуждающийся в дополнительных средствах, мог таким же образом наказать фарисеев и других враждебных ему иудеев, и, кроме того, конфисковать имущество убитых⁴⁵.

В качестве дополнительного довода к обоснованию нашей позиции о внеочередном денежном сборе следует упомянуть о том, что Яннаем не сумел подавить новое восстание в зародыше, как он сделал это при помощи наемников на празднике Кушей, а также то, что не мог он этого сделать еще в течение нескольких лет. Это было связано в первую очередь с недостатком сил, т.е. тех же самых наемников, которые появляются у него лишь спустя некоторое время, когда восстание уже разрослось. Столь долгие сроки привлечения наемников объясняются тем, что иудеи, согласно источнику, не пользовались услугами сирийских наемников, вербуя греков, воинов из Малой Азии (писидийцев, киликийцев), а также, вероятно, фракийцев (А.И. XIII. 13. 5)⁴⁶.

В завершение нам остается лишь подытожить, что, несмотря на многочисленные внешне- и внутривосточные трудности Александр Яннаем не только увеличил территорию Иудеи, но и еще более усилил ее позиции на военно-политической арене Восточного Средиземноморья. Сделать это он смог в первую очередь благодаря сильной армии, ядро которой состояло из наемников, поддерживающих царя иудеев в самых сложных и опасных ситуациях (А.И. XIII. 14. 1). Однако верность эта, несомненно, была обусловлена ответной щедростью в вопросах оплаты, ради которой Александру Яннаему приходилось прибегать к непопулярным мерам экономического характера. Одной из таких мер и было, на наш взгляд, введение дополнительного военного налога, основная тяжесть которого легла на территорию внутренней Иудеи, вероятно, в комплексе с конфискацией имущества фарисеев, восставших против него на празднике Кушей. Необходимость этих мер объясняется поражением Александра Яннаема в Набатее и стремлением срочно изыскать средства на привлечение новых наемников, дабы стабилизировать свою власть и обезопасить Иудею от возможного нашествия набатеев. Тезис об экстраординарных финансовых поступлениях в казну Яннаема за счет внутренних ресурсов Иудеи в целом соотносится с гипотезой Виктора Чериковера об экономических предпосылках гражданской войны в Иудее конца 90-х — середины 80-х гг. до н.э.

⁴⁵ См. например тезис о «нечестивом правителе» по отношению к Яннаему в кумранских текстах и других источниках. Тантлевский 1994, 142–144.

⁴⁶ Каранаев 2011с, 104–116.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман Э.* 1985: Государство Селевкидов. М.
- Бикерман Э.* 1975: Хронология Древнего Мира. М.
- Дубнов С. М.* 2006: История еврейского народа на Востоке. Т. 2. Греко-римский период от падения Иудейского государства. М.; Иерусалим.
- Ермолаев И. П.* 1980: Историческая хронология. Казань.
- Каранаев М. Н.* 2011а: К вопросу об участии Иоханана Гиркана в войне Антиоха VII Эвергета (Сидета) против парфян // *Antiquitas Iuventae*. Вып. 6. Саратов, 82–92.
- Каранаев М. Н.* 2011b: Наемники у евреев в период правления Иоханана Гиркана // Тирош. 11, 61–80.
- Каранаев М. Н.* 2011с: Наемники у евреев в период правления Александра Янняя. К вопросу об их происхождении и восприятии жителями Иудеи // Научные труды по иудаике. 1, 34. 104–116.
- Климов О. Ю.* 2010: Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.
- Маринович Л. П.* 1975: Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.
- Раджак Т.* 1993: Иосиф Флавий. Историк и общество. М.; Иерусалим.
- Семенченко Л. В.* 2005: Были ли саддукеи эпикурейцами? К вопросу о соотношении судьбы, промысла и свободы воли в произведениях Иосифа Флавия // ВДИ. 3, 125–142.
- Тантлевский И. Р.* 1994: История и идеология Кумранской общины. СПб.
- Холод М. М.* 2013: К вопросу о фискальных системах государств Селевкидов и Атталидов // Мнемон. 12, 251–265.
- Чериковер В.* 2010: Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб.
- Alon G.* 1977a: The Attitude of the Pharisees to Roman Rule and the House of Herod // Jews, Judaism, and the Classical World: Studies in Jewish History in the Times of the Second Temple and Talmud / Gedalyahu Alon (ed). Jerusalem, 18–47.
- Aperghis G. G.* 2004: The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. Cambridge.
- Bringmann K.* 1983: Hellenistische Reform und Religionsverfolgung in Judäa. Eine Untersuchung zur jüdisch-hellenistischen Geschichte (175–163 v. Chr.). Göttingen.
- Bringmann K.* 2005: Königliche Ökonomie im Spiegel des Euergetismus der Seleukiden // Klio. 87, 102–115.
- Broshi M.* 1979: The Population of Western Palestine in the Roman-Byzantine Period // BASOR. 236, 1–10.
- Capdetrey L.* 2007: Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J. C.). Rennes.
- Chandezon C.* 2004: Prélèvements royaux et fiscalité civique dans le royaume séleucide // TOPOI. Suppl. 6. Le roi et l'économie, 131–148.
- Chaniotis A.* 2005: War in the Hellenistic world: a Social and Cultural History. Oxford.
- Griffith G. T.* 1935: The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge.
- Goldstein J. A.* 2008: The Hasmonean Revolt and the Hasmonean Dynasty // The Cambridge History of Judaism. Vol. 2. The Hellenistic Age. Cambridge.
- Geller M. J.* 1979: Alexander Jannaeus and the Pharisee Rift // JJS. 30. 2, 202–211.
- Hengel M., Charlesworth J. A., Mendels D.* 1986: The Polemical Character of "On Kingship" in the Temple Scroll: An Attempt at Dating 11QTemple // JJS. 37. 28–38.
- Kam van der J. C.* 1984: Enoch and The Growth of an Apocalyptic Tradition. Washington.
- Kasher A.* 1988: Jews, Idumaeans, and Ancient Arabs: Relations of the Jews in Eretz-Israel with the Nations of the Frontier and the Desert during the Hellenistic and Roman Era (332 BCE-70 CE). Tübingen.

- Kasher A.* 1991: The Changes in Manpower and Ethnic Composition of the Hasmonaean Army (167–63 BCE) // *The Jewish Quarterly Review*, New Series. 81. ¾, 325–352.
- Launey M.* 1950: *Recherches sur les armées hellénistiques*. I. Paris.
- Levine L. I.* 1980: The Political Struggle between Pharisees and Sadducees in the Hasmonaean Period // *Jerusalem in the Second Temple period: Abraham Schalit Memorial Volume* / A. Oppenheimer (ed.). Jerusalem, 61–83.
- Ma J.* 2007: Revised and Expanded Version of Review on G. Aperghis, *The Seleucid Royal Economy*, Cambridge, 2004 // *Hermathena*. 182, 182–188.
- Mason S.* (ed.) 2008: *Flavius Josephus: Translation and Commentary*. Vol. 9. *Life of Josephus*. Leiden.
- Pastor J.* 2005: *Land and Economy in Ancient Palestine*. London.
- Roy J.* 1967: The Mercenaries of Cyrus // *Historia*. XVI. 3, 287–323.
- Safrai Z.* 2005: *The Economy of Roman Palestine*. London.
- Saldarini A. J. J.* 2001: *Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society: A Sociological Approach*. Grand Rapids; Michigan.
- Schams C.* 1998: *Jewish Scribes in the Second-Temple Period*. Sheffield.
- Shatzman I.* 1991: *The Armies of the Hasmonaeans and Herod: from Hellenistic to Roman Frameworks*. Tübingen.
- Scheidel W., Morris I, Saller R.* (eds.) 2008: *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge.
- Schwartz D. R.* 1992: *On Pharisaic Opposition to the Hasmonean Monarchy*. Tübingen.
- Schürer E.* 1973: *A History of the Jewish People in the Time of Jesus Christ (175 B.C. — A.D. 135)*. Vol. 1. A New English Version / G. Vermes, F. Millar (edc.). Edinburgh.
- Sievers J.* 1990: *The Hasmoneans and Their Supporters: from Mattathias to the Death of John Hyrcanus*. Atlanta.
- Stern M.* 1956: Trachides: Surname of Alexander Yannai in Josephus and Syncellus // *Tarbiz*. XXIV, 9–15.
- Stuckenbruck L. T.* (ed.) 2007: *1 Enoch 91–108. Commentaries on Early Jewish Literature*. Berlin.
- Williams D. S.* 1993: Morton Smith on the Pharisees in Josephus // *JQR*. 84. 1, 29–41.

THE DRIVING FORCE BEHIND THE PHARISEES REBELLION AGAINST ALEXANDER JANNAEUS

M. N. Karanayev

The article covers the driving force behind the Pharisees rebellion against Alexander Jannaeus, the Hasmonean King. The author analyzes different historiographical viewpoints and proposes to develop Victor Chirikover's hypothesis about economic factors behind the rebellion. The analysis of economic and military policy of Alexander Jannaeus in particular and of the Hasmoneans on the whole makes it possible to conclude that one of the prime causes of the rebellion was an extremely high tax brought forth by the Judea king's desire to restore military might lost in the war with the Nabateans. Jannaeus planned to recruit new hirelings, which required additional financing. It is these measures that caused discontent of both the Pharisees and great masses of Judea population.

Key words: Judea, the Hasmoneans, Alexander Jannaeus, the Seleucids, the Pharisees, hirelings, Flavius Josephus, Victor Chirikover

© 2013

Ю. Е. Краснобаева

ТЕРМИНОЛОГИЯ САКРАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИОСИФА ФЛАВИЯ

Иосиф Флавий сочетает в себе знание греческого языка и иудейскую образованность, поэтому исследование его авторской терминологии важно для изучения эволюции «сакрального служения». В качестве основного источника для Флавия выступает Септуагинта, однако лексическое расхождение в области понятия «служения» с ней разительно. Традиционные для ВЗ термины *λειτουργέω*, *λειτουργία*, *λατρεύω*, *λατρεία* и *δουλέω*, *δουλεία* в сочинениях Флавия относительно редки, тогда как на первый план выходят не свойственные Священному Писанию термины *θηρσκεύω*, *θηρσκεία*. Вероятно, это связано с тем, что для потенциальной читательской аудитории Флавия эти термины не имели таких ярко выраженных светских значений, как *λειτουργέω*, *λειτουργία* и *λατρεύω*, *λατρεία*. В то же время, для Флавия у них не было сильных коннотаций с языческими сакральными значениями, как, например, у *θεραπεύω*, *θεραπεία*. Для Флавия *θηρσκεύω*, *θηρσκεία* связывались с самобытностью иудейской религии и имели оттенок духовного служения.

Ключевые слова: Иосиф Флавий, понятие служения, Ветхий Завет

Исследование греческих терминов, обозначающих «сакральное служение» от произведений языческих авторов к греческому переводу Ветхого Завета и далее к христианской литературе — обширная и непростая тема. Не погружаясь в детальную разработку каждого отдельного этапа, который эта лексика проходила в своем развитии, отметим лишь основные способы, которыми понятие «служить Богу» выражается в Септуагинте и в Новом Завете. Среди довольно большого разнообразия терминов, применяющихся для этого в греческом переводе Священного Писания иудеев, есть три основных группы: *λειτουργέω*, *λειτουργία*; *δουλέω* и *λατρεύω*, *λατρεία*. Термины *λειτουργέω*, *λειτουργία* используются для обозначения служения священников и левитов в храме или скинии собрания, и именно этот термин впоследствии будет принят как название привычной христианской литургии. Второй используется в максимально общем для Ветхого Завета значении принадлежности по вере к народу Израиля. Третий обозначает как культовое служение вне скинии собрания или до ее возникновения, так и принадлежность по религии к иудейскому народу¹. Еще несколько более редких терминов мы будем рассматривать ниже. Новый Завет содержит ветхозаветную лексику служения исключительно в цитатах из Ветхого Завета или в ветхозаветных контекстах, а понятию «служение Богу» здесь практически не придается культового значения — возникает новая группа терминов с сакральным смыслом — *διακονέω*, *διακονία*, *διάκονος*.

Краснобаева Юлия Евгеньевна — старший научный сотрудник, хранитель ГМИИ им. А. С. Пушкина. E-mail: j.krasnobaeva@gmail.com

¹ О значениях различных терминов, обозначающих служение, о понятии служения в Ветхом Завете, текстах Нового Завета и раннехристианской литературе см.: Зом 2005, 164; Лебедев 2003, 35; Поснов 2005, 65–66; Афанасьев 1971, 192; Еп. Кассиан 2003, 185–186; Lewis 1960/I; Lewis 1965/II; Brandt 1963, 15–61; Daniel 1966; Архимандрит Кирилл 1975, 206; соответствующие статьи в TWNT и PGL; Hilhorst 1989; Collins 1999; Краснобаева 2007, 251–271; 2010, 103–115.

Среди древних авторов, писавших на греческом языке, есть только один, чьи произведения по богатству лексики, связанной со служением в сакральном смысле, могут сравниться с библейскими текстами. Речь идет, разумеется, об Иосифе Флавии². Еврей, родившийся в Иерусалиме (между 13 сентября 37 и 16 марта 38 года н. э.), он происходил из знатной семьи. Получил прекрасное образование, замечательно знал Священное Писание³. После поражения в Иудейской войне, в которой Иосиф принимал непосредственное участие, его принуждают поселиться в Риме, где он и прожил всю оставшуюся жизнь, посвятив себя литературным занятиям и историческим штудиям. Однако главной целью Флавия в его основных произведениях — «Иудейской войне», «Иудейских древностях», апологетическом сочинении «Против Апиона, о древности иудейского народа» — было не просто описание событий. Иудейский народ оставался чуждым завоевателям и не понятым ими, а после покорения Иудеи римляне начали его еще и презирать. Самобытные черты иудейской культуры — монотеистическая религия и жесткое следование Закону — довольно четко отделяли еврейский народ от других народов Древнего мира. Однако римляне не осознавали уникальности этой культуры, а теологический мир завоеванной страны был им неинтересен⁴. «Желая восстановить доброе имя своих единоверцев, находя для этого нужным раскрыть истинные мотивы их борьбы с властным Римом, наконец, стремясь рассеять много злых нелепостей, которыми и тогда уже, в то отдаленное время, разные недоброжелатели украшали историю происхождения, характер верований и образ жизни иудеев, Флавий решил раскрыть истину и представить ее в форме связного рассказа гордым, но невежественным победителям. Поэтому он, предназначив свои сочинения на первом плане для языческой публики, решил написать их на наиболее распространенном тогда языке — греческом»⁵. Для этой задачи как нельзя кстати пришлось его прекрасное знание Священного Писания, устных преданий и иудейских законов. Флавий освоил греческий язык и для первой части «Древностей» (до середины XI книги) пользовался греческим переводом книг Св. Писания, Септуагинтой⁶. «Все, что мог Флавий почерпнуть из книг Св. Писания, он извлек оттуда, пользуясь решительно всем материалом. Последним каноническим источником при этом является у него книга Эсфири. Первая книга Маккавеев была у него под руками лишь в отрывке; он пользуется ею вплоть до рассказа о смерти первосвященника Ионафана⁷». Однако Флавий, разумеется, не переписывает Библию, а существенно перерабатывает ее текст и подает библейские предания в форме, по-

² Греческие тексты Флавия по изданию: Flavii Iosephi Antiquitates Judaicae // Flavii Iosephi opera. Ed. B. Niese. Vols. 1–4. Berlin; Weidmann; Flavii Iosephi De bello Judaico libri VII // Flavii Iosephi opera / B. Niese (ed.). Vol. 6. Berlin; Weidmann; Flavii Iosephi Contra Apionem (= De Iudaeorum vetustate) // Flavii Iosephi opera. / B. Niese (ed.). Vol. 5. Berlin; Weidmann.

³ О семье Флавия, его воспитании, образовании, основных сочинениях см.: Раджак 1993, 24–60; Bilde 1988; см. также соответствующую статью в OCD.

⁴ О правовом статусе иудеев во времена римского владычества см. Pucci ben Zeev 1988; см. также исследование, посвященное иудейской диаспоре по времена господства римлян и отдельно главу из этой книги, касающуюся религиозных свобод в диаспоре — Smallwood 1976, 120–144.

⁵ Генкель 2002, 15. Разумеется, романтическое представление о «великом деле» Иосифа Флавия разделяют далеко не все исследователи. Сотрудничество с завоевателями, на которое пошел Иосиф, нередко называют тем, «о чем судят как об измене нации и религии» (Раджак 1993, 14).

⁶ Генкель 2002, 19.

⁷ Генкель 2002, 19.

нятной для его потенциальной читательской аудитории. Как всякий риторически настроенный автор, Флавий всегда обращает внимание на то, как будут звучать для уха читателя его произведения. Он интерпретирует библейское предание и представляет в литературном стиле, который был привычен для греко-римского мира с его славными, но в корне отличающимися от иудейских, литературными традициями⁸.

Нельзя обойти стороной проблему греческого языка Флавия — насколько было вероятно, чтобы человек из иудейской культурной среды со всем ее языковыми, религиозными и другими специфическими особенностями мог написать столь обширные труды на ином языке. Не случайно Теккерей⁹, основываясь среди всего прочего на замечании самого Флавия в книге «Против Апиона», 1, 9 о помощниках в греческом языке, выдвигает теорию, согласно которой стилистические особенности объемных сочинений, приписываемых Иосифу, позволяют выявить участие в них по меньшей мере еще двух человек. Однако Т. Раджак¹⁰ проводит анализ культурной среды, в которой прошла жизнь Иосифа Флавия, и приходит к выводу, что его произведения можно в полной мере анализировать как его собственный авторский труд: звучание греческого языка было обычным и в Палестине, и в Риме. Флавию даже не было необходимости специально учить, как говорить и писать по-гречески, т.к. «свои познания в нем он черпал естественным образом из окружающей среды»¹¹. Исследовательница пишет: «Если мы утверждаем, что к моменту прибытия Иосифа в Рим его греческий язык имел недостатки, на исправление которых требовались годы и которые, возможно, вообще не могли быть устранены, речь идет, конечно, не о владении обычным языком, письменным или устным. Хотя Иосиф критикует свое знание греческого, эта критика не может вызвать сомнений в беглости его речи». Коррекция, вероятно, была необходима Флавию в вопросах произношения, а также в устранении неизбежных шероховатостей стиля.

Полный анализ источников Флавия — задача отдельного исследования¹². Нас интересуют особенности словоупотребления у Флавия понятия «служения Богу». «Понятие Бога у Флавия охватывает все теологические горизонты, чего и следовало ожидать от иудея и священника древнего народа. Бог — создатель, царь и господин, Отец, Бог народа Израиля, единственно истинный Бог, Бог духа, Бог-судья, Бог гневающийся... Все эти понятия, несомненно, взяты из Священного Писания»¹³. Историк Флавий также передает идею Бога как движителя исторических событий, первопричину и источник провидения — в Его руках многочисленные обстоятельства войн, Он помогает людям принять решение, Он карает лю-

⁸ Об истоках литературного стиля Флавия и об интерпретаторских приемах см. Feldman 1998a.

⁹ Thackeray 1929.

¹⁰ Раджак 1993, 61 — 80.

¹¹ Раджак 1993, 65.

¹² С этой задачей прекрасно справляются, например, работы: Dutschak 1864; Destinon 1882; Bloch 1879. См. также разностороннее исследование Коэна (Cohen 1979), включающее как описание жизни Иосифа Флавия, так и широкий анализ его произведений, в том числе источниковой базы. Об отношении текстов Флавия с одной стороны и обширной группы источников, включая тексты ветхозаветного канона с другой см. Feldman, Nata 1988. См. также сравнительное исследование ветхозаветных сюжетов в каноне и в произведениях Флавия у Фельдмана (Feldman 1998b).

¹³ Vilalba i Varneda 1986, 62.

дей¹⁴. Казалось бы, сочинения еврейского историка, в особенности «Иудейские древности», должны как-то лексически соотноситься в этой области со Священным Писанием иудеев, тем более если Флавий напрямую пользовался греческим переводом. Однако, как мы увидим, он словно избегает использования ветхозаветной лексики «служения».

Прежде всего, лексика эта в обширных текстах Флавия весьма обильна. В частности, на три основных его сочинения приходится сотни контекстов с различными терминами, обозначающими «сакральное служение».

Одно из наиболее часто употребляемых слов, означающих служение, у Флавия — существительное $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ — «религиозный обряд, богопочитание, культ, религия» — и глагол $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ — «тщательно исполнять религиозные обряды, быть строго религиозным, исполнять культовое служение».

В Септуагинте существительное $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ дважды используется в IV Книге Маккавеев (IV Mac. 5. 7 et 13) — позднем апокрифическом тексте, который совершенно необоснованно приписывался самому Флавию. Генкель справедливо замечает, что «это совершенно невозможно... Флавий должен был бы написать эту книгу в Риме до начала Иудейской войны, тогда как мы знаем, что он приехал в Рим лишь после окончания военных действий в Палестине и тут только стал пользоваться помощью и указаниями своих греческих сотрудников»¹⁵. Эту книгу нельзя приписывать ему, так как он должен был бы написать ее по крайней мере еще до Истории войны¹⁶. В IV Книге Маккавеев слово $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ один раз обозначает иудейскую религию, другой — «служение тайной силе».

$\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ и $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ — по два раза — встречаются во второканонической книге Премудрости Соломона (Sap. Sal. 11. 15; 14. 17; 18; 27). Это сочинение «написано александрийским евреем накануне начала нашего летосчисления; хотя книга эта написана на греческом языке и содержит понятия, могущие быть адекватно выраженными лишь по-гречески... она блюдет верность жанровой форме древневосточной сентенциозной словесности»¹⁷. Здесь эти термины всякий раз употребляются в негативном для иудаизма смысле: «поклонение животным», «почитание человеческого образа», и «почитание идолов».

В огромном ветхозаветном корпусе — это все.

У Флавия же мы находим слова с этим корнем более ста раз. Причем во всех контекстах речь идет исключительно об иудейской религии, культе, жертвоприношении, почитании Бога или в целом об иудейской религиозности и благочестии, о следовании Закону. Приведем несколько наиболее ярких примеров, т.к. разбирать каждый контекст в данном случае не имеет. В Ant. Jud. I. 222–224 $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ — это то, что определяет покорность Авраама велению Бога о принесении в жертву Иакова, и именно это *благочестие, силу религиозности* Авраама Бог испытывает, приказывая пожертвовать любимым сыном ради Него. $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$, подобная Моисеевой, отличает Иисуса Навина, это определяет выбор его в качестве военачальника (Ant. Jud. III. 49). Жизнь в благочестии отличается левит Аминадав в Ant. Jud. VI. 18. Вера в Бога, благочестивое и честлюбиво религиозное настроение

¹⁴ Vilalba i Varneda 1986, 63.

¹⁵ Генкель 2002, 23.

¹⁶ Ewald 1859, 87, прим. 1.

¹⁷ Аверинцев 2004, 83.

народа, обозначенное в тексте словом $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$, побуждают Самуила произнести речь о борьбе с филистимлянами (Ant. Jud. VI. 2). В Ant. Jud. VII $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$ означает богослужение, культовое служение в кивоте Завета, который Давид хочет перевезти в Иерусалим. В Ant. Jud. X. 4 живо выражается сущность яркого иудейского культового оттенка слова $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$: «Он (царь Иосия — Ю. К.) отвратил народ от поклонения идолам и направил его на путь истинного богочитания ($\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\acute{\eta}\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$), так что население вернулось к обычным жертвоприношениям и к жертвам всежжения на алтаре Предвечного¹⁸».

Важно, что часто это слово стоит рядом с упоминанием Моисеевых Законов. Так, в Ant. Jud. X. 63 сообщается, что «когда все приглашенные собрались, то царь (Иосия — Ю. К.) сперва прочитал собранию священные книги [Моисеевы], а затем встал на возвышение среди народа и пригласил его поклясться в том, что он будет почитать Господа Бога и соблюдать законы Моисея ($\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota\nu\ \tau\omicron\nu\nu\ \theta\epsilon\omicron\nu\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\nu\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \text{Μωυσέος νόμους}$)».

Очень редко в «Иудейских древностях» эти слова означают служение богам иных народов в противовес служению истинному Богу. Так в Ant. Jud. VIII. 7 глагол $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ отсылает к нечестивому служению, которое Соломон перенимает у своих жен, происходящих из других народов. В Ant. Jud. VIII.13 Илия заявляет людям, что если они «считают собственного Бога единственно истинным, то пусть они и следуют Ему и повинуются Его предписаниям, если же ставят Его ни во что, но признают чужих богов и считают необходимым поклоняться ($\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$) им, то пусть всецело отдадутся этим богам». В сочинении Флавия «Против Апиона» слово $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ встречается всего дважды и означает египетский религиозный культ животных (Cont. Ap. I. 261) и просто воздаяние почестей, в том числе людям, что не порицается иудейской верой, для которой культ императора невозможен, но уважение к достойному человеку необходимо (II. 254).

Если в «Иудейских древностях» понятие $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ часто имеет более абстрактный характер — так передается в основном верность Законам, Богу Израиля и в целом иудейская религиозность, — то в «Иудейской войне» это слово чаще всего обозначает культ — выражение иудейской религиозности, которое больше всего бросалось в глаза завоевателям, вызывало недоумение и требовало подробного объяснения. В Bell. Jud. I, 148 богослужение продолжается перед лицом опасности так, словно вокруг царит покой: «Сколько ни терпели римляне при этой осаде, они все-таки должны были удивляться стойкости иудеев вообще и в особенности тому, что они под самым жестоким градом камней и стрел не упускали ни одного малейшего обряда их богослужения ($\tau\acute{\eta}\varsigma\ \theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$): точно глубокий мир царил вокруг них — совершались со всей пунктуальностью ежедневные жертвоприношения, омовения и вообще весь порядок богослужения ($\pi\acute{\alpha}\sigma\alpha\ \theta\epsilon\omicron\rho\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$). Даже после взятия храма, когда кровь их лилась ежедневно вокруг алтаря, они не переставали совершать обычное богослужение ($\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$) (пер. Я. Л. Чертка)». В Bell. Jud. II. 518 через глагол $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ выражается строгое соблюдение субботы.

Следует отметить, что из более ста контекстов слова $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ около трех десятков раз встречаются в речах — к ним очень подходит риторический и страстный пафос этих слов.

¹⁸ Здесь и далее пер. Г. Г. Генкеля.

В целом вырисовывается стойкий образ флавиевского понятия $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$. Его сочинения носят общепризнанный исследователями апологетический характер, поэтому такое важное для иудея понятие, как религия, в сочинениях Флавия даже несколько гиперболизируется. Служение Богу, выраженное у Флавия терминами $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$, $\theta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, означает глубокую иудейскую религиозность, соблюдение иудейского культа, богослужения в Храме, иудейских ритуалов и следование Законам Моисея. При этом различие между иудейскими благочестием и богослужением и культами божеств других народов настойчиво подчеркивается. Флавий делает упор на древности и глубоких корнях иудейской религии и на том, что лишь соблюдение иудейских религиозных правил является в глазах иудея истинным. Он дает понять завоевателям, что иудеи не могли не сопротивляться, выказывая в этом столь удивительное упорство, в том числе и потому, что завоевание создает угрозу их религиозным устоям. И если гражданское повиновение для иудея возможно, то нарушение законов его древней религии совершенно неприемлемо, так как противоречит самой сущности иудейского мира, древней культуры и всего выражения иудейского благочестия. Объясняя эти явления на доступном завоевателям языке и делая акцент на раскрытии религиозных побуждений иудеев, Флавий желает вызвать в завоевателях если не понимание, то хотя бы уважение к завоеванному народу.

Второй рассматриваемый термин $\lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\upsilon\rho\gamma\acute{\iota}\alpha$, $\lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\upsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\omega$ по количеству контекстов отстает с большим отрывом. В объемных сочинениях Флавия эти важные для Ветхого Завета слова встречаются от силы в двух десятках контекстов. Ветхозаветное значение здесь приходит в соприкосновение с традиционным античным звучанием. Эти слова обозначают как богослужение¹⁹, так и вполне светские обязанности, иногда выраженные просто в любой помощи, повинности, услужении²⁰, или в денежной повинности, правда, у Флавия это денежная повинность в пользу священников, для которой тем не менее очень подходит традиционное античное обозначение литургии²¹.

Одно из самых важных для Ветхого Завета понятий — $\lambda\alpha\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\alpha$ — встречается у Флавия лишь один раз, в Bell. Jud. II. 409, впрочем, во вполне ветхозаветном, а не языческом значении «богослужение» в сочетании с причастием от глагола $\lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\upsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\omega$, т.е. «отправлять богослужение».

О возможности часто встретить в текстах Флавия третье ключевое для Ветхого Завета понятие служения — $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ — говорит Ant. Jud. I. 115, где Нимврод убеждает людей наделить его властью и построить Вавилонскую башню, народ же стал считать «повиновение Богу рабским служением ($\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$)». В виде упрека это понятие также бросается в лицо Моисею в Ant. Jud. IV, 146 в речи Замврия, когда он говорит: «Отняв у нас всякую усладу и самостоятельность жизни, каковы качества являются уделом свободных, не признающих над собою постороннего владычества людей, ты до сих пор всяческими средствами навязывал нам под видом законов полное порабощение Богу ($\theta\epsilon\omicron\upsilon\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$), а себе оставлял всю власть». Единственное традиционное ветхозаветное употребление поня-

¹⁹ Ant. Jud. III. 107; XII. 61; XIII. 56; XX. 218; Bell. Jud. I. 26, 39; II. 321, 409; торжественное описание богослужения в Храме в V. 228; V. 526; VI. 229.

²⁰ Ant. Jud. XIX. 191; Contr. Ap. I. 209; Bell. Jud. I. 488; VII. 352.

²¹ Ant. Jud. IV. 73; XVI. 28, 146.

тия δουλεία — Ant. Jud. VII. 367: «Вместе с тем он (Давид — Ю. К.) сделал распоряжение, чтобы все левиты и священники, сообразно Моисееву постановлению, отправляли богослужение непрерывно днем и ночью (δουλεύειν κατὰ νύκτα καὶ ἡμέραν τῷ θεῷ)». В «Против Апиона» (II. 247) содержится один забавный контекст, где выражается идея служения не человека Богу, а бога людям — Флавий иронизирует над политеистическими религиями, в которых «боги, которые якобы были в услужении у людей (οἱ δὲ δὴ δουλεύοντες τοῖς ἀνθρώποις θεοῖ) — одни строили за плату дома, другие нанимались пастухами, а иных даже заключали в медную темницу наподобие преступников...»

Напротив, редкие для Ветхого Завета слова ὑπηρέτω, ὑπηρέτης у Флавия пусть не часто, но встречаются именно в значении богослужения. В Ветхом Завете эти термины не имеют выраженного сакрального значения, хотя встречаются исключительно в книгах «восточной премудрости» и пророческих книгах²². В Книге Премудрости Соломона можно усмотреть сакральное значение, однако похоже, что здесь повиновение Богу сравнивается со светским служением, цари на земле должны научиться мудрости и судить справедливо, ибо они служители Божьего царства, подобно тому, как у их царства на земле есть служители, подданные: «Ибо вы, будучи служителями Его царства (ὅτι ὑπηρέται ὄντες τῆς αὐτοῦ βασιλείας), не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией» (Sap. Sal. 6. 4). Сакральное значение просматривается в Sap. Sal. 16: 24, 25 и 19:6, где говорится о повиновении всех тварей Всевышнему, сотворившему их, и Его благодати.

У Флавия же помимо традиционного светского значения ὑπηρέτης как «помощник, исполнитель, слуга», а ὑπηρέτω как «помогать, прислуживать, исполнять поручение», несколько раз, почти так же редко, как в Ветхом Завете, эти слова имеют оттенок сакрального значения. Для Авраама решение принести в жертву сына — акт повиновения, служения Богу, а его домашние могут помешать ему проявить послушание (ἐκωλύετο γὰρ ἂν ὑπηρετῆσαι τῷ θεῷ) (Ant. Jud. I. 225). Моисей — служитель (ὑπηρέτης) Божий (Ant. Jud. III. 16. IV. 317), впрочем, здесь можно усмотреть и определенное влияние прямого значения, ведь Моисей буквально «исполняет повеление» Бога, выводя евреев из Египта. «Священнослужители» у Флавия появляются рядом с ἱερεῦς: «Тогда появились все священники и священнослужители (ἱερεῖς πᾶς δ' ὑπηρέτης τοῦ θεοῦ), неся перед собою священные сосуды и одетые в облачение, которое они обыкновенно носили при богослужении (ἐν ᾧ λειτουργεῖν)» (Bell. Jud. II. 321).

Что касается столь важного впоследствии для Нового Завета понятия диаконии, то у Флавия это слово имеет в основном чисто античное значение прислуживания, помощи, исполнения просьбы или поручения. Деятельность лишь одного персонажа называется диаконией — это Самуил. Флавий пишет (Ant. Jud. V. 344), что Анна «дала обет посвятить Богу на служение (ἐπι διακονία τοῦ θεοῦ) первого имеющего родиться у нее ребенка, которого она будет воспитывать специально с этой целью». И Самуил, ее сын, принимает на себя служение (διακονίας) (Ant. Jud. V. 350). Среди установлений Давида (Ant. Jud. VII. 365) есть поручение каждой из 24 семей из домов Елеазара и Ифамара совершать богослужение (διακονεῖσθαι τῷ θεῷ) по очереди в течение восьми дней от субботы до субботы.

²² По крайней мере, это очевидно из Prov. 14:35, Sirac. 39:4, Is. 32:2 и Dan. 3:46.

В «Иудейских древностях» есть еще два контекста, где диакония обозначает культовое богослужение — Ant. Jud. X, 57 и 72.

Разнообразие флавиевской лексики служения включает также слово ἐπιμέλεια. В Ветхом Завете это слово встречается 12 раз²³, но всегда речь идет лишь о труде и различных работах, не имеющих отношения к культуре и религии. У Флавия, конечно, оно тоже чаще всего обозначает любые обязанности и заботы: строительные, земледельческие, любое дело, занятие, попечение о чем-либо. Флавий подчеркивает, что заботы священников достаточно широки, но в общем они обозначаются как «забота о благочестии народа» (Contr. Ap. II. 188), «забота о соблюдении закона и строгости обычаев» (Contr. Ap. II. 187), «богослужение и попечение о мудрости (τῶν θεῶν θεράπεια καὶ τῆς σοφίας τὴν ἐπιμέλειαν)». В понятие ухода и заботы включается и поддержание в порядке святилища, чисто техническое служение при святилище, которое входит в обязанности священников и левитов: так, Вителлий поручает заботу (τὴν ἐπιμέλειαν) о необходимых для богослужения предметах и облачении священникам (Ant. Jud. XVIII, 90). А «сыновья Аминадава служили при кивоте (ἐθεράπευον δὲ τὴν κιβωτὸν οἱ τοῦτου παῖδες) и несли эту обязанность (τῆς ἐπιμελείας) в продолжение двадцати лет» (Ant. Jud. VI. 19). В Ant. Jud. IX. 155 в некотором роде раскрывается перечень тех «забот», которые входят в ἐπιμέλεια священников и храмовых служителей: «Заботу (ἐπιμέλειαν) же о храме Предвечного и охрану этого святилища Иодай, сообразно распоряжению царя Давида, поручил священнослужителям и левитам, велел им дважды в день приносить жертвы всесожжения, а также совершать, сообразно установленному ритуалу, воскурения. Вместе с тем он назначил нескольких левитов привратниками у входов в святилище, дабы ни один ритуально нечистый человек не мог незаметно пробраться в храм».

Слова θεράπεύω, θεράπεια имеют у Флавия весь спектр значений — «нести службу», «быть в услужении», например, у царя, «почитать», «уважать», «заботиться», «ухаживать», «исцелять» — в том числе употребляется и вполне наследующее античному значение «поклоняться, служить, чтить, совершать служение при храме». В нескольких редких случаях эти слова можно истолковать как общее обозначение служения Богу. Например, в Ant. Jud. I, 267 состарившийся Исаак призывает Исава и говорит, что из-за немощи уже не может служить Богу (θεράπεύειν τὸν θεόν). Рагуил советует Моисею (Ant. Jud. III, 69) переложить часть своих забот по разрешению споров между людьми на плечи помощников, а самому посвятить себя целиком служению Богу (σὺ δὲ πρὸς μόνῃ τῇ τοῦ θεοῦ θεράπεια κατέχων σεαυτὸν διατέλει). В Ant. Jud. III, 312 тоже говорится, что Моисей посвятил себя исключительно служению Богу (πρὸς μόνῃ τῇ τοῦ θεοῦ θεράπεια διετέλει). Однако чаще всего в сакральном значении эти слова обозначают привычное для античности культовое служение — то есть у Флавия это менее распространенный и более спокойный синоним страстных и ригористичных слов θρησκείω, θρησκεία. В Ant. Jud. IV. 68 через слово θεράπεύω обозначается служение левитов. Служение при кивоте уже упоминавшихся сыновей Аминадава также выражается через глагол θεράπεύω (Ant. Jud. VI. 19). В «Иудейской войне» сакральное значение слова θεράπεια не слишком распространено, но в

²³ Esd.I. 6:9, Esd.II. 7:2, Esth. 2:3, Mach.I 11:37, 16:14, Mach. II 11:23, Mach. III 5:1, Prov. 3:8, 22, 13:4, 28:25, Sap. Sal. 13:13.

тех нескольких случаях, когда оно встречается²⁴, используется для обозначения иудейского культового богослужения. В сочинении Флавия «Против Апиона»²⁵ слова с этим корнем используются почти исключительно для обозначения культового служения и служения священнического сословия в целом. В Ant. Jud. XVIII. 170 термином θεραπεία обозначается культ египетской богини Исиды, а в XVIII. 348 — культ парфянских божеств.

В Ветхом Завете культовое значение слов θεραπεύω, θεραπεία встречается нечасто. Начнем с того, что эти слова вообще редко встречаются в Ветхом Завете, вероятно, потому, что являются главным термином, обозначающим языческое поклонение. В Септуагинте эти слова в культовом значении используются в Jud. 11:17: «Ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит Богу Небесному (ὅτι ἡ δούλη σου θεοσεβής ἐστὶν καὶ θεραπεύουσα νυκτὸς καὶ ἡμέρας τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ). А также в Tob. 1:7, Sir. 35:16 и Ep. Jer. 38 и Is. 54:17 (служение κύριον). Отметим вариант Dan. 7:10 из Синайского кодекса: «Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили (ἐθεράπευον)²⁶ Ему».

У Флавия в уже упоминавшемся контексте Ant. Jud. III, 69 единственный раз в сакральном значении употребляется форма глагола ὑπουργέω.

Делая какие-либо выводы из анализа лексики служения у Иосифа Флавия, мы должны все же иметь в виду, что греческий язык для Флавия не родной. Однако даже отмеченная им самим необходимость в консультациях помощников не дает нам повода не анализировать его авторской лексики. В той области, которая подверглась нашему пристальному вниманию, авторское словоупотребление Флавия весьма своеобразно. В качестве основного источника для доброй половины «Иудейских древностей» Флавий берет, конечно, Ветхий Завет, более того, его готовый греческий перевод. И тем не менее, ветхозаветное выражение понятия служения Флавий старательно обходит.

Для сравнения приведем таблицу, где укажем частоту встречаемости различных терминов сакрального служения в текстах Ветхозаветного канона и в произведениях Иосифа Флавия.

Термины	Септуагинта	Тексты Иосифа Флавия
λειτουργέω, λειτουργία	168	11
λατρεύω, λατρεία	131	1
δουλέω, δουλεία	67	3
θηρσκεύω, θηρσκεία	6	113
θεραπεύω, θεραπεία	6	16
ἐπιμελέομαι, ἐπιμέλεια	—	6
διακονέω, διακονία	—	5
ὑπηρετεύω	3	4
ὑπουργέω	—	1

Мы видим, что разрыв между частотой употребления основных терминов для обеих групп текста весьма значителен. С чем же связан такой «разброс» лексики?

²⁴ Bell. Jud. I. 150; VII. 424, 436.

²⁵ Contr. Ap. I. 30; II. 141, 187, 192, 193, 198.

²⁶ Соответствует ἐλειτούργουν из Ватиканского и Александрийского кодексов.

Необходимо иметь в виду основную читательскую аудиторию Флавия — и языческой публике и евреям диаспоры было знакомо традиционное языческое выражение культового служения в виде $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\epsilon\acute{\iota}\alpha$. Заметим, что именно это слово является основным для обозначения сакрального служения у другого крупного иудейского автора, писавшего по-гречески, а именно у Филона Александрийского²⁷. Однако это ввело бы читателей в заблуждение, вызвав ассоциации с языческим культом. Слова же $\theta\eta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\theta\eta\rho\eta\sigma\kappa\epsilon\acute{\iota}\alpha$ были, напротив и понятны и ставили более четкие акценты на тех особенностях и самобытности иудейской религиозной культуры, которые Флавий хотел подчеркнуть. Одновременно Флавий уходит от основных для Ветхого Завета понятий сакрального служения $\lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\upsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\omega$, $\lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\upsilon\rho\gamma\acute{\iota}\alpha$ и $\lambda\alpha\tau\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\lambda\alpha\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\alpha$, на наш взгляд, потому, что они имели среди его потенциальных читателей совершенно отчетливое традиционное светское значение. В-третьих, Флавий, возможно, избегает ветхозаветной терминологии по той же причине, по которой переводчики еврейского Священного Писания на греческий в свое время избегали употребления языческой сакральной лексики для выражения понятий иудейского сакрального служения. Обращаясь к языческой аудитории, он вполне благочестиво избегал упоминания такого важного иудейского религиозного понятия. Наконец отметим, что Флавий, перефразируя слова Раджак²⁸, в течение короткого времени был политиком, в течение еще более короткого времени — солдатом сомнительного свойства, но в конце концов и главным образом писателем, принадлежащим в равной мере к еврейской и греко-римской истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С.* 2004: Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Образ античности. СПб.
- Афанасьев Н.* 1971: Церковь Духа Святого. Paris.
- Генкель Г. Г.* 2001: Флавий Иосиф, его жизнь и творчество // Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. I. М.
- Зом Р.* 2005: Церковный строй в первые века христианства. СПб.
- Краснобаева Ю. Е.* 2007: Термин «служение» в Ветхом Завете, Новом Завете и раннехристианской литературе // АИ. 3, 251–271..
- Краснобаева Ю. Е.* 2010: «Служение» в Постановлениях Апостольских // АИ. 6, 103–115.
- Лебедев А. П.* 2003: Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.
- Поснов М. Э.* 2005: История христианской Церкви (До разделения Церквей 1054 г.) М.
- Раджак Т.* 1993: Иосиф Флавий. Историк и общество. М.
- Bilde P.* 1988: Flavius Josephus between Jerusalem and Rome: his life, his works and their importance. Sheffield.
- Bloch H. von.* 1879: Die Quellen des Flavius Josephus in seiner Archäologie. Leipzig.
- Brandt W.* 1963: Der Dienst Jesu // Das diakonische Amt der Kirche. Stuttgart.
- Cohen S. J. D.* 1979: Josephus in Galilee and Rome: His Vita and Development as a Historian. New York.
- Collins J. N.* 1999: Diakonia: Re-interpreting the Ancient Sources. New York; Oxford.
- Daniel S.* 1966: Recherches sur le vocabulaire du culte dans la Septante. Paris.

²⁷ Leonhardt 2001, 9.

²⁸ Раджак 1993, 16, 19.

- Destinon J. von.* 1882: Die Quellen des Flavius Josephus. Die Quellen der Archäologie. Buch XII–XVII = Jüd. Krieg B. I. Kiel.
- Dutschak* 1864: Josephus und die Tradition. Wien.
- Ewald H.* 1859: Geschichte des Volkes Israel bis Christus. Göttingen.
- Feldman L. H.* 1998a: Josephus' interpretation of Bible. University of California Press.
- Feldman L. H.* 1998b: Studies in Josephus' rewritten Bible. Leiden.
- Feldman L. H., Hata G.* 1988: Josephus, the Bible, and history. Leiden.
- Hilhorst A.* 1989: «Servir Dieu» dans la terminologie du judaïsme hellénistique et des premières générations chrétiennes de langue grecque. Göttingen.
- Leonhardt J.* 2001: Jewish Worship in Philo of Alexandria. Tübingen.
- Lewis N.* 1960: Leitourgia and related terms // GRBS. Vol. 3. 4, 175–184.
- Lewis N.* 1965: Leitourgia and related terms II // GRBS. Vol. 6. 3, 227–230.
- Liddell H. G., Scott B.* 1996: A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. 9th ed. Oxford.
- Pucci ben Zeev M.* 1988: Jewish Rights in the Roman World: The Greek and Roman Documents // Texts and Studies in Ancient Judaism. Tübingen.
- Smallwood E. M.* 1976: The Jews Under Roman Rule: From Pompey to Diocletian. Leiden.
- Thackeray H. St. J.* 1929: Josephus, the Man and the Historian. New York.
- Vilalba i Varneda P.* 1986: The historical method of Flavius Josephus. Leiden.

SACRAL MINISTRY TERMINOLOGY IN JOSEPH FLAVIUS WORKS

Yu. Ye. Krasnobayeva

Joseph Flavius had both a good command of the Greek language and Jewish culture that is why it is so important to study his terminology in the context of sacral ministry evolution. The LXX (Septuagint) was the main source for Flavius, but he used other terms to express this conception. Sacral senses of words *λειτουργέω, λειτουργία, λατρεύω, λατρεία* and *δουλέω, δουλεία*, traditional for LXX, were not used by Flavius very often. He used other terms, namely *θηρσκεύω, θηρσκειά*, that were not characteristic of LXX. The reason may have to do with secular meanings of *λειτουργία, λατρεία* and *δουλεία* in classical Greek language. On the other hand, Flavius did not regard the words *θεραπεύω, θεραπεία* as heavily charged with pagan sacral connotations. He associated them with Judaic unique identity with a tinge of sacral ministry.

Key words: Joseph Flavius, idea of ministry, Old Testament

© 2013

Г. А. Кошеленко

СУДЬБА БУДДИЗМА В МЕРВЕ (О НЕКОТОРЫХ АРГУМЕНТАХ В ДИСКУССИИ)

Статья посвящена проблемам истории буддизма в Маргиане (Мервском оазисе) в парфянской и сасанидское время. Статья имеет историографический характер. Автор оценивает степень доказательности различных точек зрения и решительно возражает против гиперкритического подхода к проблеме о времени появления буддизма в данном регионе.

Ключевые слова: Маргиана, буддизм, ступа, Гяур-кала, Г. А. Пугаченкова, З. И. Усманова, Б. Я. Ставиский, Т. К. Мкртычев, Э. В. Ртвеладзе

Автор посвящает эту статью юбилею выдающегося ученого Владимира Ароновича Лившица, сделавшего так много для познания прошлого народов Центральной Азии¹.

В течение долгого ряда лет основными объектами раскопок Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) были городища Старого Мерва. В начале 60-х годов, а затем — после некоторого перерыва — в первой половине 70-х годов прошлого века ЮТАКЭ осуществлялись раскопки на территории Гяур-калы сооружения (имевшего индекс Р-9), которое, по результатам исследований 1962 г., было определено как буддийская ступа².

Основными аргументами для такого определения комплекса (помимо его характерной конструкции) послужили обнаружение здесь головы гигантской глиняной статуи Будды и замечательной расписной вазы, содержащей рукопись, явно индийскую по происхождению и буддийскую по содержанию.

Естественно, что эти интересные открытия стали объектами специальных публикаций. М. Е. Массон, руководивший ЮТАКЭ, в своем сообщении о результатах работ 1962 года уделил специальное внимание находкам на Р-9, которые, естественно, интерпретировались как буддийские и датировались на основании найденных при раскопках монет парфянским временем³. Несколько позднее Г. А. Кошеленко⁴ дал достаточно развернутую характеристику памятника, привлекая сравнительный материал и данные письменной традиции о распростра-

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

¹ Автор получил любезное приглашение от петербургских коллег принять участие в юбилейном сборнике в честь В. А. Лившица. К сожалению, состояние здоровья привело к тому, что все мыслимые (и даже невысказанные) сроки были нарушены. Однако доброе отношение редколлегии данного журнала позволило мне хотя бы в этой форме выразить свое уважение и восхищение трудами замечательного исследователя.

² До этого момента студенты, проводившие его раскопки, не подозревали о буддийской принадлежности сооружения, высказывая в своих отчетах самые фантастические предположения о его назначении.

³ Массон 1963, 51–56.

⁴ Он в сезоне 1962 г. курировал (в рамках XVIII отряда ЮТАКЭ) раскопки на территории Гяур-калы.

нении буддизма в пределах Парфии, в частности ее восточной части⁵. В краткой форме эти выводы были представлены в его работе более общего характера⁶. Тогда же была опубликована и уникальная ваза, происходящая из этих раскопок, явно более поздняя, нежели основные конструкции сооружения, и по своему характеру очень близкая произведениям сасанидского искусства⁷. Это позволило поставить вопрос о длительности существования данного комплекса⁸.

Выводы, представленные в статьях М. Е. Массона и Г. А. Кошеленко, в общем, были приняты научным сообществом и, как таковые, нашли свое отражение в ряде трудов, посвященных как судьбам буддизма в Средней Азии⁹, так и в общих работах по археологии и истории данного региона в древности¹⁰. Отметим, что Б. А. Литвинский, рассмотрев данные цейлонских текстов, высказал весьма вероятное предположение о значительно более раннем проникновении буддизма на территории, вошедшие в состав Парфянского царства¹¹.

Немного позднее в Мерве был открыт еще один памятник, связанный с буддизмом. За пределами городских стен Гяур-калы, у юго-восточного угла городища (в 600 м к юго-востоку от восточных ворот) были найдены остатки еще одной ступы. В 1963 г. в этом месте развернулось строительство поселка. При этом, естественно, разрушались остатки древних строений, находящихся здесь. По поручению начальника экспедиции М. Е. Массона Э. В. Ртвеладзе провел краткое обследование одного из бугров, скрывавшего остатки древнего сооружения. В дальнейшем выяснилось, что это была буддийская ступа¹². В 1965 г. этот бугор был окончательно снесен строителями. При этом в их руки попало содержимое глиняного сосуда, по всей видимости, игравшего роль реликвария. В нем находились четыре каменных статуэтки, одна фигурка из слоновой кости, несколько сасанидских монет (выпущенных при Хосрове I Ануширване, правившем с 531 по 579 г. н.э.¹³), а также стопка листов рукописи¹⁴. Статуэтки стали объектом специальной публикации Г. А. Пугаченковой, утверждавшей, что они представляют собой импорты из Гандхары, вероятнее всего привезенные пилигримами¹⁵. Что же касается рукописи, то она, как показали исследования, была написана с помощью письма брахми на санскрите и имела явно буддийское содержание¹⁶.

⁵ Koshelenko 1966, 175–212. Китайские источники использовались на основе: Zürcher 1959.

⁶ Кошеленко 1966, 95–97.

⁷ Кошеленко 1966а, 92–105. Сейчас см. также Manassero 2003, 131–151.

⁸ Вдобавок Г. А. Кошеленко указывал на близость статуи Будды из Мерва со статуей из Мирана, датированной ориентировочно IV в. н.э.

⁹ См., например, Litvinsky 1968; 1970, 53–132.

¹⁰ См., например, Усманова, Филанович, Кошеленко 1985, 234–235.

¹¹ Литвинский 1967, 88–91.

¹² Ртвеладзе 1974, 231–235. Было выявлено, что ступа состояла из почти квадратной платформы и округлой башни на ней. Платформа имела размеры: 15,6 м (север-юг) x 15,4 м (запад-восток). Башня, видимо, имела диаметр примерно 11,2 м. Вход на платформу находился с северной стороны. С западной стороны располагалась какая-то пристройка. В ходе раскопок встречалась керамика V–VI вв. н.э. и сасанидские халки VI в. н.э. (по определению М. Е. Массона).

¹³ По определению В. Г. Луконина эти монеты были выпущены в 18 г. его царствования, то есть 549 г. н.э. См. Воробьева-Десятовская 1983, 69.

¹⁴ Ртвеладзе 1974, 231.

¹⁵ Пугаченкова 1968, 61–64.

¹⁶ Воробьева-Десятовская, Темкин 1966, 26–27. В дальнейшем было показано, что данная рукопись представляла собой уникальный текст. Он содержал не одно произведение, а отрывки из ряда

Э. В. Ртвеладзе предположил, что ранние артефакты, обнаруженные в этом реликварии, могли происходить из первой ступы и были перенесены сюда при создании этого нового памятника¹⁷.

Открытие второго буддийского памятника, естественно, потребовало пересмотра общей картины истории проникновения и существования этого вероучения в Мерве. Эта задача была выполнена Э. В. Ртвеладзе, который предложил два решения, не выделяя специально ни одного из них. Согласно первому, вторая ступа являлась свидетельством увеличения числа адептов буддизма в Мерве, поскольку какое-то время оба памятника функционировали одновременно. Второе решение опиралось на предположение М. Е. Массона о том, что первая ступа (находящаяся в пределах городища) была разрушена местными жителями¹⁸, враждебно настроенными по отношению к буддизму, что произошло не ранее V, и не позднее VI вв. н.э.¹⁹ М. Е. Массон, правда, не исключал и того, что ступа и находящаяся там скульптура были разрушены в результате землетрясения²⁰.

На нынешнем уровне изученности проблемы оба решения имеют право на существование, хотя надо иметь в виду, что у нас нет никаких свидетельств о враждебности местных властей (и местного населения) по отношению к буддистам. Скорее можно говорить об определенной веротерпимости, объясняемой пограничным положением региона и необходимостью обеспечить лояльность всех слоев населения по отношению к центральной власти. Кажется, что таким был, например, статус христиан в Мерве сасанидской эпохи²¹.

Что же касается собственно ступы, то, кажется, незаслуженно осталось в тени одно обстоятельство: основные конструкции ступы были выложены из сырцового кирпича размером 40 x 40 x 12 см, что характерно для парфянского периода и маловероятно для сасанидского. Исходя из этого наблюдения, нельзя исключить возможность того, что и данная ступа имела достаточно длительную историю.

Решительно изменился подход к буддийским памятникам Мерва в середине 90-ых годов XX века. Практически одновременно оба памятника начали рассматриваться по иному, нежели ранее. Что касается второй ступы, то инициатором пересмотра стал П. Каллиери²². Проанализировав один из артефактов, найденных в реликварии загородной ступы — каменное изображение арфистки, — он пришел к выводу, что она представляет собой ручку зеркала, аналогичную тем, которые изготовлялись в Кашмире в начале VI в. н.э. Отталкиваясь от этого вывода и привлекая некоторые другие факты²³, П. Каллиери утверждает, что в период примерно между 500 и 540 гг. н.э. Мерв был оккупирован эфталитами. Поскольку

текстов, которые были необходимы для пропаганды буддийских верований. См. также Litvinskij, Zeimal 2004, 184.

¹⁷ Данное предположение оказалось ошибочным, поскольку позднее случайно на Р-9 был найден реликварий этой ступы. См. Пугаченкова, Усманова 1994, 163–164.

¹⁸ М. Е. Массон считал, что организаторами погрома являлись местные купцы, опасавшиеся конкуренции со стороны индийских торговцев.

¹⁹ Массон 1963, 55.

²⁰ Массон 1963, 55–56.

²¹ Koshelenko, Bader, Gaibov 1995, 55–70.

²² Callieri 1994.

²³ Он указывает на сходство почерка мервских буддийских текстов с гильгитскими рукописями и близость головы Будды произведением раннесредневекового искусства. Думается, что ни один из этих аргументов не имеет серьезного значения.

эфталиты владели обширными территориями, на которых буддизм получил значительное распространение, то именно они выступили инициаторами строительства буддийских культовых сооружений в Мерве.

Искусственность данного построения бросается в глаза. Прежде всего, у нас нет никаких свидетельств особого покровительства эфталитами буддизма²⁴. Более того, имеются доказательства того, что эфталиты разрушали и грабили буддийские святилища и монастыри²⁵. Тот факт, что эфталиты владели Гандхарой, ни в коей мере не доказывает, что они построили ступу в Мерве.

Точно так же в это время происходит пересмотр и истории первой ступы, расположенной в пределах Гяур-калы. В этой связи необходимо указать на две практически идентичные обширные статьи Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой, которые претендовали на то, чтобы стать финальным отчетом по раскопкам этого памятника и которые резко расходились с тем, что было опубликовано ранее²⁶. В этих работах была предпринята попытка обобщить результаты раскопок ступы (1960–1966 гг.) и сангарамы (1970–1978 гг.). Однако практически одновременно была опубликована статья М. И. Филанович и З. И. Усмановой, в которой разрыв с прошлым не был столь разительным и в которой многие позиции тракуются не так, как в двух статьях Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой²⁷.

Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова особо выделяют следующие из своих основных выводов: 1) памятник состоял из двух частей: собственно ступы²⁸ и сангарамы²⁹, разделенных небольшим незастроенным пространством; 2) ступа была возведена не в парфянское время, как думалось ранее, а во время царствования сасанидского царя Шапура II (307–379 гг.); 3) выявлено четыре периода функционирования ступы³⁰, охватывающих время от Шапура II до Кавада I (488–496, 499–531 гг.)³¹; 4) выявлено два периода функционирования сангарамы³².

К сожалению, практически все основные выводы могут (и должны) быть оспорены. Автору данной статьи уже приходилось комментировать упомянутые работы³³. Им была написана статья, посвященная анализу книги Б. Я. Ставиского³⁴, в которой все проблемы истории мервского буддизма были основаны на этих

²⁴ Подробнее см. ИТН. Т. I., 477; 486–487.

²⁵ Например, в Хадде. См. Motamedi 1978, 72.

²⁶ Пугаченкова, Усманова 1994, 142–171; Pugačenkova, Usmanova 1995, 51–81.

²⁷ Filanovič, Usmanova 1996, 185–201.

²⁸ См. Пугаченкова, Усманова 1994, 144–151. Ступа, как утверждают авторы, состояла из платформы (14 x 13 м и высотой 3,5 м) и цилиндрической башни (диаметром чуть более 10 м). Вход на платформу находился на северной стороне, где располагалась лестница, частично ограниченная двумя пилонами. Лестница прослежена на расстоянии 6,3 м (не полностью).

²⁹ См. Пугаченкова, Усманова 1994, 150–160. Сангарамы охватывала площадь около 140 квадратных метров (32 помещения, включая коридоры). Она явно делилась на три части: храмовую, жилую и бытовую. Во многих помещениях найдены мелкие фрагменты скульптуры (ганчевой и глиняной) и настенной живописи. Сангарамы, по мнению Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой, пережила два периода своего функционирования.

³⁰ Пятый период — время запустения.

³¹ Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова по непонятной причине годами царствования этого царя называют 419–479 гг.

³² Правда, в статьях нет прямых указаний на то, какие хронологические рамки для этой части комплекса выбрали авторы.

³³ Кошеленко 2001, 200–211.

³⁴ Ставиский 1998.

двух публикациях. Поэтому автор был вынужден очень подробно проанализировать эти две публикации. В силу этого сейчас можно ограничиться только самыми короткими соображениями.

Прежде всего, ни в коей мере нельзя принять предлагаемую дату строительства ступы. Авторы данных публикаций почему-то пишут только о находках сананидских монет как датирующем признаке, хотя при раскопках было найдено очень значительное число парфянских монет³⁵. Но об этих монетах и о том, где именно они были обнаружены, в тексте нет ни одного слова. Решать вопросы датировки, отбрасывая значительную часть нумизматических данных, не представляется правильным.

Все остальные проблемы решаются примерно на таком же уровне. Полагаем, что основная причина такого положения дел состояла в том, что, в соответствии с обычной практикой ЮТАКЭ, раскопки этого памятника вели в основном студенты³⁶. Ступа исследовалась с 1960 по 1966 гг. Из них только полевой сезон 1962 и часть сезона 1963 гг. исследования проходили под руководством профессионального археолога (Г. А. Кошеленко), остальное время раскопки велись под руководством студентов, которые к тому же еще и менялись каждый сезон. Естественно, что квалификации студента не хватало на то, чтобы понять столь сложный памятник³⁷. Кроме того, терялись находки и документация.

Создается впечатление, что Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова использовали эти студенческие отчеты, не вдумываясь глубоко в то, какую картину они получают в результате. Итогом является полное отсутствие согласования трех составных элементов отчета: текста, плана и разрезов³⁸. Мы уж не говорим о вопиющих разночтениях в трактовке нумизматического материала³⁹.

Вдобавок к тому, что написано выше и что является сокращенным вариантом критики, опубликованной в 2001 г., сейчас можно добавить еще следующее. Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова в своих статьях не дают точных хронологических рамок существования сангарамы (с ее двумя периодами). Однако из контек-

³⁵ См. Массон 1963, 51 («немало медных монет позднемаргианских эмиссий II–III вв. н.э.»). Об этом вспоминает и Э. В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2012, 99–100), отмечающий тот факт, что парфянские монеты происходили из конструкций платформы.

³⁶ Об этом прямо пишут Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова (см. Пугаченкова, Усманова 1994, 143), а также М. И. Филанович и З. И. Усманова (см. Filanovič, Usmanova 1996, 189).

³⁷ Отметим, что по раскопкам сангарамы, которые осуществляла с 1971 по 1978 гг. З. И. Усманова (см. Усманова 1976, 11–19; 1977, 13–33; 1979, 16–18), никаких замечаний нет. Мы ни в коей мере не хотим бросить тень на студентов, работавших здесь. Они работали самоотверженно, но столь сложный памятник мог поставить в тупик не только студента. Отметим вдобавок, что вообще это был всего третий памятник, связанный с буддизмом, открытый на территории Средней Азии, о чем справедливо напомнил Э. В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2012, 99–100).

³⁸ Например, на плане платформы одна из сторон частично лишена внешней грани; чисто умозрительной в своей центральной части выглядит и разрез север-юг, поскольку вскрытие здесь не производилось; реконструкция ранней истории ступы произведена на основании узкого разреза с западной стороны, доведенного до того, что авторы считают внешней гранью ранней ступы, однако чертеж данного разреза не согласуется с планом, поскольку на разрезе появляются некие коридор 1 и коридор 2, никак не отраженные на плане и т.д. Подробнее см. Кошеленко 2001, 206.

³⁹ Например, Г. А. Пугаченкова и З. И. Усманова пишут о пяти монетах Шапура II, найденных в платформе «ранней ступы». В то же самое время С. Д. Логинов и А. Б. Никитин, издавая монеты Сасанидов из раскопок ЮТАКЭ, указывают, что в данном месте было найдено всего две монеты этого правителя (Loginov, Nikitin 1993, 256, 262, №№ 13, 105). Число примеров легко умножить.

ста явствует, что, скорее всего, они относят первый период ко времени правления мервского царя, выпускавшего монеты, которые называют «мервским всадником». Второй же период связывается с правлением Хормизда II (303–309 гг. н.э.). Таким образом, авторы не замечают явного внутреннего противоречия: постоянно подчеркивая хронологический приоритет ступы по сравнению с сангарамой, они в то же самое время ясно указывают, что при их системе датировок сангарама оказывается предшественницей ступы.

Отметим, что в статье, опубликованной двумя годами позднее, М. И. Филанович и З. И. Усманова трактуют время возведения ступы по-иному. Они говорят о монетах Шапура I (а не Шапура II), найденных в основании первоначальной ступы и критикуют С. Д. Логинова и А. Б. Никитина за бездоказательность их утверждений⁴⁰. Кроме того, несколько иной выглядит и периодизация в существовании ступы. Так, теперь третий период ее существования относится ко времени Шапура I⁴¹.

Точно так же нет оснований соглашаться с мнением Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой относительно времени прекращения функционирования данного религиозного комплекса. Вопреки тому, что пишут эти авторы, наиболее вероятной датой прекращения функционирования памятника является время царствования царя Хормизда IV (579–590 гг.)⁴²

Таким образом, нет никаких причин принимать мнение Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой относительно времени возникновения и функционирования буддийского комплекса, находившегося на территории городища Гяур-кала. Наиболее вероятной датой возникновения этого комплекса является парфянское время, скорее всего — конец этого периода. Временем же прекращения его функционирования является время царствования Хормизда IV.

Однако точка зрения, высказанная этими исследователями, оказала сильное влияние на авторов, писавших позднее. К числу их надо отнести прежде всего Б. Я. Ставиского. Мы имеем в виду его уже упомянутую книгу⁴³. В литературе уже отмечалось, что в данной книге автор совершенно не проводил самостоятельного исследования ни одной из поднятых проблем, ограничиваясь, как правило, повторением того, что писали предшественники⁴⁴. К проблеме буддизма в Мерве Б. Я. Ставиский обращается рекордное число раз — 6 (С. 22, 99–100, 158–159, 166, 183, 194), каждый раз подчеркивая, что М. Е. Массон и Г. А. Кошеленко были глубоко неправы, относя возникновение памятника к парфянскому времени. Нет необходимости специально обращаться к этой работе, поскольку в ней (в применении к интересующей нас теме) нет ничего оригинального. Отметим только, что

⁴⁰ Filanovič, Usmanova 1996, 198.

⁴¹ Filanovič, Usmanova 1996, 191.

⁴² См. Кошеленко 2001, 208.

⁴³ Ставиский 1998. Сокращенный вариант: Stavisky 1993/94, 133–142.

⁴⁴ Сердитых 1999, 359–360. См. также Кошеленко 2001, 204–205. В тех же (достаточно редких) случаях, когда Б. Я. Ставиский не соглашается с мнением предшественника, он, как правило, свои предположения никак не подкрепляет. Например, он стремится подправить Г. А. Пугаченкову и З. И. Усманову, которые относят возведение ступы ко времени не ранее середины IV в., и утверждает, что данное событие произошло в третьей четверти этого века. Но в поддержку своего тезиса им не написано ни единого слова.

Б. Я. Ставиский ориентировался на работу 1994 г., а не 1996 г., где создана была более объективная картина.

В этом отношении следующее исследование, в котором обсуждаются проблемы буддизма в Мерве, заслуживает гораздо большего внимания. Мы имеем в виду книгу Т. К. Мкртычева, посвященную истории буддийского искусства в Средней Азии⁴⁵. Автор достаточно внимательно анализирует имеющиеся источники, как археологические, так и письменные. Однако заданность подхода мешают автору придти к правильным выводам.

Т. К. Мкртычев полностью принимает выводы Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой, не замечая в них тех разительных противоречий, о которых было сказано выше. Не повторяясь, отметим только, что и в этой части концепции автора мы видим несколько его собственных противоречий. Так, он очень сочувственно цитирует П. Каллиери, писавшего о том, что трудно ожидать создания буддийской ступы в Мерве в период царствования такого, не отличавшегося веротерпимостью правителя, как Шапур II⁴⁶, но в то же самое время на соседней странице столь же сочувственно излагает точку зрения Г. А. Пугаченковой и З. И. Усмановой относительно строительства ступы именно в это время⁴⁷.

Однако основное острие критики Т. К. Мкртычев направлено в ином направлении. Он стремится если не уничтожить, то хотя бы принизить значение китайских источников по истории буддизма на территории Парфии. Как известно, главная доля информации по этой проблеме находится в составе китайской письменной традиции, а внутри традиции — в сочинении «Жизнеописания достойных монахов», а именно в том его разделе, который посвящен жизни Ань Ши-гао⁴⁸. Основная версия биографии Ань Ши-гао сообщает о нем следующее: Ань Ши-гао был парфянским наследным принцем, крайне приверженным знанию. После смерти отца он вступил на престол, но вскоре оставил его, передав власть дяде. Решив способствовать распространению буддизма, он отправляется на восток и «в начале правления династии Хань императора Хуань-ди (147–167) прибыл в Китай»⁴⁹. В традиции отражается многогранная переводческая деятельность Ань Ши-гао, который прекрасно освоил китайский язык. «В продолжение всего времени Ань Ши-гао опубликовал сутры и шастры, общим числом тридцать девять. Смысл их ясен и отчетлив, стиль чрезвычайно прост. Переводы обстоятельны, но не цветисты, безыскусны, но не грубы. Читать их — занятие увлекательное и неустомительное»⁵⁰. В биографии Ань Ши-гао присутствует еще одно хронологическое указание: завершение им его труда по переводу сутр относится к концу правления императора Лян-ди (168–189 гг.)⁵¹.

В общем, ранее ни у кого из исследователей не возникало сомнений относительно точности основного содержания текста. Ань Ши-гао воспринимался как один из первых миссионеров, знакомивших Китай с буддизмом, и как прекрасный переводчик буддийских текстов на китайский язык. Расхождения касались только

⁴⁵ Мкртычев 2002.

⁴⁶ Мкртычев 2002, 32.

⁴⁷ Мкртычев 2002, 29.

⁴⁸ Хуэй-Цзяо 1991, 102–107.

⁴⁹ Хуэй-Цзяо 1991, 102.

⁵⁰ Хуэй-Цзяо 1991, 103.

⁵¹ Хуэй-Цзяо 1991, 103.

деталей происхождения Ань Ши-гао. Наиболее популярным в последнее время было мнение о его маргианском происхождении. Как известно, в первые века н.э. Маргианой управляла местная династия — младшая боковая ветвь Аршакидского рода. Когда были обнаружены буддийские памятники в Мерве, то естественным стал вывод о том, что Ань Ши-гао был представителем именно этой ветви рода⁵².

Однако желание исключить Мервский оазис из числа тех областей, в которых фиксируется раннее проникновение буддизма, заставляет Т.К. Мкртычева искать опровержение этому естественному предположению. Первый его аргумент — более вероятно думать, что парфянский принц происходил из какой-либо другой области, где наличие буддизма уже ранее зафиксировано. Автор тем самым указывает на индо-парфянских правителей. Однако этот аргумент не имеет доказательной силы. Практически все исследователи согласны с тем, что к третьей четверти I в. н.э. все основные территории Индо-Парфии были покорены кушанами⁵³. При этом некоторые исследователи даже считают возможным даже более точно датировать эти события. Так, О. Бопеараччи относит падение их ко времени Куджулы Кадфиза, который правил (по наиболее вероятной схеме) в 40–90 или 40–95 гг. н.э.⁵⁴. Даже наиболее радикальные сторонники поздних датировок (такие, как М. Альрам) относят падение индо-парфян к самому началу II в. н.э.⁵⁵

Обычно исключение делается только для Арахосии, где предполагается существование индо-парфянской государственности вплоть до прихода сюда Сасанидов⁵⁶. Эту точку зрения поддерживает и Т.К. Мкртычев⁵⁷. При этом некоторые исследователи даже считают, что последний из индо-парфянских царей Ардамитра правил в Арахосии даже при сасанидском царе Шапуре I⁵⁸.

Однако несколько соображений заставляют усомниться в арахосийском происхождении Ань Ши-гао. Прежде всего, следует указать на то, что Маргиана занимала важное место на «Великом шелковом пути»⁵⁹ и поэтому априорно была знакома китайцам более, чем, например, Арахосия, которая располагалась много южнее, и ее связи с Китаем не могли быть и не были сколько-нибудь серьезными, сравнимыми со связями Маргианы⁶⁰. Кроме того, в последние годы появились большие сомнения в традиционной картине индо-парфянской Арахосии позднего времени. А.Б. Никитин тщательно исследовал монеты, приписывавшиеся (с кон-

⁵² Для подтверждения парфянского Аршакидского происхождения Ань Ши-гао считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, которое, кажется, никогда не упоминалось. В биографии принца присутствует эпизод передачи им царской власти дяде, то есть брату отца. Но именно такими эпизодами наполнена история Парфии (особенно ранней), где постоянно соперничали два принципа передачи власти: от отца сыну и от старшего брата к младшему. См. Кошеленко 1976, 31–37; Košelenko 1983, 133–146.

⁵³ MacDowall 1985, 555–566; Boppearachchi 2007, 41–54.

⁵⁴ Boppearachchi 2007, 41–54.

⁵⁵ Alram 1999, 44.

⁵⁶ Cribb 1985, 243–305; Simonetta 1993, 169–185.

⁵⁷ Мкртычев 2002, 29. При этом он, почему то, ссылается на Д. Крибба и О. Бопеараччи (*The Crossroads...* №№ 34–39), которые под указанными номерами описывают раннекушанские монеты.

⁵⁸ MacDowall 1965, 137–147.

⁵⁹ Bernard 2003, 929–969.

⁶⁰ П. Даффина при исследовании проблем буддизма в Маргиане напоминает, что прямые официальные дипломатические связи между Парфией и Китаем установились уже в течение II в. н.э. См. Daffina 1975, 181–183.

ца XIX в.) Ардамитре. Он доказал, что легенда читается неправильно. Эти монеты выпускались царем Сасан-Фарном и должны датироваться концом I в. н.э.⁶¹

Таким образом, индо-парфянские правители — это явление только I в. н.э. Они пали под ударами нарождающегося Кушанского царства. Таким образом, Ань Ши-гао, время деятельности которого приходится на середину — вторую половину II в. н.э., никак не мог принадлежать к числу индо-парфянских правителей.

Еще менее убедительны другие аргументы Т.К. Мкртычева. Он, в частности, указывает на общеизвестные факты присутствия в Китае парфян во времена после падения Парфянского царства. Из этого исследователь делает вывод, что китайцы слабо знали Парфию⁶². Хотя это прямо не говорится, но такой аргумент с точки зрения автора должен выглядеть убийственно: какое же может быть знание, если китайские авторы называют буддийских деятелей парфянами, а Парфия уже давно погибла.

Но надо помнить простую вещь — нет прямой корреляции между государственным и этносом. Трудно представить, что все парфяне, узнав о разгроме на равнине Ормиздакан (в Мидии) войсками правителя Парса Ардашира армии царя Артабана V, тут же умирают или кончают с собой от огорчения. Конечно же, парфяне как особый этнос продолжали существовать еще несколько веков. Огромное количество источников это подтверждает.

Начнем с официальных документов. Ранние сасанидские надписи (времени Ардашира и Шапура I) выполняются не только на персидском, но и на парфянском языке⁶³. В этих документах неоднократно упоминается парфянская знать. В общем, на раннем этапе существования Сасанидского государства парфянский элемент в его структуре занимал важное место — второе, после персов.

Важную информацию о парфянах этого времени дают источники, освещающие раннюю историю манихейства. Они сообщают о том, что Мани посылал в Хорасан миссионеров, знающих парфянский язык и письмо, советовал привлекать местную знать. В числе приверженцев новой религии находились «принцы», активнейшие манихейские общины существовали на территориях, где жили парфяне, в частности, в Мерве⁶⁴. В дальнейшем парфянский язык стал официальным языком манихейской церкви⁶⁵, что было бы невозможным, если бы не массовое обращение в эту религию людей, говорящих именно на парфянском языке. Напомним, что манихейство возникло уже после падения власти Аршакидов. По некоторым свидетельствам источников, Мани сам в какой-то степени принадлежал к этому роду⁶⁶.

Наконец, обратимся к рядовому населенному пункту Мервского оазиса — Гебеклы-депе. Как хорошо известно, памятник существовал в конце парфянской и начале сасанидской эпох (вплоть до конца IV в.)⁶⁷. При исследовании слоев сасанидского времени было найдено довольно значительное число остраков. Все

⁶¹ Nikitin 1994, 67–69. С этой точкой зрения согласился и М. Альрам (см. Alram 1999, 42).

⁶² Мкртычев 2002, 30.

⁶³ См. Back 1978, 281–372.

⁶⁴ Asmussen 20, 21, 23, 24; Zundermann 1971, 81–87; 1981, 26–27, 36–41, 55–57, 126–128, 133–135. Древний Мерв 46–59. См. также Хосроев 2007, 100–101, 225–228.

⁶⁵ Подробнее см. Хосроев 2007, 96.

⁶⁶ См. Хосроев 2007, 89.

⁶⁷ Кошеленко, Никитин 1991, 108–121.

надписи на черепках были выполнены на парфянском языке⁶⁸. Таким образом, не подлежит сомнению, что и после падения государства Аршакидов в восточных районах еще несколько столетий жители говорили на парфянском языке и воспринимали себя именно как парфян.

Тем самым, как представляется, предположения о недостаточном знании китайцами этого региона снимаются и китайские письменные источники реабилитируются. Пытаясь же подвести окончательный итог, хотелось бы подчеркнуть, что гиперкритические построения порой основаны на очень шатком основании, и наиболее вероятным временем проникновения буддизма в Маргиану, видимо, следует все-таки считать парфянскую эпоху⁶⁹.

При этом мы оставляем в стороне вопрос о том, каким образом буддизм проник в Мервский оазис, который требует особого исследования. Точно так же за скобки выносятся некоторые гипотезы, не имеющие серьезного значения. К их числу относится, например, предположение А. Бивара о том, что Мерв был захвачен (на короткое время) кушанами и этот факт способствовал распространению буддизма в данной области⁷⁰. Идея захвата кушанами Мерва и других районов южного Туркменистана уже высказывалась ранее (в частности, Р. Гиришманом) и уже много лет тому назад была решительно опровергнута М. Е. Массоном⁷¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивар А.* 1991: Земля Канаранг. Мерв между кушанами и Сасанидами // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Культурные взаимодействия и связи. Ашхабад, 7–8.
- Воробьева-Десятовская М. И.* 1983: Памятники письменности кхарошти и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М., 210–217.
- Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э.* 1966: Индийские рукописи в Туркмении // Наука и жизнь. 1, 26–27.
- Кошеленко Г. А.* 1966: Культура Парфии. М.
- Кошеленко Г. А.* 1976: Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средневековье). М., 31–37.
- Кошеленко Г. А.* 1966а: Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. 1, 92–105.
- Кошеленко Г. А.* 2001: О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 4, 200–211.
- Кошеленко Г. А., Никитин А. Б.* 1991: Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 18, 108–121.
- Лившиц В. А., Никитин А. Б.* 1989: Парфянские надписи с Гебеклы-депе // ВДИ. 3, 80–89.
- Литвинский Б. А.* 1967: Махадева и Дуттхагамани (о начале буддизма в Парфии) // ВДИ. 3, 88–91.

⁶⁸ Лившиц, Никитин 1989, 80–89; Livshitz, Nikitin 1991, 109–126; 1994, 312–323.

⁶⁹ С этим мнением согласны и западные ученые, специально, исследовавшие данную проблему. См. Carter 2005, 307 — 317. Она считает, что ступа на территории Гяур-калы была создана в конце II — середине III вв. н.э. Время Шапура II — это время реконструкции ступы. То же самое Walter 1998, 39–58. Близкие взгляды также см. Daffina 1975, 179–183.

⁷⁰ Бивар 1991, 7–8.

⁷¹ Массон 1955, 17 (там же и предшествующая литература).

- Литвинский Б. А.* 1997: Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. Памяти Н. А. Иванова / А. М. Петров (ред.). М., 55–78.
- Литвинский Б. А.* 2001: Буддизм в Средней Азии (проблемы изучения) // ВДИ. 4, 188–199.
- Литвинский Б. А.* 2003: Буддизм среди иранцев // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина / С. Л. Тихвинский (ред.). М., 89–98.
- Массон М. Е.* 1955: Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского царства // Труды ЮТАКЭ. V, 7–70.
- Массон М. Е.* 1963: Из работ Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. // Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук. 3, 51–56.
- Мкртычев Т. К.* 2002: Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.
- Никитин А. Б.* 1992: Среднеперсидские остраконы из буддийского святилища в Старом Мерве // ВДИ. 1, 95–105.
- Пугаченкова Г. А.* 1968: Гандхарская скульптура в Мерве // Искусство. 6, 61–64.
- Пугаченкова Г. А., Усманова З. И.* 1994: Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1, 142–171.
- Ртвеладзе Э. В.* 1974: Новый буддийский памятник в Старом Мерве // Труды ЮТАКЭ. XV, 231–235.
- Ртвеладзе Э. В.* 2012: Вспоминая былое. Кн. I. Ташкент.
- Сердитых З. В.* 1999: рец. на кн.: Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998 // ПИФК. VII, 358–361.
- Ставиский Б. Я.* 1998: Судьбы буддизма в Средней Азии. М.
- Усманова З. И.* 1976: Изучение крепостной стены и буддийского памятника в Мерве // Материалы по истории, историографии и археологии. 517, 1–19.
- Усманова З. И.* 1977: Буддийский памятник в Мерве // МИА. 533, 13–33.
- Усманова З. И.* 1979: Раскопки буддийского памятника III–IV вв. в Мерве // Успехи среднеазиатской археологии. 4, 16–18.
- Усманова З. И., Филанович М. И., Кошеленко Г. А.* 1985: Маргиана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 234–240.
- Хосроев А. Л.* 2007: История манихейства (Prolegomena). СПб.
- Хуэй-Цзяо* 1991: Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань) / М. Е. Ермакова (пер.): в 3-х томах. Т. I (Раздел 1: Переводчики). М.
- Afram M.* 1999: Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence // Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / M. Afram, D. E. Klimburg-Setler (ed.). Wien, 19–49.
- Back M.* 1978: Die Sassanidischen Staatsinschriften. Studien zur Orthographie und Phonologie des Mittelpersischen der Inschriften zusammen mit einem etymologischen Index des mittelpersischen Wortgutes und einem Textcorpus der behandelten Inschriften (Acta Iranica. Troisième série. Textes et Mémoire, Vol. VIII). Téhéran; Liège; Leiden.
- Bernard P.* 2005: De l’Euphrate à la Chine avec la caravane de Maès Titianos (ca 100 de notre ère) // CRAI, 929–969.
- Bopearachchi O.* 2007: Some observations on the chronology of the early Kushans // Des Indo-grecs aux Sassanides: données pour l’histoire et la géographie historique (Res Orientalis. Vol. XVII). Bures-sur-Yvette, 41–54.
- Callieri F.* 1994: Hephtalites in Margiana ? New Evidence from the Buddhist Relics in Merv // Atti del convegno internazionale sul tema “La Persia e l’Asia Centrale de Alessandro al X secolo”. Roma, 79–83.

- Carter M. L.* 2005: A Marble acrolithic head from Afghanistan // Afghanistan. Ancient carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du colloque international organize par C. Landes et O. Bopéarachchi / O. Bopéarachchi, M.-F. Boussac (ed.). Tounhaut, 307–317.
- Cribb J.* 1985: New evidence of Indo-Parthian political history // Coin Hoards. VII, 243–305.
- Daffina P.* 1975: Sulla piu antica diffusione del buddhismo nelle Serindia e nell'Iran orientale // Monumentum H. S. Nyberg (Acta Iranica. 2-nd series. Hommages et Opera minora). Leiden; Téhéran; Liège, 179–192.
- Filanovič M. I., Usmanova S. I.* 1966: Les frontières occidentales de la diffusion du buddhisme en Asie Centrale // Cahiers d'Asie Centrale. 1–2, 185–201.
- Koshelenko G. A.* 1966: Beginning of Buddhism in Margiana // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XIV, fasc. 1–2, 175–212.
- Košelenko G. A.* 1983: La genealogia dei primi Arsacidi (ancora sull'ostraccon n. 1760) // Mesopotamia. XVII [1982], 133–146.
- Koshelenko G. A., Bader A. N., Gaibov V. A.* 1995: The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua. XXX, 55–70.
- Litvinsky B. A.* 1970: Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow.
- Litvinsky B. A.* 1970: Outline History of Buddhism in Central Asia // Kushan Studies in USSR. Papers presented by the Soviet Scholars at the UNESCO Conference on History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period, Dushanbe, 1968. Calcutta, 53–132.
- Litvinskij B. A., Zeimal T. I.* 2004: The Buddhist Monastery of Ajina tepa, Tajikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia. Rome.
- Livshitz V. A., Nikitin A. B.* 1991: The Parthian epigraphic remains from Göbekli-depe and some other Parthian inscriptions // Corolla Iranica. Papers in honour of Prof. Dr. David Neil Mackenzi on the occasion of his 65th birthday on April 8th, 1991 / R. E. Emmerick, D. Weber (ed.). Frankfurt am Main; Bern; New York, 109–126.
- Livshitz V. A., Nikitin A. B.* 1994: Parthian and Middle Persian Documents from South Turkmenistan. A Survey // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Vol. I. 3, 312–323.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* 1993: Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. XXVIII, 247–270.
- MacDowall D. W.* 1965: The Dynasty of the later Indo-Parthian // NC. V, 137–147.
- MacDowall D. W.* 2003: The successors of the Indo-Greeks in Begram // South Asian Archaeology 1983 / J. Schotsmans, M. Taddei (ed.). Naples, 555–556.
- Manassero N.* 2003: 1 vaso dipinta di Merv // Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. 5, 131–151.
- Motamedi H.* 1978: A General view on Hadda art and history // Afghanistan. Vol. 31, 2, 69–90.
- Nikitin A.* 1994: Coins of the Last Indo-Parthian King of Sakastan (A Farewell to Ardami-tra) // South Asian Studies. 10, 67–69.
- Pugačenkova G. A., Usmanova Z. I.* 1995: Buddhist monuments in Merv // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in Antiquity / A. Invernizzi (ed.). Firenze, 51–81.
- Simonetta A.* 1993: The chronology of the NW India in the first century A. D. and its possible verification // Numismatica e antichità classiche. XXII, 169–185.
- Stavisky B. I.* 1993/94: The Fate of Buddhism in Middle Asia (in the Light of Archaeological Data) // Silk Road Art and Archaeology. 3, 133–142.
- Zürcher E.* 1959: The Buddhism conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in early medieval China. Vol. I-II. Leiden.
- Zundermann W.* 1971: Zur frühen missionarischen Wirksamkeit Manis // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. XXIV (1), 81–87.

Zundermann W. 1981: Mitteliranische manichäische Texte kirchengeschichtlichen Inhalts (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte. XI). Berlin.

Walter M. 1998: The Western border of Buddhism, Margiana: the question of Parthian Buddhism // Third Silk Road Conference at Yale University. Vol. I, 39–58.

THE FATE OF BUDDHISM IN MERV

G. A. Koshelenko

The article deals with the issues of Buddhism history in Margiana (Merv Oasis) in Parthian and Sassanian times. It is a historiographical article that appraises the extent of validity of different viewpoints and strongly objects to hypercritical approach to the time of Buddhism appearance in the region.

Key words: Margiana, Buddhism, stupa, Gyaaur-kala, G. A. Pugachenkova, Z. I. Usmanova, B. Ya. Stavisky, T. K. Mkrtychev, E. V. Rtveladze

Племенной мир

© 2013

Д. Л. Бродянский, А. Н. Попов, Б. В. Лазин,
Х. Г. Маркос

ЗНАКОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ НОВОГО ПАМЯТНИКА БОЙСМАНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БУХТЕ БОЯРИН (О-В РУССКИЙ, ВЛАДИВОСТОК)*

При раскопках археологического памятника Боярин-6 в 2013 году было найдено три знаковых предмета: выполненная из камня ретушированная рыбка, манупорт в виде черепахи, пирамидальный камень с антропоморфными личинами. Эти артефакты продолжают ряд находок произведений искусства бойсманской культуры, обнаруженных на археологическом памятнике Бойсмана-2.

Ключевые слова: первобытное искусство, Приморский край, бойсманская культура

Многослойный памятник Боярин-6 был выявлен весной 2011 года экспедицией Отдела археологических экспертиз Учебно-научного музея ДВФУ в результате археологического обследования на полуострове Кондратенко, в юго-западной части острова Русский в г. Владивостоке (Приморский край)¹.

Памятник расположен в южной части бухты Боярин, в восточной части перешейка, ведущего к мысу Рогозина, на сочленении заболоченного участка береговой террасы и склона юго-западной оконечности мысовидного отрога сопки, на площадке со слабонаклонной поверхностью (5°–7°). Местоположение обращено к проливу Старка, разделяющего острова Русский и Попова, территория поросла кустарником и редкими низкими деревьями. Высота площадки над уровнем моря от 4 до 7 м, размеры памятника — 150 x 60 м. На памятнике было выявлены материалы среднего неолита (6,3–4,7 тыс. лет назад), позднего неолита (5,3–3,5 тыс. лет назад), палеметалла.

Бродянский Давид Лазаревич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии ДВФУ. E-mail: lazlin.bv@dvfu.ru

Попов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, директор Учебно-научного музея ДВФУ, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения ДВФУ. E-mail: popov.an@dvfu.ru

Лазин Борис Владимирович — научный сотрудник Музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ, аспирант Школы гуманитарных наук ДВФУ. E-mail: lazlin.bv@dvfu.ru

Маркос Хорхе Габриель — профессор, PhD, директор магистерской программы по археологии Приморского политехнического института (ESPOL). E-mail: drmarcos@me.com

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд» ДВФУ

¹ Попов, Лазин 2011.

В 2013 году отрядом Музея археологии и этнографии Учебно-научного музея ДВФУ были проведены разведочные раскопки на памятнике.

Материалы среднего неолита (бойсманская археологическая культура) были обнаружены в раковинной куче (слои 2–4 стратиграфического разреза):

1. Дерн — черно-коричневый гумусированный суглинок, пронизанный корнями трав и деревьев (10–15 см);
2. Пачка слоев целых створок раковин (25–30 см);
3. Коричневый суглинок, содержащий большое количество обломков створок раковин (20–22 см);
4. Плотный темно-коричневый суглинок (2–5 см);
5. Материк — коричневый суглинок с дресвой.

Под слоем раковин, в основном устрицы тихоокеанской (*Crassostrea gigas*), в слое плотного темно-коричневого суглинка были найдены, наряду с керамикой и другими артефактами из камня и кости, 3 знаковых предмета.

На пластинчатом отщепе из серого лидита изготовлен нож в виде рыбы-терпуга (лат. *Hexagrammidae*) (рис. 1). Размеры изделия 58х23х3 мм. Краевой ретушью оформлены два режущих лезвия. Очертания окуня-терпуга: голова, тулово, продольная линия, хвостовой плавник, переданы с большой точностью. Терпуг и сегодня ловится в проливе Старка.

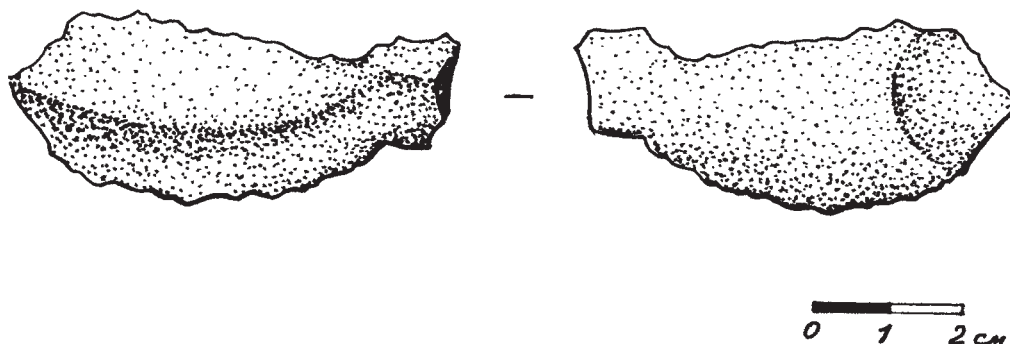

Рис. 1

На гальке из жёлто-серой тяжёлой породы, форма гальки пирамидальная, верхушка пирамиды — овальная, фаллообразная, основание плоское, прямоугольное, выполнены два антропоморфных изображения. Первое (рис. 2, 1) образуют три круглых точки и ниже две выбоины, отделяющие фаллообразную верхушку от остальной пирамиды. Вторая личина (рис. 2, 2) на противоположной плоскости, ниже фаллообразного верха — три круглых точки и ниже большая серпообразная выбоина. Мужчина — вверху, женщина — ниже? Личины выделены минимальными средствами, но с убедительной изобразительностью. Третий предмет — манупорт, галька из плотной серой породы с большой точностью передает очертания морской черепахи — головастой или ложной каретты (лат. *Caretta caretta*). Эти черепахи и сейчас встречаются в заливе Петра Великого, их длина достигает 2 метров, вес 100–120 кг (все определения — терпуга и черепахи — гидробиолога Владимира Александровича Ракова, авторы благодарят его). Природа сотворила

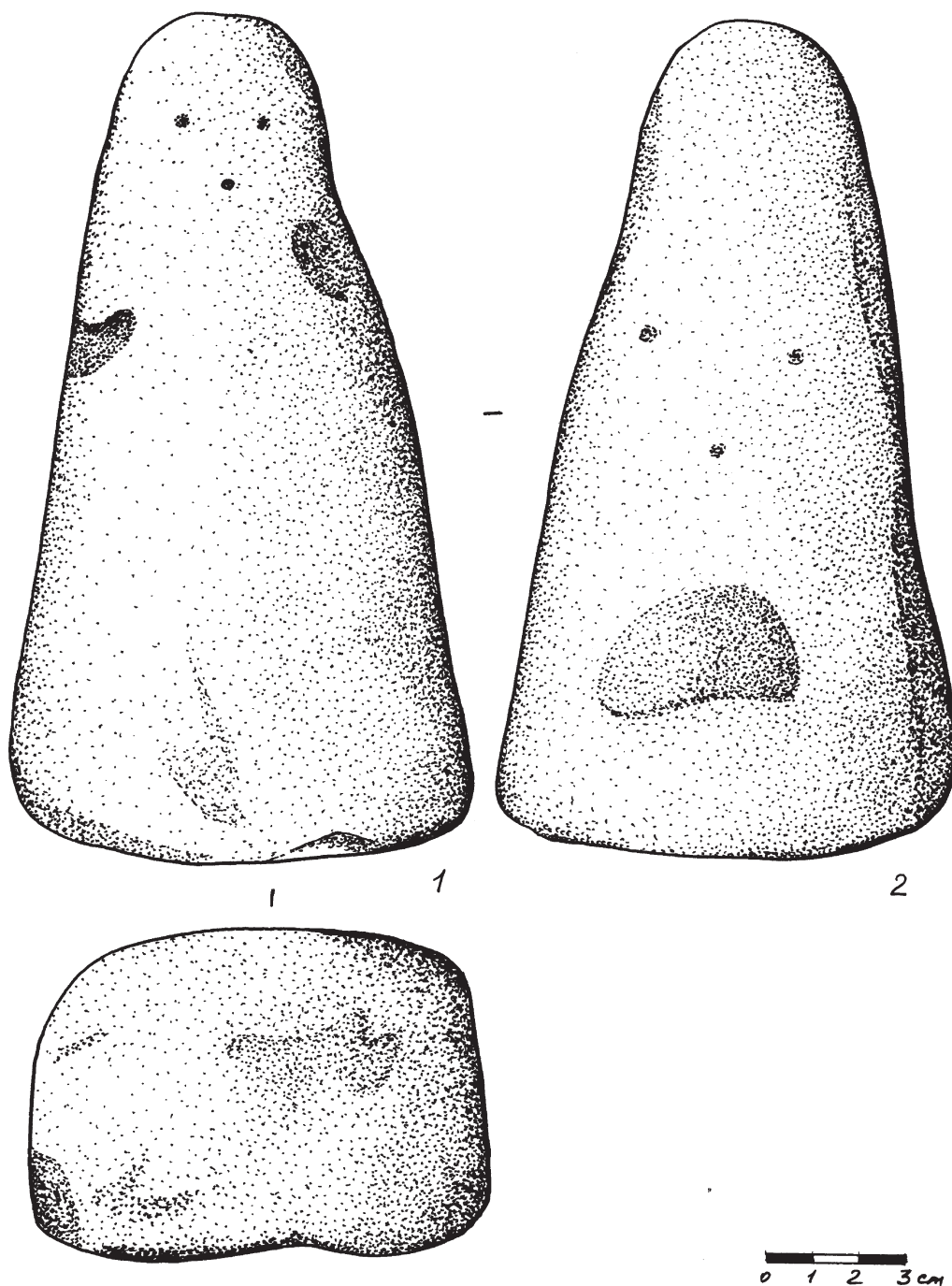

Рис. 2

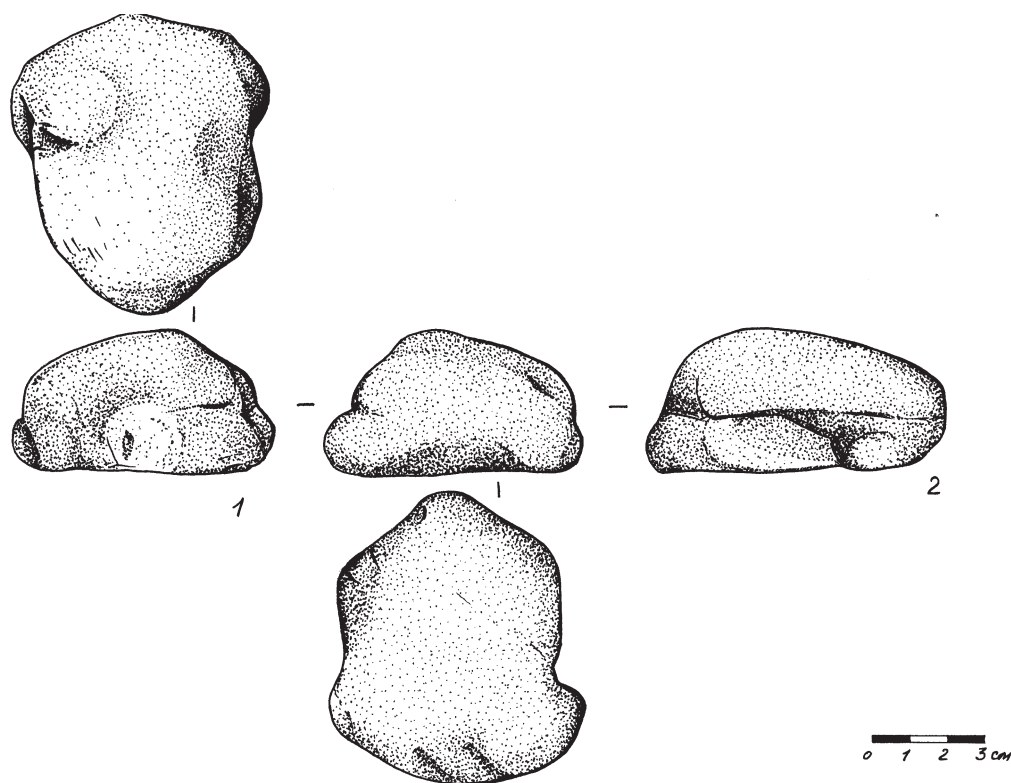

Рис. 3

гальку-черепаку с поразительной точностью: головка из под панциря (рис. 3, 1), плавники (рис. 3, 2), плоское основание — пластрон. Размеры: 70x68x40 мм. Бойсманцы оценили творение природы и принесли гальку в жилище.

Первая небольшая серия знаковых предметов из бухты Боярин продолжает ряд находок произведений искусства бойсманцев из поселения Бойсмана II².

ЛИТЕРАТУРА

Бродянский Д. Л. 2002: Искусство древнего Приморья (каменный век-палеометалл). Владивосток.

Бродянский Д. Л. 2000: Чашечные камни — портативные петроглифы // ПИФК. VIII, 16-23.

Бродянский Д. Л. 2003: Персонажи берингийских мифов в неолитическом искусстве Приморья // ПИФК. XIII, 624-630.

Попов А. Н., Лазин Б. В. 2012: Многослойный памятник Боярин-6 на острове Русский во Владивостоке // Древности Азии и Америки (Тихоокеанская археология). 22, 138-153.

Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. 1997: Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам памятника Бойсмана-2). Новосибирск.

² Бродянский 2000; 2002; 2003; Попов и др. 1997.

SYMBOLIC ARTIFACTS FROM A NEW NEOLITHIC BOYSMAN CULTURE
MONUMENT IN BOYARIN BAY*D. L. Brodyansky, A. N. Popov, B. V. Lazin, H. G. Markos*

Boyarin-6 archeological excavation in 2013 revealed three symbolic artifacts. The first one is a stone retouched fish, the second is a manuport in the form of a tortoise, and the third one is a tapered stone with anthropomorphic masks. They belong to the series of similar Boysman culture finds at Boysman-2 archeological monument.

Key words: primitive art, Primorye Territory, Boysman culture

© 2013

А. Р. Ласкин, Е. Г. Дэвлет

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ НА РЕКЕ УССУРИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ*

В рамках мероприятий по охране памятников наскального искусства и изучению изобразительных и технологических особенностей петроглифов Хабаровского края в последние годы существенно дополнен корпус петроглифов Шереметьево и Сикачи-Алян. В статье рассмотрены изображения на отдельных валунах, выявленные вблизи скоплений петроглифов у сел. Шереметьево.

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, археология Дальнего Востока

Первые сведения о древних наскальных рисунках, расположенных по рекам Уссури и Амуру, образующих особую локальную провинцию наскального искусства, относятся к середине XIX в.¹ Петроглифы на р. Уссури у сел. Шереметьево стали весьма рано известны науке. Еще в 1859 г. Р. К. Маак во время своего путешествия по р. Уссури записал, что «...видел изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся; также очерк человеческого лица с лучами, исходящими от него по всем направлениям, высеченный в весьма грубых и неполных очертаниях. Об этих исторических памятниках не осталось, однако же, никаких преданий между тамошними природными жителями, которых мне приходилось расспрашивать, но, судя по нынешнему состоянию изображений, можно отнести их к временам весьма отдаленным, потому что хотя они и высечены в твердой горной породе, однако же от атмосферного влияния стали неясны, а некоторые фигуры так изгладились, что трудно

Ласкин Артур Робертович — заведующий сектором археологии Краевого государственного бюджетного учреждения культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края» (КГБУК «НПЦ по ОПИК»). E-mail: archaeology@inbox.ru

Дэвлет Екатерина Георгиевна — доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Института археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

* Выполнено при поддержке РГНФ, проект №13-01-100322а.

¹ Дэвлет 2002; Дэвлет, Дэвлет 2005.

даже заметить их»². В 1860 г. географ К. Ф. Будогоский поместил заметку в газете «Амур», издававшейся в те годы в Иркутске, о не совсем понятных ему изображениях «головы тигра, рыбы, каких-то знаков» на скалах по правому берегу р. Уссури³. Более детальное расположение и описание древних наскальных изображений у сел. Шереметьево сделал подполковник Генерального штаба Н. Альфтан. Он обозначил три пункта сосредоточения шереметьевских петроглифов, сделал зарисовки ряда изображений, представил сведения о выявленном средневековом городище, расположенного выше, прямо над одной из групп петроглифов⁴. Позднее, в 1908 г., данные Н. Альфтана были использованы Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткиным в обобщающей сводке по археологическим памятникам Дальнего Востока⁵. В 1959, 1968 и 1970 годах изучение Шереметьевских петроглифов проводит экспедиция под руководством А. П. Окладникова, эта работа позволила составить всестороннее представление о памятнике: было прорисовано и описано подавляющее большинство изображений, проведена археологическая разведка⁶. В публикациях А. П. Окладникова дается развернутая характеристика петроглифов, разработана хронология наскальных изображений, представлено семантическое содержание древних образов, обозначены этнографические параллели изобразительным мотивам и стилистическим решениям⁷.

В последние десятилетия интерес к памятникам наскального искусства в регионе приобрел устойчивый характер, периодическое обследование состояния сохранности изображений как на Сикачи-Аляне, так и у сел. Шереметьево дало новые интересные результаты⁸. Местонахождение петроглифов на правом берегу р. Уссури локализуется в 140 км выше по течению от места ее слияния с р. Амур. Теперь в этот район попасть непросто, нужен специальный пропуск, поскольку левый берег Уссури относится к территории Китая, а правый, с уникальными петроглифами, на большую удачу исследователей принадлежит России. Затруднительно и планирование работ на памятнике, поскольку уровень воды в реке во многом определяет возможности доступа. При высоком уровне воды в реке работать на памятнике можно только с лодки: вода подходит непосредственно к вертикальным скальным плоскостям с изображениями. При низкой воде открываются значительные участки берега, осмотр которых дал в 2012 г. новые материалы о наскальном искусстве древних обитателей уссурийской тайги.

До настоящего времени были известны три пункта с наскальными изображениями, расположенными на вертикальные скальные выступы по правому берегу Уссури, в 1,5–7,2 км ниже по течению от сел. Шереметьево. Исследователи предполагали, что древние художники могли выбивать петроглифы и на отдельно лежащих каменных глыбах, которые в достаточном количестве заполняют береговую полосу р. Уссури, ведь именно на отдельно лежащих валунах выбито большинство древних рисунков в уникальном комплексе изображений у сел. Сикачи-Алян на берегу р. Амур. Как и в Сикачи-Аляне, прибрежные камни постоянно подвержены

² Маак 1861.

³ Будогоский 1860.

⁴ Альфтан 1895.

⁵ Буссе, Кропоткин 1908.

⁶ Окладников 1989.

⁷ Окладников 1971.

⁸ Дэвлет 2010; Ласкин 2007, 2012; Devlet 2008, 2012.

Рис 1. Изображение личины с округлым контуром и простым заполнением на отдельном валуне, сел. Шереметьево на р. Усури.

перемещению во время весеннего ледохода⁹. Их осмотру, помимо уровня воды, препятствует то обстоятельство, что многие плоскости интенсивно покрыты лишайником. Затрудняют поиски и густые заросли тальника в прибрежной полосе. Но все эти факторы не помешали археологам обнаружить в 2012 г. недостающее звено в галерее наскального искусства у сел. Шереметьево — петроглифы на отдельно лежащих базальтовых валунах.

Камень 1 (рис. 1). Расположен в 5,9 км к северо-востоку от сел. Шереметьево и в 0,75 км к юго-западу от 3 пункта Шереметьевских петроглифов, в 6 м от края первой надпойменной террасы. На наклонной плоскости камня выбита простая контурная личина округлой формы. Углублениями в виде лунок обозначены глаза и нос, ниже, в виде широкой дугообразной полосы, показан рот.

Камень 2 (рис. 2). Расположен в 4 км к северо-востоку от сел. Шереметьево и в 1,3 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов. Камень находится в затопляемой зоне и доступен для осмотра только при низком уровне воды в р. Усури. На одной из сторон, обращенной в противоположную от реки сторону, относительно небольшого округлого камня выбито три петроглифа. Извилистым желобком показано тело змеи с отчетливо выделенной головой в нижней части. Левее сплошным пикетажем выполнены силуэтные изображения двух птиц. Одна, возможно хищник, с мощным туловищем и выделяющимся клювом, а также широким хвостом и лапами. Вторая птица похожа на цаплю, проработано характерное овальное туловище, вытянутая шея и длинный острый клюв. Лапы цапли показаны укороченными, словно она стоит в воде во время охоты. Обе

⁹ Ласкин, Дэвлет, Бабаев, Судаков 2005; Ласкин 2007.

Рис. 2. Петроглифы на отдельном валуне у сел. Шереметьево на р. Уссури

птицы обращены головами к змее. Подобные изображения птиц ранее не были известны в комплексе шереметьевских петроглифов. В пунктах 2 и 3 представлены и рисунки водоплавающих птиц — это довольно крупное изображение лебедя с крестообразным пересечением туловища во втором пункте, а также одиночные и парные изображения уток во втором и третьем пунктах комплекса петроглифов¹⁰.

Камень 3 (рис. 3). Расположен в 3,9 км к северо-востоку от сел. Шереметьево и в 1,2 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов, в 8 м от края первой надпойменной террасы. Камень, судя по всему, перевернут на 180° — изображения на нем в настоящее время развернуты относительно первоначального положения. На южной вертикальной плоскости камня выбита нешироким, но глубоким желобком контурная личина округлой формы с насыщенным внутренним заполнением. На лбу — вписанные друг в друга три уголка. По бокам, внутри личины, симметрично расположены по две дугообразных полосы. Округлые глаза показаны небольшими углублениями-пятнами, под ними — широкий треугольный нос, ниже дугообразными полосами обозначен рот с сомкнутыми губами. Подобные личины со сложным внутренним заполнением представлены среди

¹⁰ Окладников 1971, 56, рис. 18; 57, рис. 19.

Рис. 3. Изображение личины на валуне у сел. Шереметьево на р. Усури (на фотографии изображение перевернуто).

петроглифов Шереметьево и Сикачи-Аляна¹¹. Немного ниже личины (учитывая ее изначальное, правильное положение) изображение отпечатка следа животного из семейства кошачьих, вероятнее всего тигра, состоящее из четырех округлых ямок-углублений и желобка в форме угла. Справа и выше еще два подобных отпечатка, но уже не столь отчетливо читаемых. На углу трех сходящихся граней слабо просматривается еще одна небольшая овальная личина. Ее центральная часть утрачена в результате природного скола камня, сохранились лишь часть внешнего контура, округлые углубления глаз и два выделяющихся валика губ, обозначающих слегка приоткрытый рот. Рисунки в виде отпечатков звериного следа, тем более в сочетании с изображением антропоморфной личины, впервые встречены в регионе.

¹¹ Окладников 1971, 51, 52, 293, табл. 161.

Рис. 4. Камень в виде лягушки и валун с изображение личины с ореолом из лучей близ сел. Шереметьево на р. Уссури.

Камень 4 (рис. 4). Расположен в 3,87 км к северо-востоку от сел. Шереметьево и в 1,17 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов, в 7 м от края первой надпойменной террасы. На западной наклонной грани относительно небольшого валуна широким желобком выбита крупная выразительная личина со сложной проработкой деталей. Во все стороны от овального контура личины расходятся линии-лучи, образующие своеобразный ореол. Внутри, на лбу, расположены одна под другой две дугообразных полосы, а по бокам симметрично — по одному вертикальному желобку в форме угла. Глаза большие, показаны в виде двух concentрических кругов со зрачками-ямочками по центру, под ними массивный овально-вытянутый нос, ниже — небольшой рот, проработанный овалом. В целом эта личина имеет значительное сходство с серией подобных изображений в региональном наскальном искусстве. При внимательном рассмотрении древнего образа впечатляет глубокий взгляд древнего старца с впалыми щеками, выдающимся подбородком и обвислым носом.

Камень 5 (рис. 4). В полуметре в направлении реки от описываемого валуна обнаружен искусственно обработанный камень в виде лягушки, размерами 64 х

44 x 44 см. Нижняя сторона-основа — плоская. Глубоким поперечным выбитым желобком разделены туловище и голова. На слегка вытянутой мордочке отчетливо просматривается линия рта и маленькие глаза-ямочки. В нижней части по бокам выделены передние и задние конечности.

В китайской провинции Хэйлуцзян изображения лягушки представлены в декоре керамики культуры Байцзиньбао второй половины II — начала I тыс. до н.э.¹² В Аньяне имеются фигуративные изображения лягушек¹³. В эпоху раннего средневековья на территории Дальнего Востока лягушка/жаба была хранительницей кладов, бохайцы и чжурчжэни; придавая одному из близлежащих камней форму лягушки, отмечали место сокрытия клада. До сих пор у китайцев жаба/лягушка является символом богатства, материального, духовного благополучия и бессмертия. Лягушки в различных мифопоэтических системах имеют двойственную сущность. С одной стороны, они связаны с плодородием, возрождением, с другой — с хтоническим миром, мором, болезнью, смертью. В Индокитае и Бирме лягушку считали причиной затмения из-за ее связи с злым духом, глотающим луну. В Китае лягушек называли «небесными цыплятами», считая, что они падают вместе с водой с неба¹⁴.

В целом новые находки дополнили корпус петроглифов провинции наскального искусства Нижнего Амура и р. Уссури редкими изображениями новых видов птиц, змей и лягушек, а также вариантами изображений личин.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфтан Н. А.* 1985: Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Труды Приамурского отдела РГО. Т. II. Хабаровск.
- Будогоский К. Ф.* 1860: Юго-восточная часть русской Маньчжурии // «Амур». 1-2.
- Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А.* 1908: Остатки древностей в Амурском крае // Записки общества изучения Амурского края. Т. XII. Владивосток.
- Дэвлет Е. Г.* 2002: Памятники наскального искусства. М.
- Дэвлет Е. Г.* 2010: Проект по исследованию наскальных изображений // Институт археологии: Новые полевые исследования. М.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* 2005: Мифы в камне: мир наскального искусства России. М.
- Ласкин А. Р.* 2007: Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Бабаев А. Л., Судаков А. И.* 2005: «Петроглифы Сикачи-Аляна» — уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре (проблемы сохранения и использования) // Мир наскального искусства. М.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* 1988: Лягушка. Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Ласкин А. Р.* 2012: Исследования Шереметьевских петроглифов в Хабаровском крае. // Дальневосточно-сибирские древности: сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения В. Е. Медведева. Новосибирск.
- Маак Р. К.* 1861: Путешествие по долине реки Уссури. Ч. 1. СПб.
- Окладников А. П.* 1989: Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Открытие Сибири. Главы из книги. Хабаровск.

¹² Nelson 1995, 229-230.

¹³ Chang 1986, 329.

¹⁴ Иванов, Топоров 1988, 19, 84-85.

- Окладников А. П.* 1971: Петроглифы Нижнего Амура. Л.
Devlet E. 2008: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // RASNW. 3.
Devlet E. 2012: Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East // RASNW. 4.
Nelson S. M. 1995: The Archaeology of Northeast China. London; New York; Routledge.
Chang, Kwang-chin 1986: The archaeology of Ancient China. Yale Univ. Press.

NEW PETROGLYPHS ON THE USSURI RIVER IN KHABAROVSK TERRITORY

A. R. Laskin, Ye. G. Devlet

Recent years saw a considerable addition to Sheremetyevo and Sikachi-Alyan corpus of petroglyphs within the framework of rock painting preservation and study of graphic and technical peculiarities of petroglyphs in Khabarovsk territory. The article considers images on separate boulders revealed not far from petroglyph accumulation near the village of Sheremetyevo.

Key words: petroglyphs, rock painting, Far East archeology

© 2013

Г. Н. Гарустович

ЖЕРТВЕННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАШКИРСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

Статья посвящена анализу археологических материалов лесостепной зоны на северо-востоке Башкирского Предуралья на предмет выявления культовых комплексов населения, являющегося западным ответвлением саргатской этнической общности. Автор обращает внимание на наличие в регионе целой серии жертвенно-поминальных комплексов (ЖПК) IV–II вв. до н.э. Данные ритуальные объекты рассматриваются как свидетельство существования сложной поминальной обрядности (семейной и племенной), основанной на развитии почитании предков и культе гор.

Ключевые слова: эпоха раннего железного века (IV–II вв. до н.э.), жертвенно-поминальные комплексы, восточный импорт, чаши персидских Ахеменидов

И веков струевой водопад
вечно грустной спадая волной,
не замает к былому возврат,
навсегда засквозив стариной...

А. Белый. «Вечный зов»

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: garustovich03@mail.ru

В 2009 году нами была подготовлена и издана статья, посвященная выявлению культовых комплексов раннего железного века в лесостепной зоне, к западу от Уральского хребта (в обособленной Месягутовской лесостепи)¹. Здесь, во второй половине I тысячелетия до н.э., по берегам рек Ай, Ик и Юрюзань, обитали родовые коллективы так называемого «айского типа» — племенные группы, связанные своим происхождением с саргатской этнической общностью Западной Сибири. Наиболее полная характеристика памятников айского типа в Башкортостане была дана в монографиях Н. С. Савельева². В нашей статье 2009 года издания «в поисках сакрального» были проанализированы погребальные комплексы айского типа, но из-за ограниченного объема статьи мы вынуждены были оставить без внимания еще один представительный вид памятников региона, названных специалистами «жертвенно-поминальными комплексами» (далее — ЖПК). Таким образом, нынешнюю статью следует считать прямым продолжением нашей работы 2009 года издания³.

По нашему мнению, если обычные погребения к области идеологических представлений имели лишь опосредствованное отношение, то меморативные комплексы (ЖПК) являлись прямым и очень важным показателем существования сложной религиозной обрядности у населения лесостепной зоны Южного Урала, связанной с культом предков и другими областями ритуальной практики. Мы полностью присоединяемся к мнению Н. С. Савельева о том, что «древнее кладбище — не только вместилище праха, но и, в первую очередь, культовое место, место отправления душ в мир иной и общения с ними»⁴. Всего на северо-востоке Башкортостана вскрыто 37 (100%) интересующих нас курганов раннего железного века. Из них 22 комплекса (59,5%) относятся к разряду погребальных; и еще 15 (40,5%) получили название жертвенно-поминальных комплексов (ЖПК)⁵.

По своим формальным признакам меморативные «курганы» отличаются тем, что они имели небольшие земляные насыпи (диаметром 5–7 м, высотой 0,05–0,25 м), внутри которых присутствуют следы использования огня и небольшие ямы (рис. 1). Изредка в насыпях фиксировались каменные «кольца» и «дуги» из речных валунов, которые, вероятно, использовались для ритуального усиления ограждения, якобы отделявшего мир живых и местоположение опасного духа умершего предка⁶. ЖПК занимали окраины курганных некрополей (Азангулово-I; рис. 2, 1) либо локализовались отдельно, на вершинах холмов или на площадках возвышенных речных террас. Н. С. Савельев делит меморативы на два вида: а) кенотафы (8 курганов); б) жертвенно-поминальные комплексы (7 курганов). Традиционно считается, что поминальные комплексы связаны как с кормлением души умершего, так и с обезвреживанием вредоносного духа умершего, опасного для живущих. А еще один вывод Н. С. Савельева, по нашему мнению, все еще нуждается в дополнительном фактологическом подтверждении: «Анализ айских меморативных комплексов достаточно четко показывает их не только обрядовую, но

¹ Гарустович 2009, 5–12.

² Савельев 1998, 65–69; 2007, 68–76.

³ Гарустович 2009, 5–12.

⁴ Савельев 2007, 68; со ссылкой на работу: Косарев 1984, 222.

⁵ Савельев 2007, 68, и др.

⁶ Савельев 2007, 74.

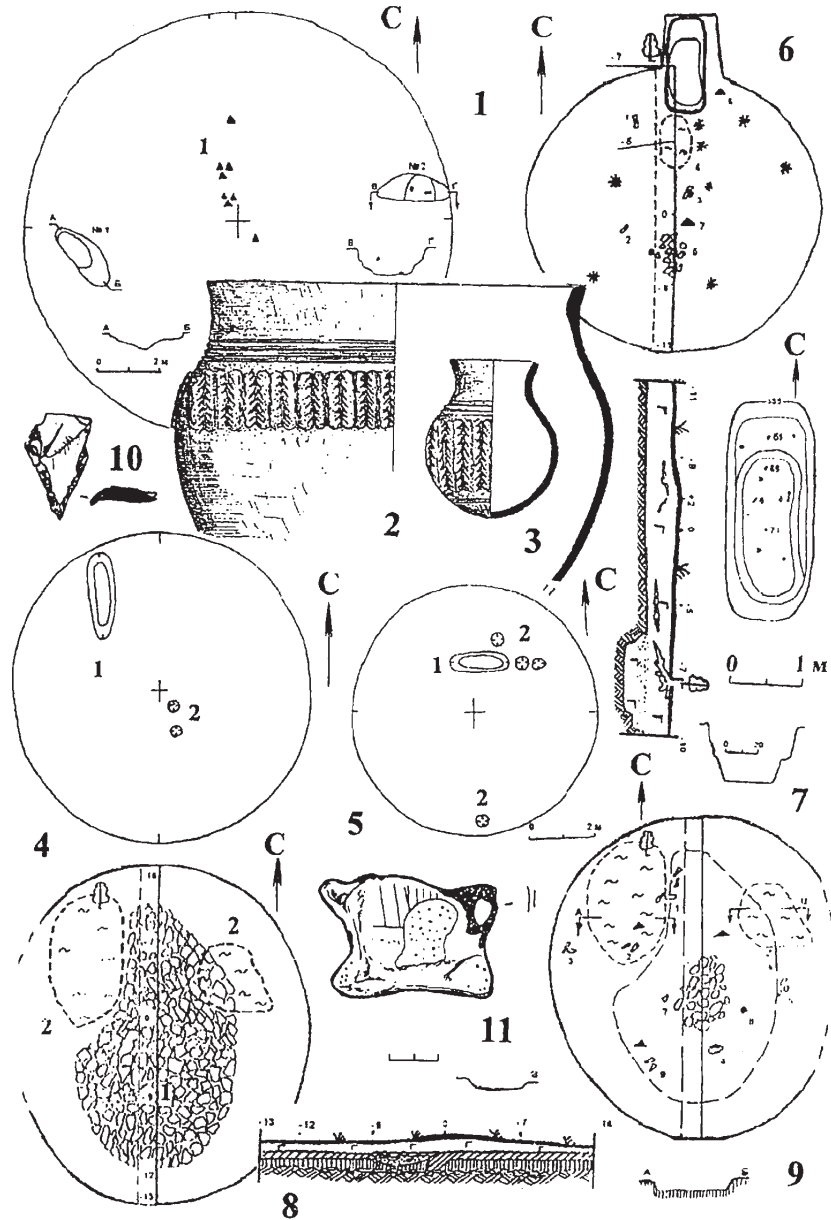

Рис. 1. Жертвенно-поминальные комплексы Месягутовской лесостепи.

1-5 — Юкаликулевские-II курганы (1 — план кургана №1 (№ 1 и № 2 — ямы), 2-3 — лепные сосуды из насыпи кург. № 1, 4 — план кургана № 2 (1 — яма, 2 — столбовые ямки), 5 — план кургана № 3 (1 — яма, 2 — столбовые ямки); 6-7 — Азангуловский -I могильник, курган № 9 (6 — план кургана, 7 — яма в кургане № 9); 8-9, 11 — Азангуловский-I могильник, курган № 12 (8 — план кургана (1 — каменная наброска, 2 — зольники), 9 — план кургана № 12 на уровне материка, 11 — астрагал лошади с нарезками); 10 — кремневый остроконечник на отщепе, с ретушью, из кургана № 1 Азангуловского-I могильника. 2-3 — глина (керамика); 10 — кремль; 11 — кость.

и, видимо, культурно-хронологическую неоднородность»⁷. Едва ли стоит сомневаться в том, что дальнейшие исследования объектов айского типа памятников Башкортостана позволят более аргументировано говорить об их культурно-хронологической градации.

Самыми интересными и информативными из исследованных ЖПК, мы считаем памятники: Азангулово-I (с камнем в насыпях; рис. 1, 6–11), Юкаликулево-II (с земляными насыпями; рис. 1, 1–5), Кадырово-VI / группа 2, и Кадыровский-IX «могильник» (рис. 2, 5–9).

Азангуловский-I могильник. В 1990 году нами исследовался курганный могильник на южной окраине дер. Азангулово (Дуванский р-н РБ), на вершине горы Конграт, по правому берегу р. Ай⁸. Здесь, восточнее обычных погребальных объектов, располагалось небольшое скопление жертвенно-поминальных комплексов (рис. 2, 1). В качестве примера меморативных насыпей могильника рассмотрим курган №12 (рис. 1, 8–11). Под насыпью диаметром 4–4,5 м расчищено небольшое скопление известняковых плиток. Ниже залегала линза песка с включением обломков костей животных (КРС и МРС). В северной части кургана располагались два зольника. На глубине 0,15 м от уровня современной поверхности обнаружено скопление костей животных. Здесь, помимо трубчатых костей, найден астрагал лошади, с нарезками (рис. 1, 11). Крупный обломок стенки баночного сосуда с тальковыми примесями в глиняном тесте, без орнамента, залегал на глубине -30 см. Захоронения человека под насыпью не было (рис. 1, 8–9).

Одним из важнейших признаков любого вида ЖПК являются обязательные следы использования огня. Но огонь на них следует воспринимать не столько в качестве объекта поклонения, сколько в виде важнейшего ритуального инструмента. Здесь нужно помнить, что «обряды, совершаемые при посредстве огня, хотя и часто, но не всегда относятся к поклонению самому огню... С одной стороны, огонь есть обычное средство, с помощью которого жертвы передаются отошедшим душам и божествам вообще, а с другой стороны, обряды поклонения земному огню обыкновенно переносятся в культ небесного огня в религии солнца»⁹. По заявлению выдающегося религиоведа — Э. Б. Тайлора: «Туранские племена... считают огонь священной стихией. Многие тунгусские, монгольские и туркменские племена приносят ему жертву, а некоторые из них не приступают к еде, не бросив кусочка пищи в очаг»¹⁰. Видимо, огонь у айских племен считался главной очистительной силой и выступал при этом важнейшим способом (инструментом) общения с божественными предками.

Интерес для нашей темы представляет также астрагал с нарезками (рис. 1, 11). У тюрок астрагалы (бабки) животных повсеместно использовались в качестве детских игрушек, а также в ритуальной практике. Сакральной значимостью астрагалы наделялись самыми разными народами мира. «Бабки... употреблялись в Древнем Риме для гадания, а потом обратились в грубые игральные кости. Даже когда римский игрок употреблял кости для игры, он должен был воззвать к богам, прежде чем бросить кости... Бабки употребляются еще в XVII веке в числе

⁷ Савельев 2007, 76.

⁸ Гарустович 1995, 116–119.

⁹ Тайлор 1989, 407.

¹⁰ Тайлор 1989, 408.

предметов, по которым молодые девушки гадали о замужестве»¹¹. Подобных примеров можно привести множество. Однако не ясно, почему в ЖПК был найден только один астрагал. Видимо, будущие исследования позволят более аргументировано решать поставленный нами вопрос.

Еще один интересный памятник также располагался на берегу реки Ай. **Кадыровский –IX могильник**. На западной окраине дер. Кадырово (Дуванский р-н РБ) нами в 1988 году был расчищен маленький земляной курган №2, в насыпи которого зафиксировано кольцо неправильной формы, из камней (рис. 2, 5–6). В центре насыпи, на уровне погребенной почвы выявлен зольник (мощностью 5–7 см), ниже которого найдены пряслице из стенки талькового сосуда (-40) (рис. 2, 9); круглодонный сосудик без орнамента (-45) (рис. 2, 7), доверху заполненный золой, рядом обнаружен зуб ребенка; вблизи располагался второй круглодонный сосудик (-45), со сливом на венчике, украшенный горизонтальной елочкой (рис. 2, 8). Керамика лепная, кострового обжига, с обильными тальковыми примесями. Возле второго сосуда зафиксировано скопление из 10 зубов взрослого человека (зубов без корневых отростков)¹². К юго-востоку от зольника располагалась ямка диаметром 0,3 м (такой же глубины), заполненная щебнем. На дне ямы лежал речной окатанный валун (рис. 2, 6). Захоронения под насыпью не было.

Даже в специальной литературе, как правило, не обращают особого внимания на такую «безликую» субстанцию, какой является зола, находящаяся под насыпями древних курганов. Но в отдельных известных нам случаях, в след за золой «тянется шлейф» подлинной сакральности. Скажем, у башкир «зола» («пепел») — это мифологизированное вещество. «Как часть огня, оно имеет как положительную, так и отрицательную семантику. Зола используется в магическом лечении женских болезней, применяется как отгонное средство от нечистой силы. С другой стороны, зола связана со смертью, с исчезновением... Зола нельзя выбрасывать, где попало». Зола могла использоваться при наведении порчи, и в других магических манипуляциях, предвестниках несчастий¹³.

Проведение на месте возведения «кургана» каких-то ритуальных действий вряд ли может вызывать сомнения. Здесь выявлены камни в насыпи, зольник и «захоронены» зубы. Сосудики со сливами широко использовались для религиозных возлияний. К примеру, у древних иранцев сосуд (чаша) имел сакрально-магическое значение (реликты таких представлений сохранились у осетин), являлся атрибутом жреческого сословия. «Пиршественный сосуд (=вместилище сакрального пьянящего напитка) являлся священным предметом. Материал и форма сосуда, не говоря уже об орнаменте, также мыслились обладающими сакральной сущностью»¹⁴.

Пряслице (точнее — веретено) также издревле входило в состав культовых предметов. Магическими свойствами обладали все орудия прядения и ткачества, с ними связывались такие понятия, как плодородие, жизнь, творение, женские божества подземного мира, связь верхнего и нижнего миров, и т.д.¹⁵ Сакраль-

¹¹ Тайлор 1989, 73.

¹² Гарустович, Лебедев 1995, 53–54.

¹³ Хисамитдинова 2010, 149–150.

¹⁴ Ермоленко 1998, 110.

¹⁵ Бессонова 1990, 32.

ная сущность веретена определялась формой предмета: стержень символизировал мужское начало, пряслице с отверстием по центру — женское. Вместе они отображали процесс творения, акт плодородия¹⁶. Полисемантичесность архетипа «веретено» осложнялось представлениями древней космогонии: стержень символизировал мировую ось (элемент вертикального макрокосма), а пряслице — горизонтальную модель среднего мира (мира людей). Взаимосвязь веретена с плодородием (причем именно с хтоническим плодородием) хорошо заметна в пассаже Геродота о могилах гиперборейских посланниц в Делосе: «Перед свадьбой девушки отрезают себе локон волос, наматывают его на веретено и кладут на могилу; сама могила помещается внутри святилища Артемиды»¹⁷. Кроме того, во многих древних культурах пряслице символизировали солнце (солярные орнаменты на пряслицах встречаются очень часто) и огонь. В этой связи показательны находки пряслиц в металлургических печах зауральской, иткульской культуры РЖВ, где они рассматриваются как обрядовый элемент¹⁸. Сакрализация веретена («орсок») и прясла («орсокбаш») у башкир имела весьма длительную историю; они символизировали женское начало, использовались при магическом лечении грыжи. По сообщению П. С. Палласа, прясла и веретена клались в могилы башкирских женщин вплоть до XVIII века¹⁹. Собственно говоря, принадлежность пряслиц (размещавшихся в погребальных и поминальных памятниках, в святилищах) к разряду ритуальных предметов признается значительной частью исследователей. Сейчас появляется все больше работ, связанных с этой темой²⁰.

В первобытных сообществах было принято прятать выпавшие волосы и зубы от посторонних. Д. Д. Фрэнгер отмечал: «Басуты тщательно прячут вырванные зубы, чтобы они не попали в руки мифических существ, которые, согласно их верованиям, посещают могилы и могут магическим путем повредить владельцу зуба»²¹. В той же работе говорится о том, что еще в конце XIX века в Англии бытовало поверье о необходимости «не выбрасывать выпавшие детские зубы». Аналогичным образом поступали с состриженными волосами и ногтями. Их нужно было закопать под «приносящим счастье» деревом. Армяне не выбрасывают срезанные волосы и ногти, выдернутые зубы, а прячут их в местах, которые почитаются священными. Также поступают турки в уверенности, что в день воскресенья они им понадобятся. Аналогичные манипуляции с выпавшими зубами производили башкиры («выпавший зуб прячут в щель бревна», «если во сне не нашел свой выпавший зуб, кто-то из близких умрет»)²². У многих народов рекомендуется прятать зубы, ногти и волосы, в укромном месте (в землю или под камень), где на них не падал бы солнечный или лунный свет²³. В могильной камере второго Пазырыкского кургана, вместе с бронзовой жаровней с прокаленными камнями и зернами конопли, обнаружены мешочки с зашитыми в них человеческими ногтя-

¹⁶ Зеленин 2008, 715–716.

¹⁷ Геродот 2008, IV, 34.

¹⁸ Бельтикова 1988, 107.

¹⁹ Хисамитдинова 2010, 240.

²⁰ Сорокина, Сударев 2001, 136–137.

²¹ Фрэнгер 2006, 46.

²² Хисамитдинова 2010, 295, 309–310.

²³ Фрэнгер 2006, 250–253.

ми и волосами. С. С. Сорокин считает погребение шаманским, а мешочки с ногтями связывает с магией²⁴.

Причины подобного отношения к зубам и волосам Э. Б. Тайлор связывает с весьма популярным суеверием древних людей в том, что, воздействуя на эти части человеческого тела, даже с далекого расстояния можно оказывать влияние на самого человека. «Не только парсы имеют свои священные обряды погребения обрезанных волос и ногтей, чтобы демоны и колдуны не могли использовать их во зло хозяину»²⁵. В нашем случае, рядом с зубами взрослого человека и ребенка были поставлены глиняные сосуды, и все предметы были присыпаны землей. Сверху над этим «схороном» был еще разведен «очистительный» костер. По всей видимости, обряд посвящался духам нижнего мира. Ямку мы предположительно рассматриваем в качестве места сливания жертвенных жидкостей (т.е. в широком плане — для хтонических возлияний).

По мнению Н. С. Савельева: «Ближайшей аналогией валуну в ямке является погребение каменной глыбы в неолитическом культовом комплексе Пегрема —40 на берегу Онежского озера, интерпретируемое как «место обитания и погребения прародителя»²⁶. А. П. Журавлев на материалах этого грандиозного культового центра делает вывод о «тесной взаимосвязи погребальной обрядности с почитанием культовых камней, о связи культа камня с культом умершего»²⁷.

Необходимо отметить, что такого количества ЖПК, как в Месягутовской лесостепи, в регионе Зауралья до сих пор не выявлено. Причины подобной ситуации еще нуждаются в специальном рассмотрении. Считать обособленный уголок лесостепи какой-то специфической сакральной зоной у нас нет никаких оснований. Поэтому, признавая лесостепное население северо-востока Башкортостана и Западной Сибири в (V) IV–II вв. до н.э. единой общностью, мы, тем не менее, отмечаем наличие в археологических памятниках этих двух территориальных групп определенных локальных особенностей.

Конечно же, культовые комплексы Месягутовской реликтовой лесостепи в Башкортостане (которая является юго-восточным ответвлением Кунгурской лесостепи) вовсе не ограничиваются погребальными и поминальными памятниками. Далее мы рассмотрим несколько уникальных предметов, также обнаруженных в рассматриваемом регионе.

В 1897 году на горе Песчаной, по левому берегу речки Нил (левом притоке р. Юрюзань), был найден клад из 4 металлических вещей, позднее поступивших на хранение в фонды Государственного исторического музея (г. Москва)²⁸. Здесь были обнаружены: большая бронзовая чаша — фиала (рис. 2, 4); еще две меньшие фиалы (рис. 2, 2); и бронзовая ажурная бляха в «скифском» зверином стиле, с ушком на оборотной стороне (рис. 2, 3). Данные материалы ранее анализировались в работе А. А. Иессен²⁹, и в других статьях.

²⁴ Сорокин 1978, 184.

²⁵ Тайлор 1989, 94.

²⁶ Савельев 2007, 75; со ссылкой на работу: Журавлев 1997, 55.

²⁷ Журавлев 1997, 56.

²⁸ Булычев 1902, табл. XIII, 1–4.

²⁹ Иессен 1952, 209–231.

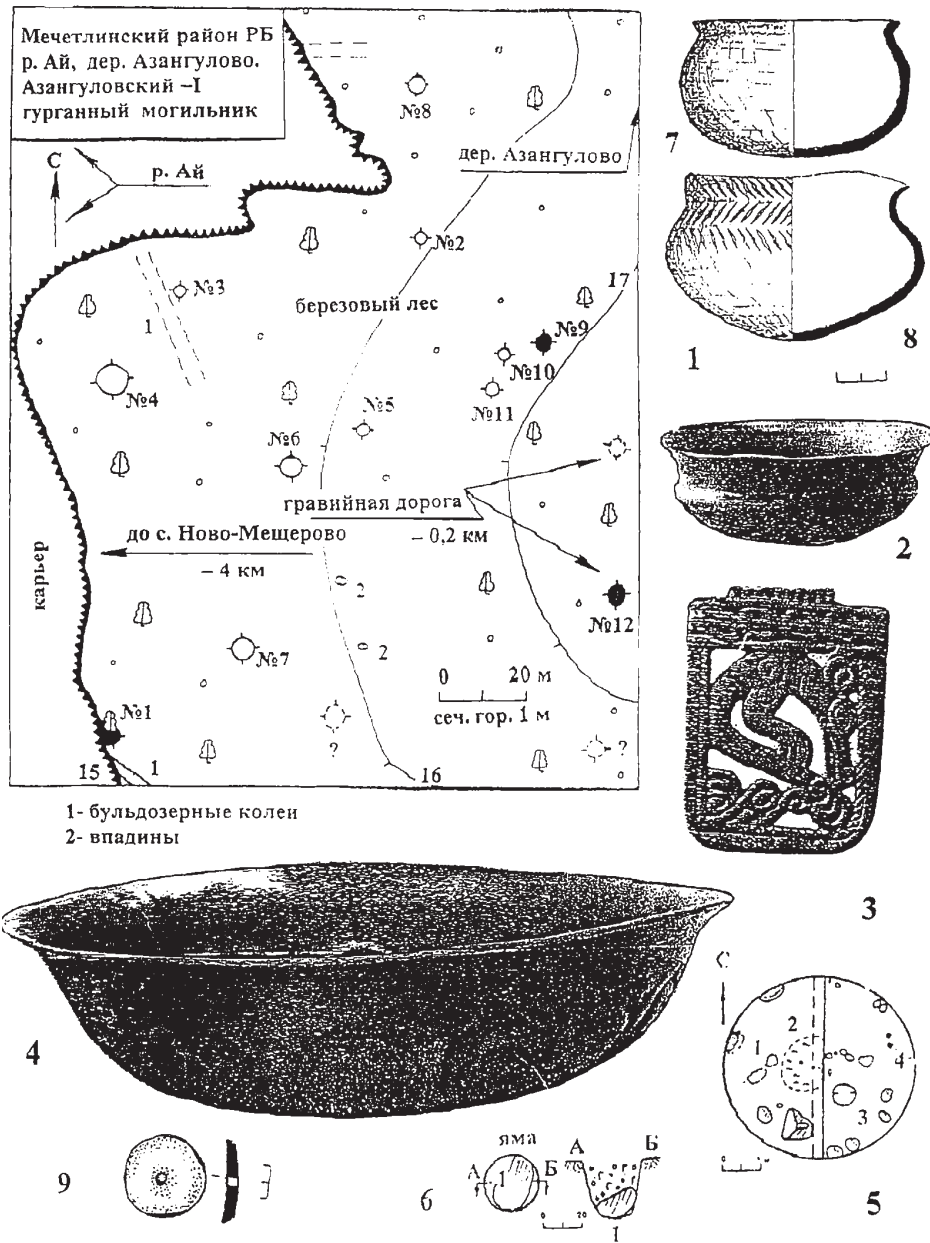

Рис. 2. Находки культовых предметов (2-4) и жертвенно-поминальные комплексы в Месягутовской лесостепи.

1 — план Азангуловского курганного могильника (1 — бульдозерные колени, 2 — впадины); 2-4 — находки на горе Песчаной (2, 4 — фиалы, 3 — ажурная бляха); 5-9 — группа Кадырово-IX, курган № 2 (5 — план кургана (1 — каменная выкладка в насыпи, 2 — зольник, 3 — яма, 4 — угли), 6 — план и профиль ямы (1 — камень в яме), 7-8 — глиняные сосуды, 9 — пряслице).

2-4 — бронза (медь); 7-9 — глина (керамика).

а) Большая фиала (диаметр 16,7 см, высота 4,2–4,5 см), с вогнутым внутрь выступом (омфалом) в середине ее (рис. 2, 4). Орнамент чаши состоял из тринадцати каплевидных выступов, соединенных линиями с центральной розетки. Чаша относится к ахеменидскому времени. В качестве аналогий укажем на находки обломков фиалы из Зуевского могильника ананьинской культуры, а также чашу из Ахалгорийского клада в Грузии. Дата сосуда определяется в пределах V в. до н.э.³⁰

б) Вторая фиала (диаметр 15,2 см, высота 5–5,2 см), выдавленная из достаточно тонкого листа бронзы, с небольшим омфалом и гладкой поверхностью (рис. 2, 2). Дата: V в. до н.э.

в) Еще одна чаша без орнамента (диаметр 12,3 см, высота 4,5 см), несколько меньшего размера, но близкая по форме предыдущему экземпляру. В качестве близкой параллели двум меньшим фиалам с р. Юрюзани необходимо назвать чашу из Куганакского клада в Башкортостане, с той лишь разницей, что «куганакский» сосуд имеет орнамент. Дата чаши: V век до н.э.³¹ Близки по времени названным фиалам чаши из кочевнических курганов периода РЖВ у с. Покровка в Оренбургской области³².

г) Ажурная литая бляха из бронзы, высотой 6 см (рис. 2, 3), с изображением фантастического хищника (волка?; дракона?) «возникающего» из вод³³. Аналогии предмету, обнаруженные специалистами в Предкавказье (например, наконечник ножен акинака из кургана №1 могильника в Урус-Мартане в Чечне), позволяют говорить о связях Урала с Северным Кавказом в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. Правда, существует и несколько иная точка зрения. А. П. Смирнов сопоставил бронзовую бляху с драконом с зооморфными предметами из Уфимского могильника и находками на горе Азов³⁴ на Урале. Его больше интересовали восточные истоки уральской ритуальной традиции в период РЖВ, нежели их западные (ЮЗ) экономические и культурные связи.

А теперь коротко — о том, почему мы решили вновь обратить внимание читателя на данный, уже опубликованный комплекс. Посмотрим на перечень вещей Юрюзанского клада: три металлических сосуда и бляха с мифологическим сюжетом. То, что чаши использовались угорским населением, главным образом при совершении религиозных обрядов, признается всеми исследователями. Справедливость этих слов подтверждается наличием чеканной чаши в составе явного ритуального набора Куганакского клада. Ахеменидские фиалы стали первыми импортными металлическими сосудами, которые нашли применение в культовой практике местных уральских племен. Видимо, именно они сформировали сакральную «моду» на многие последующие столетия. Так закладывались обрядовые каноны, проявления которых станет важнейшей чертой средневековой этнической традиции угорских народов Уральского региона.

Позднее сюда «потечет ручеек» сасанидского, византийского, согдийского, сирийского и западноевропейского художественного металла, оседаая находками в святилищах по обе стороны Уральского хребта. Еще в середине прошлого сто-

³⁰ Иессен 1952, 209–213.

³¹ Иессен 1952, 214–215.

³² Ростовцев 1918, 23, 76.

³³ Иессен 1952, 224.

³⁴ Смирнов 1957, 33.

летия А. В. Збруева писала о том, что «почти всегда серебряные блюда и сосуды были находимы при распашке земли, впервые очищенной от леса, или при корчевке пней — т.е. в бывших рощах или участках леса. Если принять во внимание, с одной стороны, что жертвенные места манси и хантов, удмуртов, народов коми и др. располагались в священных рощах; с другой — сообщения путешественников XVII–XVIII вв., которые видели металлические блюда, висевшие на деревьях в священных рощах, являвшихся религиозными центрами, — вывод о связи серебряных блюд юго-восточного происхождения с жертвенными местами, а следовательно, и с религиозными представлениями древнего населения верхней и части средней Камы будет неизбежен»³⁵.

В связи с указанными выше находками, еще А. А. Иессен сформулировал вопрос о путях, «которыми изделия ахеменидского времени могли проникать на север». И сам же ответил на него: «...изделия иранского происхождения могли проникать на Южный Урал и в Приуралье по двум основным путям — одному, направляющемуся через Кавказ и Предкавказье на Волгу, и другому, ведущему через Среднюю Азию на Южный Урал»³⁶. Именно в эту эпоху «весьма ценные по тому времени предметы роскоши в виде серебряных и бронзовых сосудов, а также и некоторых других изделий, впервые появляются на Южном Урале и в Прикамье еще в ахеменидскую эпоху»³⁷. Таким образом, направления основных международных торговых путей, ведущих из Ирана, Кавказа и Средней Азии на Урал; а также, частично, ассортимент ввозимых товаров сложились задолго до наступления эпохи средневековья. Сасанидский металл импортировался в конце I — начале II тысячелетия н.э. в регион теми же, уже наезженными купеческими магистралями.

ЛИТЕРАТУРА

- Гарустович Г. Н.* 2009: Культурные комплексы раннего железного века в Башкирском Приуралье // Вестник ЧГУ. 28 (166). История. Вып. 34, 5–12.
- Савельев Н. С.* 1998: Население Месягутовской лесостепи в V–III вв. до н.э. Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа.
- Савельев Н. С.* 2007: Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа.
- Косарев М. Ф.* 1984: Древняя история Западной Сибири. М.
- Гарустович Г. Н.* 1995: Археологические исследования в северо-восточных районах Башкортостана // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1, 114–121.
- Тайлор Э. Б.* 1989: Первобытная культура. М.
- Гарустович Г. Н., Лебедев А. И.* 1995: Курганы раннего железного века (V–III вв. до н.э.) северо-восточных районов Башкортостана // Курганы кочевников Южного Урала / Б. Б. Агеев (ред.). Уфа, 40–61.
- Хисамитдинова Ф. Г.* 2010: Мифологический словарь башкирского языка. М.
- Ермоленко Л. Н.* 1998: О ритуальных сосудах // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Г. С. Джумабекова (ред.). Алматы; М.

³⁵ Збруева 1950, 207; о том же см.: Лещенко 1977, 48–54; Прыткова 1949, 44–45.

³⁶ Иессен 1952, 221, 228.

³⁷ Иессен 1952, 228.

- Бессонова С. С.* 1990: Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, 17–40.
- Зеленин Д. К.* 1931: Магические функции примитивных орудий // *АН СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. 6*, 713–754.
- Бельтикова Г. В.* 1988: Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // *Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / ВАУ. Вып. 19*, 103–117.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И.* 2001: Предметы, связанные с культурами и магией из погребений Кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы конференции / В. Ю. Зуев (ред.). Ч. 1. СПб.*, 133–139.
- Фрэзер Д. Д.* 2006: *Золотая ветвь*. М.
- Сорокин С. С.* 1978: Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье / В. Г. Луконин (ред.). Л.*, 172–191.
- Журавлев А. П.* 1996: Жертвенный комплекс Пегрема-40 // *Археoaстрономия: проблемы становления*. М.
- Булычев Н. И.* 1902: Древности из Восточной России. Вып. I. М.
- Иессен А. А.* 1952: Ранние связи Приуралья с Ираном // *СА. XVI*, 202–231.
- Ростовцев М. И.* 1918: Курганные находки Оренбургской области // *МАР. 37*. Пг.
- Смирнов А. П.* 1957: Железный век Башкирии // *МИА. 58*, 5–113.
- Збруева А. В.* 1950: Пермский всадник // *ВДИ. 1*, 205–211.
- Лещенко В. Ю.* 1977: О ритуальном использовании серебряных сосудов с отверстиями // *КСИА. 150*, 48–54.
- Прыткова Н. Ф.* 1949: Металлическая культовая посуда у угров // *МАЭ. 10*, 39–46.

THE SACRIFICIAL COMPLEXES OF EARLY IRON AGE IN BASHKIR ANTEURALS

G. N. Garustovich

The article is devoted to an analysis of archaeological materials of the forest steppe zone in the NE of Bashkir AnteUrals aimed at discovering of cult complexes of the population who were the Western offshoots of the Sargat ethnic community. We should like to draw attention to the presence of a series of sacrificial complexes dating from the 4th century B.C. These objects are considered to be a testimony of there having existed a compound sacrificial set of rituals, both familial and clanwise based on a well-developed reverence of forefathers and on the mountains cult.

Key words: Early Iron Age (400–200 BC), cultic monuments of Aisky archeological type, memorial and sacrificial complexes, Eastern import, Persian Achaemenid bowls

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 2013

М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова

ТЕТРАДРАХМЫ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО И АЛЕКСАНДРОВСКОГО ТИПА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья представляет собой публикацию каталога тетрадрахм, чеканенных от имени Александра Великого, из собрания Отдела нумизматики Государственного исторического музея. Всего коллекция ГИМ содержит 148 тетрадрахм, выпущенные монетными дворами Македонии, Греции, Фракии, Кипра, Малой Азии, Сирии, Финикии, Востока и Африки. Публикация этих монет имеет важное значение для изучения чеканки тетрадрахм александровского типа.

Ключевые слова: античные монеты, тетрадрахмы, Александр Великий, Государственный исторический музей

В собрании Отдела нумизматики Государственного исторического музея (ГИМ) хранится почти полторы сотни тетрадрахм, отчеканенных от имени Александра III (336-323)¹. Это достаточно представительная коллекция, сопоставимая по объему с известными мировыми собраниями александровских тетрадрахм, например, в Датском Национальном музее (Копенгаген)², Национальном Археологическом музее (София), Музее Эшмола (Оксфорд)³, Берлинском Музее (коллекция вон Аулока)⁴ и многих других музеях. Помимо хорошо известных типов, коллекция ГИМ включает также несколько редких и даже неизданных экземпляров.

Труд Л. Мюллера⁵, вышедший в свет в 1855 г., открывает огромный ряд работ, посвященных чеканке Александра Великого⁶. Самое полное представление о ней дает фундаментальная двухтомная работа М. Прайса⁷, в которой содержится

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru.

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Отдела нумизматики. E-mail: nina-frolowa@yandex.ru

¹ Статья написана в рамках проекта «Создание электронной базы каталога греческих монет в собрании Государственного исторического музея», поддержанного РФФИ. Код проекта 13-06-00602.

² Здесь хранится 201 тетрадрахма. SNG Cop. 658-691, 697-875.

³ SNG Oxford.

⁴ SNG Aulock I-IV.

⁵ Müller 1855.

⁶ Наиболее полная библиография с указанием коллекций и материалов собрана М. Прайсом (Price 1991/1, 10-23).

⁷ Price 1991.

описание более 4000 разновидностей золотых, серебряных и бронзовых монет с именами Александра III, Филиппа III Арридея и Лисимаха. Отсюда мы в настоящей публикации не ставим задачи ни историографического обзора работ по монетному делу Александра Великого, ни написания краткого очерка его серебряной чеканки⁸. Нашей целью является определение тетрадрахм из коллекции ГИМ и введение их в научный оборот в соответствии с классификацией М. Прайса и принятыми в SNG принципами систематизации.

Вопрос о начальной дате серебряной чеканки Александра остается предметом дискуссии: М. Прайс⁹ относит первый выпуск тетрадрахм к 336 г. до н.э., Ф. де Каллатай¹⁰ и О. Зервос¹¹ — ко времени после 333 или 331 г. до н.э. Г. Трокселл¹² считает, что тетрадрахмы Александра не могли чеканиться ранее 332 г. до н.э., а экземпляры с царским титулом датируются периодом 323–316 гг. до н.э. Конец чеканки тетрадрахм александровского типа относится к I в. до н.э., поскольку самые поздние выпуски, принадлежащие монетным дворам Месебрии и Одесса, осуществлялись в период со 165 г. до н.э. до начала второй трети следующего столетия¹³.

Коллекция ГИМ содержит тетрадрахмы, отчеканенные на монетных дворах Македонии, Греции, Фракии, Кипра, Малой Азии, Сирии, Финикии, Востока и Африки.

Самая большая группа тетрадрахм (каталог, № 1-47) принадлежит дворам Македонии¹⁴, в которой чеканку в разные периоды вели Эги, Пелла, Амфиполис, Уранополис. Отдельные выпуски суммарно относят к «Македонии»¹⁵. В музейной коллекции представлены только тетрадрахмы Амфиполиса, главного монетного двора Александра в Македонии (табл. 1, 1-10; 2, 11-18, 20-21; 3, 22-31; 4, 36-38), и Пеллы (табл. 4, 32-35; 5, 45-46). Среди них имеются экземпляры, чеканенные как при жизни Александра, так и тетрадрахмы александровского типа (позднемакедонские выпуски) (табл. 5, 45-46).

Коллекция ГИМ включает выпуск (табл. 5, 47), предположительно атрибутируемый к продукции Астриба (?) (Пеония) около 300-286 гг. до н.э.¹⁶. Затруднения в такой атрибуции обуславливались близким стилистическим сходством с выпуском тетрадрахм александровского типа, произведенным пеонским царем Авдолеоном. Вся серия принадлежит к последним годам правления Авдолеона¹⁷.

Выпуски Пелопоннеса¹⁸ представлены двумя тетрадрахмами чеканки Коринфа 310-290 гг. до н.э. (табл. 5, 48-49).

Дворы Причерноморья представлены поздними выпусками Каллатиса (табл. 5, 50-51), Месебрии (табл. 6, 52-54) и Одесса (табл. 6, 55-57; 7, 58-59). Финальная фаза александровской чеканки ограничена географически регионом Запад-

⁸ Очерки монетного дела Александра см., например, Bellinger 1963; Troxell 1997.

⁹ Price 1991/1, 89.

¹⁰ Callataÿ 1982, 5-25.

¹¹ Zervos 1982, 166-179.

¹² Troxell 1991, 49-61.

¹³ Price 1991/1, nos. 1039-1131 (Месебрия), 1177-1210 (Одесс).

¹⁴ См. Price 1991/1, 85-89.

¹⁵ Датировку выпусков см. Price 1991/1, 72-78.

¹⁶ Price 1991/1, 151, no. 644.

¹⁷ Waggoner 1982, 5-21; Price 1991/1, 151.

¹⁸ См. Troxell 1971, 41-94.

ного Причерноморья, где популярность таких монет в среде кельтских племен, безусловно, способствовала постоянной потребности в их производстве. Подобно золотым и серебряным монетам Лисимаха, которые чеканились в этот период причерноморскими монетными дворами, монеты с именем Александра продолжались выпускаться даже в I в. до н.э.¹⁹ Так, например, чеканка Одесса завершилась в 70 г. до н.э.²⁰ Наиболее активно чеканка велась монетным двором Месембрии в период с середины III в. до н.э. до падения Митридата VI Евпатора. Финальные месембрийские выпуски датируются, предположительно, временем около 65 г. до н.э. и действительно являются последними за всю историю александровской чеканки²¹.

Заметную группу тетрадрахм в коллекции ГИМ составляют выпуски монетных дворов Запада Малой Азии и прилегающих островов (Темнос (табл. 7, 60), Милет (табл. 7, 61-62), Приена (табл. 7, 63), Хиос (табл. 7, 64), Самос (табл. 8, 65), Родос (табл. 8, 66-67), Сарды (табл. 8, 68)). К продукции неизвестного центра данного региона мы условно относим тетрадрахму с буквами OI (?) слева в поле и дифферентом Σ (табл. 8, 69)²². Все тетрадрахмы перечисленных западно-малозападных дворов выпущены уже после смерти Александра²³. Из них только тетрадрахма Самоса (табл. 8, 65) связана с точной датой — 201 г. до н.э., в котором Филипп V вторгается на остров²⁴. На тетрадрахмах Родоса 201–190 гг. до н.э. табл. 8, 66-67) стоит имя магистра Энетора, встречающееся и на ранних плинфофорических выпусках; выпуски тетрадрахм александровского типа охватывают целый период родосской чеканки, а причина их выпуска связывается с опасностью, вызванной присутствием Филиппа V в регионе, а также пропагандистским характером данного типа²⁵.

Выпуски монетных дворов Юга Малой Азии представлены в коллекции ГИМ тетрадрахмами Сиды и Тарса. Все тетрадрахмы Сиды²⁶ (табл. 8, 70-73; 9, 74-76) относятся к 325-320 гг. до н.э. Из выпусков Тарса три произведены при жизни Александра²⁷ (табл. 9, 77-79), остальные — тетрадрахмы александровского типа (табл. 9, 80-82).

В коллекции ГИМ имеются тетрадрахмы двух монетных дворов Кипра — Китиона²⁸ (табл. 9, 83; табл. 10, 84-85) и Саламина²⁹ (табл. 10, 86-87).

Большая группа тетрадрахм из музейного собрания (25 экз.) относится к монетным дворам Сирии и Финикии. Из сирийских выпусков представлены тетра-

¹⁹ Price 1991/1, 79.

²⁰ Pick, Regling 1910, 529-540; Price 1991/1, 192-193.

²¹ Price 1991/1, 181.

²² Такое сочетание нам неизвестно: буквы OI слева в поле встречаются единственный раз — только на изданной М. Прайсом тетрадрахме неизвестного монетного двора в Западной Малой Азии, но на ней дифферент Σ под треном отсутствует. См. Price 1991/1, 345, no. 2810A. Такой дифферент наиболее часто встречается в чеканке Арада.

²³ О посмертных выпусках Хиоса, например, см. Bauslaugh 1979, 1-45. О чеканке тетрадрахм александровского типа на Родосе см. Kleiner 1971, 95-125.

²⁴ См. Barron 1966, 148; Price 1991/1, 307.

²⁵ См. Sippel 1985, 61-67. Ashton 1986, 10, note 10; Price 1991/1, 317, note 7.

²⁶ О тетрадрахмах александровского типа Сиды см. Atlan 1967, 497-511; Price 1991/1, 362-363.

²⁷ О чеканке Тарса при Александре см. Newell 1918, 69-116; Price 1991/1, 369-371.

²⁸ О чеканке тетрадрахм александровского типа в Китионе см. Newell 1915, 301-306.

²⁹ О тетрадрахмах александровского типа кипрского Саламина см. Newell 1915, 306-316.

драхмы Дамаска (табл. 10, 88-92), финикийских — Аке (в том числе и с датами³⁰) (табл. 10, 93; 11, 94-101), Арада³¹ (табл. 11, 102-103; 12, 104-110³²), Библа (табл. 12, 111-112). Хорошо известный тип тетрадрахмы с дифферентом в виде головы кабана³³ принадлежит к посмертным выпускам (323-317 гг. до н.э.) неизвестного монетного двора, расположенного в Финикии или Сирии (табл. 12, 113).

Наконец, 27 экземпляров из музейной коллекции принадлежат монетным дворам Востока и Африки. К 331-325 гг. до н.э. относятся выпуски, приписываемые «Вавилону»³⁴ (табл. 13, 114-123; 14, 124-131). К выпуску монетного двора Суз³⁵ мы без сомнения относим неизданную тетрадрахму с буквами ΛΑ под тронем (табл. 14, 132)³⁶. Чеканка Экбатаны³⁷ представлена пятью тетрадрахмами 311-295 гг. до н.э. (табл. 14, 133; 15, 134-137).

Четыре тетрадрахмы относятся к чеканке Мемфиса³⁸ (табл. 15, 138-141). Тетрадрахму с головой Геракла на аверсе, повернутой влево (табл. 15, 142), мы условно относим к чекану Кирены³⁹, опираясь на стиль портрета. Изображение головы Геракла, смотрящей влево, на тетрадрахмах встречается только в чеканках «Пеллы»⁴⁰ и Кирены⁴¹, но точные аналогии типу реверса не известны ни в той, ни в другой. Остальные тетрадрахмы не подлежат точному определению.

ЛИТЕРАТУРА

- Ashton R. H. J.* 1986: Rhodian Bronze Coinage and the Earthquake of 229-226 BC // NC, 1-18.
- Atlan S.* 1967: Die in Side geprägten Münzen mit Alexandertypen // Bulletin. 31, 497-511.
- Barron J. P.* 1966: The Silver Coin of Samos. London.
- Bauslaugh R.* 1979: The Posthumous Alexander Coinage of Chios // ANSMN. 24, 1-45.
- Bellinger A.* 1963: Essays on the Coinage of Alexander the Great (ANS NS. II). New York.
- Callataÿ F.* 1982: La date premier tétradrachmes de poids attique émis par Alexandre le Grande // RBN. 128, 5-25.
- Hill G. F.* 1909: Notes on Alexandrine Coinage of Phoenicia // Nomisma. 4, 1-15.
- Kleiner F. S.* 1971: The Alexander Tetradrachms of Pergamum and Rhodes // ANSMN. 17, 95-125.
- Muller L.* 1855. Numismatique d'Alexandre le Grand, suivi d'appendice contenant les monnaies de Philippe II et de Philippe III. Copenhagen.
- Newell E. T.* 1915: Some Cypriote "Alexanders" // NC, 294-322.
- Newell E. T.* 1916: The Dated Alexander Coinage of Sidon and Ake. New Haven; Oxford.

³⁰ О датированных александровских выпусках Аке см. Newell 1916; Price 1991/I, 405.

³¹ Чеканка Арада см. Rouvier 1900, 124-168; Hill 1909, 1-15; Price 1991/I, 414-419.

³² Тетрадрахма № 108 — редкая: известен единственный экз., опубликованный М. Прайсом (Price 1991/I, 424, no. 3356).

³³ SNG Oxford 3169-3171; Price 1991, 448, no. 3575.

³⁴ Об александровских выпусках Вавилона см. Imfoof-Blumer 1905, 1-8; 1906, 1-38; Hill 1922, cxli, note 1; Waggoner 1968; Price 1991/I, 453-457.

³⁵ О чеканке Суз см. Newell 1938, 107-112; Price 1991/I, 484.

³⁶ Точно такой же тип тетрадрахмы чеканен от имени Филиппа III Арридея (Price 1991/I, 486, P208; 1997/II, pl. CXX, 208a).

³⁷ О чеканке Экбатаны см. Newell 1938, 107-112; Price 1991/I, 489.

³⁸ О чеканке Мемфиса см. Zervos 1967, 1-16.

³⁹ Если только это не подделка.

⁴⁰ Price 1991/I, 28; 111-112, nos. 204, 213, 213A, 215.

⁴¹ Price 1991/I, 500, nos. 3885-3987.

- Newell E. T.* 1918: Tarsos under Alexander // *AJN.* 52, 69-116.
- Newell E. T.* 1938: The Coinage of the Eastern Mints from Seleucus I to Antiochus III (ANS NS. 1).
- Pick B., Regling K.* 1910: Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. 2.1. Die Münzen von Odessus und Tomi // *AMNG.* 1, 529-540.
- Price M. J.* 1991: The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus (A British Museum Catalogue). Vol. I-II. Zurich–London.
- Rouvier J.* 1900: Numismatique de la Phénicie // *JIAN.* 3, 124-168.
- Sippel D. V.* 1985: The Purpose of Rhodian Alexander-type Tetradrachms // *The Ancient World.* 12.1/2, 61-67.
- Troxell H. A.* 1991. Alexander's Earliest Macedonian silver // *Mnemata: Papers in Memory of Nancy M. Waggoner / Metcalf W.* (ed.). New York, 49-61
- Troxell H. A.* 1997: Studies in the Macedonian Coinage of Alexander the Great (ANS NS. 21). New York.
- Waggoner N. M.* 1983: Further Reflections on Audoleon and His Alexander Mint // *RBN.* 129, 5-21.
- Waggoner N. M.* 1968: The Alexander Mint at Babylon. Doctoral Dissertation. Columbia University. New York.
- Zervos O.* 1967: Early Tetradrachms of Ptolemy I // *ANSMN.* 13, 1-16.
- Zervos O.* 1982: The Earliest Coins of Alexander the Great. I. Notes on a Book of Gerhard Kleiner // *NC.* 142, 166-179.

Приложение

КАТАЛОГ

МАКЕДОНИЯ

Македония («Амфиполис»)

336-323 гг. до н.э.

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре, вправо. Точечный ободок.*О.с.* Зевс сидит на троне влево; в правой руке держит орла, в левой — скипетр; справа ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Точечный ободок.

1.	AR	A. 9511; СУС 706.	17.07.	<i>О.с.</i> Слева колчан. Price 1991/I, 92, no. 38.
2.	AR	A. 9604; СУС 806.	16.98.	<i>О.с.</i> Слева голова орла влево. Price 1991/I, 93, no. 51.
3.	AR	A. 9605; СУС 805.	16.91.	То же.
4.	AR	A. 9469; СУС 663.	16.98.	<i>О.с.</i> Слева звезда. Price 1991/I, 94, no. 61.
5.	AR	A. 9495; СУС 689.	17.15.	<i>О.с.</i> Слева герма. SNG Cop. 676; Price 1991/I, 96, no. 78.
6.	AR	A. 9497; СУС 691.	17.18.	<i>О.с.</i> Слева петух влево. SNG Cop. 677; Price 1991/I, 96, no. 79.
7.	AR	A. 9498; СУС 692.	17.01.	То же.
8.	AR	A. 9499; СУС 693.	17.24.	То же.
9.	AR	A. 9500; СУС 694.	17.08.	То же.

10.	AR	A. 9501; СУС 695.	17.11	То же.
11.	AR	A. 9448; СУС 642.	16.85.	<i>О.с.</i> Слева букраний. SNG Corp. 675; Price 1991/I, 97, no. 93.
12.	AR	A. 9449; СУС 643.	17.20.	То же.
13.	AR	A. 9450; СУС 644.	17.12.	То же.
14.	AR	A. 9465; СУС 659.	17.07	То же.

Ок. 323-320 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

15.	AR	A. 9525; СУС 725.	17.18	<i>О.с.</i> Слева фигура Афины Промахос. SNG Corp. 679-680; Price 1991/I, 99, no. 105.
-----	----	-------------------	-------	--

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

16.	AR	A. 9496; СУС 690.	17.17.	<i>О.с.</i> Слева рог изобилия. SNG Corp. 681; Price 1991/I, 99, no. 108.
17.	AR	A. 9476; СУС 670.	17.18.	<i>О.с.</i> Слева фигура Афины Промахос. Price 1991/I, 99, no. 109.
18.	AR	A. 9514; СУС 711.	17.24.	<i>О.с.</i> Слева лук и колчан. Price 1991/I, 100, no. 110.
19.	AR	A. 9619; СУС 820.	16.68.	<i>О.с.</i> Слева оленин рог. Price 1991/I, 100, no. 111.
20.	AR	A. 9485; СУС 679.	17.18.	<i>О.с.</i> Слева фригийский шлем. SNG Corp. 683-684; Price 1991/I, 100, no. 112.
21.	AR	A. 9544; СУС 737.	17.14	То же.
22.	AR	A. 9545; СУС 738.	17.24	То же.
23.	AR	A. 9467; СУС 661.	17.23.	<i>О.с.</i> Слева треножник. Price 1991/I, 101, no. 115.
24.	AR	A. 9611.	16.83.	<i>О.с.</i> Слева монограмма. Price 1991/I, 101, no. 120.

Ок. 320-317 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

25.	AR	A. 9513.	17.11.	<i>О.с.</i> Слева лавровая ветвь; внизу Π. Price 1991/I, 102, no. 124.
26.	AR	A. 9515.	17.01.	То же.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

27.	AR	A. 9534.	17.21.	<i>О.с.</i> Слева аплюстра; под тронем монограмма. SNG Corp. 689; Price 1991/I, 102, no. 129.
28.	AR	A. 6341; СУС 868.	17.11.	То же.
29.	AR	A. 9518; СУС 715.	17.19	<i>О.с.</i> Слева венки; под тронем монограмма. Price 1991/I, 101, no. 132.
30.	AR	A. 9512.	17.28.	<i>О.с.</i> Слева раковина каури; под тронем монограмма. Price 1991/I, 103, no. 137.

31. AR A. 9602; СУС 801. 16.30 *О.с.* Слева молнии (?); под тронем монограмма. *Price* 1991/I, 103, no. 138 (?). Отверстие.

Пелла

Ок. 325-315 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

32. AR A. 9661; СУС 794. 16.59 *О.с.* Слева трезубец. *Price* 1991/I, 113, no. 220.

Ок. 315-310 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

33. AR A. 9520; СУС 700. 16.88. *О.с.* Слева беотийский щит. *Price* 1991/I, 115, no. 248.
 34. AR A. 9537 14.89 То же. Сомнительная. Отверстие.
 35. AR A. 9459 16.78 *О.с.* Слева трезубец; под тронем монограмма. *Price* 1991/I, 116, no. 261.

Амфиполис

Ок. 320-315 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

36. AR A. 9452; СУС 646. 16.78. *О.с.* Слева Λ и букраний; под тронем Ε. *Price* 1991/I, 132, no. 432.
 37. AR A. 9453; СУС 647. 16.91. То же.
 38. AR A. 6347; СУС 865. 16.90 То же.

Ок. 315-294 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

- 39⁴². AR A. 9455; СУС 649. 16.28. *О.с.* Слева Λ и факел. *Price* 1991/I, 134, no. 443.
 40. AR A. 9456; СУС 650. 17.23. *О.с.* Слева Λ и факел; под тронем монограмма Η и Γ. *Price* 1991/I, 135, no. 460.
 41. AR A. 9457; СУС 651. 16.78. *О.с.* Слева Λ и факел; под тронем канфар. SNG Cop. 697; *Price* 1991/I, 136, no. 468.
 42. AR A. 9454; СУС 648. 16.71. То же.
 43. AR A. 9408. 11.57. *О.с.* Слева Λ и факел; под тронем звезда. SNG Cop. 698; *Price* 1991/I, 136, no. 474. Фальшивая?
 44. AR A. 9541; СУС 641. 16.85. То же.

Поздние македонские выпуски**Пелла (?)****Ок. 283-275 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

45. AR A. 9458; СУС 652. 16.78. *О.с.* Под тронем факел. Price 1991/I, 145, no. 564. Надрубы на обеих сторонах.

Ок. 275-270 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

46. AR A. 9527. 17.05. *О.с.* Слева шлем с гребнем, под тронем монограмма. SNG Cop. 713; Price 1991/I, 149, no. 621.

ПЕОНИЯ**Астриб (?)****Ок. 300-286 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

47. AR A. 9468; СУС 662. 16.66. *О.с.* Слева звезда. Price 1991/I, 151, no. 644.

ПЕЛОПОННЕС**Коринф****Ок. 310-290 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

48. AR A. 9603; СУС 804. 17.18. *О.с.* Слева венок, под тронем Δ. Price 1991/I, 156, no. 674.
49. AR A. 9555. 16.59. *О.с.* Спинка трона украшена фигуркой Ники; слева аплюстра, под тронем ΝΟ. Price 1991/I, 157, no. 681.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**Каллатис****Ок. 250-225 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

50.	AR	A. 9600.	16.09.	<i>О.с.</i> Слева монограмма; под обрезом хлебный колос влево. SNG Cop. 716; Price 1991/I, 178, no. 928.
51.	AR	A. 9618.	16.00.	<i>О.с.</i> Слева монограммы; под обрезом хлебный колос влево. Ср. Price 1991/I, 178, no. 938.

Месембрия

Ок. 175-125 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

52.	AR	A. 6201.		<i>О.с.</i> Слева ΔΑ; под треном монограмма. Price 1991/I, 186, no. 1051.
53.	AR	СУС 1149.	15.48.	<i>О.с.</i> Слева ΔΑ; под треном монограмма. Price 1991/I, 186, no. 1055.
54.	AR	СУС 1150.	16.18.	То же.

Одесс

Ок. 280-200 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

55.	AR	A. 9523; СУС 723.	17.05.	<i>О.с.</i> Под треном монограмма. Ср. Price 1991/I, 193-194, no. 1172-1174.

Ок. 125-70 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

56.	AR	A. 9504; СУС 699.	16.31.	<i>О.с.</i> Слева ΔΗ; под треном монограмма. Price 1991/I, 194, no. 1179.
57.	AR	A. 9565.	16.89.	<i>О.с.</i> Слева ΘΕ; под треном монограмма. SNG Cop. 724; Price 1991/I, 194, no. 1181.
58.	AR	A. 9666.	14.79.	То же. Отверстие.
59.	AR	A. 1119.		<i>О.с.</i> Слева ΟΔΗ; под треном монограмма; под обрезом ΕΣΤΙΑΙ. Price 1991/I, 195, no. 1206.

ЗАПАД МАЛОЙ АЗИИ

Темнос

Ок. 188-170 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

60. AR A. 9559. 15.86. *О.с.* Слева монограмма и Ε, ниже ойнохоя, обрамленная виноградными лозами с гроздьями. Price 1991/I, 242, no. 1676.

Милет или Миласа

Ок. 300-280 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

61. AR A. 9560. 16.62. *О.с.* Слева двойной топор. SNG Cop. 749; Price 1991/I, 276, no. 2074.

Милет

Ок. 190-165 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

62. AR A. 9622. 16.46. *О.с.* Слева лев идет влево, обернувшись назад; под ним монограммы. Price 1991/I, 289, no. 2204.

Приена

Ок. 280-275 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

63. AR A. 9563. 15.66. *О.с.* Слева трезубец, ниже ΠΙ, [Λ]Π. Price 1991/I, 292, no. 2231.

Хиос

Ок. 270-220 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

64. AR A. 9623. 15.58. *О.с.* Слева монограмма, под ней сфинкс влево; под тронем Σ. Price 1991/I, 302, no. 2378.

Самос

Ок. 201 г. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

65. AR A. 9566. 16.72. *О.с.* Слева прора влево. Price 1991/I, 307, no. 2446.

Родос**Ок. 201-190 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

66.	AR	A. 9567.	16.77.	<i>О.с.</i> Слева ΑΙΝΗΤΩΡ, роза; под тронem ΡΟ.
				SNG Cop. 762; Price 1991/I, 319, no. 2518.
67.	AR	A. 9568.	16.77.	То же.

Сарды**Ок. 319-315 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

68.	AR	A. 6345.		<i>О.с.</i> Слева звезда, ниже монограмма. SNG
				Cop. 858; Price 1991/I, 335, no. 2665.

Неизвестный монетный двор⁴²

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

69.	AR	A. 9607	17.07.	<i>О.с.</i> Слева ΟΙ (?); под тронem Γ . Ср. Price
				1991/I, 345, no. 2810A.

ЮГ МАЛОЙ АЗИИ**ПАМФИЛИЯ****Сида****Ок. 325-320 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

70.	AR	A. 9505; CYS 702.	17.22.	<i>О.с.</i> Слева венок; под тронem ΔΙ. Price 1991/I,
				363, no. 2949.
71.	AR	A. 9506.	16.62.	То же.
72.	AR	A. 9507.	16.80.	То же.
73.	AR	A. 9508; CYS 705.	16.89.	То же.
74.	AR	A. 9509.	17.21.	То же.
75.	AR	A. 9510.	17.05.	То же.
76.	AR	A. 9593.	16.81.	<i>О.с.</i> Слева ΦΙ; под тронem ΛΣ. Price 1991/I,
				364, no. 2960.

⁴² Возможно, Арад (?).

КИЛИКИЯ**Тарс****Ок. 333-327 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

77.	AR	A. 9579.	17.16.	<i>О.с.</i> Под тронем А. Price 1991/I, 371, no. 2993.
78.	AR	A. 9614.	17.02.	<i>О.с.</i> Под тронем В. Price 1991/I, 372, no. 3000.
79.	AR	A. 9613.	16.55	<i>О.с.</i> Над распоркой В.

323-317 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

80.	AR	A. 9475; СУС 669.	16.14.	<i>О.с.</i> Слева Ника летит вправо; под тронем. Price 1991/I, 376, no. 3038.
81.	AR	A. 9474; СУС 668.	17.19.	<i>О.с.</i> Слева Ника с венком летит вправо; под тронем монограмма, под обрезом Σ. Price 1991/I, 376, no. 3042.

Ок. 320-280 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

82.	AR	A. 9503; СУС 698.	16.91.	<i>О.с.</i> Слева ΔΙ в плющовом венке; под тронем монограмма. Price 1991/I, 379, no. 3066.

КИПР**Китион****Ок. 325-320 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

83.	AR	A. 9574.	17.28.	<i>О.с.</i> Слева монограмма. Price 1991/I, 385, no. 3107.
84.	AR	A. 9575.	17.04.	То же.
85.	AR	A. 9576.	16.93.	То же.

Саламин**332-323 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

86.	AR	A. 9577.	16.84.	<i>О.с.</i> Слева лук влево, под тронном ΔΑ. <i>Price</i> 1991/I, 392, no. 3139.
87.	AR	A. 9578.	17.23.	То же.

СИРИЯ**Дамаск****Ок. 330-320 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

88.	AR	A. 9582.	16.78.	<i>О.с.</i> Слева протома барана вправо, под тронном ΔΑ. <i>Price</i> 1991/I, 399, no. 3202.
89.	AR	A. 9580.	17.20.	<i>О.с.</i> Слева протома барана вправо, под тронном над распоркой два (?) шарика, под нижней распоркой ΔΑ. <i>Price</i> 1991/I, 399, no. 3204.
90.	AR	A. 9583	17.15.	<i>О.с.</i> Слева протома барана вправо, под тронном над распоркой шарик, между распорками шарик, под нижней распоркой ΔΑ. <i>Price</i> 1991/I, 399, no. 3205.
91.	AR	A. 9477; СУС 669.	17.09.	<i>О.с.</i> Слева протома барана вправо; под тронном между двумя распорками Α, под нижней распоркой ΔΑ. <i>Price</i> 1991/I, 400, no. 3214.
92.	AR	A. 9581.	17.20.	То же.

ФИНИКИЯ**Аке****Ок. 330-327 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

93.	AR	A. 9606.	17.20.	<i>О.с.</i> Слева молнии. <i>Price</i> 1991/I, 408, no. 3238.
94.	AR	A. 9599.	17.00.	<i>О.с.</i> Под тронном Ο. <i>Price</i> 1991/I, 408, no. 3244.
95.	AR	A. 9616.	16.73.	То же.

325/324 гг. до н.э.

96.	AR	A. 9596	17.12.	<i>О.с.</i> Слева финикийские буквы (год 22). <i>Price</i> 1991/I, 409, no. 3254.

326-305 гг. до н.э.

97.	AR	A. 6342.	16.93.	<i>О.с.</i> Слева финикийские буквы (год неясен). <i>Price</i> 1991/I, 420, no. 3252-3256.

98.	AR	A. 9543.	15.42.	То же.
99.	AR	A. 9597.	16.66.	То же.
100.	AR	A. 9608.	17.00.	То же.
101.	AR	A. 9609.	16.82.	То же.

Арад

Ок. 328-320 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

102.	AR	A. 9588.	16.94.	О.с. Слева Λ; под тронем монограмма. Price 1991/I, 420, no. 3320.
103.	AR	A. 9589.	16.86.	То же.
104.	AR	A. 9587.	16.94.	О.с. Слева знак Γ (Z), под тронем монограмма. Price 1991/I, 421, no. 3325.
105.	AR	A. 9562.	16.88.	О.с. Слева кадуцей, под тронем монограмма. Price 1991/I, 422, no. 3332.
106.	AR	A. 9590.	17.21.	То же.

Ок. 311-300 гг. до н.э.

107.	AR	A. 9617.	17.10.	О.с. Слева якорь и монограмма; под тронем П. Price 1991/I, 425, no. 3351.
108.	AR	A. 9594.	17.09.	О.с. Слева якорь и монограмма; под тронем П. SNG Corp. 791; Price 1991/I, 425, no. 3353.
109.	AR	A. 9595.	16.77.	О.с. Слева якорь и монограмма, под тронем М. Price 1991/I, 425, no. 3356.
110.		A. 9615.		О.с. Слева анх, якорь; под тронем монограмма. Перечеканка. Price 1991/I, 425, no. 3363.

Библ

Ок. 330-320 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

111.	AR	A. 9591.	17.00.	О.с. Слева монограмма. Price 1991/I, 431, no. 3426.
112.	AR	A. 9592.	16.66.	То же.

Неизвестный двор Финикии или Сирии

Ок. 317-300 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

113. AR A. 9556. 16.59. *О.с.* Слева голова кабана влево. SNG Oxford 3169-3171; Price 1991/I, 448, no. 3575. Проби́та.

АФРИКА И ВОСТОК

«Вавилон»

Ок. 331-325 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

114. AR A. 9546. 17.15. *О.с.* Слева Φ, под тронem M. Price 1991/I, 458, no. 3581.

Ок. 325-323 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

115. AR A. 9536. 17.18. *О.с.* Слева пчела, под тронem монограмма, ниже M. Price 1991/I, 462, no. 3620.
116. AR A. 9522; CUC 722. 16.98. *О.с.* Слева венoк, под тронem монограмма, под распоркой M. Price 1991/I, 466, no. 3655.
117. AR A. 9524; CUC 724. 17.13. *О.с.* Слева змея влево, под тронem над распоркой монограмма, под распоркой M. Price 1991/I, 467, no. 3665.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

118. AR A. 9516; CUC 713. 16.73. *О.с.* Слева M, под тронem монограмма. Price 1991/I, 467, no. 3673.
119. AR A. 9526. 16.90. *О.с.* Слева символ не ясен, ниже M, под тронem монограмма. Cp. Price 1991/I, 467-468, no. 3673-3687.

Ок. 323-317 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

120. AR A. 9570. 17.15. *О.с.* Слева M, под тронem над распоркой ΛΥ. Price 1991/I, 469, no. 3692.
121. AR A. 9571. 17.22. То же.
122. AR A. 9572. 17.00. То же.
123. AR A. 9573. 17.17. То же.

Ок. 317-311 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

124.	AR	A. 9662.	16.96	<i>О.с.</i> Слева монограмма в венке, под тронном Н. Price 1991/I, 473, no. 3704.
125.	AR	A. 9517; СУС 714.	16.39.	То же.
126.	AR	A. 9533.	16.61.	<i>О.с.</i> Слева Н (?), под тронном монограмма в венке (?). Price 1991/I, 473, no. 3708 (?).
127.	AR	A. 9519; СУС 716.	15.19.	<i>О.с.</i> Слева монограмма в венке, под тронном монограмма. Price 1991/I, 475, no. 3734.
128.	AR	A. 9521; СУС 721.	16.67.	<i>О.с.</i> Слева монограмма в венке, под тронном М. Price 1991/I, 476, no. 3742.

Ок. 311-305 гг. до н.э.

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

129.	AR	A. 6343.	17.02.	<i>О.с.</i> Слева монограмма в венке, под тронном ΜΙ. Price 1991/I, 476, no. 3746-3747.
130.	AR	A. 9535.	16.98.	<i>О.с.</i> Слева ΜΙ, под тронном монограмма в венке. Price 1991/I, 477, no. 3751-3752.

Вавилон(?)**Ок. 305-295 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

131.	AR	A. 9610.	16.23.	<i>О.с.</i> Слева монограмма, под тронном ΒΛ. SNG Cop. 843; Price 1991/I, 479, no. 3778.
------	----	----------	--------	--

Сузы**Ок. 320-316 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

132.	AR	A. 9542.	16.10.	<i>О.с.</i> Под тронном, над распоркой ΛΑ. Не издана. Ср. Price 1991/I, 486, no. P208 (тетрадрахма Филиппа III).
------	----	----------	--------	--

Экбатана**Ок. 311-295 гг. до н.э.**

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

133.	AR	A. 9584.	17.20.	<i>О.с.</i> Слева монограмма, ниже протома пасущегося коня; под тронном монограмма. Price 1991/I, 491, no. 3889.
------	----	----------	--------	--

134.	AR	A. 6339.	16.99.	<i>О.с.</i> Слева монограмма, ниже протома пасущегося коня; под тронем монограмма. Price 1991/I, 491, no. 3894.
135.	AR	A. 9569.	17.15.	<i>О.с.</i> Слева монограмма, ниже протома пасущегося коня; под тронем над распоркой монограмма. Price 1991/I, 491, no. 3894.
136.	AR	A. 9586.	17.27.	<i>О.с.</i> Слева монограмма, ниже протома пасущегося коня. Price 1991/I, 491, no. 3902.
137.	AR	A. 9585.	17.17.	<i>О.с.</i> Слева монограммы, под ними якорь вправо, ниже протома пасущегося коня; под тронем ΣΩ. Price 1991/I, 493, no. 3931.

ЕГИПЕТ

Мемфис

Ок. 332-323 гг. до н.э.

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

138.	AR	A. 9601.	16.43.	<i>О.с.</i> Слева голова барана в короне Исиды вправо, под тронем монограмма. SNG Cop. 855; Price 1991/I, 497, no. 3964.
139.	AR	A. 9451; CUC 645.	16.97.	<i>О.с.</i> Слева роза, под тронем ΔΙ-Ο. SNG Cop. 853-854; Price 1991/I, 498, no. 3971.
140.	AR	A. 9464; CUC 658.	16.78.	То же. ΔΙΟ.
141.	AR	A. 9447; CUC 640.	17.23.	<i>О.с.</i> Слева молнии, под тронем ΔΙ. Price 1991/I, 499, no. 3976.

Кирена (?)

Ок. 305-300 гг. до н.э.

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре влево.

О.с. То же; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

142.	AR	A. 9620.	16.28.	<i>О.с.</i> слева неясный предмет; под тронем HP (?), ниже Λ. Сомнительная? Ср. Price 1991/I, 500, no. 3985-3987.
------	----	----------	--------	--

Не определенные тетрадрахмы

Македония(?)

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

143.	AR	A. 9598.	14.78.	<i>О.с.</i> Слева символ не ясен
------	----	----------	--------	----------------------------------

«Вавилон»(?)

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

144. AR A. 9621. 16.81. *О.с.* Слева монограммы и символ не ясны; под тронем монограмма.

Не определенный центр

Тот же тип; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

145. AR A. 6340. 17.09. *О.с.* Слева неясное изображение внутри венка, ниже монограмма; под тронем Π.

Не определенный центр

Тот же тип; ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

146. AR A. 6344. 16.81. *О.с.* Слева символ не ясен; под тронем буквы VA(?).

Тетрадрахмы плохой сохранности

147. AR A. 9458. 16.78.
148. AR A. 9460a. 17.12.

ALEXANDER THE GREAT AND ALEXANDER-TYPE TETRADRACHMS
IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM (MOSCOW)

M. G. Abramzon, N. A. Frolova

The article is publication of a Catalogue of tetradrachms issued in the name of Alexander the Great from the collection of the State Historical Museum Numismatic Department (Moscow). This collection includes 148 tetradrachms struck by mints of Macedonia, Greece, Thrace, Cyprus, Asia Minor, Syria, Phoenicia, Africa and the East. This publication is of great importance to study of Alexander-type tetradrachms coinage.

Key words: Greek coins, tetradrachms, Alexander the Great, the State Historical Museum

Таблица 1

Таблица 2

Таблица 3

Таблица 4

Таблица 5

Таблица 6

Таблица 7

Таблица 8

Таблица 9

Таблица 10

Таблица 11

Таблица 12

Таблица 13

Таблица 14

Таблица 15

Таблица 16

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2013

И. В. Бузунова

БРИТАНСКИЕ ЭЛЛИНОФИЛЫ XVII–XX ВВ.: ОТ КОЛЛЕКЦИОНЕРА ГРАФА АРУНДЕЛЯ ДО АНГЛИЙСКОГО АНТИКОВЕДА ДЖОНА БОРДМАНА

Среди множества европейских учёных, участвовавших в генезисе и дальнейшей эволюции науки о древностях, британским эллинофилам принадлежит ключевая роль в накоплении археологического материала, в определении, классификации, атрибуции античных произведений, методологии исследований, то есть в сложении научного аппарата антиковедения. В работе предлагается краткий ретроспективный обзор истории британской науки, позволяющий судить о её неоспоримом вкладе в изучение античного историко-культурного наследия.

Ключевые слова: антиковедение, британские эллинофилы, методология исследований античного искусства, классическая археология

Большую роль в генезисе и прогрессе мирового антиковедения сыграли британские эллинофилы, совершившие замечательные открытия на волне интереса к античному искусству, который в силу исторических причин зародился в эпоху Возрождения на Аппенинах, а затем распространился на другие страны, достигнув берегов туманного Альбиона. Для того чтобы представить картину развития британской науки об античности целостно, необходимо обратиться к её истории.

Одним из первых в Англии начал коллекционировать древние раритеты поданный Карла I граф Томас Арундель (Thomas Arundel), стремившийся преумножить своё собрание купленными в Италии греко-римскими памятниками. Однако его увлечение классической древностью и в общем занятия античностью в XVII веке по сути были «дилетантскими», так как выражались в основном в коллекционировании античных скульптур и древних надписей без тщательного их исследования, что вполне объяснимо. Знание античной культуры, основанное на изучении доступных нарративных источников (главным образом трудов Плиния и Павсания) и знакомстве с найденными в Италии древнеримскими репликами греческих оригиналов, ещё не отличалось глубиной и объективностью¹. Верное понимание природы древнегреческого искусства могло возникнуть лишь в процессе изуче-

Бузунова Ирина Валентиновна — методист Научно-методического сектора Научно-просветительного отдела Государственного Эрмитажа, соискатель кафедры зарубежного искусства факультета истории и теории искусства СПбГАИЖСА им. И. Е. Репина. E-mail: buzunova-i@mail.ru

¹ Сидорова 1965, 9.

ния подлинных творений эллинов, поэтому особенно увлечённые эллинофилы отправились в земли древней Эллады. Граф Арундель, желая пополнить коллекцию греческими оригиналами, тоже снарядил в путешествие по Малой Азии и Греции своего подданного Патти (Patty)². Экспедиция Патти обнаружила множество прекрасных произведений, в том числе, знаменитый «Паросский мрамор» — хронику событий Эллады от правления мифического царя Кекропа до середины IV в. до н. э., вошедший в собрание и носящий имя владельца — «Marmora Arundeliana». Позже коллекцию Томаса Арунделя его внук передал Оксфордскому университету. В отличие от других она обладала научным характером, благодаря привлечённому к работе над коллекцией известному голландскому учёному Франциску Юнию (Francis Junius), прекрасно знавшему классические языки и античную эпиграфику.

Юниус, классифицировавший материал, на его основе составил «Каталог художников» (Catalogus artificum), дополнив труд эссе-рассуждением «О живописи древних» (De pictura veterum) с критическим обзором древнегреческих произведений. Таким образом, была предпринята одна из первых попыток серьёзного подхода к изучению памятников древней культуры, повлиявшая на становление научного антиковедения в противовес господствовавшему в XVII столетии эстетическому восприятию древних артефактов. Тогда экспертами по оценке античных произведений выступали преимущественно живописцы или зодчие, превращавшие важный предмет разговора в салонное развлечение³. Подобные «знатоки» формировали поверхностный взгляд на античное наследие, но в тоже время привлекали к нему внимание публики, расширяя круг любителей древностей.

В XVIII веке ситуация изменилась, хотя по-прежнему главным побудительным мотивом для изучения античности оставалось коллекционирование, получившее в Британии беспрецедентный размах, что нашло отражение в таком культурном феномене, как Grand Tour по Италии, определивший направленность интересов интеллектуалов⁴. На данном этапе формирования науки о древностях британские эллинофилы стремились упорядочить исследуемый материал. Вероятно, поэтому первый путеводитель по Италии 1722 года принадлежал перу английского живописца Джонатана Ричардсона (Jonathan Richardson «Account of Statues, Basreliefs, Drawings and Pictures in Italy»). Важно то, что в своём труде автор, помимо перечисления и описания статуй, рельефов, росписей, отразил исторический и культурологический контекст существования древних памятников, для воссоздания которого были необходимы точные археологические данные о находке, фиксация деталей. Кроме того, основываясь на собранных фактах, Дж. Ричардсон выдвинул смелую гипотезу о древнеримском происхождении найденных в Италии антиках, являвшихся лишь копиями с греческих оригиналов, что ни в коей мере не умаляло их ценности, так как позволяло реконструировать греческие подлинники. Эта мысль впервые прозвучала столь ясно и во многом определила стратегию дальнейших исследований античного наследия⁵. Результаты научных изысканий учёного легли в основу трёхтомного труда «Essay on the theory of painting», опублико-

² Жебелёв 1923, 15; Бузескул 1924, 11.

³ Жебелёв 1923, 19.

⁴ Кругликова 1984, 7.

⁵ Жебелёв 1923, 19.

ванного в 1728 году. Весомый вклад в антиковедение XVIII века внёс английский писатель Джозеф Аддисон (Josef Addison), обративший особое внимание на определяющее значение нумизматического материала в вопросах интерпретации античных литературных сюжетов в противовес умозрительному аллегорическому истолкованию⁶.

Следующей ступенью в эволюции британского антиковедения стало создание в 1732 году лондонского «Общества дилетантов» (Society of Dilettanti). Объединение эллинофилов, куда вошли не только учёные, но и богатые английские аристократы⁷, было необходимо для упрочения положения науки о классических древностях, расширения сферы археологических исследований⁸. Прогрессивная роль такого центра была очевидной, поэтому практика создания подобных объединений нашла продолжение непосредственно на Апеннингах, где образовались корпорации итальянских эллинофилов: *Academia di antichita profane* в Риме, *Academia degli Ercolanesi* в Неаполе, *Societa Colombaria* во Флоренции, а в Лондоне ещё ранее коллекционеры создали «Общество антиквариев» (Society of antiquaries). Финансовые субсидии меценатов искусства способствовали снаряжению экспедиций на территорию древнегреческой ойкумены, куда отправлялись не только учёные, но и просто любители искусства, чьи открытия инициировали прогресс антиковедения, становление классической археологии. Именно члены «Общества дилетантов»: художник Джеймс Стюарт (James Stuart) и архитектор Николас Реветт (Nicolas Revett), предварительно составив подробный план поездки, провели первые, действительно, археологические раскопки в 1751–1753 гг. на территории Афин⁹. Английские «археологи» проделали серьёзную работу, зафиксировав в рисунках античные руины, произвели обмеры древних сооружений, сохранив, тем самым, для истории некоторые памятники, исчезнувшие впоследствии: например, ионийский храм на реке Илосс или памятник Фрасибула под Акрополем¹⁰. Спустя некоторое время итоги работы учёных были опубликованы в 1762–1794 годах в трёхтомном издании «Древности Афин» (*Antiquities of Athens Measured and Delineated*). А через полстолетия в 1816 году вышла в свет четвёртая книга Дж. Стюарта — последняя в серии, где автор, помимо прочего, говорил о наличии полихромии в античной архитектуре¹¹. Эта мысль появилась у исследователя раньше, ещё при изучении древних дорических храмов Сицилии, но тогда гипотеза вызвала лишь скепсис у научной общественности. Однако в дальнейшем, теория британского «дилетанта» нашла подтверждение в работах учёных XIX столетия, обнаруживших следы краски на античных статуях и деталях архитектуры храма Афины Афайи на острове Эгина¹².

«Общество дилетантов» значительно повлияло на развитие британского антиковедения XVIII века, став средоточием интеллектуальной и исследовательской работы, во многом определив направления научной деятельности любителей

⁶ Жебелёв 1923, 19.

⁷ Бузескул 1924, 15; Жебелёв 1923, 21; Маринович, Кошеленко 2000, 246; Немировский 1972, 13.

⁸ Кругликова 1984, 7.

⁹ Кругликова 1984, 7.

¹⁰ Бузескул 1924, 15; Жебелёв 1923, 21; Немировский 1972, 13; Маринович, Кошеленко 2000, 247.

¹¹ Немировский 1972, 69–70; Маринович, Кошеленко 2000, 247.

¹² Немировский 1972, 70.

античности, расширив границы классической археологии за пределы Италии и Греции. Несомненная заслуга английских «дилетантов» состояла в том, что они открыли учёному сообществу не только центры греческой культуры на Балканах, но и полисы-колонии эллинов в Восточном Средиземноморье. По маршрутам древнегреческой колонизации члены Общества: Николас Реветт (Nicolas Revett), учёный-классик Ричард Чэндлер (Richard Chandler), живописец Вильям Парс (William Pars) в 1764 году отправились в Ионию и обнаружили на территории древних городов Приена и Дидимы разрушенные святилища. Зарисованные ими античные руины стали подлинными историческими документами (представлены в монографии 1815 года «The Antiquities of Ionia») наравне с древними надписями, собранными и опубликованными Р. Чэндлером (*Inscriptions antiquae*, 1775). Экспедиция совершила много важных для классической археологии открытий, посетив мыс Суний, острова Самос, Эгину, где был найден фундамент монументального храма Афины Афайи, который сначала сочли святилищем Зевса Всеэллинского, — правда, данная точка зрения, как доказали археологи следующего столетия, оказалась ошибочной¹³.

Итогом XVIII века в истории британского антиковедения можно считать формирование фундаментальной базы археологических материалов, их внимательное изучение, что предопределило последующую эволюцию научной дисциплины. Кроме того, огромное воздействие на мировую антиковедческую науку, и на английскую в том числе, оказало появление теоретического искусствоведения в лице его создателя — замечательного немецкого учёного Иоганна Иоахима Винкельмана — автора известной «Истории искусства древности», многократно переизданной и до сих пор не утратившей актуальности. Винкельман впервые подчёркивает прямую связь между искусством и развитием цивилизации каждой конкретной культуры¹⁴.

Под воздействием разнообразных факторов, прежде всего политических событий, изменивших европейский мир, просвещённому обществу в ещё большей мере открылись оригинальные произведения прошлых эпох. В результате войн сокровища завоёванной Италии оказались во Франции в музее Наполеона, превратив Париж в культурный центр Европы. Военные походы армии Бонапарта с участием группы учёных на север Африки способствовали ознакомлению с памятниками культуры Древнего Египта, а Греция, освобождённая от турецкого гнёта, стала доступна любителям древности. Наука об искусстве древних цивилизаций в XIX веке вышла на качественно новый уровень. На основании изучения греческих подлинников трансформировалась система представлений об искусстве греков. Существенная роль в этом процессе также принадлежит британским эллинофилам, совершившим замечательные археологические открытия и пополнившими музейные коллекции Англии античными шедеврами. С именами многих английских любителей античности девятнадцатого столетия связаны самые знаменательные достижения в классической археологии в целом и в коллекционировании антиков в частности.

¹³ Немировский 1972, 69; Сидорова 1965, 9.

¹⁴ Кругликова 1984, 7; Сидорова 1965, 9; Жебелёв 1923, 21; Бузескул 1924, 17; Маринович, Кошеленко 2000, 252.

Английский дипломат Томас Брюс лорд Элджин (Thomas Bruce, 7th Earl of Elgin and 11th Earl Kincardine) известен всему миру благодаря тому, что именно он привёз из Афин в Британию скульптуры и рельефы V в. до н. э., вышедшие из мастерской великого Фидия и некогда украшавшие главный храм культурной столицы Эллады Парфенон¹⁵. Можно по-разному расценивать действия посла Англии с точки зрения морали и этики, однако его коллекция, так называемые «мраморы Эльджина» (Elgin Marbles), купленная в 1816 году Британским музеем, стала подлинной школой античного искусства эпохи высокой классики не только для эллинофилов, но и для всех любителей искусства. Замечательно сказал о художественном впечатлении от мраморов Парфенона художник Б. Р. Хайдн (B. R. Haydon «Autobiography and Memories», London, 1926): «Я чувствовал, будто божественное откровение проникло в моё сердце, и я знал, что эти произведения, наконец, пробудят искусство Европы из его сна во мраке ночи»¹⁶. «Пробуждённое» искусство нуждалось в шедеврах, способных вызвать новую волну интереса к античности.

Славу английской науки XIX века составила целая плеяда археологов-классиков, таких как архитектор Ч. Р. Кокерелл (Charles Robert Cockerell), ставший членом международной экспедиции в 1811 году на остров Эгину для повторного исследования, как предполагали, храма Зевса Всеэллинского¹⁷. В итоге археологических раскопок были найдены фрагменты скульптурного убранства западного и восточного фронтонов, которые в дальнейшем приобрёл кронпринц Баварии Людвиг. Заслуга британского эллинофила Ч. Р. Кокерелла в работе над изучением комплекса состояла в попытке интерпретировать древние скульптуры с точки зрения их содержания. Он предположил, что сюжетами для фронтонных композиций храма послужили сцены из Троянского эпоса, и на основании гипотезы создал первый вариант реконструкции фронтонных групп, в центре которых находилась статуя Афины. Мнение учёного послужило поводом к изменению названия святилища, посвящённого, очевидно, богине Афине.

Почти в то же время Ч. Р. Кокерелл участвовал в поисках знаменитого храма Аполлона Эпикурия (Помощника) в Бассах на территории Пелопоннеса в древней Аркадии, руины которого ещё в 1765 году обнаружил французский архитектор И. Боше (Y. Bocher), но сведения о святилище прочно забылись¹⁸. Группа учёных исследовала древний памятник, уникальный, ввиду особенностей архитектуры и скульптурного убранства, так как вместо привычных фронтонных композиций храм, возможно, украшала живопись, а скульптурный фриз находился в целле¹⁹. Археологические работы отличались великолепной организацией, применением наиболее совершенных методов обработки данных, что соответствовало достаточно высокому уровню археологической дисциплины на момент проведения изысканий²⁰. Благодаря стараниям Кокерелла найденные во время раскопок плиты фриза по результатам аукциона в 1814 году купило правительство Англии для

¹⁵ Кругликова 1984, 7; Сидорова 1965, 9; Маринович, Кошеленко 2000, 254.

¹⁶ Бузескул 1924, 20.

¹⁷ Кругликова 1984, 8; Сидорова 1965, 9.

¹⁸ Буракова 1970, 94; Немировский 1972, 67; Сидорова 1965, 9.

¹⁹ Налимова 2008, 13–15.

²⁰ Жебелёв 1923, 36.

Британского музея²¹. Учёный тщательно изучил рельефы, а результаты научной работы опубликовал в материалах Британского музея. Отдельный его труд, вышедший в 1860 году, составили аналитические исследования архитектуры храма, сочетавшей элементы трёх ордеров: дорийского, ионийского и коринфского (Cockerell Ch.R. *The Temples of Jupiter Panhellenius at Aegina and of Apollo Epicurius at Bassae near Pfigalia in Arcadia*. London. 1860). В состав археологической группы, изучавшей храм Аполлона, входил ещё один «дилетант» Дж. Фостер (John Foster), тоже архитектор, наравне с Кокереллем занимавшийся проблемами особенностей древнегреческой архитектуры. Произведя точные обмеры Парфенона и его колонн, зодчие выявили лёгкое утолщение ствола колонны на определённой высоте — энтазис²² — и пришли к важному заключению об использовании греческими мастерами так называемых курватур.

Большой вклад в британское антиковедение внёс замечательный учёный-археолог Чарльз Томас Ньютон (Charles Thomas Newton), открывший миру древнегреческое искусство поздней классики. Будучи представителем английской дипломатии в Митиле и на островах, он проводил археологические раскопки в турецком городе Бодрум, где обнаружил фрагменты статуй, а также рельефы, входившие в состав декоративного убранства Галикарнасского Мавзолея. Помимо Галикарнасса, учёный открыл и другие прославленные памятники, важные для создания сравнительной хронологии искусства древней Эллады, такие как, например, статуи правителей Бранхидов в Дидимах близ Милета, стоявшие вдоль дороги, ведущей к храму Аполлона, замечательный афинский бронзовый треножник на константинопольском ипподроме — дар афинян за победу при Платеях и др. Особая заслуга Ч. Р. Ньютона состоит в том, что он с помощью Р. П. Пуллана (R. P. Pullan) ввёл эти антики в научный оборот, опубликовав в 1862–63 гг. «Историю открытий Галикарнасса, Книда и Бранхидов» («A history of discoveries Halicarnassus, Cnidus and Branchidae»)²³. При содействии исследователя античные произведения оказались в Британском музее²⁴, где стали ценной частью коллекции.

Вопросами реконструкции древних сооружений занимался британский эллинофил Чарльз Феллоуз (Charles Fellous). С его именем связано открытие в 1842–1843 годах знаменитого монумента Нереид в малоазийском Ксанфе, фрагменты которого впоследствии были перемещены на родину археолога²⁵. Помимо непосредственно археологических раскопок, Феллоуз проделал большую исследовательскую работу по воссозданию первоначального вида памятника на основании сохранившихся архитектурных элементов, рельефных фризов и скульптур. В соответствии с предложенной концепцией монумент экспонируется в зале Нереид Британского музея. Там же, в музее, хранятся детали архитектурного убранства всемирно известного храма Артемиды Эфесской: рельефы оснований колонн, части декора. Руины уничтоженного пожаром в 356 г. до н. э. святилища нашёл архитектор Джон Вуд (John Wood), потративший несколько лет с 1869 года по 1874 год

²¹ Фрэнсис 1984, 121.

²² Маринович, Кошеленко 2000, 251.

²³ Кругликова 1984, 8.

²⁴ Бузескул 1924, 29–30; Фрэнсис 1984, 121; Сидорова 1965, 10; Жебелёв 1923, 43.

²⁵ Кругликова 1984, 8; Сидорова 1965, 10.

на поиски известного памятника, чьи фрагменты в дальнейшем также пополнили коллекции Британского музея²⁶.

К сожалению, рамки статьи не позволяют назвать все значимые имена в истории британского антиковедения, но для полноты картины необходимо сказать о самых известных учёных XIX столетия, значительно повлиявших на углубление знаний о древних культурах, на совершенствование методов археологического исследования. Это Эдвард Додуэлл (Edward Dodwell) и Вильям Джелл (William Gell) — стипендиаты Общества Дилетантов, нашедшие и зафиксировавшие в рисунках руины древних сооружений с циклопической кладкой от Италии до Греции, задолго до Г. Шлимана, в 1810-х гг. открывшие древние Микены и Тиринф²⁷, результаты их исследований были описаны в книге «Unedited Antiquities of Attica» 1817 года; Мартин Лик (William Martin Leake), детально изучивший следы древнегреческой цивилизации на островах, в Малой Азии, Северной Греции и опубликовавший в 1821 году «Топографию Афин» (Topography of Athens), посвящённую древней истории города, занимавшийся также эпиграфикой²⁸; Ленорман (Lenorman), в 1860–1861 гг. продолживший изыскания В. Джелла на месте античного Элевсина²⁹, и многие другие, способствовавшие прогрессу английского антиковедения. Расширение сферы археологической деятельности в районе Эгеиды, уточнение исторических сведений, базирующихся на внимательном изучении эпиграфики, знакомство с греческими оригиналами обеспечили прочную основу науки о древностях, её блестящее будущее³⁰, а кроме того, позволили историкам античного искусства создать ясную картину развития эллинской цивилизации на всём протяжении её существования.

Серьёзное воздействие на рост авторитета британского антиковедения в мировой науке оказали британские археологические институты, появившиеся в Афинах (1886 год — British School at Athens) и в Риме (1905 год — British School at Rome)³¹. Благодаря новым научным структурам, выдавались стипендии исследователям, финансировались археологические экспедиции, стали выходить периодические издания (The Annual of the British School at Athens; The Annual of the British School at Rome), в которых публиковались результаты новых исследований³². Так, в журнале «The Annual of the British School at Athens» №6 за 1899–1900 год появилась статья, посвящённая археологическим изысканиям антиковеда А. Эванса на острове Крит «Knossos. Summary report of the Excavations in 1900: 1. The Palace». Он совершил сенсационное открытие минойской цивилизации, подтвердившее свидетельства античных авторов о её существовании и означавшее начало нового этапа в античной науке³³.

До XX века антиковедение представляло собой практически единую дисциплину

²⁶ Бузескул 1924, 68; Фрэнсис 1984, 121; Жебелёв 1923, 71; Сидорова 1965, 11, 16; Кругликова 1984, 9.

²⁷ Бузескул 1924, 21, 69; Жебелёв 1923, 35; Маринович, Кошеленко 2000, 251.

²⁸ Бузескул 1924, 32; Жебелёв 1923, 35; Маринович, Кошеленко 2000, 251.

²⁹ Бузескул 1924, 69.

³⁰ Сидорова 1965, 20.

³¹ Жебелёв 1923, 72; Кругликова 1984, 9; Сидорова 1965, 12.

³² Бузескул 1924, 67; Жебелёв 1923, 71; Сидорова 1965, 12.

³³ Кругликова 1984, 10; Немировский 1972, 33–37; Бузескул 1924, 154; Фрэнсис 1984, 126; Сидорова 1965, 19, 20; Жебелёв 1923, 61.

плину, объединяющую классическую археологию, эпиграфику и искусствоведение, а учёные-антиковеды обладали энциклопедическими знаниями, владели разнообразными навыками, необходимыми в исследовательской деятельности. Затем произошла дифференциация науки о древностях, так как возросли требования к уровню обработки научных данных. Развилась узкая специализация отдельных областей знания, основоположниками которых зачастую становились британские учёные. Например, в сфере изучения античной керамики лидирующую позицию занял исследователь Джон Бизли (John Beazley), ставший основателем методологии атрибуции и классификации керамики по мастерам. Британские эллинофилы Барклай Хед (Barclay Head) и Питер Гарднер (Peter Gardner) систематизировали, а затем ввели в научный оборот очень важный для атрибуции огромный нумизматический материал, изложив результаты работы в труде об истории монетного дела в Древней Греции (*Historia Numorum, a Manual of Greek*. Oxford. 1911). Издание знатоком древнегреческого языка Ф. Кенионом (Frederic George Kenyon) текста «Политии» Аристотеля, найденного среди множества латинских и греческих папирусов в Египте У. Флиндерсом Петри (Sir William Matthew Petrie) — основоположником систематизации египтологического материала, совершило переворот в представлении об афинской истории. Огромный вклад в античную эпиграфику внёс филолог-классик Кеннет Джеймс Довер (Kenneth James Dover), опубликовавший переводы античных источников и книги, основанные на их изучении.

Современные британские антиковеды для достижения эффективного результата в изучении античных произведений работают на стыке наук: истории, археологии, искусствоведения, палеоэтнографии и других. В данном контексте английские учёные XX века — достойные продолжатели своих знаменитых предшественников, так как часто выступают одновременно в роли хранителей музейных коллекций и в качестве археологов-практиков, сочетая два подхода в работе над древними памятниками. К подобному типу учёного может быть отнесён Джон Бордман (John Boardman), который в начале своей карьеры три года занимал пост заместителя директора Британской археологической школы в Афинах и наряду с административной деятельностью принимал участие в раскопках на островах Крит и Хиос, в африканской Ливии, где открыл для научного мира древнюю Арсиною. В то же время он являлся куратором Античного отдела Музея Ашмола в Оксфорде, что значительно повлияло на формирование учёного, определило его всеобъемлющий, системный подход к изучению памятников. Английский антиковед входит в тот немногочисленный круг исследователей, чьи имена хорошо известны современным эллинофилам, а научные интересы касаются всех областей античного искусства. Это античная пластика архаического, классического и позднеклассического периодов, глиптика, круг вопросов, связанных с проблемами греческой колонизации, чёрно- и краснофигурная вазапись и другие темы, обращение к которым позволило учёному создать целостную систему представлений о древнегреческой культуре. Монографии Джона Бордмана, посвящённые отдельным видам искусства или узким аспектам истории древней цивилизации (*Greek Gems and Finger Rings*. London. Thames and Hudson. 1970; *Athenian Black Figure Vases*. London. Thames and Hudson. 1974; *Greek Sculpture. The Archaic Period*. London. Thames and Hudson. 1978; *Greek sculpture. The Classical Period*. London. Thames and Hudson. 1985; *Greek sculpture. The Late Classical Period*. London.

Thames and Hudson. 1985; Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. London. Thames and Hudson. 1989), в том числе проблемам взаимовлияний эллинской и восточной культур, конкретно Ахеменидской³⁴, а также труды обзорного характера (The Greek Art. London. Thames and Hudson. 1996), благодаря ясности изложения материала в сочетании с исчерпывающей полнотой, стали хрестоматийными и многократно переиздавались.

Британские эллинофилы конца XX — начала XXI века обращаются к решению самых разных задач, сосредотачивая особое внимание на семантике древних произведений, их иконографии и иконологии. В свете актуальности данных научных тенденций ими предлагаются авторские интерпретации и новое прочтение хорошо известных памятников. Специалист по греческой скульптуре, куратор экспозиций мраморов Парфенона, Фигалийского фриза, выставки греко-римского быта в Британском музее — Ян Дженкинс особенно углублённо занимался проблемами стилистического и семантического анализа скульптур Парфенона, изложив свои взгляды в ряде публикаций, вышедших в последнее десятилетие³⁵. В 1999 году он принимал участие в конференции по поводу возврата мраморов Эльджина в Грецию, где выступил с докладом, подробно охарактеризовав нынешнее состояние сохранности коллекции и осятив историю её бытования в музее (Jenkins I. Cleaning and Controversy: The Parthenon Sculptures 1811–1939. The British Museum Paper. 2001). Отдельные монографические исследования учёного связаны с темами, определяемыми его научной деятельностью в качестве хранителя произведений древнегреческого искусства. Это труд о человеческом теле как о главном предмете искусства эллинов, написанный совместно с Викторией Тёрнер (Jenkins I. Turner V. The Greek Body. The British Museum Press. 2009), и монография о крупнейших храмовых комплексах Древней Греции, отличающаяся новизной, так как хорошо известный материал представлен с учётом последних исследований (Jenkins I. Greek Architecture and Its Sculptures in the British Museum. The British Museum Press. 2006).

Основной круг вопросов, изучаемых Джеффри Вейвеллом (Jeffrey Waywell), касается погребальной пластики, сочетающей художественные особенности пластического искусства с архитектурой, и сопряжён, прежде всего с гробницей IV в. до н.э. — Галикарнасским мавзолеем, чьё скульптурное убранство стало темой специального исследования учёного, написавшего о памятнике отдельную монографию (Waywell G. B. The Free-Standing Sculptures of the Mausoleum in Halicarnassus in the British Museum. The British Museum Press. Catalog. 1978). Кроме того, Вейвелл работал над анализом отдельных произведений надгробной пластики, посвятив надгробиям ряд статей³⁶, однако этим сфера его научных интересов не ограничивается. Она включает в себя разные виды античного искусства, в том числе архитектуру, так как Вейвелл известен своими исследованиями в области древнеримского зодчества эпохи Августа на территории провинции Ахайя, а именно в Спарте, где были обнаружены античные сооружения римского времени.

³⁴ Boardman 1964, 1–33; 2000.

³⁵ Jenkins 1988, 183–207; 1990, 89–114; 1994; 2001.

³⁶ Waywell 1985, 157–159; 1982, 238–242.

Результаты раскопок исследователь опубликовал в периодических изданиях Британской школы в Афинах³⁷.

Представитель молодого поколения английских учёных, хранитель фиγάλийского фриза в Британском музее — Питер Хиггс (Peter Higgs) в своих работах демонстрирует многосторонний подход к анализу древних произведений в культурно-историческом контексте, обращая особое внимание на взаимопроникновение художественных традиций греческой и восточной культур³⁸.

Новым направлением научной деятельности британских эллинофилов в последнее время является изучение истории коллекционирования антиков, формирования английских собраний, попытка их реконструкции на основании данных музейных и личных архивов, содержащих также ценные свидетельства о происхождении русских античных коллекций, что помогает атрибуции последних. Подобными вопросами в ряду других учёных занималась Викки Колтмэн (Vicky Coltman), обращавшаяся к анализу документов Гэвина Гамильтона (Gavin Hamilton) — профессионального археолога, антиквара и дилера по продаже древних памятников, и к архивным материалам крупнейшего коллекционера XVIII века, любителя античности Чарльза Таунли (Charles Taunly). Результаты исследований В. Колтмэн были опубликованы в монографии, которая стала важным источником сведений о коллекционировании античности английскими аристократами (Coltman V. *Classical Sculpture and the Culture of Collecting in Britain Since 1760*. Oxford. University Press. 2009).

Те же проблемы решала Илария Биньямини (Ilaria Bingnamini), ставя перед собой задачу наиболее полного освещения истории проводимых во второй половине XVIII столетия на территории Апеннин (Рим, Тиволи, Альбано, Прима Порто и т.д.) археологических раскопок и выяснения провенанса многих знаменитых артефактов, в связи с чем она работала параллельно в Англии и в Италии с архивами Британской школы в Риме, с личными документами из архивов Гэвина Гамильтона, Томаса Дженкинса (Thomas Jenkins) — самых известных в XVIII веке поставщиков антиков в европейские коллекции. Итоги работы исследовательницы легли в основу вышедшей в 2010 году книги и послужили необходимым базисом для многих учёных в продолжение их изысканий.

Краткий обзор истории британского антиковедения на протяжении трёх столетий интенсивного научного развития не даёт возможности назвать всех учёных, внёсших фундаментальный вклад в становление и развитие науки о древностях, но позволяет судить об огромной роли английских меценатов, археологов, антиковедов в сложении методологии и принципов исследования произведений древней культуры, в совершенствовании методов изучения античных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Бузескул В. С. 1924: Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира. Ч. II. Древнегреческий мир. Петроград.

Буракова А. И. 1970: Фигалийский фриз и его историческое место в искусстве Греции в V в. до н.э. // ВДИ. 4, 93–111.

³⁷ Waywell 1989, 415; 1994, 433–441; 1999, 437–455.

³⁸ Higgs 2006; 2009.

- Жебелёв С. А.* 1923: Введение в археологию. Петроград.
- Кругликова И. Т.* 1984: Античная археология. М.
- Лурье С. Я.* 1957: Язык и культура Микенской Греции. М.
- Маринович Л. П.* 1970: Изучение островов Эгейского моря и Крита в 1962–1966 гг. // ВДИ. 1, 191–211.
- Маринович Л. П., Кошленко Г. А.* 2000: Судьба Парфенона. М.
- Нахимова Н. А.* 2008: «Мифологическая битва» в архитектурном рельефе храмов VI — нач. IV в.в. до н.э.: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. док. ист. наук. М.
- Немировский А. И.* 1972: Нить Ариадны (из истории классической археологии). Воронеж.
- Сидорова Н. А.* 1965: Новые открытия в области античного искусства. М.
- Фрэнсис Ф.* 1984: Сокровища Британского музея. М.
- Boardman J.* 1964: The Greek Overseas. The Archaeology of their Early Colonies and Trade. Penquin. Harmondsworth.
- Boardman J.* 2000: Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. London.
- Higgs P.* 2006: Late Classical Minor in Greek sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Period. Cambridge.
- Higgs P.* 2009: Back to the second century B. C.: new thought on the date of the sculptured coffers from the temple of Athena Polias. Priena.
- Jenkins I.* 1988: Paint on the Parthenon Sculptures // BSA. 83, 183–207.
- Jenkins I.* 1990: Acquisition and Supply of Casts of the Parthenon 1835–1935 // BSA. 85, 89–114.
- Jenkins I.* 1994: The Parthenon frieze. The British Museum Press.
- Jenkins I.* 2001: Cleaning and Controversy: The Parthenon Sculptures 1811–1939. The British Museum Paper.
- Jenkins I.* 2009: Explore the Parthenon an ancient Greek temple and its sculptures. The British Museum Press.
- Waywell G. B.* 1982: A Roman Grave Altar Rediscovered // AJA. 86, 238–242.
- Waywell G. B.* 1985: The Mourning Women Sarcophagus // CR. 35 (1), 157–159.
- Waywell G. B.* 1989: Roman Architecture in the Greek World // CR. 39, 415.
- Waywell G. B.* 1994: Excavations at Sparta: the Roman Stoa 1988–1991 // BSA. 89, 433–441.
- Waywell G. B.* 1999: Excavations of the Ancient theatre of Sparta 1995–1998 // BSA. 94, 437–455.

BRITISH HELLENOPHILES OF THE 17th — 20th CENTURIES: FROM
THE COUNT OF ARUNDEL, THE COLLECTOR, TO SIR JOHN BOARDMAN,
THE HISTORIAN OF ANCIENT GREEK ART

I. V. Buzunova

Among the many European scholars concerned with the formation and development of antiquities study British Hellenophiles play a key role in accumulating archeological material, identifying, classifying, and attributing works of antique art. They also play a major part in working out methodology procedures, i.e. in forming apparatus criticus of classical antiquity study. The article presents a brief retrospective survey of British history learning, which makes it possible to estimate its contribution to the study of ancient history and art heritage.

Key words: classical antiquity study, British Hellenophiles, methodology of classical antiquity study, classical archeology

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2013

С. В. Ольховский

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Своеобразие эволюции украинского национального движения в межвоенной Польше объясняется в уровне развития земель, ранее входивших в состав Российской и Австро-Венгерской империй, а также особенностями политики польских правительств, применявшими методы национальной и государственной ассимиляции. В Галиции украинское самосознание сформировалось на платформе негативной оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений и вооруженной борьбы за создание независимой Украины, при этом относительная непопулярность сепаратистских идей среди украинцев Волыни давала польской администрации шанс реализации иного сценария – формирования лояльного государству украинского движения.

Ключевые слова: история Польши, Галиция, Волынь, национальная политика, национальное самосознание, государственная ассимиляция

Тематика польско-украинских отношений в межвоенной Польше до сих пор несет значительную эмоциональную нагрузку для обоих народов, зачастую не позволяющую объективно, без набора традиционных стереотипов и взаимных обвинений воспринимать исторические события. По нашему мнению, лишь максимальный учет сложного исторического контекста и отказ от упрощений в пользу одной из сторон позволит понять модель сложного и неоднозначного сосуществования польского и украинского обществ во Второй Речи Посполитой.

Украинцы составляли самое многочисленное национальное меньшинство в межвоенной Польше: согласно результатам второй всеобщей переписи населения 1931 г., в стране насчитывалось более 4,4 млн. граждан (14% населения), считавших родными украинский и русинский языки. В основном они компактно проживали в восточном приграничье, — около 1,4 млн. человек на Волыни (68% населения), около 1,1 млн. (34,1%) в Львовском воеводстве, около 1 млн. (69%) в Станиславском, около 0,7 млн. (45,5%) в Тернопольском. Кроме того, области компактного проживания носителей украинского и русинского языков были выявлены в Люблинском (74 тысячи человек, 3% населения), Полесском (54 тысячи человек, 4,8% населения) и Краковском воеводствах¹. Учитывая, что кроме

Ольховский Сергей Валерьевич — научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: ptakkon@yandex.ru

¹ Eberhardt 1994, 92-110.

украинцев и поляков в этих воеводствах проживало много евреев и представителей других национальностей, то украинцы составляли подавляющее большинство населения в Волынском и Станиславском воеводствах, а также были самой многочисленной этнической группой на юго-востоке Польши. В общественной структуре украино- и русиноязычного населения Польши заметно преобладали земледельцы, что подтверждает этническая структура городов юго-восточного приграничья: на Волыни в них проживали евреи (49%), поляки (27,5%), украинцы (16,3%); в Галиции существенно отличалось лишь соотношение евреев и поляков, преобладавших в крупных городах.

Уровень национального самосознания на населенных украинцами землях значительно отличался. Украинцы Галиции в период автономии в составе Австро-Венгрии успели далеко пройти по пути формирования своей национальной идентичности, малочисленная местная украинская интеллигенция активно влияла на общественные настроения и выражала стремление к обретению собственной государственности. В Волынском и Полесском воеводствах, ввиду пребывания этих земель в составе Российской империи до Первой мировой войны и продолжительной административной русификации, сложилась иная ситуация: здесь не сформировалось устойчивое украинское национальное самосознание, и местное общество идентифицировало себя в основном через вероисповедание, этническую принадлежность и народную культуру. Уровень национального самосознания жителей этого региона демонстрируют, например, такие воспоминания: «Мировая война освободила меня из ярма русской культуры. Я был так перекормлен литературой на русском языке, что считал собственный украинский язык на Волыни и польский язык, который изредка слышал, не обладающими своей литературой, так как книг на этих языках в деревне было не найти. Кроме того, живущие в деревнях поляки говорили по-украински, а в школе учили на русском»². Можно считать, что до 1918 г. население Волыни и Полесья являлось не отдельными национальными группами, а скорее этническими общностями, причем это касается как украинцев и белорусов, так и — в меньшей степени — поляков. Большинство местного населения идентифицировало себя как «туземных» (местных), это подтверждают и результаты переписи 1931 г., в ходе которой 700 тысяч жителей Полесья указали «туземный» язык в качестве родного. Можно полагать, что подобный принцип самоопределения был характерен для членов многочисленных традиционных сельских общин, причем не только в Полесье, а на всем восточном приграничье Польши.

Правовой статус украинцев во Второй Речи Посполитой регулировали внутреннее законодательство и принятые Польшей международные обязательства в области охраны прав национальных меньшинств, — т.н. Малый Версальский договор 1919 г. и Рижский договор 1921 г. Эти обязательства были подтверждены в конституциях Польши от 1921 и 1935 гг., гарантировавших всем гражданам без учета национальности равенство в правах, свободу вероисповедания, право пользования родным языком³.

Для понимания настроений, господствовавших в украинском обществе и непосредственно повлиявших на развитие польско-украинских отношений в меж-

² Hermaszewski 1938, 22.

³ Chojnowski 1997, 77.

военный период, следует обратиться к процессу формирования украинской национальной идентичности, который активизировался в XIX в. в Галиции. Одним из ключевых вопросов для украинской самоидентификации стал выбор между латиницей и кириллицей, и выбор последней был обусловлен в первую очередь потребностью сохранения национальной самобытности, «тогда как латинский алфавит (как казалось) грозил утоплением в море польской культуры, которая, впрочем, в то время привлекала многих молодых» украинофилов⁴.

С другой стороны, немало украинцев, особенно после поражения Ноябрьского восстания 1830 г., вступили в тайные польские общества Галиции. Следует отметить, что несмотря на лозунги «за вашу и нашу свободу», польские политики боролись за воссоздание своего государства в границах Первой Речи Посполитой, считая себя единственным политически сложившимся народом на этих землях, а украиноязычное население — специфической родственной региональной группой, близкой гуралям и кашубам. К середине XIX в. сформировался основной идейный вектор развития украинской национальной идентичности, предполагавший стойкую оппозицию Польше ввиду опоры на исторический опыт польско-казацких войн и восстания Б.Хмельницкого. Альтернативная модель развития польско-украинских отношений, предложенная в свое время Петром Сагайдачным и Яном Выговским, оказалась галицийскими украинофилами не востребована⁵. Известный польский историк Роман Вапинский, объясняя причины этого выбора, отметил, что украинофилы, учитывая как факт «полонизации части своей этнической общности в прошедшие века, так и ... донныне существующее в этой общности убеждение о превосходстве польской культуры», встали перед необходимостью радикального разрыва с ней, так как «многовековой симбиоз польской и украинской общностей не способствовал формированию национальной идентичности». В таких обстоятельствах необходимым условием для формирования украинской идентичности стало разрушение этого симбиоза, и украинофилы стали пропагандировать радикально антипольские оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений⁶.

Свою роль в радикализации позиций украинофилов в XIX в. сыграло и широко распространенное в польском обществе убеждение, что сама идея украинского своеобразия является интригой, организованной австрийской администрацией с целью парализовать стремления поляков к независимости. «Весна народов» в Центральной Европе ознаменовала новый этап польско-украинских отношений в Галиции: высказанная Главной русской радой в 1848 г. идея разделения провинции на две автономии — восточную украинскую и западную польскую, — привела к острому политическому конфликту.

Как в XIX в., так и во Второй Речи Посполитой значительное влияние на формирование польско-украинских отношений оказывала социальная проблематика. В Галиции 40% земли принадлежало 2,5 тысячам крупных собственников, среди которых преобладали поляки, и католической и униатской церквям, при этом 80% земледельцев обладали участками площадью до 4 га. Земельный голод непосред-

⁴ Wereszycki 1975, 47.

⁵ Kozłowski 1990, 37.

⁶ Wapiński 1994, 86.

ственно влиял на состояние польско-украинских отношений, а порой становился непосредственным катализатором межнациональных конфликтов⁷.

Примирение австрийской администрации с польским обществом в 1860-е гг. и предоставление Галиции автономных прав не привело к однозначному ухудшению положения местных украинцев: хотя Вена перестала их поддерживать в противовес полякам, внедрение в автономии относительно либеральной политической системы обеспечило возможности для развития украинских национальных организаций. Постепенное укрепление национальной самоидентификации способствовало обострению польско-украинских конфликтов, проявившихся в столкновениях учащейся молодежи и убийстве наместника Галиции А. Потоцкого в 1908 г. Политика польской администрации автономии в отношении украинцев не отличалась последовательностью, перемежая жесткий курс периодами уступчивости. Проявлением последней тенденции стало соглашение, подписанное в 1890 г. наместником Галиции К. Бадени и украинофилами. Периоды соблюдения достигнутых польско-украинских договоренностей обычно оказывались непродолжительными, так как процессу мешало отсутствие в польских кругах готовности к постоянным уступкам украинофилам, а также тактика постоянного расширения требований, которую часто применяла украинская сторона.

Несмотря на очевидное обострение межнациональных отношений в Галиции, польские круги до ноября 1918 г. не учитывали возможность открытого вооруженного столкновения с украинцами за политическое лидерство в регионе, рассматривая тлеющий польско-украинский конфликт скорее как семейную ссору, которая неизбежно будет урегулирована политическими средствами⁸. Вооруженная польско-украинская конфронтация в Галиции, продолжавшаяся с октября 1918 г. до лета 1919 г., стала переломным моментом, после которого с польской стороны стало преобладать убеждение о серьезности украинской проблемы, угрожающей самой суверенности Польши.

События 1918–1919 гг. во многом предопределили развитие польско-украинских отношений в Галиции в межвоенный период. Победа поляков для националистически настроенных украинцев означала крах надежды на обретение собственной государственности и польскую оккупацию, это восприятие стало основой дальнейшего развития украинского сепаратизма. У польской же стороны опыт борьбы за Львов закрепил в общественном сознании ощущение угрозы единству Галиции с остальной Польшей и настороженное, если не враждебное, отношение к украинцам. Итогом этого стало систематическое ущемление прав украинцев администрацией восточных воеводств, вопреки конституции нередко воспринимавшей их как граждан второго сорта, что в свою очередь вело к дальнейшему обострению польско-украинского антагонизма.

Государственная политика Польши в отношении национальных меньшинств в межвоенный период формировалась под влиянием внутривнутриполитической и международной ситуации, пройдя в своем развитии ряд этапов. До завершения польско-советской войны и в первые годы независимости внимание государственной администрации было приковано к проблеме определения и защиты границ Польши, а выработка модели национальной политики откладывалась, ограни-

⁷ Chojnowski 1997, 17.

⁸ Wapiński 1994, 138.

чиваясь решением текущих вопросов. Выходу проблематики межнациональных отношений на первый план способствовали итоги успешных для национальных меньшинств парламентских выборов 1922 г., а также бойкот, объявленный государственным учреждениям украинскими националистическими движениями Галиции.

В период парламентских правительств в Польше национальная политика колебалась между концепцией государственной ассимиляции, предполагавшей обеспечить национальным меньшинствам свободу культурного и экономического развития в обмен на политическую лояльность Польше (ее разделяли пилсудчики и левые партии), и концепцией национальной ассимиляции (т.е. фактически полонизации меньшинств), которую исповедовали правые партии и центристы. Наиболее активно межнациональной тематикой, особенно проблемой славянских меньшинств, занялось правительство Владислава Грабского, сформированное в декабре 1923 г. Формально оно было правительством профессионалов, фактически опиралось на правоцентристов, но некоторые его инициативы скорее соответствовали концепции государственной, а не национальной ассимиляции. Это правительство разрабатывало проект аграрной реформы, позволяющий ослабить вызванные дефицитом земли межнациональные конфликты, учредило Корпус охраны пограничья для противодействия деятельности диверсионно-партизанских отрядов, формировавшихся на территории УССР, прекратило процесс ревизии собственности православной церкви, приняло закон об утраквистской системе школьного преподавания.

С приходом к власти в мае 1926 г. Ю. Пилсудского национальные меньшинства связывали надежды на существенные либеральные изменения, что было связано как с его социалистическим прошлым, так и с поддерживаемой им федеративной программой восточной политики⁹. Ее суть состояла в стремлении изменить опасное для Польши геополитическое положение между Россией и Германией путем создания независимых буферных государств — Литвы и Украины и заключения с ними политического и военного союза. Федеративная политика, стремясь отодвинуть российскую угрозу на восток от границ страны, служила исключительно польским государственным интересам. Как отмечает американский ученый польского происхождения П. Вандыч, «польско-украинское соглашение не следовало из желания поработить украинцев, но не было и актом альтруизма, из которого Польша не извлекла бы никакой выгоды. Как и большинство международных соглашений, оно было компромиссом общих интересов. Слабая сторона платила сильной уступками за оказанную помощь и поддержку»¹⁰.

Хотя после майского переворота 1926 г. на ответственных государственных постах появились политики, высказывающиеся за введение территориальной автономии для украинцев (Т. Голувко, Х. Юзевский), основная линия национальной политики и далее оказалась направлена на реализацию программы государственной ассимиляции. Вероятное тому объяснение — приоритет концепции государственного солидаризма, предполагающей верховенство государственных интересов над интересами всех граждан, независимо от их национальной принадлежности. Ю.Пилсудский декларировал уважение к правам национальных мень-

⁹ Chojnowski 1997, 108.

¹⁰ Wandycz 1967, 20.

шинств, закрепленных в конституции, но допускал политику «сильной руки» в отношении лиц, замеченных в антигосударственной деятельности. Отношение Ю.Пилсудского к украинской проблеме можно попытаться проанализировать на основе его немногочисленных личных решений, направленных на ее смягчение. Немало эмоций среди современников вызвало назначение на пост волынского воеводы Х. Юзевского, давнего соратника диктатора, одного из наиболее неоднозначных политиков межвоенной Польши. Для сторонников национальной демократии Х. Юзевский, управлявший Волынским воеводством в течение 10 лет, стал могильщиком польских интересов на восточных границах, почти предателем и украинским атаманом. Для украинофилов — украинофобом, уничтожившим самостоятельные украинские общественно-политические организации Волыни. Изучение деятельности Х. Юзевского не подтверждает ни одну из этих оценок.

По мнению волынского воеводы, развитие национального самосознания и усиление сепаратистских тенденций среди украинцев Польши является неизбежным, и этот процесс нельзя было остановить административными репрессиями. Единственной возможностью нормализовать польско-украинские отношения Х. Юзевский считал изменение вектора развития украинского национального самосознания путем замены галицийского тезиса о вечном польско-украинском антагонизме на «идеологию 1920 года» — опыт совместной борьбы Ю. Пилсудского и С. Петлюры за создание независимой Украины. Согласно этой трактовке, украинское национальное самосознание должно было развиваться под польским контролем в идейно антисоветском направлении, готовясь к предстоящей борьбе за создание независимой Украины на землях УССР. Учитывая относительно низкий уровень развития украинского национального движения на Волыни к концу 1920-х гг., именно это воеводство было избрано в качестве полигона для реализации проекта построения новой модели польско-украинских отношений¹¹.

Многолетний «волынский эксперимент», включавший целый комплекс мер по нормализации межнациональных отношений в политической, общественной, экономической и культурной сферах, был настороженно воспринят как польским, так и украинским обществом Волыни. Многие поляки посчитали уступки администрации в пользу украинцев покушением на государственные интересы, в перспективе грозящим Волыни вспышкой украинского сепаратизма по галицийскому сценарию; активная часть волынских украинцев уже была в значительной степени охвачена как советской пропагандой из УССР, так и украинской националистической из Галиции.

Особую актуальность для Волыни имела проблема системы просвещения, т.к. закон 1924 г. почти ликвидировал школы с украинским языком преподавания, вызвав этим резкую негативную реакцию населения. Администрация Х. Юзевского не восстановила status quo, а предпочла развивать польские школы с обязательным изучением украинского языка и утраквистские (двуязычные) школы, считая, что украинские потребности по изучению родного языка и культуры могут быть удовлетворены в рамках существовавшей школьной системы, к тому же способствовавшей взаимопроникновению польской и украинской культур. Эта позиция воеводы соответствовала требованию Ю. Пилсудского, заявившего, что

¹¹ Kęsik 1995, 118.

польский язык должен быть единственным официальным языком на всей территории страны.

К середине 1930-х гг. польская политическая элита разочаровалась в результатах попыток налаживания межнационального диалога: программа государственной ассимиляции не привела к ожидаемому спокойствию в восточных воеводствах, наблюдался заметный рост самосознания национальных меньшинств и усиление сепаратизма. Кончина Ю. Пилсудского привела к быстрой смене акцентов в формировании национальной политики страны, новый курс пришедшего к власти армейского руководства предполагал переход к активной полонизации национальных меньшинств восточных воеводств. Попытки полонизации, проведенные в конце 1930-х гг. польской армией с использованием репрессивных методов, в частности ревиндикация церквей на Холмщине и перевод православных в католицизм и униатство на Волыни, привели к росту антипольских настроений среди украинцев Волыни.

Обобщая образ польско-украинских отношений в межвоенный период, следует согласиться с мнением А. Хойновского, что «положение украинцев в Польше нельзя определить единой формулой. Украинцы часто приписывали польской стороне желание уничтожить их национальную жизнь, но эти обвинения сильно преувеличены. В украинском обществе сильно развито самосознание, благодаря этому оно способно дать отпор административным ограничениям. В свою очередь, политика властей, как усредненный результат многих тенденций, была непоследовательна и пассивна, перемежаясь время от времени репрессиями (в основном в ответ на украинские акты террора). Также постоянным явлением были мелкие, но унижительные административные преследования. Однако не столько проступки польской полиции, сколько ощущение бесперспективности способствовало распространению радикализма среди украинцев»¹².

ЛИТЕРАТУРА

- Chojnowski A.* 1997: Ukraina. Warszawa.
Eberhardt P. 1994: Przemiany narodowościowe na Ukrainie w XX wieku. Warszawa.
Hermaszewski Z. (ed.) 1938: Życiorysy wiejskich działaczy Wołynia. Warszawa.
Kęsik J. 1995: Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego. Wrocław.
Kozłowski M. 1990: Między Sanem a Zbruczem. Walki o Lwów i Galicję Wschodnią 1918–1919. Kraków.
Wandycz P. 1967: Z zagadnień współpracy polsko-ukraińskiej w latach 1919–1920 // *Zeszyty Historyczne*. 12, 3-24.
Wapiński R. 1994: Polska i małe ojczyzny Polaków. Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX w. po wybuchu II wojny światowej. Wrocław.
Wereszycki H. 1975: Pod berłem Habsburgów. Zagadnienia narodowościowe. Kraków.

¹² Chojnowski 1997, 115.

PRINCIPAL TENDENCIES OF UKRAINIAN NATIONAL MOVEMENT
IN INTERWAR POLAND

S. V. Olkhovsky

Peculiar evolution of Ukrainian national movement in interwar Poland is due to the contrast in the development of former Russian and Austro-Hungarian territories and specific policy of Polish governments who employed ethnic and state assimilation methods. In Galicia Ukrainian self-consciousness was based on negative assessment of Polish-Ukrainian relations in their armed struggle for independent Ukraine. Relatively unpopular separatist ideas in Volhynia gave Polish administration a chance to implement another scenario under which they could form loyal Ukrainian movement.

Key words: Polish history, Galicia, Volhynia, national policy, ethnic self-consciousness, state assimilation

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2013

А. В. Гоцуленко

СТАХАНОВЦЕВ — ПОД ОХРАНУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ (О РАБОТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР НА УРАЛЕ ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СТАХАНОВСКОМУ ДВИЖЕНИЮ)

Статья посвящена деятельности правоохранительных органов СССР в предвоенные годы по защите стахановцев и стахановского движения от противодействия. Автор анализирует нормативные правовые акты описываемого периода и архивные материалы с целью определения основных правовых моментов деятельности сотрудников НКВД СССР, Прокуратуры и суда по реализации указанного направления деятельности.

Ключевые слова: стахановское движение, история правоохранительных органов СССР, уголовный процесс, уголовное право, репрессии

В середине 1930-х годов по всей стране, в том числе и на Урале, активно разворачивалось стахановское движение — одна из форм социалистического соревнования, направленного на повышение производительности труда. Термин «стахановское движение» впервые появился в сентябре 1935 года и связан с именем Алексея Стаханова — молодого 29-летнего рабочего шахты «Центральная–Ирмино» Донбасса, за шестичасовую смену выработавшего отбойным молотком 102 тонны угля при средней выработке от 6 до 7 тонн в смену.

Хотя до описанных событий в Донбассе во многих отраслях промышленности уже существовали аналогичные движения, однако именно после трудового подвига молодого шахтера названное в его честь движение стало быстро набирать обороты по всей стране. К середине ноября 1935 года на каждом предприятии был свой стахановец. Газеты того времени запестрели заголовками об очередных производственных рекордах¹. На Урале на медных рудниках забойщик Иванчиков дал в смену 970% нормы, т. е. превысил среднюю производительность в десять раз. Рекорд самого Стаханова очень скоро был побит: шахтер Горбатюк выработал в смену 405 тонн угля, а на несколько дней позже забойщик Борисов дал почти 800 тонн, перекрыв все рекорды и перевыполнив норму в 46 раз!²

Гоцуленко Алексей Викторович — аспирант кафедры истории государства и права УрГЮА.
E-mail: gotsul@inbox.ru

¹ Майер 1993, 56–66.

² Маркин 1935

Стахановское движение было развернуто и в местах лишения свободы! В соответствии с циркуляром № 198 от 7 июня 1936 года «Об итогах социалистического соревнования между совхозами ХОЗО АХУ и ГУЛТП и МЗ НКВД СССР за 1935 год» применение стахановских методов труда позволило значительно поднять производительность хозяйств и добиться выполнения принятых обязательств. По итогам 1935 года «было награждено 259 заключенных деньгами, костюмами и часами, грамотами»³.

«Разве не ясно, что стахановцы являются новаторами в нашей промышленности, что стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму?»⁴.

«Стахановское движение — это прямой путь к изобилию, которое будет при коммунизме»⁵. «Стахановское движение ...открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения», — подчеркивала «Правда»⁶. И на самом деле, цифры зарплаток впечатляли: стахановцы получали в 5–10 раз больше, а в ряде случаев стахановский дневной заработок превышал месячный у обычных рабочих. В условиях острого жилищного кризиса рабочие с повышенным вниманием читали сообщения о выделении стахановцам отдельных квартир. Фамилия стахановца сопровождалась цифрой заработка и указанием на то, что рабочий-передовик получил квартиру с «меблировкой»⁷. Так, к примеру, стахановцам молочного цеха совхоза Свердловского областного УНКВД «выделили и оборудовали лучшие квартиры, поставили радио, цветы»⁸.

Подчеркивал вышесказанное и лично Сталин в своей хвалебной речи в адрес стахановского движения на первом (и единственном) Всесоюзном съезде стахановцев в ноябре 1935 года: «Основой стахановского движения послужило, прежде всего, коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. Отсюда герои и героини труда. В этом, прежде всего, корень стахановского движения»⁹.

Вообще же данная речь Сталина на съезде стахановцев, не содержащая в себе каких-либо конкретных экономических или политических определений, дала необходимую идеологическую легитимацию движению в целом. Сталин четко дал понять, какую позицию занимает руководство страны по отношению к стахановскому движению и его противникам: «Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развивать дальше стахановское движение и распространять его вширь и вглубь на все области и районы СССР. ...И с другой стороны — обуздать все эти элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически

³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 12. С. 2–11.

⁴ Сталин 1997, 82.

⁵ Карпинский 1936, 43.

⁶ Правда, 12.10.1935.

⁷ Фельдман 2010, 120, 126.

⁸ ЦДООСО. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 35. С. 14–17.

⁹ Сталин 1997, 84.

тормозят развертывание стахановского движения». Были очерчены и возможные варианты «обуздания» противников новаторства: «Придется в первую очередь убеждать, терпеливо и по-товарищески убеждать эти консервативные элементы промышленности в прогрессивности стахановского движения и в необходимости перестроиться на стахановский лад. А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры». Далее, приводя в пример деятельность «недавно существовавшей группы профессоров, инженеров и других знатоков дела» в Народном комиссариате путей сообщения, вождь народа назвал одну из таких «решительных мер»: «Нам пришлось дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливенько выпроводить их из центрального аппарата НКПС.

С другой стороны, необходимо помочь перестроиться и возглавить стахановское движение тем хозяйственникам, инженерам и техникам, которые не хотят мешать стахановскому движению, которые сочувствуют этому движению, но не сумели еще перестроиться, не сумели еще возглавить стахановское движение»¹⁰.

Таким образом, эпохальная сталинская речь на съезде стахановцев стала отправной точкой для оказания всесторонней помощи в развертывании движения, прежде всего со стороны правоохранительных органов СССР. Советское руководство использовало на данном направлении как органы юстиции и суда, так и органы государственной безопасности. Ими вскрывались и ликвидировались любые формы противодействия данному общественному движению: «контрреволюционные суждения» о сути стахановского движения, саботаж его внедрения на предприятиях вплоть до прямых угроз, избиений и убийств стахановцев.

«Рост стахановского движения во всех отраслях социалистического хозяйства вызвал ожесточенное сопротивление классово-враждебных элементов. Из целого ряда районов мы получаем сведения, что стахановскому движению создаются всяческие затруднения, чтобы дискредитировать его и свести на нет героические усилия лучших людей нашей родины.

Вместо активной помощи стахановцам их ставят в такие условия, при которых они попадают в затруднительное положение. Инженерно-технический персонал, как правило, еще не включен в стахановское движение, некоторые тормозят движение, полагаясь на старые «технически обоснованные нормы», опрокинутые стахановцами. Контрреволюционные элементы из инженерно-технического персонала внешне прикрываясь этими, так называемыми технически-обоснованными расчетами, сознательно ведут дело так, чтобы сорвать и скомпрометировать стахановское движение. В некоторых местах эта открытая контрреволюционная работа не только не замечается руководителями предприятий, цехов и т. п., но эти руководители сами подпадают под контрреволюционное влияние вредителей и вольно или невольно делают тоже, что и контрреволюция»¹¹.

Указанные тенденции требовали от органов правопорядка «бросить все силы на то, чтобы сломить сопротивление классово-враждебных элементов, ударить по саботажникам и контрреволюционным вредителям и обеспечить развертывание стахановского движения». Для этого органам НКВД на местах было рекомендовано взять под особое агентурное наблюдение стахановские бригады и отдельных

¹⁰ Сталин 1997, 90–91.

¹¹ Циркуляр Начальника УНКВД по Свердловской области № 81 от 22.11.1935 г. // ОРАФ УФСБ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. С. 90–92.

стахановцев с целью выявления тех, кто мешает или противодействует стахановцам. Активные контрреволюционные агитаторы, выступавшие против стахановского движения или отдельных стахановцев, подлежали аресту и предавались суду. Особое внимание обращалось на случаи открытых угроз стахановцам за их работу. По всем таким фактам, а тем более избиениям или убийствам, виновные немедленно арестовывались.

В циркулярах Верховного суда и Прокуратуры как СССР, так и РСФСР были даны четкие и исчерпывающие указания о квалификации преступлений, направленных на противодействие стахановскому движению:

«1. Обеспечить суровую репрессию по делам о преступном посягательстве против стахановцев, квалифицируя эти преступления в зависимости от конкретных обстоятельств дела по соответствующим статьям УК РСФСР (1926 года): ч. 2 ст. 73.1 («Сопrotивление представителю власти»), ст. 58.10 («Контрреволюционная агитация»), ст. 58.8 («Террористический акт»);

2. Преступное противодействие развёртыванию стахановского движения со стороны лиц административно-технического персонала квалифицировать в тех случаях, когда это совершается в контрреволюционных целях, — по ст. 58.7 («Вредительство») или ст. 58.14 («Контрреволюционный саботаж»), а в остальных случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по статьям о должностных преступлениях — ст. 109 («Злоупотребление властью»), ст. 111 («Бездействие власти») и другим»¹².

Дела по указанным категориям преступлений должны были, как правило, рассматриваться в показательных процессах с привлечением широкой общественности и опубликованием как приговоров, так и отчетов о ходе их проведения в печати.

На судебные репрессии за преступное противодействие стахановскому движению в отношении административно-технического персонала правоохранители возлагали особые надежды как на самые радикальные среди «более решительных мер», о которых в свое время говорил Сталин¹³. В Свердловской области, к примеру, к концу ноября 1935 года (спустя всего лишь 2 месяца с момента появления самого стахановского движения) судами уже было рассмотрено 34 дела, по которым осуждено 47 лиц, из них рабочих — 13, инженеров — 13 и социально чуждых — 10. Из 47 осужденных — 6 члены партии¹⁴. В 1936 году по всему Советскому Союзу за противодействие стахановскому движению было арестовано более 1 100 человек¹⁵.

Приведем примеры наиболее громких и резонансных уголовных дел того времени, возбужденных на Урале по мотивам преследования стахановцев и противодействия стахановскому движению. 22 декабря 1935 года Свердловский областной суд приговорил к 8 годам лишения свободы Ерастова — выходца из семьи раскулаченных, отец и мать которого были осуждены за убийство красноармейца. Будучи инструктором-сварщиком в цехе металлических конструкций на Тагил-

¹² Постановление президиума Верховного суда РСФСР № 85 от 28.11.1935 «О задачах судебных органов в связи с развитием стахановского движения» // Советская юстиция 1935, 2.

¹³ Орлов 1936, 1.

¹⁴ Орлов 1936, 3.

¹⁵ Хаустов, Самуэльсон 2009, 82.

строе, Ерастов «систематически противодействовал проведению стахановского движения в своем цехе: агитировал в необходимости снижения расценок и повышения норм выработки сварщиков; несвоевременно выдавал наряды на проведение работ; систематически и в массовом порядке обсчитывал рабочих; издевался над работницами. Суд, распознав классового врага, правильно расценил его преступление, квалифицировав его по ст. 58.14 УК РСФСР в редакции 1926 года («Контрреволюционный саботаж»)»¹⁶. Учитывая социальное происхождение Ерастова и тяжесть совершенного им преступления, кассационная коллегия Верховного суда РСФСР оставила приговор без изменения.

14 января 1936 года Свердловский областной суд приговорил по ст. 58.14 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы Шишминцева — выходца из кулацкой семьи, скрывшего свое социальное положение при получении паспорта и устроившегося таким образом мотовозчиком литейного цеха на Пышминский медеплавильный завод. «Материалами дела доказано, что в ночь на 27 ноября Шишминцев, приступив к управлению мотовозом, на первом же рейсе, проехав на нем около 150 метров, вывел его умышленно из строя. Вторым мотовозом он умышленно толкнул первый, вследствие чего второй мотовоз, также сойдя с рельс, вышел из строя. В результате этих действий стахановская бригада из 35 человек совершила простой, недовыпустив около 10 тонн меди. Перед этим в столовой Шишминцев вслух заявил бригаде стахановцев: «Вы вот стахановцы, а я не стахановец, но если я мотовозом не подам вагонеток, вы тоже не будете стахановцами, или я сделаю что-нибудь с мотовозом, и в этом никто не разберется». После этого-то Шишминцев и вывел из строя два мотовоза»¹⁷.

И таких примеров можно привести большое количество¹⁸.

Стремительно возросшее число приговоров с применением уголовно-репрессивных мер стало основанием для проведения Прокуратурой РСФСР проверки деятельности органов юстиции Свердловской области по делам о противодействии стахановскому движению. Отметив «массовость в деле привлечения к ответственности — по 197 делам привлечено 288 человек — и применения уголовной репрессии по ряду таких дел, где можно было ограничиться лишь общественным воздействием», республиканской Прокуратурой было прекращено производство 28,4 % уголовных дел, а число осужденных сократилось на 27 %¹⁹. Подобная картина складывалась не только в Свердловской области, но и в других регионах Советского Союза.

На основании выявленных материалов 13–14 марта 1936 года Президиум Верховного суда РСФСР постановил: «Ряд судов, в том числе областных и краевых, неправильно поняли свою задачу в деле борьбы с противодействием стахановскому движению. Проверка показала, что в ряде случаев суды не сумели выявить подлинное классовое лицо врагов стахановского движения. Имели место случаи, когда дела, связанные с угрозами в отношении стахановцев, расценивались не как политические, а как бытовые.

¹⁶ Орлов 1936, 6.

¹⁷ Ботвинник, Орлов 1936, 4–6.

¹⁸ На протяжении 1936 года издание НКЮ РСФСР «Советская юстиция» (выходило 3 раза в месяц) в каждом номере приводило примеры из правоприменительной практики по делам о противодействии стахановскому движению.

¹⁹ Орлов 1936, 8–11.

Вместе с тем во многих случаях суды неправильно осуждали как врагов стахановского движения отдельных отсталых рабочих за неправильные высказывания, говорящие о непонимании ими своих задач в деле развития стахановского движения, или плохо справляющихся со своей работой в новых условиях работников из техническо-административного персонала, за такие высказывания, которые совсем не говорят о противодействии стахановскому движению или саботаже»²⁰.

В качестве примера можно привести ряд дел, прекращенных по предложению Прокуратуры РСФСР. 29 декабря 1935 года литейщики артели «Смычка» Требухов и Михайлов в состоянии алкогольного опьянения заявили стахановцу Кучкову, что «отберут у него часы, полученные им в премию», и отдадут его под суд. За эти слова 26 января 1936 года народный суд г. Свердловска приговорил Требухова и Михайлова по ч. 2 ст. 73.1 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы соответственно. Материалами проверки было установлено, что осужденные считали другого стахановца (Медведева) более достойным премирования, нежели Кучков, поскольку Медведев ежемесячно перевыполнял план на 400%. При прохождении дела в кассационной инстанции областного суда приговор в отношении Требухова остался без изменения (была установлена неоднократность подобного рода высказываний в адрес Кучкова), а в отношении Михайлова приговор был отменен и вынесено определение ограничиться мерами дисциплинарного характера²¹.

Инженер Р. был осужден Свердловским облсудом по ст. 58.14 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы за «невыполнение распоряжения начальника цеха по Чусовскому заводу о прикреплении к грузчику-стахановцу лошади для усиления производительности труда». Кроме того, как гласит приговор, 23 ноября 1935 года на собрании рабочих смен при обсуждении вопроса о принятии обязательств по выплавке 80 тонн чугуна вместо 40 Р. заявил, что можно выработать только 50 тонн. По делу установлено, что Р., будучи «консервативным элементом в среде инженерно-технических работников, как руководитель и начальник смены просто не соответствовал своему назначению». Дело в отношении Р. по предложению Прокуратуры республики было прекращено Верховным судом РСФСР²².

Рабочий Ураласбесткомбината слесарь В. был осужден к 3 годам лишения свободы по ст. 58.10 УК РСФСР, поскольку в вину ему вменялось то, что он «встал на путь прямой агитации против развития стахановского движения в цехе и наносил угрозы стахановцам Панову и Куксенко»²³. Материалами проверки по вынесенному приговору было установлено, что В., будучи бригадиром-слесарем, работал отлично, сам был передовиком производства и направлялся на областной слет стахановцев, однако поехать на него не смог по личным обстоятельствам. Слова в адрес Панова: «Таких, как ты, стахановцев убивать надо» — были сказаны по мотивам личной неприязни в ходе ссоры с Пановым, возникшей исключительно по вине последнего. Приговор в отношении В. был отменен, материалы дела направлены на рассмотрение производственно-товарищеского суда, которому рекомендовано, в том числе, обсудить и поведение Панова²⁴.

²⁰ Орлов 1936, 3.

²¹ Орлов 1936, 8–11.

²² Орлов 1936, 8–11.

²³ Орлов 1936, 8–11.

²⁴ Орлов 1936, 8–11.

Эти случаи показывают, что в значительной мере большинство вынесенных обвинительных приговоров по делам, связанным с сопротивлением стахановскому движению, подменяло собой разъяснительную работу в среде рабочих и административно-технического персонала, о которой говорил Сталин в своей речи на съезде стахановцев. Формулировки, используемые в приговорах, порой представляются абсолютно нереальными, надуманными и фантастичными: «не возглавил движение стахановцев», «не организовал борьбу с прогулами», «не проявил организаторских способностей», «выступал на собрании с сомнениями о возможности выполнения повышенного плана» и т. д. К сожалению, не все подобные обвинительные приговоры были отменены в вышестоящих судах в порядке пересмотра.

Так или иначе, к 1937 году акцент в деятельности органов правопорядка Советского Союза постепенно был перенесен на решение «других задач» — на первое место вышла печально известная борьба с вредительством, поиск врагов народа во всех сферах советского общества, гипертрофированная шпиономания, что в итоге привело к одним из наиболее трагичных моментов в истории страны Советов.

Со временем сошло на нет само стахановское движение и, соответственно, деятельность правоохранительных органов по его защите и укреплению. Но все же, опираясь на многочисленные установленные факты преступных проявлений, иные информационные материалы, поступавшие из правоохранительных органов с мест, руководство страны и местных органов государственной власти принимало соответствующие меры по координации стахановского движения. Благодаря этому выросла производительность труда во многих отраслях промышленности и сельского хозяйства, что, безусловно, дало толчок к дальнейшему развитию государства в целом, позволило укрепить его мощь и обороноспособность.

ЛИТЕРАТУРА

Ботвинник С., Орлов Р. 1936: Судебная практика по делам о противодействии стахановскому движению // СЮ. 8, 4–6.

Карпинский В. 1936: Стахановское движение. М.

Майер Р. 1993: О чудесах и чудовищах: стахановское движение и сталинизм // Отечественная история. 1, 56–66.

Маркин Н. 1935: Стахановское движение // Бюллетень оппозиции (большевиков–ленинцев). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lizard.jinr.ru/tina/world/history/trozky/bltn/47/Main.html>

Орлов Р. 1936: Судебная практика органов юстиции Свердловской области по делам о сопротивлении стахановскому движению // СЮ. 11, 8–11.

Сталин И. 1997: Сочинения. Т. 14. М.

Фельдман М. 2010: История стахановского движения: между реальностью и мифологией // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития: сборник научных статей. Челябинск.

Хаустов В., Самуэльсон Л. 2009: Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.

STAKHANOV'S PEOPLE PROTECTED BY SOCIALIST LAW
(THE USSR LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES AGAINST OPPOSITION
TO STAKHONOVITE MOVEMENT)

A. V. Gotsulenko

The article deals with the pre-war USSR law-enforcement bodies protecting Stakhanov's people and Stakhanov's movement against opposition. The author analyzes standard legal acts and archive materials of the period to identify principal legal issues concerning NKVD officers, public prosecutor's office, and court of law to determine the guidelines for their specified activities.

Key words: Stakhanov's movement, the USSR law-enforcement bodies history, criminal procedure, criminal law, repressions

© 2013

Г. Е. Корнилов

УРАЛО-КУЗБАСС В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ*

В статье анализируется процесс накопления исторических знаний по одному из наиболее значимых экономических проектов СССР — созданию второй угольно-металлургической базы, Урало-Кузнецкому комбинату. Анализ историографической ситуации показал, что обобщающих исследований по истории Урало-Кузбасса не создано, не оценена его роль в стратегии хозяйственного освоения восточных регионов страны.

Ключевые слова: индустриализация в СССР, Урало-Кузнецкий проект, историография

Проблема изучения Урало-Кузбасса имеет длительную историографическую традицию. Прежде всего это работы, относящиеся к советскому периоду развития отечественной исторической науки. Многие из них до сих пор не утратили своего научного значения. Однако по большому счету их отличала одна общая черта. Они были нацелены не столько на реконструкцию объективной реальности исторического процесса, сколько на выполнение социального заказа по обоснованию преимуществ социализма. Потому в советской историографии главное внимание уделялось успехам в реализации планов партии по созданию второй угольно-металлургической базы страны, доказательству их научной основательности и соответствия коренным интересам общественного развития. Особое значение отводилось прославлению трудового подвига советского народа, с небывалым энтузиазмом преодолевавшего естественные трудности в возведении материально-технического фундамента социализма.

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Отделения истории Института истории и археологии УО РАН. E-mail: ii-history@mail.ru

*Выполнено при поддержке гранта РГНФ-Урал, проект № 12-11-66008а/У.

Корпус литературы по индустриальной части Урало-Кузнецкого комбината (УКК) позволяет выделить экономические, экономико-географические и исторические работы. В 1930–1950-е гг. вышел ряд монографий, в которых авторы на основе опубликованных материалов, документов партии и правительства исследовали лишь некоторые тенденции процесса формирования отраслей «первого дивизиона» промышленности страны¹.

Вместе с тем в исследовании темы имеется существенный историографический задел. Идея экономического освоения восточных территорий страны, широкого использования их естественных богатств была выдвинута ещё в 90-х гг. XIX в. в связи со строительством Транссибирской железной дороги. Она развивалась в «Зауральском плане» С. Ю. Витте, его лекциях и выступлениях², в экономических работах Д. И. Менделеева³, трудах XVII–XXI съездов уральских горнопромышленников (1912–1916 гг.). В частности, речь шла о переводе уральской металлургии на каменноугольное топливо на базе каменного угля Кузбасса. Но эти проектировки освещены весьма фрагментарно. Об этом, в частности, много писал С. П. Фармаковский. Его проекты объединения рудного дела Урала и перехода на сибирский кокс включали целый комплекс взаимосвязанных мер, направленных на преодоление кризиса горнозаводской промышленности Урала⁴.

Под руководством Отдела металла Высшего Совета Народного Хозяйства весной 1918 г. начал разрабатываться проект развития производительных сил Урала и Кузбасса, предполагавший объединение их горно-металлургической промышленности в единый комбинат. Эти первые научные подходы к разработке проблемы частично освещены в работах В. С. Голубцова и А. В. Бакунина⁵. В них также заметно внимание уделено плану ГОЭЛРО, предусматривавшему перевод уральской металлургии на минеральное топливо за счёт использования каменного угля восточных районов.

Переход к практическому воплощению в жизнь проекта Урала-Кузбасса был положен в 1927 г. специальными постановлениями Совета Труда и Оборона СССР (СТО), предусматривавшими строительство крупных металлургических заводов в Магнитогорске и Кузнецке, создание в Свердловске большого завода тяжёлого машиностроения союзного значения (УЗТМ). Последний должен был стать составной частью Урало-Кузнецкого металлургического комбината, который рассматривался в качестве локомотива экономики двух огромных регионов — Урала и Сибири⁶.

Однако в имеющейся литературе отсутствует детальный анализ дискуссии о перспективах развития металлургии Урала и Юга России, нашедшей отражение в спорах между представителями Украины и Урала на XV съезде (1927 г.) и XVI Всесоюзной партконференции (1929 г.) ВКП(б). Хотя в ряде работ того времени имелось обоснование различных точек зрения⁷. Важные сведения из истории раз-

¹ Сахаров 1934; Аракелян 1938; 1947; Локшин 1956; Ляшенко 1957; Погребинский 1959 и др.

² Витте 1991.

³ Менделеев 1991.

⁴ Фармаковский 1908; 1909; 1913; Неклюдов 2011, 16.

⁵ Голубцов 1975; Бакунин 1981.

⁶ Кузьмина 1965; Галигузов, Чурилин 1978.

⁷ Степанов 1926; Федорович 1926; Диманштейн 1927; Урало-Кузнецкий комбинат 1931; Васютин 1932; Колоссовский 1932; Губкин 1932 и др.

работки Урало-Кузнецкой проблемы и хода её реализации, внутрипартийной борьбы вокруг этой проблемы содержатся в ряде других работ, вышедших в 1930-е гг.⁸

После XX съезда КПСС круг работ по индустриальной части народнохозяйственного комплекса страны расширился. Однако, несмотря на углубленный по сравнению с предыдущими годами подход ученых к изучению проблемы, и в этот период далеко не все ее аспекты стали предметом анализа.

История возникновения и реализации идеи Урало-Кузбасса активно изучалась с конца 1950-х гг. Были изданы историко-экономические очерки опубликованы сборники документов и материалов⁹. В них, а также в монографиях А. Ф. Хавина, В. И. Касьяненко, П. Б. Жибарёва, А. В. Венедиктова, В. З. Дробижера и др. давалось систематическое описание процесса развития промышленности в годы предвоенных пятилеток, отмечались важнейшие закономерности и специфика советской индустриализации, освещалась в общем плане проблема создания Урало-Кузбасса¹⁰. Шаг вперед в изучении истории индустриализации был сделан в 1960-е — первой половине 1980-х гг. Появились исследования по истории народного хозяйства, где характеризовались производственные показатели развития различных отраслей, в том числе тяжелой промышленности Урала. Общим недостатком литературы тех лет был её излишне бравурный тон, преувеличение успехов социалистической индустриализации.

В конце 1980-х гг. произошел пересмотр многих аспектов политики индустриализации как в области планирования, так и создания механизма реализации намечавшихся перспектив. В литературе появились более взвешенные оценки достигнутых рубежей в области создания индустриальной экономики в 1930-е гг., чем это было ранее¹¹.

В трудах советских экономистов, посвященных развитию планирования в СССР, — С. Г. Струмилина, И. А. Гладкова, А. И. Залкинда и Б. П. Мирошниченко, З. К. Звездина, А. Д. Курского, Г. М. Сорокина — были освещены главным образом общие вопросы народнохозяйственного планирования и территориального размещения индустриальных объектов на востоке страны¹².

Крупным вкладом в исследование методологии и практики размещения предприятий и отраслей народного хозяйства, прежде всего промышленности, в народнохозяйственных планах стала коллективная монография, написанная под руководством В. П. Можина¹³. В работе обобщался исторический опыт СССР по планированию размещения производительных сил. В исследовании подчеркивалось, что Госплан СССР рассматривал народное хозяйство страны, отрасли промышленности Урала, Западной Сибири и сопредельных территорий в едином

⁸ Тиунов 1931; Ведерников, Усыскин 1931; Епифанский 1931; Нелюбин 1931; Деменёв 1932; Кржижановский 1932; Мудрик 1932; Эвенчик 1932; Берёзов 1933; 1935; Вейнгаартен 1933; Курский 1933; Гуревич 1935 и др.

⁹ Гладков 1960; 1963; Звездин, Рогачевский 1959; Звездин, Залого, Левина 1969; Звездин, Залого, Кулькова 1970; Зуйков 1967; 1984; Дробижев 1968 и др.

¹⁰ Венедиктов 1961; Вдовин, Дробижев 1976; Жибарев 1969; 1967; Касьяненко 1972; Хавин 1962 и др.

¹¹ Гордон, Клопов 1989; Лельчук 1989; Козлов 1989; Лацис 1989; Афанасьев, Смирнов 1989; и др.

¹² Гладков 1960; Гладков 1968; Саркисян, Кириченко, Майер 1977; Сорокин 1978; Струмилин 1980; Залкинд, Мирошниченко 1984.

¹³ Можин, Кистанов, Лаврищев 1985.

комплексе, проектируя в широких масштабах общехозяйственное и технологическое комбинирование различных предприятий.

Определенный интерес при изучении УКК составили работы экономико-географов. Теоретическую работу по осмыслению территориальной организации промышленного производства вел в конце 1930-х и на протяжении 1940-х гг. Н. Н. Колосовский, который фактически оформил самостоятельную систему взглядов о территориально-производственных комплексах в виде общих представлений, раскрывающих процессы формирования и функционирования комплексов как звеньев материально-технической базы социалистического государства¹⁴.

В работах экономико-географов высказываются различные точки зрения об образовании и назначении экономических районов. Одни полагали, что районы образуются в результате размещения отдельных отраслей в местах, «благоприятных» для их развития, и нужны для того, чтобы учесть территориальные сдвиги в производстве. Другие считали, что экономические районы возникают как закономерные сочетания многих производств, развивающихся по «объективным» экономическим законам, овладев которыми общество получает возможность в «плановом порядке» организовать не отдельные отрасли, а районные комплексы и их системы¹⁵.

Региональная историография по проблемам формирования УКК начала складываться в 1920–1930-е гг. Не могли современники пройти мимо важнейшей проблемы, стоявшей перед страной, — создания второй угольно-металлургической базы. В работах ставились вопросы, связанные с созданием внутри УКК на «основе специализации и комбинирования системы хозяйственных комплексов — узлов», определялись перспективы создания на Урале и в Западной Сибири всесторонне развитого, мощного индустриального комплекса с «гармоничной увязкой его отраслей»¹⁶. Среди авторов, пропагандировавших в печати идеи Урало-Кузнецкого комбината, были сотрудники Госплана СССР (В. Ф. Васютин, Н. Н. Колосовский, Г. М. Кржижановский, В. В. Куйбышев, А. Д. Курский), которые в своих публикациях заостряли вопросы специализации и кооперирования, комплексного развития региона. В. В. Куйбышев «призывал» не связывать проблему УКК только со строительством Магнитки и Кузнецка. Учитывая разнообразие сырьевых ресурсов, ставилась задача развертывания «вокруг» Кузнецка и Магнитки целого ряда других строителей¹⁷.

Труды, написанные современниками и активными участниками событий на основе текущих материалов, закладывали основы, намечали направления дальнейшего исследования территориальной организации промышленного производства в Урало-сибирском регионе.

Непосредственно Урало-Кузбассу посвятили свои монографии уральские историки. П. Г. Матушкин проследил предысторию появления проекта, уходящую в дореволюционное прошлое России, рассмотрел выдвинутый в 1918 г. план

¹⁴ Колосовский 1958; 1969.

¹⁵ Бери 1954; Фейгин 1958; Алимпиев 1959; 1963; Лаврищев 1964; Кистанов 1968; 1970; Пробст 1971; Бандман 1980.

¹⁶ Тиунов 1931; Ведерников, Усыскин 1931; Епифанский 1931; Нелюбин 1931; Деменёв 1932; Кржижановский 1932; Мудрик 1932; Эвенчик 1932; Берёзов 1933; 1935; Вейнгартен 1933; Курский 1933; Гуревич 1935.

¹⁷ Куйбышев 1958, 259.

создания на Урале прочной металлургической базы путём организационно-технического объединения промышленной жизни Урала и Западной Сибири, показал процесс разработки нескольких проектов «Урало-Кузбасса», исследовал историю строительства крупных металлургических заводов-гигантов в Магнитогорске и Кузнецке¹⁸. А. В. Бакунин отметил крупные сдвиги в структуре уральской промышленности в этот период, завершение создания Урало-Кузнецкого комбината¹⁹. В. Н. Зуйков исследовал строительство в регионе гигантов тяжёлой индустрии, борьбу за высокие темпы их строительства, масштабы развернувшейся индустриализации, указал, что накопленный опыт хозяйствования и планирования во многом видоизменили ранее сформулированные целевые установки первого пятилетнего плана, позволили не только уточнить пятилетку для Урало-Кузбасса, но и в сущности составить её заново²⁰. Основной приоритет в создании второй угольно-металлургической базы историк В. М. Савостенко отдает партийным организациям²¹.

Проблемой Урало-Кузбасса занимались и сибирские историки. В частности, ими изданы содержательные работы, посвящённые истории создания Кузнецкого металлургического комбината²². Характеристика УКК как комплексной и многоцелевой программы по развитию и размещению производительных сил Сибири дана в монографии, вышедшей под редакцией Б. П. Орлова. В работе подчеркивается, что при проектировании объектов УКК практически были использованы идеи, которые впоследствии (в 1960-е гг.) легли в основу методологии системного подхода²³.

Хотя все эти работы не утратили научной ценности, следует отметить одну присущую им особенность. По большому счету они были нацелены не столько на объективную реконструкцию исторического процесса, сколько на обоснование преимуществ «социалистического выбора», пропаганду успехов и достижений в реализации планов «социалистического строительства». Отсюда некорректность многих оценок и выводов, замалчивание важных событий, односторонность суждений. Они обобщили материал по различным отраслям промышленности региона, сыгравшего важную роль в индустриализации страны. В то же время исследователи, говоря о «комплексности» развития уральской промышленности, не в полной мере анализировали этот процесс с точки зрения взаимодействия отраслей основной специализации, формирования промышленных узлов, диспропорций, возникших в ходе индустриального строительства.

В 1960–1980-е гг. над историей Магнитогорского металлургического комбината (ММК) трудились ученые-историки, были изданы воспоминания, сборники статей, научно-популярные издания, проводились научные конференции. С конца 1950-х гг. стали появляться кандидатские диссертации по истории строительства и освоения ММК, они все были написаны в историко-партийном плане, поскольку историю советского времени считали неразрывной от истории ВКП(б) — КПСС²⁴.

¹⁸ Матушкин 1966.

¹⁹ Бакунин 1968.

²⁰ Зуйков 1971.

²¹ Савостенко 1981.

²² Полянская 1957; Жеребин 1973.

²³ Орлов 1974.

²⁴ Брион 1957; Зуйков 1957; Корольков 1959.

Частичное открытие архивов и расширение исследовательских возможностей позволили наладить выпуск сборников статей и проводить научные конференции по истории ММК. В 1967 г. в Магнитогорске прошла научная конференция «Становление и развитие города Магнитогорска». Среди опубликованных в то время материалов выделяются статьи В. Г. Сержантова, поскольку автор ввел в научный оборот архивные документы из центральных и местных партийных и государственных архивов. Историк исследовал проблемы формирования рабочего класса, освоения новой техники, повышения уровня грамотности и профессионального роста²⁵. В статьях А. В. Середкиной представлено формирование партийной и комсомольской организаций на ММК²⁶. Тема партийных и комсомольских организаций стала одной из основных в исследованиях историков²⁷. Р. Г. Хромова исследовала деятельность наркома Г. К. Орджоникидзе по созданию гиганта черной металлургии, его посещения Магнитки²⁸. А. Г. Колотилин впервые предпринял попытку изучения роли иностранных трудящихся на Магнитострое²⁹. Информационно насыщены статьи М. Котлухужина, в которых с летописной тщательностью описывается история комбината и города³⁰. Развитие социалистического соревнования на ММК исследовал И. В. Вовк³¹. В статье В. Ф. Романова представлена квинтэссенция научных и научно-популярных работ советского времени — история строительства гиганта черной металлургии СССР у горы Магнитной и вместе с ним города — единое целое, реальное воплощение в жизнь ленинского плана индустриализации, идеи комплексного решения проблемы Урало-Кузбасса³².

Научно-популярных работ по Магнитке вышло много. Они насыщены фактическим материалом, однако в них не ставились новые проблемы, часто они писались на основе воспоминаний очевидцев, основное внимание обращалось энтузиазму людей, воспевалась романтика первостроителей, которые преодолевали все суровые климатические условия, трудности и неустроенность быта, в героическом труде шло формирование строителей нового общества. К сожалению, в этих работах отсутствует научно-справочный аппарат³³.

О строительстве комбината и города писали многие известные советские и зарубежные писатели³⁴. А. Г. Малышкин в неоконченном автобиографическом романе «Люди из захолустья» показал, что Магнитку строила вся страна. В статье, не опубликованной при его жизни, он описывал свою поездку в июне 1931 г. на строительство комбината³⁵.

Известный советский писатель В. В. Катаев на основе подлинных фактов, собранных на Магнитострое, написал роман «Время, вперед» (в заголовок поставлены слова В. В. Маяковского), основной темой которого стало строительство

²⁵ Сержантов 1959, 172–255; 1969, 99–148; 1969а, 147–162.

²⁶ Середкина 1969, 149–164; 1979, 90–97.

²⁷ Гараев 1971, 22–29; Решетко 1975, 55–62.

²⁸ Хромова 1970, 20–26.

²⁹ Колотилин 1967, С. 18–26.

³⁰ Котлухужин 1981, 1982.

³¹ Вовк 1962, 207–210.

³² Романов 1975, 102–114.

³³ Бумажный, Морозов 1958; Кондаков 1962; Васильев, Иванов 1964; Петров 1971; Магнитка: краткий исторический очерк 1971; Галигузов, Чурилин 1978; Магнитка: полвека в строю 1981 и др.

³⁴ Фадеев 1979, 303–451; Арагон 1985, 49–51; Нариньяни 1974, 66–81; и др.

³⁵ Малышкин 1988; 1988а, 83–85.

комбината и города. Через 35 лет он вновь посетил Магнитогорск и опубликовал свои впечатления: «Магнитогорск, потонувший в облаках морозного, солнечного тумана, был сказочно хорош в своем царственно русском горностаевом убранстве, — город осуществленной мечты»³⁶.

Выдающийся журналист В. М. Песков назвал Магнитку «железным городом», в котором сталь научились катать до бумажной тонкости, отметил, что без Магнитки вряд ли мог устоять Сталинград, и сделал вывод, что «из всех работ на земле, выполненных в этом веке, едва ли не самая удивительная — Магнитка»³⁷.

В 1991 г. вышли на русском языке воспоминания американца Джона Скотта, работавшего в 1932–1937 гг. в Магнитогорске. Автор соперничал всем успехам и неудачам на строительстве комбината и города, глубоко сочувственно относился ко всем магнитогорцам, тем не менее он не склонен был все ошибки, неизбежные в этом большом деле, принимать за враждебные проявления «классового врага»³⁸.

Тема первых руководителей Магнитки появляется только во второй половине 1980-х гг. Легендарный металлург А. П. Завенягин говорил, что Магнитку воздвигли, в сущности, три богатыря: Я. С. Гугель, Л. М. Марьясин и К. Д. Валериус³⁹. Все трое были расстреляны в конце 1930-х гг. Сам Завенягин был направлен начальником строительства в Норильск. Любимец Магнитостроя Чингиз Ильдрым был расстрелян в Сухановской тюрьме в 1941 г. Расстрелян и первый директор Магнитостроя В. А. Смольянинов, и управляющий Магнитостроем в 1930 г. Я. П. Шмидт, и прославленный бригадир первостроителей кавалер ордена Ленина В. Е. Калмыков. Первый главный инженер В. А. Гассельблат умер от истощения в лагере близ Ухты. Публикации о руководителях и первостроителях Магнитки, которые избежали сталинских репрессий, стали появляться в 1970-е гг. Несколько книг посвящено «маршалу индустрии» А. П. Завенягину⁴⁰. Позже вышли статьи о репрессированных секретарях Магнитогорского горкома ВКП(б) — Р. М. Хитарове, В. В. Ломинадзе, Ч. И. Ильдриме⁴¹. Отдельные публикации, хотя и в меньшем количестве, посвящены первостроителям Б. П. Боголюбову, Н. Н. Патрикееву, Х. Галиуллину, А. М. Исаеву, П. И. Коробову и др.⁴²

Историографический интерес представляют публикации участников событий, в которых в эмоциональной форме представлены оставшиеся в памяти главные события в жизни комбината. О строительстве первой домны повествует А. Гарри. Первый нарком строительства СССР С. З. Гинзбург рассказал о возведении ММК. Рассказы о людях Магнитки собраны в книге «Слово о Магнитке». Воспоминания о работе по возведению и пуску первой домны оставил Я. С. Гугель. Ф. К. Вайскопф вспоминал об условиях труда на Магнитострое. Эти публикации несут отпечаток своего времени, однако они содержат и ценную историческую информацию⁴³.

³⁶ Кагаев 1970, 288.

³⁷ Песков 1969, 56.

³⁸ Скотт 1991.

³⁹ Завенягин 2006.

⁴⁰ Алкацев, Трошев 1975; Елфимов 1982 и др.

⁴¹ Мильчаков 1985, 473; Карелина 1988, 21–26; Полонский 1972.

⁴² Мельников 1981, 142–148, 180–185; Кожевников 1987, 53–59; Лельчук 1984, 150–152, 190–191; Шишкалов 1957; и др.

⁴³ Гарри 1967, 108–114; Гинзбург 1986; Гугель 1980, 5–25; Вайскопф 1988, 4–5; Карташев 1979 и др.

В последние годы продолжают издаваться к юбилеям Магнитки. Однако порой тексты повторяют то, что было уже издано. Ценность представляют фотографии 1930-х гг., а также материалы семейных архивов⁴⁴. Подготовлена и вышла из печати краткая энциклопедия Магнитогорска⁴⁵. Наиболее интересной среди этих публикаций является книга В. П. Баканова, в которой достаточно подробно реконструируется история строительства комбината и города, используются материалы местного архива и музеев⁴⁶.

В свете распада Советского Союза и кардинальных перемен в условиях жизни, многие прежние объяснения исторического процесса стали выглядеть по меньшей мере неубедительно. В результате произошло заметное смещение в ракурсе научного поиска. Активно стали использоваться новые методологические подходы. В концептуальном отношении, в постановке конкретных задач отечественные исследователи начали опираться и на зарубежную историографию. Это положительно сказалось на результативности работы. Появились крупные исследования, позволяющее более реалистично представить экономическое развитие страны в XX в., особенности советской экономической стратегии, цену, которую пришлось заплатить за ее реализацию⁴⁷.

О реализации программы Урало-Кузбасса специальных монографических исследований в современной отечественной и зарубежной историографии нет. Следовательно, имеющийся научный задел предложенной к изучению темы свидетельствует, что она нуждается в глубоком ретроспективном рассмотрении на основе современных методологических подходов.

В Институте истории и археологии УрО РАН ведется изучение экономических аспектов российской модели модернизации, взаимодействия социально-экономических, политических и технико-технологических факторов хозяйственного освоения Урала и Сибири. По их результатам опубликован ряд исследований. В 1994 г. издана монография А. В. Бакунина, А. Э. Бедея «Уральский промышленный комплекс»⁴⁸, в которой прослежен процесс формирования единого промышленно-экономического района главным образом в первые десятилетия Советской власти.

В 2001 г. вышла коллективная монография «Опыт российских модернизаций XVIII–XX века»⁴⁹, в которой процессы модернизации анализируются как на общероссийском, так и на региональном уровне на примере Урала, в том числе показано изменение технико-экономических параметров региона в ходе сталинской индустриализации. В монографии В. В. Запария показано значение уральской металлургии в контексте российской модернизации⁵⁰.

В фундаментальном исследовании В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней»⁵¹ впервые в историографии дается отраслевой и региональный срез модернизации, имеющий принципиаль-

⁴⁴ Близнюк, Доброхотов, Рухмалев 1999; Сергеев 2003; Сарычев 2007; Комиссаров 2007.

⁴⁵ Никифоров 2002.

⁴⁶ Баканов 2001.

⁴⁷ Кудров 1997; 2008; Рязанов 1998; Попов 2000; Белоусов 2000, 28–77; Ханин 2002, 72–89; 2003; Гайдар 2005; Шестаков 2006; и др.

⁴⁸ Бакунин, Бедель 1994.

⁴⁹ Алексеев 2001.

⁵⁰ Запарий 2001.

⁵¹ Алексеев, Гаврилов 2008.

ное значение для понимания исторической динамики России. Монография представляет свод современных научных знаний о техническом оснащении уральской металлургии за все годы ее существования.

В монографии А. И. Тимошенко «Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения»⁵² на базе разнообразных исторических источников показана история идей и государственной политики, связанной с развитием промышленного потенциала Сибири, в том числе разработка и реализация масштабной программы Урало-Кузнецкого комбината.

Внимание исследователей привлекает персонифицированная история. В диссертации и монографиях В. Н. Кучеры «Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров» и «Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы советских директоров»⁵³ проанализированы особенности кадровой политики высшего руководства страны в процессе формирования и эволюции директорского корпуса крупного промышленного гиганта. Изучению повседневной жизни магнитогорцев в первой половине 1930-х гг. посвящена диссертация Н. Н. Макаровой⁵⁴. Автор изучила жилищную проблему и благоустройство города, питание и одежду горожан, становление системы здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы, досуг и семейные отношения, формы девиантного поведения.

В Магнитогорском государственном университете в декабре 2010 г. состоялась научная конференция. В опубликованных статьях содержатся интересные в научном плане материалы Н. Н. Макаровой о социально-бытовых проблемах Магнитогорска в первой половине 1930-х годов⁵⁵; В. Н. Кучера о становлении символа индустриализации СССР⁵⁶; А. Н. Макарова и Н. В. Черновой об ударничестве и стахановцах⁵⁷; Л. П. Спасовой об иностранцах на Магнитострое⁵⁸; А. Г. Дорожкина о смене руководства городом летом 1933 г.⁵⁹ Публикации свидетельствуют об углублении и расширении тематики исследований.

Сотрудники академических институтов истории Екатеринбурга и Новосибирска подготовили сборник статей и документов⁶⁰, а также тематический выпуск журнала «Уральский исторический вестник» (2011, № 1). В них представлены исследования, посвященные различным аспектам создания Урало-Кузбасского промышленного комплекса. Проанализирована роль Урало-Кузбасса в советской экономической стратегии, его место в ряду других мегапроектов регионального развития. Рассмотрена такая практически неисследованная тема, как геоэкономические основания Урало-Кузбасского проекта. Ряд статей посвящен предыстории Урало-Кузбасской программы: от появления замысла до дискуссий и решений советского правительства по ее претворению в жизнь. Представленные материалы достаточно убедительно свидетельствуют о наличии преемственности в выборе приоритетов экономической политики, несмотря на смену политических режи-

⁵² Тимошенко 2007.

⁵³ Кучер 2004; Кучер 2003; Кучер 2011.

⁵⁴ Макарова 2010.

⁵⁵ Макарова 2010а, 52–74.

⁵⁶ Кучер 2010, 97–117.

⁵⁷ Макаров 2010, 159–171; Чернова 2010, 172–186.

⁵⁸ Спасова 2010, 87–97.

⁵⁹ Дорожкин 2010, 117–135.

⁶⁰ Артемов, Корнилов, Ламин 2010.

мов. Подобный вывод также следует из анализа проектов транспортного обеспечения программы Урало-Кузбасса, проектировок долгосрочных («генеральных») планов развития советской экономики. Исследуется ключевая проблема создания Урало-Кузнецкого горно-металлургического комплекса — развитие промышленного потенциала страны, в том числе освещение этой темы в периодической печати тех лет. Обобщается практика использования зарубежного технико-технологического опыта, проанализированы подходы к мотивации труда и демографические последствия воплощения Урало-Кузнецкого проекта.

Историки предприняли попытку публикации документов, освещающих историю реализации Урало-Кузнецкого проекта на территории Урала. Эти вновь вводимые в научный оборот материалы призваны углубить понимание мотивов и механизмов принятия решений о создании второй угольно-металлургической базы страны, а также отражают результаты осуществления избранного курса. Документальную публикацию следует рассматривать как важный, но далеко не последний шаг в выявлении новых, прежде всего архивных, источников по проблеме.

Заметным явлением в историографии последних лет является издание книги «Магнитка и Победа» (научный редактор М. Н. Потемкина)⁶¹. Авторы шестую часть книги посвятили довоенному периоду. Они точно отметили, что с самого начала планировалось построить не только современный металлургический завод в кратчайшие сроки, но создать новый по сути и содержанию советский город.

Одной из последних наиболее заметных вышедших работ является статья М. А. Фельдмана. Исследуя проблему создания Урало-Кузнецкого комплекса, он приходит к выводу, что проект УКК к концу 1930-х гг. не вышел за рамки межрайонного сотрудничества и комбинирования в одной отрасли — черной металлургии, чему мешала ускоренная милитаризация народного хозяйства. Историк считает, что сроки реализации проекта Урало-Кузбасса ограничиваются периодом 1930–1937 гг. Решение о создании УКК, разработка нормативно-правовых и плановых документов было закреплено в решениях XVI съезда ВКП(б) в июне 1930 г. После 1937 г. программа УКК перестала фигурировать в государственных планах в качестве отдельной экономической задачи⁶².

Достаточно высок интерес к проблемам социально-экономического развития Урало-Сибирского региона в XX веке в зарубежной литературе. В трудах Ш. Фитцпатрик, Х. Куромии⁶³ исследованы вопросы социальной эволюции в российском обществе в результате индустриализации, в том числе в восточных регионах. Немецкий исследователь Л. Эррен проанализировал градостроительство на Урале. Трудно согласиться с автором, что историю планирования города Магнитогорска можно характеризовать как «прекрасный пример хаотического положения, царившего на больших стройках времен первой пятилетки»⁶⁴.

В книге С. Коткина «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» («Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization») анализируются социально-экономические процессы 1920–30-х гг. на примере города Магнитогорска как нового поселения с его производственной и социальной инфраструктурой⁶⁵. Автор стремился пока-

⁶¹ Потемкина 2010.

⁶² Фельдман 2011, 217–222.

⁶³ Фитцпатрик 2008; Kuromia 1998; и др.

⁶⁴ Эррен 2003, 151–163.

⁶⁵ Kotkin 1995.

зять, как в годы первых пятилеток в СССР происходило формирование новой социалистической цивилизации. С. Коткин подчеркнул влияние на большевистскую идеологию утопических элементов марксизма, восходящих к эпохе Просвещения, охарактеризовал сталинский режим как «теократию», а коммунистическую идеологию как форму религии, партийные чистки — как разновидность инквизиции⁶⁶. Этот противоречивый вывод вызвал дискуссию среди зарубежных историков⁶⁷. С. Коткин показал, что советское общество 1930-х гг. функционировало как система правил, включая правило идентификации. Система взаимоотношений показана Коткиным как динамичная сеть социальных контактов, как «пейзаж возможностей», в котором горожане действовали конформистски.

Зарубежные исследователи практически не изучали проблему Урало-Кузбасса и его роли в развитии экономики страны.

В постсоветское время ракурс исследований расширился. Однако и сегодня можно констатировать, что имеющаяся литература не дает полного представления об объективных причинах возникновения идеи Урало-Кузбасса, о том, как она облекла форму программы, и как последняя трансформировалась во времени, чем это было вызвано, какие средства и механизмы использовались для ее реализации, какое место она занимала в экономической стратегии страны. Нет и развернутого сопоставления декларируемых целей и достигнутых результатов. Для решения выдвинутых задач требуется тщательная проработка исторических документов, введение в научный оборот новых исторических источников. Только исторические источники помогут понять историческое прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

- Аламтеев П. М.* 1959: Экономическое районирование СССР. Кн. 1. М.
Аламтеев П. М. 1963: Экономическое районирование СССР. Кн. 2. М.
Алексеев В. В. (ред.) 2001: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.
Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. 2004: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М.
Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. 2008: Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.
Алкацев Д. К., Трошев Ж. П. 1975: Авраамий Завенягин. Очерк жизни и деятельности. Красноярск.
Арагон Л. 1985: Магнитогорск // Французские писатели о Стране Советов. Л., 49–51.
Аракелян А. А. 1938: Основные фонды промышленности СССР. М.
Аракелян А. А. 1947: Управление социалистической промышленностью. М.
Артемов Е. Т., Корнилов Г. Е., Ламин В. А. (ред.) 2010: Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов. Екатеринбург.
Афанасьев В. Г., Смирнов Г. Л. (ред.) 1989: Урок дает история. М.
Баканов В. П. 2001: Испытание Магниткой. Магнитогорск.
Бакунин А. В. 1968: Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке. 1933–1937 гг. Свердловск.
Бакунин А. В. 1981: Индустриальный Урал в трудах В. И. Ленина. М.
Бакунин А. В., Беделъ А. Э. 1994: Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург.

⁶⁶ Kotkin 1995, 6–8, 24. См. русский перевод отрывка из книги, сделанный Н. А. Михалевым: Коткин 2011, 77–81.

⁶⁷ См.: Hedin 2004, 166–180.

- Бандман М. К.* 1980: Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск.
- Белоусов А.* 2000: Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2, 28–77.
- Берёзов Н. Ф.* 1933: Размещение чёрной металлургии. М.
- Берёзов Н. Ф.* 1935: Чёрная металлургия Урала. Свердловск.
- Бери Л. Я.* 1954: Специализация и кооперирование в промышленности СССР. М.
- Близнюк В. З., Доброхотов Н. Д., Рухмалев С. А.* (ред.) 1999: Надежда и опора. М.
- Брион И. В.* 1957: Партия большевиков в борьбе за строительство Магнитогорского комбината (1929–1931 гг.). М.
- Бумажный А. О., Морозов М. Г.* 1958: Магнитогорск. М.
- Вайскопф Ф. К.* 1988: Раз-два, взяли // Ровесник. 10, 4–5.
- Васильев Г., Иванов А.* 1964: Большая Магнитка. Челябинск.
- Васютин В. Ф.* 1932: Урало-Кузнецкий комбинат во второй пятилетке. М.
- Вовин А. И., Дробижев В. З.* 1976: Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М.
- Ведерников В., Усыскин С.* 1931: Урало-Кузнецкий комбинат. Свердловск.
- Вейнгаартен С. М.* 1933: Очерки экономики советской чёрной металлургии. Л.
- Венедиктов А. В.* 1961: Организация государственной промышленности в СССР. Т. 2. 1921–1934. Л.
- Витте С. Ю.* 1991: Избранные произведения. 1849–1911 гг. М.
- Вовк И. В.* 1962: «Даешь Магнитку!» // ВИ. 4, 207–210.
- Гайдар Е. Т.* 2005: Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.
- Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* 1978: Флагман отечественной индустрии. М.
- Гараев Г. Г.* 1971: Из истории образования и укрепления Магнитогорской партийной организации (1929–1931 гг.) // В борьбе за коммунизм. Сборник научных статей Магнитогорского горно-металлургического института. Вып. 105. Магнитогорск, 22–29.
- Гарри А.* 1967: Сердце гиганта (Магнитострой летом 1931 года) // Репортаж с места событий. М., 108–114.
- Гатовский Л. М.* (ред.) 1957: Советская социалистическая экономика. 1917–1957. М.
- Гинзбург С. З.* 1986: О прошлом — для будущего. М.
- Гладков И. А.* (ред.) 1960: Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932 гг. М.
- Гладков И. А.* (ред.). 1963: Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М.
- Гладков И. А.* 1960: В. И. Ленин о социалистическом планировании народного хозяйства. М.
- Гладков И. А.* 1968: Первая пятилетка — пятилетка построения фундамента социалистической экономики // Шаги пятилеток: сборник. М.
- Голубцов В. С.* 1975: Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти. 1917–1923 гг. М.
- Гордон Н. А., Клопов Э. В.* 1989: Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.
- Губкин И. М.* (ред.) 1932: Проблемы Урало-Кузнецкого комбината // Труды Академии наук СССР. Ч. I. М.
- Гугель Я.* 1980: Воспоминания о Магнитке // Рифей. Уральский литературный краеведческий сборник. Челябинск, 5–25.
- Гуревич А. И.* 1935: Победа партии: Чёрная металлургия к VII съезду Советов СССР. М.
- Деменёв Н.* 1932: Цветная металлургия в Урало-Кузнецком комбинате. М.
- Диманштейн Я. Б.* 1927: Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза. Харьков.

- Дорожкин А. Г.* 2010: «Августовский кризис» 1933 г. на Магнитке в отражении «Магнитогорского рабочего» // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 117–135.
- Дробижев В. З.* (ред.) 1968: Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг.: сборник документов. М.
- Елфимов Ю. Н.* 1982: Маршал индустрии. Биографический очерк о А. П. Завенягине. Челябинск.
- Епифанский А.* 1931: Урало-Кузбасс. Л.
- Жеребин Б. Н.* (ред.) 1973: История Кузнецкого металлургического комбината им. В. И. Ленина. М.
- Жибарев П. Б.* 1967: Борьба Коммунистической партии за социалистическую индустриализацию СССР. М.
- Жибарев П. Б.* 1969: Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М.
- Завенягин А. П.* 2006: Личность и время. М.
- Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П.* 1984: Очерки развития народнохозяйственного планирования. М.
- Запарий В. В.* 2001: Черная металлургия Урала. XVIII–XX века. Екатеринбург.
- Звездин З. К., Залогова М. Ф., Кулькова М. И.* 1970: Индустриализация СССР. 1929–1932 гг.: сборник документов. М.
- Звездин З. К., Залогова М. Ф., Левина С. Р.* 1969: Индустриализация СССР. 1926–1928 гг.: сборник документов. М.
- Звездин З. К., Рогачевский Л. С.* 1959: Первые шаги индустриализации СССР: 1926–1927. Сборник документов. М.
- Золотарев А. О.* (ред.) 1931: Урало-Кузнецкий комбинат. Техничко-экономическая модель. М.; Л.
- Зуйков В. Н.* 1957: Комсомол на строительстве и освоении Магнитогорского металлургического комбината (1929–1933 гг.). М.
- Зуйков В. Н.* 1967: История индустриализации Урала (1926–1932): сборник документов. Свердловск.
- Зуйков В. Н.* 1971: Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932 гг. М.
- Зуйков В. Н.* 1984: История индустриализации Урала (1933–1937): документы и материалы. Свердловск.
- Карелина Е.* 1988: Первый секретарь // Политический собеседник. 22, 19–21.
- Карташев Н.* (ред.) 1979: Слово о Магнитке. М.
- Касьяненко В. И.* 1972: Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.). М.
- Катаев В.* 1970: Разное. М.
- Кистанов В. В.* 1968: Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР. М.
- Кистанов В. В.* 1970: Территориальная организация производства: отраслевой, районный и народнохозяйственный аспекты. М.
- Кожевников В. М.* 1987: Умение побеждать. М.
- Козлов В. А.* (ред.) 1989: Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М.
- Колосовский Н. Н.* 1958: Основы экономического районирования. М.
- Колосовский Н. Н.* 1969: Теория экономического районирования. М.
- Колосовский Н. Н.* 1932: Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.

- Колотилин А. Г.* 1967: Иностранцы трудятся на Магнитострой // Творческая деятельность рабочего класса Магнитки. Сборник научных трудов Магнитогорского горно-металлургического института. Вып. 49. Магнитогорск, 18–26.
- Комиссаров С.* (ред.) 2007: Магнитка. Крепость России. Магнитогорск.
- Кондаков А. А.* 1962: Стальное сердце Родины. М.
- Корольков В. Г.* 1959: Борьба КПСС за создание и освоение Магнитогорского металлургического комбината (1929–1933 гг.). М.
- Коткин С.* 2011: Сталинизм как цивилизация (перевод Н. А. Михалева) // Уральский исторический вестник. 1, 77–81.
- Котлухужин М.* 1981: Магнитострой — Магнитка — Магнитогорск // ПИ. 2, 6–10.
- Котлухужин М.* 1981а: Магнитострой — Магнитка — Магнитогорск // ПИ. 23, 26–30.
- Котлухужин М.* 1981б: Магнитострой — Магнитка — Магнитогорск // ПИ. 24, 13–16.
- Котлухужин М.* 1982: Магнитострой — Магнитка — Магнитогорск // ПИ. 1, 19–23.
- Котлухужин М.* 1982а: Магнитострой — Магнитка — Магнитогорск // ПИ. 2, 10–14.
- Кржижановский Г. М.* 1932: Основные моменты энергетики Урало-Кузнецкого комбината. Л.
- Кудров В. М.* 2008: Национальная экономика России. М.
- Кудров В. М.* 1997: Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М.
- Кузьмина Э. С.* (ред.) 1965: Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941). 1965. Сборник документов и материалов. Челябинск.
- Куйбышев В. В.* 1958: Избранные произведения. М.
- Курский А. Д.* 1933: Размещение промышленности в первой пятилетке. М.; Л.
- Кучер В. Н.* 2003: Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М.
- Кучер В. Н.* 2004: Формирование директорского корпуса предприятий металлургической промышленности в конце 20-х — начале 50-х гг. XX века. По материалам Магнитогорского металлургического комбината: автореф. ... канд. ист. наук. М.
- Кучер В. Н.* 2010: Создание символа индустриализации СССР. Об общем и особенном Магнитогорского инвестиционного проекта 1930-х годов // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 97–117.
- Кучер В. Н.* 2011: Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы советских директоров. М.
- Лаврищев А. Н.* 1964: Экономическая география СССР. М.
- Лацис О. Р.* 1989: Выйти из квадрата: Заметки экономиста. М.
- Лельчук В. С.* 1984: Индустриализация СССР. М.
- Лельчук В. С.* (ред.) 1989: Историка спорят: 13 бесед. М.
- Локшин Э. Ю.* 1956: Очерк истории промышленности СССР (1917–1940). М.
- Лященко П. И.* 1956: История народного хозяйства СССР. Т. 3: Социализм. М.
- Макаров А. Н.* 2010: «Страна должна знать своих героев»: ударники и стахановцы Магнитогорска в советском фоторепортаже 1930-х гг. // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 159–171.
- Макарова Н. Н.* 2010: Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Челябинск.
- Макарова Н. Н.* 2010а: «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 52–74.
- Мальшикин А. Г.* 1988: Люди из захолустья. М.

- Малышкин А. Г.* 1988а: Новые люди (Магнитострой накануне) // Молодой коммунист. 10, 83–85.
- Матушкин П. Г.* 1966: Урало-Кузбасс: Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск.
- Мельников В. Н.* 1981: Горные инженеры. Выдающиеся деятели горной науки и техники. М.
- Менделеев Д. И.* 1991: С думою о благе российском: избранные экономические произведения. Новосибирск.
- Мильчаков А. И.* 1985. Рафаэль Хитаров // Коммуны будущей творцы. М.
- Можин В. П., Кистанов В. В., Лаврищев А. Н.* 1985: Планирование размещения производительных сил СССР (Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства): в 2-х частях. Ч. I. Планирование размещения производительных сил в период построения основ, упрочения и развития социализма. М.
- Мудрик М.* 1932: Пути развития Урало-Кузнецкого комбината. Свердловск.
- Нариньяни С. Д.* 1974: Счастливый день // Журналисты рассказывают. Очерки. М., 66–81.
- Неклюдов Е. Г.* 2011: Перспективы развития горнозаводского Урала в начале XX в.: проекты С. П. Фармаковского // Уральский исторический вестник. 1, 11–16.
- Нелюбин Н. Д.* 1931: Черная металлургия Урало-Кузнецкого комбината. Свердловск; М.
- Никифоров Б. А.* (ред.) 2002: Магнитогорск: Краткая энциклопедия. Магнитогорск.
- Орлов Б. П.* (ред.). 1974: Экономические проблемы развития Сибири. Методологические проблемы развития и размещения производительных сил. Новосибирск.
- Песков В.* 1969: Путешествия с молодым месяцем. М.
- Петров Ю. Г.* 1971: Магнитка. М.
- Погребинский А. П.* 1959: Экономическое развитие СССР в период социалистической реконструкции и выполнения второго пятилетнего плана (1933–1937). М.
- Полонский Л. А.* 1972: Магнитка зовет. Страницы истории великой стройки и жизни Чингиза Ильдрыма. Баку.
- Полянская Е. М.* 1957: Из истории борьбы за создание металлургии Кузбасса. Кемерово.
- Попов В. П.* 2000. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов.
- Потемкина М. Н.* (ред.) 2010: Магнитка и Победа. Магнитогорск.
- Пробст А. Е.* 1971: Вопросы размещения социалистической промышленности. М.
- Решетко Т. Н.* 1975: Участие комсомола страны в строительстве и освоении Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина (1929–1937 гг.) // Деятельность партийных организаций Урала по созданию материально-технической базы социализма. Вып. 9, 55–62.
- Романов В. Ф.* 1975: Магнитогорский металлургический... // Вопросы истории. 9, 102–114.
- Рязанов В.* 1998: Экономическое развитие России. СПб.
- Савостенко В. М.* 1981: Деятельность КПСС по созданию второй угольно-металлургической базы СССР (1926–1937). М.
- Саркисян Г. С., Кириченко В. Н., Майер В. Ф.* 1977: Могучая поступь советской экономики. М.
- Сарычев В.* (ред.) 2007: Молодая Магнитка. Магнитогорск.
- Сахаров Г., Чернобай Н., Кабаков О.* 1934: Очерки организации тяжелой промышленности. М.
- Семиног А.* (ред.) 1981: Магнитка: полвека в строю. М.
- Сергеев В. Ф.* (ред.) 2003: Стальная река Магнитки 1933–2003. Магнитогорск.

- Середкина А. В.* 1969: Авангардная роль коммунистов в освоении Магнитогорского металлургического комбината (1932–1937 гг.) // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск, 149–164.
- Середкина А. В.* 1979: Партийное руководство комсомолом в период строительства Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина // Партийные организации Урала в борьбе за строительство основ социализма. Сборник статей Челябинского государственного педагогического института. Челябинск, 90–97.
- Сержантов В. Г.* 1959: Металлурги Магнитки в борьбе за освоение новой техники в годы второй пятилетки // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале. Сборник статей Челябинского государственного педагогического института. Челябинск, 172–255.
- Сержантов В. Г.* 1969: Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск, 99–148.
- Сержантов В. Г.* 1969а: Магнитострой. Год 1929-й // Краеведческие записки. Вып. 2, 147–162.
- Скотт Дж.* 1991: За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск.
- Сорокин Г. М.* (ред.) 1978: Пятилетние планы коммунистического строительства. М.
- Спасова Л. П.* 2010: Иностранцы на Магнитострое на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» в 1930–1933 гг. // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 87–97.
- Степанов П. Н.* 1926: Металлопромышленность Урала // Труды Комиссии по металлу при Госплане УССР. Харьков.
- Струмилин С. Г.* 1980: На плановом фронте. М.
- Тимошенко А. И.* 2007: Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Новосибирск.
- Тиунов В. Ф.* 1931: Мировые гиганты на Урале. Свердловск; М.
- Фадеев А.* 1979: Собр. соч.: в 4 т. М.
- Фармаковский С. П.* 1908: Возрождение Урала. СПб.
- Фармаковский С. П.* 1909: Горнозаводские дела Урала. СПб.
- Фармаковский С. П.* 1913: Железные руды Урала как источник дешевого чугуна. М.
- Федорович И. И.* 1926: Урало-Кузнецкая проблема. М.; Л.
- Фейгин Я. Г.* 1958: Размещение производства при капитализме и социализме. М.
- Фельдман М. А.* 2011: Урало-Кузбасс: между замыслом и реализацией. Взгляд из дрого века // Вопросы управления. Уральский институт (филиал) РАНХиГС. 3, 217–222.
- Фитцпатрик Ш.* 2008: Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М.
- Хавин А. Ф.* 1962: Краткий очерк индустриализации СССР. М.
- Ханин Г.* 2003: Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 7, 52–62.
- Ханин Г.* 2003а: Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 8, 58–70.
- Ханин Г.* 2003б: Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 9, 103–125.
- Ханин Г.* 2003в: Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 12, 61–76.
- Хромов Р. Г.* 1970: Орджоникидзе в Магнитке // Человек, труд, коммунизм (Из истории партийной организации и рабочего класса Магнитки). Сборник научных статей Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. И. Носова. Вып. 66, 20–26.

Чернова Н. В. 2010: Ударничество и стахановское движение в Магнитогорской артели «Уралшвей» (1933–1939 гг.) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции / Н. Н. Макарова, Н. С. Фролова (ред.). Магнитогорск, 172–186.

Чурилин М. (ред.) 1971: Магнитка: краткий исторический очерк. Челябинск.

Шестаков В. 2006: Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х гг. М.

Шишкалов Ф. М. (ред.) 1957: Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск.

Эвенчик Б. И. 1932. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М.

Эррен Л. 2003: Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Челябинск, 151–163.

Hedin A. 2004: Stalinism as a civilization: New perspectives on communist regimes // Political Studies Review. 2, 166–184.

Kotkin St. 1995: Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley.

Kuromia H. 1998: Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge.

HISTORIOGRAPHICAL APPROACH TO URAL-KUZBASS IN THE SOVIET ECONOMIC STRATEGY

G. Ye. Kornilov

The article analyzes accumulating historical knowledge of a USSR major economic project, namely, creating the second coal-metallurgy base — Ural-Kuznetsk complex. Historiographical situation analysis revealed lack of generalized studies on the history of Ural-Kuzbass, lack of assessment of its role in the development of the country's eastern regions.

Key words: the USSR industrialization, Ural-Kuznetsk project, historiography

© 2013

В. С. Михайлов

К ВОПРОСУ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В ПЕРИОД 30-х — 60-х гг. XX ВЕКА

В статье рассматриваются положения нормативно-правовых актов, регламентировавших основания привлечения лиц к уголовной ответственности, условия отбывания наказания лицами, лишенными свободы, в период функционирования ГУЛАГа, а также особенности реального исполнения требований законодательства в обозначенной сфере.

Ключевые слова: ГУЛАГ, карательная политика, назначение наказания

Поднимая тему особенностей реализации положений нормативно-правовых актов в деятельности тюремной системы в рассматриваемый период, необходимо подчеркнуть, что еще в 20-х годах имели место первые попытки проанализировать преобразования, происшедшие в местах лишения свободы. В период с 1925 по 1931 годы был издан ряд работ по исправительно-трудовому праву, в том числе первый учебник для юридических вузов. Только в 1957 году появились статьи П. Е. Подымова и Е. Г. Ширвиндта, в которых частично были затронуты проблемы истории становления исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Тогда же П. М. Лосев и Г. И. Рагулин провели большую работу по систематизации нормативных актов по исправительно-трудовому праву, предложили периодизацию развития этой системы¹.

Как показывает анализ нормативных актов, действовавших в исследуемый период, пенитенциарная система СССР фактически являлась репрессивно-карательной. Якобы подчиняясь общим законам государства, она жила самостоятельной жизнью за плотной пеленой секретных и совершенно секретных приказов, инструкций и распоряжений. В условиях тоталитарного государства принцип социалистической законности был фактически деформирован и заменен принципом государственной целесообразности. Любое решение партии могло быть сразу реализовано, поскольку пенитенциарная система советской России была органическим придатком механизма государственного управления.

В указанное время в советских исправительно-трудовых учреждениях применялась так называемая прогрессивная система исполнения наказания, согласно которой положение осужденного зависело от его поведения. Эта система не была изобретением советских пенитенциаристов, она уже снискала известность в мировой практике тюремного заключения. Сущность данной системы на Западе заключалась в делении срока отбывания наказания на несколько этапов. Примерное поведение и труд на предыдущем этапе давали новые льготы и послабления режима на последующем. Так сочетание принципов принуждения и убеждения

Михайлов Вячеслав Сергеевич — преподаватель кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России. E-mail: b671oo@gmail.com, b671oo@mail.ru

¹ Кузьмин 1992, 4.

уже в те годы легло краеугольным камнем в фундамент пенитенциарной системы страны. Но, безусловно, нужно помнить и о том, что расколотое гражданской войной общество не было социально однородным. Уже тогда перед советскими судами ставилась задача внимательно отслеживать классовую принадлежность подсудимого, от чего в большинстве случаев зависел приговор и его исполнение в системе ИТУ страны.

Один из видных теоретиков и практиков советской пенитенциарной системы К. Ширвиндт писал: «... по отношению к нашим «классовым врагам» основные принципы нашей пенитенциарной политики остаются в полной силе; если прохождение этапов прогрессивной системы обставляется для них большими трудностями и они ставятся в условия более жесткого режима, то, конечно, не может быть и речи о том, чтобы мы отказались в отношении к ним от принципа, согласно которому меры социальной защиты должны быть лишены признаков мучительства»². Так закладывалась теоретическая база под произвол и массовые репрессии в отношении «классовых врагов».

Об объективности в исполнении приговора шла речь достаточно условно. Одним из первых о подобном подходе к исполнению судебных решений открыто заявил руководитель Наркомата юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, заявивший на съезде работников юстиции в 1924 году: «... относительно осужденных из классово-враждебных элементов... исправление бессильно и бесцельно...»³. Такое отношение к осужденным в целом прослеживалось на протяжении еще нескольких десятилетий.

Принцип дифференцированного подхода при индивидуализации ответственности был сформулирован и в ряде работ В. И. Ленина, высказавшего мысль о создании системы мер государственного воздействия для различных социальных слоев общества. Также при этом находят практическую реализацию теоретические постулаты Н. В. Крыленко, Д. И. Курского о классовом подходе к личности осужденного. Согласно основному принципу классификации заключенных по местам заключения, «все случайно впавшие в преступления трудовые элементы должны попадать в колонии и облегченного типа исправительные учреждения, все упорные правонарушители, нуждающиеся в более длительной изоляции, — в исправдома и изоляторы. В самих местах заключения классификация должна производиться таким образом, чтобы в высший разряд легко могли попадать элементы, наименее социально опасные, трудовые... а в низший зачисляться все социально опасные и враждебные советскому строю правонарушители»⁴.

Вместе с тем наблюдается, что конец 30-х годов — период, когда исследования в области пенитенциарной системы России начинают носить все более закрытый характер. Это связано с теми политическими процессами, которые происходят внутри государства. Расцвет тоталитаризма как полный контроль государства над обществом особенно четко проявляет себя именно в это время, когда специфичной идеологией были охвачены все сферы жизни, все социальные институты и личная жизнь человека. В этот период окончательно сформировалась административно-командная система управления государством, поднялся на новую ступень

² Стучка 1925.

³ Солженицын 2006, 200-201.

⁴ Стучка 1925.

авторитарный режим И. В. Сталина и наступил этап стратегии массовых репрессий, которые представляли собой «тщательно продуманную и последовательно проводимую в жизнь стратегию и систему массового уничтожения определенных групп и слоев населения Советского Союза»⁵.

Формально исправительно-трудовые лагеря осуществляли свою деятельность на основании «Положения об исправительно-трудовых лагерях», принятого СНК СССР 7 апреля 1930 года⁶. Положение закрепляло основания и порядок приема заключенных; принципы их классификации; порядок работы и проживания в соответствии с назначенным режимом; некоторые вопросы медицинского обслуживания; меры поощрения и дисциплинарной ответственности; основания предоставления свиданий заключенным; получение ими посылок и передач и другие вопросы. Однако рассматриваемый документ содержал в основном материальные нормы права, порядок реализации которых регулировался ведомственными инструкциями и положениями ОГПУ СССР, а также приказами администрации лагерей.

Данный документ представлял собой одну из самых трагических страниц в истории пенитенциарной политики Российского государства. Согласно Положению, в ИТЛ направлялись лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, а также лица, осужденные во внесудебном порядке постановлениями Коллегии или Особого совещания ОГПУ. Лагеря находились в ведении ОГПУ, которое руководило их деятельностью на основе внутриведомственных нормативных актов, утверждало организационную структуру и штатный состав работников каждого лагеря. Этот политический орган наделялся неограниченной властью над судьбами заключенных, которые, попав в сферу его полномочий, фактически выпадали из юрисдикции действующего законодательства. Поэтому и появилась, например, возможность такого нарушения: согласно Положению запрещалось отправлять в лагеря, находившиеся в особых климатических условиях, осужденных моложе 20 лет, мужчин старше 50, женщин старше 40, а также инвалидов. Но когда требовалась дополнительная рабочая сила, то с этим ограничением руководство ГУЛАГа не считалось⁷.

Положение классифицировало всех заключенных по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории относились заключенные из трудящихся (рабочие, крестьяне и служащие), пользовавшиеся до вынесения приговора избирательными правами, осужденные впервые на сроки не выше 5 лет и не за контрреволюционные преступления. Ко второй категории относились те же заключенные, но осужденные на сроки выше 5 лет. К третьей — все нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления.

Для заключенных устанавливалось три вида режима: первоначальный (наиболее жесткий), облегченный и льготный. Заключенные, переведенные после отбытия части срока наказания (для первой категории — полгода, для второй — год и для третьей — два года) на облегченный и льготный режим, имели право работать в учреждениях, проживать в общежитиях, выходить за пределы лагеря и даже

⁵ Замковой 1995, 11.

⁶ СЗ СССР 1930, № 22, 248.

⁷ Кузьмин 1991, 97.

занимать административно-хозяйственные должности в управлении лагерем и на производстве.

Однако наряду с вводимыми правилами Положение строго предписывало: «Нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления, не могут занимать административно-хозяйственных должностей»⁸. Из всех установленных в лагерях правил и запретов названное предписание нарушалось чаще всего, поскольку недостаток кадров всех специальностей вынуждал лагерное начальство использовать на административно-технических и хозяйственных должностях, в том числе и в аппарате лагерных управлений, специалистов, осужденных, как правило, по контрреволюционным статьям Уголовного кодекса.

Несмотря на это, вопросы перехода с одного режима на другой Положением регулировались слабо. Не закреплялись условия первоначального (наиболее сурового) режима, говорилось, что они могут устанавливаться и закрепляться начальником лагеря. Таким образом, при регулировании вопросов организации отбывания наказания в условиях исправительно-трудовых лагерей роль подзаконных актов, в особенности ведомственных, была чрезвычайно высокой, что приводило к увеличению карательного воздействия на заключенных со стороны органов государства и практически не контролируемой возможности усмотрения администрации ИТЛ. На первом этапе развития системы лагерей начальникам предоставлялось право самостоятельно издавать нормативные акты, способные повлиять на обеспечение производственно-хозяйственной деятельности и поддержание необходимого правопорядка среди контингента.

Естественно, что масштабы репрессий отразились на наполняемости пениitenciарных учреждений, численный рост которых плохо вписывался в рамки официальных демократических преобразований в стране, провозглашенных сталинской Конституцией 05 декабря 1936 года. Если в 1932 году в СССР функционировали 11 лагерей ГУЛАГа, то в середине 1937 года — 18. Вместе с тем возрастала и численность содержащихся в них заключенных⁹.

Созданное в 1934 году Особое совещание при действовало вне процессуальных норм и не было строго связано нормами права. Особому совещанию предоставлялось право применять в административном порядке ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР. Таким образом, этот административный орган наделялся судебными полномочиями. В состав Особого совещания был введен Прокурор СССР или его заместитель. Осенью 1937 года полномочия Особого совещания были расширены: оно могло приговаривать к расстрелу, а также проводить разбирательство дел списками. На местах были созданы специальные тройки, которым также предоставлялось право вынесения приговоров вплоть до исключительной меры наказания. Функционирование подобных органов выполняло политический заказ, отражало политическую конъюнктуру и не имело ничего общего с законностью.

К слову о вышеупомянутой Конституции СССР. Своим содержанием она усилила противоречие между формальной и реальной властью. Несмотря на формальное конституирование, реорганизацию и упорядочение советской системы, она оставалась декоративным довеском политической системы, прикрывая собой

⁸ Кузьмин 1991, 98.

⁹ Лубянка 2004.

всевластие партии. По факту, Конституция 1936 года так и осталась всеобщей декларацией и не была способна защитить население ни от нарастающего насилия, ни от авторитарного влияния на общество. Советы согласно Конституции 1936 года, декларировались как политическая основа СССР. Конституция 1936 года не признавала принцип разделения властей, а лишь проводила более четкую грань между законодательной и исполнительно-распорядительной деятельностью¹⁰. В сфере союзных отношений, Конституция 1936 года разграничивала компетенцию Союза и республик, что также в условиях партийного централизма имело условный характер.

Упоминание в тексте Конституции 1936 года суда и прокуратуры придавало этим институтам конституционный характер, однако на практике их роль была невелика: в тот период из-под контроля органов прокуратуры были фактически выведены органы НКВД.

Законодательная власть СССР с введением Конституции стала осуществляться исключительно Верховным Советом СССР. Президиум Верховного Совета перестал пользоваться законодательным правом и стал издавать указы, толкующие содержание существующих законов. В качестве высшего органа государственного управления Совнарком СССР издает исполнительные и распорядительные акты, называемые постановлениями и распоряжениями. Различие между этими документами, издаваемыми «на основе и во исполнение действующего закона» (ст. 66 Конституции), заключается в том, что постановления являются административными актами общего порядка, которые не исчерпываются однократным исполнением и сохраняют силу (если не противоречат закону) до их отмены Совнаркомом СССР. Распоряжения исчерпываются однократным исполнением и действуют в течение срока, указанного в них, или до достижения результата.

Некоторые секретные, не подлежавшие опубликованию акты, открыто противоречили Конституции СССР. Например, постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» (1935 года), не утратившее юридическую силу после принятия главного закона страны, устанавливало, что на аресты руководителей предприятий и специалистов требовалось разрешение соответствующего наркома (профессора вуза нельзя было арестовать без санкции наркома высшего образования). Для ареста члена партии требовалась санкция секретаря райкома. Это нарушало конституционный принцип равенства граждан перед законом. Тем не менее, примечателен сам факт, что принимались специальные усилия, чтобы создать правовое обеспечение политических репрессий. Например, по-прежнему был узаконен режим подавления политических оппонентов. На конституционном уровне этому соответствовал институт «врага народа» (ч. 2 ст. 131 главы 10), использовались лишение гражданства, лишение прав по суду. Для борьбы с внутриклассовым врагом на уровень Конституции выносился институт измены Родине, которая расценивалась как тягчайшее злодеяние (это уже не уголовное право и не право вообще, а чистая политика). «Измена Родине», «враг народа» — эти понятия были использованы для ужесточения норм в отношении преступлений, относимых к государственным. Был установлен особый порядок производства по делам о «террористических организациях» с необычайно кратким сроком рассле-

¹⁰ Авакьян 2010, 275.

дования дел — не более 10 суток. Вместо 3 суток копия обвинительного заключения вручалась обвиняемому за сутки до слушания дела. Прокурор не участвовал в таких процессах, т.е. был устранен надзор прокуратуры за соблюдением законов. Защитник участвовал только на стадии судебного разбирательства. Отменялись обжалование приговора в кассационном порядке и возможность ходатайства о помиловании. Позже аналогичные нормы стали действовать по отношению к обвиняемым во вредительстве и диверсиях¹¹.

В отношении прав и свобод граждан также проявлялся декларативный демократизм. Конституционное законодательство конца 30-х годов последовательно упрочивало тоталитарный характер власти по отношению к личности. Сталинская Конституция 1936 года, формально сохранив ряд политических прав (свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций), говорила о возможности их использования «соответствием интересам трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», тем самым перечеркнув сам факт существования такого рода свобод.

Некоторые из прав первого поколения отсутствовали даже номинально даже на уровне декларации (например, свобода передвижения). Либеральные ценности, враждебные советскому строю, также были оставлены за бортом истории. Самая же главная особенность состояла в том, что не только отсутствовало право частной собственности, но и был определен круг объектов, которые могут находиться в личной собственности граждан.

Центр тяжести главы 10 Конституции СССР 1936 года, провозглашающей основные права и обязанности граждан, был перенесен с пространства свободы на «опеку государства». Подобные социально-экономические права в условиях ликвидации частной собственности оказались очень удобной идеологической ширмой, прикрывающей экономическую и политическую монополию государства на «устройство жизни» своих граждан и, как следствие, на полную ликвидацию «пространства свободы»¹².

Конституция 1936 года впервые говорила о неприкосновенности личности, жилища и охране тайны переписки (ст. 127, 128). Это должно было гарантироваться тем, что аресты, обыски, выемки корреспонденции могли производиться лишь с санкции прокурора или по решению суда. Однако эти гарантии повсеместно нарушались при массовых репрессиях.

Уголовные дела того времени засекречены и не находятся в открытом доступе, поэтому такой анализ не может быть репрезентативным. Тем не менее, то небольшое количество дел, с которыми удалось ознакомиться, позволило сделать некоторые выводы о существовавших уголовно-процессуальных отношениях.

Первое, что бросается в глаза, — это игнорирование элементарных прав граждан, которые теперь записаны в Конституции РФ. Если в настоящее время нарушение конституционных прав граждан (например, на свободу, неприкосновенность жилища и т.д.) возможно лишь по судебному решению, то в тот период это проходило по решению начальника районного отдела НКВД. Именно он давал разрешение на арест, обыск. В этом проявляется не только упрощенный подход, но и ведомственная бесконтрольность.

¹¹ Чибиряев 2010, 352.

¹² Чибиряев 2010, 357.

Такой подход к даче разрешений на нарушение прав граждан приводит к следующей закономерности — упрощённый подход к процессу доказывания. Сегодня бы сказали, что в результате такой деятельности доказательства не получены. Увиденные в уголовных делах образцы процессуальных документов того времени по сравнению с современными были чрезвычайно компактны, явно не характеризовались качествами достаточности и обоснованности, носили формальный характер. Например, протокол обыска иногда состоял лишь из одной страницы, а в описательной части содержал лишь одну запись «при обыске изъята одна книга — история тридцатилетней войны». И такой протокол обыска мог быть доказательством контрреволюционной деятельности. Протоколы допросов часто были небольшие, но при этом две страницы отводились для анкетных данных арестованного. Кроме общих, анкетные данные содержали разделы о социальном статусе, вероисповедании, роде деятельности до революции 1917 года, службе в царской армии и т.д. Небольшие по объёму протоколы допросов сочетались с их повторностью по несколько раз. Порой допросы состояли из 1-2 вопросов, например, признаёт ли себя человек виновным?

Обвинительное заключение состояло, как правило, из 1 листа, а всё уголовное дело редко превышало 30 листов. Такой подход к следственным действиям свидетельствовал о поверхностном подходе, а также явно обвинительном уклоне производства по делу.

Кроме отмеченных свойств процессуальных документов, упрощённый подход к доказыванию проявлялся также в наличии разного рода презумпций — утверждений, не требующих своего опровержения. Например, ведение контрреволюционной агитации против советской власти, признание враждебно настроенным элементом, уклонение от финансовых платежей в доход государства. Подобные формулировки использовались для обоснования процессуальных решений: в постановлениях о возбуждении уголовного дела, о принятии мер пресечения, в обвинительных заключениях.

Обращает на себя внимание тот факт, что внесудебный порядок вынесения приговоров так называемыми тройками, двойками и Особым совещанием при НКВД маскировался в благовидную форму — понятием «спецколлегия». В протоколах об объявлении окончания предварительного следствия обычно писали: «В порядке ст. 206 УПК дело направляется в спецколлегию областного суда».

Вместо приговора как развёрнутого процессуального документа с соответствующей аргументацией и обоснованием в уголовном деле имела лишь выписка из протокола заседания тройки УГБ УНКВД с решением, как правило, не более 2 строк. Подобная уголовно-процессуальная практика отличалась исключительным игнорированием не только общечеловеческих ценностей, но и юридических принципов того времени.

Вместе с тем необходимо отметить, что элементы политической конъюнктуры, имевшие место в последние годы в исторической науке, способствовали тому, что маховик идеологической машины государства со всей силой обрушился на пенитенциарную систему страны. Все лагеря и тюрьмы были буквально забиты политическими заключёнными. При этом отбрасывались в сторону анализ криминальной обстановки накануне войны, фактор роста преступности в предвоенные годы.

Необдуманные эксперименты в области уголовного права и уголовной политики (назначение за совершение преступлений сроков в один месяц, одну неделю, а то и день) породили невиданного размаха общеуголовную преступность. Уголовные преступления стали смыкаться с политическими.

Все эти процессы носили дестабилизирующий характер, расшатывая устой социалистического государства. Чтобы сохранить и укрепить позиции социализма, новому тоталитарному режиму была необходима система изоляции инакомыслящих. Политическая система советского общества, имеющая в основе идеологию марксизма-ленинизма, не могла существовать без репрессивной карательной системы подавления инакомыслия. В этих условиях пенитенциарная система советской России являлась органическим придатком Коммунистической партии. Доказательством тому служит факт, что все, даже самые малозначительные вопросы реорганизации системы исправительно-трудовых учреждений страны решались на уровне ЦК КПСС или даже Политбюро ЦК.

Пытаясь закамуфлировать свои истинные цели, Коммунистическая партия с самого начала существования советской власти в России стала проводить государственную политику с «двойным дном». С одной стороны, В. И. Ленин и большевики подчеркивали, что в социалистическом государстве места заключения должны иметь целью перевоспитание осужденных. Также официально объявлялось о том, что окончание гражданской войны и переход к мирному строительству позволяют отказаться от методов внесудебной расправы и все вопросы разрешать в судебном порядке. Об этом говорилось всенародно. С другой стороны, совершенно секретные инструкции и циркуляры по линии партии и ВЧК детально регламентировали проведение массовых репрессий, причем не только по отношению к классово чуждым элементам, но и к бывшим политическим противникам и даже просто научной и творческой интеллигенции, не принявшей Советскую власть. Вместе с тем, укрепление авторитарного режима И. В. Сталина шло параллельно с централизацией карательной системы государства. Жестокая и хитроумная политика Сталина достигла своей цели. Удалось убить двух зайцев: ликвидировать политическую оппозицию и решить крупные экономические задачи, стоявшие перед страной.

Идея бесплатного использования труда заключенных родилась уже в первые годы существования советского государства. Еще Ф. Э. Дзержинский отмечал, что необходимо будет заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) — лагерей с колонизацией населенных мест и с железной дисциплиной. Но в полной мере эта идея была реализована в 30-е годы. Как и Министерство внутренних дел царской России, НКВД СССР по существу превратилось в крупнейшее строительное и заготовительное ведомство. Более того, наиболее важные, оборонные исследования велись в системе секретных научно-исследовательских центров НКВД СССР, в которых трудились сотни талантливых ученых из числа осужденных. Материалы о деятельности этих секретных учреждений (специальных тюрем МГБ СССР) до сих пор недоступны для исследования. Предвоенный период характеризуется максимальной централизацией системы управления исправительно-трудовых учреждений. Роль общественности постепенно сводится к нулю. Сворачивается работа распределительных и наблюдательных комиссий. Система пенитенциарных учреждений выходит из-под контроля Советов.

Все формы отчетности проходят теперь только по вертикальной ведомственной линии.

Серьезным испытанием для пенитенциарной системы страны стала Великая Отечественная война. Расчет германских стратегов на создание в СССР «пятой колонны» из числа заключенных не оправдался. Немало заключенных, попавших на фронт, были удостоены высоких правительственных наград. Изменнические настроения среди заключенных носили эпизодический характер. Вместе с тем в годы войны основным средством воздействия на заключенных стал режим. Цель исправления по сути была снята с повестки дня. Главная задача — это решение экономических проблем (народнохозяйственных) за счет находившихся в тылу заключенных. Впервые в открытой печати рассматриваются проблемы формирования и воспитания агентурной сети среди военнопленных армий противника. Дается анализ форм и методов работы советской контрразведки по вербовке и перевербовке штатных сотрудников спецслужб для использования в разведывательных целях в пользу СССР в послевоенный период. Рассматриваются и иные формы агентурной работы в лагерях военнопленных. Таким образом, открываются совершенно новые направления проводимой работы, в пенитенциарных учреждениях советского государства.

Вторая половина 50-х годов — время начала отхода от жестких форм диктатуры власти и смены вывесок. Исправительно-трудовые лагеря были заменены на исправительно-трудовые колонии. Это в свою очередь явилось основой для дальнейших преобразований демократического характера, хотя основ системы это не затронуло.

Таким образом, государственная политика «с двойным дном» продолжала действовать в полную силу на протяжении всего существования ГУЛАГа. С одной стороны, официально объявлялось о том, что окончание гражданской войны и переход к мирному строительству позволили отказаться от методов внесудебной расправы и разрешать все вопросы в цивилизованном, судебном порядке. При этом якобы существенно сужалась деятельность карательных органов госбезопасности. А в то же время, с другой стороны, секретными приказами и инструкциями государство наделяло чрезвычайными полномочиями органы защиты диктатуры пролетариата. Анализ документов показывает, что уже за 10 лет до создания Особого совещания при НКВД (1934 год) существовало наделенное широчайшими полномочиями Особое совещание при ОГПУ. Следовательно, Особое совещание при НКВД создавалось не на голом месте, ему предшествовала обширная практика применения внесудебных репрессий, свидетельства которой скрыты до сих пор в секретных архивах.

ЛИТЕРАТУРА

- Авакьян С. А.* 2010: Конституционное право России: в 2 т. М.
Замковой В. И. 1995: Сталинизм (сталинская модель тоталитаризма). М.
Лубянка 2004: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.
Кузьмин С. И. 1992: Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений советского государства (1917–1985 гг.): автореф. дисс. ... д. юрид. наук. М.

- Кузьмин С. И.* 1991: Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). М.
Солженицын А. И. 2006: Архипелаг ГУЛАГ: в 4-х т. Т. 2. Екатеринбург.
Стучка П. (ред.). 1925: Энциклопедия государства и права: в 6 т. М.
Чибиряев С. А. 2010: История государства и права России. М.

ON THE ISSUE OF STANDARD LEGAL ACTS IMPLEMENTATION
BY PENITENTIARY BODIES AND INSTITUTIONS IN 1930s — 1960s

The article deals with standard legal act regulations of criminal liability, penitentiary service conditions throughout the GULAG period, and especially with actual legislation terms implementation in the sphere under consideration.

Key words: GULAG, penal policy, sentencing

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2013

М. Ф. Данилова

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК КАК ЖАНР ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Для XVII в. характерно жанровое разнообразие и своеобразие письменных памятников делового содержания. История зарождения, оформления и функционирования послужных списков как в центральных, так и в разных местных канцеляриях нашей страны не нашла отражения в научной литературе. Данные изученных архивных документов Сибирского приказа XVII в. позволяют говорить о послужных списках Приенисейской Сибири первой половины XVII в. как о текстах определенной структурной организации, целевой и коммуникативной заданности, обладающих специфическим набором формул и языковых репрезентантов.

Ключевые слова: лингвистическое источниковедение, жанр, лингвистический жанр, структура текста, формулы текста, функции документов

В лингвистику термин «жанр» вошел из теории литературы, но в теории языка дефиниция еще не нашла единого выражения. Так или иначе, как верно отмечает В. А. Тырыгина, «приложимость термина «жанр» к различным классам <...> нехудожественных текстов обуславливается тем обстоятельством, что <...> всякий жанр несет в себе двойственную (родовидовую) информацию об определенной сфере человеческой деятельности, в рамках которой он сложился и существует, задачам и требованиям которой он непосредственно подчиняется (признак подчинения), с одной стороны, с другой, — информацию о специфическом круге задач, свойственных только ему, в отличие от других жанров, бытующих в данной сфере человеческой деятельности (признак разделения)»¹.

Сферу наших интересов представляет один из многочисленных жанров памятников деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. — послужные списки. Списки в делопроизводстве описываемого периода были представлены значительным тематическим многообразием. Среди них встречались *верстальные, вестовые, данные, даточные, договорные, деловые, межевые, меновные, доводные, дозорные, докладные, духовные, земляные, купчие, обыскные, окладные, описные, отводные, отказные, отмерные, отписные, оценные, посевные, разъ-*

Данилова Марина Федоровна — соискатель кафедры филологии, педагогики и психологии Хабаровского государственного института искусств и культуры. E-mail: danig66@mail.ru.

¹ Тырыгина 2010, 11.

езжие, расписные, разрядные, служилые, сметные, судебные, счетные, сыскные, ценовные и др. списки². При этом каждый из них имел свою коммуникативно-целевую заданность и свой набор признаков, позволявший отличать одни документы от других.

Для лингвистов тот или иной жанр в первую очередь интересен с позиции языковой информации, однако эти данные будут неполными, если не учитывать тот факт, что разнообразные внеязыковые факторы, ответственные за формирование концепта жанра, мотивируют его внутреннее содержание (внутреннюю структуру), управляют его внешним языковым форматом, внешней языковой презентацией (поверхностной структурой)³.

Для раскрытия лингвистического потенциала текстов рядом ученых была разработана методика лингвоисточниковедческого анализа (С. И. Котков, Д. С. Лихачев, В. Я. Дерягин, И. А. Малышева, Л. М. Городилова, А. А. Алексеев и др.), которая широко применяется в исследованиях деловых текстов приказного делопроизводства. В основе такого анализа лежит изучение условий создания документов и лишь затем описание лингвистической содержательности. Ограниченные рамками статьи, отметим, что послужные списки, как и другие документы, составляли неотъемлемую часть делопроизводства государственных учреждений, в которых вырабатывались нормы и правила документоведения (особенности организации делопроизводства и воеводского управления в Приенисейской Сибири XVII в. детально представлены в монографии Л. М. Городиловой «Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии»⁴). Тексты писались скорописью на узких полосках бумаги («столбцах») без пробелов, а внутренняя организация документов представляла собой расположение в определенном порядке необходимых лексических средств, устойчивых оборотов, языковых формул, свойственных сфере делового общения рассматриваемого периода.

Цели и задачи создания послужных списков во многом определили их жанровое своеобразие. Так, данные первоисточников свидетельствуют о том, что по содержанию послужные списки всегда имели отношение к служебным отношениям ее автора и были подробным служебным сообщением об обстоятельствах службы и о заслугах и отличиях служилых людей при исполнении ими военно-административных поручений. Информация передавалась от подведомственного местного учреждения в вышестоящее центральное учреждение на имя царя.

Характер содержания был обусловлен тем, что в соответствии с данными послужных списков выплачивалось жалованье, которое называлось «послужными деньгами». По свидетельству Г. Ф. Миллера, денежные выплаты обычно назначались за боевые действия и выдавались после столкновений с неприятелем тем, кто принимал в них участие⁵. Однако деньги могли выплачиваться не только за боевые заслуги, а, например, за постройку острога, поскольку спектр обязанностей служилых людей Сибири XVII в. был очень широк.

² Качалкин 1988, 37-40.

³ Тырыгина 2010, 15.

⁴ Городилова 2003.

⁵ Миллер 1941, 11-12.

Сведения о том, что при назначении жалования учитывались данные послужных списков, подтверждаются «Челобитной Ленских служивых людей Ивана Афонасьева с товарищами, о даче им жалования за службу на реках Улье и Охоте»: «<...> вели, государь, сю нашу челобитную и тот наш послужной список принять <...> к себе праведному государю к Москве, чтоб тебе милостивому государю про нашу холопей твоих службу, и про раны, и про осадное сиденье и про всякую нужу вестно было, и пожалуй, государь, нас холопей своих за ту нашу службу, за кровь и за раны, и за осадное сиденье по тому нашему послужному списку своим государевым жалованием, как тебе милосердному государю об нас холопех своих Бог известит <...>»⁶.

Данные архивных документов свидетельствуют и о том, что размер выплат не был единым и напрямую зависел от заслуг перед государством: от характера полученных ранений, от проявленного героизма и т. п. Деньги выдавались «на лицо с роспискою»: за ранение и за убитых врагов жалование могло составлять один рубль, а за проявленную храбрость в бою, т. е. «явственный бой» — пятьдесят копеек. При этом, «за очи и подставою, и на умерших» жаловать не рекомендовалось. Так, в «Грамоте красноярскому воеводе Башковскому о тубинцах» читаем: «<...> И мы, великие государи, красноярских служилых людей <...> пожаловали: которые красноярцы ранены — 21-му человеку по рублю, за побитых тубинцев за 500-т человек — по рублю-ж, за явственный бой — по 50-т копеек человеку <...> И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, <...> развита против вышеписаннаго нашего великих государей жалования: за побитых и раненых служилых людей — по рублю, за явственный бой — по полтине человеку, велел бы им, <...> которые побили тубинскаго князца Шандычку с улусными людьми, роздать всякому на лицо с роспискою, а за очи и подставою, и на умерших давать не велел бы <...>»⁷.

Послужные списки представляли собой своего рода фактуальные тексты, в которых воплощалось намерение автора передать достоверность произошедшего, степень участия служилых людей при исполнении ими служебных поручений для того, чтобы в будущем иметь возможность получить денежное вознаграждение за службу.

Послужные списки, как и другие документы этого периода, составлялись по определенному образцу, включали самоназвание, имели определенный порядок следования составных частей текста, или, иными словами, композицию деловой бумаги, схему расположения материала, свой набор формул.

«Наличие у жанра как типа определенного самоназвания, характеризующего типовое отношение текста к действительности, является важнейшим признаком отдельного документного жанра»⁸. В выявленных и изученных 13 единицах хранения первоисточников по Красноярскому и Енисейскому острогам⁹ Приенисейской Сибири первой половины XVII в. самоназвание не было единым, за

⁶ 1651 г. после июля 14. Челобитная Ленских служивых людей Ивана Афонасьева с товарищами, о даче им жалования за службу на реках Улье и Охоте, http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650_1659gg/akty_istoricheskie_1651g/1651_07_14_ranee/83-1-0_745

⁷ 1694 г. 2 февраля. Грамота красноярскому воеводе Башковскому о тубинцах, http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1690_1699gg/akty_istoricheskie_1694g/1694_02_02/67-1-0-657

⁸ Качалкин 1988, 22.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.

пределы текстов оно обычно не выносилось и являлось обязательным текстовым элементом. В послужных списках как самостоятельных текстах встречаются такие конструкции, как «послужной список служивых людей которые<...>»¹⁰, «список послужной Енисейско острогу сотника | Петрушки Бекѣтова служивыми людми<...>»¹¹, «список послужной которые были на твоєі гсдрву слУ [жбе] | люди <...>»¹². В двух документах Красноярского острога встретилось самоназвание «имена ка|заком»: «...имена Красноярсково встрогу ка|заком которые ходили на гсдрву црвУ і великого князя | Михаила Федоровича всея Русии слУжбу <...>»¹³.

Анализ структуры послужных списков показал, что композиция документа зависела от того, входил ли он в состав другого документа или был самостоятельным. В послужных списках как самостоятельных текстах выделяется блок начала документа, блок основного содержания, заключение и субскрипция. В состав челобитных и отписок послужные списки входили своей частью основного содержания (т. е. включался лишь поименный списочный состав «служивых» с их заслугами и ранениями) с рукоприложениями (по рассматриваемой территории послужных списков в составе других жанров, кроме челобитных и отписок, нами не обнаружено). Отметим, что под влиянием каких-либо обстоятельств писец мог изменять клишированные формы (например, сокращать их, менять порядок следования слов, заменять их подобными), что приводило к вариативности языковых формул. Тем не менее, устойчивость структуры и стандартность основных средств выражения частей текста сохранялись.

Начальный блок (своеобразная оформляющая часть документа) послужных списков мог быть кратким и развернутым.

Краткий вариант начального блока обычно включал дату, самоназвание, топоним, обозначающий место службы, формулу «которые ходили на гсдрву слУжбу», топоним / апеллятив, обозначающий место, куда совершался поход, апеллятив социального статуса лица, возглавлявшего поход, антропонимическую модель этого лица. Порядок следования компонентов в оформляющей части постоянным не был, хотя структурно это были однотипные части текста. Например: «РЛФ июня въ р КЕ днь послужной список гсдрвymi | црвymi і великаго князе Михаила Федор[о]вичя всея Руси ясачными людѣмъ красно о[стро]гу которые ходили на гсдрву слУжбу в кырг[ы]зы со атаманом з Дементием Злобиным| <...>»¹⁴ или «Послужной список служивых людей ко[торы]е ходили на гсдрву службу со атаманом з Д[е]ментием Злобиным в кыргызы в нын[е]шном во РЛФ м году |...»¹⁵.

Начальный блок послужных списков развернутого типа включал в себя кроме содержания оформляющей части краткого варианта описание обстоятельств несения службы: с кем и где произошли столкновения, о проблемах при сборе ясака и др. Например: «РЛС 2 году августа въ КГ дн в имена на чьи | земли Красново встрогу слУживыми лю[дям и] | казаком которые ходили на гсдрву црвУ | і ве-

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 92.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 180 (в транслитерируемых текстах приняты условные обозначения для букв церковнославянского начертания: ять — Ъ, оукъ — У, онъ — W, w, фита — F, f).

¹² РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 45.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 80.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 72.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 97.

ликого князя Михаила Федоровича | всеа Русии слУжбу в степ на Красн[ои] | яр на пашни качинских людеі съ атаманом Ермаком Встафьевым на гсдрвых | измѣнников и непослушников на качин[ских] | и на аринских людеі как тебѣ гсдрю изменил[и] | аринские и качинские люди и пошли | в кыргызы атаман Ермак Встафьев | съѣхался на пашнях съ аринскими людми | которые не успѣли уѣхать в кыргы и с ни[ми] | боі был тебѣ гсдрю црю і великому князю | Михаилу Федоровичю всеа Русі слУжи[льные] | многих аринских людеи побили и переранил[и] | и языки поимали и жены и дѣти | их в полон поимали | <...>¹⁶.

Блок основного содержания и в кратких, и в развернутых типах послужных списков представлял собой именную перечень сражавшихся и отличившихся служилых людей с обозначением в отдельности особых подвигов каждого лица, характера ранений. Именного перечня убитых служилых людей тексты не включали, видимо, потому, что на убитых жалование не назначалось.

Для блока основного содержания была характерна высокая степень стандартизованности статей, хотя их части могли варьироваться, менять порядок следования. В основном формулы имели следующий вид: (атаман / пятидесятник / десятник / десятник ясаул войсковой / служивой человек и др.) + (антропонимическая модель) + / на том бою был тебе государю служил и бился явственно / на том бою тебе государю служил и бился явственно / да тут же на бою / тут же на бою /) + (под мужиком коня убил / мужика убил / мужика жива взял / его на том бою больно ранили в ногу / мужика ранил / мужика живцом схватил и др.). Например: «<...> пятидесятник Парфенко Петров на том бою | тебѣ гсдрю слУжыл и бился явственно мУжы|ка убил| десятник Степанко Козлитин на том бою | тебѣ гсдрю слУжыл и бился явствен[но] мужыка Убил <...>¹⁷ или «Да тут же на бою взял пятидесятник Гришка С[лист стлел] | да пятидесятник Ивашко Фадеев князца моторскога кУзе[лист стлел] | да и самово ево Гришку ранили двѣма стрелами да тут же | взял слѣживой члкъ на бою Ивашко Вбеднин князцов| снарвѣ да тут же взял на бое яз атаман Демка Зло[бин с] | слУживыми людми моторского мужика сапачея <...> на том же бою Семейка Гаврилов бился яв|ственно убил мУжика и самово ево Семейку |ранили <...>¹⁸.

Заключительная часть (концовка) послужных списков имела коллективный характер и представляла собой устойчивый оборот: и все (татары / холопы твои / служивые люди) тебе государю служили и (на бою) бились явственно (в твоей государевой службе). Например: «И все татара твои гсдрвы ясачныя люд[и] | служили тобѣ гсдрю и бил явственно» |¹⁹[РГАДА, Ф. 214. Ст. 368, Л. 74] или «И все тобѣ гсдрю слУжили служив[ы]я люди и билис явствено в тои твое[и] | гсдрве службѣ ||»²⁰ или «И все мы холопы |твои тебѣ гсдрю слУжили и на бою билис явст|венно ||»²¹.

Удостоверительная часть была представлена субскрипцией (subscriptio), оформлялась на обороте листов и включала самоназвание документа, социаль-

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 55.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 56.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 46.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 74.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 93.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 102.

ный статус лица (не всегда), двучленную или трехчленную антропонимическую модель и устойчивую формулу удостоверительного действия: «руку приложил». Например: «К семУ послужному списку | Никитка Ермолаев рУку приложыл ||»²², «К сему послужному списку енисейской казак Васка Кирилов Горбун вместо ясаулов Тимофея Федотова да Олексея Кирилова по их велению руку приложил <...>»²³.

Изучение начального этапа формирования русского национального языка настоятельно требует расширения текстовой базы, введения в научный оборот новых источников, особенно малоизученных региональных памятников деловой письменности, которые являются новым и во многом уникальным материалом для истории русского языка. Послужные списки Приенисейской Сибири первой половины XVII в. представляют интерес для воссоздания языка деловой письменности не только как некоего целого, но, в первую очередь, в его локальных разновидностях. Изученные тексты показали, что они представляли собой жанр старорусской деловой письменности, еще окончательно не сформированный, отражающий особую, военную, социальную сферу. Однако при всей вариативности структурных компонентов текстов, каждый тематический блок включал инвариантный набор формул и систему определенных языковых репрезентантов.

ЛИТЕРАТУРА

Городилова Л. М. 2003: Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии. Хабаровск.

Качалкин А. Н. 1988: Филологический метод анализа документов // Жанры русского документа допетровской эпохи: в 2-х ч. М.

Леонтьева Г. А. 1991: Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.

Миллер Г. Ф. 1941: История Сибири: в 3-х т. М.; Л.

Тырыгина В. А. 2010: Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. М.

SERVICE RECORD AS BUSINESS WRITING GENRE IN YENISEY SIBERIA OF THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

M. F. Danilova

The 17th century is marked by genre variety and peculiarity of business records. Service records their origin, layout, and functioning both in central and local Russian offices do not show up in academic literature. Archive documents of Siberia department of the 17th century make it possible to speak about service records of Yenisey Siberia of the first half of the 17th century as texts with a specific layout, communicative goal, special set of formulae and linguistic units.

Key words: linguistic source study, genre, linguistic genre, text structure, text formulae, document function

²² РГАДА. Ф. 214. Ст. 368. Л. 82 об.

²³ Леонтьева 1991, 139.

© 2013

А. Д. Ивинский

В. П. ПЕТРОВ И «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ КАРУСЕЛЬ» 1766 г.

«Великолепную карусель» обычно связывают с традицией придворных празднеств, которая восходит к эпохе Людовика XIV. Однако один из очевидных ее подтекстов еще не привлекал внимание исследователей. В 1743 г. в Вене прошла так называемая «дамская карусель». Так Мария Терезия решила отметить завоевание Праги — свой первый значительный успех в войне за австрийское наследство. Праздник знаменовал собой воссоединение империи. В 1766 г. другая молодая императрица схожим образом решила отпраздновать «восстановление» империи после «преступлений» Петра III. Особая роль в петербургском праздновании отводилась амазонкам. В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и В.К. Тредиаковский в своих исторических трудах назвали их «славянским племенем». С помощью этого аргумента Екатерина II обосновывала свою «монархическую идею». Основная цель — доказать, что Россия — это древняя цивилизация с богатейшей историей и культурой, ничем не уступающая Европе. При этом «национальное», по мнению императрицы, должно сочетаться с «европейским» — с тем типом галантной культуры, ярчайшие образцы которой представила Франция. В.П. Петров выразил основные идеологемы екатерининского царствования в своей оде «На карусель».

Ключевые слова: Екатерина II, В. П. Петров, «великолепная карусель»

В 1770 г. в «Антидоте» Екатерина II назвала В. П. Петрова¹ одним из самых одаренных современных писателей. Императрица даже сравнила его с М. В. Ломоносовым: «Из наших молодых писателей невозможно обойти молчанием имя г. Петрова, библиотекаря личной библиотеки императрицы. Сила поэзии этого молодого писателя приближается уже к силе г. Ломоносова, и у него более гармонии»². Как известно, не все современники были согласны с таким отзывом, см., напр.: «Вообще о сочинениях его сказать можно, что он напрягается идти по следам Российского Лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым; но для сравнения надлежит ожидать важного какого нибудь сочинения, и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов, или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова»³. Отдельные строки его оды «На карусель» пародировались А.П. Сумароковым в «Дифирамбе Пегасу», Ф.А. Эминым в журнале «Адская почта», анонимным автором в журнале «Смесь», В. И. Майковым в поэме «Елисей» и в «Эпистоле М. М. Хераскову».

Нас будет интересовать вопрос, чем этот «поэт-схоласт <...> последний крупный представитель традиции хитроумного стихотворчества духовных академий и традиции, восходившей к придворному барокко начала XVIII в. в Западной Европе, а в конечном счете к ученой латинской поэзии эпохи Возрождения»⁴ мог

Ивинский Александр Дмитриевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: ivinskij@gmail.com

¹ О Петрове см.: Шляпкин 1885, 381–405; Кочеткова 1999, 425–429.

² Антидот 1869, 428.

³ Новиков 1772, 163.

⁴ Гуковский 1998, 248; ср.: «Но ряд отличий его <Петрова. — А.И.> стиля от стиля Ломоносова сближает его как раз с Тредиаковским. Возможно, что Петров, сам выходец из духовной среды и тоже блестящий латинист, пришел к латинизированному синтаксису независимо от Тредиаковского

заинтересовать императрицу и почему она сделала его своим «карманным стихотворцем». Ведь Екатерина не была замечена в симпатиях к школьной схоластической культуре.

Славу Петрову принесла уже первая его ода «На карусель». В. Ю. Проскурина отметила, что она «пришлась по душе» императрице «неожиданно»⁵. По ее мнению, «Петров уловил в театре событий важнейшую нить», «в своей оде он делает центром торжества появление амазонок»⁶. Причем именно образ амазонки, с ее точки зрения, является центральным для екатерининской идеологии 1760-х гг.⁷. Другая современная исследовательница указала на то, что «стиль оды был связан, по-видимому, с воспетым в нем событием»⁸. Причем, «в условиях набиравшей силу игры в древних и стилизации жизни под древнюю Грецию карусель дал прекрасный повод для создания настоящей пиндарической оды — оды, посвященной, как и оды греческого поэта, не военным победам, а спортивным играм»⁹.

«Великолепная карусель» 1766 г. обычно вписывается в контекст придворных празднеств эпохи Людовика XIV¹⁰. Как представляется, это указание не точно. Одним из очевидных ее подтекстов была т.н. «дамская карусель», которая прошла в Вене в 1743 г. В манеже дворца Хофбург Мария Терезия возглавила кавалькаду благородных наездниц верхом на белоснежном коне¹¹. Так молодая императрица решила отпраздновать завоевание Праги.

В 1740–1748 гг. Европу сотрясала война за австрийское наследство. Боевые действия начал недавно вступивший на престол Фридрих II. Король отказался соблюдать условия Прагматической санкции и ввел свои войска в Силезию. Надеясь уничтожить австрийскую монархию, к Пруссии присоединились Франция, Бавария и Саксония. Велись даже переговоры о разделе Австрии. Прага была взята 27 ноября 1741 г. Видимо, только благодаря финансовой и дипломатической помощи Лондона Вене удалось избежать катастрофы. Был заключен союз с Берлином, и, избавившись, по крайней мере, на время от опаснейшего противника, Австрия смогла очистить свои земли от французских войск. И один из ярчайших ее успехов в первую силезскую войну — завоевание Праги¹².

Прагматическая санкция была принята в 1713 г. У императора Карла VI не было сыновей, поэтому ему нужно было узаконить передачу власти своей дочери Марии Терезии. Этот документ был подписан Испанией, Россией, Пруссией, Голландией, Великобританией, Данией, Францией. Он должен был гарантировать территориальную целостность Священной Римской Империи.

<...> В таком случае, совпадение с Тредиаковским невольное и тем более интересное: наследие схоластической поэзии оказало и здесь подобное же влияние, конечно, более умеренное, потому что Петров — мастер стиля» (Пумпянский 1941, 235).

⁵ Проскурина 2006, 11.

⁶ Проскурина 2006, 11.

⁷ См. также: Вачева 2005, 40–48

⁸ Алексеева 2005, 277.

⁹ Алексеева 2005, 277.

¹⁰ Пыляев 1885, 334; Проскурина 2006, 14.

¹¹ В дворце Шенбрунн до сих пор существует «карусельная зала», на стене которой висит огромное полотно, посвященное этому событию.

¹² О войне за австрийское наследство см., напр.: Castres 1773, 6–19; Fromageot 1775, 7–114; Todièrè 1855, 9–112; Broglie 1890; Голицын 1874, 3, 62–99; Санин 1998, 86–109; Лиштенау 2000.

Таким образом, для Марии Терезии это был не просто очередной территориальный спор, а война за сохранение и восстановление великой Империи. В России за развитием событий внимательно следили. Об этом свидетельствуют публикации в «Санктпетербургских ведомостях». Читатель мог узнать, например, о том, как императрица получила известие о взятии Праги: «Из Вены от 2 января. Известие о сдаче города Праги получено здесь в субботу в полдни. Подтверждение привез молодой князь фон Лопковиц после полудни в начале 4 часа». Это известие вызвало всеобщее ликование, причем как «простого народа», так и дворянства: «При въезде молодого Князя фон Лопковица народ чинил чрезвычайные радостные восклицания. Шляхетство поехало тотчас ко двору, и с великою радостью Королеве учинило поздравления. Потом Ея Величество оному объявила, что следующего дня отправляться имеет торжественный благодарный молебен, и оное бы в богатом платье притом было. В воскресенье в исходе 11 часа Ея Высочество с Эрццегогинею Мариею Магдаленою, с Ею Королевским Высочеством великим Герцогом Тосканским и с светлейшим Принцем Карлом поехала в одной карете и в богатом платье в церковь святого Стефана, где уже Кавалеры златого руна, Министры и многие другие обоюга пола знатные персоны в богатом платье находились. Во время божией <sic> службы, которою отправлял Кардинал и Архиепископ фон Коллони, пять рот Венгерской пехоты из мелкого ружья учинили троекратной беглой огонь, а с города кругом троекратная пушечная пальба. О полудни вся Королевская высокая фамилия публично кушала в Королевском замке <...> при многочисленном собрании шляхетства»¹³. Подробно описывается и торжественный въезд Марии Терезии в Прагу (см.: «Описание бывшего въезду в Прагу Апреля 29 дня Ея Величества Королевы Венгерской»¹⁴; «Окончание описания въезда в Прагу Ея Величества Королевы Венгерской»¹⁵).

Имперский пафос австрийской императрицы был исключительно близок Екатерине. Императрица выдвинула политическую и культурную программу, которая опиралась на представление об ограниченности самодержавия русской истории. Основные ее цели — пересмотр европейского мнения о России как об отсталой азиатской стране, «реабилитация» русской истории в контексте культурных ценностей романо-германского мира, утверждение величия русского языка, обличение пороков и исправление нравов посредством произведений образцовых русских авторов¹⁶. Свою роль в оформлении этой идеологии сыграла и тема восстановления империи. 28 июня 1762 г. в «Манифесте о восшествии на престол» императрица, в частности, писала: «<...> слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира самим ее злодеям отдана уже действительно в совершенное

¹³ Санктпетербургские ведомости 1743, 36.

¹⁴ Санктпетербургские ведомости 1743, 334–337.

¹⁵ Санктпетербургские ведомости 1743, 344–345

¹⁶ Именно поэтому в царствование Екатерины пристальное внимание стали уделять истории: начали собирать и массированно публиковать летописи, акты и другие источники. Сама императрица пишет большой исторический труд — «Записки касательно российской истории». Много лет она занималась и лингвистикой — «этимологией» и историей русского языка. Екатерина пристально следила за развитием русской литературы и пыталась направлять ее развитие (журналы «Всякая Всячина» и «Собеседник любителей российского слова», ее драматургические опыты). Об этом см.: Ивинский 2012.

порабощение; а между тем внутренние порядки, составляющие целость всего Нашего Отечества, со всем испровержены»¹⁷. Свержение Петра III оправдывается его предательством. Враг у России и Екатерины, между прочим, тот же, что и у Марии Терезии, — Фридрих II. Кроме того, Петр совершил еще одно «преступление»: «Закон Наш Православный Греческий перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так, что Церковь Наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России Православия и принятием иноверного закона»¹⁸. Екатерина претендует на возрождение страны, на сохранение созданной «отцом» — Петром Великим — империи¹⁹.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать как «Великолепную карусель» в целом, так и амазонскую тему в частности. К последней неоднократно обращались русские историки. И в ее трактовке такие, казалось бы, разные люди, как В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, были едины. С их точки зрения, «амазоны» — это «славенское» племя: «Об амазонах все, что ни есть у древних сказывателей, многими баснями наполнено <...> но думаю, что они из Каппадокии к Дону берегом, а оттуда к Волге перешли, как в гл. 36 показано, и Плиний их у Каспийского моря положил, гл. 14, н. 64. Но Геродот здесь довольно о языке их изъяснил, что не были ни скифы, ни сарматы, то не иначе как славяне, ибо других, кроме сих трех языков, в сей стране не было, как в гл. 9 и 33 показано»²⁰.

Татищеву вторит Ломоносов: «Амазоны, по преданию Геродотову, от сармат происхождение имели и говорили языком сарматским; скифскому от будинов не чисто научились. Плиний о сарматах гинекократуменах, то есть женами обладаемых, упоминает, супружество с амазонами имеющих; также и о сарматских амазонах. Посему они были славенского племени»²¹. Показательно уже название главы, в которой содержатся эти рассуждения ученого: «О дальней древности Славенского народа».

Тредиаковский написал целый трактат, в котором обосновывал идею древности славян. Он пытался доказать, что от скифов и амазонок произошли сарматы и, в конечном счете, современные русские. Один из главных его аргументов — «этимологический»: «Геродот повествует, что Сарматы произошли от Скифов и Амазонок. Но и другие авторы пишут, что Амазонки пребывали с супружниками своими чрез один токмо месяц, так что родившихся потом дочерей оставляли они у себя, а сынов отдавали отцам, что и по Геродоту. Полагаю, что сие было тогда,

¹⁷ ПСЗРИ 1830, 16, 5.

¹⁸ ПСЗРИ 1830, 16, 5.

¹⁹ Мы не претендовали на то, чтобы описать все проблемы, связанные с «великолепной каруселью», и те цели, которые ставила перед собой Екатерина. Отдельный вопрос — политические подтексты этого мероприятия. Осторожно выскажем предположение, что ориентация на культурные практики, принятые при дворе Марии Терезии, имела конкретный геополитический смысл. Уже в начале своего царствования Екатерина и Н. И. Панин сформулировали основную задачу внешней политики России — решить «польский вопрос» (Чечулин 1896, 106–319). Для этого необходимо было заручиться поддержкой западных «коллег». По-видимому, петербургский праздник должен был «намекнуть» Фридриху II на то, что Петербург начинает переориентироваться на союз с Веней. Рассчитываем посвятить этой теме отдельное исследование.

²⁰ Татищев 1768, 111–112.

²¹ Ломоносов 1766, 14.

когда уже Скитфов довольно переправилось за Волгу, называемую ими Рас, и сокращенно Ра, а Амазонки жили по Дону. Может статься, что молодые Скитфченки, пребывая с переправившимися своими отцами, а матерей не видя, спрашивали отцов, где б их матери были? Но отцы им и сказывали: ЗА-РА-МАТИ, то есть матери их живут за Волгой; от чего те дети и прозваны Зараматами, или Скитфами, имеющими своих матерей за Волгою на запад <...> Были оне подлинно не Амазоны по-Гречески, но Омужоны по-Словенски, то есть были оне жены мужественные <...>»²².

Для каждого из них «скифская», «сарматская», «амазонская» темы не были частностями. Они полемизировали с Г.З. Байером. Признать вслед за ним, что варяги — скандинавы по происхождению, Татищев, Ломоносов и Третьяковский не могли. Споры о «норманнской теории» из научной сферы сразу перешли в политическую²³.

В центре смысловой конструкции «Великолепной карусели» — та же тема величия и древности русской цивилизации: «Кадрилия Славенская представляла древность своего народа, всегда храбро воюющего и изобилие тех богатств, <которые> Север раздает в другие части света»²⁴. Особо отмечается богатство России: «<...> сверх чаяния все зрители увидели проливающуюся гору богатства и изобилия в драгоценных камнях и всякого рода Кавалерских и конных золотых и серебряных уборах; в древности Российских сокровищ всегда сохраняемых <...>»²⁵.

«Великолепная карусель» должна воспитать истинных патриотов: «<...> Сама (Екатерина II — *А. И.*) присутствовать при оном восхотела, единственно для того, чтоб во время тишины и благоденствия под ЕЯ державою, возбудить сердца действующих к приобучению сил и проворства, и дать повод любочестным, дабы не выходил из памяти у каждого дух ополчения, когда за веру, за Государя и за любовь к Отечеству, выступить на брань и собственным проворством и силами телесными подействовать нужда иногда востребует»²⁶.

Однако это не главная ее цель. Екатерининский праздник сочетает патриотизм и «нежность», «приятство». Именно поэтому в карусели участвуют благородные Дамы: «Сие величественное представление действующее знаменитым проворством выбравшихся Кавалеров, сколь много ни восхищало дух благородных зрителей и удивляло весь народ великолепием, но не меньше вело на ту же цель нежностью и приятством, когда все увидели в таком же ополчении и с такими же Кавалерскими доспехами Дам благородных в брони военной на колесницах по древнему обыкновению каждого народа устроенных, которые богатством и алле-

²² Третьяковский 1773, 40, 42.

²³ Об этом см., напр.: Соловьев 1995, 227; Алпатов 1985, 14–19; Свердлов 2011, 392–393.

²⁴ Санктпетербургские ведомости 1766, 27 июня, II.

²⁵ Санктпетербургские ведомости 1766, 27 июня, I.

²⁶ Описание 1766 года, 9. Ср. также: «<...> все зрители забыв представляющееся глазам их столь приятное и великолепное увеселение, вошли не чувствительно в разбор подробный прямых действий; а потому и находим истинную пользу, для которой благородность духа учредила в древние времена сию военную и поединочную школу. Таким то нечувствительным образом премудрые Государя вводят неприметно пользу в народах своих чрез посредство приятности и увеселения! И сие есть истинный путь внедривать в сердца благородные дух ополчения, военная начальство и храбрости» (Описание 1766, V).

горическими фигурами, а при том и хитростию художников воображали зрителям дух победоносия. Одежания Кавалеров богато блистало драгоценными камнями, но на Дамских уборах сокровища явились неисчетные: словом, публика увидела брильянтов и других родов камней на цену многих миллионов»²⁷.

Благодаря этому свойству «Великолепная карусель» останется в памяти потомков: «И сие было такое зрелище, которое к достопамятству на будущие времена всеконечно описать надлежит особливою книгою, дабы вкус и увеселения нынешнего века в царствие нашей премудрой Монархини, в котором полезное с приятным столь тесно, разумно и величественно соединено, известны остались отдаленным потомкам <...>»²⁸.

Организаторам праздника нужно было подчеркнуть, что в Петербурге сформировался современный тип придворной культуры. Поэтому совершенно естественно, что по его окончании дамы и кавалеры проследовали к столу императрицы. «Великолепная карусель», музыка, бал-маскарад — все это приметы нового галантного времени: «В заключение всего ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволила высочайшее Свое удовольствие оказать всем Дамам и Кавалерам в действии находившимся, и остаться повелела при столе Своем, который был поставлен особливою фигурою, так, что Судьи были подле ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, а действовавшие Дамы и Кавалеры подле них. Десерт был поставлен приличествующий Карусельным забавам, а при столе играла музыка вокальная и инструментальная; и по окончании стола начался бал в масках, который и продолжался до пятого часа по полуночи»²⁹.

Таким образом, императрица провозглашает синтез идей империи и галантности. Для этого ей и нужны амазонки. Россия не просто «равна» другим европейским державам. Ее «галантность» восходит к глубокой древности и ничем не уступает не только современной Франции, но даже и древним Греции и Риму³⁰.

Именно это и уловил Петров в этом празднике. «Карусель», как и Россия в целом, попадает в контекст мировой истории и культуры:

Во славе древняя Россия,
Рим, Индия и Византия
Являют оку рай отрад!³¹

Однако Россия не только уравнивается в правах с древнейшими цивилизациями, но и признается более значительной, чем, например, Римская империя:

Не столь сияют в небе звезды,
Не красен столь зари восход,
Ни Римлян в град преславны въезды,
Побед гремящих лестный плод,
Во веки тако не блистали:

²⁷ Санктпетербургские ведомости 1766, 27 июня, II. Ср.: «Но как карусель есть школа такая, которая соединяет полезное с приятным; то в действие сие вошли Жены и Девицы благородные» (Описание 1766, 9).

²⁸ Санктпетербургские ведомости 1766, 27 июня, II-III.

²⁹ Описание 1766, 11.

³⁰ Уместно напомнить в этом контексте, что идея древности и богатства русской цивилизации провозглашалась Екатериной и в «Записках касательно российской истории» (об этом подробнее см.: Ивинский 2012).

³¹ Петров 1811, 1, 4.

Коль красны Россы днесь предстали³².

Москва приравняется Исфму, Олимпу, Пифии, Ними, а Орловы — Демоклу, Ферону, Диагору:

Благополучен я стократно,
 Что в сей златой мне житии век
 Судило Небо благодатно,
 В кой всякий весел человек.
 Я видел Исфм, Олимп, Пифию,
 Великолепный Рим, Нимию
 Во больших красоте чудес.
 Я зрел Диагоров, Феронов,
 Которых шумом лирных звонов
 Парящий Фивянин вознес³³.

Знаменитая «славянщица» Петрова стала, по крайней мере на время, поэтическим эквивалентом «русской идеи» Екатерины. Поэтому никому не известный преподаватель Заиконоспасской академии становится выразителем ее идей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Н. Ю. 2005: Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.

Аллатов М. А. 1985: Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М.

Антидот 1869: Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II-й, или разбор книги аббата Шаппа д'Отероса о России // Оснадацый век. Исторический сборник, издаваемый П. И. Бартевым. Кн. 4. М.

Вачева А. 2005: «... Я страшно люблю верховую езду». Топос амазонки в автобиографии Екатерины II // Болгарская русистика. 3–4, 48–59.

Голицын Н. С. 1874: Всеобщая военная история новых времен. Ч. 3. Войны второй половины XVIII века в Западной Европе. 1740–1791. Войны Фридриха Великого. СПб.

Гуковский Г. А. 1998: Русская литература XVIII века. М.

Ивинский А. Д. 2012: Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». М.

Кочеткова Н. Д. 1999: Петров Василий Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К — П). СПб.

Лиштенан Ф.-Д. 2000: Россия входит в Европу. М.

Ломоносов М. В. 1766: Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.

Новиков Н. И. 1772: Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.

Описание 1766: Описание порядка, которым Каррусель происходил в Санктпетербурге при присутствии Ея Императорского Величества 1766 года Июня 16 дня // Прибавление к №51 Санктпетербургских ведомостей, во вторник июня 27 дня 1766 года.

Петров В. П. 1811: Сочинения. Ч. 1–3. М.

Проскурина В. 2006: Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.

Пумпянский Л. В. 1941: Третьяковский // История русской литературы. Т. 3. Ч. 1. М.; Л.

³² Петров 1811, 1, 13.

³³ Петров 1811, 1, 17.

- Пыляев М. И.* 1885: Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // ИВ. 22, 309–339.
- Санин Г. А.* (ред.) 1998: История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М. Санктпетербургские ведомости 1766: Санктпетербургские ведомости. СПб.
- Соловьев С. М.* 1995: Писатели русской истории XVIII века // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.
- Татищев В. Н.* 1768: История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. М.
- Тредиаковский В. К.* 1773: Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб.
- Чечулин Н. Д.* 1896: Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб.
- Шляпкин И. А.* 1885: Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736–1799) (По новым данным) // ИВ. 23, 11.
- Brogliè* 1890: Marie-Thérèse, Imperatrice, 1744–1746. T. 1. Paris.
- Castres S. de* 1773: Abrégé historique de la vie de Marie-Therese, Impératrice-Reine de Hongrie, et de Charles-Emmanuel III, Roi de Sardaigne, Tiré de la Galerie universelle des Hommes célèbres, etc. Paris.
- Fromageot* 1775: Annales du Regne de Marie-Thérèse, Impératrice douairiere, Reine de Hongarie & de Boheme, Archiduchesse d’Autriche. Paris.
- Todièrè* 1855: L’Autriche sous Marie-Thérèse. Rouen.

V. P. PETROV AND “SPLENDID CAROUSEL” (1766)

A. D. Ivinsky

“Splendid carousel” is usually associated with court festivities that go back to the epoch of Louis XIV. But one of its apparent messages has not come to the attention of scholars yet. Vienna in 1743 saw a so-called “ladies’ carousel” organized by Maria Theresa to celebrate Prague conquest, her first considerable success in the war for Austrian legacy. The festival symbolized the empire reunion. In 1766 another young empress decided to celebrate ‘the empire restoration’ after “evil deeds” of Peter III in a similar way, with a special part given to Amazons whom V. N. Tatishchev, M. V. Lomonosov, and V. K. Trediakovsky in their works called a ‘Slavonic tribe’. Catherine II used the argument to substantiate her “monarchist idea”. She aimed at proving that Russia as an ancient civilization with its rich history and culture compares with Europe. She also thought that the national should go with European gallant culture, the most vivid samples of which are presented by France. V. P. Petrov reflected principal ideologemes of Catherine’s reign in his ode “Onto the carousel”.

Key words: Catherine II, V. P. Petrov, “splendid carousel”

© 2013

Н. А. Тимофеев

РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА «СОСЕДИ» И «НЕСЧАСТЬЕ»: НА ПУТИ К ОБРАЗУ АКТИВНОГО ГЕРОЯ

В статье рассматриваются рассказы А. П. Чехова «Соседи» и «Несчастье» с точки зрения проблемы активности и бездействия героев. Через анализ образов и языковых особенностей раскрываются характеры персонажей. Показано, что Чехов стремился высветить разные причины несчастья своих героев: как нравственные, так и социальные. Данные рассказы — этап на пути к поздним произведениям, где писателем изображены более деятельные и волевые люди.

Ключевые слова: социально-нравственная проблематика, поэтика прозы А. П. Чехова, образ героя, активный герой, лейтмотив

В 1892 году А. П. Чехов публикует небольшой рассказ «Соседи». В произведении описываются страдания молодого помещика Петра Михайлыча, сестра которого, по его убеждению, опозорила их семью, уйдя к женатому человеку, Власичу.

Через эпизод из частной жизни Чехову удается показать многие характерные черты своих современников.

В конфликт вовлечены три главных героя: Петр Михайлыч, возмущенный поступком сестры, — с одной стороны, Зина и Власич — с другой. Незаметно, исподволь, Чехов показывает, что решимость и Петра Михайлыча, который стремится разрубить гордиев узел и быстро найти выход из сложившейся ситуации, и решимость Зины и Власича, казалось бы, бросивших вызов моральным установкам общества и поставившим любовь выше этих установок — мнимая, а пороки — сиюминутны.

Чехов посредством точно подобранных деталей при описании природы и обстановки создает особое минорное, «приглушенное» настроение, которое передает общую безрадостную и гнетущую атмосферу, в которой живут эти люди: «В поле было жарко и тихо... В лесу парило, и шел душистый тяжелый запах...»¹, «Было душно. Низко над землей стояли тучи комаров, и в пустырях жалобно плакали чибисы»², «...по обе стороны дороги стояли старые березы. Они были так же печальны и несчастны на вид, как их хозяин Власич, так же были тощи и высоко вытянулись, как он»³, (курсив мой — Н.Т.) Описание дома Власича: «в комнате было темно», «громадная, угрюмая комната», «на фортепьяне горела одна свеча», «просторно и уютно»⁴.

Герои по-разному стремятся вырваться из этой атмосферы, подняться над нею и действовать смело, однако эти попытки жалки, преходящи. «Нет, этого не будет! — вдруг крикнул Петр Михайлыч и ударил кулаком по столу. Он вскочил и выбежал из столовой. В конюшне стояла оседланная лошадь управляющего.

Тимофеев Никита Анатольевич — аспирант кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: ntimof88@mail.ru

¹ Чехов 1977/VIII, 55.

² Чехов 1977/VIII, 58.

³ Чехов 1977/VIII, 59.

⁴ Чехов 1977/VIII, 66.

Он сел на нее и поскакал к Власичу»⁵. Решимость передана обилием глаголов: «крикнул», «ударил», «вскочил», «выбежал», «сел», «поскакал». Но уже вскоре: «не думал», «не знал» и — «струсил»⁶.

Чехов показывает, что этот «взрыв» для Петра Михайлыча нехарактерен, по натуре он малоактивный человек, не стремящийся, невзирая на молодые годы, уже ни к чему: «Ему шел только двадцать восьмой год, но уж он был толст, одевался по-стариковски... В нем были уже все задатки помещика старого холостяка. Он не влюблялся, о женитьбе не думал...; любил хорошо поесть, поспать..., поговорить о политике и о возвышенных материях... В свое время он кончил курс в университете, но теперь смотрел на это так, как будто отбыл повинность..., мысли, которые теперь... бродили в его голове, не имели ничего общего с университетом и с теми науками, которые он проходил»⁷.

При характеристике Петра Михайлыча повторяются слова, говорящие о его преждевременном угасании: «по-стариковски», «старый», и невольно вспоминается пафосный выпад из раннего рассказа Чехова «Верочка», где статистик Огнев восклицает, укоряя себя за безынициативность и вялость: «О, собачья старость! Старость в 30 лет!»⁸.

В «Соседях» писатель вновь возвращается к этой проблеме, о которой он, по воспоминаниям М. Горького, размышлял так: «Странное существо — русский человек! — сказал он [т.е. Чехов — *Н. Т.*] однажды. — В нем, как в решете, ничего не задерживается. В юности он жадно наполняет душу всем, что под руку попало, а после тридцати лет в нем остается какой-то серый хлам. <...> Вся Россия — страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много едят, пьют, любят спать днем...»⁹.

Власич — из поколения, чья молодость пришлась на вторую половину 60-х годов (герою — 41, а произведение написано в 1892 г.), однако Чехов, с большим уважением относившийся к шестидесятиникам, не склонен идеализировать Власича. Напротив, писатель изображает его как человека неприспособленного, во многом наивного, с устаревшими взглядами, довольно узким кругозором. Даже Петр Михайлыч чувствует это: «Петр Михайлыч считал Власича хорошим, честным, но узким и односторонним человеком. В его волнениях и страданиях, да и во всей его жизни, он не видел ни ближайших, ни отдаленных высших целей, а видел только скуку и неуменье жить»¹⁰.

Власич давно утратил прежние идеалы, но продолжает делать вид, что он активный поборник либеральных, прогрессивных взглядов, и тем не менее по всему видно, что он защищает их без огня, «не эффектно и вяло»¹¹.

Чехов тонко отразил эти черты Власича в речи героя. Он говорит монотонно, что подчеркивается такой деталью: «Власич говорил... все в одну ноту, будто

⁵ Чехов 1977/VIII, 57.

⁶ Чехов 1977/VIII, 60.

⁷ Чехов 1977/VIII, 55.

⁸ Чехов 1976/VI, 79.

⁹ Горький 1955, 39-40.

¹⁰ Чехов 1977/VIII, 65.

¹¹ Чехов 1977/VIII, 64.

гудел»¹². Речь его скудна, однообразна, полна клише («светлые минуты»¹³ и т.п.), фразы бедны, избиты: восхищаясь Зиной, сестрой Петра Михайлыча, он в восторге называет ее так: «Это... благороднейшая женщина!»¹⁴ — возмущаясь поведением жены, говорит о ней, употребляя ту же конструкцию: «Это... ужасная женщина!»¹⁵.

В итоге попытка Власича продемонстрировать свою независимость, сойдясь с девушкой и бросив жену, тоже обречена на неудачу, потому что сам герой не меняется: совершив этот, скорее отчаянный, чем поистине смелый, поступок, Власич вновь апатичен и вял. Уход из дома Зины, двадцатидвухлетней девушки, ее желание поскорее показать на деле свои либеральные убеждения не кажутся продуманными, носят характер каприза и показной удали. Поэтому даже Петр Михайлыч скептически оценивает это: по его мнению, Зина «тоже либералка, но в ее вольнодумстве чувствуются избыток сил, тщеславие молодой, сильной, смелой девушки, страстная жажда быть лучше и оригинальнее других»¹⁶.

Всех трех героев объединяет одно: желание другой, более смелой и свободной жизни, но при этом — отсутствие ясной цели и сильной воли. Их захватывают истории о роковой любви, страстях (случай с Оливьером, отчаянный шаг — самоубийство — дедушки Власича): им кажется, что те люди жили другой, пусть опасной, но захватывающей жизнью. Мы видим, что устремления героев романтичны, фантазии наивны и иллюзорны, поэтому в реальной жизни эти люди поменять ничего не могут, хотя и совершают безрассудные и, как им самим кажется на первый взгляд, смелые поступки.

Вновь Чехов показывает нам людей, не способных к настоящей активной деятельности, не умеющих перевернуть жизнь и сделать ее более легкой и счастливой. Но если Власич, зрелый человек, неудачлив в силу своей природы (то есть, видимо, «от природы»), то почему слабы и неприспособленны (так же, как статистик Огнев из рассказа «Верочка») молодые люди — Петр Михайлыч и его сестра Зина?

Чехов не склонен сводить все только к особенностям характеров; напротив, писатель из рассказа в рассказ дает подробные портреты современников (все они схожи в одном — несчастливы, безынициативны или бездеятельны), как бы задавая вопрос: в чем же еще причина вялости, апатичности, неуспеха во всех делах, поступках? Влияние ли времени и среды, или же это распространенная особенность вообще русского человека?

На протяжении жизни Чехов вновь и вновь возвращался к проблемам, которые волновали его еще в начале творческого пути, по-новому, глубже рассматривал те жизненные ситуации, которые изображал еще в ранних произведениях 1880-х годов.

Сюжет, схожий с сюжетом рассказа «Соседи», был в произведении 1886 года — «Несчастье»: молодой человек, Ильин, добивается ответной любви от замужней женщины, Софьи Петровны Лубянцевой, и в итоге она после томитель-

¹² Чехов 1977/VIII, 60.

¹³ Чехов 1977/VIII, 62, 70.

¹⁴ Чехов 1977/VIII, 61.

¹⁵ Чехов 1977/VIII, 62.

¹⁶ Чехов 1977/VIII, 65.

ной внутренней борьбы сдается и, поддавшись порыву, уходит среди ночи на свидание к Ильину.

В этом раннем рассказе уже появляется тема стихийного, не вполне осознанного бунта против окружающей скучной, давящей атмосферы. Примечательно, что она рисуется отчасти в том же духе, что и в произведении «Соседи», например, передается описанием природы: «Было тихо и душно»¹⁷. Замкнутость мира, тесноту, невозможность вырваться символизирует насыпь, пересекающая просеку, по которой идут Лубянцева и Ильин, и в придачу на этой насыпи стоит часовой: «Вдали просека перерезывалась невысокой железнодорожной насыпью, по которой на этот раз шагал для чего-то часовой с ружьем»¹⁸. Что-то охранительное, надоедливое мерещится Лубянцевой даже в окружающей природе: «Сосны и облака стояли неподвижно и глядели сурово, на манер старых дядек, видящих шалость, но обязавшихся за деньги не доносить начальству»¹⁹.

Однообразие длинной, монотонной жизни символизирует образ поезда: «Длинной вереницей один за другим, как дни человеческой жизни, потянулись по белому фону церкви вагоны, и, казалось, конца им не было!»²⁰. Кажется, что даже и церковь вписана в это душное пространство: Чехов как будто намекает, что и религия тоже зачастую несет нечто охранительное, а на деле не может помочь отчаявшемуся, задыхающемуся в пошлости человеку: «Тотчас же за насыпью белела большая шестиглавая церковь с поржавленной крышей...»²¹ (курсив мой — *Н.Т.*). Чехов считал, что религия, вероятно, должна возродиться в новом качестве, потому что в прежнем своем виде она не отвечала духовным запросам и жажде интеллигентного человека; об этом он писал С. П. Дягилеву летом 1903 года: «...как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски в то время, как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего»²².

Софья Петровна поначалу пытается отторгнуть Ильина, который нарушает ее покой. Однако ее слова и поступки лишены живости, поэтому и сама речь Лубянцевой полна клише, в ней не отражаются искренние, глубинные чувства: «...вам, как моему старинному приятелю, известен мой взгляд на семью... на семейные основы вообще...»²³. Но истинные, «незаконные» желания Софьи Петровны, которые она пытается скрыть от себя, тревожат героиню. Сама Лубянцева, конечно, всего лишь прячется за «основами», о которых она с морализаторством говорит Ильину. В действительности же ей надоела та сытая, однообразная жизнь, которую она ведет.

Описание ее мужа дано через детали, которые подчеркивают, что он сам и Софья Петровна давно погружены в быт, что их жизнь лишена чего-то возвышенного: «Она думала и глядела на своего мужа, сытого, но все еще томного. Почему-то взгляд ее остановился на его ногах, миниатюрных, почти женских, обутых в полосатые носки; на кончиках обоих носков торчали ниточки... За спущенной сторой

¹⁷ Чехов 1976/VI, 247.

¹⁸ Чехов 1976/VI, 247.

¹⁹ Чехов 1976/VI, 251-252.

²⁰ Чехов 1976/VI, 252.

²¹ Чехов 1976/VI, 247.

²² Чехов 1982/XI, 234.

²³ Чехов 1976/VI, 248.

бился о стекло и жужжал шмель»²⁴. Участь шмеля как бы символизирует положение Софьи Петровны, которая тоже попала в сети однообразной, давящей жизни.

Муж показан вялым, скучным человеком: его характеризуют эпитеты «сытый», «томный»²⁵, «сонный»²⁶. Поэтому Софья Петровна, решаясь бросить хоть какой-то вызов этому миру, хоть как-то разорвать его путы, поступает необдуманно и, может быть, даже глупо или нелепо, среди ночи покинув дом, но этот шаг, хоть и отчаянный, выражает ее протест. Кроме того, Чехов невольно косвенно затрагивает в рассказе и проблему женской эмансипации, которая была актуальна в России в конце XIX века — начале XX века. (Эта же тема отчасти заявлена и в повести «Жена».)

О преодолении давящей среды, отупляющей человека, размышлял М. Горький в письме Чехову — много позже, по поводу рассказа «Дама с собачкой», где Чехов вновь обратился к теме любви женатого человека и замужней женщины и опять показал через эту ситуацию желание людей вырваться из серой, засасывающей жизни, в которую они погрузились во многом из-за собственных ошибок. Горький писал Чехову: «Огромное Вы дело делаете Вашими маленькими рассказиками — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни — черт бы ее побрал! На меня эта Ваша «дама» подействовала так, что мне сейчас же захотелось изменить жене, страдать, ругаться и прочее в этом духе»²⁷.

Таким образом, и в рассказе «Несчастье» (1886), и в произведении «Соседи» (1892) Чехов показывает нам отчаянные поступки героев — пусть неубедительные, мало созидательные, — однако в этих поступках ощущается нежелание людей смириться с обстоятельствами, стремление вырваться, выйти на другую дорогу. Задатки активного действия в этих персонажах налицо, однако Чехов не склонен был идеализировать своих героев или преувеличивать указанные качества. Он напряженно всматривался в жизнь и продолжал искать тот тип человека, в котором были бы ярко видны черты личности деятельной, с четкими целями и сильным характером.

ЛИТЕРАТУРА

Горький А. М. 1955: О литературе. М.

Горький А. М. 1949–1956: Собр. соч.: в 30 т. М.

Чехов А. П. 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.

A. P. CHEKHOV'S STORIES "NEIGHBORS" AND "MISFORTUNE" AS A TRANSITION TO AN ACTIVE CHARACTER'S IMAGE

N. A. Timofeyev

The paper considers two stories by A. Chekhov, "Neighbors" and "Misfortune", from the viewpoint of the characters' activity/inactivity. Image and language analysis makes it possible

²⁴ Чехов 1976/ VI, 254.

²⁵ Чехов 1976/ VI, 254.

²⁶ Чехов 1976/ VI, 259.

²⁷ Горький 1949-1956/XXVIII, 113.

to characterize personages. It also shows that Chekhov tried to highlight different causes of his characters' misfortunes, both ethical and social. These stories paved the way for his further narrations in which the writer depicted more active and resolute people.

Key words: social and ethical subject matter, poetics of A.P. Chekhov's prose, character's image, an active character, leitmotif

© 2013

М. А. Бурая

ПОЭТИКА «ВНУТРЕННЕГО» ЦИКЛА В ЛИРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье представлен опыт изучения особого метатекстового поэтологического явления, условно обозначаемого как «внутренний» цикл. Материалом для исследования послужил лирический контекст стиховорений 1908–1938 гг. О. Мандельштама. Автор рассматривает ведущий «внутренний» цикл в творчестве поэта, посвященный мировой культуре, и выявляет характерологические черты, отличающие данное образование от ряда смежных, а также определена перспектива дальнейшего исследования.

Ключевые слова: О. Мандельштам, лирическая циклизация, «внутренний» цикл, целостность

Циклизация как одна из ведущих поэтической тенденцией поэзии XX века продолжает оставаться одной из нерешенных многоаспектных проблем современного литературоведения. Ее сложность обусловлена неоднозначным экспериментальным характером поэтического творчества создателей первых метатекстовых явлений нового типа. Важность исследования циклизации (расширение уже существующих теоретико-методологических концепций и их возможное уточнение, создание новых классификаций и описаний) связана с возможностью потенциального дополнения и углубления контекстного метода исследования. И наиболее актуальным вследствие меньшей изученности оказывается разработка теории, посвященной нетрадиционным циклическим образованиям, которые возникли в творческой практике поэтов рубежа веков как новаторское, но широко представленное явление. Закономерно, что осмысление нового метатекстового образования должно начинаться с осмысления уже существующего и предшествующего родственного аналога, в со- и противопоставлении которому рельефнее выделяются классифицирующие признаки. В данном случае в качестве нового явления выступает «внутренний» цикл, а в качестве его предшественника и ближайшего сопоставимого поэтологического факта — цикл традиционный.

Бурая Мария Анатольевна — аспирантка кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: m_buraya@mail.ru

Наличие такого метаобразования, как «внутренний» цикл, в творчестве почти любого значительного поэта впервые стало объектом научного осмысления К. Ф. Тарановского. Присутствие особого «целостного» контекстного единства было для него несомненным фактом, однако исследователь не представил достаточно развернутой теоретической концепции, ограничившись беглым описанием: «У всех поэтов есть свои любимые темы, свои любимые образы и даже свои любимые слова. Все эти повторяющиеся темы и образы создают внутренние циклы в творчестве данного поэта, которые невозможно вместить в точные хронологические рамки. Более того, такие возвращающиеся темы могут быть характерны для нескольких поэтов-современников, вне зависимости от так называемых поэтических школ и исторических периодов <...> Само собой разумеется, что мы получим больше поэтической информации, если включим стихотворение в более широкий контекст и вскроем его связи с другими текстами»¹. Однако плодотворность контекстного исследования лирических стихотворений поэтов (на примере творчества О. Э. Мандельштама), убедительно представленная исследователем, свидетельствует о необходимости более подробного изучения этого явления.

Прежде всего «внутренний» цикл как поэтологический факт нуждается в соотнесении с наиболее близкими ему понятиями, прежде всего с традиционным циклом. Обзор существующих научных мнений по поводу традиционного цикла необходим для выявления значимых отличий, характеризующий цикл «внутренний». В определении Тарановским подразумеваемого явления как «внутреннего» содержится, очевидно, сопоставление с циклом традиционным, более «внешним» в значении «внешне», то есть формально оформленным.

Обращение к лирическому творчеству именно Мандельштама аспекте исследования циклизации как особого явления неслучайно. Присутствие некоей тенденции к созданию целостных образований в контексте всего творчества Мандельштама или в отдельном выделяемом периоде определяют почти все исследователи, включая тех, кто не ставит циклизацию непосредственной целью своего научного изучения. Анализ высказываний исследователей об особом характере творческого процесса поэта, тяготеющего к формированию тех или иных контекстов, подтверждает исходное предположение о существовании особого «внутреннего» цикла, основой которого, как и в случае с циклом традиционным, должна стать философско-эстетическая категория целостности. Последнее утверждение требует некоторых комментариев, подтверждающих возможность признать наличие целостности у не оформленного автором единства.

Первым таким комментарием должно стать уточнение определения целостности, которое в ряде случаев не дается исследователями традиционных циклов, хотя различия в трактовке понятия приводит к полемическим истолкованиям теоретических построений. Очевидно, что поэтологическая субстанциональная категория целостности берет свое начало в философско-эстетическом и психологическом изучении. Философия определяет целостность как «обобщенное обозначение комплекса различных по происхождению и разнородных представлений о системном единстве мироздания в качестве внутренне дифференцированного целого». Отмечаемый здесь признак внутренней дифференциации целого будет адекватен и для композиционной структуры «внутреннего» цикла, где диффе-

¹ Тарановский 2000, 18.

ренциации будет соответствовать возможность выделения определенных этапов, а целому — понятие лирического сюжета.

В психологии под целостностью понимается особое свойство восприятия, при котором любой объект, чьи элементы или составные части могут быть не явлены зримо в данный момент, тем не менее воспринимается как единый/ целый. Отсутствующие признаки работой воспринимающего сознания добавляются в целое познаваемого предмета или явления. В таком понимании другой гуманитарной науки для поэтологического цикла несомненно важен взгляд на целостность как свойство, присущее объектам, т.е. некая заданная и неустраняемая характеристика, обусловленная, в свою очередь, этими же объектами, точнее их особым способом бытия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концептуальное понятие целостности не связано с рядом формально проявленных признаков и может существовать у любого явления, представляющего собой особую, сложноорганизованную систему. Однако очевидно, влиянием философско-эстетической категории целостности обуславливает формирование набора отличительных поэтологических признаков «внутреннего» цикла.

Для полного уяснения объема понятия и сущностного содержания «внутреннего» цикла необходимо уточнить собственно литературоведческие критерии его выделения, которые одновременно будут и способами реализации особой имплицитно (в отличие от традиционных циклов с экспликацией) представленной целостности. В основу определения понятия должна быть положены уточненные и развитые признаки, отмеченные К. Ф. Тарановским. Соответственно, на основе высказывания исследователя и продолжения его мыслей в теоретико-методологическом аспекте к таким признакам «внутреннего» цикла можно отнести:

— единство тематического содержания/ «любимые темы»: каждый последующий из входящих в состав «внутреннего» цикла текст так или иначе развивает уже заданные в предыдущем теме;

— единую /сквозную систему мотивов и художественных образов/ «любимые образы и даже любимые слова»: варьируемая от полностью тождественных и повторяемых до синонимичных или семантически близких. К данному признаку примыкает система повторяющихся от текста к тексту система инвариантных символов и архетипических представлений;

Очевидно, что определенных исследователем характеризующих черт достаточно, чтобы выделить такое метатекстовое образование, как «внутренний» цикл. Однако, на наш взгляд, данный ряд может быть расширен посредством включения дополнительных признаков. Такое уточнение может позволить установить критерии для более точной дифференциации исследуемого явления («внутреннего» цикла) среди других циклических образований. К таким признакам, по нашему мнению, можно отнести:

— единство хронологического развития: полное представление и развертывание образов художественного времени и пространства может быть представлено или воссоздано только в контексте целого «внутреннего» цикла;

— единство образа лирического субъекта или единая система таких субъектов;

— единство инвариантных поэтологических приемов, призванных на формальном уровне отразить ключевые содержательные особенности: система художественных средств и приемов, особенности поэтического стиля и т.п.

Особая роль в создании единства «внутреннего» цикла принадлежит категории лирического сюжета, понимаемого преимущественно как развертывание рефлексии лирического героя и развития особого лирического конфликта. О важности участия этой поэтологической категории в лирической циклизации писал В.А. Сапогов, считавший наличие единого сюжета главным и определяющим признаком цикла как такового: «Лирический сюжет строится на развитии и оттенках авторской эмоции; сила и “центростремительность” поэтического чувства является тем моментом, который сдерживает стихотворения цикла в пределах единой поэтической структуры <...> Лирический цикл можно представить в виде небольших кругов, соприкасающихся, пересекающихся, а иногда и расположенных совсем изолированно, т.е. несколько лирических произведений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция»².

Специфика динамики лирического сюжета «внутреннего» цикла заключается в том, что все основные сюжетные категории могут быть полностью и адекватно интерпретированы только в контексте целого. При этом категория субъекта, ключевая для лирического сюжета, его позиция и спектр эмоционально-чувственных переживаний также восстанавливаются в рамках анализа всего цикла. Очевидно, что в таком случае лирический сюжет каждого отдельного стихотворения, входящего в состав единства, обладая своим собственным самостоятельным значением, может быть понят как под-сюжет, развивающий или представляющий тот или иной этап целого «внутреннего» цикла. Выделение лирического сюжета для «внутреннего» цикла оказывается особенно актуальным, так как именно эта поэтологическая категория может быть адекватной реализацией категории целостности. Введением категории лирического сюжета в кругозор характеризующих спецификаций в отношении рассматриваемого явления объясняется и причисление к ряду отличительных признаков хронотопического развития. Последнее, как известно, обладая самостоятельной значимостью, в рамках литературоведческого анализа не может быть отделено от исследования сюжета.

Лирический сюжет обуславливает и особенности композиционного содержания «внутреннего» цикла как «внутренне дифференцированного целого». Очевидно, что в метатекстовом единстве должны быть выделены определенные этапы, или составляющие целое части, причем именно в выделении таких частей реализуется главная со-творческая работа читателя и/или исследователя. Основные этапы лирического сюжета «внутреннего» цикла в целом соответствуют общепринятым выделяемым этапам любого сюжета (с учетом родовой специфики). Характерной чертой «внутреннего» цикла можно признать наличие своего рода смысловых центров — произведений, концентрированно представляющих всю совокупность отличительных особенностей целого. Их отличие от традиционной кульминации в более универсальном характере, тогда как кульминации — только частный этап в движении целого. Сюжет каждого стихотворения, являющегося

² Сапогов 1986, 90.

смысловым центром, совпадает с логикой развития метасюжета всего «внутреннего» цикла.

При таком наборе отличительных признаков «внутреннего» цикла возникает вопрос о его пределах и границах, за которые можно или нельзя выходить воспринимаящему сознанию (исследователя и/или читателя) в своей моделирующей сотворческой работе. Вероятно, что существует теоретическая возможность обнаружить такой пример лирического контекста, в котором все созданные автором произведения могут быть рассмотрены как единый «внутренний» цикл. Анализ конкретного материала показывает, что с большей частотой в рамках поэтического творчества индивидуальности сосуществуют произведения, принадлежащие разным «внутренним» циклам либо не входящие ни в одно из подобных образований.

Стоит также отметить, что в отличие от традиционно понимаемого цикла, «внутренний» цикл не содержит четкого и явно оформленного автором порядка следования текстов. Отсутствие архитектурной закреплённости как следствие ставит перед исследователем проблему соотнесения хронологии создания отдельных текстов и логики развития лирического сюжета. Как правило, при воссоздании целостности «внутреннего» цикла обнаруживается несовпадение естественной линейной хронологии и композиционного расположения отдельных произведений. И хотя установить однозначный, а тем более линейный порядок расположения текстов не всегда представляется возможным, восстановить последовательность частей в составе целого можно путем анализа лирического сюжета и его «внутренней» логики.

«Внутренний» цикл как поэтологическое явление нуждается в подробных исследованиях и дальнейшем изучении с определением его специфических особенностей формирования и функционирования. Очевидно, что дальнейшее изучение лирической циклизации, продолжение и разрешение существующих до сих пор исследовательских дискуссий и противоречий, позволит более полно описать «внутренний» цикл и точнее выявить его место в системе других метатекстовых образований. Итогом проведенной теоретической работы и обзора научной и исследовательской литературы по данной теме может стать рабочее определение «внутреннего» цикла как системы произведений одного автора, взаимосвязанных единством точки зрения лирического субъекта и его рефлексии, общностью тематической, мотивной и образной структур, а также целостным динамически развивающимся лирическим сюжетом и хронотопом.

В творческой традиции XX века явление циклизации становится одной из ведущих поэтологических тенденций, призванной осуществить в художественном акте творения эстетического объекта восстановление утраченной полностью или прерванной, нарушенной гармонии. Поиск единства и субстанциональных первооснов миропорядка для Мандельштама становится способом установления «большого диалога» как с быстро и хаотически меняющейся современностью, так и с непреходящей вечностью. Реализация же события приобщения «своего» кругозора к опыту и памяти «чужих», «других» сознаний позволяет поэту в образе лирического преодолеть тотальное ощущение одиночества и изменить свой статус «отщепенца» посредством участия в познавательном процессе. Актуализировать всеобщий характер связи различных явлений окружающего мира, показать

особую роль преемственности и последовательной повторяемости в причинно-следственном и временном развитии для Мандельштама становится основополагающей концептуальной задачей лирического творчества.

В художественном сознании поэта роль субстанционального объединяющего и конструирующего единства, определяющего характер особенностей содержательной и поэтологической реализации, становится категория целостности. Воссоздаваемая в художественном творчестве целостность требует особой композиционной формы, отражающей в равной степени как результат процесса (установление гармонического бытия и отсутствующих или не осознаваемых ранее связей и закономерностей), так и саму модель его развития. Такой композиционной формой в творчестве Мандельштама становится «внутренний» цикл как особое поэтологическое явление, характеризующееся рядом значимых поэтологических особенностей. Единство частей и связность целого создается в данном случае прежде всего сквозным развитием общего лирического сюжета. Этапы этого сюжета с соответствующим динамическим стадийным развитием лирического субъекта как носителя точки зрения и кругозора воспринимающего сознания становятся этапами, которые выделяются в пределах «внутреннего» цикла как относительно самостоятельные, но неразрывно связанные друг с другом смысловые части.

Как показал анализ ключевых стихотворений, входящих в состав «внутреннего» цикла на разных его этапах (стихотворение «Камень», так называемый «античный текст», поздняя лирика 1925–1930-х годов и др.), контекстный подход к изучению произведений поэта, предполагающий рассматривать их не только имманентно и изолированно, но и как часть сложного целого, оказывается более эффективным, позволяя комплексно и мотивированно объяснить как очевидные содержательные и поэтологические особенности, так и «темные», затрудненные для понимания и восприятия. При этом условное моделирование и выделение некоего контекста в рамках поэтического творчества индивидуальности не может быть произвольным, но требует определенного обоснованного основания. Критерием для включения в состав «внутреннего» цикла тех или иных стихотворений стало их соответствие общему лирическому сюжету либо его отдельному этапу, а также присутствие и развитие в художественном тексте тех или иных поэтологических особенностей, мотивированных реализацией концепта восстанавливаемой целостности. Гибкость и мобильность предлагаемого нетрадиционного метатекстового единства «внутренний» цикл как нехронологического и не закрепленного в однозначной архитектонике позволяет включить в его состав как отдельное взятое стихотворение, так и более сложные составляющие — поэтический сборник («Камень») или тематический контекст произведений («античный» текст). При этом активность читательского и исследовательского участия в восприятии лирического контекста и моделировании неких общностей на основе тематической, образно-мотивной или ассоциативной близости также входит в поэтическую задачу и мотивируется ей. В исследовательском или читательском со-авторстве, которое оказывается необходимым условием для осуществления «внутреннего» цикла как незакрепленного в строгой последовательности и архитектонической однозначности единства, оказывается реализованной идея диалогического взаимодействия «своего» и «чужого» сознаний, со-участия собеседника.

Модель развития лирического сюжета как конструирующая основа «внутреннего» цикла предопределяется ключевым событием, которым становится широко понимаемое процессуальное событие познания. Познание окружающего мира для поэта не изначально заданная способность, а реализуемая в движении, благодаря пробуждению инициативной воли воспринимающего сознания возможность. Целостность познания связана с его осуществлением на разных уровнях, в единстве которых охватывается в кругозоре лирического героя весь универсум. На поэтологическом уровне эта особенность реализуется в варьированном тематическом содержании цикла (тема природы, бытовой материальной и художественностей культуры, истории, религии, творчества и др.), которое однако, представляя разнообразие сфер восприятия мира, сохраняет инвариантное содержание. Инвариантность и вариативность как две формально-содержательные категории познавательного процесса также оказываются концептуально значимыми, актуализируя философско-эстетические особенности художественного сознания Мандельштама-поэта. На уровне композиционного и метатекстового целого инвариантный единый сюжет целого «внутреннего» цикла реализуется в ряде вариантов, в качестве которых выступают отдельные составляющие элементы (чаще всего — стихотворения).

Целостность на уровне композиционного целого воплотилась и в соотношении и одновременном развитии вариативно представленного инвариантного сюжета о познании. После исследования лирического контекста стихотворений, так или иначе представляющих ключевые темы моделируемого «внутреннего» цикла (природы и мировой культуры), было определено две основных разновидности сюжета о познании, связанных соответственно с индивидуальным субъектом восприятия («я») и с обобщенным субъектом, в роли которого может выступать любая индивидуальность, прошедшая аналогичный путь (в пределе — человечество, обобщенное «мы»). Первый вариант сюжета посвящен частному познанию окружающего мира лирическим героем, восстановлению им в собственной рефлексии утраченной целостности и пробуждению творческой способности, которая, в свою очередь, будет обращена к «чужому» сознанию собеседника, чья задача — осуществить подобный процесс познания. Вторая вариант сюжета представляет познание, происходящее в масштабах универсума, и заключающееся в динамическом и соотношенном процессе космогонии и эсхатологии. Восстановление целостности предполагает воссоздание основных этапов творения и разрушения, постоянное повторение («вечное возвращение») которых обеспечивается особой устойчивостью и динамическую подвижность любой сложной системы. Особый же характер целостности на макроуровне, как правило, реализуется в одновременном и нераздельном развитии обоих сюжетов, составляющих инвариантный метасюжет познания и творчества.

Особый характер динамического развития сюжета о познании обуславливает особенности хронологического содержания «внутреннего» цикла, модель которого складывается из единства выделяемых этапов. Каждому этапу соответствует ряд поэтологических особенностей реализации тематического содержания, а также соответствующее состояние и качественно новое изменение в эволюции лирического героя, полное представление о котором может быть получено только после рассмотрения всего «внутреннего» цикла. В результате исследования

стихотворений Манделъштама как потенциально образующих особое целостное единство было выделено три этапа, границы которых установлены прежде всего не по хронологическому принципу, а в соответствии с развиваемым в том или ином частном лирическом сюжете ключевым лирическим событием.

Первому этапу соответствует изображение синкретического состояния окружающего мира, которое может быть охарактеризовано как одновременно присутствие жизни и смерти, сна и бодрствования. Причем начальный этап тесно связан с завершающим, так как согласно мифопоэтической и философско-эстетической мысли поэта, финальное событие не является абсолютным концом, а вызывает новое движение, повторяющее основное развитие. Главным событием первого этапа становится пробуждение индивидуального сознания и потенциальное появление рефлексии индивидуальности, которая пока направлена на попытку само-осознания и соотнесения собственного существования с бытием окружающего мира. Данный этап открывается преимущественно ранними произведениями 1908–1909 гг., а основное развитие и получается в стихотворениях 1909–1913 гг., с кульминационным центром — в первом поэтическом сборнике Манделъштама. Именно в текстах «Камня» происходит расширение кругозора лирического героя, связанное с полным тематическим представлением основных познаваемых сфер при преобладании и доминировании мировой культуры.

Во втором этапе эволюционирующее сознание субъекта, ощутившее и познавшее в финале предшествующего периода драматизм разрушенной целостности и несоответствия масштабов собственного бытия (краткого, преходящего и ограниченного) и бытия окружающего мира (вечного гармоничного постоянного, реализованного прежде всего в памятниках мировой культуры), сосредоточено на рефлексии временного и исторического развития, связанного с представлением о прошлом, ушедшем и настоящем. Концепт целостности на данном этапе предполагает понятие синтеза как непротиворечивого объединения разных тематических сфер, наиболее ярко воплотившегося в окружающей героя природе. Появление античности как особого символического топоса мотивировано движением метасюжета, на втором этапе которого воспринимающее сознание способно не только констатировать собственные субъективные состояния, но и осознавать временную и историческую преемственность и повторяемость. Поиск основ для необходимого восстановления целостности вызывает обращение к другим эпохам, причем выбор в пользу античности обусловлен ее инвариантным синтезным содержанием, вариативной реализацией которого выступают два других символически значимых топоса – Крым (Таврида) и Санкт-Петербург. Эволюция лирического субъекта, предполагающая его качественные изменения, одним из своих следствий имеет усиление и усложнение характера диалогичности как важнейшей содержательной и поэтологической особенности. Основу второго периода составляют тексты 1913–1925 годов, при этом одним из важнейших смысловых компонентов этого условно самостоятельного единства выступает так называемый «античный» текст, требующий, однако, не изолированного, а контекстного рассмотрения. Включение стихотворений данной тематической группы в состав «внутреннего» цикла позволило не только объяснить ряд присущих им поэтологических особенностей, но и дать более полный анализ античных образов и мотивов, в той или иной форме представленных в текстах следующего периода.

Главное лирическое событие третьего этапа совпадает и с главным событием метасюжета целого — осуществлением познания и завершением рефлексии и эволюции субъекта — и реализуется в двух вариативных частных сюжетах: это пробуждение творческой способности и полное ее осуществление и динамическое завершённое развитие космогонического и эсхатологического процессов, связанным прежде всего с непосредственным развертыванием и становлением в восприятии активного сознания мифопоэтической картины мира. Драматизм, усилившийся во втором этапе в связи с пониманием лирическим героем ограниченности гармонической целостности прошлого, присущей античному миру, преодолевается в стихотворениях 1925–1930-х годов, которыми завершается «внутренний» цикл. Возможное восстановление целостности происходит благодаря осуществившемуся синтезу трех времен — прошлого, настоящего и будущего, осознанию и полному пониманию причинно-следственных связей, осуществляющихся в нелинейном повторяющемся развитии. Итогом этого становится появление уже собственной творческой способности, приобщающей лирического героя к миру «чужих» сознаний. Полным завершением движения сюжета становится возвращение обогащенного новым опытом и приобщившегося к познанию субъекта к исходному синкретическому состоянию (что позволяет обычно произойти объединению двух частных сюжетов).

Одним из итогов исследования стихотворений, согласно логике функционирования «внутреннего» цикла, стала возможность объяснения хронотопических особенностей лирического контекста Мандельштама, которые можно представить в виде условной модели, наиболее ярким символическим воплощением которой становится символический архетипический образ круга и мотив кругового движения. Такая форма как репрезентирующая особое явление цикличности (лат. *circulus* от др.-греч. κύκλος — окружность) оказывается особенно значимой. Развитие сюжета «внутреннего» цикла связано с представлениями о круговом движении времени и пространства: длящемся, повторяющемся, не предполагающем однонаправленного вектора, устремленного в однозначное завершение. Любой этап, выделяемый в составе «внутреннего» цикла, может быть соотнесен с точкой на окружности — которая фактом своей отметки делит единство окружности на части, соотносящиеся с ней и свидетельствующие об определенной условности понятий «конец» и «начало».

Изучение «внутреннего» цикла как особой целостной системы позволило понять принципы и цели функционирования субъектной структуры в лирическом творчестве Мандельштама. Главным смысловым центром в ней оказывается лирический герой — познающее сознание, — чья точка зрения и чей кругозор восприятия доминирует в большинстве текстов, отражая постепенно происходящую общую эволюцию и динамику развития. Однако полностью понять особенности происходящим с субъектом изменения становится возможным после соотнесения его с рядом других героев, составляющих ряд его ролевых аналогов, представленных многообразно (исторические реальные личности, легендарные мифические герои и героини художественных произведений, обобщенные типы по профессиональному или другому характеризующему признаку и т.п.). Общим признаком для включения того или иного персонифицированного образа в этот ряд становится возможность его отнесения к особому типу, условно определенному как «человек

творящий». Стремление приобщиться к данной общности в определенном смысле мотивирует движение развития лирического героя, который проходит путь от едва выделенного из синкретического состояния собственного сознания до появления креативной способности. Главные отличительные черты «человека творящего» — инициативная воля, стремление к познанию и владением особым «знанием», создающее деятельное начало, благодаря которому возможно преодоление традиционных и ограниченных представлений о времени и пространстве. Обобщенное субъектное «мы» в мифопоэтической и философско-эстетической системе Мандельштама связано именно с единством людей «творящих», которые способны к осуществлению диалога и взаимодействию «своего» и «чужого» опыта.

Перспектива изучения лирического творчества Мандельштама с точки зрения существования и моделирования нетрадиционных циклических образований предполагает выделение других возможных «внутренних» единств, а также углубление и расширение представлений об уже воссозданном. В случае возможного выделения нескольких «внутренних» циклов необходимо обнаружить их существенные содержательные и поэтологические характеристики, которые могут стать основанием для дифференциации. Наличие двух и более «внутренних» циклов потребует от исследователя определения и описания их соотношения и возможного взаимодействия. В случае констатации одного преобладающего метатекстового единства, развивающего магистральный для мировоззрения Мандельштама сюжет о познании, возникает необходимость решения вопроса о возможном тождестве между «внутренним» циклом и целым контекстом лирического творчества поэта.

Отдельным проблемным аспектом в будущем направлении изучения может стать вопрос о границах «внутреннего» цикла и его соотношения с другими метатекстовыми образованиями, включая традиционный цикл, а также ряд явлений, выделяемых литературоведами применительно к контексту творчества Мандельштама и/или других поэтов (так называемые «двойчатки», варианты, монтажные композиции и др.). Ряд частных уточнений требует проблема композиции и архитектоники «внутреннего» цикла, предполагающая соотнесение части и целого: одинаков ли статус элементов единства, представленных отдельным стихотворением, «двойчаткой», моделируемым рядом, поэтическим сборником, микроциклом?

Особого внимания в связи с выделением «внутреннего» цикла в дальнейшем исследовании заслуживает проблема соотношения лирического и прозаического контекстов в творчестве Мандельштама. Традиционное и широко распространенное комментирование тех или иных содержательных и поэтологических особенностей стихотворений с привлечением авторских метапоэтических характеристик из прозаических эссе свидетельствует о глубинной связи двух родовых контекстов: эпического и лирического. При этом литературоведами неоднократно отмечался особый лиризм как одно из основных свойств, предопределяющее ряд частных особенностей прозы поэта. В таком случае актуальной оказывается перспектива дальнейшего исследования «внутреннего» цикла в сравнительно-сопоставительном аспекте — в соотнесении с прозой Мандельштама, прежде всего рядом критических эссе, посвященных творческой проблематике («О собеседнике», «Франсуа Виллон», «Утро акмеизма», «Слово и культура», «О природе слова» и

др.), а также работой «Разговор о Данте». Отдельно может быть выделен вопрос о соотношении «внутреннего» цикла с художественной прозой поэта («Шум времени», «Египетская марка», «Путешествие в Армению», «Четвертая проза»).

Перспектива дальнейшего исследования может предполагать и расширение исследуемого творческого материала при обосновании применения поэтологического понятия «внутренний» цикл к лирическому наследию других поэтов начала — первой половины XX века. В этом случае одна из наиболее интересных литературоведческих задач заключается в сравнении содержательных и формальных особенностей «внутренних» циклов, развивающих сходный лирический сюжет у разных поэтов.

Будущее изучение «внутреннего» цикла может помочь в решении существующей и до сих пор актуальной по отношению к лирическому творчеству Мандельштама текстологической проблемы, неизбежно ставящей перед исследователями ряд вопросов, связанных с прояснением «темных» или несовпадающих в разных публикациях вариантах одного текста; с определением статуса стихотворения (какой вариант следует признать каноническим, а какой вариантом и в каком случае речь может идти о бытовании двух близких, но не тождественных и самостоятельных произведений), с возможностью объединения нескольких текстов в неавторский (редакторский) цикл и т.п.

Одно из наиболее важных преимуществ контекстного исследовательского подхода — возможность прочтения и интерпретации традиционно признаваемым «затемненными» в смысловом отношении произведений. В их отношении может быть произведена экстраполяция выводов, полученных при анализе других тесно связанных образно-мотивной или ассоциативной связью стихотворений. При этом оказывается возможным осуществить те философско-эстетические и поэтологические требования и принципы восприятия и функционирования эстетического объекта, которые были значимы для Мандельштама-поэта и которые отражены и зафиксированы им в лирических стихотворениях, а также в ряде художественных и критических эссе.

ЛИТЕРАТУРА

- Сапогов В. А. 1966: Язык и стиль художественного произведения. М.
Тарановский К. Ф. 2000: О поэзии и поэтике. М

INNER CYCLE POETICS IN LYRIC WORKS OF O. MANDELSHTAM

M. A. Buraya

The article presents the study of a specific metatextual poetological phenomenon that for convenience is called inner cycle. The study is based on the lyric context of O. Mandelstam's poems written during 1908–1938. It covers the poet's key inner cycle that is concerned with world culture. The study revealed characteristic features that help to tell the phenomenon under study from closely-related ones and outlined the prospects for further study.

Key words: O. Mandelstam, lyric cycling, inner cycle, integrity

© 2013

Е. О. Шацкий

ТЕМА ПОСЛЕВОЕННОЙ СУДЬБЫ СОЛДАТА В РОМАНЕ ЮРИЯ БОНДАРЕВА «НЕПРОТИВЛЕНИЕ»

Тема неустроенности бывшего солдата в мирной жизни — одна из древнейших в литературе. Трагично её прочтение в романе Ю. В. Бондарева «Непротивление» (1995 г.). Неблагодарность общества предстаёт как симптом духовного нездоровья, нравственного упадка.

Ключевые слова: русская литература XX в., тема войны, Ю. В. Бондарев

В романе «Непротивление» Ю. В. Бондарев выразил своё эстетическое отношение к одной из древнейших тем в мировой литературе: возвращения солдата с войны — часто победоносной, — и неустроенности его послевоенной жизни. Первым темы коснулся Гомер в «Одиссее», герой которой вернулся «в дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей // он всё не избег от тревог)» и обнаружил, что дом его разоряют буйные женихи, сватающиеся к его жене: «А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои // Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить // Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа // Душу моей благородной жены сватовством ненавистным, // Правду святую богов позабыв, не страшася ни гнева // Их, ни от смертных людей за дела незаконные мести!». Тревоги Одиссея, как известно, разрешились тем, что он перенёс войну в мирную жизнь: «Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева, // Как ни попало, они убивали». Представлена в поэме и другая альтернатива судьбы вернувшегося воина: «В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста» (Ном.П.) Тему можно найти в эпосе разных стран, в частности, в русских былинных сюжетах о ссоре Ильи Муромца с Владимиром из-за неуважения, проявляемого на княжьих пирах к заслуженному богатырю¹. Следовательно, Ю. В. Бондарев обращается в романе к одной из древнейших русских и мировых литературных традиций.

Война, к сожалению, сопровождала всю историю человечества, и тема (оставившая в русской классической литературе след, в частности, в «Повести о капитане Копейкине» Н. В. Гоголя) благополучно «дожила» до XX столетия. В 1906 году в стихотворении «От павших твердынь Порт-Артура» Т. Л. Щепкина-Куперник описала судьбу истомлённого «калеки-солдата», вернувшегося «с кровавых манчжурских полей» и узнавшего, что жена и сын убиты 9 января, мать забита нагайками, брат-матрос расстрелян без суда. Конец стихотворения предвещает будущее. И здесь, казалось бы, оконченной войне суждено продолжиться в тылу: «Ни слова солдат не ответил, // Лишь к небу он поднял глаза... // Была в них великая клятва // И будущей мести гроза»². Затрагивалась проблема в зарубежной

Шацкий Евгений Олегович — кандидат филологических наук, докторант кафедры литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. E-mail: evgole@yahoo.com

¹ Путилова 1986, 101–103, 103–106, 390–391.

² Щепкина-Куперник 1989, 216–217.

классике, в частности, в романе «Возвращение» (1933) Э. М. Ремарка: «Скажите, что вы сделали для нас, когда мы вернулись с фронта? Ничего! Ровно ничего! Вы оспаривали друг у друга победы, закладывали памятники неизвестным воинам, говорили о героизме и уклонялись от ответственности! Нам вы должны были помочь! А вы что сделали? Вы бросили нас на произвол судьбы в самое трудное для нас время, когда мы, вернувшись, силились войти в жизнь!»³.

Закономерно, что тема неоднократно рассматривалась и в литературе после Великой отечественной войны («Батальонный разведчик» А. П. Охрименко, С. М. Кристи и В. Ф. Шрейберга, «Враги сожгли родную хату» М. В. Исаковского и т. п.). Секретарь Шолохова Ф. М. Шахмагонов вспоминал, что на вопрос о том, почему в рассказе «Судьба человека» была исключена сюжетная линия репрессирования главного героя за плен, М. А. Шолохов ответил: «А ты думаешь, на свободе легче сложилась его судьба? Жизнь, исковерканная войной, а списать на то, что его в лагерь отправили, это вылегчить тему... А подумай, и без лагеря, что они получили в награду, солдаты этой войны?»⁴. Действительно, шолоховский Андрей Соколов, хотя и спасся через встречу с Ванюшкой от пристрастия к известному на Руси «вредному делу», но мирная жизнь его неустроенна и неприкаянна, глаза наполнены «неизбывной смертной тоской»; равнодушие к судьбе героя войны проявляет автоинспектор, лишивший его водительских прав, а следовательно, и заработка. Можно заключить: проблема, «что они получили в награду, солдаты этой войны», волновала многих писателей, прошедших Великую отечественную.

Тема послевоенной судьбы солдата основана на противоречии между боевыми заслугами героя и тем, что в мирной жизни его встречают неожиданные невзгоды. Несчастье героя — не столько в полученных ранах, и даже не столько в потере семьи, сколько в неблагодарности, проявляемой многими из тех, кто остался в тылу. Один из возможных путей разрешения конфликта: в мечтах героя («Грабители, сволочи тыла, // Как носит вас наша земля! // Я понял, что многим могила // Придет от мово костыля»⁵ — размышляет герой «Батальонного разведчика») или в действительности война переносится в тыл, и изображено это так, что вызывает понимание и даже сочувствие читателя, слушателя, зрителя (легко заметить, что к тому же сюжету восходят многие боевики, включая известный роман канадского писателя Д. Морелла «Первая кровь» (1972) и его голливудскую экранизацию «Рембо» (1981)).

Новое, трагическое прочтение темы и образа мы находим в романе Ю. В. Бондарева «Непротivление» (1995). С первых строк читателя захватывает полифония послевоенной жизни, сквозь которую идёт главный герой — бывший разведчик Александр Ушаков: «смешанный гул голосов, крики, смех, грубую ругань, визгливые звуки шарманок, всхлипы, переборы аккордеонов и хриплые солдатские песни, сквозь сплошной вой этой пахнувшей нездоровым потом толпы, хаотично толкающейся, сжатой в каком-то сумасшедшем круговороте»⁶. В общем разноголосом гуле резко и непримиримо звучат голоса двух враждующих сторон: фронтовиков и тыловиков.

³ Ремарк 1988, 388.

⁴ Котовчихина 2012, 812.

⁵ Охрименко 2007, 190.

⁶ Бондарев 2000б, 11.

Фронтвики озлоблены на «всех тыловых. Я б их... Жалею, что «катюши» сюда не привел. Шарахнуть бы по всем этим гнидам зажигательными»⁷, «Война с тыловыми шмакодявками. <...> когда мы воевали, они в тылу огребали гроши и жирели на солдатской крови»⁸. «В наше... братство пропуск простой. Парень должен... пройти войну не как бобик, а как мужик... Тыловые бобики, замаскированные власовские мокрицы и всякая разжиревшая за войну мразь — наши враги»⁹.

Тыловики не понимают и боятся возвратившихся с фронта. Логически безупречно обосновывает своё неприятие не воевавшая студенческая молодёжь: «Мы никогда не поймем друг друга! Вы из другого мира, вы убивали, убивали... и вы способны на все!..»¹⁰, «Вы вернулись с фронта и хотите быть господами. Не выйдет! Вы отстали во всем — в образовании, в знании нормальной жизни, в культуре...»¹¹, Главный герой осознаёт: «да, воевали мы и победители мы. А рядом с нами они, невоевавшие, не чувствуют свою близость к нам, хотя почти наши одноклассники (...) Мы как будто из разных стран. Как будто мы разной крови. Мы — чужие»¹². Писатель утверждает это с болью, сочувствуя вчерашним солдатам.

Однако граница, по которой сама жизнь разделила послевоенное общество, не так проста.

Единство фронтвиков в мирной жизни не прочно: «Где же наше фронтовое братство?»¹³, — размышляет герой после драки из-за девушки с контуженым лётчиком; не до проблем бывшего командира и фронтовому товарищу, уже создавшему свою семью. Среди уголовников — стервятников послевоенного времени — не только уклонившиеся от призыва, но и бывший ординарец при штабе. Бездушные представители власти к фронтвикам подчеркнута сюжетной ситуацией, которая почти аналогична одной из коллизий «Судьбы человека». Так же, как шолоховский Соколов, несмотря на болезнь сердца, вынужден сорваться с места, искать новое пристанище из-за казенного формализма автоинспектора, так и раненый Ушаков покидает последнее надёжное убежище из-за рьяной придирчивости участкового — тоже фронтвика, прошедшего на войне путь от передовой до СМЕРШа. Не случайно, что именно после этого столкновения главный герой с горечью признает нравственную неравноценность тех, кто вернулся с войны: «Только теперь начинаю понимать, что большинство шантрапы выжило и приспособилось к тыловой жизни, а лучшие ребята погибли!»¹⁴.

Итак, подлинный корень раскола в обществе, по Ю. В. Бондареву, заключается не в наличии или отсутствии боевой биографии. Ушаков встречает понимание и искреннюю поддержку у невоевавшего художника Максима и его сестры Нинели. То, что между «фронтвиками» и «тыловиками» нет непроходимой пропасти, что они могут понять друг друга, подчёркивает и реплика главного героя возле картины Максима, изображающей сгоревшую деревню: «От картины дохнуло

⁷ Бондарев 2000б, 15.

⁸ Бондарев 2000б, 130.

⁹ Бондарев 2000б, 120.

¹⁰ Бондарев 2000б, 87.

¹¹ Бондарев 2000б, 88.

¹² Бондарев 2000б, 88.

¹³ Бондарев 2000б, 65.

¹⁴ Бондарев 2000б, 254.

тоской умерщвленной земли, какую много раз видел Александр (...) — Ты сказала, что твой брат не воевал, — проговорил Александр. — Откуда он это знает, Нинель?»¹⁵.

Граница человекомерная — нравственная. Максима роднит с Александром — неподдельное прямодушие, свободолюбие, ненависть к «родной мрази». Нинель — «разборчивая, строптивая невеста» — выбирает именно Александра за его человеческие качества. И Максим, и Нинель презирают трусость¹⁶, не могут оставить в беде человека, которому нужна их помощь. Есть и различие: если Максим «преклоняется перед фронтовиками», то Нинель видит их неприспособленность к мирной жизни: «Милые мальчики, вы сидите в окопах и не хотите вылезать?»¹⁷; «Вы закупорены войной, каким-то сумасшедшим фронтовым братством, убийством людей, не обижайся, пожалуйста. И ненавистью ко всем тыловикам. Так это, Саша?»¹⁸ Нинель искренне хочет помочь Александру вырваться из войны душой.

Но хозяевами мирной жизни оказываются не такие люди, как Нинель и Максим. Жизнь приводит фронтовиков к столкновению с бандой уголовников, поддерживающей неофициальные связи с «блюстителем порядка и закона»¹⁹. И в отношениях с этими людьми мир оказывается невозможен. Гибнут сторонники «непротivления»: мать Александра, санитар Эльдар. Не случайно это слово вынесено в заглавие романа: для Ю. В. Бондарева, непротivление — позиция, недостойная человека, уважающего себя. Человек не щепка, текущая по течению. Он должен сопротивляться, отстаивать свою позицию, конечно, человекомерными средствами. И конфликт вернувшегося с фронта солдата и хозяев мирной жизни разрешается традиционно — солдат начинает войну в тылу. И гибнет, взяв с собой нескольких врагов, но он не в силах изменить порядок, в котором хозяевами жизни становятся приспособленцы, трусы, подлецы: «его офицерского порыва, былой солдатской непримиримости не хватит на то, чтобы к чертовой матери перевернуть тыловую жизнь послевоенной Москвы, сделать так, как он хотел бы, — порой смешно и даже опасно выглядело его желание справедливости, жажда ушедшего в прошлое товарищества, чего он искал в родном городе и не находил, то и дело ожесточаясь»²⁰.

Для понимания романа «Непротivление» важно не только время действия произведения, но и время его написания — 1995 год. Омоновцы избивают ветеранов, политики-либералы цинично рассуждают о скорейшем вымирании пенсионеров, безнаказанно процветает бандитский промысел. Этой эпохе Ю. В. Бондарев посвятил свой следующий роман «Бермудский треугольник» (1995–1999), в котором — в сцене из октября 1993 года — также появляется бывший фронтовик: «Я пулеметчиком воевал... Ежели бы... Ежели бы со мной был родной мой ДП, я бы ни одного диска... я бы этих... я бы ни одного диска целым не оставил, — сказал он, отдышавшись. — Убийц убивать надо... Смерть за смерть. Как на вой-

¹⁵ Бондарев 2000б, 223.

¹⁶ Бондарев 2000б, 203, 255.

¹⁷ Бондарев 2000б, 95.

¹⁸ Бондарев 2000б, 172.

¹⁹ Бондарев 2000б, 244.

²⁰ Бондарев 2000а, 55.

не... (...) с суматошными вскриками: “Что вы делаете, фашисты?” — кинулся разнимать, а молоденький омовец резким выбросом автомата в живот откинул его в сторону. Мужчина согнулся, охватил живот, со слезной натугой продохнул: “В язву ты меня, вошь мокроноса! Ах, щенок! Ты ж в сыны мне!..” — и задавил слова силным стоном. Молоденький омовец бодливым козлик в плотную подскочил к нему, в перевозбужденном веселье ощерил мелкие зубы: “Ничего, пройдет, отец! Я тебя по-сыновьи вылечу!” — и выпадом “коли!” вторично воткнул ствол автомата в живот мужины»²¹. Перед нами предстают духовные наследники послевоенных подонков, до логического предела доходят жизненные тенденции, отмеченные в предыдущем романе, наступает закономерный результат непротivления тому, с чем мириться нельзя.

Таким образом, неустроенность вернувшегося солдата, неблагодарность общества по отношению к своим защитникам в романе Ю. В. Бондарева предстают как грозные симптомы духовного нездоровья общества, нравственного упадка, предвестник будущей гибели страны, позабывшей, говоря словами Гомера, «правду святуу богов». Закономерна и в высшей степени праведна в этих условиях «от смертных людей за дела беззаконные месть».

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарев Ю. В.* 2000а: Бермудский треугольник. М.
Бондарев Ю. В. 2000б: Непротивление. М.
Путилов Б. Н. 1986: Былины: Сборник. Л.
Котовчихина Н. Д. 2012: «Судьба человека» // Шолоховская энциклопедия / Ю. А. Дворяшин (ред.). М.
Охрименко А., Кристи С., Шрейберг В. 2007: Батальонный разведчик // В нашу гавань заходили корабли: Антология русского фольклора (кон. XIX — нач. XXI века). Т. 1 / О. П. Янишевская (ред.). М., 189–191.
Ремарк Э. М. 1988: На западном фронте без перемен. Возвращение. М.
Щепкина-Куперник Т. Л. 1989: От павших твердынь Порт-Артура // Царицы муз: Русские поэтессы XIX — начала XX вв. / В. В. Учёнова (ред.). М., 216–217.

POST-WAR FATE OF A SOLDIER IN YURY BONDAREV'S NOVEL “NONRESISTANCE”

Ye. O. Shatsky

The theme of a former soldier's despondency and inability to fit peaceful life is one of the oldest in literature. Its treatment in Yu. Bondarev's novel “Nonresistance” (1995) is rather tragic. Social ingratitude is brought before readers as symptoms of spiritual ailment and moral decay.

Key words: Russian literature of the 20th century, war theme, Yu. V. Bondarev

²¹ Бондарев 2000а, 5, 11–12.

© 2013

Г. Г. Кусярбаева

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ АМИРА АМИНЕВА «КИТАЙ-ГОРОД»

В статье исследуется художественное своеобразие изображения человека в стиле, возникшего в современной литературе путем трансформирования классического реализма. Одна из главных особенностей прозы А. Аминева — изображение исключительного героя в исключительных обстоятельствах — рассматривается в повести «Китай-город» в контексте идейно-эстетического, художественного содержания произведения.

Ключевые слова: башкирская проза, образ народа в современной литературе, стиль

В современной башкирской прозе особое место занимает творчество Амира Аминева, который пришел в литературу со своим словом и особым стилем. Его произведения стали в буквальном смысле открытием в национальной литературе на рубеже XX–XXI вв. В его прозе нашло художественное отображение большие, глобальные социальные проблемы современности, которые затрагивают судьбы народов и всего человечества.

В творчестве писателя наблюдается использование и традиционных, и нетрадиционных приемов в отображении современного мира и человека. Наиболее явно оно раскрывается в повести «Китай-город» (2001). Реалистичное в своей основе и в то же время сливающееся с условностью и символикой произведение означало начало нового эстетического освоения действительности. Сюжет «Китай-города» построен на событии, которое на самом деле еще не произошло, но в будущем вполне может случиться. Еще Аристотель писал о том, что задача поэта — говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, возможно. В таком стиле были написаны многие произведения классика русской литературы Н. В. Гоголя. О схожести стилей двух прозаиков отмечает и Г. Б. Хусаинов: «Используя художественные приемы, характерные поэтике произведений Н. Гоголя, А. Аминев таким образом вводит в нашу современную прозу своеобразный стиль»¹.

Проведя параллель между «Китай-городом» и «Носом», можно увидеть, что в обоих произведениях «происходят вещи» странные, противоестественные, и происходят они в мире совсем не фантастическом, не воображаемом, а в реальнейшем. Повесть «Нос» начинается с сообщения о ранее неизвестном и небывалом событии: «Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие...»². Свою повесть А. Аминев также начинает с повествования о том, что в обыкновенной башкирской деревушке под названием Хыбай произошло необычное событие: в эту глубинку нагрянул гость из самого Китая, инвестор, который хотел бы взять в аренду земли этого колхоза, а сельчанам предоставит жилье в близлежащем городе. Ахнули люди, услышав подобное предложение,

Кусярбаева Гульсия Гибадатовна — аспирантка отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: yantilina88G@mail.ru

¹ Хусаинов 2006, 205.

² Гуковский 1959, 280.

долго не могут вникнуть в суть дела, они удивляются, как такое вообще возможно, не верят своим ушам. Поверив, что это не сон, а самая что ни на есть явь, большинство сельчан принимают условия китайского бизнесмена. Волей случая жителям села Хыбай дана возможность жить без забот, которую они не обдумав принимают. Всякая другая ценность прекращает существовать с этого момента перед одурманенными мечтой о легкой и беззаботной жизни сельчанами.

Пожив в городе всего лишь полгода, люди начинают осознать, что совершили большую ошибку. Тоска по былой жизни, по родной земле одолевает их, и они решают вернуться. Однако оказывается, что на месте их деревни китайцы успели построить большой город и деревни свою хыбайцам никогда больше не видать.

Как видим, в художественно воссозданную реальную действительность вкрапливается фантастический мотив, который ставит повесть в ряды условно-метафорических. Создается ощущение «смешанной», «искривленной» реальности. Писатель, будто сделав шаг вперед, представил вполне возможные явления, показал неизбежность трагедии народа, если мы и дальше будем продолжать идти по пути легкомыслия, безразличия и эгоизма. То есть в произведении идет постижение действительности не как она есть, а наблюдается тенденция ее развития, своеобразная проекция в преображенную социально-этическую реальность.

Использование в реалистическом произведении не прямого, а косвенного, иносказательного, фантастического и символического способа в отражении действительности говорит об обогащении литературы новыми художественно-выразительными средствами. Кроме того, создание внереальных ситуаций также обусловлено тем, что противоречивая объективная реальность требовала иной трактовки смысла человеческого существования и перспектив общественного развития. Цель А. Аминева — показать, к каким последствиям может привести та или иная необдуманная деятельность отдельного человека и целого народа, результат деятельности и отношения современника к другим, к своему будущему, к судьбе народа. «Писатель, представляющий самое гуманное общество, — пишет Б. С. Буряк, — выступает в роли разведчика-экспериментатора. Ему не отводится роль «иллюстратора», и он не «сова Миневры», которая, как известно, вылетает только ночью. Нет, писатель выходит на сцену не тогда, когда все социальные споры уже разрешены, и не для того, чтобы сказать: теперь я вам спою песню, которая покажет вам окончательно, что это дело решено верно. Писатель — пионер-экспериментатор, он должен идти впереди нашей армии»³.

Если убрать из повести несколько заостренных фантастических моментов, как приезд китайского бизнесмена, аренда им башкирских земель, построение Китай-города, и оставить реалистически конкретизированные, обывоченные сюжетные линии, то можно ясно увидеть, что изображенная в повести башкирская деревня Хыбай и ее жители — это аллюзия на башкирский народ в условиях современности такой, какая она есть, далекая от идеала, но подлинная, реальная. Именно народ является главным героем данного произведения. В нем автор воплощает национальные качества и свойства.

Народ в повести бездуховен, безразличен, наивен и глуп. Людей привлекает беззаботная жизнь в городе, характерно легкомысленное отношение к собствен-

³ Буряк 1972, 223.

ной судьбе и легкомыслие в принятии важных решений. Народ в повести показан как неразумная толпа, привыкшая к подчинению, бесприкословному выполнению поручений «сверху», утратившая свойство мыслить, самостоятельно принимать решение, живущая одним днем. Эгоизм и беспечность овладели им. Таким образом, для образа народа в лице хыбайцев характерны многие отрицательные свойства и социального, и национального их проявления. Подобными чертами современников наделены герои Т. Гиниятуллина. Он также видит причину многих бед народа, трагедию отдельных людей, удручающее состояние нынешних деревень в бездействии и хандре своих современников.

Рассматривая художественное своеобразие изображения современных людей в лице героя-народа, важно сказать, что этот образ так или иначе складывается из отдельных характеров, из того множества лиц, черт современников, которые объединены одной территорией, единой исторической судьбой, традициями и менталитетом. В повести имеются персонажи, чьи черты изображены выпукло. Это заместитель министра, глава администрации района Нурислам Нурлыгаянович, председатель колхоза, его замы, старик Файзулла, Нагима, школьный учитель — все они конкретные персонажи, образы современников, создающие единый образ народа. Этим персонажам автор дает прямую оценку, конкретно обозначив их главные, зачастую негативные качества, конкретные социальные черты. Так, образ главы района со своеобразным прозвищем Хаким («Правитель») представляет собой человека ловкого, предприимчивого, умеющего быстро подстраиваться к любым социально-экономическим переменам. Отсутствие патриотических чувств, безразличие к судьбе народа в данном образе раскрываются позже, когда на общем собрании решается судьба жителей села и вместе с ней будущее народа, вопросы языка и земли. Действия и речи Хакима прямо противоречат идеалу автора. Ради материальных благ, ради денег он готов пренебречь всеми нравственными и гуманными принципами.

Из чиновничьей среды в повести, кроме Хакима, имеется также образ председателя колхоза и заместителя министра. Они также представлены как отрицательные персонажи, лишённые сознания государственного долга. Одни, становясь хозяевами положения, навязывают всем свою идеологию и психологию, свое отношение к важным социальным вопросам. Другие, «маленькие», «мелкие» чиновники, как председатель колхоза, все время прячутся за спинами «больших», плывут по течению, повинуются людям, стоящими выше по чиновничьей иерархии. И все, начиная с министра до председателя, строят иллюзию благополучия и спокойствия.

Как видно, образам чиновников А. Аминев уделяет достаточно много внимания. Одним из главных объектов художественного исследования писателя в данном произведении стала именно система власти и управления, в которую вовлечены множество людей — чиновники, начальники, председатели и их замы. В этом плане нетрудно заметить доминирующие черты аминевского видения реальности, а именно — изображение тех качеств в людях и в их отношениях, что обусловлены социальным аспектом их природы. Это закономерно, поскольку в произведении поднимаются проблемы устройстве общественно-экономической сферы общества. Писателю удалось психологически верно отразить взаимоотношения между руководителем и подчиненным.

Тем не менее, персонажи в повести не однотипны, здесь также имеются положительные герои. Одним из них является старик Файзулла, бывший председатель колхоза. Его характер — воплощение разума, мудрости и основных жизненных принципов. Герой верит, что человечество сможет себя сохранить и совершенствоваться только развивая разум, нравственность и гуманность. Он как представитель старшего поколения дает советы, наставления молодым. В его речах содержатся знания и мудрость, веками передававшиеся из поколения в поколение. Файзулла-карт — один из немногих персонажей повести, который видит реальные последствия того или иного неразумного шага. Судьба народа, его будущее, вопросы языка и земли — об этом прежде всего он думает перед принятием важных решений. Он говорит: «... человек не может жить только сегодняшним днем, он обязан думать и о будущем. А будущее — это наши дети и внуки. Разлучив их с родной землей, мы отучим их и от родного языка. Лишатся они языка — считай, и народу конец...»⁴.

Таким образом, персонажи повести, создающие единый портрет народа, разнохарактерны и многообразны. Их автор изображает в тесной связи с социальными проблемами. Тем временем, здесь важно отметить еще об одной художественной особенности: из-за условно-метафорической направленности произведения персонажи лишены психологической определенности. В основном описываются их действия и поступки как знак некой идеи. Они моделируют ряд универсальных поведенческих ситуаций, присущих современной действительности. Психологическая мотивировка действий героев не отображается, какие-либо качества в характерах персонажей становится известно со слов повествователя. В субъективной реальности писателя герой представляет собой функциональную единицу, задействованную в реализации системы смыслов всего художественного целого.

Своеобразие исторической эпохи обусловило тот факт, что в творчестве прозаика сливаются различные течения, разнообразные приемы отражения действительности. В повести «Китай-город» с наибольшей отчетливостью можно проследить появление новой модели повествования с нарушением пространственно-временных связей, усилением символических, знаковых элементов, ассоциативных цепочек и аллюзий. Изображение исключительного героя в исключительных обстоятельствах породило гротескность и фантастичность его произведений. Герои оказываются в не совсем обычном мире, условном и фантастическом, в связи с которым действуют по его заранее определенным правилам, порой их поступки также нелепы, абсурдны и противоестественны.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминев А. М.* 2007: Китай-город: повести и рассказы. Уфа.
Буряк Б. С. 1972: Художественный идеал и характер. М.
Гуковский Г. А. 1959: Реализм Гоголя. М.; Л.
Хусаинов Г. Б. 2006: Поэтика башкирской литературы. Ч. 2. Историческая поэтика, психологическая поэтика и поэтика стиха. Уфа.

⁴ Аминев 2007, 23.

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF A HUMAN IMAGES IN THE STORY
OF AMIR AMINEV

G. G. Kusiarbaeva

The article investigates the artistic originality of a human images in the style that emerged in modern literature by transforming classical realism. One of the main features of prose A. Aminev — the image of the exceptional character in exceptional circumstances — is seen in the story of «Kitay-gorod» in the context of the ideological and aesthetic, artistic content of the work.

Key words: Bashkir prose, the image of people in modern literature, style

ЛИНГВИСТИКА

© 2013

В. Н. Манджиева

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ ПАСТБИЩ И ПОСТРОЕК ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ СКОТА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ*

Как известно, характер местности и климатические условия определяют тип хозяйственной деятельности народа, живущего на данной территории. Обширные пространства, занимаемые калмыками в Приволжье, низовьях Дона и Северного Предкавказья, давали возможность заниматься традиционным кочевым скотоводством. В данной работе делается попытка описать термины животноводческих построек и пастбищ калмыцкого языка в контексте общемонгольского языка.

Ключевые слова: калмыцкий язык, названия животноводческих пастбищ и построек, общемонгольский язык

Калмыки являются потомственными скотоводами. Как и их предки, ойраты, калмыки испокон веков вели кочевой образ жизни. Обширные незаселенные степные пространства и умеренный климат способствовали массовому разведению скота, которое возможно только при содержании его на подножном корму.

В калмыцком языке в значении 'кочевка, перекочевка, передвижение с места на место' употребляется термин *нүүдл* — ойр.Синьцз.¹ *нүүдел*, х.-монг.² *нүүдэл*, тод. *нүүдел*; калм. *нүүх* 'кочевать, перекочевывать', ойр.Синьцз. *нүүхе*, х.-монг. *нүүх*, тод.³ *нүүкү*.

Пастбища, пригодные для кормления скота, не всегда находились рядом, поэтому калмыкам приходилось кочевать с места на место в поисках лучших земель. Перегон скота проходил круглый год по определенному маршруту. Пастбища старались выбирать вблизи водоемов. У калмыков существовала четкая схема использования сезонных пастбищ. Часть пастбищ оставляли свободными от весенне-летних кочевок для использования их в зимний период. Такое использование пастбищ давало возможность прокормить скот в течение всего года⁴. Калм.⁵ *белчр*

Манджиева Валери Николаевна — аспирантка кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «КалмГУ». E-mail: valerie86@list.ru

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.В37.21.1001

¹ Язык ойратов Синьцзяна КНР.

² Язык халха-монголов.

³ Тодо бичиг — письменность, созданная в 1648 году на основе старомонгольского письма ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой для приближения письменности к прозношению, а также упрощения записи санскритских и тибетских заимствований, широко использовавшихся в религиозных текстах.

⁴ Смирнов 1999, 90.

⁵ Калмыцкий язык.

‘пастбище’, ойр.Синьцз. *белчээр*, х.-монг. *бэлчээр*, тод. *белчеер*; калм. *белчлх* ‘пастись, разбредаться (о скоте)’. Калм. *зуслң* ‘летнее местожительство, летнее стойбище’, ойр.Синьцз. *зусалаң*, х.-монг. *зуслан(г)*, тод. *зусулаң*. Калм. *намрзлх* ‘перекочевывать на место осенней стоянки’, х.-монг. *намаржаалах*. Калм. *намрзң* ‘осенняя стоянка’, ойр.Синьцз. *намаржңиң*, х.-монг. *намаржаа(н)*, тод. *намуржңиң*. Калм. *үвлзң* ‘зимовка, зимовье’, ойр.Синьцз. *үвелзең*, тод. *үбүлзең*. Калм. *хавржң* ‘весенние стойбище, весенние выпасы’, ойр.Синьцз. *хаваржңиң*, х.-монг. *хаваржаа(н)*, тод. *хабуржңиң*; калм. *хавржңнд нарх* ‘переходить на весенние стойбище (на весенние выпасы)’. Калм. *хавржңних* ‘проводить весну на весенних стойбищах (выпасах)’ х.-монг. *хаваржих*. Калм. *отр* ‘отгонный (о пастбище), выпас на дальних отгонных пастбищах’, х.-монг. *отор*.

Крупный рогатый скот пасли стадами вольно, телят выгоняли в противоположную сторону. Вечером коровы сами возвращались, либо, чтобы их подогнать, за ними отправлялись на лошади. Верблюды также паслись без присмотра, недалеко от хотона. На водопой они ходили сами, но на ночь их пригоняли. Овцы находились под постоянным надзором чабанов, пасли их недалеко от жилищ, отводили на водопой и пригоняли к стоянке. Лошади паслись табунами под присмотром табунщиков⁶.

Питались животные подножным кормом — ковыль, полынь, камыш, колючки, перекати-поле и другие. Калм. *цаһан өвсн* ‘ковыль’; калм. *буурлда* ‘полынь’; калм. *хулсн* ‘камыш’, х.-монг. *хулс(ан)*; калм. *хатханчг* ‘колючка’; калм. *хамхул* ‘перекати-поле’, ойр.Синьцз. *хамхуул*, х.-монг. *хамхуул*, тод. *хамхуул*. В стойлах, в зимнее время животных подкармливали сеном. Калм. *өвсн* ‘сено, трава’, ойр.Синьцз. *өвсен*, х.-монг. *өвс(өн)*, тод. *өбүсүн*.

Огромный урон скотоводству калмыков наносили суровые зимы с сильными морозами и гололедицей. Глубокие снежные покровы закрывали подножный корм, а образованная на них ледяная корка мешала домашним животным разгребать снег. Все это порождало бескормицу и падеж скота. Калм. *зуд* ‘дзуд, бескормица’, ойр.Синьцз. *зуд*, х.-монг. *зуд*, тод. *зуд*; калм. *хар зуд* ‘черный дзут (когда от безводья гибнет скот)’, *цаһан зуд* ‘белый дзут (когда выпадает много снега и скот погибает из-за невозможности добыть корм)’, *түрүн зуд* ‘копытный дзут (когда из-за скопления животных пастбища выбиты, отравлены)’. Поэтому издревле у калмыков существовало строгое правило тебеневки скота во время снежной зимы. Первыми шли лошади. Они разрывали копытами снег, оголяя скрытую под ним траву. Затем пускали рогатый скот, а за ними шли овцы⁷. Калм. *цас теех* ‘разгребать ногами снег (чтобы добыть себе корм)’, ойр.Синьцз. *теехе*, тод. *теекү*.

При перегоне скота проблемой для кочевников составляли водные переправы. Многие животные, в частности молодняк, при этом гибли. В приволжских улусах переправам через реку уделяли особое внимание⁸. Калм. *жңилдх* ‘переплывать, переправляться (о скоте)’, *һолар мал жңилдх* ‘переправлять скот через реку’.

По словам Я.П. Дубровы, калмыки начали строить помещения для содержания скота только в конце XIX века. Первыми загонами для скота стали базы. Соз-

⁶ Эрдниев 1985.

⁷ Нефедьев 1839, 250.

⁸ Эрдниев 1985, 108.

дание баз послужило основой оседлости калмыков, заселения группами⁹. Калм. *бас* 'помещение для скота, теплый загон, баз', калм. *баслх* 'огораживать, загонять'; калм. *хотн* 'хотон, село, деревня', ойр.Синьцз. *хотон*, х.-монг. *хот*, тод. *хотон*. В калмыцком языке существуют также следующие названия скотоводческих построек: калм. *кааз* 'конюшня, стойло (для лошадей)'; калм. *катг* 'хлев, коровник'; калм. *логш* 'хлев, стойло (для свиней)'; калм. *саман* 'саман'; калм. *сара* 'сарай'; калм. *сарвч* 'навес, хлев', ойр.Синьцз. *саравчи*, х.-монг. *саравч*, тод. *саравчи*; калм. *сег* 'укрытие, навес для скота', ойр.Синьцз. *сег*, тод. *сег*; калм. *хаац* 'укрытие, загон (для скота)', ойр.Синьцз. *хааца*, тод. *хааца*; калм. *хаах* 'загонять (скот) в хлев', ойр.Синьцз. *хааха*, х.-монг. *хаах*, тод. *хааху*; калм. *хааша* 'двор, загон для скота', ойр.Синьцз. *хаашаа*, х.-монг. *хаашаа(н)*, тод. *хаашаа*.

По результатам проведенного анализа можно прийти к выводу, что обширная терминология названий сезонных пастбищ, хозяйственных построек для скота свидетельствует о богатом и многовековом опыте калмыков в ведении животноводства, а сходство терминов в монгольских языках доказывает их общее происхождение.

ЛИТЕРАТУРА

- Муниев Б.Д.* (ред.) 1977: Калмыцко-русский словарь. М.
Дуброва Я.П. 1998: Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста.
Лувсандэндэв А. 1957: Монгол-орс толь. М.
Нефедьев Н. 1839: Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.
Номинханов Ц.Д. 1959: Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Т. I. Алма-Ата.
Пюрбеев Г.Ц. 1996: Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста.
Смирнов П. 1999: Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста.
Тодаева Б.Х. 2001: Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста.
Эрдниева У.У. 1985: Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста.
Ramstedt G.J. 1935: Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki.

KALMYK NAMES OF LIVESTOCK PASTURE AND FACILITIES

V.N. Mandjjeva

It is well known that the very nature and climatic predetermine economic activity of the nation living on the given territory. The wide area, occupied by the Kalmyks in the Volga region, the Lower Don and the North Ciscaucasia, enabled them to pursue traditional nomadic cattle-breeding. The paper deals with livestock facilities and pasture terms in the Kalmyk language in the context of the common Mongolian language.

Key words: Kalmyk language, livestock facilities and pasture terms, common Mongolian language

⁹ Дуброва 1998, 150.

© 2013

А. В. Моисеенко

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья выполнена в рамках нового междисциплинарного направления — лингвоэкологии и посвящена лингвоэкологическому анализу идиоматических выражений в русском и английском языках. В работе формулируется пять принципов для структурной и семантической характеристики идиом, входящих в тематическую группу «лес».

Ключевые слова: лингвоэкология, идиоматическое выражение, идиома, пословица

Трактовка разнообразных языковых явлений в рамках лингвоэкологии является одним из актуальных и важнейших вопросов современной лингвистики. Лингвоэкология изучает причины исчезновения языков, негативные явления в речевой сфере носителей языка, трактует собственно языковые процессы с позиций экологии¹. В связи с этим содержание данной дисциплины может быть расширено за счет применения экологической системы законов, правил и аксиом в лингвистике. Разработанный перечень лингвоэкологических принципов может применяться для анализа самого разнообразного лексического материала — идиоматических выражений, синонимических рядов, лексико-семантических групп, тематических групп, текста.

Цель данной статьи — выявить лингвоэкологические особенности формирования идиоматических выражений с ключевыми лексемами «лес» / «forest» в русском и английском языках.

Материалом данной статьи послужили идиоматические выражения в количестве 108 единиц (русскоязычных единиц — 101, англоязычных — 7), извлеченные методом сплошной выборки из справочника русских пословиц и поговорок² и словаря английских идиом³. Выбор темы не является случайным. В нашем случае мы фокусировались на актуальных для общей экологии темах, таких как, например, «лес», «вода», «охрана / защита», «чистота». Поскольку формат статьи не позволяет подробно проанализировать все перечисленные группы, мы остановились на идиоматических выражениях с ключевыми лексемами «лес»/«forest» соответственно в русском и английском языках, в выборку вошли также фразеологические единицы с синонимическими заменами, например, с лексемами «бор», «лесная сторона» в русском языке и «woods» в английском языке. Численное превосходство русскоязычной группы идиоматических выражений объясняется в первую очередь природными различиями — обширные естественные лесные

Моисеенко Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет. E-mail: anna.moiseenko@mail.ru

² Сущенко 2011, 57-59.

² Аникин 1988.

³ McCarthy 2011.

массивы на территории России и ограниченные, в основном созданные усилиями человека, охраняемые лесные зоны и парки в Великобритании⁴.

Под идиоматическими выражениями мы понимаем цельные образные изречения, выражения и словосочетания, основанные на метафорическом переносе, характеризующиеся особым стилистическим характером и имеющие нейтральные синонимические замены в языке. В данной работе в группу идиоматических выражений входят русскоязычные и англоязычные пословицы и поговорки, англоязычные идиомы-словосочетания и англоязычные двухвершинные фразеологические единицы (термин профессора А. И. Смирницкого)⁵.

В «Словаре-справочнике лингвоэкологических понятий и терминов» пословица наделяется следующими характеристиками: законченность, образность, особое фонетическое оформление, интонационный и ритмический рисунок, иносказательность и назидательный характер⁶. Поговорка, в свою очередь, характеризуется лаконичностью, образностью, иносказательностью, но в отличие от пословицы не всегда является синтаксически законченной и не содержит назидательного смысла⁷. Идиомы-словосочетания характеризуются идиоматичностью как первого, так и второго компонентов, и, как и поговорки, не являются синтаксически законченными образованиями⁸. Двухвершинные фразеологические единицы отличаются от идиом-словосочетаний тем, что их идиоматичность основывается на переносном значении либо первого, либо второго компонента⁹. Так, метафоричность англоязычной двухвершинной глагольно-субстантивной фразеологической единицы «*get out of the wood(s)*» создается за счет переносного значения второго компонента — лексемы «*wood*», выступающей здесь в значении «затруднительное положение».

Лингвоэкологическая методика анализа основывается на пяти принципах лингвоэкологического анализа: 1) закон взаимодействия среды и системы; 2) принцип преломления действующего фактора; 3) принцип объединения; 4) аксиома эмерджентности; 5) принцип комплементарности. При этом необходимо уточнить, что принципы 1-4 работают на парадигматическом уровне, поскольку уточняют суть отношений, объединяющих лексемы в группы и классы. Что касается принципа 5, то он применим к синтагматическому уровню, а именно характеризует отношения между лексемами в тексте, в нашем случае внутри одной идиомы.

Лингвоэкологическое описание структурной организации собранной группы проводится в следующей последовательности: дается название экологического принципа или закона, раскрывается его основное содержание, демонстрируется, как тот или иной принцип работает на исследуемом лингвистическом материале.

1. Закон взаимодействия среды и системы указывает на двунаправленный характер связи между окружающей средой и биологической системой¹⁰. В нашем случае окружающая среда трактуется шире, чем в биологии, и включает не только

⁴ Warde, Gill 2011.

⁵ Смирницкий 1998, 212.

⁶ Сущенко 2011, 241.

⁷ Сущенко 2011, 240.

⁸ Сущенко 2011, 35.

⁹ Смирницкий 1998, 219.

¹⁰ Реймерс 1992, 60.

мир природы, но и человека и его антропогенную деятельность. Очевидно, что особо значимые для человека явления окружающего мира и составляют ключевые опорные слова как русского, так и английского фольклора. Пословица в этом случае является своеобразной и специфической языковой реакцией на главные события жизни человека — природа и природные богатства — вода, лес (*Любишь тепло — в лес за дровами ехать / Вода свое возьмет / Time and tide wait for no man / Still waters run deep*); смена сезонов, время (*Будет зима — будет и лето / Lost time is never found again*), человеческие достоинства и пороки (*Смелый воин тысячи водит / Живому хитрецу румяна не к лицу / Honesty is the best policy / A bad workman always blames his tools*). Раз сформировавшись, пословица остается неизменной, сохраняет и передает последующим поколениям веками накопленную мудрость, содержит предостережение, совет, порицание¹¹, тем самым влияет на окружающую действительность, человека, при условии, что человек чувствителен и восприимчив к такого рода информации. Так, пословица «*Не все сосны в лесу корабельные*» помимо прямого значения имеет и переносное. Сосна олицетворяет человека, корабельная сосна — это красивая сосна, высотой до 40 метров и до полуметра в диаметре, применяемая в строительстве, *корабельная сосна* олицетворяет достойного и красивого человека, лес — это общество; как и в лесу, в обществе все люди разные — есть достойные, есть и порочные. Пословица «*Слушай, рябина, что лес говорит*» советует человеку прислушиваться к мнению других людей, возможно старших по возрасту и опытных, отдельное деревце *рябина* здесь также соотносится с человеком, а *лес* с обществом. Подобная метафоризация «лес (дерево) — человек» наблюдается и в английской идиоме «*dead wood*» (прямое значение — «сухостой»), олицетворяющей человека, людей, ненужных в каком-либо сообществе или организации.

2. Принцип преломления действующего фактора гласит, что «фактор, действующий на систему, преломляется через всю иерархию этой системы»¹². Таким фактором, определяющим структуру группы пословиц и поговорок с лексемой «лес» в русском языке, является его полифункциональность в русской культуре: русский человек живет в окружении лесов, лес кормит и одевает, может стать надежным убежищем, в то же время лес — это источник многочисленных опасностей, таких как «нечистая сила», разбойники, дикие звери: *В лесу не без зверя, в миру не без злодея. У леса, как у беса, всего много. Толкитесь, бесы, да не в нашем лесе*. В англоязычной группе лес олицетворяется с человеком / обществом — *dead wood* «ненужный человек», с чем-то малознакомым и малопонятным для человека — *a babe in the woods* «доверчивый человек, не знающий жизни»; с трудностями и неприятностями — *to get out of the woods* «выбраться из затруднительного положения»; с чем-то опасным и возможно неприятным — *to go to the woods* «быть изгнанным».

Фактор стилистической дифференциации выделяет англоязычную идиому *Do bears shit in the woods?*, в которой фиксируется субстандартная лексема *shit*, а идиоматическое выражение в словаре маркируется одновременно как *humorous / taboo* (шутливо-иронический, грубоватый). Эта идиома используется для того, чтобы подчеркнуть, что ответом на заданный вопрос является — «да», «само собой

¹¹ Сейдл, Макморди 1983, 241

¹² Реймерс 1992, 60.

разумеется». В русскоязычной группе также можно привести примеры пословиц с включением разговорных лексем: *Ненароком в лес пошел, невзначай топорище вырубил* (разговорные наречия *ненароком*, *невзначай*) и субстандартных единиц: *Застят деревья — и лесу не видать* (просторечный глагол *застить*); *Живет медведь в лесу, коли его не зовут в поле* (просторечный союз *коли*).

Англоязычная группа определяется также фактором территориальной дифференциации. Так, в лексикографических источниках идиома «*a babe in the woods*» сопровождается пометами *American/Australian*, что указывает на ограниченный характер употребления этой единицы. Идиоматическая единица «*can't see the forest/wood for the trees*» сопровождается пометами *British/American/Australian*, следовательно, имеет более широкий ареал употребления.

3. Экологический принцип объединения указывает на необходимый для любой структуры минимальный количественный состав для формирования устойчивости этой группы к факторам окружающей среды¹³. Такой устойчивой структурой в нашем случае является идиоматическое выражение, состоящее из необходимого и достаточного количества лексем. Так, наиболее объемная русскоязычная пословица состоит из 14 лексем, учитывая предлоги и союзы (*И в пур, и в мир, и в лес по дрова — все одежда одна*), англоязычная — из 7 лексем (*can't see the forest/wood in the trees*); наименее объемная русскоязычная единица состоит из 3 единиц (*Взглянет — лес повянет*), а англоязычная — из 2 единиц (*dead wood*). Специфической особенностью англоязычных идиоматических выражений является возможность синонимической замены одного из компонентов и вариативности единственного / множественного числа слова *wood(s)*: «*can't see the forest (wood) in the trees*», «*get (be) out of the wood (woods)*».

4. Аксиома эмерджентности гласит, что любая живая экологическая система представляет собой группу с иерархической структурой и, как правило, с открытыми внешними границами и «особыми свойствами, отсутствующими у его частей-подсистем»¹⁴. По характеру иерархической организации рассматриваемая группа является нелинейным объединением, поскольку возможно выделить нескольких моделей в составе выделенной группы. Модель 1: идиоматические выражения, в которых лексемы «лес», «forest», «wood(s)» являются ключевыми, выполняют функцию подлежащего в синтаксически законченных образованиях (в русском языке «лес» стоит в форме именительного падежа единственного числа) и главного слова в идиомах-словосочетаниях. В русскоязычной группе таких пословиц было выделено 19. Приведем несколько примеров: *Лес без лешего не стоит. Лес видит, а поле слышит. Лес по топорищу не плачет*. В англоязычной группе было выделено одно идиоматическое словосочетание — *dead wood*. Модель 2: идиоматические выражения, в которых слова «лес», «forest», «wood(s)» являются периферийными лексемами, выполняют синтаксическую функцию, например, обстоятельства места и употребляется в форме косвенных падежей (русскоязычных — 82 единицы, англоязычных — 6). *Волка как ни корми, он все в лес глядит. В лесу дров много, да хлеба нет. В лесу рубят, а к нам щепки летят. Живет медведь в лесу, — коли его не зовут в поле. Ненароком в лес пошел, невзначай топорище вырубил / can't see the forest in the trees; go to the woods, get out of*

¹³ Реймерс 1992, 79.

¹⁴ Реймерс 1992, 46.

the woods. Таким образом, лес в подавляющем числе собранных идиоматических выражения является не самостоятельным субъектом, а объектом деятельности человека.

5. Суть принципа экологической комплементарности или дополнительности состоит в том, что «никакая функциональная часть экосистемы не может существовать без других функционально дополняющих частей»¹⁵. В лингвистике это экологическое правило работает на синтагматическом уровне, когда лексические единицы вступают в линейные отношения с другими словами в тексте. В этой связи особое внимание следует уделить анализу микроконтекста — минимального окружения исследуемых единиц. Отметим здесь следующие моменты.

Общей чертой для русскоязычной и англоязычной группы является: а) персонификация слова «лес», присвоение ему одушевленных характеристик: лес плачет, видит, умирает; *Лес по топорщику не плачет. Лес видит, а поле слышит. Лес да вода — родные брат и сестра. Охотник слышит, как лес дышит. Соловей — птичка-невеличка, а поет — лес дрожит*. В эту же группу можно отнести и идиому-словосочетание — *dead wood*; б) наличие общих метафорических переносов: лес олицетворяет общество, дерево — человека, лес олицетворяет нечто главное, дерево, напротив, что-то менее существенное (*Застят деревья — и лесу не видать; can't see the forest in the trees*).

Подробнее остановимся на специфических особенностях русскоязычной группы:

а) в пословицах выражено двойственное отношение человека к лесу. С одной стороны, лес является убежищем, дает пищу, дрова и строительный материал: *В поле — по хлеб, в лес — по дрова. Возле леса жить — голоду не видать. Грибов ищут, по лесу рыщут. Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит*. С другой стороны, лес таит много опасностей (волки, леший), в лесу можно заблудиться, поэтому лес характеризуется как недружелюбный: *Был бы лес — будет и леший. В лесу жить — лешим слыть. Лес без лешего не стоит. В чужом месте что в лесу. Идешь в лес — бери палку: не попадет ли волк. Кто ходит часто в лесу, у того смерть на носу. Не прав волк, что овцу съел, не права овца, что в лес зашла;*

б) интересными представляются линии сопоставления леса с окружающими человека явлениями. Лес сопоставляется с миром, разные по высоте деревья сравниваются с людьми, занимающими различное социальное положение в обществе: *В лесу лес не ровен, а в миру — люди*. Человек как хозяин в городе и в своем доме противопоставляется медведю — хозяину леса: *В лесу медведь, а в доме — мачеха. Из дома гонит мачеха, а из лесу — медведь. Медведь в лесу — что боярин в городе. Хозяин в дому — что медведь в бору*. Лес остается для человека таинственным и притягательным, но в то же время чужим местом: *В чужом месте что в лесу;*

в) ряд пословиц указывает на потребительское отношение человека к лесу, которое, очевидно, сформировалось у русского народа еще в глубокой древности: *Был бы лес, а топор найдется. В лесу дуб — рубль, в столице — по рублю спица. Лес сечь — не жалеть плеч. Не жалеют дерева в лесу, а невесту в людях. Вырос*

¹⁵ Реймерс 1992, 117.

лес, будет и топорнице. Русский человек считает, что не может нанести лесу непоправимого вреда: *Недуробленный лес опять подрастет. Народ что бор дремучий: весь до корня не вырубил.* В нашей выборке встретилась одна пословица, предупреждающая о вредном воздействии человека на лес (*Люди на лес не зинут, лес не згинет*), и одна пословица, советующая бережно относиться к лесу: *В лес идут — на троих один топор берут*;

г) противоречивость характера и образа жизни русского человека, с одной стороны, его склонность к созерцательности и философичности, с другой стороны, также находит свое отражение в пословицах и поговорках: *В лесу живу, а без дров сижу. Лес кругом, а без дров живем. Лес да вода поле красят.*

В качестве вывода отметим, что экологические принципы позволили сформировать четкий алгоритм описания русскоязычных и англоязычных идиоматических выражений, объединенных одной темой: 1) установление взаимосвязи между внешним явлением и его репрезентацией в языке; 2) определение фактора, организующего тематическую группу идиоматических выражений; 3) определение количественных характеристик; 4) выявление структурных моделей, типов внутри сформированной группы; 5) линейный анализ микроконтекста в идиоме. Приведенный алгоритм лингвоэкологического анализа может быть применим не только к тематической группе идиоматических выражений, но и к отдельно взятой идиоме. В этом случае лингвоэкологическая методика позволит дать четкую структурную характеристику идиомы и последовательно представить ее разнообразные значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В. П.* 1988: Русские пословицы и поговорки. М.
Реймерс Н. Ф. 1992: Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М.
Сейдл Дж., Макморди У. 1983: Идиомы английского языка и их употребление. М.
Смирницкий А. И. 1998: Лексикология английского языка. М.
Сущенко Е. А. 2011: Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. СПб.
McCarthy M. 2011: Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge.
Warde P., Gill E. 2011: Cultural and social issues affecting woodland and forest policy in England. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.defra.gov.uk/forestrypanel/files/Cultural-and-Social-Issues-affecting-Forest-Policy.pdf>.

LINGUISTIC AND ECOLOGICAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS

A. V. Moiseyenko

The paper is written in the context of a new interdisciplinary course of ecology linguistics and considers English and Russian idioms. It puts forward five principles of structural and semantic description of idioms belonging to the thematic group "Forest".

Key words: ecology linguistics, idiomatic phrase, idiom, proverb

© 2013

А. А. Осипова

ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «РЫБАЛКА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА

В статье автор-лингвист обращается к анализу языковых вербализаторов одного из самых ярких концептов в творчестве прозаика XX в. В. П. Астафьева концепта «Рыбалка». Прослеживается эволюция данного образования с древнейших времён до настоящего времени в языковой картине мира. Автор выявляет особенности индивидуально-авторского восприятия процесса рыбной ловли, отражённые в рассказе В. П. Астафьева «Светопреставление».

Ключевые слова: лингвистика, В. П. Астафьев, концепт «Рыбалка», языковая картина мира, художественная картина мира, поле вербализаторов

Исследование концептов, ключевых для художественной картины мира того или иного автора, является одним из актуальных направлений в современной когнитивистике и лингвоанализе художественного текста. Писатели обычно предпочитают те или иные темы, типы героев, ситуации, которые воплощают индивидуально-авторское видение мира.

Картина мира писателя В. П. Астафьева, рассказы, повести, романы которого уже перешли в разряд классических и изучаются в школьной программе, практически не исследована. Научные работы, описывающие отдельные концепты творчества В. П. Астафьева, появились только в последние несколько лет¹.

Нами подробно были рассмотрены концепты «Жизнь» и «Смерть», вербализованные в творчестве В. П. Астафьева², фрагментарно анализировался концепт «Дело»³. Настоящая статья — начало изучения и описания одного из наиболее ярких индивидуально-авторских концептов В. П. Астафьева — концепта «Рыбалка».

В творчестве В. П. Астафьева представление о рыбной ловле включает знания, закреплённые в языковом сознании с древнейших времён, а также индивидуально-авторское осмысление данного вида промысла.

Рыболовство с древнейших времён было одним из главных способов добычи пищи наряду с охотой, собирательством, земледелием и скотоводством. Самое общее именование охоты, ловли и (соответственно) охотника, ловчего выражалось в лексемах **ЛОВИТВА**, **ЛОВЪ**, **ОУЛОВАННИК**, **ЛОВИТИ**, **ОУЛАВЛТИ** / **ОУЛОВИТИ**, **ЛОВЬЧЬ**, **ЛОВЬЦЬ**⁴. Позже образовались слова **ЛОВИТВЪНЪИ**, **ЛОВИЩЕ**, **ЛОВЛЕНИК**, **ЛОВАЛА**, **ЛОВЬНИКЪ**, **ЛОВЬЧИИ**, **ЛОВЬЧЬСКЪИ**⁵. В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» в статье «ЛОВИТВА» уделяется особое внимание именно

Осипова Александра Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета. E-mail: osashenka@yandex.ru

¹ См., например: Барилловская 2007; Башкова 2007; Бобкова 2007; Гончаров 2006; 2007; Пименовы 2006; Фельде 2005, 2007, 2009; Шапилова 2007.

² Осипова 2005а; 2012.

³ Осипова 2005б.

⁴ Цейтлин 1994, 309–310, 734.

⁵ Срезневский 1895/2, 37–41.

рыболовству: «● (рѣвъ) <...> рыбная ловля»⁶; в статье «ловыць» обозначено устойчивое сочетание ловыць (рѣвамъ): «рыбак, рыболов»⁷.

Объект ловли имел два наименования — рыба и рѣвица: г(лаго)ла имъ симонъ петръ. ѡдъ рѣвъ ловитъ (Ин 21: 3) Зогр 173, Мар 400, Ас 318; г(лаго)ла имъ и(соу)съ • колико хлѣвъ имате • они же рѣша ж • ѡ мало рѣвиць (Мф 15: 34) Зогр 23 и др. Вообще слово *рыба* сравнивают с д.-в.-н. *rûpra*, *rûpa* «гусеница», также «налим», ср.-в.-н. *rurre*, *rûre* «налим». Славянское слово, по видимому, представляет собой табуистическое название вместо более древнего *зъвъ*, которое ввиду созвучия с глаг. *звать* рыбаки избегали употреблять⁸. В словаре П. Я. Черных указывается, что «рыба *ryba (?)» неясное слово. Наиболее популярно объяснение, основывающееся на сопоставлении с нем. *Aalraupe* (реже *Raubaal*) — «налим» (или вообще «рыба из семейства угрей» (*Aal* — «угорь»), рыба со змеевидным телом)⁹. Изначально субъект ловли обозначался словами рѣварь, рѣвитъ¹⁰, наименования рѣваринъ, рѣвитъ, рѣвитъникъ, рѣволовъ, рѣволовыць, рѣвникъ появились много позже¹¹; немудрёные снасти рыболова именовались словом мрѣжа: въ врѣма оно • сто вѣ и(соу)съ при езерѣ генисарьтъстѣ • и видѣ дѣва кораблица стоца при езерѣ рѣвари же ошѣдъше ѿ нкю плакаахъ мрѣжа Тур 7.2: 3–7; ѡ видѣвъ дѣва кораблица стоцта при езерѣ • рѣвитъты же ошѣдъше отъ нежъ плакаахъ мрѣжа (Лк 5: 2). Кроме слова мрѣжа, в старославянском языке ещё существовали слова неводъ, сѣть, осило, но они по преимуществу выступали в роли метафоры: речетъ б(ог)оу застѣпникъ мой еси ты • ѡ прѣвѣжште мое • б(ог)ъ мой оупѣважъ на нь • ѣко тѣ ѡзбавитъ мя отъ сѣти ловчнъ • ѡ отъ словеси мьатежна (Пс 90: 20–25) Син 120b; ѡ волѣзни огни доуше прѣгонашти • и потты крѣштени росашти • и свѣтъ ли одежда д(оу)ша тѣкжшти • ѡ волѣзни невестноуоумоу хлѣвоу дателю • вѣрѣ свѣште чиста • диаволоу осиле • а чловѣкоу знаменикъ Супр 313: 13–18 и др.

О том, что рыба была столь же распространённым видом пропитания, что и хлеб, свидетельствует известная евангельская легенда о том, как Иисус накормил в пустынном месте пятью хлебами и двумя рыбами тысячи человек. Все четыре евангелиста описывают это событие, одни — с большими, другие — с меньшими подробностями: поздѣ же вѣвъшоу пристѣпиша къ нему оученици его. г(лаго)лѣште. поусто естѣ мѣсто. ѡ година минж юже отъпоустити народы. да шѣдъше въ ближнѣмъ градѣца. коупатъ брашна сѣвѣ. и(соу)с(ъ) же рече имъ. не трѣвоужтѣ отити. дадите имъ въ ѣсти. они же г(лаго)лаша ему не имамъ съде тѣкмо пать хлѣвъ и дѣвѣ рѣвѣ. онъ же рече принесѣте ми ѡ сѣмо <...> ѡ приемъ пать хлѣвъ и дѣвѣ рѣвѣ възрѣвъ на н(е)во бл(а)г(о)с(ло)ви. ѡ прѣломъ хлѣвы дастъ оученикомъ. оученици же народомъ. ѡ ѣша вси и насытиша сѧ (Мф 14: 15–20) Мар 49, Ас 80–81, Зогр 20–21. Простота пищи (ячменный хлеб и рыба) призвана подчеркнуть, что

⁶ Цейтлин 1994, 309.

⁷ Цейтлин 1994, 310.

⁸ Фасмер 1996/3, 525–526.

⁹ Черных 1999/2, 129–130.

¹⁰ Цейтлин 1994, 586.

¹¹ Срезневский 1903/3, 207–209.

нужно довольствоваться малым, а не выбирать лучшее. Рыбу изображали и в сценах Тайной Вечери в связи со священным обычаем принимать по пятницам рыбу, а не мясо.

С добычей рыбы также связано одно из евангельских чудес — лов рыбы на Галилейском озере, когда Иисус застал учеников за этим промыслом. За всю ночь ничего не было поймано. Тогда Иисус предложил Симону-Петру снова забросить сеть. Когда сеть вытаскивали, она стала прорываться под тяжестью рыбы, которая наполнила две лодки: **и тѣ бѣ стоѡи и(соу)сѣ при езерѣ енисаретѣсѣ. и видѣвъ дѣва корабица стоѡшѣ при езерѣ. рыбѣтъвъ же ошедѣше отъ неѣж плакаахѣ мрѣжа. вѣлѣзѣ же въ единѣ отъ корабицу иже бѣ симоновѣ. моли и отъ земля отѣстѣпити мало. и сѣдѣ оучааше ис кораблѣ народѣ. ѣко же прѣста г(лаго)ла. рече къ симонуу възѣди [въ]въ глѣбѣнѣ. и вметѣте мрѣжа ваша въ ловитѣвѣ. и отѣвѣштѣвъ симонѣ рече емоу. наставниче об ношѣ вѣсѣ трождыше сѣ не ѡсомѣ ничесоже. по г(лаго)лоу же твоемоу вѣврѣжемѣ мрѣжѣ. и се сѣтворѣше. обѣса мѣножѣство рѣвъ много. протрѣзааше же сѣ мрѣжа ихѣ** (Лк 5: 1–6) Мар 210–211, Зогр 88–89, Ас 99. Ученики-рыбаки были потрясены необычным уловом. Иисус же обратился к ним со словами: «Идите за мною, и я сделаю вас ловцами человеков»: **и рече има идѣта по мѣнѣ • и сѣтворѣ въ ловѣца члѣкомѣ** (Мф 4: 19) Остр 60аβ, Ас 69, Мар 9 и 117. Это образное представление подлинного смысла апостольского служения. Такая «заключающая чудо аллегория должна была показать, какой властью над людьми наделяются отныне апостолы, призванные покинуть море Галилейское ради “моря людского” и променять сети рыбацкие на сети христианского вероучения»¹², ср.: **подобно естѣ ц(ѣса)р(ь)ствіе в(о)жіе неводоу вѣврѣженоу въ море** (Мф 13: 47) Зогр 19, Мар 47, Ас 245, Супр 127: 28.

Таким образом, концепт «Рыбалка» формировался в древнем славянском языке путём взаимодействия прямых и переносных значений слов и устойчивых словесных комплексов, описывающих это важное для современной русской культуры образование.

Толковые словари современного русского языка (БАС, МАС, СОШ, БТС, РТС) идентично представляют первое значение слова *рыбалка* — «рыбная ловля»¹³. Нужно обратить внимание на то, что в БАС, МАС и СОШ анализируемая лексема имеет стилистическую помету «разг.». Это, казалось бы, должно противоречить выбору слова *рыбалка* в качестве имени концепта. Но в новейших толковых словарях (БТС и РТС) данная лексема представлена как нейтральная. Видимо, в последние десятилетия слово *рыбалка* стало настолько активно и широко употребляться в русском языке (кстати, оно не имеет ни одного синонима), что стилистическая окраска нейтрализовалась. Так как БТС и РТС являются достаточно авторитетными словарями (БТС в своих основных чертах продолжает традиции отечественной академической лексикографии; РТС, меньший по объёму, чем СОШ, включает с достаточной полнотой наиболее употребительную, активную лексику: в данном издании широко отражено словоупотребление конца XX — начала XXI в.), считаем возможным именовать исследуемый концепт лексемой *рыбалка*. Выделим инвариант (минимальное содержательное ядро) для слова

¹² Мордиков 2009.

¹³ БАС 1961/ 12, 1604; МАС 1987/ 3, 743; СОШ 2005, 689; БТС 2000, 1135; РТС 2006, 672–673.

рыбалка — '*рыбная ловля*'. Так как концепт — ментальное образование полевой структуры с инвариантной коллективно выработанной и понятийно структурированной, оформленной ядерной частью и индивидуальной ассоциативно-мерцающей периферийной, все единицы, вербализующие концепт, будут располагаться в поле его вербализаторов (далее ПВ).

В творчестве В. П. Астафьева концепт «Рыбалка» занимает одно из центральных мест. Родиной писателя является село Овсянка (ныне Красноярский край), стоящее на берегу Енисея — одной из крупнейших рек мира. Немецкий исследователь П. С. Даллас, будучи в Овсянке в 1771 г., сообщал, что овсянцы имеют «прилежание и промысел звериною ловлею, рыбою и другими пропитание доставляющими ремёслами» и навыки эти переходят «от праотца к потомкам»¹⁴. С самого детства В. П. Астафьев был приобщён к рыбному промыслу. В тяжёлые довоенные и послевоенные годы рыбная ловля (которой равно занимались и мужчины, и женщины, и дети) наряду с охотой была спасением от голодной смерти. Позднее, когда проблема поиска пропитания исчезла, рыбалка осталась для В. П. Астафьева самым любимым видом досуга. Не случайно рыбной ловле писатель уделяет большое внимание на протяжении всего своего творчества. Меняется лишь ракурс повествования. В автобиографических рассказах о трудном сиротском детстве рыбалка описывается как способ добывания пропитания; в повествовании «Царь-рыба» автор обращается к теме браконьерства — бездумного, варварского отношения человека к природе, порождающего утрату нравственных ориентиров; в рассказах 1980–1990-х гг. рыбалка предстаёт как азартный вид отдыха.

В данной статье предлагается анализ концепта «Рыбалка» на примере рассказа В. П. Астафьева «Светопреставление», повествующем о рыбной ловле как увлечении, любимом занятии. На страницах этого произведения (их всего 19) встречается около 100 разнообразных вербализаторов исследуемого концепта. Все единицы мы разделили на несколько групп по их дифференциальным семам.

1. Группа единиц, дающих представление о рыбалке как процессе. Она включает слова *брать*, *изловить*, *имать*, *клевать/клюнуть*, *клев*, *ловить*, *ловля*, *обрыбачивать*, *обрыбачивший*, *охотиться*, *поймать*, *рыбалка*, *рыбачить*, *цапнуть*.

Процесс рыбалки предполагает наличие субъекта и объекта действия. К субъекту действия имеют отношение лексемы *рыбалка* и *рыбачить*. Они располагаются в ядерной зоне ПВ концепта «Рыбалка», т. к. их значение содержит ядерную сему '*рыбная ловля*'. Эти слова довольно часто употребляются в рассказе «Светопреставление» (10 и 5 раз соответственно): *Тут меня, еще полубольного, иглами в больнице истыканного, лекарствами отравленного, и позвали на **рыбалку***¹⁵; *И сразу понял я всю исходную причину слёз: мог сдохнуть в больнице и не сдох, до весны вот додюжил, на **рыбалку** попал...* (218); *Не **рыбачить** Кеша Короб не мог, в **рыбалке** был весь смысл его жизни...* (219); *Более Кеша Короб на реку не приезжал <...> **рыбачил** только на родном водоёме...* (224) и др.

Различные действия субъекта по поимке рыбы отражают и лексемы *изловить*, *ловить*, *ловля*, *охотиться*, *поймать*. Они имеют более обобщённое толкование,

¹⁴ Цит. по: Ростовцев 2009, 13.

¹⁵ Астафьев 1997/9, 217. Так как все примеры взяты из одного рассказа В. П. Астафьева «Светопреставление», далее в круглых скобках даётся только номер страницы этого произведения.

чем единицы *рыбалка*, *рыбачить*, т. к. в своих значениях несут представление о добыче вообще кого-л. (не только рыбы): *Меня, Кешку Короба, всё Кубенское озеро знат! И вот я ни... не изловил... баба изловила!* (213); *Я его узнал, он меня нет, потому как на Кубенском озере бывал я в массе рыбаков, ловил сорогу с ершами* (219); *Кеша же Короб был рыбаком избранным, охотился за нельмой, судаком, щукой да за крупным окунем...* (219) и др. Добычу вообще обозначают и глаголы *имать*, *цапнуть*, но они располагаются в периферийной части ПВ концепта «Рыбалка», т. к. не содержат в значении (даже имплицитно) ядерную сему: — *Ничего-о! — зевая блескучей пастью, ответил черепянин. — Вкусная гада! Ели под водяру и облизывались. Имай ишишо, оптать!* (223); *...Кеша Короб обрыбачивал водоём и на свою корявую блесну цапнул уже трёх мурластых окуней и одного судаçonка...* (220).

Интересно употребление в рассказе «Светопреставление» внелитературных слов *обрыбачивать* и *обрыбачивший*. В среде рыбаков они употребляются довольно часто, причём имеют несколько толкований. В анализируемом рассказе глагол *обрыбачивать* актуализирует значение ‘одерживать над кем-н. верх в рыбалке’ (*Я двадцать пять годов рыбачу! И ни одна баба никовды меня не обрыбачивала!* (213)) и значение ‘рыбача в разных местах, искать самое уловистое место’ (*Переходя от лунки к лунке, Кеша Короб обрыбачивал водоём...* (220)).

Выше мы описали действия субъекта на рыбалке. Объект тоже совершает определённые действия, а именно — хватает наживку. Сему ‘хватать наживку’ содержат лексемы *брать*, *клевать/клюнуть*, *клёв*: *Клевало здесь в холода лучше всего возле быков железнодорожного моста...* (207); *...только что злословившие мужики со всех ног бросились на помощь женщине, потому как на её удочку клюнула щучица* (212); *Прежними вёснами на озере Кубенском брала нельма на блесну* (211) и др.

2. Группа единиц — именованний субъекта рыбалки включает лексемы *рыбак*, *рыбачка*, *рыболов*. Оригинально разделение автором повествования рыбаков на несколько категорий по характеру местности, из которой они приезжают рыбачить. Юмористически В. П. Астафьев описывает их отличительные черты, и, хотя все они именуется одним словом *рыбак*, тем не менее, составляют определённые касты, отличные друг от друга: *Самый дерзкий, самый нахрапистый, самый шумный рыбак — черепянин на белом поле льда отличался явственной других тёмной шевелящейся массой...* (208); *Третий рыбак — вологодский. Надо сразу и прямо сказать, тут его, вологодского рыбака, не чтили и даже раздражались им, потому как вокруг Вологды столько рек, озёр, прудов, стариц, проток и прочего, что только алчность, считали черепяне, завидующие глаза, загребущие руки могли гнать сюда вологжанина...* (208); *Далее пойдёт рыбак россытом: ивановский, ярославский, московский, даже рязанский, рыбак малочисленный, но очень сосредоточенный и умелый* (208). Самым неуважаемым рыбаком является московский — хитрый, ехидный, ставящий себя выше других, пресыщенный. В рассказе его сравнивают с ершом — вездесущей наглой, невоспитанной рыбой: *Водится москвич, как русский ёрш, на всяком, даже нежилом, водоёме и может съесть икру других рыб, после чего сделает вид, что в водоёмах тех никогда и ничего, кроме ерша, не водилось и ничью он икру не ел* (214).

Особого внимания заслуживает слово *рыбачка*, именующее женщину. Традиционно женщина-рыбачка воспринимается рыбаками-мужчинами несерьёзно, с долей иронии, считается, что женщина и рыбалка — две вещи несовместные. И в рассказе «Светопреставление» появление женщины на рыбалке вызывает соответствующую реакцию: *Внимание всех находящихся вблизи рыбаков переметнулось на бабу, издевательские шуточки, насмешки, высказывания сгруппировать можно было бы в одну мысль — в духе современных молодёжных газет и журналов <...> Рыбаки единодушно решили, что эта вот, с позволения сказать, **рыбачка** хвалит мужика и через газету утверждает, что он у неё хороший: сам моет полы, стирает пелёнки и бельё, водится с дитём, а ей позволяет общаться с друзьями и вот даже на рыбалку отпустил* (212). Главный герой рассказа — Кеша Короб — испытывает даже открытую неприязнь к женщине-рыбачке, и неприязнь эта усиливается, когда той удаётся поймать большую рыбу: *Я двадцать пять годов рыбаку! И ни одна баба никовды меня не обрыбачивала! <...> — Ну, мушчины!.. Ну, я же не виновата, — залепетала **рыбачка** и, переломив себя, добавила: — Возьмите рыбу, если так... Только этого и надо было Кеше Коробу! Да штабы он, Кеша Короб, взял у какой-то бабы вонючую рыбину! <...> Как она, вонючка, могла экое поганство придумать?!* (213).

3. Группа единиц — именованний объекта рыбалки включает существительные *аргонавт, берш, гад, голавль, добыча, ёри, жерех, костерка, лец, налим, нельма, новожитель, окунь, плотва, подлещик, ротан, рыба, снеток, сорoga, стерлядь, судак, существо, тварь, улов, хищник, щука, язь* и др., устойчивое сочетание *рыбная мелочь*: *Вот на выносе-то на песчаном в ростепель тучилась **рыба**, и следственно — толпы рыбаков...* (208); *...со всех ног бросились на помощь женщине, потому как на её удочку клюнула **щучица*** (212); *В основном берут **плотва** и **подлещик*** (216); — *Ну что вы, ей-богу, как с неба свалились! — сказал московский рыбак. — Это же **берш*** (222) и др. Помимо традиционных наименований рыбы используются и слова, не содержащие в значении сему 'водное животное, дышащее жабрами', но в контексте называющие именно это животное (они отнесены на периферию ПВ концепта). Все эти лексемы описывают предмет «светопреставления» — неведомую рыбакам и пойманную Кешей Коробом рыбу *берш*: *Забравши в твёрдую, двумя подковами объятую, беспощадную пасть блесну Кеша Короба, **новожитель** реки и здесь, на миру, с хрустом, со скрежетом продолжал её жевать* (222); *Раздвинув плечом рыбаков, москвич приблизился ко всё ещё валяющемуся, продолжающему скрежетать блесной **существу**...* (222); *Что касается берша — это смесь судака, окуня и ерша. Главное действующее лицо в нём — ёри со всеми его колючками и повадками. Но есть ещё кто-то, науке неведомый. Может, **аргонавт**...* (223); — *Ниче-о-о! — зевая блескучей пастью, ответил черепапин. — Вкусная **гада**! Ели под водяру и облизывались* (223).

4. Группа единиц, включающая вербализаторы, объективирующие представление о месте для рыбалки. Сюда входят лексемы *водоём, лужа, лунка, мазут, море, нерестилище, озеро, прорубь, протока, пруд, река, старица* и устойчивые словосочетания *добычливое место, уловное (уловистое) место*.

В повествовании В. П. Астафьева наименования мест для рыбалки носят как общий, так и частный характер. Так, более обобщёнными названиями пунктов рыбной ловли могут быть *водоём, море, озеро, пруд, река*: *Итак, место дей-*

ствия — одна из северных **рек**, ныне уже вторично подпёртая гидросооружениями и окончательно утратившая черты **реки** и называемая просто **водоёмом** (207); *Совсем недавно одному своему приятелю-рыбаку, объездившему всю страну по вербовке и обрыбачившему многие **реки, моря и озёра**, я возьми да и расскажи о светопреставлении, случившемся на вологодской земле* (224) и др. Более конкретный характер носят наименования таких рыболовных мест, как *нерестилище* (‘место нереста’), *протока* (‘боковой рукав реки’), *старица* (‘участок старого русла реки, текущий по новому руслу’): *Нерестилища нарушены, ход рыбы смешан* (222–223); *...вокруг Вологды столько рек, озёр, прудов, стариц, проток и прочего, что только алчность, считали черепае, завидующие глаза, загребущие руки могли гнать сюда вологжанина...* (208). И ещё более частными наименованиями мест рыбалки, иногда созданными самим человеком, являются *лужа, лунка, мазут, прорубь*: *Кеша Короб, идя от лунки к лунке, всё удалялся и удалялся...* (220); *Нет, не слышали о ротане здешние рыбаки — по лицам угадал москвич и поведал, что рыба ротан может обитать в любой луже, даже в мазуте, питаться может всем...* (223) и др.

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются устойчивые (в астафьевском повествовании) словосочетания *добычливое место, уловное (уловистое) место*, также представляющие собой названия частных/конкретных мест рыбной ловли: *Но те, заметив, что у вологжан «берёт», сами надвигались бесцеремонной толпой на уловное место...* (210); *На самых уловистых, с точки зрения массового рыбака, местах, почти друг на дружке — черепае...* (216); *Более Кеша Короб на реку не приезжал, покрыло её устье — добычливое место — вторым валом воды...* (224).

5. Группа единиц, называющих приспособления для рыбалки, содержит слова *блесна, ведро, жилка, крючок, леска, лодка, мормышка, пешня, поплавки, сверло, снасти, удочка, чурка, шарманка, ящик* и словосочетания *боевое оружие, боевое снаряжение*. Они дают как самое общее представление о рыбацких приспособлениях, так и частное, вплоть до деталей: *Пообвыкнув, он выцелит зорким глазом рыбака мастерового и обязательно местного, как бы между прочим заинтересуется его снастями, подарит мормышечку...* (215); *Я окончательно проснулся и увидел перед собой человека в плаще <...> с удочкой из ветки вереса, раздвоенной на конце, с миллиметровой жилкой, к которой была крепко и надёжно привязана грубая блесна...* (218–219). Слова *ведро, жилка, пешня, сверло, чурка, шарманка, ящик* и словосочетания *боевое оружие, боевое снаряжение* будут располагаться на периферии ПВ концепта «Рыбалка», т. к. их узуальные значения не содержат сем, передающих представление о рыбалке, они контекстуально расширяют состав вербализаторов концепта, при этом качественно обогащая его ср.: *Народ весь вскочил с вёдер, с шарманок, с чурок, с магазинных ящичков, натасканных на лёд...* (221); *Очень походил Кеша Короб не только на птицу, но и на драпающего по фронту славянина, и вёл он себя соответственно драпающему, в панику впадшему вояке: бросил боевое оружие — пешню, удочку...* (221) и др. Отметим, что в последнем примере элементы *боевой, оружие*, входящие в устойчивое словосочетание, позволяют ассоциировать рыбалку с борьбой/битвой рыбака и рыбы.

6. Группа лексем, манифестирующих представление об условиях, которые не-

обходимы для удачной рыбалки. Сюда входят существительные *глубина*, *мотыль*, *наживка*, глаголы *наживить*, *намыть*, причастия *заточено*, *подлажено*.

Ни одна рыбалка неосуществима без приманки для рыбы. Так, сему 'приманка' содержит слово *наживка*, передающее общее представление о такой приманке (*И он же, черепянин, увидев у тебя коробку со свежей наживкой, на ночевке может вынуть коробку из кармана — и не взыщи* (211)), и лексема *мотыль* («личинка комара»), конкретизирующая тип наживки (*Бывало, наберёшься мужества, попросишь на рыбалке у вологжанина мотыля. Он перво-наперво поинтересуется, отчего сам мотыля-то не намыл?* (211)). Употребление глагола *намыть* показывает, что рыбалка требует определенной подготовки (мотыля добывают путём промывания водой). Процесс подготовки к рыбалке отражают и лексемы *заточено*, *подлажено*: *У вологодского рыбака все заточено, подлажено, ящики на боку с мудреными инкрустациями...* (210).

Важным условием для удачной рыбалки является глубина. У рыбаков слово *глубина* обозначает не только непосредственно глубину водоёма, но и протяжённость (расстояние) лески, которую необходимо установить от крючка/грузила до поплавка (или от мормышки до кивка): *...и сидишь, бывало, на лунке, дёргаешь блесну, а часовой советы подаёт насчёт глубин, насчёт наживки, характера рыбы...* (207); *Из будок тех глядели на рыбаков изыбшие сторожа и, чтоб скоротать время до смены, подавали советы: где сверлить лунки, на какие блёсны и мормышки рыбачить, до какой глубины их опускать...* (218).

Лексемы *глубина*, *заточено*, *намыть*, *подлажено* будут располагаться на периферии ПВ концепта «Рыбалка», т. к. они не содержат в своем значении ядерную сему.

Итак, ПВ концепта «Рыбалка» в рассказе В. П. Астафьева «Светопреставление» включает большое количество самых разнообразных вербализаторов, дающих представление о рыбалке как процессе, субъекте/объекте рыбалки, месте, приспособлениях для рыбалки, условиях, необходимых для удачной рыбалки. У В. П. Астафьева множество единиц не несут в своих значениях сем, манифестирующих рыбную ловлю, но контекстуальное их употребление расширяет рамки анализируемого концепта и делает его объёмнее. Будучи сам заядлым рыбаком, В. П. Астафьев, несомненно, отразил в своих произведениях собственные знания о рыбалке, которые мы можем соотнести с общенародными.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев В. П.* 1997: Светопреставление // Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Красноярск.
- Барилова А. А.* 2007: Приемы актуализации концепта «терпение» в рассказе В. П. Астафьева «Паруна» // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. Красноярск, 183–188.
- Бабкин А. М.* и др. (ред.). 1961: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. М.; Л.
- Башкова И. В.* 2007: Концепт «Огород» в повести В. П. Астафьева «Ода русскому огороду» // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. Красноярск, 188–199.
- Бобкова Ю. Г.* 2007: Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси»): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь.

Кузнецов С. А. (ред.) 2000: Большой толковый словарь русского языка. СПб.

Гончаров П. А. 2006: Концепт «река» в идеосфере В. Астафьева // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе. 3, 41–44.

Гончаров П. А. 2007: «Енисей — кормилец погубитель» (концепт «река» в идеосфере В. Астафьева) // Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд: XI Шешуковские чтения. М., 230–237.

Евгеньева А. П. (ред.). 1987: Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.

Мордиков Н. А. 2009: Апостолы Иисуса Христа // История и современность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mordikov.fatal.ru/apostol.html>.

Осипова А. А. 2005а: Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск.

Осипова А. А. 2012: Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В. П. Астафьева. М.

Осипова А. А. 2005б: Репрезентация индивидуально-авторского концепта «Дело» в произведениях В. П. Астафьева 1980–1990-х гг. (на примере функционирования фразеологических единиц) // «Благословенны первые шаги...». 6, 46–59.

Пименова М. В., Пименова Е. Е. 2006: Концепт «небо» и способы его объективации в произведениях В. П. Астафьева // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. 2, 90–94.

Ростовцев Ю. А. 2009: Виктор Астафьев. М.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 2006: Русский толковый словарь. М.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2005: Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.

Срезневский 1989: Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.

Фасмер М. 1996: Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.

Фельде О. В. 2009: Концепт жизнь в позднем творчестве В. П. Астафьева // Астафьевские чтения: Время «Весёлого солдата»: Ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 168–177.

Фельде О. В. 2005: Концептосфера писателя (на материале заглавий художественных и публицистических текстов В. П. Астафьева) // Астафьевские чтения: Современный мир и крестьянская Россия: сб. материалов Третьих Астафьевских чтений. Пермь, 173–176.

Фельде О. В. 2007: Концепт «память» в творчестве В. П. Астафьева // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе / К. В. Анисимов (ред.). Красноярск, 176–183.

Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов. М.

Черных П. Я. 1999: Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.

Шапилова Н. И. 2007: Ассоциативно-семантическое поле концепта «человек» в диалогии В. П. Астафьева: [объект исследования диалогия «Последний поклон» и «Царь-рыба»] // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе / К. В. Анисимов (ред.). Красноярск, 166–176.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT "FISHING"
IN THE ARTISTIC WORLD IMAGE OF V.P. ASTAFYEV

A. A. Osipova

The author resorts to the analysis of verbalization of a most striking concept "Fishing" that finds its reflection in creative work of V.P. Astafyev, the 20th century prose writer. The author also traces its evolution in the linguistic world image from the ancient times to present day. The author reveals the writer's individual perception of fishing that is found in his story "Svetoprestavleniye" ("Chaos").

Key words: linguistics, V.P. Astafyev, concept "Fishing", linguistic world image, artistic world image, verbalizer field

© 2013

Н. С. Соловьева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
В АНЕКДОТЕ

В статье рассматриваются социокультурные особенности американских и русских анекдотов про блондинку. Отмечается наличие общего прототипа персонажа *блондинка* и различия в репрезентации данного персонажа обусловленные принадлежностью к различным социальным общностям.

Ключевые слова: анекдот, языковая картина мира, смеховая картина мира, массовая культура, социальная группа

В последние два десятилетия анекдот все чаще становится предметом исследования лингвистов. Повышенный интерес к анекдоту объясняется несколькими причинами. Во-первых, современная лингвистика изучает тексты различной жанровой принадлежности: от надписи (например, на школьной парте) до романа¹, и анекдот в этом списке занимает важное место. Во-вторых, анекдот является частью фольклора, и, как любой фольклорный текст, несет в себе представления об устройстве мира, и, в определенной степени, формирует представления о нем². В этой связи, исследование анекдота позволяет определить актуальные для современного общества проблемы, тем более что на сегодняшний день анекдот признается наиболее продуктивным жанром современного фольклора³.

Особенность анекдота в том, что он «всегда пуповиной связан с реальным фактом»⁴. Ситуация и персонажи анекдота носят прецедентный характер, т.е. яв-

Соловьева Наталья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: nisanasol@yandex.ru

¹ Тарасенко 2006, 229.

² Шмелева 2003, 191.

³ Химник 2008.

⁴ Седов 2005, 3.

ляются известными, узнаваемыми фигурами-пародиями национальной культуры, за которыми в массовом сознании закреплены стереотипные образы и комические стандарты поведения. В свою очередь, представления о поведении, манере речи и «менталитете» персонажей анекдотов складываются под влиянием существующих в обществе мнений о поведении той или иной этнической или социальной группы. Кроме того, анекдот чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе. Смена политического лидера и курса страны, возникновение новых социальных групп, экономические потрясения и реформы приводит к появлению новых персонажей, и как следствие, новых анекдотов.

Лингвокультурный анализ анекдота позволяет получить представление о типичных ситуациях, персонажах, нормах поведения и оценках принятых в обществе. При этом картина мира, представленная в анекдоте, хотя и является карнавальным переверачиванием, принятых в обществе норм, не менее значима, чем принятая (официальная) картина мира⁵. Тем более что осмеянию подвергается то, что является социально или культурно значимым.

В последнее десятилетие в русском обществе стали популярны анекдоты про блондинок. Само по себе появление женского персонажа в анекдотах можно рассматривать как событие. Дело в том, что картина мира русского анекдота ориентирована на мужчину⁶. Андроцентризм анекдота проявляется как в жанровом своеобразии (анекдот — жанр по преимуществу мужского общения⁷), так и в семантическом наполнении картины мира анекдота, которая, как правило, основана на мужской точке зрения и, соответственно, затрагивает важные для мужчины темы.

Как справедливо отмечает Г.Г. Слышкин, женские персонажи русских анекдотов малочисленны и лишены каких-либо дополнительных характеристик (нет указаний на имущественное положение, национальность, состояние здоровья, пороки, профессиональную принадлежность и пр.). Исключение, пожалуй, составляет такой признак, как возраст. Женщина в анекдотах малодетельна, круг ее трудовых функций ограничен, социальное положение невысоко⁸. Активностью женские персонажи наделяются в основном только в «семейных» анекдотах, где женщина выступает в роли жены или тещи, иногда любовницы.

В этой связи, возникает вопрос, как в русской смеховой культуре появился такой персонаж, как блондинка? Очевидно, что данный персонаж был заимствован из англо-американской культуры, тем более что многие анекдоты про блондинок, фигурирующие в русском языке, являются точным переводом с английского. Однако наряду с переводными анекдотами, в русской смеховой культуре присутствуют и собственно русские анекдоты, отражающие реалии русского общества:

Брюнетка — блондинкам:

— Девочки, давайте пойдем на футбол, «Локомотив» — «Зенит»!

— Нет, не может паровоз играть с фотоаппаратом!

Как известно, анекдот не будет понятен, если культурные реалии, стереотипные черты поведения персонажей, да и сами персонажи анекдота неизвестны

⁵ Слышкин 2004, 183-184.

⁶ Слышкин 2004, 223.

⁷ Седов 2005, 8.

⁸ Слышкин 2004, 221-224.

в социуме. Так, к примеру, английские анекдоты о юристах, продавцах или священниках, хотя в большинстве своем и понятны российским гражданам, не особо популярны в русской смеховой культуре, т.к. поведение представителей данных профессий либо кардинально отличаются от стереотипного поведения подобных русских персонажей либо, вообще, малоизвестно в русском обществе. Иначе обстоит дело с анекдотами про блондинок: понятны и вызывают смех и переводные с английского анекдоты, и анекдоты, основанные на русских реалиях.

Очевидно, что блондинка стала полноправным персонажем русской смеховой культуры, однако представляется интересным, насколько полно этот персонаж был заимствован из американской культуры и много ли общего у русской и американской блондинок. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо для начала определить истоки возникновения этого персонажа и связанного с ним стереотипов в англоязычном обществе.

Прежде всего обратимся к английской языковой картине мира, которая, как любая языковая картина мира, отражает не весь мир в целом, а только наиболее важные для носителя языка его составляющие.

Итак, в английской языковой картине мира, женщине со светлыми волосами отведено небольшое, но заметное место. Во-первых, для обозначения блондинки используется лексема *blonde*, содержащая указание на род имени существительного, что для английского языка, обнаруживающего остаточные проявления категории рода, является показательным моментом. Во-вторых, в языковой картине мира представлены лексемы, обозначающие различные оттенки светлого цвета волос, а также указание на то, как был получен светлый цвет волос: естественным или искусственным путем: *ash-blond(e)*, *platinum blond(e)*, *peroxide blond(e)*, *artificial blond(e)*; *bottle blond(e)*, *suicide blonde*, *natural blonde*. Присутствуют в английском языке и устойчивые единицы, семантика которых указывает на такие черты светловолосой женщины, как физическая привлекательность и глупость: *neat stack of hay*, *dizzy blonde*, *bombshell blonde*, *dumb blond*.

Кстати, глупость приписывается не только женщинам со светлыми волосами, но и мужчинам-блондинам:

A couple of blonde men in a pickup truck drove into a lumberyard. One of the blonde men walked in the office and said, «We need some four-by-twos.»

The clerk said, «You mean two-by-fours, don't you?»

The man said, «I'll go check,» and went back to the truck. He returned a minute later and said, «Yeah, I meant two-by-fours.»

«All right. How long do you need them?» The customer paused for a minute and said, «I'd better go check.»

After a while, the customer returned to the office and said, «A long time. We're gonna build a house.»

Возможно, стереотип о глупости светловолосых людей связан с представлениями о том, что у маленьких детей, рожденных со светлыми волосами, волосы темнеют по мере взросления. Поэтому светлый цвет волос у взрослых людей воспринимается как признак инфантильности. Кроме того, поскольку светлые волосы считаются привлекательными, светловолосые дети нередко становятся в семье избалованными любимчиками, чье поведение вызывает неодобрение со стороны посторонних.

В этой точке зрения есть определенный смысл, однако стереотип о красоте и глупости блондинок имеет более глубокие корни. Вообще, женщина со светлыми волосами, и в особенности голубоглазая блондинка, на протяжении многих веков считалась идеалом красоты во многих европейских странах. Первое упоминание о неотразимой красоте блондинок приписывают Гомеру. Именно из-за золотоволосой Елены, супруги спартанского царя Менелая, похищенной троянцем Парисом, разразилась Троянская война. В европейских сказках златовласая героиня является символом невинности и чистоты, в то время как злые волшебницы неизменно изображаются темноглазыми и черноволосыми. Образ нежной, чистой и асексуальной блондинки был идеалом женщины и в викторианскую эпоху.

В начале 20-х годов XX в. женщины научились осветлять волосы, и блондинок стало больше, но отношение к блондинкам, особенно к ненатуральным, изменилось. В европейской и американской культурах бытовал стереотип о том, что цвет волос меняют только женщины легкого поведения, а порядочные девушки и женщины никогда не красят волосы. Однако в начале прошлого века в светлый цвет волосы начали красить девушки занятые в кино- и шоуиндустрии (актрисы, певицы, танцовщицы), поскольку это давало им больше шансов найти работу. Такие девушки считались легкодоступными и алчными, а их малообразованность превратилась в стереотип о глупости. Считалось также, что мужчины увлекались блондинками, но женились на девушках из порядочных семей, у которых был натуральный темный цвет волос⁹.

Тем не менее, несмотря на бытование в обществе представлений о глупости и распущенности блондинок, стереотип, согласно которому блондинка является идеалом красоты, продолжал укореняться в американском обществе, и во многом этому содействовал Голливуд, переживавший в начале XX в. эпоху расцвета.

Становление американского кинематографа происходило параллельно с развитием массовой культуры в США, поэтому американский кинематограф впитал все черты массовой культуры: мифотворчество, преобладание развлекательных жанров, доступность, ориентация на коммерческий успех, тиражирование, бытующих в обществе стереотипов¹⁰. Образы киногероев, создаваемые в Голливуде, отвечали всем канонам массовой культуры. Персонажи делились на положительных и отрицательных, и нередко, нежные и добрые блондинки, противопоставлялись коварным брюнеткам. Однако образ белокурой героини изменялся с течением времени.

А. Кун выделяет три образа героинь-блондинок, созданных на фабрике грез. Первый тип, так называемая *ice-cold blonde*, блондинка, внешне сдержанная и даже холодная, но на самом деле страстная. Второй тип, *blonde bombshell*, — женщина чрезвычайно сексуальная и при этом умело использующая свою сексуальность в решении финансовых проблем. И, наконец, третий тип блондинки — *dumb blond* — девушка сексуально неотразимая, но при этом очень глупая. Классическим примером глупой блондинки считается героиня Мэрилин Монро в фильме *Some like it hot*¹¹. Некоторые исследователи считают, что образ глупой белокурой красавицы старше ее голливудских прототипов, и связывают его происхождение с

⁹ Wikimedia Foundation 2010.

¹⁰ Кириллова 2005, 114.

¹¹ Kuhn 1994, 47.

пьесой 1775 года, в которой французская куртизанка Розали Дут играла саму себя. С тех пор, как утверждают, в язык и вошло выражение «красота без мозгов»¹². Именно этот тип блондинки, *dumb blond*, и стал персонажем американских анекдотов.

Следует заметить, что американский кинематограф, в сравнении с другими видами искусства, оказал наиболее существенное влияние на развитие, укоренение и последующую трансформацию американских ценностей и идеалов¹³, поэтому неудивительно, что голливудский персонаж — глупая и сексапильная блондинка — является неотъемлемой частью американской массовой культуры.

В определенной степени распространению стереотипного образа глупой и сексуальной блондинки способствовала популярность актрисы Мэрилин Монро, которая сыграла немало глупеньких и хорошеньких блондинок. В свою очередь, доминирующая черта блондинки, глупость, сделала ее неотъемлемым персонажем англоязычной смеховой картины мира, поскольку чужая глупость всегда вызывает смех.

Таким образом, стереотипное представление о блондинке как об эталоне красоты, а позднее и глупости, сформировалось и укоренилось в американском обществе под воздействием массовой голливудской продукции. Позднее этот стереотип попал в европейскую культуру вместе с голливудскими фильмами.

В России стереотип о красоте и глупости блондинок начал фигурировать в обществе только на рубеже XIX–XX веков. Героини отечественного кинематографа начала 30-х годов, как и голливудские актрисы, тоже были блондинками, однако перед отечественным кинематографом стояли совсем иные задачи. Мифотворчество советского кино было связано с государственной идеологией, которой были подчинены все киножанры¹⁴, и такой набор качеств, как женственность, сексуальность и глупость, не подходил советским героиням.

Представление о блондинке как о ком-то исключительном и особенном, судя по данным русской языковой картины мира, до сих пор не характерно для русского языкового сознания. Анализ показывает, что, в отличие от английской языковой картины, лексема *блондинка* имеет низкую номинативную плотность в русском языке. По данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), наиболее распространенные сочетания с этой лексемой — *крашеная блондинка* и *натуральная блондинка*. Все остальные сочетания единичны и в словарях современного русского языка не закреплены. Устойчивые сочетания, обозначающие светловолосую женщину, встречаются только в словаре молодежного жаргона, при этом указание на сему глупости в семантике устойчивых сочетаний не отмечается: *белая мышь*, *белый цветок*, *яркая звезда*.

Стереотипы, связанные с блондинкой попали в российское общество вместе с западной массовой культурой, однако понятны и узнаваемы они стали только тогда, когда в российском обществе появились необходимые для этого условия. Главным фактором для возникновения подобного рода условий, без сомнения, является смена экономического курса страны, повлекшая за собой изменения как в социально-политической структуре российского общества, так и в системе цен-

¹² Откуда родом стереотипы о блондинках 2011.

¹³ Шестаков 1996, 120.

¹⁴ www.infoniac.ru/news

ностей. Все эти изменения способствовали появлению такого явления в современном российском обществе, как гламур.

С философской точки зрения гламур представляет собой специфически-образную форму выражения бытия, основанную на принципах гедонизма, причем гедонизма в его низшем проявлении. Гламур сводит мотив и цель жизни к достижению максимума эстетического наслаждения (в его количественном и качественном эквивалентах), свободного от этических обязательств и драматических общественных коллизий. Гламур неразрывно связан с принципами массовой культуры, в особенностях с принципами культуры потребления. В современном обществе он предстает как симулякр, так называемый искусственно созданный массовой культурой мир, в основе которого лежит принцип создания «косметического» эффекта в презентации действительности. Действительность приукрашивается и идеализируется, ретушируются все негативные моменты. Реклама, неотъемлемый спутник гламура, делает рекламируемый глянцевый мир убедительнее самой реальности. В результате гламур превращается в мифологическое представление о «красивой жизни», являющейся искушением и манящим идеалом для подражания¹⁵. Целью жизни в мире гламура становится достижение пусть мифического, но идеально-красивого мира.

Исследователи отмечают, что эстетика гламура во многом совпадает с эстетикой рококо, существовавшей в эпоху абсолютизма. К примеру, и гламур, и рококо неразрывно связаны с расточительной роскошью и тягой к экзотике. Все это уводит от материально-обыденного реального мира в мир, который сегодня называется миром «глянцевого блеска», миром «сверкающей красоты», эротики и фантазий. Стиль рококо роднит с гламуром стихия поверхностного наслаждения как жизненной доминанты и отрицание всего серьезного.

Еще одной общей чертой рококо и гламура является стремление к чувственному наслаждению (гедонизму) проявляющемуся в идеологии красоты, и в частности в моде. Тело становится предметом любования, предметом праздным и неприспособленным к физическому труду. Уход за телом превращается в обязательное занятие. Роскошные наряды, стоящие целое состояние, подчеркивают физическую красоту. Женские костюмы выставляют напоказ эротическую красоту женщины.

Сходные черты гламур и рококо обнаруживают и в отношениях между полами. Отношения между мужчиной и женщиной основываются на чувственных наслаждениях, длящихся порой совсем недолго. Брак представляет собой не более чем юридический союз. Женщина воспринимается как источник чувственного наслаждения и нередко превращается в предмет роскоши, обладающий определенной стоимостью¹⁶.

Однако главной общей чертой эпохи рококо и гламура является ориентация на определенную социальную группу, далекую от экономических потрясений и повседневной жизни. Так, эстетика рококо была ориентирована на запросы аристократии, а гламур — это прежде всего мир современной российской элиты, демонстративное потребление и гедонизм которой заявлены как ее системная

¹⁵ Точилов 2011, 21-23.

¹⁶ Фукс 2010.

идеология¹⁷. Возникновение гламура неизменно повлекло за собой появление в российском обществе новых типажей и как следствие, нашло отражение в русской смеховой картине мира, прежде всего в анекдотах про новых русских и про блондинок.

Таким образом, американская блондинка, *dumb blond*, является персонажем американской массовой культуры, а блондинка в русских анекдотах — персонаж из мира гламура. Оба персонажа схожи, поскольку имеют один общий прототип. Однако в поведении русской и американской блондинок обнаруживаются некоторые расхождения, т.к. каждая из них поступает прежде всего в соответствии со стереотипами своей социальной группы.

Итак, рассмотрим стереотипные черты и привычки, присущие обоим персонажам. В большинстве русских и американских анекдотов блондинки куда-то направляются: либо летят на самолете, либо едут на автомобиле (русская на дорогом автомобиле). Американские блондинки чаще, чем русские, путешествуют на самолетах, поскольку передвижение на самолетах скорее черта американского образа жизни¹⁸.

В анекдотах про блондинку и автомобиль широко представлен бытующий в русском и американском обществах стереотип о том, что женщины — плохие водители, не знающие правил движения и устройство автомобиля:

A policeman pulled a blonde over after she'd been driving the wrong way on a one-way street.

Cop: Do you know where you were going?

Blonde: No, but wherever it is, it must be bad because all the cars were leaving.

Блондинка на джипе перевернулась на ровном месте.

Спрашивают: Как же вы умудрились?

Блондинка: Колготки меняла...

Спрашивают: Как, а разве можно?

Блондинка: Да два раза получалось...

Следует отметить, что русских анекдотов, основанных на этом стереотипе, больше, чем американских. Женщина за рулем транспортного средства (в особенности дорогостоящего) воспринимается мужчиной отрицательно, поскольку автомобиль долгое время считался сугубо мужской привилегией. В российском обществе автомобиль стал широкодоступен сравнительно недавно, поэтому женщина за рулем автомобиля, несмотря на то, что число женщин-водителей неуклонно растёт, неизменно вызывает у российских мужчин негативную оценку.

Русские блондинки также проводят много времени в салонах красоты, торговых центрах и ресторанах:

Записи в ежедневнике блондинки.

Планы на завтра:

1. *Истерика.*

2. *Шопинг.*

И в русской, и в американской смеховых картинах мира немало анекдотов о посещении блондинкой врача. Однако медицинских анекдотов в американской смеховой культуре несравненно больше. Есть даже целый словарь медицинских

¹⁷ Савельева 2009, 115.

¹⁸ Сигов 2012, 344.

терминов блондинки, основанный на игре слов: *Artery — study of paintings; bacteria — back door of cafeteria; barium — what doctors do when treatment fails; caesarean section — district in Rome...*

По-видимому, значительно меньшее количество русских анекдотов о блондинках и врачах объясняется тем, что забота о здоровье не является приоритетной чертой в русском обществе.

В обеих смеховых картинах мира отсутствует указание на профессиональный статус блондинки. Однако если блондинки где-то работают, то они, как правило, секретари, а если учатся, то неудовлетворительно. В целом все анекдоты о блондинках-секретаршах и блондинках-студентках основаны либо на стереотипном представлении о глупости блондинок, либо об их распущенности:

Встречает одна блондинка другую:

— Ну что, физику сдала?

— Да завалила — профессор злой попался. Все твердил мне — тут нужен интеллект, тут нужен интеллект, используйте его. А я такого прибора ни разу не видела, как я его применю.

Секретарша-блондинка заходит в кабинет к директору:

— Иван Иванович, я подготовила список членов нашей организации, как вы просили.

Директор берет список. Просматривает:

— Простите, ... а почему в списке одни только мужчины?

A banker confused about maths, asks his blond secretary: «If I give you \$3 million less 17%, how much would you take off?» She replies: «Everything sir, the dress, bra and panty...»

— *What do you call a blond in the institution of higher education?*

— *A visitor.*

Русских анекдотов о работающих блондинках в целом больше, чем американских. Однако в американской смеховой картине встречаются анекдоты, в которых блондинка пытается устроиться на работу. Комизм ситуации таких анекдотов основан на стереотипной глупости блондинок, из-за которой их либо не принимают на работу, либо они умудряются испортить то, что им поручили сделать:

A blonde goes for a job interview in an office. The interviewer starts with the basics. «So, Miss, can you tell us your age, please?»

The blonde counts carefully on her fingers for half a minute before replying. «Um ... 22.»

The interviewer tries another straightforward one to break the ice. «And can you tell us your height, please?»

The young lady stands up and produces a measuring tape from her handbag. She then traps one end under her foot and extends the tape to the top of her head. She checks the measurement and announces, «Five foot two!»

This isn't looking good so the interviewer goes for the real basics, something that she won't have to count, measure, or lookup.

«Just to confirm for our records, your name please?»

The blonde bobs her head from side to side for about fifteen seconds, mouthing something silently to herself, before replying, «Cindy!»

The interviewer is completely baffled at this stage, so he asks, «What were you doing when I asked you your name?»

«Oh, that!» replies the blonde, «I was just running through that song, 'Happy birthday to you, happy birthday to you, happy birthday dear... '»

Нигде не работая, русская блондинка роскошно живет за счет мужа или богатого любовника и обожает меха, драгоценности и дорогие автомобили. Как следствие, блондинки считаются продажными и алчными:

Встречаются два приятеля.

— А правду говорят, что твоя блондинка тебя бросила?

— Правда...

— А ты бы ей сказал, что твой отец — миллионер, что он стоит одной ногой в могиле...

— Я так и сказал... и теперь она — моя мачеха.

Разговор блондинок:

— Почему ты порвала с женихом?

— Мое отношение к нему резко изменилось.

— А почему же ты тогда не вернула обручальное кольцо с брильянтом?

— А потому что мое отношение к кольцу не изменилось.

Убил блондинку — спас бобра... белку... норку... крокодила.

Ключ от «Мерседеса» подходит к сердцу блондинки.

Блондинка подруге:

— Я ему сказала: «Ты никогда не возьмешь меня силой!»

— И что он сделал???

— ... Достал чековую книжку...

Анекдоты о том, что или кто является источником дохода американской блондинки, не встречаются, однако отмечается ее любовь к деньгам:

— What is six inches long, has a bald head, and drives blondes crazy?

— A hundred dollar bill.

Самые распространенные социальные роли блондинок — роли жены и матери, при этом они подробнее прописаны в американских анекдотах. Американская блондинка плохая хозяйка, не умеющая готовить, и бестолковая мать:

— What does a blond make best for dinner?

— Reservations.

A blonde is walking down the street with her blouse open and her right breast hanging out. A policeman approaches her and says, «Ma'am, are you aware that I could cite you for indecent exposure?» She says, «Why, officer?» «Because your breast is hanging out.» She looks down and says, «OH MY GOODNESS! I left the baby on the bus again!»

Возраст блондинки ни в русских, ни в американских анекдотах не указывается. По-видимому, она вечно молода и априори красива. Тем не менее, внешность блондинки в русской смеховой картине более детализирована в сравнении с американской. Так, особенно красивыми считаются длинноногие блондинки:

Сидит блондинка, навороченная, только что из салона: прическа, ногти накладные, макияж дорогой, прикид на высшем уровне, ноги от коренных зубов. Сидит красуется....

Одета русская блондинка всегда модно и сексуально. Порой это выражается в минимуме одежды:

Маленький мальчик потерял маму-блондинку в толпе большого универмага.

Дежурная отчитывает мальчика:

— *Мальчик, маму нужно всегда держать за руку.*

— *Но у нее в руках столько было всяких вещей.*

— *Тогда нужно было держать за юбку.*

— *Я пытался, но не мог достать, до нее было так высоко...*

И, конечно, блондинка очень нравится мужчинам:

Мальш сидит у окна в автобусе:

— *Мама! Смотри! Озеро!*

— *Мама! Смотри! Корова!*

— *Мама! Смотри! Ромашки!*

— *Папа! Смотри! Блондинка!*

— *What do a blonde and a car have in common?*

— *They both can drive you crazy.*

Основными стереотипными качествами блондинки и в русских, и в английских анекдотах являются глупость и сексуальная распущенность. При этом сексуальная распущенность не воспринимается самими блондинками как порок, скорее как норма:

Разговаривают две блондинки:

— *Да я ему даже ни разу не изменила!*

— *Ну не верю, неужели ни разу!*

— *Да, честно, ни разу! Не везло мне как-то...*

Лучшие подруги блондинки — ее ноги. Но из-за мужчин расходятся и самые лучшие подруги.

— *What does a blonde say after sex?*

— *Thanks Guys.*

— *What's the difference between a blonde and an ironing board?*

— *Its difficult to open the legs on an ironing board.*

Более того, сексуальность блондинки есть способ продвижения по жизни и получения материальных благ. Особенно ярко это представлено русских анекдотах:

Встречаются две подруги-блондинки:

— *Ну, как решился твой вопрос с квартирой?*

— *Пока не решился. Но я своего добьюсь! Костями лягу! И знаю под кого!*

Блондинка собирается в турпоход:

— *Надо взять стринги ... так, что еще? А, стринги! А еще? Стринги.*

Мама ей говорит:

— *Дочка, ты бы палатку хоть взяла.*

— *Мам, будут стринги — будет палатка, будет спальник, все будет.*

Помимо глупости и сексуальной распущенности, блондинка в русских анекдотах обладает и таким отрицательным женским качеством, как расточительность:

— *Может ли блондинка сделать мужчину миллионером?*

— *Да, если он миллиардер.*

Итак, заимствованный из американской массовой культуры персонаж *dumb blond* претерпел в русской смеховой культуре значительные изменения. Американская блондинка красива, глупа, сексуально распушена, но из-за своей глупости постоянно попадает в смешные ситуации. Русская блондинка также не отличается большим умом, но умело использует свою сексуальность для достижения главной цели: найти богатого мужчину. В целом поведение блондинки в русской смеховой картине соответствует поведению представителей определенной социальной группы, разделяющей эстетику гламура: любовь к роскоши (меха, автомобили, драгоценности), расточительность, любовование своим телом и выставление его на показ.

ЛИТЕРАТУРА

- Кириллова Н. Б.* 2005: Медиа-культура: от модерна к постмодерну. М.
- Савельева О. О.* 2009: Рекламные образы и конструирование памяти о прошлом // *Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Д. Л. Спивак (ред.). М., 114–118.*
- Седов К. Ф.* 2005: Современный народный анекдот как речевой жанр // *Психолингвистика в анекдотах. М., 3–16.*
- Сигов Ю.* 2012: Необычная Америка: За что ее любят и ненавидят. М.
- Слышкин Г. Г.* 2004: Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград.
- Тарасенко Т. В.* 2006: Анекдот с позиции лингвокультурологии // *Языкознание. 3/2, 228–234.*
- Точилов К. Ю.* 2011: Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации: автореф. канд. философ. наук. М.
- Фукс Э.* 2010: История нравов. М.
- Химик В. В.* 2008: Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Himik_Anekdot.php
- Шестаков В. П.* 1996: Очерки американской культуры и национальный характер. М.
- Шмелева Е. Я.* 2003: Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота / *Логический анализ языка. Космос и логос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Н. Д. Арутюнова (ред.). М., 191–200.*
- Kuhn A.* 1994: *The Women's Companion to International Film.* University of California Press.

SOCIO-CULTURAL PROPERTY REPRESENTATION IN JOKES (BASED ON AMERICAN AND RUSSIAN BLOND JOKES)

N. S. Solovyeva

The paper deals with socio-cultural properties of American and Russian blond jokes with particular emphases on a blond joke character prototype common for both cultures as well as its representation differences.

Key words: joke, language world image, humorous world image, mass culture, social group

© 2013

О. В. Драгинда

СИНЕСТЕЗИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ В УКРАИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена рассмотрению воспроизведения при переводе синестезии, проявляющейся на фоносемантическом и лексико-семантическом уровнях поэтического текста. Особое внимание уделяется анализу передачи звуко-смысловых, а именно звуко-цветовых, соответствий и синестетической метафоры оригинальных стихотворений английских поэтов-романтиков в украинском поэтическом переводе.

Ключевые слова: англо-украинский, звуко-смысловые соответствия, звуко-цветовые ассоциации, поэтический перевод, романтическая поэзия, синестезия, синестетическая метафора, фоносемантический

В связи с очевидным ускорением глобализационных процессов и повышением потребности в обмене лингвокультурными феноменами, воплощенными в культурно значимых художественных произведениях, не теряют значимости именно исследования различных аспектов стихотворного перевода. Актуальность темы данной научной статьи обусловлена общей направленностью современных переводоведческих исследований на рассмотрение разнообразных проявлений синестезии в поэтическом тексте, что необходимо для адекватного решения переводческих задач, связанных с воссозданием художественного впечатления, смысла оригинального стихотворного произведения, т.е. системы образов поэтического текста в единстве с выразительными средствами языка перевода.

Направленность исследования на решение нескольких задач определяет объекты анализа — звуко-смысловые соответствия и синестетическая метафора, предмет исследования есть передача звуко-цветовых корреляций и определённых синестетических метафор английских стихотворных произведений в украинских переводах. Научная новизна обусловлена тем, что методика цветофоносемантического анализа впервые применена к рассмотрению англо-украинского поэтического перевода.

В течение последнего десятилетия активизировалось рассмотрение синестезии как экспрессивного средства в художественной литературе и в переводе (А. В. Перминова, Т. Б. Агалакова, А. Х. Мерзлякова, Ю. М. Молодкина, Н. В. Вострякова, Н. И. Яницкая)¹. В английской поэзии романтизма на явление синестезии неоднократно указывали исследователи из разных стран. Синестезию, синестетичность уже давно считают сущностным признаком поэтики романтизма; конструирование синестетических оборотов поэтической речи соответствовало одной из главных особенностей романтического творчества — влечения к таинственному, удивительному. Соглашаясь с А. А. Потебнёй в том, что поэтический язык — язык образов, известный украинский литературовед и переводчик Б. С. Лепкий отмеча-

Драгинда Ольга Викторовна — ассистент кафедры методики обучения иностранным языкам и прикладной лингвистики Института филологии Киевского национального университета имени Т. Шевченко. E-mail: olyadraginda@gmail.com.

¹ Яницкая 2010, 4.

ет, что при переводе лирики эпохи романтизма следует особенно внимательно относиться к ее музыкальным ценностям, поскольку упущения в этом направлении уменьшают ценность перевода². Исходя из того, что романтические произведения необходимо переосмысливать как в смысловом отношении, так и в звуковом, проблема переводчика романтических стихов — поиск сбалансированного подхода, который бы учитывал как семантическую составляющую образа, так и особенности звуковой организации³.

Синестезия происходит на основе транспозиции различных ощущений: зрительных, слуховых, тактильных, двигательных, вкусовых, одоративных. Несмотря на то, что процесс оформления научной теории синестезии, являющейся основой фоносемантики поэтического произведения, и апробация методик её исследования ещё продолжается, уже сейчас можно говорить об универсальном характере явления звуко-цветовой ассоциативности как об одной из форм художественного мышления (Д. С. Ищенко, Л. П. Прокофьева, Т. И. Шуришина).

Поэтическое произведение представляет авторскую картину мира в звуках, цветах, эмоциях. Каждый структурный элемент имеет поэтический смысл в поэтической картине мира поэта; «звуко-цветовая картина мира писателя — это фрагмент его общей поэтической картины мира; отражённое в идеостиле обобщённое представление субъекта о мире звука и цвета; система собственно эстетических смыслов, выявляемых в процессе художественной коммуникации»⁴. Стилистические функции единиц фоносемантического уровня, по мнению Л. П. Прокофьевой, возникают как реализация смысловых и символично-психологических отношений между звуком и цветом, звуком и значением, цветом и значением, цветом и его восприятием; эти отношения существуют во внутреннем мире и психике писателя и находят отражение во внутреннем мире и психике читателя или интерпретатора художественного произведения. Принимая утверждение о том, что «как аналог мироощущения, отражённого в модели текста, звуко-цветовая картина мира не только продуцируется, но и может быть воспринята»⁵, можно говорить и о возможности её воспроизведения, в частности в переводе.

Звуковой символизм и звуко-цветовые соответствия в частности — элементы художественной экспрессии, которая составляет богатство и разнообразие романтической поэтической речи. Звуко-цветовые соответствия воспринимаются в сочетании с цветоименованиями, что способствует созданию в сознании читателя зрительной картины, ассоциативных образов, а благодаря признаковому аспекту производится определённое эмоционально-экспрессивное впечатление. Воспринимая многоплановую образную информацию, переводчик перестраивает её, чтобы средствами целевого языка воссоздать поэтический образ, способный вызывать звуко-цветовые ассоциативные образы и эмоционально-экспрессивные впечатления, похожие на те, что вызывает исходное стихотворное произведение.

Согласно классификации авторов по критериям звуко-цветовой ассоциативности, выполненной на основе анализа фактов проявления интермодальной общности на разных уровнях поэтического текста, в творчестве английских по-

² Лепкий 1991, 167.

³ Боровинский 2010, 72.

⁴ Прокофьева 2007, 229.

⁵ Прокофьева 2008, 32.

этов-романтиков находят отражение национально мотивированные системы звуко-цветовых ассоциаций, которые фиксируются на подсознательном уровне и закрепляются в тексте посредством использования звуковых повторов а также имплицитных и эксплицитных цветовых номинаций⁶. Данные выводы важны для нашего исследования, поскольку подтверждают целесообразность выбора материала исследования — произведения английских поэтов-романтиков богаты синестетическими тропами, соответственно могут составить основу для изучения особенностей передачи интермодальных переносов, а именно звуко-цветовых, в переводе.

Разработанная и уточнённая за последние десятилетия методика фоносемантического анализа, наряду с учётом универсальных и национальных законов выявления звуко-цветовой ассоциативности и анализа попыток реализации авторских систем цветовой символики звука, даёт возможность сопоставить цветовое наполнение поэтического текста, полученное разными путями, и открывает путь для переводческой интерпретации.

Используя процедуру автоматического цветофоносемантического анализа текста и результаты интерпретационного анализа стихотворений, мы проанализировали первоисточники и их переводы. Материалом исследования послужили избранные поэтические произведения английской литературы конца XVIII — начала XIX века: стихотворения У. Блейка, С. Т. Колриджа, У. Вордсворта, Дж. Китса, П. Б. Шелли, Дж. Г. Байрона и их украинские переводы, выполненные мастерами поэтического перевода — Н. Зеровым, Г. Кочуром, Д. Паламарчуком, В. Коптиловым, В. Мысыком, А. Мокровольским, Д. Павлычко, С. Ткаченко, В. Кейсом и В. Марачем. Сплошная выборка состоит из 263 стихотворных произведений (126 англоязычных текстов та 137 украинских переводов). Сопоставительный анализ оригиналов и переводов позволяет сделать вывод о том, что на уровне звуковой аранжировки украинские стихотворные переводы большей частью адекватны, поскольку вызывают эмоционально-экспрессивный эффект, похожий на тот, что и английские первоисточники. Так, например, стихотворение П. Б. Шелли “Time” отражает размышления автора о существующем порядке вещей во вселенной, о случайности и неизбежность человеческой судьбы, поэт сравнивает морские волны с годами жизненного океана, «тёмные» от горя и страданий: “*Unfathomable Sea! whose waves are years, / Ocean of Time, whose waters of deep woe / Are blackish with the salt of human tears!*”. Перевод А. Мокровольского, передавая общую тональность текста оригинала, который, в свою очередь, отмечается разнообразием звуков, всё же кажется более «мрачным» и «тяжёлым». Это подтверждается заметным преобладанием на общем фоне «тёмных» звуков ‘и’ и ‘і’, где доминирует «зелёный» ‘е’. Переводчик прибегает к аллитераций на ‘ж’ и ‘ш’: “*З переситу шалене, ще і ще / Жадаєш жертв, на берег трупи вержеш; / Зрадливе в штиль, страшне у шторм, як перше*”. А. Мокровольский сохраняет и кольцевое повторение, использованное в первоисточнике. Словосочетание “*незмірне Море*” (“*Unfathomable Sea!*” у Шелли) подчеркивает идею бесконечности времени–моря и вечности человеческих страданий в нем. Перевод стихотворения — отражение безрадостной философии печали Шелли-поэта, где собственные беды воспринимаются в контексте общечеловеческих.

⁶ Прокофьева 2007, 231-232.

Если проследить представление гласных с позиции их цветообозначения, то результаты анализа семантизации звуковой формы, которая происходит только лишь в тесной связи со смыслом, идеей стихотворного произведения, свидетельствуют о том, что не абсолютно все стихотворения могут быть проанализированы в этом аспекте. Исследование сохранения звуко-цветовых соответствий показало, что звуковая оболочка только 72% переведенных стихотворных текстов вызывает цветовые впечатления похожие на те, что и оригинальные поэтические произведения, но явление звуко-цветовой синестезии можно наблюдать в стихотворениях всех рассмотренных авторов.

Проанализированные примеры звуко-цветовых соответствий англоязычных поэтических произведений подтвердили, что довольно часто в художественной речи цветовой признак выражается «скрыто». Объекты окружающего мира вызывают в сознании носителей языка связанные с ними цветовые представления, а цвета, наряду с формами и размерами, создают определенные образы, которыми оперирует сознание как автора, так и читателя / переводчика. Эти свойства образного мышления срабатывают при создании художественного текста и его интерпретации, что позволяет поэту описывать богатые цветовые сцены и ситуации, не употребляя при этом цветообозначение или не повторяя его несколько раз, а лишь давая его название. Звуковая инструментовка в данном случае служит лаконичности поэтического высказывания, подчеркивая тот или иной оттенок или наделяя цвет особым символическим или экспрессивным содержанием. Поскольку подбор звуков при переводе происходит преимущественно не на звуковом уровне, часто звуковые образы оригинала воспроизвести невозможно. Переводчики в основном создают собственную инструментовку, которая передает авторский замысел, образную цветовую картину, эмоционально-экспрессивную установку оригинала.

Проанализировав передачу звуко-цветовых корреляций англоязычных поэтических произведений в украинских переводах, заметим, что в англоязычной романтической поэзии фонема преимущественно не имеет столь ярко выраженных символических характеристик, как звукобуквы в сознании носителей украинского языка. В связи с этим можно считать, что звуко-символизм в английском языке имеет менее четкий характер, чем звуко-символизм в славянских языках. Все различия не могут перевесить явной схожести фонетической значимости в этих языках, но они свидетельствуют о том, что различие языков бесспорно вносит специфические коррективы в общую картину универсальной значимости звуков. Отсутствие симметрии между соотносимыми звуко-цветовыми ассоциациями сопоставленных языков может быть причиной различий при переводе исходного текста.

Рассмотрение лексико-семантического аспекта анализируемых стихотворений свидетельствует о том, что, кроме того, что синестезия является основой звуко-смысловой ассоциативности в поэзии, она выступает одной из самых распространенных стилистических форм. Синестетический метафора относится к наиболее частотным типам метафор в художественной речи⁷.

Значительный объем материала, посвященного метафоре, свидетельствует о большом интересе и достаточно высокой степени разработанности научной проблематики в этой области, однако вопрос перевода синестетических метафор остается недостаточно раскрытым.

⁷ Балабан 2006, 9.

В современном переводоведении перевод метафоры, по мнению Л. Л. Нелюбина, зависит от того, насколько близкими или далёкими являются культурно-языковые традиции языков оригинала и перевода⁸. Исследование метафор в художественной речи показало наличие в разносистемных языках эквивалентных метафорических концептов, частично соответствующих метафор и метафорических лакун⁹, что очевидно влияет на перевод метафоры

Анализ синестетических метафор на базе англоязычных стихотворных произведений — поэзии Дж. Китса, П. Б. Шелли, Дж. Г. Байрона показал, что синестетические переносы в поэзии романтиков основываются на взаимодействии слуховых зрительных тактильных вкусовых и двигательных ощущений, например: *the icy silence, to touch ... with rosy hue, parching to the tongue, shadowy sound, embalmed darkness, sweet utterance, faint cracklings creep, has wrought a silence, a triple sight in blindness, sweet and bitter world, gently whispering noise* (у Китса); *the melodious hue, with the solid darkness black, the hollow winds whistle, showers a rain of melody, the moon rains out her beams, glides glimmering, herbs of ordour sweet* (у Шелли); *bitter words, sweetest notes, dusky shadow, gleaming in purple and gold, in silvery sheen / Full beams the moon, tasted the sweets and the bitters* (у Байрона). Одоративные ощущения оказались наименее задействованными в создании синестетический переносов.

Проведённый анализ подтверждает, что синестетическая метафора является одним из широко применяемых стилистических средств поэзии Дж. Китса, П. Б. Шелли. Поэзии Дж. Г. Байрона присуща меньшая синестетичность образов.

Проанализированные в оригинальных стихотворениях Дж. Китса и переводах В. Мысыка, Д. Павлычка и Д. Паламарчука синестетические метафоры свидетельствуют об использовании переводчиками адекватных соответствий: *the icy silence — в безмовності... крижаній, dark vapours have oppressed — млами затемнювали, of sweet noise — милозвучний, more parching to the tongue — ще пекучіший для уст* (у Мысыка), *touch with a rosy hue — рожево тінячи* (у Паламарчука), *a burning forehead — вогонь у скронях, sweet melodies — веснянка люба* (у Павлычка). Некоторые из украинских метафор отмечены сдвигом в лексико-семантических группах тех компонентов метафоры, которые не принадлежат к сенсорному: сужение значения (*melodies — веснянка*), семантическая замена (*forehead — скроня, tongue — уста*), что не повлияло на образность метафорических выражений.

Несмотря на окказиональные лексические и грамматические изменения, адекватными представляются и переводы метафорических выражений П. Б. Шелли А. Мокроволского: *the moon rains out her beams — місяць ... залив сяйвом, showers a rain of melody — зливи мелодій сиплею, thy notes flow in such a crystal stream — ти залив ... снівом кристальним, tingling silentness — тини дзвінка, the golden melodies — золоті потоки мелодій, I feed the clouds, the rainbows and the / flowers / With their ethereal colours — Веселки, хмари, квіти я пою / Ефірними сяйніми кольорами, of shadowy adamant — з алмазів, сяючих примарно, paved with the moon — одсвічують місяць, hues ... thou dost shine upon — барви освячуєш, sweet accord — суголосці милозвучнім, srrared with fiery flowers — озорене вогненным квітом, With the solid darkness black / Closing round his vessel's track — А до-*

⁸ Нелюбин 2013, 169.

⁹ Кочур 1972, 15-16.

вкола чорнота / Смоляні змика вуста, *the winds with melody are ringing* — голоси бринять усіх вітрів, *fill with living hues and odours* — пахощі та барви розлилися, *the pale purple melts* — заграва блідне, *shine in the rushing torrents' restless gleam* — струмочками блищать-іскряться.

Природа чрезвычайно персонифицирована у Шелли, в результате чего в стихах можно найти примеры синестезий, соотнесённость которых к определённом типу трудно определить. Примеры украинских переводов лирики Шелли О.Мокровольського и Г.Кочура свидетельствуют о внимании переводчиков в таком смешанном синестезиям: *My footsteps pave the clouds with fire* — вознисто мчу по хмарах в синім полі, *the tender light, / Trembling to mingle* — світло ... лагідне тріпоче, *sunlight not for ever weaves rainbows* — одну лиш мить веселка світ наш веселить, *Giving a voice to its mysterious waves* — Вбираєш думи-хвилі в одяг-вистів (у Мокровольського), *Pour forth the sound ... , / Loosen the notes in a silver shower* — Пролійсь, ... / Як зливи стозвучної срібло (у Кочура).

Метафорический образ может воспроизводиться в переводе с изменениями. Отличные национальные образно-ассоциативные связи, асимметрия в языковых средствах выражения перцептивных признаков, влияют на отсутствие прямых соответствий в языке перевода и субъективные переводческие решения требуют трансформации синестетической метафоры при воспроизведении ее на украинский язык. Так, происходит сдвиг в пределах лексико-семантических групп сенсоризмов: *gently whispering noise* (у Китса) — цей шенім (у Мысыка), *tender semitone* (у Китса) — слів притишеність, *i shenim* (у Мысыка), *their faint cracklings... creep* (у Китса) — річ його жива вповзає (у Мысыка), *shadowy sound* (у Китса) — шуми-тіні (у Мысыка), *in a wailful choir the small gnats mourn* (у Китса) — печально комарі дзвенять (у Паламарчука), *silent blue* (у Китса) — темно-синя пустиня (у Мысыка).

Воссоздавая синестетические образы, переводчики прибегают к поиску смысловых соответствий, что может привести к потере образности или искажению содержания: *but with a smile / Cold as sunrise in September* (у Китса) — А сама — вся холодна та понура (у Мысыка), *fed too much with cloying melody* (у Китса) — мляві від гуркоту солодких нот (у Мысыка), *autumn suns smiling at eve* (у Китса) — світлий вечір, що ... спить (у Мысыка), *sapphire warm their stars* (у Китса) — прекрасні зорі (у Мысыка), *shrill delight* (у Шелли) — снів дзвенить з гортані (у Мокровольського), *laughter with some pain is fraught* (у Шелли) — сміх наш звучить невлад (у Мокровольського), *herbs of odour sweet* (у Шелли) — духмяні трави (у Мокровольського), *gleams a brazen glare, glides glimmering* (у Шелли) — мідна заграва встає, легко й рівно пливе (звукотрапляння початкових фонем не воспроизведено в переводе Мокровольського).

Часто синестетический метафоры изымаются из текста перевода, не компенсируются другими изобразительными средствами: *sleety whistle, forests blind* (у Китса), *moonlight seas, soft colours wove, hollow sighs* (у Шелли) — зітхання (у Мокровольського), *(maiden) with white fire laden* (у Шелли) — (діва) білява (у Мокровольського).

Авторские синестетические метафоры являются окказиональным замещением синестетических образов первоисточников: *muddy gloom* (у Китса) — болотний сморід (у Мысыка), *dark fancies* (у Китса) — хибка уява (у Мысыка), *horrid*

sound (у Китса) — *мертвотна мова* (у Мысыка), *bitter words* (у Шелли) — *слів дошкульних* (у Мокровольского), *golden dreams* (у Байрона) — *золототканих снів* (у Паламарчука), *starry eyes* (у Шелли) — *очі зірні* (у Мокровольского), *the stars, / Twinkling and dim* (у Шелли) — *невмиті, мерехтливі зорі* (у Мокровольского), *sweet tones* (у Шелли) — *нісня жива* (у Кочура), *waters ... Are blackish* (у Шелли) — *зіркі твої вали* (у Мокровольского).

Анализ украинских переводов показал, что переводчики прибегают к следующим способам перевода синестетических метафорических компонентов английских поэтических произведений: используются средства языка перевода, адекватно передающие смысл синестетической метафоры оригинала, среди них и те, при создании которых задействованы переводческие трансформации, не влияющие на образность; применяются конвенционные, клишированные языковые средства при переводе метафорических образований стихотворного текста; подыскиваются смысловые соответствия, что приводит к потере образности оригинальных синестетических метафор; создаются авторские окказиональные синестетические метафоры; изымаются синестетические метафорические выражения без последующей компенсации

ЛИТЕРАТУРА

- Агалакова Т.Б. 2003: Становление лексико-семантического поля синестетических прилагательных в английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киров.
- Байрон Дж. Г. 1982: Лірика / Упоряд. і пер з англ. Д. Паламарчука, передм. Л. Герасимчука. К.
- Балабан О. О. 2006: Метафора як семантична універсалія: автореф. дисс... канд. філол. наук. Донецьк.
- Боровинський І. М. 2010: Відтворення образної своєрідності поезій англійських та американських романтиків в українських перекладах: дисс. ... канд. філол. наук. Київ.
- Ванечкина И.Л., Галеев Б.М. 2002: О синестезии романтизма. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sinRomant_r.htm.
- Вострякова Н. В. 2010: Синестетична метафора в іспансько-українському художньому перекладі // Мовні і концептуальні картини світу. 31, 25-33.
- Ищенко Д. С. 2009: Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В. Я. Брюсова): автореф. дисс... канд. филол. наук. Ставрополь.
- Китс Дж. 1968: Поезія. К.
- Кочур Г. П. 1972: Співець. Из світової поезії кінця XVIII — першої половини XIX ст. Збірка. К.
- Лепкий Б. С. 1991: До питання про переклади ліричних поезій // Теорія і практика перекладу. 17, 161-172.
- Мерзлякова А.Х. 2004: Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие: (На материале англ., рус. и фр. яз.): автореф. дисс... док. филол. наук. Уфа.
- Мисик В. О. 1990: Захід і Схід: Переклади. К.
- Молодкина Ю.Н. 2010: Синестетическая метафора запаха: автореф. дисс... канд. филол. наук. Курск.
- Нелюбин Л.Л. 2013: Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект. М.
- Паламарчук Д. 1995: Подзвіння. Збірка віршів та перекладів. К.

- Пермінова А. В.* 2003: Відтворення англійської сенсорної лексики в українських віршових перекладах: автореф. дисс... канд. філол. Наук. Київ. *Прокоф'єва Л. П.* 2007: Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов.
- Прокоф'єва Л. П.* 2008: Интерпретационный фоносемантический анализ текста (на материале стихотворения Дж. Китса «Sonnet») // Известия Саратов. ун-та / Серия Филология. Журналистика. Т. 8. 1, 29-33.
- Шеллі П. Б.* 1987: Поезії. К.
- Шуришина Т. И.* 1999: Актуальные проблемы стилистики текста (цветофоносемантический аспект). Черновцы.
- Яницкая Н. И.* 2010: Адъективная синестезия в английской и русской поэзии романтизма: автореф. дисс... канд. філол. наук. М.
- Byron G. G.* 1979: Selections. М.
- Keats J.* 1999: The poems. Campbell.
- Shelley P. B.* 1959: Poetry and prose. М.

SYNAESTHESIA OF THE ENGLISH ROMANTIC POETRY IN THE UKRAINIAN TRANSLATIONS

O. V. Draginda

The article focuses on the rendering of synaesthetic peculiarities of the English Romantic poetry in the Ukrainian translations. The main attention is given to conveying the sound-colour correlations and synaesthetic metaphors in translation.

Key words: English-Ukrainian, phonosemantic, poetic translation, Romantic poetry, sound-colour correlations, synaesthesia, synaesthetic metaphor

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2013

А. И. Кортунов

ВОЕННО-КАЗАЧЬЯ КОЛОНИЗАЦИЯ УРАЛО-САКМАРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ВОПРОС ВЫСЕЛЕНИЯ БАШКИР С ЗЕМЕЛЬ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 30–60-е гг. XIX в.*

В статье описываются процессы колонизации казачеством Урало-Сакмарского междуречья и связанные с этим вопросы реформирования Оренбургского казачьего войска. Особое внимание автор уделяет проблеме выселения башкир в первой половине XIX в. с войсковых земель и зачисления местных инородцев в казачье сословие. На основе проведенного анализа можно констатировать, что цели правительства в реформировании Оренбургского казачьего войска были достигнуты и к середине XIX в. на территории Урало-Сакмарского междуречья проживало в основном казачье население, сформированное на многонациональной и поликонфессиональной основе.

Ключевые слова: Урало-Сакмарское междуречье, Оренбургское казачье войско, башкиры, реформа, казачье сословие

В настоящее время одним из малоизученных вопросов по истории Урала остается вопрос военно-казачьей колонизации региона. Как известно процесс освоения казачеством обширных территорий растянулся на несколько столетий. Колонизация Уральского региона началась примерно в XVI в. вольными казаками. Они постепенно расселялись на землях вдоль Яика малыми ватагами, вытесняя с данных территорий местное население — ногайцев и киргиз-кайсаков. Таким образом в XVI–XVII вв. на Южном Урале сформировалось немногочисленное Яицкое казачье войско.

Расширение территорий Российского государства на юго-восток, начатое казаками в XVI в., продолжилось в первой трети XVIII в., когда на Урале начала свою работу Оренбургская экспедиция (комиссия), целью которой было строительство столицы региона — г. Оренбурга и сплошной пограничной линии на

Кортунов Алексей Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. E-mail: kortunov@gambler.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда — «Роль дворянства в интеграции юго-восточных окраин в административную структуру Российского государства (XVII–XIX вв.)» (№ 13-01-00171а)

юго-восточной границе государства, организация постоянной службы по ее охране, укрепление центральной власти в Оренбуржье и др. Одним из главных итогов работы комиссии, а в дальнейшем руководства Оренбургской губернии, стало создание на Урале второго нерегулярного казачьего войска — Оренбургского.

К середине XVIII в. окончательно сформировалась Оренбургская пограничная линия, протянувшаяся почти на 1800 верст от впадения реки Яик в Каспийское море до крепости Звериноголовской (современная Курганская область) и охраняемая в основном оренбургскими и яицкими казаками.

Стоит отметить, что стихийная казачья колонизация региона на этом закончилась и началась целенаправленная правительственная деятельность по освоению приграничных земель на всем пространстве от Каспийского моря до Западной Сибири в основном заселенной башкирскими и киргиз-кайсацкими племенами. Как итог, XVIII в. становится самым насыщенным по антиправительственным выступлениям местных народов на Урале, в основном выступающих против незаконного строительства городов и крепостей на башкирских вотчинных землях и киргиз-кайсацких кочевьях.

Значительную массу постоянного населения приграничных территорий составляло казачество как самый приспособленный к суровым условиям линейной службы контингент. К кон. XVIII — нач. XIX вв. становится ясно, что местного казачества для качественной охраны Оренбургской линии недостаточно (поэтому к службе на линии стали активно привлекать башкир, мещеряков и тептярей). Но большую часть юго-восточной границы должны были охранять все таки оренбургские казаки, которых по переписи 1798 г. оказалось: служащих — 5954, отставных — 3121, малолетков — 11444, всего — 20519 душ. Все это население составляло 39 станиц, которые были объединены по новой реформе 1798 г. в пять кантонов¹.

Такого количества оренбургских казаков для качественной охраны пограничной линии было явно недостаточно. Чтобы как-то изменить положение местного казачества, правительство Оренбургской губернии в первой трети XIX в. проводит ряд мероприятий, направленных на увеличение численности казачьего сословия, а также на повышение его боеготовности. Все предшествовавшие нововведения были развиты и продолжены в важном, основополагающем законодательном акте — «Положении об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г.

Инициатором новых реформ, связанных с Оренбургским казачьим войском, стал Военный губернатор края В. А. Перовский. По его заданию комиссия из трех человек во главе с А. И. Середой разработала в короткий срок текст данного Положения. Представленный В. А. Перовским проект был принят без особых изменений, так как он заимствовал многие положения закона о Донском казачьем войске 1832 г. и учитывал местные особенности и условия функционирования оренбургского казачества. По Положению от 12 декабря 1840 г. за Оренбургским войском впервые была юридически закреплена обширная территория, внутри которой находилось около десятка деревень, частных владений и города: Верхнеуральск, Троицк и Челябин, а общая площадь земель войска в 1840 г. составила 7749944 десятин (позднее она достигла 8,5 млн. десятин сплошной территории)².

¹ Стариков 1891, 89.

² Годовова 2009, 61–62.

По Положению 1840 г. три оренбургских казачьих кантона (3, 5 и частично 4) оказались внутренними и подлежали ликвидации с последующим переселением казаков непосредственно на пограничную линию. В исследованных архивных источниках обнаружены статистические сведения по 3–5 кантонам Оренбургского войска, относящиеся к 1826 г.: «Количество служилых казаков по кантонам: 3-ий кантон — город Уфа, пригород Табынска, крепости Нагайбацкая, Бакалинская, Ельдяцкая. Итого: 2933 казака; 4-ый кантон — Рассыпная, Нижне-Озерная, Чесноковская, Первая Зубочистенская и Вторая Зубочистенская, Рычковская, Татищева, Чернореченская, Переволоцкая, Новосергиевская, Причистенская, Воздвиженская, редуты — Никитенский, Желтый, слобода Кондуровская. Итого: 1764 казака; 5-ый кантон — город Самара, город Алексеевск, крепости Мочинская, Красносамарская, Борская, Ельшанская, город Бузулук, крепости Тоцкая, Сорочинская, Калмыцкая команда, состоящая с соседством с Сорочинской крепостью располагающая кочевьем. Итого: 3807 казаков»³.

Известно, что станицы 3 и 5 кантонов Оренбургского казачьего войска были ликвидированы, а казаки по их желанию переселены непосредственно на границу. Те, кто не пожелал продолжать службу в казачьем сословии, были переведены в податное состояние. Однако что касается 4 кантона, то здесь еще остается достаточно много неисследованных вопросов.

Начнем с того, что крепости и редуты (впоследствии станицы) 4 кантона были основаны в разное время, хотя большинство из них появляются на карте Южного Урала уже в 40-е гг. XVIII в. В 1742 г. начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев намечает места для основания редутов от крепости Бердской (Оренбург) до Орской на расстоянии 265 верст, которые были расположены между основанными ранее крепостями, начиная от Оренбурга, в такой последовательности: Нежинский, Вязовский, крепость Красногорская, Гирьяльский, крепость Верхнеозерная, Никольский, крепость Ильинская, Подгорный, крепость Губерлинская, Разбойный и крепость Орская. Далее вверх по реке Сакмаре основывается крепость Пречистенская и Воздвиженская (после Пугачевского восстания была отстроена заново и получила название Нововоздвиженской). Между этими крепостями также построены два редута: первый, получивший название Никитенский, от Пречистенской (вверх по Сакмаре) в 23 верстах, второй же выше крепости Воздвиженской — Желтый⁴. В 40-х гг. XVIII в. на реке Сакмаре образуется единая Сакмарская укрепленная линия, включающую две крепости — Пречистинскую и Воздвиженскую, и два редута — Никитенский и Желтый⁵.

Население крепостей и редутов Урало-Сакмарского междуречья было изначально неоднородным. Кроме казаков, здесь проживали крестьяне, служилые и ясачные татары, крещенные мордва и чуваша, башкиры и мещеряки. Подтверждение полиэтничности местного населения мы находим в архивных источниках. В частности, в Государственном архиве Оренбургской области обнаружено дело о зачислении в Оренбургское войско ясачных крестьян и татар (проживающих в крепости Пречистенской, редутах Никитенском и Желтом), связанное с указом от 12 октября 1799 г.: «Снисходя на прошение поданным нам Оренбургские окру-

³ РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 312. Л. 43–64.

⁴ Стариков 1891, 58.

⁵ Алексеев 1995, 47.

ги крепости Пречистенской ясажных крестьян и татар Никитенского и Желтаго редутов всемилостивейше повелеваем выключая их из подушного оклада причислить к Оренбургскому казачьему войску для употребления их в ограждение селений своих и линий от набегов киргиз-кайсаков по распоряжению Оренбургскаго военного начальства»⁶.

Далее следует рапорт о действительном исполнении по присланному указу: «Указом Его Императорскаго Величества из Правительствующего Сената от 27 октября 1799 г. под №15297 по прописанному в нем именному Его Императорскаго Величества высочайшему указу, данному Правительственному Сенату в 12-ый день того же октября о выключении Оренбургские округи крепости Пречистенской ясажных крестьян и татар Никитенского и Желтаго редутов из подушного оклада и причислению к Оренбургскому казачьему войску ... предписано Оренбургской казенной палате учинить исполнение. И по силе онаго Его Императорскаго Величества Указа Оренбургская казенная палата истребовала от Оренбургскаго военного губернатора господина генерал-майора и кавалера Бахметева, о просивших в казачье войско именной список, по которому значащихся по спискам 5-ой ревизии Пречистенской крепости ясажных крестьян и в равном с ними окладе состоящих новокрещеных из мордвы и чуваш 82, редутов Никитенскаго татар ясажных 17, служилых 35; Желтаго ясажных 15, служилых 14, а всего 163 души...»⁷.

Итак, согласно указу от 12 октября 1799 г., к казачьему сословию было приписано более ста пятидесяти ясажных крестьян (среди которых были новокрещеные из мордвы и чуваш) и татар, проживающих в Пречистенской крепости, Желтом и Никитенском редутах.

Отметим, что после введения в 1798 г. в Уральском регионе кантонной системы управления в Урало-Сакмарском междуречье оформляются границы 9 башкирского кантона (с 1847 г. — 10 кантона). Здесь располагалось несколько юртов башкир, в частности №№ 1, 11, 37, 38 и 39⁸. Как итог, в районе Урало-Сакмарского междуречья, к середине XIX в. формируются казачьи станицы с многонациональным и поликонфессиональным населением. Это, в частности, подтверждается архивными материалами. Из ведомости «...по мечетям, построенным в Оренбургском войске, с показанием числа духовных лиц и прихожан мужского пола (1853-1855 гг.)» мы узнаем, в каких населенных пунктах вместе с православными казаками, проживали казаки-мусульмане. В частности, большинство станиц и отрядов Оренбургского войска Урало-Сакмарского междуречья, относились к Полку №3: «Полк №3: Станица Никольская — 400 человек прихожан, мечеть — 1, Имам — 1, Азанчей — 1. Станица Воздвиженская — 592 человека, мечеть — 1, Имам — 1, Азанчей — 1. Отряд Новочеркасский — 181 человек, мечеть — 1, Имам — 1, Азанчей — 1. Отряд Желтый — казачьего звания 111 человек, Башкирского звания — 315 человек, мечетей — 2, Имам — 1, Азанчей — 1. Станицы Пречистенской в отрядах: отряд Верхние Чебеньки — 208 человек, мечеть — 1, Имам — 1. Отряд Нижние Чебеньки — 86 человек, мечеть — 1, Азанчей — 1. Станицы Верхнеозерной в отрядах: отряд Алабайтальский — 260 человек, мечеть — 1, Имам — 1; Отряд Гирьяльский — 88 человек, мечеть — 1, Имам — 1;

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 353. Л. 7-7 об.

⁸ Ильгамов 2007, 308.

Отряд Кондуровский — 198 человек, мечетей — 2, Имам — 1, Азанчей — 1, Мударис — 1. Станицы Черноотраческой в отрядах: Отряд Никитенский — 424 человека, мечеть — 1, Имам — 1, Азанчей — 1; Выселки Аблясовские — 149 человек, мечеть — 1, Имам — 1»⁹.

Возникает вопрос, откуда в станицах и отрядах Урало-Сакмарского междуречья такое количество казаков-мусульман. Ответ мы находим также в архивных источниках. Начиная с 30-х гг. XIX в., башкиры 9 башкирского кантона подавали прошения о причислении их в Оренбургское казачье войско. В данном контексте показательным делом является «По рапорту командира Оренбургского корпуса о дозволении башкирцев 9-го кантона деревни Новочеркасской причислить к Оренбургскому казачьему войску (1831-1834 гг.)». В нем сообщается: «От Оренбургского Военного губернатора Генерал-адъютанта Графа Сухтелена: по прибытии моего в Оренбург башкирцы 9-го кантона деревни Новочеркасской живущие на самой линии всего 70 душ, через поверенного своего башкирца Кабаева, в избежания разорения, могущего последовать от предположенного переселения их с линии во внутрь кантона, просим начальника штаба Оренбургского корпуса о причислении их в звание казаков с оставлением на месте жительства... Соображая местные обстоятельства и убеждаясь необходимостью обезопасить Оренбургскую линию большим военным поселением от хищных киргизов, я совершенно одобряю означенное предположение Войсковой Канцелярии, но с тем, однако же, чтобы в деревню Новочеркасскую, имеющую назваться отрядом, поселить для совместного жительства с просителями несколько семейств русских казаков из внутренних станиц и определить к ним в начальники надежного русского офицера... Прошение удовлетворено 4 ноября 1834 г.»¹⁰.

Таким образом, уже с 30-х гг. XIX столетия начинаются мероприятия по переселению башкир непосредственно с линии внутрь 9 башкирского кантона. Итогом реформ в Оренбургской губернии, направленных в том числе и на упорядочение охраны Оренбургской пограничной линии, стало утвержденное 12 декабря 1840 г. Положение об Оренбургском казачьем войске.

В §4 Положения были определены правила касающихся башкирских и мещеряцких земель, вошедших в общую войсковую территорию, и решена судьба проживающего там инородческого контингента: «Относительно земель, принадлежащих Башкирцам и Мещерякам. Кой, по настоящему положению, входят в линейную полосу Оренбургского казачьего войска, постановляются следующие правила: 1) Все земли, которыми до ныне пользовались линейные жители, без участия в том Башкирцев и Мещеряков, остаются в казачьем владении, без всякого за них вознаграждения. 2) Подобно сему, не подлежат вознаграждению и те земли, на самой линии лежащая, с которых Башкирцы и Мещеряки, при не согласии их поступить в казаки, должны будут переселиться, потому, что от них самих зависит, через причисление к войску, удержать за собою пользование этими землями. 3) Как заселенная Башкирцами и Мещеряками, так и свободная, принадлежащая им земли, которая хотя и входят в определенную с внутренней стороны в линии пятнадцати-верстную пропорцию, но донныне состояли в исключительном их владении, без участия линейными жителями в пользовании оными, оставить

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 772. Л. 22–24.

¹⁰ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–2 об.

по прежнему, во владении Башкирцев и Мещеряков. Если же остающаяся за тем в сих местах линейная земля окажется недостаточною для наделения живущих там казаков, то Командиру отдельнаго Оренбургскаго корпуса предоставляется, для уравниения в поземельных довольствиях, переселить оттуда часть их, по удобности, на другия войсковыя земли»¹¹.

В §28 Положения об Оренбургском казачьем войске в продолжение §4 дано следующее заключение: «Посему, те из лиц, означенных в 4 ... пунктах, кои, по желанию войти в сословие казаков, или коих просьбы о том, по особенным причинам, не будут уважены, обязаны переселиться на другия свободныя казенныя земли, которыя для сего от правительства указаны будут...»¹².

Это означало, что значительная часть в основном башкирских земель Урало-Сакмарского междуречья, отошедших после реформы 1840 г. к Оренбургскому войску, без вознаграждения передавались местным казакам. Если башкиры не изъявляли желания перейти в казачье сословие, то соответственно они подлежали переселению на другие пустующие невойсковые земли, определенные правительством Оренбургской губернии.

Можно говорить о категоричности местных губернских властей в вопросе выселения с войсковых земель башкир. Данное заключение подтверждает «Дело по прошению поверенного от башкир 9 кантона Никитенского редута, башкирина Хусинова об оставлении их на настоящих местах не переселяя, на земли, показанные палатой Государственных имуществ» датированного 1845 г. В данном прошении, адресованном Оренбургскому военному губернатору, сообщается следующее: «... от Управляющаго 9 Башкирским кантоном Сотника Давлетьшина, изъявлено мне с доверителями моими, что по случаю нежелания нашего поступить в Оренбургское казачье сословие, переселились бы назначенные Палатой Государственных Имуществ, свободные Казенные земли лежащие при истоке речек Большаго и Малаго Гумбетов и Мустафинской даче при реке Токе. А как я с доверителями моими в Никитенском редуте имеем проживание более 70 лет, по распоряжению Правительства наделены Землею, снабжены межевыми книгами и имеем домашние обзаведения, то если теперь переходя на вновь показанные места, может послужить в перевозке строения и прочаго имущества также в устройствах вновь домов большим для нас Разорением; по этой причине я с доверителями моими в Необходимости нашим Всепокорными Просил Ваше Высокопревосходительство, неблагоугодным будет приказать оставить нас на прежнем Жительстве в Никитенском редуте в звании Башкирском без перевода в Оренбургское казацкое войско, по тому уважению, что в этом месте имеет отведенную уже по числу душ Землю и межевые книги со взносом в казну Пошлинных денег, на что ожидать Милостивейшаго Вашего Высокопревосходительства Разрешения февраля дня 1845 года. К сему прошению сам проситель руку приложил. *Подпись арабской вязью*»¹³.

18 марта 1845 г. от губернатора последовал ответ: «...так как занимаемые башкирами Никитенскаго редута земли по Высочайше утвержденному в 12 день декабря 1840 г. распоряжению отошли в Оренбургское казачье войско, то я предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить прошению Хусинову, что за неже-

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. Ч. 1. № 14041.

¹² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. Ч. 1. № 14041.

¹³ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5386. Л. 1-2 об.

ланием доверителей его поступить в казачье сословие, просьба его за силою §28 того положения, удовлетворена быть не может»¹⁴.

Масштабные мероприятия по зачислению в Оренбургское казачье войско, а также по выселению за пределы войсковых земель башкир, не желающих перейти в казачье сословие, начинаются с середины 40-х гг. и продолжаются вплоть до 60-х гг. XIX в. В рамках утверждения нормативно-правовой базы, регламентирующей процедуру зачисления в казачьи войска Урала инородцев, 14 августа 1848 г. подписывается указ, по которому разрешалось зачислять в «Оренбургское и Уральское казачьи войска башкир, киргиз-кайсаков и других азиатов». Здесь же излагались правила зачисления азиатов в нерегулярные казачьи войска: «Государь Император, по Всеподданнейшему докладу представления командира отдельного Оренбургского корпуса, в 14-ый день августа, соизволил Высочайше разрешить, принимать в казачье сословие Оренбургского и Уральского казачьих войск, по желанию, башкирцев, киргиз, и других подобных азиатцев, доколе местное начальство, соображаясь с пространством войсковых земель, будет находить сие возможным, и с тем, чтобы прием людей сих основывался на надлежащих документах и допускался не иначе, как по предварительному удостоверению в благонадежности поведения просителей и с утверждения корпусного командира; чтобы они по летам и другим условиям были способны к казачьей службе; чтобы имели средства к оседлому обзаведению в войсках, куда поступают, и к снаряжению себя всеми потребностями службы за свой счет»¹⁵.

Архивные материалы также свидетельствуют о серьезности намерений властей Оренбургского края освободить территорию Оренбургского казачьего войска, и в частности приграничную полосу, от неказачьего контингента в предельно сжатые сроки. В Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) было обнаружено дело «О наделении башкир 9-го кантона деревень Верхних и Нижних Чебенок Кондуровской слободы Нововоздвиженской крепости, Желтого и Никитенского редутов в числе 1083 душ неизъясвивших желание поступить в Оренбургское казачье войско 30-ти десятинную пропорцию земли», охватывающее период с 1845 г. по 1852 г.¹⁶

В первую очередь обращает на себя внимание карта (прорисована цветными карандашами и черными чернилами), озаглавленная как «Карта землям между рек Сакмары и Урала определенным для водворения Оренбургскаго казачьяго войска Высочайше Утвержденным в 12 Декабря 1840 года Положением об оном некоторых жительствоющих в настоящее время между казаками башкирцы в числе 1083 душ» (масштаб — в английском дюйме 10 верст)¹⁷. На уголке карты карандашом написано, что она получена из Отделения Иррегулярных войск 30 Марта 1850 г.

На карте прорисован участок Урало-Сакмарского междуречья, который отошел по Положению 12 декабря 1840 г. к Оренбургскому казачьему войску. В частности во владение войску были определены следующие земли: 1) Земля села Никольского — владение Коллежского Советника Николая Иванова сына Тимашева (ограничена на карте латинскими литерами А и В); 2) Земля семи башкирских во-

¹⁴ ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5386. Л. 3-3 об.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIII. № 22497.

¹⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16.

¹⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 77об.-77а.

лостей деревни Яманшариной с деревнями башкирских владений (ограничена литерами В и С); 3) Земля хутора Буйсакова, владение Статской Советницы Прасковьи Михайловой Буйсаковой (ограничена литерами С и D); 4) Еще один участок вышеупомянутых семи башкирских волостей (ограничен литерами D и E); 5) Земля деревни Андреевки, владение Поручика Петра Дмитриева сына Крашенинникова (ограничена литерами E и F); 6) Земля в спорном отводе, отведенная из дачи семи башкирских волостей, на котором в поселении состоит Усерганской волости деревня Юлдыбаева башкир крепости Новоздвиженской (ограничена литерами F и H); 7) Земля крепости Верхнеозерной, владение казаков Оренбургского войска (ограничена литерами H и I); 8) Земля крепости Красногорской, владение казаков (ограничена литерами I и K); 9) Земля крепости Неженской, владение казаков (ограничена литерами K и L); 10) Городская выгонная земля города Оренбурга которой пользуются казаки (ограничена литерами L и N); 11) Земля Сакмарского городка, владение казаков Уральского войска (ограничена литерами N и A)¹⁸.

Таким образом, на выделенном участке оказалось несколько крепостей и редутов с прилегающими к ним территориями (крепости — Пречистенская и Новоздвиженская; редуты — Никитенский и Желтый), башкирская деревня по левому берегу р. Сакмары (Аблязова), три деревни со смешанным, в основном казачьим и башкирским населением (Верхние и Нижние Чебенки, Кондуровка), русские и украинские крестьянские деревни (Студенец, Новопогромная, Безымянная, Александровка, Черкасская, Кочубеевка), село Коллежского Советника Николая Ивановича Тимашева (Преображенское или Чекалово), также недалеко от Кондуровки, судя по сопроводительному тексту, находилась башкирская деревня Юлдыбаева (в некоторых источниках Юлдубаева) Усерганской волости, но на карте она не обозначена. На других более подробных картах видно, что на данную территорию попал и поселок Вязовский, находящийся на большой дороге из г. Оренбурга в г. Уральск.

Некоторые населенные пункты, обозначенные на карте, подчеркнуты синей линией. Это означает, что здесь вместе с казаками проживали и башкиры (крепость Новоздвиженская, редуты — Никитенский и Желтый, деревни — Нижние и Верхние Чебенки, Кондуровка). Также в Урало-Сакмарском междуречье находились множественные башкирские владения, в том числе земли семи башкирских волостей деревни Яманшариной. Они, как указывалось выше, в середине XIX в. относились к 9-му башкирскому кантону.

В самом названии карты обозначено точное число башкир Урало-Сакмарского междуречья не пожелавших перейти в казачье сословие и подлежащих к переселению — 1083 человека. При этом было определено место, куда надлежало им переезжать. По предписанию, посланного из Управления Оренбургского Военного Губернатора и Командира Отдельного Оренбургского корпуса (Отделения по Иррегулярным войскам) 30 сентября 1845 г. за №4304 в Департамент Военных поселений «... некоторым из башкир 9-го кантона: Верхних и Нижних Чебенок Кондуровской слободы Новоздвиженской крепости, Желтого и Никитенского редутов в числе 1083 душ не изъявившим желание на основании §28 Высочайше утвержденного в 12 день декабря 1840 года Положения, поступить в Оренбургское казачье войско здешняя Палата Государственных Имуществ распорядилась

¹⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 77 об. — 77 а.

назначить под поселение свободные казенные земли Оренбургского уезда по реке Ток»¹⁹.

Из документа следовало, что башкиры отказывались переезжать на новые места жительства, так как им было объявлено следующее: «...нарезка земли в местах их жительства, им будет произведена не по 30-ть, как положено для лиц несущих казачью службу, а только по 15-ти десятинам на каждую душу»²⁰.

Далее идет объяснение сложившейся ситуации: «Принимая в уважение, что башкирцам за отошедшие от них в Оренбургское казачье войско земли ни какого особенного вознаграждения не определяется, и они, оставляя на большом пространстве владеемые ими дачи, как единственный источник их выгод, будут находиться в местах нового их жительства в самом затруднительном их положении, я вмещаю себе, в непременный долг довести об этом до сведения Департамента военных поселений, их тем вместе покорнейше просить его, не оставить, оказать зависящее содействие к наделению вышеуказанных башкир вместо 15-ти 30-ю десятиной пропорцией, без каковой удвоенной нарезке башкиры не в состоянии будут содержать себя в желаемом благосостоянии, и о последующем почтить меня уведомлением. *Подпись — Военный губернатор Генерал от Инфантерии Обручев*».²¹

Данное дело протянулось вплоть до 1852 г. После долгой переписки между различными правительственными учреждениями и Военным Министерством было принято следующее решение: «Военный Совет рассмотрев представление Департамента военных поселений от 14 Июня за №284, согласно заключениям общего присутствия Департамента, положение башкирцам 9-го кантона деревень Верхних и Нижних Чебенок Кондуровской слободы Нововоздвиженской крепости, Желтого и Никитенского редуты в числе 1083 душ, не пожелавших поступить в Оренбургское казачье войско назначить срок приискания места поселения у других вотчинников 2 года, и затем по истечении двухлетнего срока все не представившие начальству общественных приговоров о переселении их к себе на жительство, должны быть безусловно зачислены в войско с двухлетней льготой от всех нарядов на службу. Таковое положение Военного Совета в 5 день сего Июля, Высочайше утверждено. Уведомляю о сем Департамент Военных поселений для зависящего распоряжения к исполнению. *Подпись — Управляющий Военным Министерством Генерал-Адъютант Князь Долгорукой*»²². Таким образом, решение по данному делу было принято лишь в 1854–1855 гг.

К 1855 г. 10 башкирский кантон (до 1847 г. — 9-ый) делится уже на четыре отдельных кантона (№№ 1, 2, 3 и 4). Судя по картографическому материалу, здесь осталась лишь незначительная часть башкир (башкирского звания), относящихся к 1 башкирскому кантону (2 юрт), 2-му башкирскому кантону (12 юрт) и 3-му башкирскому кантону (1 и 3 юрт)²³. Данные кантоны считались служилыми, т.е. все мужское население официально находилось на службе в Башкиро-Мещеряк-

¹⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 1.

²⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 1.

²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 1–2.

²² РГИА. Ф. 383. Оп. 31. Д. 16. Л. 75–75 об.

²³ Ильгамов 2007, 309.

ском войске (с 1855 г. — Башкирском войске) и наряжалось на охрану Оренбургской пограничной линии.

После 1855 г. в правление Оренбургского войска также продолжали поступать прошения от башкир 1–3 кантонов о зачислении их в оренбургские казаки. Несколько десятков дел с прошениями, хранящихся в фондах Центрального исторического архива Республики Башкортостан, свидетельствуют о желании местных башкир остаться на обжитых местах и перейти на службу в Оренбургское казачье войско: 1) прошение Зинитуллы Абрахманова о зачислении его в Оренбургское войско с троюродными братьями Валиахметовым и Ахметуллой Шайахметовым (1858 г.). Просителям отказано из-за неспособности служить и обеспечивать себя; 2) прошение от 29 декабря 1857 г. о причислении башкира 3-го кантона деревни Султанаево Якупа Ягудина с товарищами в Оренбургское войско в отряд Новочеркасский. Было отклонено, на основании указа от 14 августа 1848 г., из-за неспособности обеспечить себя обмундированием; 3) просьба башкира 3-го кантона деревни Утягуловой Шарафутдина Халилова. Получен отказ;²⁴ 4) просьба зауряд-сотника 3-го кантона Юсупа Туватова о зачислении его с зятем башкиром Габдуллатипом Миннигалиевым в Оренбургское казачье войско по отряду Кондуровскому. Зачислены в войско постановлением от 15 января 1860 г.; 5) прошение отставного урядника 2-го кантона Габбаса Абдулкаримова, башкир 1-го кантона Юсупа Исакова, Хусейна Муртазина, Хасимутдина Сабитова и Мухамед-Садык Сабитова о причислении к Оренбургскому казачьему войску. Зачислены в войско в конце 1861 г. и др.²⁵

Итак, отметим, что процессы военно-казачьей колонизации Яицко-Сакмарского (Урало-Сакмарского) междуречья начинаются в первой половине XVIII в. К середине столетия на правом берегу Яика строится сплошная оборонительная линия от крепости Бердской (Оренбург) до Орской. На левом берегу р. Сакмара в Сакмарскую оборонительную линию объединяются крепости — Пречистенская и Воздвиженская, с двумя редутами — Никитенским и Желтым.

Особенностью территории междуречья Сакмары и Урала (Яика) являлась многонациональность и поликонфессиональность населения. Здесь совместно проживали русские и украинцы (в основном крестьянское население), оренбургские и яицкие казаки, башкиры, татары, чуваша, мордва и другие, которые по религиозной принадлежности делились на православных и мусульман. Таким образом, основываясь в первую очередь на архивных источниках, мы можем утверждать, что с XVIII в. в междуречье формируется поликультурное население.

С введением кантонной системы управления в Уральском регионе, оформляются примерные административные границы пяти оренбургских казачьих кантонов. Урало-Сакмарское междуречье входило в 4 кантон. Здесь же компактно проживали башкиры 9 башкирского кантона, которые вместе с казаками исправно наряжались на службу по охране Оренбургской линии.

С 30-х гг. XIX в. начинается активный перевод местных инородцев в Оренбургское казачье войско. Связано это было с реформами по упорядочению службы на Оренбургской линии, и в частности новым Положением об Оренбургском казачьем войске (12 декабря 1840 г.). Предполагалось, что на приграничных землях

²⁴ ЦИА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 9995. Л. 3–27.

²⁵ ЦИА РБ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 9995. Л. 44–45.

должны проживать только оренбургские казаки. Таким образом, была определена единая территория войска, утверждены правила по переселению с войсковых территорий всех, кроме непосредственно служащих казачьего звания и др.

Комплекс архивных источников свидетельствует о том, что на землях Оренбургского войска в районе Урало-Сакмарского междуречья оказалось несколько крепостей и редутов с прилегающими к ним территориями (крепости — Пречистенская и Нововоздвиженская; редуты — Никитенский и Желтый), башкирская деревня по левому берегу р. Сакмары (Аблязова), три деревни со смешанным, в основном казачьим и башкирским населением (Верхние и Нижние Чебенки, Кондуровка), русские и украинские крестьянские деревни (Студенец, Новопогромная, Безымянная, Александровка, Черкасская, Кочубеевка), село Коллежского Советника Николая Ивановича Тимашева (Преображенское или Чекалово) и др.

В 40-х гг. XIX в. в Урало-Сакмарском междуречье начинаются масштабные мероприятия по зачислению в Оренбургское казачье войско, а также по выселению за пределы войсковых земель, башкир 9 башкирского кантона, не пожелавших перейти в казачье сословие.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что в 40-е — 60-е гг. XIX в. башкиры, проживающие на землях междуречья Урала и Сакмары, активно подавали прошения с просьбами перевести их в казачье сословие или же оставить в прежнем звании на прежних местах жительства. Можно говорить о категоричности местных губернских властей в вопросе выселения с войсковых земель башкир. Источники также свидетельствуют о серьезности намерений властей Оренбургского края освободить территорию Оренбургского казачьего войска, и в частности приграничную полосу, от неказачьего контингента, в предельно сжатые сроки. Переселенцам определялся срок для поиска нового места жительства (около 2-х лет), либо оно определялось правительством. В частности, башкирам 9-го кантона, не пожелавшим перейти в казачье сословие, были определены свободные Казенные земли, лежащие при истоке речек Большаго и Малаго Гумбетов, Мустафинской даче при реке Токе и др.

Формально прошения от башкир кантонистов поступали вплоть до середины 60-х гг. XIX в., т.е. до ликвидации кантонной системы управления у башкир и перевода их в податное состояние. Последние прошения подавались в основном войсковыми чинами Башкирского войска, скорее всего, чтобы избежать исключения из войскового сословия.

Таким образом, можно утверждать, что цели правительства в реформировании Оренбургского казачьего войска к кон. 50-х — нач. 60-х гг. были достигнуты. В частности, со второй половины XIX столетия на территории Урало-Сакмарского междуречья проживало в основном казачье население, которое в условиях исторической поликультурности региона, сложилось на многонациональной и поликонфессиональной основе.

ЛИТЕРАТУРА

- Ильгамов М. А.* (ред.) 2007: Башкирская энциклопедия: в 7 т. Т. 3. Уфа.
Годовова Е. В. 2009: Реформаторская политика Оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска // Вестник Самарского государственного университета. 3, 60–66.

Алексеев В. В. (ред.) 1995: История казачества Азиатской России: в 3 т. Т. 1. Екатеринбург.

Стариков Ф. М. 1891: Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков. Оренбург.

COSSACK COLONIZATION OF URAL-SAKMARSKIY INTERFLUVES
AND BASHKIR EVICTION FROM ORENBURG COSSACK ARMY LANDS
IN THE 1830–1860s

A. I. Kortunov

The paper describes Cossack colonization of Ural-Sakmarsky interfluves and attendant issues of the Orenburg Cossack Army reform. Particular emphasis is laid on eviction of the Bashkirs in the first half of the 19th century from the army lands and local non-Russians joining the Cossacks. The analysis makes it possible to say that the government's objective in reforming the Orenburg Cossack troops was achieved, and by the mid — 19th century the Ural-Sakmarsky interfluves was inhabited mostly by Cossack population of multi-ethnic and multi-confessional origin.

Key words: Ural-Sakmarskiy interfluves, Orenburg Cossack army, Bashkirs, reform, the Cossacks

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДвУ	—	Археологічні дослідження в Україні. Київ
АИБ	—	Археология и история Боспора. Симферополь; Керчь
АНК	—	Античное наследие Кубани. М., 2010
БИ	—	Боспорские исследования. Керчь; Симферополь
БС	—	Боспорский сборник. Москва
БЧ	—	Боспорские чтения. Керчь
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Ижевск; Сургут
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ДГ СССР	—	Древнейшие государства на территории СССР. Москва
Древний Мерв	—	Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашгабат
ИВ	—	Исторический вестник. Санкт-Петербург
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН	—	Корпус боспорских надписей. М., 1965.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	—	Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва
МАПП	—	Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса.
МАР	—	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИИА	—	Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПИ	—	Политический информатор. Москва
ПСЗРИ	—	Полное собрание законов Российской Империи. Москва
РА	—	Российская археология. Москва
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
СА	—	Советская археология. Москва
СП	—	Северное Причерноморье. Москва; Ленинград
СЮ	—	Советская юстиция. Москва
AJA	—	American Journal of Archaeology. Princeton
AJN	—	American Journal of Numismatics. New York
AJPh	—	American Journal of Philology
AI	—	Antiquitas Ivventae. Саратов
AMNG	—	Die antiken Münzen Nord-Griechenlands / Imhoof-Blumer Fr., Wiegand T. (eds). Bd. 1-3. Berlin, 1898-1935.
ANSMN	—	American Numismatic Society Museum Notes. New York
ANS NS	—	American Numismatic Society. Numismatic Studies. New York
Asmussen	—	Manichaean Literature. Representative Texts chiefly from Middle Persian and Parthian Writings. Selected, introduced and partly translated by J.P. Asmussen. Delmar
BASOR	—	Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Jerusalem. Baghdad
BSA	—	The Annual of the British School at Athens. Athens
CAH	—	Cambridge Ancient History. Cambridge
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum
CR	—	The Classical Review: New Series
GRBS	—	Greek, Roman and Byzantine Studies. Dares
ILLRP	—	Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae
ILS	—	Inscriptiones Latinae Selectae
JHS	—	Journal of Hellenic Studies. Cambridge
JIAN	—	Journal International d'Archéologie Numismatique. Paris
JJS	—	Journal of Jewish Studies. Oxford

-
- JQR — The Jewish Quarterly Review, New Series
NC — The Numismatic Chronicle. London
OCD — The Oxford Classical Dictionary. Third edition, revised / S. Hornblower, A. Spawforth (ed.). Oxford
PGL — A Patristic Greek Lexicon / G.W.H. Lampe D.D (ed.). Oxford
RASNW — Rock Art Studies. News of the World. Oxford
RBN — Revue Belge de Numismatique. Bruxelles
RE — Paulys Real Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft
SNG Aulock — Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor. Vol. I–IV. New Jersey, 1987
SNG Cop. — Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. IX. Macedonia. Pt. 2: Alexander I — Alexander III. Copenhagen, 1943
SNG Oxford — Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain. Vol. V. Ashmolean Museum, Oxford. Pt. III: Macedonia. London, 1976
The Crossroads — The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan / E. Errington, J. Cribb, M. Claringull (ed.), Cambridge
TWNT — Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament. Herausgegeben von G. Kittel Stuttgart.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» В 2013 ГОДУ

	№	Стр.
“Вольное Дело” — “начальнику Фанагории”	2	3
Юбилей Владимира Дмитриевича Кузнецова.....	2	5

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Гаибов В. А.</i> (Москва) — Об истоках одного мотива в парфянском монетном деле.....	2	332
<i>Двуреченская Н. Д.</i> (Москва) — Юго-восточный узел фортификации крепости Кампыртепа (башня и входной комплекс–пристань)	2	338
<i>Горохов А. А.</i> (Тобольск) — Основные тенденции развития общинно-частного хозяйства у древних евреев в период правления Давида и Соломона (X в. до н.э.)	3	54
<i>Дмитриев В. А.</i> (Псков) — Рога Амона, культ быка и Фарр Кеянидов (еще раз к вопросу о царских коронах Сасанидов)	3	64
<i>Каранаев М. Н.</i> (Казань) — Причины восстания фарисеев против Александра Янная .	4	168
<i>Краснобаева Ю. Е.</i> (Москва) — Терминология сакрального служения в произведениях Иосифа Флавия	4	181
<i>Косиленко Г. А.</i> (Москва) — Судьба буддизма в Мерве (о некоторых аргументах в дискуссии)	4	192

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Банников А. В., Шмидт Г. А.</i> (Санкт-Петербург) — Предыстория военного мятежа 360 г. н.э.: сколько раз Юлиан отправлял войска на помощь Констанцию?	3	44
<i>Венидиктова Е. А.</i> (Казань) — К вопросу о династической преемственности аргосских царей.....	1	3
<i>Дементьева В. В.</i> (Ярославль) — Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла: Луций или Марк?	4	54
<i>Жаровская А. Н.</i> (Ярославль) — Приготовление винных напитков в Древнем Риме (по сочинению «De re coquinaria»)	3	33
<i>Квашин В. А.</i> (Вологда) — Edictum consularibus 210 г. до н.э.: литургия, «заем» или конфискация?	4	45
<i>Краснобаева Ю. Е.</i> (Москва) — Терминология сакрального служения в произведениях Филона Александрийского.....	1	8
<i>Ленская В. С.</i> (Москва) — Жрец и жертвоприношение в Древней Греции	2	315
<i>Павлов А. А.</i> (Сыктывкар) — М. Юний Гракхан и Г. Семпроний Тудитан: к истокам интерпретации плебейского трибуната в римской юридической историографии	3	15
<i>Панов А. Р.</i> (Арзамас) — Взаимоотношения Тиграна младшего с римлянами в ходе восточной кампании Помпея	4	78

<i>Разумов Н. В.</i> (Пермь) — Афинский стратег Тимофей: опыт биографии	3	3
<i>Рунг Э. В.</i> (Казань) — Понятие «Патриотизм» и его древнегреческие коннотации	2	304
<i>Сайко М. Н.</i> (Чероновоц) — Марк Туллий Цицерон о римских банкирах и банковских операциях в Древнем Риме	4	63
<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории)	4	3
<i>Телин А. Е.</i> (Ярославль) — Контроль захоронений в рамках <i>cuga urbis</i> римских эдидов	3	38
<i>Фридманн А. М.</i> (Москва) — Погребальная пелена из Музея Храма Христа Спасителя в Москве: итоги предварительного изучения.....	1	18
<i>Фролов Р. М.</i> (Ярославль) — <i>Coetus</i> как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона	3	26

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Dumont P.</i> (Lyon) — Note Sur un Rechaud Portatif Archaique De Berezan	2	131
<i>Абрамзон М. Г.</i> (Магнитогорск) — Золотые античные и византийские монеты из фанаторийских находок	2	22
<i>Абрамзон М. Г.</i> (Магнитогорск), <i>Карпов Д. А.</i> , <i>Сударев Н. И.</i> (Москва) — Золотой статер Асандра с магическим граффито и лабрис из жертвенника на античном поселении Цемдолинское I	2	242
<i>Буйских А. В.</i> (Киев) — Хиосский кубок стиля Grand из Борисфена	2	135
<i>Бухарин М. Д.</i> (Москва) — К дискуссии о языке скифов: переход древнеиранского *xš- > *s- и его отражение в древнегреческом	2	263
<i>Виноградов Ю. А.</i> (Санкт-Петербург) — Основные итоги изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове	2	233
<i>Гаибов В. А.</i> , <i>Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников	2	286
<i>Гарбузов Г. П.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Завойкин А. А.</i> , <i>Масленников А. А.</i> (Москва), <i>Семкалов С. Л.</i> (Тула) — Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему)	4	88
<i>Голофаст Л. А.</i> , <i>Ольховский С. В.</i> (Москва) — Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанаторийской гавани	2	55
<i>Добровольская Е. В.</i> (Москва) — Опыт археозоологических исследований взаимодействия скотоводства и охоты в Северном Причерноморье: Фанатория и Мысхако I ..	2	123
<i>Журавлев Д. В.</i> (Москва) — Пронизи в виде фигуры стоящего скифа из кургана Куль-Оба (по материалам собрания собрания Государственного исторического музея).	2	157
<i>Завойкин А. А.</i> (Москва) — Союз коня и всадника (заметки о «Боспорской Федерации» Периода Ранних Спартокидов)	2	194
<i>Завойкина Н. В.</i> (Москва) — Из истории боспорской элиты II–III вв. н.э.: Юлий Менестрат и Хофразм, сын Фаргобака	2	250
<i>Застрожнова Е. Г.</i> (Санкт-Петербург) — Из истории археолого-топографического изучения Фанатории в 1921–1929 гг.	2	50
<i>Зинько В. Н.</i> (Керчь) — Позднеархаическая история европейского Боспора в свете новейших археологических исследований	2	183
<i>Кузьмина Ю. Н.</i> (Москва) — Керамический комплекс второй четверти V в. до н.э. из раскопок на южной окраине Фанатории	2	44
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — От хижин к «дворцам» и «казармам» (к эволюции домостроительства на хоре античного Боспора)	2	214
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Сельская территория Европейского Боспора в эпоху позднего эллинизма (Статистика и топография)	4	105
<i>Молев Е. А.</i> (Нижний Новгород) — О титулатуре Левкона I	2	208

<i>Мордвинцева В. И.</i> (Симферополь) — Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные клады» Северного Причерноморья III–I вв. до н.э.	2	144
<i>Сапрыкин С. Ю., Пыслару И.</i> (Москва) — Новые данные о культе императора Августа в Каллатисе	2	168
<i>Седых Е. Е.</i> (Тула) — Благоустройство городища «Белинское».....	1	44
<i>Строкин В. Л.</i> (Темрюк) — Перикл и боспорский «Гордиев узел»	4	140
<i>Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В.</i> (Москва), <i>Цвинария И. И., Азумаа А. С., Кайтан Ш. Г.</i> (Сухум) — Абхазские средневековые памятники: анализ технологии строительства и вопросы датировки	2	297
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Берлин) — Золотые украшения из слоя пожара 63 г. до н.э. на акрополе Фанагории.....	2	12
<i>Федосеев Н. Ф.</i> (Керчь) — К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи	4	132
<i>Шавырина Т. Г.</i> (Москва) — Бронзовое зеркало с рельефным орнаментом из Фанагории	2	106
<i>Шавырина Т. Г.</i> (Москва) — Бронзовый медальон из женского захоронения № 27 (восточный некрополь Фанагории).....	2	79
<i>Ярцев С. В.</i> (Тула) — Херсонес и Боспор в эпоху Константина Великого.....	1	27

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Бродянский Д. Л., Попов А. Н., Лазин Б. В.</i> (Владивосток), <i>Маркос Х. Г.</i> (Гуаякиль) — Знаковые предметы из нового памятника бойсманской неолитической культуры в бухте Боярин (о-в Русский, Владивосток)	4	205
<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Жертвенно-поминальные комплексы раннего железного века в башкирском Предуралье	4	216
<i>Ласкин А. Р.</i> (Хабаровск), <i>Дэвлет Е. Г.</i> (Москва) — Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае	4	209

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Куприенко С. А.</i> (Киев) — Историография общественно-хозяйственного устройства империи инков	1	57
<i>Недашковский Л. Ф.</i> (Казань) — Ремесло Золотой Орды	3	136
<i>Талах В. Н., Куприенко С. А.</i> (Киев) — Календарь доколумбовых индейцев Анд по сведениям Фернандо де Монтесиноса и Бласа Валеры.....	1	65
<i>Фурицев Р. В.</i> (Москва) — Развитие политических отношений между Миланом и империей в период правления Максимилиана I Габсбурга	3	128
<i>Фурицев Р. В.</i> (Москва) — Французский фактор в политике послов итальянских государств при дворе Максимилиана I в 1497–1498 гг.	1	75

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Беланджер Д.-К.</i> (Оттава) — Антиамериканизм в конце XIX — начале XX вв. в Канаде: гендерный дискурс	3	155
<i>Демичев К. А.</i> (Нижний Новгород) — Институт придворной охоты и её функции в сикхском государстве Ранджита Сингха.....	1	85
<i>Дроздова О. А.</i> (Оттава) — Сохраняя веру: украинские иммигранты и образование украинской греко-православной церкви Канады	3	163
<i>Ольховский С. В.</i> (Москва) — Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше	4	272
<i>Фильчиков С. С.</i> (Тюмень) — Путь доблести: индейцы в армии США	1	98

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Католическая пропаганда в Волго-Уральском регионе в эпоху средневековья	1	107
<i>Гоцуленко А. В.</i> (Екатеринбург) — Стахановцев — под охрану социалистической законности (о работе правоохранительных органов СССР на Урале по делам о противодействии стахановскому движению)	4	280
<i>Корнилов Г. Е.</i> (Екатеринбург) — Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы	4	287
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Шведские военнопленные на Урале в первой четверти XVIII века	1	122
<i>Михайлов В. С.</i> (Самара) — К вопросу особенностей реализации положений нормативно-правовых актов в деятельности органов и учреждений, исполнявших наказание в виде лишения свободы, в период 30-х — 60-х гг. XX века	4	304
<i>Нисковский А. А., Козлова М. И.</i> (Сыктывкар) — Региональные аспекты советской индустриализации (на примере Коми края): конфликт интересов	3	173
<i>Стародубова О. Ю.</i> (Магнитогорск) — Шведы на горно-металлургических заводах Урала: к проблеме источниковой базы	1	116
<i>Фролова Н. С.</i> (Магнитогорск) — Специалисты — «на экспорт»: шведы на уральских заводах	1	130

ФИЛОЛОГИЯ**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

<i>Абрамзон Н. В.</i> (Магнитогорск) — Семейные ценности в произведениях Г. И. Успенского	3	193
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Билетцы» и гадательные двустушия А. П. Сумарокова парадигма любовного чувства	3	180
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777 г.): поэтика культурной роли Ломоносова	1	151
<i>Бурая М. А.</i> (Владивосток) — Поэтика «внутреннего» цикла в лирическом творчестве О. Мандельштама	4	333
<i>Данилова М. Ф.</i> (Хабаровск) — Послужной список как жанр деловой письменности приенисейской Сибири первой половины XVII в.	4	314
<i>Жаткин Д. Н., Комарова Е. В.</i> (Пенза) — Осмысление творчества А.-Ч. Суинбёрна русской литературной критикой последней четверти XIX века	3	217
<i>Жаткин Д. Н., Рябова А. А.</i> (Пенза) — Восприятие творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX–XX вв. (К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин, С. С. Розанов, В. К. Мюллер)	3	226
<i>Зайцева Т. Б.</i> (Магнитогорск) — Киркегоровская концепция труда, таланта и призвания в повести А. П. Чехова «Моя жизнь»	1	184
<i>Иванова Е. Р.</i> (Орск) — Идеино-художественное своеобразие новеллы А. фон Дросте-Хюльсхоф «Бук иудея»	3	209
<i>Ивинский А. Д.</i> (Москва) — В. П. Петров и «Великолепная карусель» 1766 г.	4	320
<i>Кожевников М. В., Абдулина А. М.</i> (Магнитогорск) — Проблема дегуманизации личности в пьесе Г. Гауптмана «Шлюк и Ю»	1	177
<i>Комар Н. Г.</i> (Казань) — Исследование древнерусской литературы в Казани: первый этап	1	137
<i>Копцева Н. П., Смолина М. Г.</i> (Красноярск) — Традиции и своеобразие в поэзии Александра Свитина	3	204

<i>Кусярбаева Г. Г.</i> (Уфа) — Художественное своеобразие изображения человека в повести Амира Аминова «Китай-город»	4	349
<i>Ливская Е. В.</i> (Калуга) — Эзотерическая составляющая ранней прозы С. Д. Кржижановского: Текст как часть посвячительного ритуала	1	199
<i>Ломакина Е. А.</i> (Магнитогорск) — Особенности функционирования художественного приема маски на примере личины остроумца эпохи Реставрации	1	143
<i>Макаров А. В.</i> (Новосибирск) — Итеративный принцип метатеатральности в русской драме 2000-х годов (на материале пьесы Э. Радзинского «Палач»)	1	215
<i>Паикуров А. Н., Бакиров Р. А.</i> (Казань) — А. С. Пушкин в Казани: пролог мультимедийного проекта	1	162
<i>Сапченко Л. А.</i> (Ульяновск) — Пространственный образ церкви в произведениях Н. В. Гоголя	1	168
<i>Таянова Т. А.</i> (Магнитогорск) — Эстетические законы и их преодоление в литературе религиозной направленности	1	190
<i>Тимофеев Н. А.</i> (Москва) — Проблема бездействия и активности человека в прозе А. П. Чехова 1886–1887 годов	3	187
<i>Тимофеев Н. А.</i> (Москва) — Рассказы А. П. Чехова «Соседи» и «Несчастье»: на пути к образу активного героя	4	328
<i>Шацкий Е. О.</i> (Москва) — Тема послевоенной судьбы солдата в романе Юрия Бондарева «Непротивление»	4	344
<i>Щелокова Л. И.</i> (Москва) — Семиосфера окопа в романе В. Некрасова «В окопах Сталинграда»	3	234
<i>Янтилина Г. Г.</i> (Уфа) — Художественное воплощение образов современников в повести Талхы Гиниятуллина «Унылые дни»	1	211

ЛИНГВИСТИКА

<i>Kuznetsov A. V.</i> (Калуга) — Slang of social networks	1	279
<i>Абкадырова И. Р.</i> (Ростов-на-Дону) — Особенности актуализации мексиканского коммуникативного стиля в дискурсе художественной литературы	3	269
<i>Беляева В. Е.</i> (Томск) — Использование разнообразных методов для выявления лагун в селькупском языке	3	282
<i>Волкова В. Н.</i> (Великий Новгород) — Зона синкретизма гиперболы в русскоязычных информационных текстах	3	248
<i>Гасанова М. А., Казимагомедова Ж. Д.</i> (Махачкала) — Концепт «рука» в табасаранской языковой картине мира	1	251
<i>Глинская Н. П.</i> (Москва) — История формирования термина «police power» в дискурсе Верховного суда США	1	310
<i>Драгинда О. В.</i> (Киев) — Синестезия произведений английских романтиков в украинском поэтическом переводе	4	383
<i>Козько Н. А.</i> (Магнитогорск) — К вопросу о лингвокультурном концепте	1	256
<i>Лебедева О. В.</i> (Новгород) — Поэтика интермедийных связей в новелле Джулиана Барнса «Gnosienne»	1	304
<i>Манджиева В. Н.</i> (Элиста) — Названия животноводческих пастбищ и построек для содержания скота в калмыцком языке	4	354
<i>Мильбрет А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Прилагательные, характеризующие внешне привлекательного человека, в русской языковой картине мира	1	263
<i>Моисеенко А. В.</i> (Череповец) — Лингвоэкологическая характеристика идиоматических выражений в русском и английском языках	4	357
<i>Осипова А. А.</i> (Магнитогорск) — Языковые репрезентанты Концепта «Рыбалка» в художественной картине мира В. П. Астафьева	4	363
<i>Патроева Н. В.</i> (Петрозаводск) — Типология и поэтика глагольных времен в русской народной лирической песне	1	296

<i>Пожидаева Е. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «продукты питания» в англоязычной картине мира: лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы	1	286
<i>Следников А. Г.</i> (Ярославль) — О передаче на латинском языке антропонимов иноязычного происхождения	3	262
<i>Соловьева Н. С.</i> (Магнитогорск) — Репрезентация социокультурных особенностей в анекдоте	4	372
<i>Сулаво А. Ю.</i> (Ростов-на-Дону) — Фразеологические единицы как этноспецифический сегмент картины мира (на материале испанского языка)	3	276
<i>Томберг О. В.</i> (Екатеринбург) — Лингвоаксиологическая составляющая речевого портрета	1	269
<i>Третьякова Л. Н.</i> (Москва) — Когнитивная структура концепта-символа «штык» в военной концептосфере	3	257
<i>Третьякова Л. Н.</i> (Москва) — Военная концептосфера и концепт «Сабля» в языковой картине мира русского человека на фоне других лингвокультур	1	245
<i>Ходиченкова Д. А.</i> (Магнитогорск) — Аспекты изучения системных связей древнерусской военной лексики	1	241
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Непротивление злу насилием и не могу молчать (крылатые выражения Л. Н. Толстого)	1	225

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Антонов И. В.</i> (Уфа) — К вопросу о раннем этапе русско-башкирского взаимодействия	3	289
<i>Антонов И. В.</i> (Уфа) — Об аланском компоненте в этногенезе башкир	1	330
<i>Дрёмов И. И.</i> (Саратов) — Калмаки XIV–XVI веков между Волгой и Иртышом и калмыцкий эпос «Джангар»	1	317
<i>Керимова М. М.</i> (Москва) — Институционализация российской этнографической науки (последняя четверть XIX — начало XX в.)	1	358
<i>Кортунов А. И.</i> (Уфа) — Военно-казачья колонизация Урало-Сакмарского междуречья и вопрос выселения башкир с земель оренбургского казачьего войска в 30–60-е гг. XIX в.	4	391
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Чуваши Южного Урала (вторая половина XIX — начало XXI в.)	3	296
<i>Поддубиков В. В.</i> (Кемерово) — Город как мультикультурный социум: проблемы полевых этнографических исследований	1	350
<i>Филиппова И. А.</i> (Магнитогорск) — Казаки-«крестоходцы»: особенности конструирования религиозных практик	1	340

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Казачество: проблемы исторической памяти и культурной идентичности»

<i>Власкина Н. А.</i> (Ростов-на-Дону) — Ранневесенние праздники донских казаков: к вопросу о территориальном варьировании календарной обрядности	3	329
<i>Годовова Е. В.</i> (Оренбург) — Новые подходы к изучению повседневности казачества	3	321
<i>Грецов Т. Е.</i> (Ростов-на-Дону) — Принципы номинации форм обрядового свадебного хлеба у восточных славян	3	381
<i>Мещеряков А. В.</i> (Оренбург) — Социокультурный облик чиновников Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска второй половины XIX в.	3	313

<i>Моисеева С. А.</i> (Магнитогорск) — Женский праздничный костюм как знак «перехода» в традиционной культуре горнозаводских сёл Южноуральского региона (на материале экспедиций второй половины XX в.)	3	354
<i>Печняк В. А.</i> (Екатеринбург) — Пространство состязательности в культуре Оренбургских казаков (по материалам этноэкспедиции 2012 г.)	3	349
<i>Попова Н. С.</i> (Ростов-на-Дону) — Мониторинг состояния традиционной обрядности станицы Раздорской	3	342
<i>Рвачева О. В.</i> (Волгоград) — Социальная память и история. Попытки методологического анализа казачьего возрождения	3	374
<i>Рожкова Т. И.</i> (Магнитогорск) — «Памятная книжка для низших чинов...» (1836 г.) В. И. Даля и «Записки» Н. В. Агапова (конец XIX в.): к истории оренбургского казачества.	3	366

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Ернджакян А. А.</i> (Ереван) — От $\mu\acute{o}\sigma\tau\eta\varsigma$ к $\theta\epsilon\alpha\tau\acute{\iota}\kappa\eta\varsigma$: к истории становления театральной публики	1	382
---	---	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Абрамзон М. Г.</i> (Магнитогорск), <i>Фролова Н. А.</i> (Москва) — Тетрадрахмы Александра Великого и александровского типа из собрания Государственного исторического музея	4	227
<i>Старикова Г. И.</i> (Магнитогорск) — Археологическая коллекция Магнитогорского историко-краеведческого музея	3	80

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

<i>Литовченко Е. В.</i> (Белгород) — Междисциплинарные подходы в исследовании идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты	3	114
<i>Лопатин В. А.</i> (Саратов) — Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX — начало XXI вв.)	3	100

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бузунова И. В.</i> (Санкт-Петербург) — Британские эллинофилы XVII–XX вв.: от коллекционера графа Арунделя до английского антиковеда Джона Бордмана	4	261
---	---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории)	3
<i>Квашин В. А.</i> (Вологда) — Edictum consularibus 210 г. до н.э.: литургия, «заем» или конфискация?	45
<i>Дементьева В. В.</i> (Ярославль) — Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла: Луций или Марк?	54
<i>Сайко М. Н.</i> (Чероновоц) — Марк Туллий Цицерон о римских банкирах и банковских операциях в Древнем Риме	63
<i>Панов А. Р.</i> (Арзамас) — Взаимоотношения Тиграна младшего с римлянами в ходе восточной кампании Помпея	78

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Гарбузов Г. П.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Завойкин А. А.</i> , <i>Масленников А. А.</i> (Москва), <i>Смекалов С. Л.</i> (Тула) — Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему)	88
<i>Масленников А. А.</i> (Москва) — Сельская территория Европейского Боспора в эпоху позднего эллинизма (Статистика и топография)	105
<i>Федосеев Н. Ф.</i> (Керчь) — К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи	132
<i>Строкин В. Л.</i> (Темрюк) — Перикл и боспорский «Гордиев узел»	140

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Каранаев М. Н.</i> (Казань) — Причины восстания фарисеев против Александра Янная	168
<i>Краснобаева Ю. Е.</i> (Москва) — Терминология сакрального служения в произведениях Иосифа Флавия	181
<i>Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — Судьба буддизма в Мерве (о некоторых аргументах в дискуссии)	192

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Бродянский Д. Л.</i> , <i>Попов А. Н.</i> , <i>Лазин Б. В.</i> (Владивосток), <i>Маркос Х. Г.</i> (Гуаякиль) — Знаковые предметы из нового памятника бойсманской неолитической культуры в бухте Боярин (о-в Русский, Владивосток)	205
<i>Ласкин А. Р.</i> (Хабаровск), <i>Дэвлет Е. Г.</i> (Москва) — Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае	209
<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Жертвенно-поминальные комплексы раннего железного века в башкирском Предуралье	216

 В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

- Абрамзон М. Г.* (Магнитогорск), *Фролова Н. А.* (Москва) — Тетрадрахмы Александра Великого и александровского типа из собрания Государственного исторического музея 227

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Бузунова И. В.* (Санкт-Петербург) — Британские эллинофилы XVII–XX вв.: от коллекционера графа Арунделя до английского антиковеда Джона Бордмана 261

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

- Ольховский С. В.* (Москва) — Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше 272

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Гоцуленко А. В.* (Екатеринбург) — Стахановцев — под охрану социалистической законности (о работе правоохранительных органов СССР на Урале по делам о противодействии стахановскому движению) 280
- Корнилов Г. Е.* (Екатеринбург) — Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы 287
- Михайлов В. С.* (Самара) — К вопросу особенностей реализации положений нормативно-правовых актов в деятельности органов и учреждений, исполнявших наказание в виде лишения свободы, в период 30-х — 60-х гг. XX века 304

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Данилова М. Ф.* (Хабаровск) — Послужной список как жанр деловой письменности приенисейской Сибири первой половины XVII в. 314
- Ивинский А. Д.* (Москва) — В. П. Петров и «Великолепная карусель» 1766 г. 320
- Тимофеев Н. А.* (Москва) — Рассказы А. П. Чехова «Соседи» и «Несчастье»: на пути к образу активного героя 328
- Бурая М. А.* (Владивосток) — Поэтика «внутреннего» цикла в лирическом творчестве О. Мандельштама 333
- Шацкий Е. О.* (Москва) — Тема послевоенной судьбы солдата в романе Юрия Бондарева «Непротивление» 344
- Кусярбаева Г. Г.* (Уфа) — Художественное своеобразие изображения человека в повести Амира Аминова «Китай-город» 349

ЛИНГВИСТИКА

- Манджиева В. Н.* (Элиста) — Названия животноводческих пастбищ и построек для содержания скота в калмыцком языке 354
- Моисеенко А. В.* (Череповец) — Лингвоэкологическая характеристика идиоматических выражений в русском и английском языках 357

CONTENTS

415

<i>Осипова А. А.</i> (Магнитогорск) — Языковые репрезентанты Концепта «Рыбалка» в художественной картине мира В. П. Астафьева	363
<i>Соловьева Н. С.</i> (Магнитогорск) — Репрезентация социокультурных особенностей в анекдоте	372
<i>Драгинда О. В.</i> (Киев) — Синестезия произведений английских романтиков в украинском поэтическом переводе.....	383

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Кортунов А. И.</i> (Уфа) — Военно-казачья колонизация Урало-Сакмарского междуречья и вопрос выселения башкир с земель оренбургского казачьего войска в 30–60-е гг. XIX в.	391
<i>Указатель материалов, опубликованных в ПИФК в 2013 году</i>	406

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME

<i>I. Ye. Surikov</i> (Moscow) — Hellespont Pelagus (The Strait Between the Aegean and Propontis and Its Role in Ancient History)	3
<i>V. A. Kvashnin</i> (Vologda) — Edictum Consularibus of 210 BC: Liturgy, “Loan” or Confiscation?.....	45
<i>V. V. Dementyeva</i> (Yaroslavl) — Delossian Latin Inscription Concerning Lucullus Proquesture: Lucius or Marcus?.....	54
<i>M. N. Sayko</i> (Chernovtsy) — Marcus Tullius Cicero on Bankers and Banking Transactions in Ancient Rome.....	63
<i>A. R. Panov</i> (Arzamas) — Tigranes Younger and the Romans Interrelations During the Eastern Campaign of Pompey.....	78

THE BLACK SEA REGION

<i>G. P. Garbuzov</i> (Rostov-na-Donu), <i>A. A. Zavoykin</i> , <i>A. A. Maslennikov</i> (Moscow), <i>S. L. Smekalov</i> (Tula) — European and Asian Bosphorus Rural Territory under the Spartocids (Subject Introduction)	88
<i>A. A. Maslennikov</i> (Moscow) — European Bosphorus Rural Territory During Late Hellenistic Period (Statistics and Topography)	105
<i>N. F. Fedoseyev</i> (Kerch) — On Locating Apaturion, Kepoi, and Stratokléa	132
<i>V. L. Strokin</i> (Temryuk) — Pericles and the Bosphoran “Gordian Knot”	140

 THE ANCIENT ORIENT

- M. N. Karanayev* (Nizhnekamsk) — The Driving Force Behind the Pharisees Rebellion against Alexander Jannaeus..... 168
- Yu. Ye. Krasnobayeva* (Moscow) — Sacral Ministry Terminology in Joseph Flavius Works... 181
- G. A. Koshelenko* (Moscow) — The Fate of Buddhism in Merv..... 192

PREHISTORY

- D. L. Brodyansky, A. N. Popov, B. V. Lazin* (Vladivostok), *H. G. Markos* (Guaykil) — Symbolic Artifacts from a New Neolithic Boisman Culture Monument in Boyarin Bay..... 205
- A. R. Laskin, Ye. G. Devlet* (Moscow) — New Petroglyphs on the Ussuri River in Khabarovsk Territory..... 209
- G. N. Garustovich* (Ufa) — The Sacrificial Complexes of Early Iron Age in Bashkir Anteurals..... 216

IN WORLD MUSEUMS

- M. G. Abramzon* (Magnitogorsk), *N. A. Frolova* (Moscow) — Alexander the Great and Alexander-type Tetrachms in the State Historical Museum (Moscow)..... 227

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

- I. V. Buzunova* (St. Petersburg) — British Hellenophiles of the 17th — 20th centuries: from the Count of Arundel, the Collector, to Sir John Boardman, the Historian of Ancient Greek Art..... 261

MODERN HISTORY

- S. V. Olkhovsky* (Moscow) — Principal Tendencies of Ukrainian National Movement in Interwar Poland..... 272

RUSSIAN HISTORY

- A. V. Gotsulenko* (Yekaterinbutg) — Stakhanov's People Protected By Socialist Law (The USSR Law-Enforcement Authorities against Opposition to Stakhonovite Movement).. 280
- G. Ye. Kornilov* (Yekaterinbutg) — Historiographical Approach to Ural-Kuzbass in the Soviet Economic Strategy..... 287
- V. S. Mikhaylov* (Samara) — On the Issue of Standard Legal Acts Implementation by Penitentiary Bodies and Institutions in 1930s — 1960s..... 304

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

- M. F. Danilova* (Garovka) — Service Record as Business Writing Genre in Yenisey Siberia of the First Half of the 17th century..... 314
- A. D. Ivinsky* (Moscow) — V. P. Petrov and "Splendid Carousel" (1766)..... 320

<i>N. A. Timofeyev</i> (Moscow) — A. P. Chekhov's Stories "Neighbors" and "Misfortune" as a Transition to an Active Character's Image.....	328
<i>M. A. Buraya</i> (Vladivostok) — Inner Cycle Poetics in Lyric Works of O. Mandelshtam	333
<i>Ye. O. Shatsky</i> (Moscow) — Post-War Fate of a Soldier in Yury Bondarev's Novel "Nonresistance".....	344
<i>G. G. Kusiarbaeva</i> (Ufa) — The Artistic Originality of a Human Images in the Story of Amir Aminev.....	349

LINGUISTICS

<i>V. N. Mandjieva</i> (Elista) — Kalmyk Names of Livestock Pasture and Facilities	354
<i>A. V. Moiseyenko</i> (Cherepovets) — Linguistic and Ecological Characteristics of Russian and English Idioms.....	357
<i>A. A. Osipova</i> (Magnitogorsk) — Linguistic Representation of the Concept "Fishing" in the Artistic World Image of V. P. Astafyev	363
<i>N. S. Solovyeva</i> (Magnitogorsk) — Socio-Cultural Property Representation in Jokes (based on American and Russian Blond Jokes).....	372
<i>O. V. Draginda</i> (Kiev) — Synaesthesia of the English Romantic Poetry in the Ukrainian Translations	383

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>A. I. Kortunov</i> (Ufa) — Cossack Colonization of Ural-Sakmarskiy Interfluves and Bashkir Eviction from Orenburg Cossack Army Lands in the 1830–1860s.....	391
Index of PIFK 1-4, 2013	406

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2013

Сдано в набор 26.11.2013. Подписано в печать 25.01.2014.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.